

*Моему отцу — который научил меня очень
многому, в частности — думать*

Россия

Россия

Россия

Россия

Россия

в эпоху

в эпоху

в эпоху

в эпоху

в эпоху

в эпоху

в эпоху

в эпоху

в эпоху

постправды

постправды

постправды

постправды

постправды

постправды

постправды

постправды

постправды

Здравый смысл против
информационного шума

Андрей Мовчан

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2019

УДК 32.019.5
ББК 66.2 (2Рос)
М74

Редактор Алиса Черникова

Мовчан А.

М74 Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума / Андрей Мовчан. — М. : Альпина Паблишер, 2019. — 598 с.

ISBN 978-5-9614-2428-7

Мы живем в эпоху постправды, когда техники манипуляций нашим сознанием достигли беспрецедентного уровня. Под видом разнообразных шоу в СМИ политики-маркетологи продают народу войны, терроризм, врагов, угрозы, кровь и грязь, неопределенность и чувство величия одновременно. В пространстве постправды каждый может найти факты, которые подтвердят любую гипотезу и любые представления о мире.

Андрей Мовчан, один из наиболее известных и опытных топ-менеджеров российского финансового рынка, дает трезвую и взвешенную оценку самых важных и резонансных событий в России и мире за последние несколько лет. Его мнение звучит порой жестко и бескомпромиссно, но в этом и есть основной посыл автора — научившись слышать и адекватно оценивать чужое неудобное и порой непонятное мнение, мы сможем пробиться через информационный шум и жить осознанно.

УДК 32.019.5
ББК 66.2 (2Рос)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-9614-2428-7

© Андрей Мовчан, 2019
© ООО «Альпина Паблишер», 2019

Содержание

Предисловие.	
Как это получилось	9
Благодарности.....	13

Часть первая.

Факты и мифы	19
Меркель, мигранты, мы.....	22
Вступление в ЕС?.....	24
Матильда.....	34
Терроризм. Мы и они	41
По законам шоу	52
Ошибка измерения	60
Карго-подражание.....	68

Часть вторая.

Диктатуры и демократии	73
Как ошибается большинство	75
Эффективная диктатура?.....	87
Задача о пяти морских разбойниках.....	95

Часть третья.

Власть и мы	103
Не мы для власти, а власть для нас.....	107
Тень Сталина.....	111
Комментарии на тему Сталина	118
О победителях и мародерах	128
День рождения Горбачева	139

Часть четвертая.

Общество и власть	147
Россия и Запад: кто моральнее?	149
Экономика стаи или идеология зоны?.....	156

Оправдание зла в примитивной группе	163
Хрестоматия насилия.....	170
Закрывать, пока не порно	182
Памятник позору.....	189

Часть пятая.

Национальный вопрос: мы и они

Мы и мигранты.....	195
Почему исламский мир обязан быть лучше, чем Европа 300 лет назад?	199
Хотят ли с русскими войны?	202
Ответ русского еврея русскому русскому	211
Наследство Бабьего Яра.....	216

Часть шестая.

Право и лево

Либералы и патриоты	225
Что будет, если в России к власти опять придут либералы?.....	228
Что делать либеральной оппозиции?.....	231
Безумие возмущения	240
Хорошо, но примитивно	249
ПДД Камбоджи	252

Часть седьмая.

Мир и экономика.....

Между Россией и ЕС.....	262
А был ли Брекзит?	291
Триумф актера.....	301
Кому и зачем нужна война.....	308

Часть восьмая.

Ресурсы и власть

Ресурсы раздора	317
Экономика цветных революций: как снижение сырьевых доходов разрушает диктатуры.....	321
Вопросы и ответы.....	325
Черное зло.....	334

Часть девятая.

Россия и экономика	345
Экономика России — от СССР в XXI век.....	347
TheQuestion: увеличивается или уменьшается зависимость России от нефти?	348
Экономика России в XXI веке	357
В режиме нестрогой изоляции.....	385

Часть десятая.

Мы и война	395
Что станет с Россией после захвата Крыма?.....	399
Санкции — вид сзади	406
Равноправие — где его искать?.....	411
Успех революции?	413

Часть одиннадцатая.

Государство и бизнес	417
Риски — в частном случае.....	420
План 1954.....	424
Забуть про справедливое возмездие.....	428
Валютный грабёж	433
Почему россияне не доверяют бизнесменам?	438
Что мешает России уйти с особого пути?.....	444
Пенсионные системы	450
Пособия на детей.....	460
Почему страхование вкладов — не лучшая идея	466
Памяти российских банков.....	475
Записки безумного экономиста	483

Часть двенадцатая.

Настоящее и будущее	489
Каким будет мир через 100 лет.....	495
Вслед за серыми приходят черные	509
Российское дежавю или латиноамериканское прошлое? ..	514
Время для дискуссий	522
Левый поворот.....	531
Вперед в феодализм.....	539
Приключения русского ковбоя в стране сверхвозможностей	561

Заключение.	
Где и как	569
Трудные вещи, или 19 мифов об успехе	571
Кто останется в России?	578
Ответ молодому ученому	583
Послесловие	593

Предисловие. Как это получилось

Я никогда не думал становиться ни журналистом, ни экономистом (собственно, я ни первым, ни вторым не стал, хотя многие думают иначе). До 1990 года я был уверен, что всю жизнь буду заниматься физикой. Но революция смешала все карты (вернее, смешал их я, уставший жить на 10 долларов в месяц в институте в Подлипках, — как раз в 1992 году «Альфа-Групп» предложила мне аж 500, и думал я недолго). Я занялся финансами, а потом и инвестициями, и вот уже примерно 25 лет каждый день (помимо рутинных вопросов руководства компаниями или банками) решаю один и тот же вопрос: кому можно дать денег, так чтобы они вернулись с прибылью.

Ответственность за деньги (свои и чужие, сейчас я решил, что после 50 надо жить полегче, и управляю «всего» парой сотен миллионов долларов, а лет 10 назад, когда я возглавлял «Ренессанс Управление Инвестициями», их было 7 млрд) делает человека не только циничным, но и вдумчивым. В детстве меня много учили решать нестандартные задачи (и я учился прилежно, так что за постоянно выигрываемые олимпиады учителя прощали мне чудовищное поведение в школе). Выработанный навык искать скрытые закономерности и смыслы, сопоставлять данные, учитывать множественные факторы очень помог мне сориентироваться в пространстве экономики и финансов, а школа математической статистики, которую я прошел на мехмате МГУ (как же часто я потом жалел, что предпочитал пить пиво и играть в преферанс, а не сидеть на лекциях!), дала мне неплохой аппарат для анализа.

Но вдумчивость, цинизм, математический аппарат — это хорошо, но мало. И мне пришлось влезть в экономику как науку, постараться разобраться в механизме сложнейшей системы, состоящей из миллиардов элементов — домохозяйств,

компаний, рынков, инструментов, — системы, в которой большинство элементов надделено свободой воли, но над которой стоят древние незыблемые законы, связанные с самой природой человека. Надо сказать, что очень быстро я начал понимать, насколько фрагментарно и несовершенно современное экономическое знание и как мало можно взять из фундаментальной науки с точки зрения практических рецептов. Кажется, это Марио Варгас Льюса сказал, что экономика — это не наука, а вид литературы: как и художественная литература, экономика выхватывает из жизни изолированные сюжеты и аспекты и описывает их с целью кого-то чему-то научить — но не претендует ни на объективность, ни на универсальность.

Я был готов с этим согласиться — и начать писать про экономику. Тем более это было явно полезно бизнесу — со всех сторон мне говорили, что в России доверие к печатному слову огромное, а тому, чье имя стоит под статьей в приличном издании, всякий готов дать денег в управление.

Наконец я собрался и встретился с тогдашним редактором журнала *Forbes*. Меня как главу крупнейшей управляющей компании Восточной Европы (то была эпоха инвестиционных банков, средней руки банкир летал на частном самолете и чувствовал себя почти президентом — как же смешно все это вспоминать сегодня) в *Forbes* знали и были бы рады моей колонке. «Напишите, во что надо инвестировать, желательно на российском рынке», — предложил за чашкой кофе редактор.

Это было скучно. Статей на эту тему было множество (вернее — каждый уважающий себя брокер регулярно писал такую статью, предлагая инвестировать как раз в то, что очень хотел продать), а мои амбиции требовали создать что-нибудь эпохальное. Я решил, что напишу на тему о ресурсном проклятье, причем не статью, а серию, и начну издаека — с древних цивилизаций. А раз редактор хочет про Россию — будет ему Россия.

Через неделю я отослал редактору статью про работорговлю в Киевской Руси и почему она явилась причиной заката государства. Проработал я ее на совесть — так, как это делали физики еще тогда, когда я учился в университете, — с полным указанием источников, перечнем литературы, специальными

оговорками и отсылками. Но редактор, специально приехавший к нам в офис для разговора, начал с вопроса: «Вы историк?» «Нет, — ответил я, — вообще-то математик». «Ну вот, — сказал мрачно редактор, — мы не можем это печатать. Полстраны обидится, историки назовут это клеветой, нам этого не надо. Вы лучше напишите про инвестиции — про рубль там... Мой вам совет, не думайте, что вы писатель или журналист. У вас есть тема — куда вложить, ее и придерживайтесь. Ничего другого никто читать у вас не будет».

Мои амбиции были оскорблены — я человек тщеславный и самоуверенный (сейчас, правда, намного меньше, чем тогда). Я тут же решил, что обязательно буду писать и добьюсь, чтобы меня читали. Нет, для *Forbes* я, конечно, писал потом скучные колонки про «куда вложить». И даже про рубль, как и хотел редактор, я написал — в сентябре 2013 года: предупредил всех, что в 2016-м он будет стоить 60 к доллару (мало кто внял моим предупреждениям). Но серию про ресурсное проклятье я продолжил; со временем четыре статьи из серии вышли на «Снобе», потом мы в Московском центре Карнеги сделали огромную работу на средства британского парламента и выпустили большой набор статей и аналитики на эту тему; наконец, недавно я подписал контракт на написание книги, в которой будет уже около 30 глав, — о том, как ресурсы разрушали государства с древних времен и до наших дней. Я стал писать на экономические и социальные темы, и, как ни странно, меня стали печатать. Я завел аккаунт в Facebook, стал размещать статьи там — и меня стали читать.

Надо сказать, что я никогда не питал иллюзий относительно новизны того, что пишу. Скорее, в процессе работы у меня сформировалось понимание, что я могу своими статьями помочь публике понять то, что у профессиональных экономистов пишется заумно и скучно, а у профессиональных журналистов — недопустимо поверхностно и неточно. Я постарался занять позицию «между», и, кажется, мне это удалось.

Я также никогда не питал иллюзий относительно полезности моего занятия. Нет, для меня лично оно оказалось очень полезным — доверие клиентов росло с каждой статьей. Но экономика

(это уже мое мнение) схожа с медициной: как и врачи, экономисты говорят на особом языке и делают вид, что все знают; как и в медицине, в экономике в половине случаев диагноз поставить не удастся, а еще в четверти — удастся только при вскрытии; как и врачей, экономистов слушают только тогда, когда есть быстрое и безболезненное решение — «таблетка», и часто экономисты идут на поводу у пациентов и прописывают такие «таблетки» — невзирая на спорность эффекта и побочные действия; настоящие же экономические рецепты сродни советам о здоровом образе жизни — их слушают, морщась, за них даже платят, но потом мало кто им следует.

За последние 10–12 лет я написал несколько сотен статей, постов, комментариев. Они складываются в большой обзор моих представлений о том, как устроен современный мир — мир доминирующей геоэкономики, мир, управляемый с одной стороны мощью рациональной научной мысли, а с другой — человеческой склонностью прятаться за сложным переплетением унаследованных и свежепридуманных мифов, мир, полный благородства и красоты и одновременно — цинизма, варварства и уродства. Мы живем в эпоху так называемой постправды, и мои статьи (несмотря на множество разных тем) — все про постправду и все — попытка борьбы с ней, раскрытия реальности, сути, рационального взгляда на вещи. Эта книга — любезно предоставленный мне издательством шанс выбрать наиболее точно отражающие мое мировоззрение статьи и предложить их читателю: для удовлетворения любопытства и желания узнать что-то новое — или же вступить в полемику.

Благодарности

Эта книга никогда не появилась бы на свет без огромного количества людей.

Ее не было бы без моей любимой жены, которая всегда выступает первым и самым жестким критиком моих безумных идей, а потом поддерживает меня, даже если я не внял ее доводам; моей жены, которая говорила мне, что я должен писать, задолго до того, как я решил начать; моей жены, которая была моим первым редактором, читателем и критиком. Оля — я люблю тебя!

Я не стал бы писать эту книгу, если бы Ирина Гусинская — заместитель главного редактора «Альпины Паблишер» — не сделала за меня половину работы, дав себе труд погрузиться в дебри интернета и собрав первую версию книги из моих статей и постов, разбросанных по закоулкам Всемирной паутины. Спасибо!

Я бы не стал писать, если бы с самого рождения меня не окружали великие (не побоюсь этого слова) и вместе с тем такие близкие люди: моя бабушка Елена Николаевна Верещагина, чья любовь поддерживала меня всю жизнь и чей шкаф с книгами был для меня — часто болевшего в детстве — волшебным окном и в материальный мир, и в пространство идей; мой дед — Иосиф Израилевич Гольденблат, чей непререкаемый авторитет в науке создал для меня вечно недостижимый пример для подражания и чье периодическое «У нас гениальный внук, Лялечка» сделало меня достаточно самоуверенным, чтобы дерзать там, где другие отступали; моя мама Наталья Иосифовна Верещагина — она не только была и остается для меня близким другом, но и сумела научить меня общению с женщиной, подарила мне в детстве право беззаветного ее обожания и затем — вовремя уступила это свое право и мое чувство моей жене, оставшись просто любимой мамой и лучшим товарищем;

мой папа — Андрей Александрович Мовчан, самый сильный и мудрый герой, все мое детство и юность терпеливо учивший меня не только наукам, но и тому, как быть взвешенным и разумным, порядочным в мыслях и действиях, как видеть суть вещей и не поддаваться на провокации собственного мозга (и других органов).

Мне никогда не удалось бы написать эти статьи и посты, если бы не две валькирии Московского центра Карнеги, которых экономический Один послал мне на помощь в тяжелейшем труде поиска данных, выбора источников, построения графиков и диаграмм. Вита Спивак и Юлия Ковалева — вы лучшие! Спасибо, что были со мной целых 3 года!

Многое из написанного никогда не родилось бы, если бы вместе со мной в команде не работали два великолепных управляющих активами: опытный и мудрый Александр Овчинников и восходящая звезда индустрии — Еуджениу Киреу. В разговорах и спорах с ними я черпаю идеи, факты, гипотезы, от них получаю данные. Саша, Женя, спасибо вам огромное за возможность работать в одной команде!

Большая часть моих статей размещена на ресурсе Carnegie.ru, а значит — прочитана, обсуждена, отредактирована в коллективе Московского центра Карнеги. Дмитрий Тренин — большое спасибо за ценнейшие идеи и мысли, точные критические замечания и мудрость, помогавшую мне сфокусироваться; Александр Баунов и Максим Саморуков — безусловно, лучшие редактора в мире; Александр Габуев и Андрей Колесников — лучшие коллеги, с которыми всегда можно обсудить любую тему и, если будешь внимательно слушать, уйти с готовой статьей, в которой не будет ни одного твоего слова; Таня Барабанова, Светлана Туган-Барановская — ваш самоотверженный труд по превращению неказистого черновика в блестящую статью нельзя переоценить. Спасибо всем, с кем мне довелось работать в МЦК и вообще в Фонде Карнеги, — особенно Тому Дево и Эндрю Вайсу, нашим зарубежным коллегам, которые брали на себя труд читать мои опусы, переводить их на английский (с русского или с моего английского) и давать им вторую жизнь — за рубежами России.

Все мы родом из детства. В 7 лет я отправился учиться в первый класс 444-й школы и провел там 10 лет — под присмотром прекрасных и не очень учителей, вместе с замечательными и не очень одноклассниками. Этой выдающейся (на полном серьезе) школе я обязан не только знаниями, но и уверенностью в их необходимости, и жутким снобизмом, который заставлял меня всю жизнь стремиться к большему. У меня были свои детские горести и радости в школе, но и за то и за другое я благодарен по большому счету. Если бы не первая учительница Галина Филипповна, чей крик до сих пор стоит в моих ушах, я бы не научился так бояться сделать плохо или не успеть вовремя; если бы не Яков Самойлович Черняк, лучший в мире, я уверен, учитель математики и просто прекрасный человек, я бы не понял, как это прекрасно — преподавать, передавать знания, учить, я бы не узнал, что преподавание — это прежде всего шоу, спектакль гениального актера, а потом уже — факты и теории, и я не стал бы, наверное, стремиться научить и уж точно не стал бы стремиться к тому, чтобы это было интересным. В моем классе было достаточно прекрасных детей, некоторые влияли на меня, а некоторые были просто друзьями, и не знаю, что важнее. И хотя я, к сожалению, не вынес из своего Хогвартса множества друзей на всю жизнь, моя благодарность пережила нашу дружбу. Мы продолжаем встречаться только с Борей Ермаковым; 40 лет назад Боря был моим спортивным кумиром, а отношение к нему девочек — предметом моей черной зависти. Сейчас Борис Львович — просто мой друг, авторитет в медицине и частый собеседник, с которым можно обсудить волнующие нас проблемы, а по итогам — написать статью, за что ему большое спасибо!

Московский университет, как и Университет Чикаго, был для меня тем, чем университеты и должны быть — глотками свободы, альма-матер, местом встречи с великими. Мне посчастливилось учиться у гигантов — ведущих ученых России и мира, лауреатов Нобелевской премии, людей гениальных и вместе с тем — очень внимательных к нам, молодым, наглым и неблагодарным студентам. Это они научили меня работать и не только — они научили меня придавать большое значение словам и отвечать за слова не меньше, чем за дела. Спасибо им!

За 30 лет в индустрии я поработал бок о бок с десятками замечательных и не очень людей — первые давали мне пример для подражания и помогали учиться и добиваться результатов, вторые — заставляли думать, вызывали яркие чувства и делали меня сильнее. В некоторых я был просто влюблен (как, например, в Рубена Варданяна или Стивена Дженнингса), способностями других в самых разных областях я неизменно восхищался, с кем-то мне было просто приятно работать. Я не возьмусь приводить здесь списки — очень боюсь забыть кого-нибудь. Но каждый может вспомнить для себя — если нам приходилось поработать вместе, будь то Подлипки, «Альфа-Групп», «Гута», «Российский кредит», «Тройка Диалог», «Ренессанс», «Третий Рим» или сегодняшний мой бизнес. Спасибо вам за то, что мы сделали вместе, за сотрудничество, за совместные бизнес-ланчи, корпоративы и тимбилдинги, за болтовню в коридорах, за споры по электронной почте и в переговорных, за подкинутые идеи и разбитые в пух и прах мои предложения!

Собрать книгу статей невозможно без самих статей. А они бы не появились, не будь на свете таких медиа, как «Сноб», *Republic*, *Forbes*, «Ведомости», *The New Times*, «Секрет фирмы», «Новая газета», *TheQuestion*, «Знак», URA.RU, «Фокус», «Фонтанка», «Собеседник», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Дождь», «Эхо Москвы», «Коммерсантъ» (простой и FM) и многих других, а в них — редакторов, разрешивших мне писать для них или в них выступать. Спасибо вам всем сразу и каждому в отдельности за доверие!

Отдельное спасибо хочется сказать моим читателям и зрителям — в Facebook, на страницах сайтов и каналов, в журналах. Ваши вопросы и реплики, комментарии и письма часто давали мне не только темы, но и интересные и важные факты, мысли и инсайты. Вы — полноправные соавторы большинства статей.

Я не могу не поблагодарить российское правительство, Думу, Совет Федерации, лично президента Путина, которые так часто и так много дают мне поводов для удивления, гнева и даже отчаяния — и заставляют писать. Я понимаю,

насколько мала эффективность моих советов (советы вообще малоэффективны) — тем не менее половины моих статей не было бы, если бы вышеупомянутые инстанции и личности чуть больше знали, чуть больше думали о стране и ее гражданах и имели чуть больше совести. И о чем бы тогда я писал?

Наконец, я хочу поблагодарить своих дочерей (сын еще маловат для того, чтобы читать такую книгу, я очень люблю его, но его время еще не пришло) — за то, что они меня понимают, разделяют мои убеждения, а их общественной позицией я могу только гордиться. Они сейчас активно строят свою жизнь — так, как, на мой взгляд, и должно строить свою жизнь сегодняшнее поколение молодых, рожденное в России: они получают великолепное образование в лучших институтах планеты, встраиваются в научный и деловой мир развитых стран, стремятся создавать значимые ценности для всего человечества и при этом отстаивать свои права и достойно обеспечивать свои желания и потребности. К моему великому сожалению, я все больше убеждаюсь, что если у России как культурной и социальной общности и есть будущее, то оно будет построено и защищено не теми, кто будет проживать на ее территории: решающую роль в его построении сыграют те, кто, покинув страну и добившись успеха за рубежом, будет готов вернуться тогда, когда обстоятельства дадут ему возможность применить себя здесь с пользой для страны, на языке которой он думает, для всего человечества. В каком-то смысле я хочу поблагодарить всех сверстников моих детей, которые выберут не приспособление под сегодняшние условия российского общества, не конъюнктуру или навязанные формы подросткового протеста, а независимое, свободное и достойное поведение, трудное дело самостоятельного мышления и непопулярный нынче в России взгляд не в лубочно-мифическое прошлое (вне зависимости от его упаковки), а в желаемое и ожидаемое будущее этого мира — будущее, формируемое наукой, культурой и бизнесом, а не идеологией, пропагандой и политикой; будущее, в котором нет границ, но есть индивидуальность; будущее, в котором меритократический подход уживается с гуманистическими ценностями. Движение человечества вперед — это

очень длинная и подчас крутая лестница, ступенями которой становятся действия каждого из нас, направленные на создание ценности, на развитие. Нам редко удастся увидеть результаты этих действий, но надо помнить, что в лестнице все ступени равно важны: и последние, и первые, и маленькие, и большие. Я желаю вам строить эти ступени. Я надеюсь, что мои статьи и выступления, моя работа тоже делают эту лестницу чуть прочнее и чуть удобнее.

Часть
первая

ФАКТЫ И МИФЫ

МЕРКЕЛЬ, МИГРАНТЫ, МЫ
ВСТУПЛЕНИЕ В ЕС?

МАТИЛЬДА

ТЕРРОРИЗМ. МЫ И ОНИ

ПО ЗАКОНАМ ШОУ

ОШИБКА ИЗМЕРЕНИЯ

КАРГО-ПОДРАЖАНИЕ

Одним из побочных, но крайне важных следствий создания современной системы информационного обмена, включающей в себя и централизованные (как СМИ), и распределенные (как социальные сети) источники информации, является необычайное даже для недалекого прошлого развитие манипулятивных техник информирования, которое в купе со ставшим уже привычным фактом постоянного вброса дезинформации получило название «постправда». В пространстве постправды каждый может найти себе совокупность «фактов» и «гипотез», полностью отвечающую его желаниям и объясняющую все без исключения процессы, идущие во вселенной. Сообщества потребителей разных фактологом и парадигм пересекаются слабо, а когда эти пересечения происходят, возникают не дискуссии, а конфликты — ведь стороны не сходятся не в интерпретациях, которые можно обсудить, а в наборах фактов, что для каждой из сторон доказывает лживость оппонента. Основной проблемой в этой ситуации, таким образом, будет тонкость границы между миром объективным (который в идеале должен быть одинаковым для восприятия всеми, но в мире постправды наборы «фактов» про объективный мир у разных потребителей различаются) и миром субъективным, миром убеждений и предпочтений, который у разных страт населения, наций, социальных групп и индивидуумов может естественным образом значительно отличаться. Второй (субъективный) мир диктует предпочтения в восприятии мира первого, заставляя разных людей все дальше расходиться в своей постправде и воспринимать оппонентов не как отличных от них индивидуумов, а как врагов, к своей выгоде искажающих их стройную картину мира.

Но объективность мира вокруг тем не менее ограничивает варианты развития событий — несмотря ни на чьи предпочтения, законы природы выполняются как в физическом, так и в социальном мире. Поэтому те, кто не сумел пробиться через хитросплетения мифов об объективном мире и принял сказки постправды за реальность, всегда обречены с удивлением взирать на тотальное расхождение результатов

эволюции окружающего мира с их ожиданиями. Они будут вечно проигрывать, ведь они не только не могут правильно оценить свои силы и приложить усилия — зачастую они не понимают, в какую игру, с кем и даже где играют.

Умение отбросить псевдофакты и псевдотеории, разобраться в реальности требует неукоснительного соблюдения научного подхода, преодоления психологических ловушек (о которых написано так много, что я не буду здесь даже давать их список) и отказа от индоктринации как формы дискуссии. Прежде чем говорить о мире вокруг, надо условиться о вышесказанном — иначе разговор станет всего лишь еще одним пропагандистским демаршем. Поэтому эта книга начинается с моих заметок о фактах, гипотезах и их правильном восприятии. Вот, в частности, мой пост в Facebook за февраль 2016 года, по следам звонка корреспондента Business FM, который демонстрировал все классические признаки конструктора постправды.

Меркель, мигранты, мы

Звонит корреспондент Business FM. «Пожалуйста, дайте свой комментарий вот по какому поводу: в последнее время крайне усилилась критика Ангелы Меркель по вопросу политики в отношении мигрантов. Все недовольны ее политикой, и вполне возможно, что она даже потеряет власть. Как, по-вашему, Германия будет переживать этот кризис? Как смена власти отразится на ведущей роли Германии в ЕС, сможет ли она не потерять ее? Как переживет это ЕС, которым Меркель руководила столько лет?»

Это Business FM, а не «Известия» или КП. Хотя данные о «крайнем усилении критики», конечно, почерпнуты из КП или «Известий» — где еще их можно было прочитать?

Те, кто, как я, постоянно имеет дело с европейской политикой как она есть, продолжают понимать скучные очевидные истины:

1. Критика власти в Европе — хороший тон, она всегда присутствует и всегда — жесткая.
2. Реальная критика Меркель сегодня, пожалуй, даже существенно ниже, чем нормальный уровень для Европы.
3. Проблема мигрантов, конечно, обсуждается, но в Европе сегодня (за исключением русских гетто) это проблема №5 в лучшем случае — им есть о чем поговорить и что покритиковать.
4. Сменяемость власти в Европе — неотъемлемая часть жизни. Она не только не несет рисков, но и является залогом здоровья политической жизни. Меркель передаст власть? Может быть. Ничего плохого от этого не случится!
5. Меркель не руководит ЕС. У ЕС есть свое отдельное руководство, сидит в Брюсселе. Мнение Германии, конечно, важно — но не важнее мнения Франции, Великобритании, Италии, Австрии и других стран. Даже от мнения Греции ЕС периодически «трясет».

Но каждый житель России уже много лет подвергается внушению, что:

1. Критика власти — это редкое и опасное явление.
2. Если власть критикуют — значит, не за горами революция, кризис, беда.
3. Критика — признак слабости власти, ее неспособности себя защитить.
4. Смена власти — всегда угроза, это неестественно, это плохо, это ведет к потере позиции страны на международной арене и к беспорядкам внутри.
5. В союзах руководят не законы, не избранные органы, а правитель самого сильного участника союза. И вообще любой союз — это один сильный игрок и его прилипалы. А сильный игрок — это сильный царь. Свергнут царя — сила кончится — разбегутся прилипалы.

Пропаганда этих псевдофактов, очевидно, нужна автократической российской власти для самозащиты от общества. А вот обществу она вредна. И тем не менее верящих в нее достаточно.

Тема воздействия на общественное сознание вообще очень интересна. В частности, мы знаем, что постоянное повторение даже заведомого абсурда вызывает у слушающих неосознаваемый рост доверия: эксперименты показывают, что многократным повторением фразы «Земля плоская» в течение нескольких дней можно повысить субъективную оценку вероятности такого факта у широкой группы участников психологического эксперимента с о аж до 10%. В частности, мы знаем, что мнение большинства обладает еще большим влиянием — так, оценка правдивости фразы «На Марсе была жизнь» в эксперименте в Чикаго у широкой группы в среднем составляла 55%, а фразы «На Марсе была жизнь» с добавлением «Это подтверждают крупнейшие ученые» — 78%; оценка правдивости факта «Акулы представляют угрозу при купании в море» составляла 32%, а в сочетании с фразой «Более 90% жителей побережья выражают озабоченность опасностью, исходящей от акул» — 81%. Еще интереснее

воздействие этих факторов на изначально негативно настроенных испытуемых. Комбинация многократного повторения фразы «Бога нет» афроамериканцем вместе с представлением ненастоящих статей (испытуемые видели только заголовки), озаглавленных «Последнее научное открытие убедительно доказывает отсутствие Бога» и «С каждым годом на Земле становится на 10% меньше верующих», как показал эксперимент, изменяет ответ на вопрос «Какова вероятность наличия Бога?» в группе белых, изначально высказавших свое отрицательное отношение к другим расам, со 100% (так отбиралась группа) в среднем до 90%, причем разброс составляет от 50 до 100%.

Как видим, в точном соответствии с законами психологии зомбирование влияет даже на скептиков. Поддаваться ему — печальная правда природы человека. Быть частью процесса зомбирования — непростительный поступок для любого журналиста. Этого бы не происходило, если бы журналисты помнили простые правила гигиены своей профессии:

1. Не основывать свои вопросы на суждениях, но только — на фактах.
2. Не предлагать интервьюируемому ответы под видом вопроса.
3. Оставить все интерпретации интервьюируемому и требовать от него фактологических подтверждений всех его интерпретаций.

Глядишь, и у общества выработался бы иммунитет.

Вступление в ЕС?

Постправда проникает в головы, пользуясь тем, что называется аберрациями сознания. Никто не застрахован ни от них, ни от эффекта ложной альтернативы, ни от черно-белого мышления. Об этом, по следам моего выступления в «Сколково», я писал пост в Facebook и, получив множество комментариев, превратил его в «двойной пост» на «Эхе Москвы» (1 февраля 2017 года). Но все же разговор о конкретном предмете (Россия и ЕС) для книги

мне кажется мало. Поэтому я хотел бы предварить эту статью рассуждением на тему, как работает абберрация, из каких заблуждений она складывается и что из этого получается.

Первая и самая главная проблема тех, кто пытается составить свое мнение о предмете (будь то эффективность метода, перспективы инвестиции, будущее страны или собственная персона), это огромный багаж знаний, навыков и представлений, полученных в прошлом — от родителей, учителей, друзей, руководства, телевизора. Со временем и от повторения (у кого-то раньше, у кого-то позже) эти знания костенеют, образуют жесткий каркас, который определяет быструю реакцию на внешнюю информацию.

И тут возникает вторая проблема — скорости суждения. Сколько времени готов потратить средний человек на изучение предмета, прежде чем вынести суждение? Несколько минут? Часто — еще меньше: мы все живем в дефиците времени. Каким образом человек будет подбирать факты? Используя первый попавшийся или наиболее приятный источник либо приняв за истину «факты», предложенные собеседником, — без проверки. Что он сделает с не вписывающимися в общую картину деталями? Проигнорирует как малозначимые. Как вынесет суждение? Примерив полученную информацию к старым шаблонам и выбрав наиболее подходящий.

Дело обстоит еще хуже: наиболее подходящим в этом случае окажется, скорее всего, шаблон, в большей степени соответствующий выгоде человека (как он ее понимает). Это проблема ангажированности. Позже всех в электричество поверили газовые компании (а в сланцевую нефть — руководители Роснефти). Поскольку «старое» всегда имеет значительное количество бенефициаров (иначе оно бы в свое время не закрепилось в мире), любое «новое» обречено на недоверие со стороны множества влиятельных и успешных людей и организаций. Поскольку статус-кво выгоден власти, власть всегда будет против изменений — совершенно искренне полагая, что они вредны.

Возможно, если бы мы были буддистами, то легче бы справлялись со всеми перечисленными проблемами восприятия — достаточно было бы внимательно и вдумчиво наблюдать за событиями и подмечать не вписывающиеся в шаблон детали. Но тут нас подводит склонность к интерпретации вместо наблюдения (еще это

называется ложной дедукцией). Быстро решив, что нам не нравится высказанное суждение, мы начинаем анализировать не его, а причины, по которым оно высказано. За Путина — дурак или мерзавец, против Путина — агент ЦРУ или на содержании у Госдепа. Не согласен с автором — тролль, согласен — они заодно или ему проплатили. Интерпретация освобождает от дискомфорта разочарования в собственном мнении — а все, что ведет к комфорту, ценится чрезвычайно высоко.

Наконец, и это в большей степени касается, конечно, прогнозов и предсказаний, людям свойственно осмысливать те или иные гипотезы и факты в контексте статичного мироздания: даже если эти гипотезы относятся к будущему, даже если факты меняют всю картину мира. Статичность мировосприятия — естественное следствие редкости революционных изменений. Меж тем мир иногда меняется целиком и постоянно — частями, и каждое изменение влияет на множество смежных аспектов. «Зачем России вступать в ЕС? У нас нефть и газ!» — взгляд, игнорирующий простой факт: запасы нефти и газа, как и потребность в них, — не навсегда. «Аннексируем Крым — Украина слаба и ничего не сможет сделать» — суждение, игнорирующее сложность мировой политики, в которой помимо Украины есть еще крупные блоки со своими интересами, и их реакция может быть (как и оказалось в реальности) крайне болезненной для нас. «Никто никогда не будет читать электронные книги — ведь самый легкий ноутбук весит около 3 килограммов и требует постоянной зарядки» — типичное рассуждение экспертов начала 1990-х годов, совершенно верное, если забыть, что ноутбуки с тех пор стали легче в 3 раза и появились планшеты. Общее правило изобретательства гласит: «Будущие решения должны решать будущие проблемы», но то же применимо и к любому суждению: прогноз должен учитывать все изменения, стратегия — все варианты развития событий, гипотеза — все альтернативные возможности.

Дэниел Джеффрис пишет: «Это типичный мозг ящерицы, работающий эвристически, совершенно не способный на понимание чего-то нового или инновационного. Он хорош только для атаки, защиты, поиска еды и убежища — и избегания скуки. Это — машина выживания. К сожалению, многие люди живут почти всю свою жизнь таким образом, и их мнения стоят ровно ноль...» Несмотря

на этот гневный пафос, фантаст, в сущности, точно описывает то, что свойственно многим людям в 100% случаев, но каждому из нас — хотя бы иногда.

Вот об этом и рассуждения в статье, и выдержки из комментариев в Facebook к моему посту.

Читаю лекцию студентам (все умные, образованные, экономисты знают, по-английски говорят прекрасно), в качестве лирики говорю: «Я удивлюсь, если в течение 20–25 лет Россия не присоединится к Евросоюзу, пусть даже на особых условиях. И не только удивлюсь — расстроюсь, потому что не вижу этому альтернативы с точки зрения развития российской экономики». (Тут, конечно, можно спорить вечно, у меня свои аргументы есть, и их много, пост не об этом.)

Вопрос от милой девушки из зала: «Вы полагаете, что Россия пойдет на вступление в Евросоюз, несмотря на то, что членство в нем существенно затруднит поддержание Россией ее лидирующих позиций в мире?»

2% населения. 1,7% мирового ВВП. В 7-й десятке стран по ВВП на человека. Темпы роста за 15 лет — на 20% ниже среднемировых, за 5 лет — в 2 раза ниже. Средняя зарплата — в 5-м десятке стран. Индекс цитируемости — в районе Египта. Лучший вуз — за пределами сотни. Военный бюджет — уровень с Саудовской Аравией. Доля своей валюты в мировом обороте — 0,2%. Доля в мировой торговле — 1%.

Кроме как любовью это ничем не объяснить. А еще говорят, «преодоление проблемы начинается с ее осознания».

Это я описал маленький диалог со студенткой, которая верит, что Россия «занимает лидирующие позиции». Разговор, как вы поняли, касался темы — войдет ли Россия в ЕС со временем. Вопрос это очень сложный, ответа на него нет, даже вопрос — «надо или не надо» — тоже очень сложный (я думаю — надо, но кто я такой?).

У поста 6000 лайков и море комментариев. В каком-то смысле это срез фейсбучного общества, в каком-то даже — нашего российского общества в целом. Есть разумные комментарии. Но в большинстве своем они делятся на:

1. Тупые студенты, дебилы с промытыми мозгами! Россия — отстой! Пусть скрепами подавятся, боярышником запьют!
2. Автор — дебил! Россия — великая, нехрен нам втирать про мелочи, наше величие не в дурацкой экономике, а в ядерных ракетах, вон, ВВП Орды вообще был ноль! (Вариант: вы-все-врете, мы по ППС-шмэпээс круче всех, я сам читал у Глазьева.)
3. Россия не вступит в ЕС! Они там крутые, а мы тут в России (вариант — вы там в России) уроды и у***!
4. Россия не вступит в ЕС! ЕС скоро развалится, а за Россией будущее, мы их всех завоюем!

А вот и комментарии — они интереснее самой статьи. Их пишут люди. Пишут всерьез, даже не понимая, что стали жертвами ровно тех абберраций, о которых я не устаю говорить

«Я бы таких м***, как наш уважаемый автор, близко к системе образования не подпускал. Засирают мозги детям, сами ничего не создав в этой жизни. Какова твоя доля в ВВП, гуру недоделанный?»

«Кому не нравится — вон из страны. Только не забудьте возместить расходы за бесплатное образование и здравоохранение».

«Автор завуалированно склоняет молодежь к вступлению в “Исламское государство” (запрещено в России). С такими педагогами должна работать ФСБ!»

«Очень наивное представление, Андрей! Хотя все, что вы написали, правда. Среднестатистический житель России или Украины заведомо образованнее жителя ЕС или США. И преодолеть отставание можно за 3–4 года. Для этого достаточно отказаться от рыночной экономики в пользу блокчейн-экономики и от первого отдела. Советские инвестиции в образование можно окупить очень быстро».

«А если по Савельеву, мозг европейца процентов на 20 меньше нашего — то присоединяться не к чему. Как ни странно,

Россия — страна идеи, мечты. А что может предложить Европа — вступайте, будет пиво дешевое? Стругацкие Европу описывали как “занюханную, в которой... с утра на завод, а вечером под одеяло к постылой бабе, новых рабов делать”. Печально, что такая Европа к нам уже пришла: ребенка не воспитывай, за себя не заступись — посадят, п***, черные и так далее. Выгнать бы ее».

«2% надрали задницу всему Евросоюзу в 1945-м, позабыли?»

«Не нужны России эти европейские “ценности”, недолго осталось жить Евросоюзу: крысы (английские) уже бегут с “Титаника” (ЕС). Вы предлагаете нам пересечь из крепкой шлюпки в этот пафосный “Титаник”? А с обогревом за нас не переживайте, пусть переживают на “Титанике”, газ по волнам Украины может перестать поступать. У России, говорите, нет технологий? Это вы о чем? Едой себя обеспечиваем, энергией тоже, так чего нам не хватает? Позвольте не комментировать ваши прогнозы на 20 лет, вместе посмеемся, если выживет планета. Пусть европейцы задумаются и о нашем мнении, мы-то без них проживем, а вот они без нас померзнут (бензоколонка, помните?)».

«Я “боюсь” увеличить общий уровень маргинальности по автору. Но... На дебиловатый вопрос либерального толка — НОРМАЛЬНЫЕ Ответы наших Людей. ЗА РОССИЕЙ Будущее! Я не скажу, что всего Мира. Но это будет Локомотив, до которого ЕС в своем нынешнем виде, может быть, уже НЕ доживет! Это если кратко. Пост пропитан антисовковостью и философией “Эха Москвы”. Помалкивал бы, “утопист”. А он еще опросы шлепает!»

«Есть и еще одна деталь: вступая в ЕС, в России сразу появится много гей-парадов и мы забудем нашу планетарную миссию — сохранить Сибирь как новую колыбель человечества после ядерной войны...»

То, что авторы комментариев зачастую безграмотны (путают индекс цитируемости с частотой упоминания в газетах, пытаются сравнивать страны через ВВП по ППС, не умеют оперировать размерностями), — плохо, но поправимо, можно учить. То, что некоторые настолько ленивы, что не удосуживаются

заглянуть в мой профайл и называют меня «нищим профессором», «неудачником» и «кормящимся грантами» (лишь кто-то один догадался и обвинил меня в том, что я «сколотил капитал в России», — по его мнению, это преступление) — еще хуже, но, может быть, в наших школах наконец-то введут курсы критического мышления, и это тоже исправится со временем.

Ужаснее всего — всеобщая маргинализация. Скажите мне: что, по-вашему, в этом мире вообще нет никакой позиции, кроме «лидер» и «отстой»? Вас всех что — сильно били в детстве, что вы так боитесь промежуточной позиции? Вам не приходит в голову, что Россия — просто страна, не последняя в очереди, но и далеко не первая, не из худших, но и далеко не лучшая по самым разным параметрам?

1,7% мирового ВВП — это совсем не лидерство, но это вполне значимый размер. По любому параметру (от ВВП до продолжительности жизни, от доли своей валюты в расчетах в мире до уровня доходов домохозяйств, от продолжительности жизни до качества медицинской диагностики) всегда есть повод подумать, как достичь улучшения, но нет повода ни быковать, ни паниковать. 95% (или 99%?) людей и государств не являются лидерами, процентов 70 — не аутсайдеры, и эти 65% великолепно живут. А в странах типа Швейцарии, Канады или Австралии, которым в голову не приходит претендовать на мировое лидерство, люди живут на порядок счастливее, чем в России или США. Рискну предположить, что жизнь в стране-лидере вообще не так уж приятна, а само лидерство — переменчиво и, как правило, стоит стране много крови.

Вдобавок страны вообще — понятие искусственное, порожденное страхом перед «чужими». Есть люди, условно объединенные в страны — всегда на время и всегда не слишком жестко (кто не верит — проверьте на истории России за 100 лет). Забудьте на секунду о гербе, гимне, флаге, воровских амбициях правителей и параноиков — и перед вами встанут просто миллионы людей (мужчин, женщин, детей), говорящих на разных языках, чтущих разные традиции, но более никак не отличимых (даже — и особенно — в своем несовершенстве). Эти люди (кроме кучки безумцев) хотят

безопасности, обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне, возможности доверять и заслуживать доверие, получать удовольствия, творить и любить.

Кому же нужна Россия — пресловутый «лидер» и в чем именно? Что нам с этим лидерством делать? Как мы лидерством накормим, обогреем, вылечим, сделаем счастливыми? Идея «лидерства» России — как геоцентрическая система — только отравляет мозги и сбивает с правильного пути. Искатели величия, какую цену вы требуете заплатить за фетиш, за расчесывание собственных амбиций, за ваше неприкосновенное право верить куплетам воинственных песнопений, криво скроенных из $2 + 2 = 5$? Еще смертей сирот? Еще смертей солдат? Еще смертей больных из-за развала медицины? Еще больше воровства? Еще больше бытовых преступлений? Еще больше пыток в тюрьмах?

Настоящими лидерами становятся тогда, когда, критически относясь к себе, работают над своим улучшением: делают богаче людей, увеличивают продолжительность жизни, развивают культуру и науку. Вы считаете, мы в этом преуспели?

Но что еще противнее и гаже — это как бы подпевающий моему посту полив России грязью. Кем надо быть, чтобы иметь желание видеть Россию сборищем нищих придурков? Что должно быть в душе человека, с упоением осыпающего бранью людей и страну (вне зависимости от ее названия), даже если он в этой стране не живет? Как убогость вокруг себя (или на границе с тобой) поможет тебе быть лучше?

Мне одинаково противны и те и другие, вы уж простите. Люди в России ничем не хуже и не лучше людей в других странах — они заслуживают уважения и критики, как и все. Именно заслуживают критики — без критики невозможно объективно оценивать ситуацию, а значит, и развиваться. Но без уважения нельзя критиковать, это бесполезно и уж точно непорядочно. Отказывать людям в уважении, равно как отказывать в критике, — значит равно ни в грош их не ставить, считать объектом, средством, предметом манипуляции, но не людьми. Бояться уважения (или путать его со страхом), как и бояться критики (или путать ее с агрессией), — признак большой психической проблемы.

Мне (да и России по большому счету) не интересны ни те ни другие. И теми и другими движет банальный и постыдный страх — одни боятся и ненавидят людей вокруг, другие — людей за границей, и те и другие живут примитивным мышлением, затравленные собственными аберрациями сознания. Кликуш, как и ура-патриотов, всегда смывает волнами времени, не оставляя на песке истории даже мокрого места. Меня интересуют те самые студенты, которым я читал лекцию. Они умные (поверьте, я получил много вопросов, некоторые были на уровне выше профессорского), любознательные (слушают, спрашивают, думают), равнодушные (иначе чего бы им сидеть в России — у них у всех родители очень небедны), подчас резкие («А с чего вы взяли вот это?»), иногда наивные («ЦБ активно поддерживает низкую инфляцию». — «Чем?» — «Пресс-релизами...»), еще с детской картиной мира («Нельзя бедных в среднем считать. В Швейцарии они намного беднее, чем в Африке, — в Швейцарии на ваши 3 доллара в день вообще не прожить!»), конечно, не без влияния пропаганды. Но они — думают, интересуются и переживают, а не голосят и не проклинаят. Именно им выпадает шанс превратить Россию из лидера по горлопанству и ненависти в нормальную страну, где людям хорошо жить. Поэтому — пусть спрашивают.

А что касается Евросоюза — вот нам бы их проблемы! Демократия, безусловно, худшая форма правления — если не считать все остальные. Их рост ВВП в 2016 году — 1,6%, на человека это (безобразие!) немного больше 500 долларов в год (то есть больше, чем в Китае, у нас-то все еще минус 100, а в лучшие 2000-е было аж до 250). И еще у них ужасные кредиты — 80% ВВП! При стоимости обслуживания аж 4% ВВП или около 10% бюджета! Россия при мизерном долге тратит на обслуживание госдолга 1% ВВП или около 3% консолидированного бюджета. Вы думаете, 3% бюджета или 10% бюджета — это огромная разница? Я думаю — нет.

Да, ЕС — это куча проблем. Мы их отлично видим, потому что в ЕС не принято их скрывать, наоборот, о них кричат все кому не лень. Будут ли они решены? Думаю, постепенно будут — европейцы научились ошибаться и исправлять ошибки.

Попробуйте просто проехать по Европе и посмотреть на нее — вы увидите, особенно если знаете историю, какой фантастический прогресс и какие перспективы заложены в Европейском союзе. Да, свобода подразумевает и хитрость, и строптивость, и потому есть в ЕС и Греция, и Великобритания (первая, правда, составляет в ЕС примерно столько же, сколько Россия в мире, а вторая ведет себя как кот — требовала, чтобы открыли дверь, а когда ее открыли, уселась и никуда не собирается). И да, там бюрократия, высоченные налоги (в Германии — почти такие же высокие, как в России), надвигающаяся демографическая яма и так далее.

Но Россия вывозит в ЕС 85% всего своего экспорта. И получает более 80% критически важного оборудования. А для ЕС Россия — всего лишь поставщик 12% импортных товаров. А еще — мы невероятно синергетичны: ЕС не хватает ресурсов, но есть технологии. России не хватает технологий, но есть ресурсы. ЕС — бюрократия с низкими рисками и идеальным аппаратом правоприменения, Россия — страна слабого права, но зато с высоким творческим, производственным и потребительским потенциалом. А еще и мы, и они — европейцы (пусть мы отстали на полвека в ментальности); пропорции религий в России и ЕС очень похожи; даже генетически оба «русских» типа (и так называемый северный, и южный) близки к соответствующим среднеевропейским группам (даже больше, чем друг к другу).

Присоединяться нам все равно придется — будущее за мега-блоками. НАФТА — более 20 трлн долларов ВВП (забудьте Трампа, его через 20 лет и не вспомнят); ЕС + Швейцария + Норвегия + ДСФТА + Турция — более 19 трлн; Китай + Япония + Корея + сателлиты (недолго им вести торговые войны, уж поверьте) — еще 17 трлн. Даже Индия с арабскими странами и частью Африки потянет на 4 трлн, хотя сложно им будет сопротивляться растяжению крупных блоков. И как мы со своими 1,3 трлн, замешенными на нефти и газе, будем гордо стоять в одиночестве? А главное — зачем? Чтобы с нашего экспорта все брали ввозные пошлины и потому он был невыгоден покупателям? Чтобы мы не были в состоянии привлекать технологии

и производства? Чтобы наши специалисты не могли свободно обмениваться опытом и набирать знания? Чтобы наша продукция не соответствовала стандартам?

Глупость — видеть в членстве в ЕС потерю независимости или угрозу целостности страны. Члены ЕС сохраняют свои армии (часть из них — члены НАТО, часть — нет) и свои правительства. Великобритания прекрасно сохранила свою валюту (что, на мой взгляд, очень правильно и для России). Недра остаются в полной собственности государства. Члены ЕС получают беспошлинную торговлю, единые стандарты, примат общеевропейского суда и основных законов, резко снижающий риски ведения бизнеса, наконец, единые квалификационные требования. Все это крайне нужно людям в России, но, конечно, не тем, для кого суверенитет означает только одно — возможность воровать у своей страны и вывозить наворованное в тот же ЕС или сопредельные государства.

Есть и еще одна деталь: вступая в ЕС, Россия сможет стать активнейшим участником строительства этого союза. Множество решений страны-члены принимают в консенсусе. И у России есть что добавить к дискуссии и за что выступать. Если нам что и не нравится в ЕС сейчас — ну что ж, можно будет поправить. Тем более что не только русские всегда относились к европейцам с почитанием и благоговением, но и сами европейцы всегда восхищались «загадочной русской душой» и способностями русских побеждать в самых безнадежных ситуациях.

Давайте попробуем если не вступать в ЕС, то хотя бы не портить мнение европейцев о русских.

Матильда

Ложная повестка — один из излюбленных приемов генераторов постправды. Суть его в том, чтобы заставить слушателя спорить о совершенно второстепенном вопросе, в то время как рассказчик будет исподволь убеждать его в своей правоте по вопросам действительно важным. В советское время идею ложной повестки хорошо выражал всем известный анекдот про зеленую кремлевскую стену. Суть его

сводилась к тому, что, когда Брежнев вызвал дух Сталина посоветоваться, тот дал три совета: расстрелять всех членов Политбюро, сослать в Сибирь в лагерь всех инженеров и перекрасить Кремль в зеленый цвет. Когда же Леонид Ильич удивленно переспросил: «Зачем же в зеленый?», Сталин ответил: «Ну, хорошо, что по первым двум пунктам возражений нет».

Если вы читаете эту книгу сильно позже 2017 года, то вряд ли помните историю с фильмом «Матильда» — проходной картиной, в несколько лубочном стиле показывавшей историю романа императора Николая II с Матильдой Кшесинской. Вокруг показа фильма развернулась настоящая борьба — нашлось немало оголтелых охранителей, требовавших запрета «пасквиля, порочащего святого императора всероссийского». Дискуссия о том, действительно ли Николай имел балерину-любовницу (спойлер — действительно имел, исторический факт) и допустимо ли об этом говорить, стала частью российского шопито (про дискурс шоу — моя статья чуть дальше) и волшебным образом закрыла вопрос о личности самого Николая II, критика которого была крайне неприятна власти в России — уж слишком много возникало в 2017 году параллелей с началом XX века. Несколько слов об этом я написал в Facebook в сентябре 2017-го.

Ложная повестка (false agenda) — коммуникативный прием, один из лучших способов заставить собеседника отвлечься от важной темы и невольно принять твою позицию по ней; это аналог ложной атаки У-цзы, метод, хорошо разработанный и часто применяемый в политических манипуляциях общественным мнением. Если бы студенты спросили меня, как объяснить, что такое ложная повестка, я бы ответил так.

Представьте себе, что некий человек, облеченный абсолютной властью и ответственностью за страну, которая только-только выросла до возможности создания нового общественного устройства и экономического уклада и всерьез готова конкурировать (в хорошем смысле) с ведущими странами мира:

- Начал правление с того, что даже не отменил дальнейших торжеств после гибели 1500 людей на церемонии своего назначения.

- Ввязался в бессмысленную кровавую войну на востоке с противником, который ожидаемо оказался намного сильнее, что привело к большим жертвам, позорному поражению и экономическому кризису.
- Позволил расстрелять мирную демонстрацию, что было началом двухлетних беспорядков, которые, впрочем, так же жестоко подавлялись.
- Провалил все попытки реформ, сведя их к декоративным действиям; собрал и разогнал несколько созывов представительного органа власти, дискредитировал идею и восстановив против себя всех без исключения умеренных оппозиционеров и сторонников европейского пути развития.
- Развил и укрепил репрессивные органы, которые оказались не в состоянии справиться с реальными угрозами режиму, зато восстановили против этого режима широкие слои среднего класса и пролетариата и в конечном итоге стали играть свою игру, уничтожая даже высших чиновников и заигрывая с самыми опасными элементами.
- В течение долгого времени принимал решения под влиянием полуграмотного знахаря, откровенно обогащавшегося и продвигавшего своих протеже, чье вызывающее и развратное поведение стало притчей во языцех и привело к полной дискредитации морального образа режима, сделало страну посмешищем.
- Допустил значительный рост коррупции, при этом сохранив местничество, раздачу должностей на основании семейных связей и протекции.
- Ничего не сделал с хроническим голодом в стране (8 млн жертв только за 10 лет, до 30 млн человек на грани смерти), продолжая вывозить за рубеж более 30% производимого зерна, а выручку используя на финансирование роскоши двора, обогащение приближенных и вооружение (как оказалось — бессмысленное).

- Ничего не сделал для улучшения предпринимательского климата, в результате чего достаточно высокие темпы роста экономики реализовались практически исключительно за счет добычи природных ресурсов и создания транспортной логистики для их перевозки.
- Поддержал антисемитизм в качестве государственной политики, в том числе в виде дальнейшего сужения черты оседлости, сокращения квот на обучение. Закрыв глаза на (или поддерживал?) массовые погромы, происходившие при участии армии и полиции, фактически толкнув тысячи молодых евреев в революционное движение. Всячески потворствовал развитию радикальных православных групп и распространению идеологии черной сотни.
- Принял катастрофическое для страны решение ввязаться в мировую войну, неучастие в которой было уникальным шансом страны на опережающее развитие. Взял на себя командование и руководил военными действиями так, что страна терпела поражение за поражением от противника, имевшего намного меньше ресурсов и воевавшего на два фронта.
- Своим отказом слышать и видеть проблемы и что-либо менять довел свой рейтинг в стране до близкого к нулю уровня, допустил деклассирование большей доли населения, фактически полностью потерял управление страной, в которой уже бесчинствовали вооруженные дезертиры и радикалы всех мастей.
- Наконец, отдал власть не под напором неприятеля или разъяренной толпы, а под давлением, казалось, всей страны, включая ближайших советников и высших чиновников, которые все без исключения видели и писали о бездарности его руководства страной и вреде, наносимом ей таким руководителем. Но сделал это катастрофически поздно, в результате чего в череде переворотов в стране к власти пришли левые радикалы, утопившие страну в терроре, одной из жертв которого он скоро стал и сам, вместе со своей семьей.

Представили такого человека? А теперь представьте, что вам усиленно предлагают поддаться на тему, была ли у этого человека в 25 лет (еще до брака) любовная связь с балериной — или это грязные слухи.

Надеюсь, студенты бы поняли.

Пост этот получил живой отклик — совершенно в стиле, о котором уже много написано выше. Возмущенные граждане агрессивно отказывались понимать, о чем написан материал, предлагали свои собственные и затертые до дыр чужие мифы с упорством одержимых, гневно обличали. Пришлось написать второй пост.

Я имел простодушие написать пост про то, что Николай II — спорная личность и потому вычленять из его не-дай-бог-кому-биографии эпизод с юношеским романом и мусолить вплоть до поджогов и запретов фильмов — это типичная подмена новости, отвлечение народа от реальных тем и проблем. В ответ я получил по полной программе от верующих всех мастей — в «истинную историю», в «великую Русь», в «жидовский заговор», в «святую веру русскую» и так далее. Зато теперь я точно знаю, как все оно было. Правда, я не уверен, что вся эта правда умещается в моей голове, поэтому хочу ею с вами поделиться.

Вот что я понял из постов возмущенных специалистов по истине:

- За время правления Николая II в России случился небывалый промышленный подъем и расцвет, Россия стала сильно опережать страны Европы, население невероятно улучшило свою жизнь. И все было бы хорошо, но помешали возмущенные крестьяне, солдаты, рабочие, буржуазия и интеллигенция, которые сделали революцию.
- Николай II выиграл Первую мировую войну, и русские войска вошли бы в Берлин, если бы только армия не разбежалась, провиант не кончился и линия фронта не находилась так далеко от Берлина и так близко к Петербургу.

- Николай II не был лично знаком с Распутиным, и царица не была знакома с Распутиным, и вообще никто не был знаком с Распутиным — Распутин сам придумал сказки про свое знакомство с царской семьей, а большевики эти сказки распространили, и в них поверили все, включая царя и его семью. Николай II не действовал по указке Распутина, просто все верили, что он так действует, поэтому, когда Николай II хотел кого-то продвинуть по службе, этот кто-то нес Распутину деньги или его жена шла к Распутину, и потом продвижение случалось, потому что этого хотел Николай, и эти продвижения были очень разумными, а не теми, что предлагал Распутин.
- Николай II просто не мог не начать Русско-японскую войну, ему бы не позволили обстоятельства. И Россия бы победила, если бы Макаров не подорвался на mine. Но даже после этого Россия победила, просто большевикам надо было опорочить Николая II, и они написали, что она проиграла, и все поверили, включая японцев, которые поэтому забрали у Витте пол-Сахалина.
- Николай II был за реформы и созыв Думы. Просто в Думу все время собирались не те депутаты, образования им не хватало, и Николай должен был их разгонять. Образованные депутаты так и не собрались, но Николай в этом не виноват.
- Никакой коррупции во времена Николая II не было. Это доказано комиссией при Николае II, которая не нашла никаких случаев коррупции.
- Никакого голода во время царствования Николая II не было. Кроме того, о голодающих очень хорошо заботились многочисленные общества помощи. А Лев Толстой, когда писал о голоде в 1906 году, имел в виду голод 1891 года, но забыл это указать. И голодных смертей не было, потому что есть книжка Сергеева, где сказано, что их не было.

- Николай II был мудрым правителем, и благодаря ему Россия процветала. А проигранные войны, революции, погромы, голод, репрессии, коррупция и местничество и прочие страшные проблемы, из-за которых Россия развалилась, случились по вине министров и приближенных, которые состояли в масонской ложе и не давали Николаю II ничего сделать, и поэтому он никак не влиял на ситуацию в России.
- Никаких погромов при Николае II не было, это придумали евреи. И никакой революции бы не было, если бы евреи не решили отомстить за погромы, которых не было, и не сделали революцию руками русского народа, который был против революции. И они же весь русский народ и перебили в Гражданскую, потому что уже в Гражданскую, когда евреи пришли в России к власти, конечно, были страшные погромы, и правильно, что были погромы, потому что евреи перебили всех русских.
- Все плохое о России и Николае II написано в «Кратком курсе истории партии». Во всех других книжках написано о нем только хорошее. «Краткий курс истории партии» — это очень плохая книжка, потому что писали ее соратники германского агента Владимира Ульянова, который сверг Временное правительство английского агента Александра Керенского и захватил власть в русской России, которой до того успешно управлял русский царь Николас Гольштейн-Готторп с женой Викторией Алекс фон Гессен. Если что-то плохое написано о Николае II в других книжках, то это просто потому, что они позаимствовали в «Кратком курсе» или «Краткий курс» списан с них.
- Николая II любил весь народ России. Его свергла кучка приближенных к нему английских агентов, которые обманули народ, который потому весь и выступил за его отречение, что был обманут.

Ну и на десерт:

- Не вам говорить об императоре после того, как ваши выскочили из-за черты оседлости и уничтожили страну, которая была самой успешной в мире. Это общеизвестный факт, об этом даже по-английски пишут, вот вам ссылка. Говорите на своем языке, а не на нашем русском.

Я вот думаю с некоторым страхом: все вышеизложенное уже написано в школьном учебнике или там пока еще «совковое вранье»?

Терроризм. Мы и они

*Постправа — явление интернациональное. В развитых обществах тенденция к упрощению, плоскому восприятию фактов и/или их игнорированию, преувеличенному вниманию к менее значимым, но более громким факторам также имеет место. Большим плюсом развитого мира является умение вести общественную дискуссию и развитая конкуренция за власть — они порождают пресловутый плюрализм и заставляют даже самых яростных сторонников того или иного мифа слушать оппонентов. Даже если речь идет о событиях трагических — как, например, гибель редакции французской газеты *Charlie Hebdo*, по следам которой написана следующая статья. (Опубликована в Republic 15 ноября 2015 года.)*

Гибель человека — всегда трагедия. Когда гибнут сотни людей, это становится шоком, переворачивающим сознание и вызывающим не только скорбь, но и агрессию, жажду мести и желание что-то изменить раз и навсегда, чтобы подобное не повторилось.

Агрессия в ответ на агрессию, сепарация в ответ на сепарацию, ксенофобия в ответ на ксенофобию — естественный ответ, первая реакция человека. Но это именно та реакция, которой заказчики терактов и хотят добиться. Стоит ли идти у очевидных врагов на поводу? Что, если умерить свои естественные чувства гнева, страха и сострадания и вместо поспешных выводов и действий остановиться и проанализировать ситуацию?

Для такого анализа ведь не надо быть специалистом в исламе, профессионалом антитеррора или знатоком международной дипломатии. Достаточно здравого смысла, знания истории и официальных данных, которые (спасибо нынешним свободам) публично доступны.

Каждый теракт в Европе (и России) вызывает к жизни одну и ту же риторику, состоящую из 5 пунктов:

1. Терроризм — это форма войны архаичной, жестокой, агрессивной культуры против нашей цивилизации. Это война «их» против «нас». Они хотят нас уничтожить.
2. Терроризм — страшная угроза нашему обществу. Если ничего не делать, террористы его уничтожат.
3. «Мы» — не такие, как «они». Мы — гуманны по природе, они — убийцы, не ценящие ни свою, ни чужую жизнь. Мы не договоримся.
4. Причина разгула терроризма — наша мягкость и излишняя свобода. Закрыть границы, ввести тотальный контроль, поступиться свободами ради безопасности — вот необходимые меры, не приняв которые мы потеряем Европу.
5. Европе объявлена война. Надо, наконец, вести войну — лучше на территории врага, причем активно, жестко и до полной победы. Сегодня по Европе ударил ИГИЛ — значит, надо уничтожить ИГИЛ (запрещенную в России террористическую организацию).

Начнем с первого пункта.

Кто с кем воюет?

По статистике, терроризм распределен очень неравномерно. В Европе, обеих Америках, Австралии и Океании происходит около 2,1% от общего числа терактов, причем только 2% из них совершаются исламистами (хотя жертв исламистских атак, конечно, намного больше). Когда-то давно, в 1950–1970-е годы, доля терактов в развитых странах была значительной,

но не теперь. С 2001 года в Европе (без России) произошло всего 4 исламистских атаки, повлекших гибель более 10 человек: Мадрид (2004), Лондон (2005), Париж (январь 2015-го) и, наконец, нынешний теракт; из них всего 2 теракта, унесших жизни более 100 человек.

Мы эгоистичны. Мы делим людей на «нас» и «не нас», исходя из своего страха оказаться на их месте. Тысячи трупов в Азии нас не волнуют, пока это не наши туристы. А самолет с туристами и теракты в Париже (а кто же не любит ездить в Париж?) — это ужасно, это вызывает сочувствие.

Что мы чувствуем, когда это случается не в «нашей» зоне? В 2014 году, когда в Европе в результате исламистских терактов погибло всего 4 человека, общее число жертв террористов в мире составляло 32 700 человек (и около 39 000 ранено). В месяц погибало по 2700 человек, почти по парижскому теракту в день. Правда, 78% погибших приходится на 5 стран: Ирак, Афганистан, Сирию, Нигерию, Пакистан. Но и в англоговорящей и рвущейся в развитый мир Индии в 2014 году погибло 426 человек. Сколько юзерпиков с индийскими флагами вы видели в Facebook? Кто скорбел по пакистанцам или нигерийцам?

За время войны в Сирии погибло более 200 000 человек. Мы не только не в курсе, сколько мирных жителей погибает во время каждого налета российской авиации, мы даже не думаем на эту тему. Установление демократии в Ираке стоило 600 000 жизней. Сколько юзерпиков с иракским флагом вы видели?

Реальность отличается от нашего о ней представления. Нет никаких «нас», с которыми «они» ведут войну. К нам залетают случайные снаряды — свидетельства той страшной бойни, которая идет у «них». «Мы» внесли изрядный вклад в то, чтобы эта бойня началась и не заканчивалась, — колонизацией, агрессивным и неумелым вмешательством в «их» традиции, культуру и социальные нормы, искусственными и часто противоестественными границами, которые «мы» нарезали на их территории, последующим взращиванием радикальных группировок, которые, как «мы» надеялись, будут бороться «за нас» с нашими идеологическими противниками, наконец — военными кампаниями

с целью «демократизации» (или в борьбе за нефть?). Тут нет разницы между Россией и Западом — все мы отметились одинаково. Это не «они» развязали с «нами» войну. Это «мы», бесконечно балуясь с огнем, все время удивляемся, что искры прожигают «нам» дорогие костюмы.

Насколько тотальна угроза террора?

Второй вопрос тоже имеет вполне четкий ответ. Статистика говорит, что за 10 последних лет около 140 000 человек в мире погибло в результате террористических атак. Эта впечатляющая цифра тем не менее меркнет на фоне других — тех, о которых мы мало заботимся.

В год от пищевых отравлений и инфекций в мире погибает 350 000 человек — в 10 раз больше, чем от терактов. По одной из оценок, 24 000 человек умирает от удара молнии — сравнимо с жертвами терактов.

За 15 лет в Европе от рук террористов погибло менее 500 человек. Меньше, чем в авиакатастрофах. Зато в 2014 году в Европе 25 700 человек погибло в дорожных инцидентах и более 200 000 остались инвалидами. За 4 года количество погибших в ДТП в Европе снизилось на 15%, и Виолетта Балк, комиссар по транспорту, назвала это «выдающимся результатом», хотя в ДТП погибает 70 человек в день — как один теракт в Париже каждые два дня. Никто не объявляет траур по погибшим на дорогах, хотя это такие же невинные гражданские лица. В 2013 году 2042 человека в Европе погибли из-за инцидентов на железной дороге — президент Франции обсуждал этот вопрос с правительством? Или он предложил объявить войну поездам?

Но, может быть, молнии, ДТП и отравления не кажутся такими ужасными потому, что становятся результатом случайности, а не злой воли? Вряд ли — в Европе в год 22 000 человек погибают в результате преднамеренных убийств. Это 60 человек в день. Кто объявляет ежедневный траур? Американская статистика говорит о том, что риск умереть от врачебной ошибки для жителя развитой страны в 6000 раз выше риска погибнуть от руки террориста. Кто-то уже предлагает изгнать из Европы

всех врачей (готов поспорить, что доля врачей, совершающих фатальные ошибки, выше доли мусульман в Европе, совершающих теракты)?

Почему мы так относимся к терактам? Нас впечатляют события неожиданные, в то время как события ожидаемые, стандартные не производят впечатления, какими бы они ни были. Возможно, поэтому тот факт, что в безопасной Европе каждые два дня погибает от рук убийц столько же людей, сколько в последнем теракте в Париже (впервые за 10 лет), нас не трогает, так же как не трогают постоянные теракты на Ближнем и Среднем Востоке. Это наводит на грустную мысль: чтобы мы перестали ужасаться терактам в Европе, они должны стать постоянными, а количество жертв — сильно вырасти. Но и обратное верно: наш ужас — лучшее свидетельство того, что в Европе с терроризмом нет острой проблемы: теракт — это крайне редкое, шокирующее явление. Даже если случится невозможное и количество жертв терактов вырастет в 100 раз, ущерб от них все равно будет в 2 раза меньше, чем от вождения в нетрезвом виде.

Такие ли мы разные?

Третий тезис — о нашей разности — могут поддерживать только люди, вообще не знающие истории. Не будем ворошить прошлое — нам хватит и XX века. Большевизм в России, перекинувшийся на Кавказ, Среднюю Азию, в Восточную Европу, был религией более жесткой, чем самый радикальный ислам. Его апологеты убивали и умирали намного легче, его «эмиры» отправили миллионы не на милосердное отрубание головы, а на мучительную медленную смерть в лагерях. Агенты большевизма наполняли все страны мира, если не устраивая теракты, то совершая убийства. Официальной целью большевизма — прямо как у радикального ислама — было провозглашено покорение всего мира и установление всемирной жесточайшей диктатуры. Европейский фашизм от большевизма отличался лишь тем, что внес национальный фактор в радикальную идеологию.

Затем был Китай — маоизм, уничтоживший десятки миллионов жизней. Европа, казалось, излечилась, но совсем недавно на Балканах православным хватило территориального спора, чтобы начать вспарывать животы беременным католичкам и убивать детей на глазах родителей в количествах, которым позавидовало бы ИГИЛ. И уж совсем недавно 10 000 человек (включая 200 пассажиров малайзийского самолета) недалеко от центров православия и великой русской культуры погибли просто потому, что пара олигархов делила собственность, а пара политтехнологов зарабатывала начальнику рейтинг.

Нет, мы не разные. Мы все — обезьяны в тонкой человеческой коже. Стоит обстоятельствам чуть-чуть ее поскрести, и мы готовы резать, взрывать, умирать и посылать на смерть. Сегодня просто очередь ИГИЛ.

Проблема даже еще глубже. «Мы» и «они» — лучший способ сделать задачу неразрешимой. Пока мы не научимся ценить жизнь человека одинаково, вне зависимости от того, где он живет и на каком языке говорит, мы не сможем даже подойти к решению проблемы терроризма. Сегодня для нас терроризм — чудовищный акт агрессии, дикость и ужас. А для тех, кто приходит на территорию развитого мира с желанием убивать, гибель мирных граждан, женщин и детей — обычное событие: у многих убиты родственники, некоторые потеряли близких в результате демократизирующих авианалетов. Еще большее количество убеждено пропагандой, что все зло, весь ужас, вся боль и смерть, их окружающая, вызваны безбожниками из Европы и США, которые сперва их земли колонизировали, а потом, вынужденные покинуть их территории, тем не менее все время продолжают на них нападать. Не стоит упрекать их в близорукости — США никогда не колонизировали Россию, никогда не атаковали ее территорию, никогда не убивали ее солдат и мирных жителей, и тем не менее пары лет плохо сделанной пропаганды оказалось достаточно, чтобы большинство населения стало считать США врагом, бояться и ненавидеть американцев.

Впрочем, я бы даже не стал обвинять пропаганду. После Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии отношение к западным странам

как к агрессорам закономерно. Сталин был не лучше Каддафи, а большевики в СССР очень напоминали ИГИЛ. И тем не менее отражение фашистской агрессии считается у нас великим подвигом. Да, конечно, прямые аналогии некорректны: сегодняшние США, Франция и Россия — совсем не гитлеровская Германия. Но как это понять местным жителям, на головы которых сыплются бомбы? Да и мы сами — стали бы мы сегодня с пониманием относиться к интервенции США с целью установления демократии или все-таки начали бы бороться с оккупантами по старой российской традиции — любимыми средствами? Наверное, боролись бы?

Это разделение на «они» и «мы» не дает адекватно смотреть даже на беженцев. Да, они — оборванные, вырванные из социума, в котором привыкли жить, не знающие языка, не знающие, куда идут и что их ждет, — ведут себя как не принято у нас: оставляют мусор, крадут, нарушают административные нормы. Многие будут грабить. Кто-то — даже убивать. Среди них в Европе будут проникать террористы, наркоторговцы, просто бандиты, для которых Европа — новое, более богатое общество, которое легче грабить. Но и в этом нет ничего нового — нищие и лишенные своей земли часто ведут себя так же. Итальянские и еврейские беженцы в Америке (вслед за ирландскими) создавали мафии и банды и убивали намного больше, чем арабские беженцы в Европе.

За 10 лет фашизм уничтожил 6 млн только евреев (где уж тут «Исламскому государству!»). Миллионы стали беженцами. Они были такими же нищими, оборванными, собирающимися в толпы, готовыми воровать и даже грабить, рвущимися к безопасности. Про них можно было сказать все то, что сейчас их потомки говорят про беженцев с Ближнего Востока: и одеты они были странно, и говорили странно, и обычаи несли с собой свои, и, конечно, среди евреев-беженцев искали агентов Сталина, и, конечно, большевики и фашисты внедряли своих агентов. (И, конечно, в Палестине евреи организовывали теракты против «британских оккупантов».) Культурные европейцы и американцы тогда были циничны — англичане не пустили корабли в Палестину, возвращали беглецов в Германию.

Сегодняшние радетели за «гибнущую Европу» и противники приема беженцев просто не выучили урок.

Принимающие же беженцев знают, на что идут. И принимают не потому, что питают иллюзии, а потому, что так правильно. А правильно так совсем не потому, что ущерб от «нашествия» беженцев пренебрежимо мал — любой ущерб чувствителен. Правильно потому, что только так в этой длящейся уже века истории взаимодействия миров, в которой европейцы часто выглядели похуже, чем исламские экстремисты, а еще чаще были просто опасными идиотами, можно не скатиться обратно в душный подвал прошлого, а выстоять и сохранить еще очень слабое гуманитарное общество, которое Европа только-только построила.

Пожертвовать свободами?

И четвертый тезис не выдерживает критики. Есть ли хоть какая-то опасность «гибели» Европы под ударами террористов? Конечно, нет. В военном отношении «ненавистники Европы» отстают от НАТО почти как отряд кочевников с луками от танковой бригады: даже то устаревшее оружие, которое у них есть, куплено у развитых стран (несмотря на многомесячные процедуры проверки рисков, парализующие нормальную финансовую деятельность, ИГИЛ продает нефть, а деньги террористов идут на оплату оружия, и оружие поступает куда надо). Сил террористов хватает на пару больших терактов в десятилетие, и вряд ли можно ожидать роста их возможностей.

Европа — слабая, сентиментальная, общество «терпил», как ее называют гордые своими воинственными замашками российские комментаторы, создала мир, в котором самый высокий подушевой ВВП сочетается с самым низким уровнем преступности. Уровень насилия и опасности в Европе в разы ниже, чем в стране гордых и обидчивых борцов со всем миром и особенно — с карикатуристами. Что нужно было бы сделать Европе, чтобы догнать Россию? Скорее всего, то же, что сделали в свое время в России: пожертвовать свободами личности во имя призрака стабильности и мифического

сильного государства, превратиться в царство ксенофобии и шовинизма.

Война не решает проблему

Пятый тезис — о необходимости полномасштабной войны — вообще ни на чем не основан. Последние крупные теракты в Европе были в Испании в 2004 году и в Лондоне в 2005-м. Никакого ИГИЛ тогда не было, войну было вести не с кем, организовала теракты ячейка «Аль-Каиды» в Йемене. С Йеменом никто не воевал, но терактов не было 10 лет. 11 сентября — тоже не на совести ИГИЛ, напротив — ИГИЛ вырос из войны с Ираком (который к событиям 11 сентября был непричастен). Истина в том, что нет ни сокращения, ни увеличения количества терактов ни в результате действий антитеррористической коалиции развитых стран, ни в результате бездействия. Силы, организующие теракты, заинтересованы в конфликте — равно внутри Ближнего Востока, Африки, Среднего Востока и между развитыми странами и странами этих регионов. Теракты — провокация конфликта, но не его причина и не его следствие. Нет сомнений, что развитые страны могут вести вечную войну с постоянно видоизменяющимися террористическими движениями и государствами, и это дает возможность кому-то рапортовать об успехах, а кому-то зарабатывать деньги. Но это не только не решает проблему, это ее даже не затрагивает.

Выводы

Я не претендую на глубину и профессионализм анализа, подвластный опытным дипломатам и мастерам контртеррористических служб. Но выводы, по крайней мере те, которые можно сделать на основании вышеприведенной статистики и истории, сильно расходятся с интуитивными реакциями.

Терроризм — это тип преступной деятельности, мало отличающийся от других форм организованной преступности — разве что в его основе лежит больше идеологической составляющей, чем в торговле наркотиками. Как и другие виды

оргпреступности и бандитизма, терроризм концентрируется в зонах с низким уровнем жизни, слабыми институтами власти и общества, низким образованием населения. **Терроризм изначально не имеет национальности или религии — просто по стечению обстоятельств сегодня почва для развития терроризма значительно плодороднее в части мусульманских стран.** В том, что это так, есть доля вины развитых стран. Это не повод для самобичевания, но важный факт, не осознавая которого мы не сможем справиться с терроризмом. То, что происходит в странах, серьезно страдающих от терроризма, является, по меркам развитого общества, перманентной гуманитарной катастрофой. Теракты в развитых странах — всего лишь отголоски этой катастрофы, а не война против этих стран.

Терроризм в развитых странах — явление значительно менее опасное, чем банальная преступность, врачебная халатность или даже нарушение техники безопасности на железнодорожном транспорте. Из этого никак не следует, что с терроризмом не надо бороться. Борьба с террором должна идти так же, как с любой организованной преступностью, — усилением оперативной работы и охраны потенциальных объектов атаки, работой с подверженными радикальным идеям членами общества. **Речь об ограничениях свобод, об изменениях устоев общества идти не может** — ничего из этого не делается для борьбы с преступностью, и Европа не только жива, но и последовательно сокращает эту самую преступность.

Ни в коем случае нельзя даже думать об ограничении или отмене основополагающих принципов, которые сделали Европу Европой, например — принципа презумпции невиновности, заставляющего смотреть на беженцев не как на потенциальных террористов, а как на требующих защиты и помощи людей. Те, кто навязывает идею «смертельной опасности терроризма для Европы», опасны для Европы больше, чем террористы. **Закрытие границ, ограничение информации и свобод, расширение полномочий силовых органов не защитят Европу от редких взрывов. Они быстро превратят Европу в подобие того мира, откуда терроризм сегодня выходит.** Этого и хотят организаторы терактов — их интересует не смерть отдельных

европейцев, а смерть всей Европы. Их теракты — комариные укусы; настоящий план состоит в том, что страх перед укусами заставит Европу уничтожить себя самостоятельно.

«Мы» — практически такие же, как «они». Между нами — стена кровавых ошибок и обид, сцементированная коммерческим интересом преступных групп и соперничающих режимов немусульманского мира и безумием немногочисленных фанатиков (которые, как правило, успешно совмещают фанатизм с коммерческим интересом). Конфронтация только надстраивает стену, а цемент всегда в избытке. Надо искать пути взаимопонимания и взаимодействия. Вышесказанное, конечно, не касается ни исполнителей терактов, ни их заказчиков, ни организаторов. Все они — банальные особо опасные преступники. Бандиты — не «мы» и не «они». Понимать, жалеть, помогать, объединяться нужно до момента, когда человек становится преступником. Мы — не враги мусульман, жителей Ближнего Востока, мы не должны вести с ними войны, изолироваться, отказывать в помощи. Это не противоречит уничтожению террористов — вне зависимости от пола, возраста и причин, побудивших их совершить теракт. Это не противоречит поимке и наказанию тех, кто подстрекает к совершению теракта, и тех, кто публично поддерживает совершение терактов, — точно так же, как в случае других преступлений. Но это противоречит любым действиям в отношении террористов, которые мы не делаем в отношении других особо опасных преступников — например, введению ответственности членов семьи.

Только понимание этих истин и вторичности терроризма даст возможность развитым странам создать выполнимую программу по искоренению терроризма в мире. Эту программу должны делать специалисты. По моему скромному мнению, в нее должны войти меры, схожие с мерами, которые были приняты по итогам разгрома фашизма. Надо создать новые, отвечающие реалиям и запросам местных сил границы государств в зоне террора; надо направить в новые государства беспрецедентную экономическую помощь и, никак не влияя на особенности локальных социумов, дать им возможность выйти из состояния экономической катастрофы. Надо, наконец, определиться

с очень четким и ограниченным списком международных требований к новым государствам, выполнение которых обеспечит лояльность развитых стран, гарантии невмешательства и активную, в том числе вооруженную, помощь в борьбе с остатками террористических формирований.

Без этого террористы еще долго будут периодически приводить в исполнение свои убийственные планы в городах «развитого мира». Долго, но все же не вечно. Рано или поздно экономика мусульманских стран сумеет развиваться до уровня, на котором терроризм станет невозможным. Вопрос к нам — ускорим мы этот процесс или замедлим.

По законам шоу

Постправа — это не только псевдофакты и гипотезы, построенные на ложных посылах. Постправа — это еще и способ коммуникации. «Слушатель» в информационном пространстве — это еще и зритель, и субъект — воспринимающий декорации, соседей по залу и шумы на улице. При желании ему можно открыто и честно донести правдивую информацию — а он ее все равно не воспримет: отвлечется на шум, засмотрится на занавес, возненавидит специально назначенного ее сообщить информатора, потому что тихий голос ему (зрителю) будет прямо в ухо шептать, что информатор — педофил, сморкается в рукав и на заду у него псориаз. Когда врать уже невозможно, генератор постправды прибегает именно к такому способу формирования когнитивных искажений — и обычно очень успешно.

Поводом к рассуждению на тему такого способа генерации постправды стал для меня звонок специалиста по информации — и я даже написал по этому поводу в мае 2016 года пост в Facebook.

Вчера мне открылась истина. Она имела лицо известного специалиста по публичным мероприятиям, умного и образованного человека (а, собственно, какое еще лицо она может иметь?). Мне кажется, сам носитель истины не осознавал, что он несет, — но я даже испугался.

Он позвонил мне, чтобы предложить поучаствовать в проекте. Проект состоит в создании серии публичных,

транслируемых по ТВ дискуссий-поединков, в которых будут «биться» сторонники противоположных точек зрения на насущные проблемы современности. По логике автора проекта, широкие массы населения России не включаются в гражданскую активность потому, что телевидение и радио дают им контент низкого качества, не внедряющий в их сознание правильных (либеральных, демократических, рыночных) идей, а мероприятия и публикации, правильные идеи популяризирующие, слишком скучны, академичны и не вызывают интереса у публики. Зато если «интеллигентский разговор» превратить в шоу, если заставить, скажем, Кудрина и Титова не просто монотонно декламировать свои концепции, а гневно обличать друг друга, орать, швыряться ручками и стаканами, кидаться в драку, жевать галстук противника, то зритель будет заворуженно следить за действием, аудитория вырастет и прогрессивные идеи того же Кудрина найдут доступ к массам.

«Вот, например, почему бы не начать с промопроекта — диспута о вреде или пользе коррупции? — спрашивал мой собеседник. — Вы могли бы, например, выступать за ее вред, а Симон Кордонский — за пользу».

«Уважаемый собеседник, — отвечал ему я, — во-первых, я не верю, что вы найдете действительно умных людей, имеющих прогрессивные идеи, которые согласятся выступать в шоу гладиаторов на потеху публики. Я так точно не соглашусь жевать что бы то ни было у Симона Кордонского. Во-вторых, я не верю в то, что можно доносить до широкой публики хорошие идеи плохими методами. Ложка цирка в бочке университета превращает университет в цирк, а Ломоносова — в Жириновского. Публика не воспримет поданные так идеи, скорее, наоборот, будет ассоциировать их со скандалом и сочтет демагогией, поводом поржать. Возможно, выступающие и станут более популярными, но их идеи от этого не станут предметом обсуждения и принятия».

С собеседником мы мило поболтали еще о философии и договорились оставаться на связи (современный способ сказать «Прощай навеки»). Но диалог наш не стоит считать аберрацией — это, скорее, первые признаки нарастающего процесса

деструкции информационного поля, в рамках которого информация становится все менее важной и основную роль в коммуникации начинает играть форма ее подачи и шум, ее сопровождающий. Следствием этого со временем может стать полное обесценивание информации в глазах (ушах) реципиента — и постепенный переход «сообщения» исключительно в область шума.

Действительно, все мы — либералы и патриоты, западники и евразийцы, государственники и либертарианцы, чиновники и диссиденты, москвичи и регионалы, православные и атеисты, — пытающиеся донести свои идеи до «народа», склонить его на свою сторону, убедить, придумывающие для этого самые разные способы (лекции, статьи, книги, митинги, фильмы, шоу, драки в кабаке и так далее), что называется, *completely miss the point*¹. Мы думаем, что ведем борьбу за умы и души «народа» (включая и нас самих) своими идеями; мы надеемся, что в «народе» есть спрос на идеи и он только ищет — какие выбрать, чтобы «купить» и отдать за них свое время, комфорт и даже жизнь. Но кто, где и когда в последний раз видел в народе спрос на идеи?

Мы живем не разумом, а чувствами, нам нужны позитивные (острые, возбуждающие) ощущения и эмоции, мы чуремся впечатлений негативных (скучных, депрессивных). Мы не хотим чувства голода, мы хотим находиться в состоянии постоянного возбуждения. Хлеба и зрелищ. А пока реальный голод не подступил, мы хотим только возбуждения — только зрелищ — и ничего больше.

Нам рассказывают, что идеи когда-то возбуждали — не всех и не во всем, но могли. Древних кочевников возбуждала идея единого невидимого бога, так что они переходили пустыни, покоряли города и создавали величайшие произведения литературы. Первых христиан захватывала идея жертвенности, и они шли на растерзание львами и крест в надежде спастись и спасти. Даже еще в XX веке возбуждали идеи революции, войны за жизненное пространство, освоения космоса.

¹ Совершенно пропускаем из виду самое главное. — *Прим. ред.*

Но периоды возбуждения были кратки, охватывали 5–10% населения (а уж эти 5–10% либо умудрялись заставить всех следовать за собой — *guess how*¹ — либо нет), и если присмотреться, тип возбуждающих идей всегда был одним и тем же: это были идеи превосходства, рождающие либо агрессию, либо мазохизм.

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к отчизне,
 Тех — скука очага, еще иных — в тени
 Цирцеиных ресниц оставивших полжизни —
 Надежда отстоять оставшиеся дни.

Бодлеровский стих достаточно точен — ненависть, скука, страх смерти.

Но и те времена уже ушли. В экономике избытка, которая сложилась окончательно с появлением электричества, пластмассы и удобрений, вызвать эмоции стало намного труднее. 150 лет назад на скорости 30 миль в час захватывало дух, мысль о полете завораживала, дворянские дети играли в чурочки и делали из куска коры и палочки пиратские корабли, над «Мадам Бовари» девушки рыдали, а юношей возбуждала фраза «ее ножка была открыта выше колена». Информация поступала исключительно в закодированном в печатные знаки виде и, требуя декодирования, развивала воображение, проникала вглубь сознания, побуждала и призывала.

Сегодня для нашего мозга разницы между 800 километров в час пассажирского самолета и 5000 километров в час ракеты уже нет. Полет стал обыденностью, пассажиры закрывают шторки иллюминаторов, чтобы свет не мешал смотреть очередной боевик, наполненный реками крови и спецэффектами — без них трагедия смерти воспринимается как неумелая комическая постановка, с ними — как веселая компьютерная игра. Индустрия игрушек сперва лишила детей права на активное преобразование мира, а затем отобрала право на воображение, создав ЛЕГО — конструктор, к которому заранее отрисовано, что надо собрать. Все стоящие, а также все не стоящие,

¹ Угадайте как. — Прим. ред.

но потакающие инстинктам книги теперь экранизируются, и бывшему читателю, а ныне зрителю больше не надо воображать себе героев и события: декодирование ушло в прошлое, воображение атрофируется, его заменяет прямое впечатление — попробуйте представить себе Гарри Поттера не с лицом Рэдклиффа. Синдром Стендаля¹ уничтожен первой из всех болезней человечества. Фраза о ножке больше не толкнет молодого человека на испуганную мастурбацию, и даже привычный порнороман уже не помогает: требуются «50 оттенков серого» — жирные куски садо-мазо в приторном соусе из роскоши пополам с детективом. А скоро и это не будет действовать, и новое поколение, чтобы возбудиться, будет нуждаться в 3D порно-садо-мазо высочайшего разрешения, с эффектом виртуальной реальности, включая осязание, ощущение вкуса и запаха, — воображение совсем перестанет функционировать.

Стоит ли удивляться, что идеи никого не волнуют; что 60% жителей России (это примерно 85% населения за вычетом маленьких детей и глубоких стариков) регулярно смотрит телевизор, включая самые одиозные ток-шоу, а на вопрос «Зачем?» наиболее распространен ответ «Чтобы поржать»? Если принять это во внимание, то становится значительно легче понять такую поддержку операции в Сирии или войны на Украине: ну, слава богу, хоть какие-то интересные новости пошли, можно посмотреть, как кого-то разбомбили. В этом смысле государство становится все менее провайдером правил, защиты, помощи и идей и все более — провайдером новостных раздражителей и примитивных эмоций высокой амплитуды. Та власть, которая удовлетворяет спрос на «движуху», будет иметь поддержку. Та, что ограничивается «идеями», — скучна и непопулярна.

Эмоциональный голод в условиях, когда эмоции вызвать все труднее, требует все более мощных раздражителей. Вдумайтесь:

¹ Синдром Стендаля — психическое расстройство, при котором характерно частое сердцебиение, головокружение и галлюцинации. Эти симптомы проявляются, когда человек находится под воздействием произведений изобразительного искусства, поэтому нередко синдром возникает в месте их сосредоточения — музеях, картинных галереях. Впервые описан в 1979 году. — *Прим. ред.*

что нас может интересовать? Война с Северной Кореей — ну пусть уж скорее начнется, поглядим на заваруху. А вдруг они применят ядерное оружие? Вот круто! Сравните эту новость с разговором о налогообложении — вы что выбираете?

Политики (успешные, конечно) — лучшие маркетологи по части развлечений. Власть в России принадлежит успешным политикам: они продают народу войны, терроризм, посадки, врагов, угрозы, кровь и грязь, неопределенность и чувство величия одновременно. Они из всего делают балаган с элементами мордобоя, имитируя любимую народную забаву. Система политических развлечений полностью интегрировалась и приобрела черты производственного замкнутого цикла: власть сама создает и врагов, и проблемы, сама же организует борьбу и побеждает. Все без исключения персонажи — клоуны, и все — цирк. В цирке (и это власть отлично понимает) суть реплик персонажей не имеет никакого значения. Важно кривляться и бить друг друга дубинкой, чтобы публика хохотала или пугалась. Правильный герой косноязычен, несет околесицу, одет дико, проявляет свойства психопата, и чем более это очевидно, тем лучше. Едет на немецком мотоцикле брать Берлин и при этом плетет абракадабру — отлично, требует запретить секс до брака — превосходно, вламывается на фестиваль, истошно осеняя всех крестом и охаживая кадиллом, — лучше не бывает, предлагает запретить выезд за границу неработающим — и это сойдет¹. 145 млн зрителей охают в ужасе, хохочут над идиотами, злятся и восторгаются — они заняты, им некогда, да и не хочется думать о будущем, о стране, о себе. По законам жанра любой, кто вышел на сцену или даже сел в первый ряд, волей-неволей тоже клоун. И даже если он пытается косить под конферансье или воздушного гимнаста, то всегда найдется злобный арлекин, который разрядит обстановку, облив его мочой или зеленкой, забавно побив палкой или посадив (в тюрьму или в лужу). Публика будет ужасаться,

¹ История продолжает этот список — в 2018 году в нем уже и геи-разведчики, ездящие смотреть шпиль, и футболисты, устраивающие пьяную драку, и многие другие. — *Прим. авт.*

негодовать, хохотать, а умный дядя в пятом ряду станет громко кричать, что это подсадной и так все и было задумано. Демонстрация? Это скучно. Чтобы развлечь зрителей, надо задержать 700 человек, среди них половину случайно — и вот две недели публике есть о чем говорить и все при деле. Ветхое жилье? Кому это интересно! Давайте забачаем план по сносу половины столицы — вот тема, которой можно занять пару миллионов зрителей нашего реалити-шоу на несколько лет: пусть удавят друг друга в споре о том, надо ли это делать, зато скучать не будут.

Да, главное — чтобы не остановились, не заскучали, не задумались. Бесконечное шоу, в котором обострения на фронте, террористические угрозы, аварии, задержания воров-губернаторов, танцы с покемонами в храме, дома на горке и дома у речки, полные кроссовок и уток, расчлененка, выборы во Франции, борьба за допуск треш-певца на треш-конкурс, драки в прямом эфире на любую тему — идут без пауз. Вернее, малейшие паузы заполняются хакерской атакой на штаб марсиан, перехватом российских бульдозеров на Аляске или спором о том, является ли новейшим оружием ракета, разработанная в 1970-е годы, если ее трижды освятил митрополит, а все драгметаллы с контактов украли при производстве.

Когда шоу идет непрерывно и качество его высоко, зрители неожиданно (Хотя почему неожиданно? Жить трудно, надо думать, решать, надо, наконец, смотреть в зеркало, а там не всегда приятная картинка) выбирают между «жить» и «смотреть шоу» исключительно второе. Люди перестают быть гражданами — они становятся публикой. Мир вокруг превращается в сцену, на которой все — актеры. Актеры гибнут в тюрьмах, на спецоперациях и от рака в коридорах аварийных больниц, голодают, теряют бизнес, убивают жен и детей, взрываются в вагонах метро — а мы смотрим и получаем эмоции. Это ничего, что место рядом вдруг опустело, а веселый зритель-губернатор, который только что хохотал вместе со всеми, оказался на экране в роли заключенного, которому не дают лекарств, от чего он медленно угасает в камере. С экрана, как правило, не возвращаются — там либо умирают, либо играют бесконечно, и некому

нам рассказать, что мы и сами можем оказаться актерами-клоунами на сцене.

Даже власть (почитающая себя директором цирка) в стремлении к достижению абсолютного шоу-успеха иногда выводит себя под прожекторы, предлагая зрителям бесконечный сериал, комбинацию «Санта-Барбары», «Карточного домика» и «Южного парка», снятую по всем законам жанра, наиболее яркий из которых — семейственность. И ведь, согласитесь, так трудно оторваться от дискуссии о том, чей сын назначен куда и чья дочь получила миллиард долларов из бюджета. А на подходе внуки...

В этом свете постоянно нарастающие запреты — митингов, усыновлений, порнографии, мессенджеров, сыра, геев, ИГИЛ (да, запрещена в России!), выезда за границу, секса до брака, атеизма, онанизма¹, LinkedIn, независимых СМИ — очевидно, имеют крайне важную цель: пробудить эмоции, снизить порог чувствительности. Действительно, в условиях, когда «все можно», все теряет ценность, все приедается, и общество перестает реагировать. Но запрети все, закрой глаза, свяжи руки, заткни уши, а потом прокрути маленькую дырочку и покажи через нее хоть Владимира Соловьева — и это уже покажется великим развлечением.

Так что неправ мой визави — что бы клоун ни кричал, как бы ни бил партнера дубинкой, прибыль получит директор цирка. Для тех, кто не хочет быть клоуном, есть зрительный зал или (скатертью дорога) — улица. Для тех, кто всерьез хочет быть директором, есть еще мосты через Москву-реку и горячие парни с предгорий Кавказа. Тут уж каждый выбирает по себе. Я, например, выбираю буфет — пока ассортимент спиртного и пирожных не исчерпался, и звукоизоляция хороша, со сцены доносит только бравурную музыку, да и то негромко. Пока зрители не оголодали, шоу будет идти. Потом, конечно, голодная публика выволочет на сцену и разорвет директора цирка, а на его место сядет другой. Будет ли он лучше прежнего, зависит от того, скольких зрителей мы успеем соблазнить

¹ В свете выступления Онищенко в 2018 году это последнее было моим гениальным предвидением. — *Прим. авт.*

разговорами за кофе с пирожными, но точно не от того, как будут вопить клоуны на сцене. Так что я по-прежнему жду всех в буфете. Кофе пока не запретили.

Ошибка измерения

Но, конечно, не всегда эффект постправды проявляется в результате действий «сил зла» или искажений человеческого сознания. Жизнь настолько сложна и разнообразна, что ее зачастую просто невозможно однозначно уложить в рамки грубых количественных или качественных оценок, которых наш мозг требует для вынесения суждений. Особенно хорошо это видно в экономике — науке, пытающейся с помощью элементарной математики описать сложнейшие процессы, идущие в многомиллиардном социуме. Об этой части постправды — о том, как мы сами себя обманываем вроде бы корректными цифрами, — я писал для Московского центра Карнеги на примере ситуации с анализом экономики России в октябре 2016 года.

Вокруг состояния российской экономики идет активная дискуссия. Маргинальные оптимисты утверждают, что кризис успешно пройден и скоро экономика начнет расти. Они уверены в предстоящем росте цен на нефть, измеряют ВВП России по паритету покупательной способности, ссылаются на позитивный баланс счета внешнеторговых и финансовых операций и растущие золотовалютные резервы. Маргинальные пессимисты отвечают, что экономика находится в состоянии неуправляемого пике и скорая катастрофа неизбежна. Они указывают на сокращение номинального ВВП в долларах на 40% по сравнению с пиком, быстрое исчерпание фондов правительства, значительный дефицит бюджета, двузначное падение доходов населения и продолжающееся сокращение инвестиций.

Истина, как обычно, где-то посередине. Но прежде чем говорить о правильных выводах, неплохо бы исследовать вопрос качества вводных, которыми мы располагаем. Увы, это качество (применительно как к цифрам, так и к методикам) оставляет желать лучшего.

Неучтенное и переучтенное

Вопрос количественной оценки показателей российской экономики упирается в условность систем измерения различных параметров и точность данных, которыми мы располагаем. Данные до 1991 года вообще сложно признать значимыми, так как статистика времен СССР формировалась по совершенно отличным от современных принципам, вела измерения в искусственно оцениваемой валюте и в экономике регулируемых цен, а результаты даже для внутреннего пользования активно корректировались — общеизвестное «Хлопковое дело»¹ было ярким примером таких корректировок. После 1991 года статистика стала более адекватной, но существенные вопросы к ней все равно остались.

Основным вопросом оценки ВВП России всегда была доля теневой экономики, причем не только в прямой форме (неучтенные официально заработки и прибыли). Серьезное влияние всегда оказывала практика искусственного ценообразования, в том числе завышения цен на государственные поставки и подряды. По строительным подрядам завышение цен, по разным данным, составляло и составляет от 20 до 50%, по поставкам сложного технологического и потребительского оборудования, как выяснилось в ходе «Дела о томографах»², — до 200% от реальной цены.

Очень распространена была и практика частного искажения цен. Искажались цены на ввозимые товары — для снижения пошлин (в 2014 году разница в оценке объемов экспорта Китая в Россию и импорта России из Китая составила около 10 млрд долларов, или 0,5% ВВП России), на оказанные услуги — для снижения НДС, и даже на вывозимые товары для снижения

¹ Собирательное название для серии уголовных дел об экономических и коррупционных преступлениях в СССР в 1980–1990-х годах. Расследования были преданы широкой огласке — чтобы показать населению, как государство борется с коррупцией. Всего было возбуждено порядка 800 уголовных дел, около 4000 человек были осуждены. — *Прим. ред.*

² В 2009 году для Санкт-Петербургской медакадемии имени Мечникова было выделено 95 млн рублей на покупку томографа, чья рыночная стоимость составляет 50 млн рублей. — *Прим. ред.*

выручки и налога на прибыль. В России немало субсидируемых производств (в основном в сельском хозяйстве) и социальных выплат из бюджета, а оценка деятельности региональной власти и выделение регионам средств во многом зависит от их отчетности по экономическому состоянию. Интересы региональной власти и производителей в этом редком случае совпадают — и тем и другим выгодно завышать показатели, что они аккуратно, но делают.

Но все вышеуказанное — легальная часть экономики. Доля неформальной экономики в России, которая в 1990-х годах, по некоторым оценкам, превышала весь размер официально зарегистрированного бизнеса, к 2013–2014 годам, по официальным же данным, сократилась до 10%. Ответ на вопрос, как проводились официальные измерения неофициального бизнеса (частным образом оплачиваемые услуги, открытые рынки, вклад личных хозяйств, нелегальное потребление энергии и других ресурсов), неизвестен. Зато в 2014 году Росстат сообщил, что существенно пересмотрел методику и значительно увеличил долю неформального бизнеса в ВВП. Благодаря этому, а также включению экономики Крыма в расчет ВВП 2014 года, по официальным данным, даже вырос — правда, менее чем на 1%.

Наконец, в ВВП попадают товары и услуги, произведенные честно, но по той или иной причине утраченные. Яркий пример — экспорт, поставленный покупателям в кредит, который те потом не возвращают. Только по статье «Экспорт вооружений» и только за 2015 год около 4 млрд долларов (0,35% ВВП страны) было поставлено Россией в обмен на заведомо невозвратные кредиты. Всего за последние годы мы списали только кредитов государственного уровня примерно на 5% сегодняшнего ВВП. Но никакая статистика не учитывает этих списаний при расчете экономических показателей, хотя, наверное, надо было бы вернуться к времени их выдачи и уменьшить ВВП на их объемы.

Пятна ВВП

Сам по себе ВВП, даже очищенный от приписок и увеличенный на неучтенные части, не будет вполне корректным

показателем качества, стабильности и роста экономики. Знаменитое «строим мост — это ВВП, разрушаем мост — тоже ВВП» не будет преувеличением. В рамках расчетов ВВП невозможно отделить создание новой стоимости от ее перераспределения и даже ликвидации. Например, недострой, остающийся навсегда непригодным к эксплуатации, на практике представляет собой комбинацию перераспределения средств от инвесторов к подрядчикам и рабочим и уничтожения материальных ресурсов, но с точки зрения ВВП он ничем не отличается от достроенного и переданного в эксплуатацию объекта (несколько меньшего масштаба).

Также сложно ассоциировать с развитием страны долю ВВП, приходящуюся на торговлю. Когда доля торговли в ВВП растет (в силу, например, роста рыночной власти торговых систем по сравнению с производителями), ВВП может не меняться, в то время как объем создаваемой стоимости будет сокращаться. Все эти условности в России приводят, например, к тому, что на фоне инвестиций в сочинскую Олимпиаду, провальных мегапроектов и роста доли торговли в ВВП сам показатель ВВП в 2013 году рос, а производство, инвестиции и экспорт уже значительно сокращались.

Составляющие ВВП также сильно отличаются по своему влиянию на будущее экономики — так называемому мультипликативному эффекту. Созданный станок дает больший мультипликативный эффект, чем произведенный товар потребительского спроса. С помощью станка создадут новый ВВП, а товар принесет «всего лишь» деньги производителю и удовлетворение потребности покупателю. Но и то и другое имеет позитивный эффект — производитель инвестирует деньги, полученные за товар, в новое производство, покупатель, удовлетворенный товаром, будет дальше работать и дальше потреблять. А вот расходы на вооружение, например, имеют очень низкий мультипликативный эффект — произведенные танки будут ржаветь, созданные военные технологии в других областях применяются крайне ограниченно. В этом смысле наши 4,5% ВВП, идущие на оборону, и среднемировые 2,9% существенно отличаются.

Инновационная диагностика строительства

Помимо ВВП, в России сложно судить о таких показателях, как средние доходы домохозяйств (в целом и по отраслям или регионам). Из-за запретительно высоких сборов с фонда заработной платы и налогообложения зарплат и доходов, начиная с нулевого уровня, большая часть выплат маскируется под другие формы финансовых операций либо производится из неучтенной наличности. Доля наличного оборота в розничной торговле в России в 2014 году превышала 80%, 30% жителей не имели банковских карт, а количество наличных рублей в обращении за последние 14 лет выросло более чем в 45 раз.

На оценку среднего дохода домохозяйств и равномерности его распределения (да и уровня безработицы) влияет и фиктивное трудоустройство граждан. В основном это муниципальные службы и жилищно-коммунальные комплексы, но похожая практика есть во многих федеральных и региональных бюджетных организациях: безработные граждане из депрессивных районов, где невозможно найти работу, за небольшую плату наличными оформляются в штат, но не работают, а большую часть их заработной платы получают чиновники, контролирующие соответствующие учреждения.

Непросто оценивать в России и распределение расходов бюджета — более 30% засекречено. Традиционно считается, что засекреченные статьи бюджета идут на финансирование оборонно-промышленного комплекса и других силовых ведомств, но есть косвенные свидетельства, что диапазон их использования существенно шире.

Да и в открытых данных все непросто — зачастую в статьи и подстатьи прячутся расходы, имеющие мало отношения к теме статьи. Вот, например, подстатья «Создание объектов социального и производственного комплексов, в том числе объектов общегражданского назначения, жилья, инфраструктуры и иных объектов» в рамках подпрограммы «Развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также основ персонализированной медицины» государственной программы Российской Федерации «Развитие

здравоохранения». Ну, казалось бы, какая связь между инновационными методами диагностики и строительством жилья? Тем не менее на эту статью в 2015 году было выделено 7 млрд рублей, и они вполне могли пойти на строительство жилья.

Даже резервы, сформированные правительством, бывает непросто оценить: несмотря на то, что их состав публикуется, многие его статьи непрозрачны, а некоторые (как, например, деньги, переданные Внешэкономбанку, ВТБ, ГПБ, вложенные в другие банки в обмен на привилегированные бумаги; общая сумма таких вложений составляет примерно 23 млрд долларов) с большой вероятностью представляют собой невозвратные кредиты.

Сложности представляет и оценка единиц измерения: за период с 2000 по 2015 год рыночный курс доллара США к рублю колебался относительно расчетно-инфляционного курса в диапазоне примерно от плюс 140% до минус 60%. Если бы ВВП России, например за 2013 год, был пересчитан в доллары не по рыночному курсу, а по расчетно-инфляционному, сумма 2,1 трлн долларов превратилась бы в 1,4 трлн. Последовательный взгляд на развитие российской экономики с учетом такой волатильности рубля относительно своей справедливой стоимости должен говорить, скорее, не о падении ВВП России в 2015–2016 годах, а о неадекватном его завышении в период 2005–2013 годов из-за переоценки рубля.

ППС Киргизии

Еще большая проблема возникает с применением коэффициента паритета покупательной способности к экономическим показателям в России. Проблема системная — даже методика, используемая странами ОЭСР с их уровнем взаимной прозрачности, изложенная вкратце на 408 страницах, включает в себя список оговорок и ограничений применимости этого параметра. Сама по себе методика позволяет странам-участникам самостоятельно выбирать товары для сравнения, и целый ряд услуг и товаров часто не попадают в рассмотрение (даже в ОЭСР некоторые страны не включают в ценовую часть анализа образование

или, например, недвижимость). Для вычисления коэффициента одни страны используют цены реальных транзакций, другие — заявленные цены продавцов. Многие используют цены в столице, многие — средние по территории. Цены определяются одними странами в одном конкретном месяце года, другими — в среднем по году.

Проблема с ППС носит и временной характер — на сегодня на сайте ОЭСР размещена информация по предлагаемым значениям коэффициента ППС для стран, не входящих в ОЭСР, только по состоянию на 2011 год. Очевидно, в России с 2011 года произошли кардинальные изменения в стоимости товаров и услуг.

В России ситуация с ППС еще сложнее — у нас существенно искажены цены на коммунальные услуги, разница в цене на одни и те же товары и услуги в разных регионах достигает сотен процентов, потребительские корзины для разных слоев населения в силу высокого расслоения имеют совершенно разный состав. Официально принятый для расчета уровень ППС России, превышающий 320%, вряд ли может адекватно отражать сравнительные уровни цен в России и США — достаточно вспомнить, что более половины потребления россиян составляет импорт, что цены на топливо в России и США сегодня примерно одинаковы, что цены на недвижимость сопоставимы, а по целому ряду продуктов потребительского спроса (продукты питания, одежда, предметы быта, бытовая техника, автомобили и прочее) цены в России по отдельным позициям оказываются выше, чем в США. Еще более наглядно выглядит сравнение ППС России и других стран: в Китае официальный ППС равен примерно 180%, в Киргизии — 330%. Сложно поверить, что в Китае жизнь в 2 раза дороже, чем в России, а в Киргизии — так же дорога.

Но даже если бы мы научились адекватно описывать и оценивать соотношения цен, некорректно применять один коэффициент ППС к двум таким разным вещам, как, например, ВВП и доходы домохозяйств. И дело не в том, что ВВП состоит из доходов домохозяйств только примерно на 50%, а остальное — налоги и корпоративные прибыли. Дело в том, что продуктовая композиция ВВП никак не соответствует потребительской

корзине. В российском ВВП 18% составляют углеводороды и 3% — продукция агропрома. В потребительской корзине среднего россиянина продукты составляют более 50%, а топливо — менее 10%.

Остальная статистика, даже если она касается, казалось бы, совершенно очевидных вещей, тоже неоднозначна. Чего стоит, например, сделанное Росстатом заявление о сокращении количества малых предприятий на 70 000 — почти на 30%, причем только за последний год? Не многого — в этой статистике предприятия никак не разделены на реально функционировавшие и открытые в свое время про запас. Нет никаких данных о количестве фирм, перешедших в разряд «микропредприятий» из-за изменений в методологии классификации по решению правительства в 2015 году. Более того, подсчет количества предприятий делает не только Росстат, но и ФНС: и данные этих двух организаций расходятся на сегодня на 28 000 предприятий, и неизвестно, как далеки и те и другие от реальности.

Уровень шума

Все эти издержки количественных методов нам придется учитывать, анализируя экономику России. Необходимо помнить, что результаты этого будут точны лишь настолько, насколько позволяют данные. Каждую группу данных нужно тщательно анализировать и на достоверность, и на применимость к исследуемому вопросу. В первую очередь приходится избавляться от соблазна оценивать и комментировать малые движения и короткие временные интервалы — например, не имеют никакой аналитической ценности данные о месячных изменениях экономических параметров.

Надо помнить, что значения роста/падения ВВП, доходов или объемов операций менее 2–3% неинформативны, так как остаются в пределах ошибки вычисления или уровня шума, вызываемого проблемами единиц измерения. Точно так же с большой осмотрительностью стоит сравнивать данные по экономикам разных стран, особенно за разные периоды времени. Более или менее безопасно анализировать прозрачные объемы торговли

в физическом выражении (часто они косвенно отвечают на вопрос об изменении доходов и настроений на рынках), а также финансовые показатели высокого уровня, такие как баланс внешнего счета страны, баланс финансовой системы и прочее.

В экономическом анализе как нигде отчетливо проявляется когнитивный эффект предвзятости подтверждения, свойственный человеку. В потоке цифр, значение которых плохо определено и часто непонятно, любой легко находит себе подтверждение именно тех теорий, которые кажутся ему более приятными.

Возможно, поэтому человечество, которое научилось сажать космические зонды на астероиды за миллионы километров от Земли, делая это на скорости тысячи метров в секунду, с точностью до нескольких сантиметров, не только не смогло выработать единой модели успешной экономики, но и до сих пор не знает, как предотвращать регулярные кризисы. Поэтому «все нормально» и «все пропало» еще долго будут превалирующими идеями в обществе в отношении экономической ситуации. Но этот факт не должен останавливать нас от попыток анализа, тем более что даже и без количественных исследований мы сегодня знаем — в экономике России далеко не все нормально, и проблемы нарастают.

Карго-подражание

Миф эпохи постправды — это не только искаженные или выдуманные факты, не только псевдологические интерпретации, игра цифр или ложная индукция. Иногда постправда проявляется в подмене цели или замене целеполагания на «действие по аналогии». Здесь «добиться результата» заменяется на «быть как другие». Как правило, такая конструкция используется манипуляторами в ситуации, где нужный им результат не сообщается манипулируемым, маскируясь под цели, достичь которых очевидно невозможно — зато можно заявить, что для их достижения «все так делают». Короткий пример такой неосознанной манипуляции я приводил в Facebook в 2015 году.

Это очень показательно и удивительно распространено. Нам всем это свойственно — где-то глубоко-глубоко лежит

потребность в истине, которая истиной не является. И мозг, получивший команду из подсознания «Прийти к истине во что бы то ни стало!», изобретает цепочки, удивительно похожие на логические — но лишенные логики. А мы ему верим — потому что хотим верить.

Ян Михайлов, которого я очень уважаю — в том числе за корректную и грамотную манеру дискуссии, пишет комментарий к разговору о «заботе президента Путина о России». Я позволю себе построчный комментарий комментария, чтобы показать, с чем не согласен и почему.

Итак, сам комментарий.

«США замечают страны меньше и менее значительные, чем Россия. Конечно, они замечают ядерную супердержаву, которая может их несколько раз уничтожить. Если Ирак является зоной интересов США, не такой уж натяжкой будет предположить, что страна, в которой большинство — этнические русские, страна, которая столетиями была частью России и отделилась всего пару десятков лет назад, страна, которая имеет тесные экономические связи с Россией и территориально очень близка, может представлять КАКОЙ-ТО интерес для России. Если США могли начать вторжение в Ирак — в страну, которая явно вне зоны их интересов, ничем не угрожает и находится на расстоянии в полмира, — почему не предположить, что Россия могла бы сделать то же самое на Украине?»

А теперь — разберем логику.

«США замечают страны меньше и менее значительные, чем Россия. Конечно, они замечают ядерную супердержаву, которая может их несколько раз уничтожить».

Это сказано в контексте утверждения, что США стремятся России навредить, а Путин нас защищает. Для США не много стран менее значительны, чем Россия, — если не брать в расчет то, что Россия обладает ядерным оружием. Наш товарооборот с США — 6% от их товарооборота с Китаем. Сотрудничество иного рода — почти ноль. Это мы у себя раздуваемся гордостью от обилия необитаемых территорий. США обращают внимание на страну постольку, поскольку у них есть стратегические интересы (идиотское слово, и США со временем наверняка поймут,

насколько идиотское). К стране, которая не торгует с США и которой США нечего дать (с одной стороны), которую нельзя завоевать и установить там «демократию» (с другой стороны), у США интересов нет. Ядерное оружие наше они замечают — и это тем более делает их к нам безразличными.

«Если Ирак является зоной интересов США, не такой уж натяжкой будет предположить, что страна, в которой большинство — этнические русские [кажется, на Украине это не так! — А. М.]... может представлять какой-то интерес для России».

Да не вопрос. Для нормальной страны полмира представляет интерес. Логика же здесь нарушена: почему мы сверяем свои «часы» со штатовскими? Мы же не одобряем их политику?! Или — одобряем? А если пытаемся подражать, то, во-первых, почему не помним, что иракская компания для США — это провал, во-вторых — почему забываем, что именно наши интересы на Украине и были полностью блокированы нашими же действиями — сперва долго сажали бандита на трон, потом шантажировали газом, потом вместо того, чтобы признать переворот и с улыбкой подождать, пока пройдет очередной украинский цикл «перемога — ганьба — зрада — перемога» и разочарованные в ЕС украинцы вернутся к нам, мы украли территории и устроили кровавую баню. Все, нет наших интересов на Украине теперь совсем, и не только на Украине, а и по всему миру, зато есть трупы, разрушения, международная обструкция. Где логика?

«Если США могли начать вторжение в Ирак... почему не предположить, что Россия могла бы сделать то же самое на Украине?»

Даже если оставить в стороне странность сравнения Украины со страной, где политических оппонентов закатывали в асфальт, целый народ травили химическим оружием, захватывали соседей и откровенно нарушали резолюцию СБ ООН, аргументация выглядит нелепой. Что, США правильно сделали? И что, из этого вышло что-то хорошее или все же операция в Ираке

¹ «Победа — позор — измена — победа» (укр.). — *Прим. ред.*

признана полным провалом? Или мы должны повторять любую гадость, которую сделают США? К слову, США все же делают это далеко от своих границ и будучи уверенными, что ответом не станет международная изоляция. Они мало-мало просчитывают последствия. А мы тупо копируем, не понимая разницы и не видя последствий. Кстати, уж раз мы так слепо подражаем, когда США последний раз аннексировали чужую территорию — наверное, все же до соглашения о нерушимости границ, не так ли? А мы?

Уж если предполагать, что это именно США (ну, патология у них такая) хотели выгнать Россию с Украины, то именно российские действия от начала и до конца обеспечили им такую возможность. Мы применительно к России часто произносим слово «карго-культ». Боюсь, что в данном случае мы имеем дело с карго-подражанием политике США. Но соломенные самолеты не летают, даже если вокруг них танцевать с бубнами. Так что не надо о «геостратегических интересах России». Если они и есть, то сегодня защищаются наилучшим образом.

**Часть
вторая**

Диктатуры и демократии

**КАК ОШИБАЕТСЯ БОЛЬШИНСТВО
ЭФФЕКТИВНАЯ ДИКТАТУРА?
ЗАДАЧА О ПЯТИ МОРСКИХ РАЗБОЙНИКАХ**

73

Мы не можем адекватно предсказывать будущее (хотя в соответствующей главе я этим займусь), но точно можем говорить о проблемах настоящего, которые отражаются на наших перспективах. Одна из таких проблем — несовершенство существующих демократий. Отсутствие защиты от популизма становится все более заметным: уже не только в странах «хрупких демократий» типа России или Венгрии власть демократическим путем переходит ко все более популистски настроенным политикам. Брекзит в Великобритании, победа Трампа в США, усиление «правых» в Швеции — первые свидетельства хрупкости конструктивной демократии даже в самых «надежных» развитых странах. Но наблюдать за процессом всегда проще вблизи — поэтому моя статья в «Снобе», написанная 15 августа 2016 года, больше о России, хотя, конечно, не только.

Как ошибается большинство

«Единая Россия» пойдет на выборы под лозунгом «Большинство не ошибается». Использование в начале XXI века *argumentum ad populum* кажется шуткой, но это не шутка. Для мало-мальски образованного человека такой лозунг выглядит откровенным вызовом — опыту, науке, культурным и этическим основам общества, наконец, здравому смыслу. У человека, обладающего неплохой памятью, он вызывает неприятные ассоциации: что-то подобное изрекали Муссолини и Гитлер, повторяли Марин Ле Пен, Кастро и Чавес.

Бессмысленность лозунга начинается со слова «большинство». Большинство кого? Если это — большинство населения Земли, то при чем тут «Единая Россия» и как быть с тем, что большинство стран мира официально неоднократно осуждали политику России с трибуны ООН в последнее время? Может, речь идет о большинстве населения России? Но разве Россия однородна? А что, если разделить это население на, скажем, мужчин и женщин (христиане и мусульмане, москвичи и немосквичи, молодые и пожилые — тоже подойдут) и сравнить их мнения? А если мнения двух этих частей окажутся в чем-то разными, чье большинство будет правее и как быть с другим, неправым большинством? А когда начинается гражданская война, как 100 лет назад в России, где искать это всегда правое большинство? Или в этой ситуации появляются два большинства — по обе стороны фронта? Кто из них прав? Тот, кто победил? А когда большинство часто и беспричинно меняет свое мнение (а это регулярно происходит), когда оно право — сперва или потом?

Но даже если отбросить вышеуказанные соображения как «придирки», идея «народ всегда прав» прямо противоречит и российским религиозным «скрепам», и основам философии, и базовым представлениям психологии. Потому естественно, что с исторической (как и с социологической) точки зрения она не выдерживает самой элементарной проверки. Да, убеждать в этом, мне кажется, некого: нынешняя власть в России категорически не верит в этот лозунг сама и постоянно это открыто демонстрирует.

Христианство (а православие все еще считается его иерархами христианством) ставит во главу угла личность, а не общество и отрицает как безгрешность, так и абсолютную мудрость и того и другого. Но если человек в представлении христианина еще может путем духовного усилия стать лучше и способнее к принятию нравственно правильных решений (и то — исключительно в диалоге с Богом), то общество в целом в принципе не знает такого пути. Библия недвусмысленно противопоставляет личные решения и решения большинства. Большинство населяет Содом и Гоморру, рвется назад в Египет, создает золотого тельца, постоянно отклоняется от веры и Завета, гонит и проклинает пророков, наконец, требует распять Иисуса, а затем подвергает преследованиям страстотерпцев. Противостоят этому большинству личности — пророки и учителя и проповедники, святые и мученики (от большинства принимающие свои мучения).

Философия достаточно четко определяет роль большинства в процессе развития общества. Новое, более прогрессивное, создается незначительным меньшинством и изначально всегда отрицается большинством, которое интенсивно борется за сохранение старого. Постепенно новое завоевывает все больше сторонников, и, когда их становится достаточно, новое наконец начинает доминировать — и в этот момент устаревает и тормозит уже следующее новое. Это всего лишь социальная реализация закона «отрицания отрицания», одной из основ современной диалектической философии. «Племя часто думает, что провидец повернулся к нему спиной, когда на самом деле он просто повернулся лицом к будущему», как сказал Рэй Девис. Большинство не просто ошибается, оно ошибается всегда, поскольку всегда препятствует прогрессивному развитию.

Большинство — носитель стереотипов и отживающих норм. В процессе развития человечества большинство последовательно поддерживало каннибализм и человеческие жертвоприношения, братоубийственные войны, веру в способность молитвы вызвать дождь и в возможность предсказывать будущее по внутренностям животных, теории о том, что Земля

плоская, мыши заводятся из грязи в белье, от совокупления дьявола с женщиной рождаются дети, а чума — божья кара. Большинство не так давно требовало от мужчин носить чулки, серьги, шляпы и красить лицо, а потом стало требовать того же от женщин; большинство принимало рабство вплоть до конца XIX века, монархию — до начала XX-го. Большинство в разных странах уже в XX веке известно тем, что принимало сегрегацию и апартеид, фашизм, коммунизм, маоизм, национал-социализм и прочие порождения бесовского разума. Большинство выступало за тюремное заключение для геев и запрет женщинам носить штаны — а незадолго до этого за запрет получения женщинами высшего образования. Множество исторических личностей, правоту которых не принимало большинство (Галилей и Джордано Бруно — самые банальные примеры), дополняют пантеон христианских мучеников. В этом смысле, конечно, «христианское большинство» никак не отличалось от любого другого: продажи индульгенций, охота на ведьм, освященное церковью рабовладение, внутрехристианские религиозные войны — это только часть «достижений», поддержанных в свое время христианским европейским большинством. Стефан Цвейг описывает свой ужас, вызванный поддержкой начала Первой мировой войны абсолютным большинством населения христианской Германии.

История России тоже полна ошибками большинства — от периода Смутного времени (когда большинство поддерживало то Годунова, то польского ставленника Лжедмитрия, то его врага Василия Шуйского, то просто бандитов) до революции 1917 года, когда большинство встало на сторону радикальных политических авантюристов. Почитаемые сегодня (справедливо и не очень) российской властью исторические личности — Рюрик, великий князь киевский Владимир, Александр Невский, Иван Грозный, Петр I, Столыпин и прочие — все шли против мнения большинства, причем иногда делали это с невероятной жестокостью. В то же время герои прошлого, старавшиеся опереться на большинство (как, например, Ленин или Ельцин), сегодня явно не в почете у официальных агитаторов.

На практике власть в России публично демонстрирует неприятие принятого ею же предвыборного лозунга. Во всех аспектах своей деятельности она последовательно стремится минимизировать роль самоуправления, принятия решений большинством, выдвижения общественных инициатив. Отменена значительная часть выборных процессов, включая выборы губернаторов; регулирование во всех сферах достигло невиданного даже в СССР уровня, и инициатива общества полностью подавлена; система управления страной фактически свелась к личному администрированию через распоряжения президента; количество контролирующих организаций, полицейских, сотрудников других силовых структур на душу населения выше, чем в большинстве стран мира; уровень требуемой «открытости» и подотчетности также беспрецедентен; фактически ограничена свобода любых общественных действий, в первую очередь собраний. Очевидно, что власть не готова доверить ни большинству, ни какой бы то ни было части общества принятие мало-мальски существенных решений, кроме разве что решения в очередной раз поддержать эту самую власть.

Как ни странно это прозвучит, реальная, а не пропагандистская позиция российской власти, отказывающей большинству в праве на принятие решений, в каком-то смысле разумна. Человеку свойственно ошибаться, говорили древние римляне. Тем более свойственно ошибаться обществу, общественному большинству, говорят психологи и социологи.

Самое простое (но недостаточное) объяснение этого феномена нужно искать в составе «большинства». К сожалению для нашего сегодняшнего мира, большинство в нем составляют те, кому мы не хотели бы доверять ответственные решения. Большинство людей и в мире, и в России не имеет высшего образования, а профессионалы в процессах принятия решений, экономике, политологии, истории составляют доли процента. Да что высшее образование — в России средний балл по базовому (!) ЕГЭ по математике в 2015 году составлял меньше 4 по пятибалльной шкале — более 50% выпускников оказались троечниками даже на базовом — примитивном — уровне проверки знания математики. В России существенное

большинство¹ мужчин курит (а вместе с курящими женщинами это 37% населения). Большинство людей в России подвергают себя риску ранней смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, ведя нездоровый образ жизни, а более 60% смертей от неинфекционных болезней в возрасте до 70 лет в России становятся следствиями такого образа жизни (примерно 30% — это алкоголизм и более 30% — сердечно-сосудистые заболевания). По статистике², более 50% людей в России не способны совершить эффективный выбор долгосрочного партнера и более половины браков распадаются (в 2014 году отношение разводов к заключенным бракам вообще дошло до 83%).

В большинстве своем людям свойственны существенные ошибки восприятия, влияющие на принятие решений. Основными будут «заякорение» — принятие предложенного количественного уровня или качественной характеристики как точки начала отсчета, вне зависимости от его (ее) осмысленности (это отлично знают продавцы на восточных рынках, сразу называя цену во много раз больше желаемой); согласие с ложной индукцией, то есть принятие за истину логически верного построения на базе неверной посылки; переоценка собственного опыта и доступной информации (редкое, но пережитое нами или хорошо известное событие кажется нам более вероятным, чем более частое, но неизвестное по опыту). Наконец, большинству людей свойственно существенно переоценивать свои способности и возможности. Простые опросы показывают: порядка 70% человек верят, что они водят машину «лучше среднего»; эксперименты, в которых испытуемых просят ответить на вопросы с «90%-ной точностью», обычно дают точность ответов не выше 50–60%. Особенно ярко эти явления проявляются в профессиональной сфере: более 90% инвестиционных фондов показывают результаты хуже индексов; более 50% стартапов не проживают

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5#.D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D1.8F>. — Прим. авт.

² <http://molodsemja.ru/soveti/statistika-brakorazvodnyx-processov-v-rossii.html>. — Прим. авт.

года, более 90% — умирают, не принеся прибыли создателям и инвесторам; средний инвестор на рынке проигрывает инфляции; людям свойственно участвовать в конкурсах, в которых побеждает менее половины участников, чаще — один из нескольких (соответственно, большинство переоценивает свои шансы). Большинство же (по статистике) верит коммерчески мотивированным фальсификациям, таким как гомеопатия или финансовые пирамиды, не принимая во внимание отрицательные результаты научных проверок и данные статистики (я уже не говорю о соображениях логики); большинство легко поддается на рекламные трюки, принимает нерациональные финансовые решения, действует себе во вред в групповых взаимодействиях, поскольку не способно адекватно просчитывать потенциальные результаты, и совершает эмоциональные, а не рациональные поступки. Яркое свидетельство того, что возможность принимать рациональные решения ограничена, — религиозность большинства населения Земли, а приверженность религии невозможно объяснить рациональными соображениями.

Но большинство плохо принимает решения не только потому, что состоит в основном из неготовых к рациональному принятию решений индивидуумов. Общество склонно к групповому мышлению — отсюда стремление к конформности и иллюзия отсутствия персональной ответственности в результате присоединения к решению группы. То, что группа думает хуже, чем индивидуумы в отдельности, а «большинство» опаснее, чем личность, отлично знают законодатели еще со времен Древнего Рима. Совершение деяния группой является отягчающим обстоятельством (примерно так же, как совершение его в состоянии алкогольного опьянения) во множестве уголовных кодексов: снижающуюся в группе способность адекватно мыслить законодатели пытаются уравновесить увеличением тяжести наказания, чтобы члены группы были не менее осторожны, чем поодиночке.

Групповые решения большинства, как правило, являются не информированными и обдуманными, а индуцированным сочетанием активно продвигаемых идей немногих лидеров группы (преследующих собственные интересы) и сильным желанием

основной массы группы соответствовать большинству и избегать конфликта. «В группе людей... конформизм или желание социальной гармонии приводят к некорректному или нерациональному принятию решений», — пишет Ирвинг Джейнис, автор понятия «групповое мышление». Результаты многочисленных экспериментов подтверждают, что даже крупные группы профессионалов, принимающие решения большинством голосов, как правило, демонстрируют нисходящую динамику качества принимаемых решений, очень скоро опускаясь на уровень решений менее рациональных и эффективных, чем у непрофессионалов, принимающих те же решения индивидуально.

«Члены группы пытаются минимизировать конфликт и достичь единого решения без достаточной критической оценки альтернативных точек зрения, активно пресекая отклоняющиеся мнения и изолируя себя от внешнего влияния. В такой ситуации единомыслие приобретает большую ценность, чем следование логике и рациональному мышлению. Уровень конформизма при этом значительно возрастает, существенная для деятельности группы информация подвергается тенденциозному толкованию, культивируется необоснованный оптимизм и убеждение в неограниченных возможностях группы. Информация, которая не согласуется с принятой линией, членами группы игнорируется или значительно искажается. В результате складывается впечатление о единогласном принятии решений. Групповое мышление может иметь далеко идущие социальные и политические последствия: в истории есть много примеров трагических ошибок, совершенных в результате подобных решений», — утверждает Ирвинг Джейнис.

Он же выделяет восемь признаков развития феномена группового мышления:

1. Идея верности всех принимаемых решений, создающая необоснованный оптимизм и побуждающая к принятию высокого уровня риска.
2. Вера в понимание группой «настоящих» морально-нравственных истин и, как следствие, игнорирование членами группы реальных последствий своих действий.

3. Игнорирование информации извне, если она может поставить под сомнение выводы, сделанные группой.
4. Представление оппонентов группы как слабых, корыстных, злобных и неумных.
5. Самоцензура каждым членом группы собственных идей, которые могут противоречить общему мнению группы.
6. Иллюзия единогласия, когда молчание принимается как знак согласия.
7. Прямое давление группы на каждого своего члена и обвинение в нелояльности любого из них, кто подвергает сомнению ее решения.
8. Появление «контролеров мышления» разного типа («стукачей», «идеологов», «фанатиков») — членов группы, которые ограждают группу от информации, противоречащей ее общему мнению, и от отличных от принятого мнений.

Современный развитый мир достаточно последовательно движется в сторону все большей демократизации, которая на первый взгляд выглядит как движение в сторону все большего веса решений, принимаемых «большинством». Многим известным ученым и политикам случалось даже обвинять демократию в стремлении к «подчинению групповым решениям», в том числе Фрэнсису Гальтону, известному психологу (он приходился двоюродным братом Чарльзу Дарвину). «Чтобы разочароваться в демократии, достаточно 5 минут поговорить со средним избирателем», — говорил Уинстон Черчилль, последовательный сторонник демократии, имея в виду, конечно, не саму демократию, а вульгарное ее понимание — так называемую охлократию, прямую власть большинства. Конечно, перекос в групповую сторону — это, скорее, опасное отклонение, временная остановка на пути развития демократии, чем норма, и это хорошо понимают демократические лидеры.

Реальное достижение развитой демократии — не принятие позиции большинства или создание механизмов группового принятия решений, а защита прав меньшинства и успешное

подавление эффекта группового мышления при сохранении возможности всех членов общества влиять на управление страной. Развитые демократии сформировали целый арсенал мер и механизмов, которые защищают общество от диктатуры большинства и эффекта группового мышления:

- предоставление личности права индивидуальных, а не групповых решений в возможно более широком спектре вопросов (значительное расширение права человека на принятие собственных решений и толерантность, отход от групповых стандартов, индивидуальность решений при голосовании);
- естественное разбиение общества на конкурирующие группы (в том числе партии) не с целью выбора большинством одной лучшей, а с целью формирования палитры разных мнений, препятствующих возникновению конформного консенсуса;
- свобода доступа к информации, провоцирующая возникновение разных мнений;
- свобода критики общества и власти и даже провокация такой критики в процессе политической борьбы;
- обязательная частая сменяемость лидеров;
- учет *minority opinion* в самых разных формах;
- создание двухпалатных органов принятия решений с формированием палат по разным принципам, причем иногда одна из палат вообще формируется не методом мажоритарных выборов;
- формирование обязательных экспертных фильтров для любых значимых решений;
- создание жесткой конструкции из базовых законов (типа конституции, билля о правах), которые защищают основы демократии и права меньшинств и не могут быть отменены просто решением большинства;
- распределение полномочий — в органах власти, в системах принятия решений, контроля, законотворчества;

- федерализация с предоставлением права принятия большого числа решений на местном уровне;
- максимальная индивидуализация системы принятия решений даже внутри системы власти, в том числе путем наделения чиновника максимальной свободой принятия решений (естественно, в рамках закона) и правом на инициативу.

Наконец, огромную роль в защите общества от группового мышления в демократических странах (да и в других тоже) играет особая прослойка граждан, иногда называемая интеллигенцией. Эти люди, как правило, высокообразованные и профессиональные в своих сферах, обладают гипертрофированно индивидуалистическим складом характера и занимают позицию критиков общества, существующей реальности, власти — позицию, которая иногда кажется деструктивной («а что вы предлагаете-то, почему только критикуете?»), но крайне важна в деле защиты общества от эффектов группового мышления и стимулировании конструктивного развития. Интеллигенция пользуется большим уважением в демократических обществах и, разумеется, гонима в обществах, где групповое мышление служит интересам власти, поддерживаемой большинством.

При всем при этом нельзя не признать, что демократия периодически дает сбои — и в самых развитых демократиях *argumentum ad populum* и групповое мышление время от времени прорываются сквозь преграды — так появляются роковые ошибки, ведущие к страшным последствиям. Демократия, например, не защитила Германию от нацизма, а (пример другого масштаба, но показательный) Великобританию — от попадания на грань выхода из ЕС. При этом в последнем случае мы видим, как механизмы защиты в демократической системе начинают срабатывать: несмотря на решение референдума, Соединенное Королевство пока не торопится с действиями.

Демократическое общество и структурно, и с точки зрения процессов противопоставлено в этом смысле примитивным группам, руководимым автократичными лидерами. Именно в последних (как это ни странно кажется на первый взгляд)

решения в конечном итоге принимает большинство, толпа: большинство всегда имеет физическую возможность сменить лидера, и разрушенные (или не созданные) в автократиях общественные институты не защищают его, как это происходит в демократии. Конечно, автократичные лидеры не верят в эту возможность, но лишь в силу тех же ошибок восприятия — переоценки собственных сил и недооценки вероятности негативных явлений. По статистике, подавляющее большинство авторитарных лидеров сменяется в процессе народного противостояния, большинство таких лидеров до сих пор заканчивают свою жизнь либо в результате убийства, либо в тюрьме. Лозунг «Дуче не ошибается», который, как правило, принимается большинством в примитивной группе — будь на месте дуче сам Муссолини, Сталин, Гитлер, Мао, главарь мелкой банды или лидер деструктивного культа, — является всего лишь отражением лозунга «большинство не ошибается» в вопросе выбора этого лидера; «не ошибающееся» большинство при этом часто меняет свое мнение.

Автократичные лидеры стремятся спровоцировать групповое мышление в управляемом ими социуме, чтобы защитить себя от конкуренции. Лидеры таких примитивных групп в борьбе за сохранение своего статуса играют на простых желаниях и пороках большинства. Лесть в адрес общества, заигрывание с примитивными эмоциями, в том числе использование переоценки членами общества своих возможностей и их стремления к конформности, к присоединению к большинству, за мнение которого выдается мнение власти, — стандартные атрибуты политики авторитарных и авторитарных лидеров. Но их несменяемость, формирование закостеневшего круга элиты, активная борьба с критикой под видом борьбы с «врагами общества», изоляция существенной части или всего общества от контактов с внешним миром ведут не просто к доминированию группового мышления, а к образованию «вложенных групп», ситуации, при которой групповое мышление становится базой для принятия решений не только в «послушном обществе», но и в самой власти, на каждом уровне иерархии, включая самый высокий.

О том, что в России победила идеология «примитивной группы», уже написано много, в том числе и мной¹. Не стоит удивляться, что правящая партия (а на самом деле — техническая структура, позволяющая одной группе удерживать власть в стране и подтверждать свое право на нее путем проведения выборов) берет для саморекламы лозунг, отражающий самую суть мышления примитивной группы. Странно лишь, что этот лозунг слишком уж открыто произнесен: как правило, члены примитивной группы инстинктивно скрывают свое положение и свою мораль, а откровенность скорее пугает их, чем привлекает. Судя по всему, уровень качества работы с обществом (как, впрочем, и всех других активностей) у власти падает, сама власть становится жертвой деструктивных последствий группового мышления и продвижения на первый план примитивных, неэффективных и даже саморазрушительных идей. А может быть, все еще проще: этот лозунг порожден тонкой иронией подрядчиков, создающих имидж «Единой России». Циничные профессионалы, которые за немалые деньги готовы организовать пиар хоть самому черту, видя откровенно низкий уровень запросов заказчика, позволяют себе получить удовольствие от неприкрытого троллинга.

У появления этого лозунга здесь и сейчас есть своя мораль. Чем дальше развивается ситуация в России, тем более явной становится попытка построить своеобразную реплику СССР, с его псевдоидеологией «диктатуры большинства». Опыт СССР, как все мы помним, начался, продолжался и завершился трагически. Похоже, что снова оказывается прав Георг Вильгельм Фридрих Гегель: история, повторяясь дважды, в первый раз предстает в виде трагедии, второй — в виде фарса. Возможно, в этом переходе — из трагедии в фарс — и состоит главное достижение России в последние 25 лет, а появление подобного лозунга — хороший признак: жить в эпоху фарса не слишком приятно, но все же лучше, чем в трагическую эру.

¹ Об этом см. главу «Оправдание зла в примитивной группе». — *Прим. авт.*

Прошло 2 года после выхода этой статьи — и бесменный председатель конституционного суда России Валерий Зорькин не только повторил лозунг «Единой России», но и существенно развил его в статье в «Российской газете»: «...права меньшинств могут быть защищены в той мере, в какой большинство с этим согласно». И если в конце той статьи я писал о фарсе, то совершенно фашистское заявление председателя Конституционного суда просто пугает. Действительно — история знает немало примеров, когда большинство отказывало меньшинству в правах: это и сегрегация в США, и холокост в Германии, и геноцид в Турции. Принцип истинной демократии состоит в том, что большинство устанавливает правовую систему, **одинаковую** для всех, в том числе для несогласного с такой системой меньшинства. В этом смысле права меньшинств защищены ровно так же, как и права большинства — не больше и не меньше. Вариант же Зорькина — это ворота в ад. Понятно, почему Валерий Зорькин — человек, верный существующей в России власти, — говорит такую фразу: нынешняя власть, умело обращающая недостатки группового мышления и неэффективность демократии себе на пользу, является прямым бенефициаром принципа диктатуры большинства. Жаль, что он не понимает, что можно долго обманывать кого-то или недолго — всех, но долго обманывать всех никому еще не удавалось. Рано или поздно насажденный Кремлем принцип диктатуры большинства ударит и по самой власти, и по России как государству. И фарсом это уже не будет.

Эффективная диктатура?

Но если большинство не может качественно управлять страной, то не стоит ли обратить внимание на успешные примеры диктатур? Вопрос этот крайне популярен, я слышу его едва ли не каждый раз, когда на лекции или в дискуссии говорю о проклятии диктатуры большинства. Вслед за Сергеем Гуриевым я могу только ответить: «Увы, хотя мы знаем примеры успешных диктатур,

на один Сингапур приходится 100 Заиров». Именно об этом я писал для Slon (сейчас Republic) 15 апреля 2015 года.

Любовь к Сингапуру в России в разных формах проявлялась уже давно, и печальное событие — смерть многолетнего диктатора Сингапура Ли Куана Ю — стало поводом активно выразить эту любовь в виде множества хвалебных статей, анализов «сингапурского чуда», прогнозов на будущее и осторожных комментариев относительно нынешних проблем этой уникальной страны.

Понять эту любовь несложно. С начала 1960-х годов Сингапур управлялся диктатором, который лишь в 1990-х отошел от власти, чтобы вскоре поставить на свое место сына. Тем не менее (и, как многим хочется верить, благодаря этому) за это время в стране произошла экономическая революция, вознесшая Сингапур в число стран с самым высоким подушевым ВВП в мире. России, население которой высоко ценит материальные блага и одновременно тяготеет к авторитарному стилю государственного управления, опыт Сингапура в каком-то смысле дает надежду на удачное совмещение того и другого. И, несомненно, российская правящая элита, которая высоко ценит свое положение, материальные блага для себя и лояльность населения, видит в образе Сингапура надежду на сочетание всех трех параметров.

Доллары вместо процентов

Классическая экономическая наука, на первый взгляд, не готова вынести вердикт о том, какие режимы в среднем создают более высокие темпы роста ВВП — диктаторские или демократические. Если в период с 1820-х до 1950-х годов между демократиями и диктатурами существовала очевидная разница (демократии увеличивали подушевой ВВП в среднем на 2% в год, а диктатуры — на 0,86%¹), то с 1950 года эти показатели составляют 2,4 и 2% соответственно, сводя разницу к минимуму.

¹ Данные приводятся по: Democracy Versus Dictatorship: The Influence of Political Regime on GDP Per Capita Growth. Miljenko: Antić. — Прим. авт.

Однако обычные исследования страдают рядом формализаций, которые, хотя математически и абсолютно точны, с экономической точки зрения никак не могут отражать реальную картину и отвечать на вопрос, какие шансы имеет диктатура на экономический успех. Во-первых, использование показателя процентного роста ВВП существенно искажает реальность: качество экономики определяется абсолютными цифрами, а не процентами. Китай, растущий на 7% в год, значительно беднее США, растущих на 3%. Гораздо адекватнее будет картина, если мы заметим, что ВВП на человека в Китае растет на 450 долларов в год, а в США — на 1600.

Во-вторых, в работах, как правило, использовались усредненные данные по всем экономикам определенного типа, поскольку предполагалось, что все они должны быть более или менее одинаковы. Однако если разброс между средними темпами роста ВВП в демократиях составляет 3–4 раза, то тот же разброс в авторитарных режимах может составлять и сотни раз. Диктатуры, управляемые твердыми руками небольшой группы лиц, оказывается, могут вести себя очень по-разному, демонстрируя результаты, которые нельзя описать единими средними значениями. Более того, во второй половине XX века некоторым диктатурам повезло получить в свое распоряжение масштабные природные ресурсы, которые в течение 1970-х и 2000-х годов сильно выросли в цене и существенно улучшили показатели этих стран. Таким образом, для адекватного анализа нам придется выделить минимум три группы автократий: «обычные», обладающие ресурсами и «необычные».

Кроме того, большая часть исследований обходила вниманием страны, которые пережили за последние 50 лет как периоды диктатуры, так и периоды демократии. Но, оказывается, сравнение показателей таких стран в разные периоды может быть даже более значимым, чем сравнение разных стран с разными начальными условиями.

Ниже приведены результаты, рассчитанные на основании данных Angus Maddison и NYU. Из рассмотрения исключены совсем маленькие и архаичные государства, а также те, чей

ВВП totally зависит от внешних факторов (например, карибские офшоры или Бруней, живущий только нефтью и газом). Под «демократией» понимался строй, при котором в стране существует эффективная конкуренция элит и сменяемость власти, даже если в процесс реального выбора вовлечено не все население, — например, демократией считался период с 1991 по 2011 год в России, с 1994 года в Сингапуре и с 1982 года в Китае. Разумеется, граница между демократией и диктатурой довольно размыта, но, как будет видно из результатов, эта граница не так уж и важна — страны,

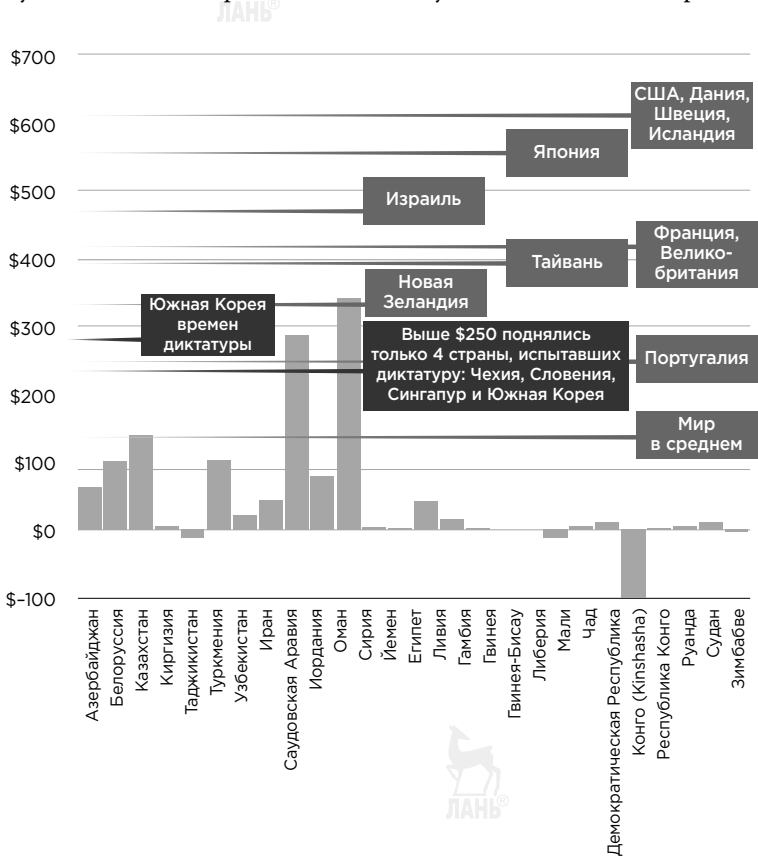

Рис. 1. Страны, пережившие за последние 55 лет периоды и демократии, и диктатуры
 Источник: Republic.

испытавшие диктатуру, «отмечены печатью», даже если диктатура продолжалась недолго. Из рассматриваемых 130 стран за последние 55 лет 60 стран мира испытали периоды как диктатуры, так и демократии, и 26 стран оставались диктатурами в течение всего периода времени.

Интереснее всего выглядят результаты сравнения периодов демократии и диктатуры в 60 странах «смешанного типа». На рис. 1 каждая страна обозначена точкой с абсциссой (ось x), равной разнице между средним ростом ВВП (в долларах 2005 года) в периоды демократии и в периоды диктатуры, и ординатой (ось y), равной среднему росту ВВП этой страны за все 55 лет.

Выводы очень любопытны. Только 5 стран из 60 показывали более высокий рост ВВП во время диктатуры, чем при демократии. Это Лаос, Алжир, Тунис, Парагвай и Венесуэла, которую стоит отбросить хотя бы потому, что мы точно знаем причину перекоса — огромные нефтяные доходы, и хорошо видим, что происходит в Венесуэле сегодня, когда цена на нефть упала. Наверняка феномену остальных есть индивидуальные объяснения, но нас больше интересует, что все эти страны росли в среднем медленнее 72 долларов в год. Выше 72 долларов мы не встретим ни одной такой страны — 100% стран будут лучше расти в демократические периоды. Даже Сингапур, росший в среднем на 837 долларов в год при Ли Куане Ю, стал расти на 1078 долларов после относительной либерализации. «Условные демократии», как в Китае и России, лучше диктатур, но сильно проигрывают демократиям реальным. В том же Китае средний рост ВВП с 1982 года по сегодняшний день (то есть с начала реформ Дэна Сяопина) составляет, конечно, много больше, чем 14 долларов на человека в год, как до 1982 года, но всего лишь 174 доллара. Средний рост ВВП Тайваня за то же время — 479 долларов, Гонконга — 764, Японии — 569. Похоже, что диктатура может быть лучше демократии только в очень бедных и очень «медленных» странах, и то крайне редко.

На примере большинства стран интересно наблюдать, как диктатура разрушает рост ВВП, а демократия его создает.

На рис. 2 представлен пример Южной Африки. До 1994 года (период апартеида) рост подушевого ВВП замедляется, в момент смены формации он проваливается еще ниже и начинает расти после перехода к демократии. Что бы мы ни говорили про разгул преступности, нежелание местного населения работать, былую аккуратность и трудолюбие буров, подушевой ВВП ЮАР растет при демократии быстрее, чем во времена апартеида.

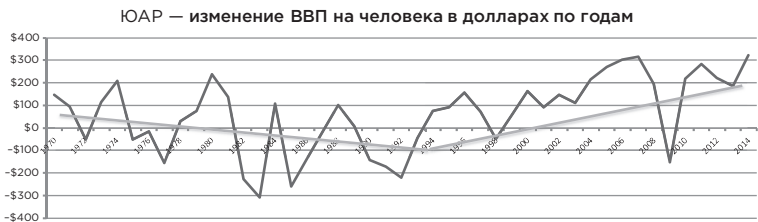

Рис. 2. Рост подушевого ВВП ЮАР в долларах

Источник: Republic.

Наконец, как соотносятся показатели роста ВВП на человека в долларах у «убежденных диктатур» с показателями других стран? На рис. 3 представлен средний рост ВВП за 55 лет в этих странах в сравнении с некоторыми демократиями.

Как видно, только одна страна, Казахстан (кроме Саудовской Аравии и Омана, двух нефтедобывающих диктатур), показывает результат выше среднемирового. Но даже этот уровень в 2 раза ниже показателя Португалии — бедной демократической страны, вышедшей из диктатуры 40 лет назад. Даже из стран, в которых диктатуры сменялись демократиями, догнать или обогнать Португалию сумели лишь 4. Две из них — небольшие европейские страны (Чехия и Словения), получившие массивную помощь ЕС, две другие — Сингапур с Южной Кореей.

Судя по истории, если вы строите в своей стране диктатуру при росте экономики более чем 72 доллара на человека в год, у вас нет шансов улучшить ситуацию по сравнению с демократическим

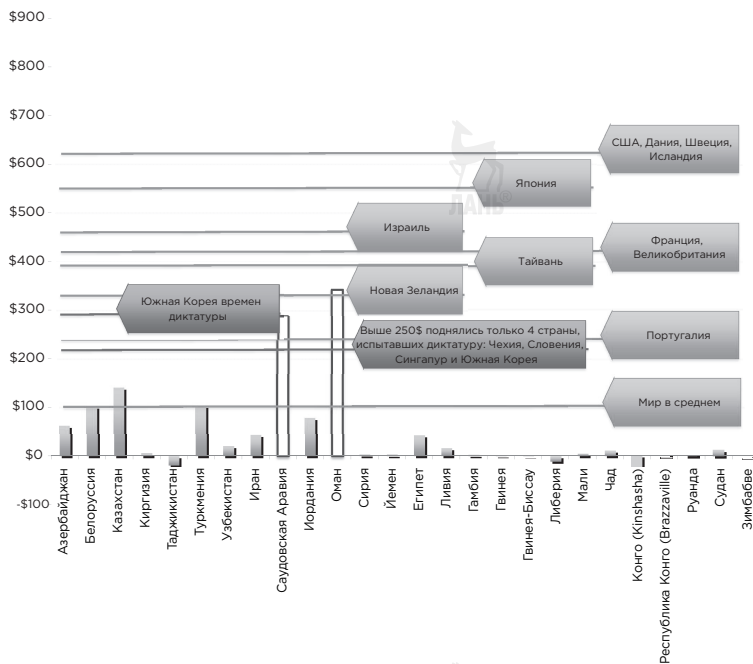

Рис. 3. Средний рост подушевого ВВП в странах, где диктатура сохранялась весь период 1950–2005 годов, в сравнении с демократиями
 Источник: ERS International Macroeconomic Data Set/Republic.

вариантом. Более того, если вы выбираете диктатуру даже на какое-то время, у вас будет только три шанса из 86 (около 3,5%), что в течение 55 лет рост ВВП вашей страны будет не ниже, чем у страны типа Португалии (если считать его в долларах).

Факторы успеха диктатур

Значит ли это, что диктатура не может быть экономически успешной? Конечно, нет. Сингапур и Южная Корея — примеры стран, в которых диктатуры привели к быстрому росту ВВП (но не известно, не был бы он еще более значительным, если бы в этих странах изначально появились демократии). Бразилия — пример страны, в которой рост ВВП в демократические периоды

был лишь чуть выше, чем в периоды авторитарные. Но мы знаем, что шансы на успех незначительны. Возможно, они совпадают с шансом на то, что захвативший власть диктатор будет умным человеком, способным и желающим проводить прогрессивную экономическую политику.

Но, если мы все же хотим рискнуть, нам стоит обратить внимание на общие черты политики успешных диктаторов, тем более что они бросаются в глаза при изучении «случаев успеха» (и в деталях описаны, например, в работах Якова Миркина).

Явную роль в успехе играет опора на британско-американскую систему права: Сингапур буквально использовал британское право; Южная Корея заимствовала большую часть американского права в области хозяйственных и административных отношений. Для всех успешных диктатур общим правилом является приглашение во власть выпускников британских и американских вузов, стимулирование получения западного образования элитой. Можно говорить и шире: все более или менее успешные диктатуры имели своего рода долгосрочный контракт с условным Западом, включавший в себя масштабные инвестиции, открытые рынки для западных корпораций, двусторонние торговые преференции и прочее.

В том же ряду стоит активное привлечение иностранного капитала. Существенно отличает все исследуемые страны быстро растущая монетизация экономики и объем кредитов: в Сингапуре соотношение $M2^1$ к ВВП при Ли Куане Ю превышало 92%, в Южной Корее при Чоне Ду Хване — 81% (сейчас соответственно 132 и 141%); отношение кредитов к ВВП в Сингапуре доходило до 63% (сейчас 84%), в Южной Корее — 58% (сейчас 103%). В Сингапуре шла реальная и довольно успешная борьба с коррупцией; в Южной Корее, Бразилии и ряде других относительно успешных диктатур такая борьба либо не шла, либо

¹ $M2$ — это так называемый монетарный агрегат, наиболее точный индикатор количества денег в экономике, включает в себя наличные деньги в обращении вне банковской системы + остатки на текущих, расчетных счетах до востребования в национальной валюте как населения, так и предприятий + срочные депозиты — вклады, размещаемые на определенный срок, срочные депозиты предприятий и пр.

не увенчалась значительными успехами, так что говорить о ней как о необходимом условии, скорее всего, нельзя. Зато во всех успешных диктатурах было дешевое правительство — до 10–12% ВВП. Наконец, везде особое внимание уделялось льготному налогообложению.

Россия сегодня сильно отличается от успешных диктатур по всем указанным показателям. Существенные отличия включают принципиально другую систему права и низкую эффективность правоприменения, напряженные отношения с Западом, приводящие к принципиально более низкому уровню инвестиций и остановке технологического сотрудничества, низкой доле выпускников лучших университетов в правительстве и других органах власти. Монетизация российской экономики (M_2 /ВВП) составляет 43,1%, отношение кредита к ВВП ниже 43%; российское правительство стоит более 18% ВВП, притом что в России одна из самых высоких эффективных налоговых нагрузок в мире.

Если мы в России действительно хотим испытать свои шансы, нам нужно многое менять прямо сейчас. Есть 3,5%-ная вероятность того, что опыт Ли Куаня Ю нам поможет. Правда, с вероятностью 96,5% демократизация сработала бы лучше.

Задача о пяти морских разбойниках

Демократия — это система принятия решений, предполагающая защиту интересов всех граждан путем делегирования возможности решения большинству. Однако, как показывает практика, эффективность такого метода сильно зависит от «постановки задачи» — условий, при которых происходит выбор индивидуального решения каждым членом общества и их объединение в решение большинства. Вопросы таких условий — предмет изучения скорее не социологии или экономики, а теории игр. И ответы, которые дает эта наука, часто удивительны и печальны — не так уж сложно создать условия, в которых демократия превращается в кошмар.

Одна такая задачка рассматривается мной в статье, написанной для «Сноба» 6 сентября 2017 года.

Пока в российском обществе шли затяжные дискуссии относительно правомочности аннексии чужих земель и возможности развиваться, несмотря на положение страны-изгоя, Россия без лишнего шума установила новый рекорд: по итогам 2016 года в руках долларовых миллионеров (по разным данным, их в России до 132 000 человек) оказалось 62% национального благосостояния. Такой результат и очевидный тренд (индекс Джини в России вырос на 10% с начала века) заставляет задуматься о причинах ошеломляющего уровня неравенства в России. Те, у кого кругозор пошире, вспоминают, что подобное было свойственно России и раньше — и 100, и более лет назад. Впрочем, так же легко убедиться, что в мире было множество стран, где неравенство было сравнимо по масштабам и даже больше, чем сегодня в России.

Мне хочется посмотреть на проблему с точки зрения теории игр. Ведь понятно, что, когда в обществе менее чем 0,1% преуспевает за счет 99,9%, это не может происходить лишь потому, что меньшинству везет или оно «играет» значительно лучше остальных. Есть что-то, что не дает большинству использовать сколько-нибудь успешные стратегии; какой-то тормоз, который заставляет его делать выбор в пользу такого неравенства. И, пока я пишу не для Карнеги и могу позволить себе элемент публицистики (и даже спекуляции), мне хочется высказать псевдонаучную гипотезу и проиллюстрировать ее детской задачей из все той же теории игр.

Задача эта — о пяти пиратах — общеизвестна.

Представьте себе команду, состоящую из пяти пиратов. Условно назовем их (1) «капитан»; (2) «помощник»; (3) «боцман»; (4) «рулевой»; (5) «матрос». Пираты находят клад в 100 монет. Его надо распределить, и способ этого должен предложить, естественно, капитан. Если половина команды или более с планом распределения согласна, то оно происходит и капитан сохраняет свой пост. В противном случае капитан свергается (и выбрасывается за борт) и право распределять переходит к помощнику, ставшему капитаном, — с теми же условиями: если план нравится половине и более из оставшихся, он принимается и новый капитан остается у власти. Если нет — и этот капитан

отправляется в расход, и уже боцман занимается распределением — и так далее, до конца.

Предположим, что каждый пират рационально хочет максимизировать свою долю от клада. При этом, поскольку пираты злобны по натуре, если пират получает одинаковую со всеми долю, он будет голосовать за отклонение плана в любом случае (и если согласен с ним, и если не согласен).

Вопрос в задаче: какой план должен предлагать капитан, чтобы сохранить свою власть, — с учетом того, конечно, что все пираты в состоянии просчитать последствия своих решений.

На первый взгляд капитану придется серьезно поделиться кладом, иначе его свергнут. Но не торопитесь. Начнем с конца. Матрос (пятый в очереди) понимает, что если он останется один на один с рулевым, то вообще ничего не получит: из двух пиратов один уже представляет собой половину и сам рулевой проголосует за свой план, который будет, конечно, «все мне, ничего матросу» или (0; 0; 0; 100; 0). Позиция числа здесь отвечает номеру пирата в очереди к власти, первые три уже устранены, так что там нули. Поэтому матрос будет голосовать за любой план третьего пирата (боцмана), по которому ему дают хотя бы одну монету. Это значит, что если остались три пирата, то боцману достаточно отдать одну монету матросу, чтобы получить его поддержку, и вариант (0; 0; 99; 0; 1), очевидно, пройдет (двумя голосами против одного — рулевого). Как видим, четвертый пират (рулевой) должен понимать, что ему в случае, если второй пират (помощник) устранен, ничего не светит: боцман и матрос все заберут. Поэтому даже за одну монету рулевой будет голосовать за план помощника. Помощнику этого будет достаточно (он наберет 50%, капитана уже нет), поэтому его план, который пройдет, выглядит как (0; 99; 0; 1; 0). Соответственно, устранение капитана приводит к тому, что третий и пятый пираты (боцман и матрос) не получают вообще ничего — пришедший к власти помощник забирает 99%, отдает 1% рулевому и командует дальше припеваючи. Поэтому боцман и матрос готовы за одну монету каждый поддержать капитана с его планом распределения. Вот и ответ: план (98; 0; 1; 0; 1), по которому капитан забирает 98 монет из 100, устойчив и позволяет капитану сохранять

свою власть. На самом деле это понимают и пираты №2 и №4, поэтому любой пират, кроме капитана, будет поддерживать капитана за 1 монету, а тот выберет сам, кому ее давать, — то есть, пираты еще будут соревноваться в верноподданничестве, чтобы оказаться награжденными всего одной монетой.

Этот удивительный ответ (не правда ли, странно, что 4 пирата не в состоянии ничего сделать, чтобы капитан не оставил себе 98% добычи, при этом половина вообще ничего не получает?) надо запомнить. На первый взгляд причина такой несправедливости в том, что пираты не умеют строить альянсы (каждый за себя). Но и это не совсем так.

Пусть пираты могут создавать альянсы. Правила, правда, будут пиратскими: 1) любые пираты могут договориться о распределении поровну всего, что им достанется; 2) эта договоренность незамедлительно становится известна всем остальным пиратам; 3) договорившиеся пираты соблюдают договоренность, пока это выгодно всем договорившимся — тот пират, которому становится невыгодно, в одностороннем порядке нарушает договор.

Казалось бы, альянс четвертого и пятого пиратов должен давать им преимущество. Однако боцман, понимая это (оставшись втроем с ними, он наверняка будет выброшен за борт или вынужден будет подкупить одного из пиратов, дав ему 51 монету, а себе оставив 49), согласится на план помощника, если помощник даст боцману 50 монет. Помощник, таким образом, должен просить у капитана 51 монету (у него, как сказано выше, есть вариант получить 50, свергнув власть капитана), да и боцман будет просить 51 монету — оба они таким образом капитану не интересны и ничего не получают. Но вот рулевой и матрос не получают ничего как раз в случае, если капитан свергнут (помощник и боцман поделят 100 монет поровну). А это значит, что у рулевого и матроса незавидный выбор — либо просить по 1 монете у капитана, либо лишиться всего, несмотря на свой альянс. В итоге на долю капитана альянс вообще не влияет — он лишь позволяет рулевому забрать монету у боцмана. Поскольку матросу от этого альянса не становится лучше, альянс этот вряд ли вообще может состояться.

Легко увидеть, что альянс третьего и четвертого пиратов приводит к такому же результату. При свержении капитана они не получают ничего, поэтому они поддержат капитана, получив от него по 1 монете (98; 0; 1; 1; 0). Поскольку третий пират не увеличивает своего дохода по сравнению с вариантом без альянсов, он может пойти на него только в страхе, что четвертый пират вступит в альянс с пятым. Но есть же еще вариант альянса третьего и пятого пиратов (кстати, с тем же результатом — члены альянса получают по единице от капитана). Поэтому, если у пиратов есть время для обсуждения, третий, четвертый и пятый пират будут мучительно пытаться попасть в альянс, исключив из него «не себя». Кому повезет — никто не знает, но факт остается фактом: пираты «нижнего уровня» будут бороться за альянс друг с другом, только чтобы гарантировать себе ту же 1 монету, что и в случае без альянсов. То есть пиратам все равно — заигрывать с капитаном или искать альянса друг с другом, эффект одинаковый.

Переложение задачи на современное общество дает неожиданные аналогии. Давайте вместо пиратов представим себе различные страты общества: узкий круг людей у власти вместо капитана, круг претендентов на власть вместо помощника, вместо боцмана, рулевого и матроса — соответствующие по «расстоянию» до власти классы. Задача, естественно, описывает авторитарическое общество с централизованным источником благосостояния (например, ресурсозависимое), в котором страты не доверяют друг другу, а вопрос власти решается большинством. Это общество многими экспертами считается демократичным (ведь кто есть власть — решает большинство), но, как видим, на практике его стабильное состояние предполагает крайнюю степень неравенства. Приход к власти претендентов (своего рода переворот, смена элиты на самом верху), согласно задаче, только усиливает неравенство. Интуитивно осознавая это, общество в подобных псевдодемократиях не любит борющуюся за власть оппозицию, а оппозиция-претенденты, понимая свои шансы, готова сотрудничать с властью «за 1 монету».

Вывод неутешительный: если в системе не заложен жесткий механизм распределения монет, не зависящий от капитана

(аналог институтов в развитом обществе), то, пока монеты имеются, власть достаточно крепка, даже если забирает себе почти все. Вывод второй: нет большого смысла эту власть менять. Дело не в том, кто у власти, а в том, какой механизм распределения используется.

Вместе с тем нельзя не заметить, что ключевое условие задачи — неспособность пиратов придерживаться ранее достигнутой договоренности (или занятой позиции) в случае, если изменение обстоятельств делает ее невыгодной. Вернее, мы ничего не знаем об этой их способности или неспособности. Проблема на самом деле в том, что никто из пиратов не верит, что другие пираты обладают такой способностью, и поэтому каждый из них действует, как если бы все остальные пираты не собирались держать слово.

Если бы пираты верили друг другу и держали данное слово, то решение задачи было бы принципиально другим. В ответ на предложение капитана дать по 1 монете двум членам команды помощник сможет пообещать дать им по 2 монеты, капитан будет вынужден обещать по три и так далее. Торг дойдет до состояния (34; 0; 33; 0; 33) против (0; 34; 33; 0; 33), и капитану станет выгодно «подкупить» самого помощника — предложить, скажем, (32; 35; 33; 0; 0). Поскольку помощник уже пообещал 66 монет, он согласится на такое распределение. Понимая это, третий, четвертый и пятый пираты будут знать, что у них есть шанс один к трем получить 33 монеты, поэтому их ожидаемый доход — 11 монет. Соответственно, капитан может предложить каждому из них 11 монет, ожидая, что они разумны и примут его план (ну или хотя бы двое примут). Таким образом, капитан вынужден отдать от 33 до 68 монет в зависимости от готовности пиратов к риску и способности договориться между собой, да и распределение монет между пиратами станет существенно более ровным — значительно более похожим на распределение национального богатства в развитых странах.

Насколько детская задачка может быть источником морали, сказать сложно. Но если ей верить, капитан сохраняет контроль над 98% добычи только в обстановке тотального недоверия в команде и неспособности ее членов договариваться

и соблюдать договоренности. Капитану нужно, чтобы пираты считали друг друга злыми и нечестными: это позволяет надежно удерживать все богатство, бросая команде пару монет. Вот почему одной из существенных причин вопиющего неравенства в ресурсозависимых обществах является высокий уровень недоверия и неспособность формировать устойчивые договоренности. Сохранению низкого уровня доверия способствуют как объективные причины (прежде всего отсутствие механизмов защиты прав, таких как эффективные законы и независимый суд), так и субъективные — насаждение всеобщего недоверия и «пиратского» (основанного на силе и подлости) стиля поведения со стороны власти, озабоченной сохранением статус-кво. Власть отлично понимает, что только разделенное ненавистью и страхом общество, в котором действуют законы пиратского корабля, будет с радостью отдавать 98 монет из 100. Если принять этот тезис, многое становится понятно и в современной России: и нарочитая «бесконтрольность» силовиков в совокупности с гиперадминистрированием, как бы говорящим «никому нельзя верить»; и произвол госкомпаний, открыто и цинично нарушающих бизнес-договоренности; и насаждаемая всеми, от СМИ до президента, «тюремно-блатная» культура; и путаница законов; и репрессивная постановка задачи налоговым органам (типа плана по сбору штрафов); и «внезапные» катастрофы банков, которые шли к банкротству много лет у всех на глазах; и пошлая роскошь олигархов и чиновников, выставляемая напоказ; и тщательно культивируемые ростки конфликта между условно «русскими» и условно «кавказцами»; и сравнение народов России и Украины; и многие другие факты.

И, конечно, смена власти без смены системы и психологии общества приводит только к усилению неравенства. Кто еще сомневается в этом, посмотрите, к чему привели октябрьский переворот 1917 года, а затем революция 1991 года и распад СССР.

Часть
третья

Власть и мы

Не мы для власти, а власть для нас
Тень Сталина
Комментарии на тему Сталина
О победителях и мародерах
День рождения Горбачева

103

В своих размышлениях (и в рамках этого сборника тоже) мне часто приходится возвращаться к теме человеческого мифотворчества вообще и сотворения химер в частности — ничего не поделаешь, способность и потребность к со-творению (совместному творению) мифа и совместной вере в него явилась определяющим элементом приспособления в борьбе Homo sapiens за существование, и по сей день человек способен к коллективной активности только на основе мифа и в рамках сотворенных химер, другого способа нет. Под химерой здесь подразумевается, конечно, не гибридное фантастическое существо со стены средневекового собора; имеется в виду не существующий в объективном мире субъект, наделяемый людьми по общему согласию антропоморфными свойствами, включая волю, и предполагающий к себе антропоморфное отношение (в том числе — любовь или ненависть, подчинение или бунт, внимание или пренебрежение, ритуал выражения отношения и прочее). Химера коммуницирует с обществом через людей-посредников, избранных или присвоивших себе такое право — важно, чтобы общество признало такое присвоение по тем или иным причинам. Человечество создало множество подобных химер: боги, предки, юридические лица, футбольные клубы только самые известные и распространенные из них.

Одно из главных достижений человека в контексте общественной деятельности — изобретение химеры государства: сущности, которая возникает «над» системой коллективного принятия решений, в которой естественные права всех членов общества делегируются ограниченному кругу избранных (но не всегда — избираемых), а избранные реализуют эти права, руководствуясь своей волей или предписанными (как правило — своими предшественниками) правилами и делегируя эту реализацию тому или иному широкому кругу «агентов». Объединение людей вокруг замкнутой системы экспроприации и делегирования естественных прав называется государством. Для определения границы системы потребовалось ее поименовать и обозначить принадлежность

к ней — гражданство; но, как известно, в человеческом сознании все, что имеет имя, существует как субъект. И государства (племена, кланы и прочие формы) немедленно приобрели все свойства стандартной химеры: наряду с именем, «лицом» в виде знамени и герба, девизом в виде гимна они приобрели историю, характер, свойства поведения, персональную ответственность на межгосударственном уровне, их стали любить и ненавидеть. При этом, как любой антропоморфный субъект, государства стали стремиться к доминированию в иерархии себе подобных и над физическими людьми. Гражданин, зависимый от государства, стал «обязан» любить свое государство и ненавидеть другие, стал «должен» помимо оговоренных естественных прав отдавать государству часть своего дохода и имущества, рисковать здоровьем и жизнью для того, чтобы защитить именно это государство от унижения или захвата другим государством, исчезновения или трансформации. Иногда такое отношение гражданина к государству рационально (но далеко не всегда справедливо) объясняется его же благом; чаще же этого не делается, а объяснения заменяются мистическими по своей сути ссылками на этернальный закон и обязанности «любить родину», «слушаться властей» и прочее.

В процессе развития человеческого общества химера государства в широком смысле была краеугольным камнем как в обеспечении общественного прогресса (и прежде всего — через снижение индивидуальных рисков), так и в организации плодотворной конкуренции между группами людей, приводившей к положительному естественному отбору. Однако мир менялся, и сегодня человечество изобрело значительно более гуманные способы развития. Конкуренция на государственном уровне как наиболее прогрессивная форма отбора сменилась в последние века конкуренцией на уровне корпоративном — на фоне межгосударственного сотрудничества и свободного движения населения между государствами, включая смену резидентства и гражданства. Государства как основа общества уступают свое место частично корпорациям, частично межгосударственным структурам.

Уступают — но не сдаются: патриотизм, смешение понятий «власть» и «страна», персонализация государства с формулированием его «интересов», отличных от интересов его граждан, требование к другим и к себе «отстаивать интересы государства» и «ставить интересы государства выше своих собственных» очень живучи. Помимо того, что такая постановка вопроса напрямую выгодна «жрецам» химеры государства — чиновникам и власти, она, как и любой традиционный шаблон мышления, искренне разделяется значительной частью населения планеты Земля. И в этом смысле мы даже не можем сказать, «хорошо» это или «плохо», — в конце концов, понятия «хорошо» и «плохо» определяются по отношению к личным приоритетам, и если у вас они состоят не в улучшении качества жизни и ее продолжительности (как у меня), а, например, в удовольствии от величия своей страны (что бы вы под ним ни понимали), то мы с вами не договоримся о том, что «плохо», а что «хорошо».

Но это не отменяет моего права отстаивать свои приоритеты. О соотношении понятий «государство», «власть», «люди» и о влиянии государства на мои интересы — качества жизни (материального достатка, здоровья, духовной свободы) и ее продолжительности — и написаны статьи, собранные в этой главе.

Первая из них была опубликована в Facebook 7 октября 2017 года — к дню рождения президента.

Не мы для власти, а власть для нас

Многие в Facebook призывают именно сегодня «всех людей доброй воли» высказаться по поводу власти и выразить свое ею негодование.

Ну что ж, по-моему, не мы для власти, а власть для нас, поэтому чем больше власть критикуешь, тем всем будет полезнее. Не мы для власти, а власть для нас, поэтому во власть надо выбирать наиболее эффективных и полезных обществу, остальных — гнать заниматься чем угодно еще. А коль скоро те, кто сел во власть, должны быть самыми эффективными и полезными по определению, то и хвалить их не за что, даже если делают все правильно: так и было задумано, что удивительного?

Не мы для власти, а власть для нас. Поэтому власть должна быть дана лучшим. А чтобы найти лучшее, нужна конкуренция. Да, монополия на власть плоха ровно так же, как и любая другая монополия: она создает плохой продукт — и очень дорого. Поэтому я категорически против несменяемости власти и отсутствия конкуренции. Да, я за политическую конкуренцию и сменяемость власти. Даже принудительную, даже если кажется, что лучше сохранить все как было. Тем более, когда так не кажется.

Не мы для власти, а власть для нас. Но про власть я, кажется, уже все сказал — о ней много и не скажешь, власть — штука достаточно примитивная. Самое важное и сложное в этом высказывании — это «нас». Мы. Кто мы такие, те, для кого власть? Чего мы хотим и как выражаем эти желания?

Мы в России себя неплохо знаем, даже когда хотим себя обмануть. У нас есть результаты опросов, поведенческие анализы, социологические исследования независимых и профессиональных специалистов. Так вот, мы — посередине между нашей фантазией о Западе (где Запад — это общество высокой личной ответственности, больших личных свобод, государства-приказчика, толерантности, безопасности и технического прогресса) и нашей же фантазией о Востоке (где Восток — дело тонкое, это общество низкой ответственности, примата нации над личностью, цели над качеством, государства-начальника, строгости, отсутствия гарантий и наличия прогресса

духовного). Подавляющее большинство хочет и того и другого — причем сразу. 10% желает чистого Запада, 10% — чистого Востока (ни на Западе, ни на Востоке себя в нас не узнают и очень пугаются и от тех, и от других наших крайностей). Мы — общество, ценящее власть и деньги выше всего, а сотрудничество — ниже всего. Мы не понимаем, что власть и деньги в современном мире — почти полностью продукт сотрудничества. Мы в большинстве своем готовы нарушать любые правила, если это выгодно, и соблюдать такие, какие нарушать опасно. Мы никому не верим, кроме тех, кто говорит то, что мы хотим слышать, — даже если это не согласуется с нашим опытом и здравым смыслом. Мы все находимся в состоянии выученной беспомощности (даже те, кто, казалось бы, много и бурно делает, как правило, делают не новое, а старое в новой упаковке, и бьются за него старыми же методами). В общем, мы — классическое посттравматическое общество. А чего вы хотели после гниения начала XX века, Первой мировой, революции, Гражданской, сталинского ада, Второй мировой, застойного социализма, перестройки, лихих 90-х и ренессанса КГБ в последние 17 лет? Нам бы психотерапевта, да не бывает психотерапевтов в масштабе нации.

А какая власть для нас — таких, как мы есть? Идеальной будет власть сегодняшняя. Как это проявляется? Во-первых, мы за нее голосуем — последовательно и сознательно. Не важно, что часть делает это не думая, часть — потому что выгодно, а часть — потому что заставили. Важен итог: мы честно выбираем эту власть в условиях свободного доступа к любой информации. Вранье, что власть перекрыла каналы и монополизировала СМИ, — интернет никто не закрывал. 120 лет назад вся Россия обходилась подпольно распространяемой бумажной газетой, и этого хватало.

Во-вторых, все социологические опросы показывают, что основные характеристики нашей власти (неограниченность, сакральность, клановый характер, фокус на личном обогащении, вызывающая демонстрация силы и богатства, сознательное соперничество с соседями вместо сотрудничества, шовинизм и прочее) — желаемые характеристики самого себя для

большинства жителей страны, и в этом смысле власть — воплощение мечты каждого. Иерархия вертикали, начинающаяся в Кремле и пронизывающая общество сквозь уровни чиновников, губернаторов, мэров, депутатов, префектов, полицейских, бандитов и теток в окошках собесов, заканчивается глубоко в семьях — отцами, бьющими детей и жен, женами, заставляющими детей доедать вопреки здравому смыслу и орущими на них по любому поводу, детьми, развлекающимися буллингом, никак не видоизменяясь. Наша власть — наш слепок и в то же время форма, в которой отлито наше общество.

В-третьих, наше травмированное, потерявшее веру в себя общество как в воздухе нуждается во власти-успокоителе, власти, которая скажет: «Вы лучше всех, вы — великие, вы — наследники славного прошлого, вы — особенные, и вас ждет мировое господство» (впрочем, последнее еще и из области стремления к власти). И наша власть в избытке дает обществу желаемое поглаживание. Более того, она насаждает в обществе культ силы — последнее утешение слабых и боящихся. Все это вместе дает обществу желанный наркотик-анестезию, позволяющий забыть о своей страшной травме.

В-четвертых, наше общество пропитано ненавистью (как любое травмированное общество). Ему необходима власть, которая укажет, кого ненавидеть «законно» и безопасно. Наша текущая власть отлично справляется с этой задачей, раздавая всем по врагу: русским — кавказцев, импотентам — геев, православным — атеистов, любителям империи — демократов, славянофилам — западников, люберам — панков, чиновникам — оппозицию, а всем вместе — украинцев, американцев, рептилоидов и Рокфеллера.

Достаточно? Вполне. Ну и теперь два вопроса: мои друзья, вы агитируете за сменяемость власти. И я вас понимаю — я сам за это. Но ответьте: неужели вы верите, что (а) сегодня общество, а не только маргинальное меньшинство хочет смены власти? И (б) если общество созреет до смены власти (а оно может, конечно: например, если эта власть продолжит дальше ломать такие дрова, как с Украиной), то на какую власть оно поменяет нынешнюю?

Ответы меня не утешают. Нет, не хочет сегодня 86% общества менять власть. А если захочет, то выберет ту, которая также будет удовлетворять всем 4 вышеописанным критериям, то есть такую же по сути, но лишь с другими лицами. Нет-нет, я понимаю, что вы скажете: «А как же господин Н.?» Но разницы мало, если власть будет предлагать мне ненавидеть бывших чиновников и олигархов вместо геев и украинцев.

В этом смысле и надо понимать разделяемый мной призыв к изменениям. Менять не власть, а общество. Не то, что власть хороша — нет, очень плоха. Но нынешнее общество не сменит эту власть на что-то более нам, меньшинству, подходящее. А вот изменившееся общество сделает это обязательно, причем так, что мы и не заметим.

И в этом контексте ничей день рождения не важен, а 7 октября ничем не отличается от 8-го или 9-го, а октябрь от, скажем, февраля. И выборы тут ни при чем, потому что работа по изменению общества не делается выборными циклами, да и не укладывается даже в самый долгий такой цикл.

Ну и наконец — любимый вопрос дня: а стоит ли бороться за допуск на выборы Алексея Навального? Если подходить с точки зрения смены власти, то, конечно, нет — Навальный на выборах никакой власти не получит, а его поражение с крупным счетом, с учетом его краткосрочной стратегии, будет запрограммированным страшным ударом по его амбициям и будущему. Но с точки зрения изменения общества участие Навального в выборах крайне важно — как еще показать обществу, что на выборах могут быть альтернативы и мир от этого не рухнет?

Поэтому давайте бороться за допуск Навального к выборам. И давайте на них придем, если его допустят, и проголосуем — кто за кого, не важно. Ну а не допустят — будем и дальше потихоньку пытаться менять общество. Потому как пока у нас не будет дюжины независимых политиков, у нас не будет другой власти. А этой дюжины не будет, пока 10 000 таких, как я, или Романчук, или Габуев, или Милованов, или Пархоменко, или Романова, или Шульман, или Иноземцев, или Миркин, или Рыжков, или члены «Открытой России», или Диссернета, или

Facebook, или... в общем, я знаю таких сотню-другую (прошу прощения у неназванных), а надо больше, много больше — не будут ежедневно и вне привязки к выборам потихоньку менять наше общество. И поэтому давайте думать, как из двух сотен сделать 10 000. И это важнее и выборов, и Навального.

Тень Сталина

Сталин как личность, как индивидуум вряд ли может быть предметом большого интереса. Мелкий, рябой, с полупарализованной рукой, средних способностей, так и не сумевший избавиться от акцента, в общении — хамоват и пошл. Попадись он нам в компании, мы, скорее всего, не обратили бы на него внимания, в лучшем случае — поморщились бы и поинтересовались у хозяина, зачем его пригласили. Сталин не был злым гением — он был тем самым видом злой посредственности, которой, в силу своих беспринципности, хитрости, ограниченности мышления, не позволяющих вовремя ужаснуться самому себе или потерять интерес к «делу жизни», иногда везет оказаться на вершине цунами социальных потрясений и, став отражением чаяний сломанного общества, закрепиться на этой вершине, пока волна не спадет. А иногда она не спадает долго. Сталин (как и Гитлер) оказался в нужное время в нужном месте и выиграл конкурентную борьбу в своей банке с пауками во многом именно благодаря тому, что другие пауки (а были они в большой своей доле поумнее Сталина) слишком поздно стали принимать его всерьез. Выиграв, он стал олицетворением самых мерзких процессов, шедших в построссийском обществе, их лидером и их иконой — хотя если бы победу одержал не он, возможно, эти процессы были бы еще страшнее: во власти после большевистского переворота все были как на подбор. Сталинское время, таким образом, называется сталинским по случаю (так уж получилось), а могло бы называться по-другому, и кто знает, каким бы оно было. Но оно вызывает ужас — у одних (и у меня в том числе) он выражается в омерзении и гневе, у других (и таких немало) — в восхищении.

Но Сталин никем как личность и не рассматривается. Он давно уже мифический герой. Для одних — грозный бог языческого культа (культа зла и силы, порождающих «добро», культа успешного

восстания против обидевшего бога — диалектической антитезы стандартной гуманитарной религии), демиург обделенных, которые, будучи ничем, благодаря ему могут самым легким способом «стать всем» (правда, плата за это обычная — жизнь), для других — дьявол, Амалек, вечно истребляемый силой добра и вечно возрождающийся демон, чья сила держится на страхе, боли и подлости людского рода.

Для России начала XXI века Сталин — это универсальное мерило, способ быстро отделить «своих» от «чужих» — тех, с кем можно договориться, от тех, с кем нельзя. В мифе о Сталине и в отношении к правде о нем можно увидеть все аспекты нынешних проблем и надежд. В официальном отношении к Сталину как в зеркале отразилась половинчатость достижений революции 1991 года и легкость процесса реставрации, идущего сейчас — в году 2018-м.

Поэтому писать про нас, про власть, про Россию и не говорить о Сталине невозможно. Тем более что мне часто задавали и задают про него вопросы. Конечно, это не «неприличные» вопросы типа «Не был ли Сталин героем — спасителем отечества?» и «Не оболгала ли его мировая еврейская закулиса?» — мне такие вопросы задавать бессмысленно. Но вот пример вопроса более хитрого (я реально получил его от читателя): «...Я прочитал про Сталина. И возник вопрос. Сталин кроме поругания и забвения больше ничего не заслуживает? Его можно рассматривать только как кровавого тирана и экономические, индустриальные успехи не важны?» Вопрос этот, как и тысячи ему подобных, базируется на одном мифе, не соответствующем действительности, и на одной парадигме, не соответствующей моему образу мышления. Этот вопрос предполагает, что (1) в сталинское время у страны были существенные успехи в экономике; (2) успехи страны в экономике (политике, войне, науке, культуре и прочее) можно оплачивать человеческой несвободой, страданиями, жизнью.

И тут уж я был вынужден высказаться. Надо сказать, что мой пост в Facebook неожиданно стал самым популярным (и таким и остается) — только его перепечатка в «Снобе» набрала полмиллиона просмотров и несколько десятков тысяч перепостов. Мне много раз говорили про этот пост впоследствии. Показательна и вот какая история: один мой хороший знакомый подошел ко мне со словами: «Спасибо за пост про Сталина, я так с тобой согласен! Увы, многие

мои друзья считают Сталина гением и отличным руководителем страны, я не знаю даже, как их разубедить». Я, помню, злобно ответил, что надо не учиться разубеждать, а учиться выбирать друзей. Я и сегодня так считаю. Мы можем спорить по самым разным поводам — но отношение к Сталину для меня определяет, можно ли иметь дело с человеком.

Вот этот пост, опубликованный 20 мая 2015 года.

Кто бы вы ни были — любитель частных самолетов и гоночных машин, носитель длинных волос и завсегда публичных выступлений, как автор вопроса, или кто-то другой — вам наверняка будет понятнее, если вы сможете попробовать на вкус, что такое сталинское время и как выглядели «экономические вопросы» в фокусе вашей собственной жизни. Рассказываю, читайте.

Вы уже десяток лет, после голодного студенчества, когда одну шинель вам приходилось носить 5 зим, а ботинки (тоже одни) латал знакомый сапожник «за так», работаете инженером в КБ в Москве. На дворе расцвет СССР, вы недавно смогли с женой и дочкой переехать из холодного угла избы ее родителей в районе нынешней улицы Свободы в отдельную комнату 9 квадратных метров в доме-малозэтажке на Соколе (правда, у вас на 18 комнат один туалет и кран, из которого течет ржавая холодная вода, но по сравнению с промерзающим углом это роскошь).

Жена работает учителем в школе, дочь — в яслях (вам повезло), двух зарплат с шестидневной работы вам хватает на скромную еду и типовую одежду. Иногда к празднику вы можете даже подарить что-то жене, например «вечную» ручку. Жену вы любите и балуете: она молодая (родилась в канун революции), уже «новый человек», нежная и добрая. Зря вы ее балуете — не знает она, что можно, а что нельзя. Лучше бы били, как большинство ваших бывших соседей по деревне ее родителей!

Как-то в школе на педсовете, на разборе, почему не все учителя в достаточной степени доносят до классов справедливость и своевременность расправы с предателями и изменниками,

она не только не выступает с сообщением о всеобщей радости, но даже тихо говорит своей многолетней подруге и коллеге: «Как этому вообще можно радоваться: какие бы они ни были, они же люди!» Говорит она это тихо, но доносов будет написано целых три, один — от подруги.

Жену вашу возьмут через неделю, в час ночи. Будут спокойны и вежливы, вы на два голоса будете кричать, что это ошибка, и они будут уверять: конечно, ошибка, но у нас приказ, мы довезем до места, там разберутся и сразу отпустят. Утром вы начнете пытаться выяснять, а ваши друзья на вопрос, как выяснить, будут уходить от разговора — и сразу от вас, при следующей встрече вас просто не замечая.

Наконец, вы дорветесь до нужного кабинета, но вместо ответов вам начнут задавать вопросы и покажут признательные показания: ваша жена была членом троцкистской группы, связанной с японской разведкой. Цель — развращать школьников и опорочивать советскую власть. На листе с показаниями будет ее подпись, дрожащая и слабая, в углу две капли крови. От вас будут требовать дать косвенные улики: «Не могла же она не говорить с вами на эти темы? С кем из подозрительных лиц она встречалась?» Вы будете кричать: «Этого не может быть, я знаю ее! Это провокация контрреволюционеров! Я буду жаловаться вплоть до товарища Сталина!» «Ну хорошо, — скажут вам. — Вы сами решаете, помогать органам или нет. Идите».

Впрочем, возможно, что вид крови вызовет у вас приступ тошноты, к голове прильет, станет жарко, руки похолодеют и начнут мелко дрожать, а в груди появится мерзкое чувство тоски. Вы сгорбитесь и неожиданно услышите свой голос, говорящий: «Да, да, да, конечно, теперь я понимаю, да, она говорила мне не раз, но я думал что это она от доброты, но я, знаете ли, я всегда ей твердо говорил...» «Пишите», — подвинет вам карандаш «начальник». И вы напишете.

Но это неважно, потому что в обоих случаях за вами придут через 4 дня — 4 дня, в течение которых вас не будут замечать коллеги и знакомые, и даже родители жены не пустят на порог. Вы пройдете все стадии — возмущения и страха, после первых побоев — ужаса и возмущения. Когда вы усвоите, что бить

вас будут дважды в день — в камере «по-народному», отбивая почки, ломая нос и разбивая лицо, а на допросе «по-советски», выбивая печень, разрывая диафрагму, ломая пальцы, раздавливая половые органы, — вы сживетесь с ужасом, и никаких других чувств у вас больше не будет. Вы даже не будете помнить, что у вас были дочь (и где она?) и жена.

Вам повезет. Вы быстро подпишете все, что надо. Еще шесть человек возьмут на основании ваших показаний, лишь одного из них вы знаете — это тот коллега, который отказался с вами здороваться. Когда вы будете подписывать показания на него, только на этот миг в вас проснутся человеческие чувства: вы будете испытывать злорадное удовлетворение. Чудо будет в том, что вас обвинят всего лишь в недонесении (либо следователям приятно сочинять сложные истории, либо есть разнарядка на разные статьи). Вы отправитесь в лагерь, просидев 5 лет, попадете на фронт, в первом же бою вас ранят в руку (она так никогда и не выздоровеет до конца), и поэтому на фронт не вернетесь — вас отправят в ваше КБ.

Бить вас в лагере (чуть вернемся назад) будут еще много и часто, зубы будут выбиты, нос свернут навсегда, пальцы, которые умели играть на гитаре, больше никогда не смогут даже нормально держать ручку. Вы никогда уже не сможете спокойно смотреть на еду и будете запасать под подушкой черные корки, будете пожизненно прихрамывать, никогда не сумеете спать дольше 4 часов и станете вскакивать от каждого шороха, а звук машины за окном ночью будет вызывать у вас сердечный приступ.

Вы попытаетесь найти дочь, но не найдете: ее отправили в специальный детдом для детей врагов народа, дальше война, и следы теряются. Архивы бы помогли, но они закрыты.

Вы никогда не узнаете, что случилось с вашей женой, но я вам расскажу — я же все знаю. Вашу жену доставили в приемник и сразу там, не дожидаясь допроса, изнасиловали находившиеся в том же приемнике уголовники. Их было шестеро, у них было два часа, охрана не торопилась, а следователь запаздывал — много работы. Она сопротивлялась примерно минуты 3, пока ей не выбили 5 зубов и не сломали 2 пальца. Вот почему

ей было трудно подписывать признание. Но кровь на бумаге была от разорванного уха (разбитый нос уже не кровоточил после пятичасового допроса). Ухо ей разорвали на допросе — следователь, не дожидаясь ответа, будет ли она признаваться, ударил ее несколько раз подстаканником по голове (на самом деле он злился, что чай холодный, работы до черта, и девка красивая и в теле, почему сволоте уголовной можно, а ему, офицеру, нет?!). Она тоже быстро все признала и подписывала все, что скажут, один раз только заколебалась — когда подписывала показания на вас. Но ей сказали, что поместят ее в мужскую камеру, и она подписала.

Ее тоже быстро отправили в лагерь. Но она была менее гибкой — вы быстро научились прислуживать блатным и воровать пайку, когда никто не видит, а она все пыталась защищать других от издевательств, за что ее ненавидели и блатные, и забитые доходяги. Как-то примерно через год, когда она сказала что-то типа «Нельзя же так бить человека!», кто-то из блатных баб придумал: «Ах нельзя? Ну так мы должны тренироваться, чтобы правильно научиться — даешь, б***, ДОСААФ!» Ее раздели и били, показывая друг другу, кто как умеет, а «политических» заставляли оценивать удары по десятибалльной шкале. Каждый удар вызывал оживленные споры среди жюри, ведь надо было отдать кому-то предпочтение, а проигравший мог обидеться. Никто не заметил, когда она умерла: упала быстро, били лежащую. Заметившая сказала: «Сука, сдохла, так неинтересно. Шабаш всем!»

Вы прожили еще 15 лет после войны, умерли в 50 лет от инсульта. Жили все это время, конечно, не в своей старой комнате на Соколе, а в полукомнате, которую вам выделил Минсредмаш (за картонной перегородкой жила семья из 4 человек, дверь была одна, но и туалет уже всего на семь комнат). Половину этого времени вы получали большинство товаров (а нужно-то вам было всего ничего) по карточкам и талонам. Вы так и не успели купить радиоприемник и слушали радиоточку, которая была на половине соседей, но почти всегда включена. Когда у вас отказала левая половина, вас уже через шесть часов вывезли в больницу и положили на матрас в коридоре.

К вам не подходили, так как признали безнадежным. Вы умирали в своей моче и экскрементах еще около суток, но это было ничто по сравнению с лагерем — это было так же хорошо, как отправка на фронт, как ранение, как узнать, что рука не будет работать, как верить в то, что ваша жена умерла и не мучается (до 1956-го вы только верили, а не знали).

Я хочу, чтобы вы знали: все, что с вами случилось, нельзя рассматривать в отрыве от экономических и индустриальных вопросов. Ибо есть еще те, кто верит, что Россия стала экономически сильной если не за счет ваших небольших неприятностей, то по крайней мере одновременно с ними.

Ну что ж. Давайте не будем в отрыве. Россия в это же время пережила чудовищный голод (до 8 млн жертв, до 3 млн умерших напрямую от голода) — единственная в Европе. Россия распродала фантастические запасы драгоценностей и предметов искусства. Россия содержала в голоде, холоде и болезнях своих граждан — все время до войны и 20 лет после. Для чего? Для того чтобы суметь выпускать только и исключительно танки, пушки, военные самолеты и автомобили, обмундирование и сапоги. Россия ни тогда, ни после не смогла произвести ни одного стоящего потребительского товара, ни одной своей технологии (даже ракеты и ядерную бомбу украли). Правда, груды танков не спасли СССР от вдвое меньшего по численности и вооруженности врага, который пропахал всю европейскую часть, пока мы перевооружались американскими подачками и ели американскую тушенку.

Цена страха Европы перед коммунизмом, цена сталинской стратегии «ледокола», цена коллаборационизма перед войной — 26 млн жизней. Цена репрессий — не менее 3 млн трупов и 6 млн вернувшихся из лагерей. Цена раскулачиваний и «вредительских-расхитительских» законов — еще 4 млн Треть страны. Зачем? Чтобы сперва за счет Запада начать делать плохую сталь и старые танки, а потом уставить свои заводы трофейными станками и работать на них до XXI века? Чтобы безнадежно отстать в сельском хозяйстве (генетика — буржуазная лженаука) и кибернетике (продажная девка империализма)? Чтобы до 1990-х годов не изжить бараки, до 1980-х

не избавиться от господства коммуналок? Чтобы телевизор через 30 лет после войны стоил полугодовую зарплату кандидата наук, автомобиль — 5 лет работы, квартира (кооператив!) — 20 лет работы, если позволят, и где дадут — там дадут?

СССР родился нищей страной, был нищей страной при Сталине и умер нищей страной. Диктатуры богатыми не бывают (если это не Сингапур).

Нам нужна десталинизация. Это чудовище и спустя 60 лет после смерти продолжает тянуться к нам своими лапами — через тех, у кого нет воображения. Надеюсь, у вас оно есть, и вы сможете представить себе: ребенок наконец-то уснул, и вы с женой посидели у лампы, на которую накинута платок, стоящей на стуле. Она говорила вам что-то о том, как это жестоко — не только наказывать предателей (ну конечно, иначе никак, я же понимаю), но еще и радоваться казням, это же средневековые какое-то, я же учитель истории, я же знаю... Вы еще сказали ей: «Смотри, договоришься!» — и смеялись. Вы легли за полночь и еще не заснули, когда услышали шум машины под окном. Машин в то время ездило мало, но мало ли что за дела у людей в городе — вы не придали этому значения...

Комментарии на тему Сталина

Мое небольшое эссе на тему воображения и сталинского режима вызвало значительно больший отклик, чем я ожидал. Такой отклик, на мой взгляд, говорит о трех важных фактах: с одной стороны, российское общество не забыло и не готово забыть период сталинских репрессий, и уровень гнева по отношению к Сталину в нем достаточно высок. Это, признаюсь, лучшая новость для меня и отличный ответ полагающим, что гражданско-гуманитарное общество в России мертво. Тем не менее в России сегодня существует угроза идеологической реабилитации сталинизма, и есть силы, которые к этому стремятся — возможно, чтобы подготовить общество к своему приходу к власти. Эта реабилитация, на мой взгляд, является самым опасным процессом, идущим в стране — в условиях нарочитого невмешательства власти, ошибочно полагающей, что таким образом ей удастся привлечь на свою сторону более широкие слои

населения. Наконец, судя по эмоциональности реакций как антисталинских 95%, так и просталинских 5% моей аудитории, общество вполне понимает ситуацию, и ползучей сталинизации не получится.

Тем более важным мне показалось ответить на комментарии, которых я получил несколько тысяч, и разобраться с набором мифов и логических ошибок, которые иногда случайно, иногда намеренно внедрены в сознание людей в связи с этой печальной страницей истории России. В том же «Снобе» я 22 июня 2015 года разместил второе эссе — по поводу комментариев, и вот его текст.

Для начала я хотел бы повториться и объяснить, почему я касаюсь этой темы. Опасность «сталинизации» общества на фоне сегодняшних социальных, политических и экономических процессов очень высока. Россия отвечает всем стандартным условиям образования тоталитарного режима: общество все еще переживает «комплекс поражения» в связи с развалом СССР, проигрышем холодной войны, разочарованием в псевдodemократизации 1990-х годов; в стране начался масштабный экономический спад, который приведет ее с экономической точки зрения к состоянию начала 2000-х и поставит на грань политической зависимости от других государств, без перспектив прогресса; нынешняя власть не решает растущие противоречия, а консервирует их, не вступает в диалог с оппонентами, и это приводит к обеднению общественной палитры и параличу естественных систем защиты общества от радикализации.

Опасность, на мой взгляд, состоит не в потенциальном превращении существующей власти в тоталитарно-репрессивную. Риторика о сталинизме для нынешней власти лишь способ одновременно привлечь новых сторонников и выгодно выглядеть на их фоне в глазах сторонников старых. Но заигрывание с «идеалами» одного из самых бесчеловечных режимов XX века в условиях сегодняшней тотальной пропаганды и значительной доли общества, готовой на высшие формы конформизма, может привести к формированию у общества внутреннего согласия на «уход в тоталитаризм» в попытке разрешения проблем, нынешней властью не решаемых. Следствием такой готовности будет блокирование поворота общества к демократии по мере

ослабления существующего режима и перехват власти силами, готовыми на практике внедрять методы «отца народов». История знает именно такие повороты — именно так чаще всего тоталитаризм прорывается во власть и захватывает умы наций.

Теперь о комментариях.

Первый вопрос, повторенный не раз, был о роли именно Сталина в создании и функционировании самого страшного репрессивного режима середины XX века. «Разве мог один Сталин это сделать?», «Кто же написал 4 млн доносов?» — спрашивали комментаторы. Это очень хороший, но и сложный вопрос. О роли личности в истории спорят уже тысячелетиями, и внятного ответа нет. Тем более сложно об этом говорить применительно к ситуации в России–СССР в 20–50-е годы XX века: у социалистического режима много отцов, и каждый внес свой вклад бесчеловечности. Ленин, пропагандировавший концлагеря и призывавший уничтожить интеллигенцию и священников; Троцкий с идеей трудармий; руководитель «красного террора» Дзержинский и многие другие. Нет уверенности, что Сталин был самым радикальным из этой группы. С другой стороны, общество, видимо, было вполне готово к террору уже к 1920-м годам. Действительно, нашлись же десятки тысяч исполнителей и миллионы доносчиков; действительно, взорвалась же страна Гражданской войной, и члены одной семьи убивали друг друга из-за химер идеологии. Так что «Сталина» надо понимать скорее как явление, чем как личность. Мы говорим о сталинизме, мы осуждаем сталинизм, мы боремся с возвращением сталинизма. При этом не стоит забывать, что сам Сталин был лидером режима, и если миллионы жертв погибли без его личного участия, то точно с его благословения. После смерти Сталина репрессии фактически закончились, режим стал почти травоядным. Этот факт не позволит нам питать иллюзий: Сталин (хотя и не он один) был лично виновен в том, что происходило в стране.

Много вопросов было о том, откуда взялась рассказанная история. Кто-то интересовался историчностью, кто-то обвинял во вранье. История, конечно, выдумана мной от начала и до конца. Мне важно было соединить в одном эссе весь

кошмар репрессивного режима — и мерзость агрессивной, вмененной радости по поводу казней якобы виновных; и неожиданное, безликое и неэмоциональное насилие над невинными людьми; и низость, примитивность мотиваций палачей; и легкость, с которой человек ломается, поддается страху и совершает подлости не только под реальным давлением, но и опасаясь его (и даже просто потому, что все так делают); и проклятие круга, когда доносчики становятся жертвами своих жертв; и невыносимость выживания в мире, где все, что ты мог бы любить или уважать (в том числе твоя собственная честь), оказывается растоптанным — ничего от тебя не зависит, ты сам ничего не значишь. И тем не менее я не имел права «фантазировать». В описанной истории соединились события, в виде фактов приведенные Солженицыным, Довлатовым, Гинзбург, Рыбаковым, многими другими писателями жизни и судеб того времени. Ничего, кроме имевших место событий (правда, случившихся с разными людьми), в моем рассказе нет. Нельзя также сказать, что я сгустил краски — реальные истории зачастую были еще более жесткими. Наконец, совершенно невозможно подозревать авторов, у которых я позаимствовал документальные данные, в преувеличении или фантазии: в нашем распоряжении (в печатном, электронном и видеовиде) есть десятки тысяч независимых и не могущих быть заранее согласованными свидетельств разных очевидцев и жертв всех слоев общества, всех убеждений, всех уровней образования. Эти десятки тысяч «показаний» совершенно сходятся в описании причин и поводов арестов, обращения с арестованными, обстановки в тюрьмах и лагерях, поведения «политических» и «уголовных» заключенных. И в довершение всего есть официальная статистика СССР.

Удивительно много вопросов было по приведенным в тексте цифрам жертв. Их я брал из источников, вполне заслуживающих доверия, — от официальных данных статистики до «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Цифры известны примерно (точные данные, относящиеся к тому времени, ни в какой области определены быть не могут), официальные данные очевидно занижены, но насколько — мы не знаем, все косвенные методы определения (обычно либо по количеству «мест» в ГУЛАГе, либо

с помощью своего рода индукции, путем умножения известных данных о каком-то одном месте заключения или следствия на количество таких мест, данных одного года — на количество лет) крайне неточны. И все же порядки мы, конечно, знаем точно: число жертв только политической 58-й статьи превышает миллион, счет жертв репрессий другого рода также идет на миллионы. Достаточно полно цифры жертв приведены в исследовании известного политолога Руммеля «Летальная политика: Советский геноцид и массовые убийства с 1917 года» (*Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder Since 1917*)¹. На мой взгляд, они завышены из-за некоторого дублирования и включают в себя не только жертв репрессий, но и системы в целом и частично — жертв обстоятельств, с системой не связанных, тем не менее там много интересных данных.

Но удивление мое вызвано той важностью, которую авторы вопросов придают, на мой взгляд, совершенно бессмысленной математике. А что если бы количество невинных жертв (или даже виновных, но замученных с варварской жестокостью) было в 2 раза меньше — это что-то изменило бы? Разве может быть определена граница количества жертв, ниже которой зверство и бесчеловечность становятся «просто политикой»? Вацлав Гавел сказал когда-то: «Даже самый многообещающий проект "всеобщего блага" приговаривает сам себя к бесчеловечности, как только он требует хотя бы одной недобровольной смерти — смерти, не являющейся осознанным самопожертвованием ради смысла жизни».

Несколько комментаторов предлагали сравнить сталинское время с 1990-ми годами: «А почему вы не пишете о том, какой вред нанесли либералы своими реформами?» Очень короткий ответ: я обязательно об этом напишу. Вернее, о том, что два главных обвинения против «либералов» (именно в кавычках, так как либерализма в 1990-е было мало, а власть либералам не принадлежала ни дня) — в разгуле преступности и обнищании населения — несостоятельны: и то и другое произошло уже к 1980-м годам, в 1990-е мы просто пожинали плоды

¹ <https://www.hawaii.edu/powerkills/NOTE4.HTM>. — *Прим. авт.*

несостоятельной советской политики. Но об этом — в другой статье. Здесь же надо сказать, что уводить разговор от темы сталинизма к 1990-м годам — демагогический прием. Сталинизм не становится лучше или хуже от того, что спустя 50 лет кто-то что-то делал не так. И, наверное, стоит заметить, что никакие псевдолибералы в 1990-х не уничтожали миллионы своих соотечественников, не вызывали голод с массой жертв, не ликвидировали население целыми народами и сословиями, не закрывали границу на выезд, наконец, не делали все для провокации мировой войны. При этом уровень преступности в 1990-е был ниже, чем даже в начале 1930-х (не говоря о 1920-х), а падение экономики — существенно меньше, чем после социалистической революции.

Несколько комментаторов ссылались на опыт других стран. «Зачем валить все на Сталина? — спрашивали они. — Подобные периоды и жертвы можно найти в любой стране». Этот комментарий — такая же провокация, уход от предмета обсуждения. Сталинские зверства нельзя оправдать фактами зверств в других странах и временах, так же как никто не оправдывает в суде свои преступления ссылками на то, что кто-то где-то был еще более жесток или больше украл. Разве что можно сравнить, с целью не вполне понятной, может быть — чтобы оценить масштабы и провести параллели. Самые страшные геноциды и демоциды¹ XX века, не связанные с межгосударственными войнами, то есть против граждан своего государства, включают в себя армянский геноцид, устроенный турками (жертв — от 1 до 1,5 млн); репрессии в Мексике в первой половине XX века (более 1 млн жертв); внутригерманскую часть холокоста с более чем 2 млн жертв (количество немцев — жертв нацистских репрессий — не превышает 100 000 человек); выселение этнических немцев из Восточной Европы после Второй мировой войны (более 500 000 жертв); геноцид бенгальцев пакистанцами (около 1,5 млн жертв); политическое насилие во Вьетнаме (более

¹ Демоцид — убийство властями групп людей, сочетающее в себе геноцид, политцид и массовые казни. Концепция демоцида была введена тем же политологом Рудольфом Джожефом Руммелем. — *Прим. ред.*

1,25 млн жертв); репрессии в период культурной революции в Китае (более 1 млн казненных и 5 млн погибших, от 20 млн пострадавших); геноцид тутси в Руанде (погибло около 1 млн человек); геноцид Пол Пота в Камбодже (около 2,5 млн жертв) и репрессии предшествующих режимов (еще около 1,5 млн). Еще 47 режимов виновны в массовых репрессиях с количеством жертв, измеряемым сотнями тысяч. Как видим, правительства многих стран в XX веке состояли из международных преступников (и это мы еще не затронули войны), однако сталинский режим с более чем 10 млн жертв в мирное время либо занимает страшное первое место в ряду кровавых чудовищ XX века, либо делит его с режимами Мао Цзэдуна и Гитлера. Да и то (простите мне цинизм) китайский режим уничтожил в сумме с ненасильственными и косвенными смертями «всего» менее 2% населения, нацисты уничтожали некоренное население и население оккупированных территорий, а сталинский режим репрессировал почти 10% и уничтожил не менее 5% своего населения. Этот рекорд побит только в Камбодже.

Кое-кто писал, что жертвы, конечно, были, но без них страна не достигла бы высот индустриализации и в итоге не выстояла бы в войне. Мне кажется, это не только неумные, но и самые опасные оппоненты, поскольку они меряют мир не уровнем добра и зла, а какой-то механической мерой, как будто имеют дело с неживой материей. «Это страшный человек, для него люди — мусор», — говорил о Жеглове Груздев. Жеглов и был страшным человеком, хотя, видимо, искренне верил в «оправданность средств». Впрочем, он не занимался репрессиями, а всего лишь ловил бандитов и честно не знал более эффективных методов сыска. В отличие от него, руководители СССР и лично Сталин не могли не знать, что рабский труд является самым неэффективным, а монополия на средства производства тормозит развитие экономики. Помимо «теоретического» багажа в виде произведений почитавшихся коммунистами экономистов и историков был еще практический опыт: высокие темпы роста 1907–1914 годов; катастрофа начала 1920-х с попыткой построить экономику на раннефеодальных натуральных налогах; резкий рост экономики в период НЭПа. Был,

наконец, опыт других стран, которые в те же периоды достигали более быстрых темпов роста и значительно большей консолидации общества без репрессий. Репрессии были «побочным продуктом» стремления лидеров большевистского переворота 1917 года удержать власть любой ценой, несмотря на череду политических обманов (начиная с обещаний приватизации всей земли и широкой передачи собственности на предприятия рабочим), преступлений и грубейших ошибок, каждая из которых могла лишить их (и лишала) поддержки общества, и постоянной борьбы за власть не на жизнь, а на смерть внутри самой этой группы, в которой Сталин к 1925 году просто оказался хитрее, кровожаднее и беспринципнее других (хотя и остальные были хитры, кровожадны и беспринципны).

Репрессии создавали атмосферу всеобщего страха, не позволяя общественным группам консолидироваться; репрессии примитивизировали общество, превращая его в большую бандитскую группу, закрепляя власть тех, кто обладал силой, формируя послушную иерархию бюрократов, которые за счет тех же репрессий могли удерживать свою власть «на местах», но были легко заменимы, в случае если их амбиции задевали более высокого бюрократа. А вот идея о том, что репрессии «помогли» развитию страны, абсурдна и теоретически, и практически. В основе такой идеи лежит опровергаемая в 100% исторических опытов мысль, что страх или контроль могут заставить людей лучше работать или исполнять закон. Повторюсь, в сталинские времена реальная криминальность общества (без учета фальшивых дел о вредителях и шпионах) была выше не только чем в раннебрежневское время, но и чем в начале 1990-х годов, а если адекватно сравнивать базу, то, видимо, выше, чем в конце 1990-х.

Произошел ли существенный рост производительности труда? Конечно, нет — мы видим данные по урожаям, которые существенно ниже, чем в Европе и Америке: урожаи пшеницы даже в плодородной Украине не превышали 8–10 центнеров с гектара к концу 1930-х годов, а через 5–6 лет после коллективизации они были не выше 6,5–7 центнеров с гектара. В это же время в менее плодородной Европе урожаи были выше

14 центнеров с гектара. К 1950 году Европа будет собирать уже 18 центнеров, а СССР на Украине и в Краснодаре — почти те же 10–11 центнеров. Популяция скота, которая будет в 1925 году уже существенно ниже, чем в 1913-м, сократится еще сильнее и до 1960-х годов не восстановится к уровням 1925 года. Мы видим, что спустя 20 лет после переворота 1917 года километраж строящихся железных дорог в год уступает темпам до 1914-го в 2 раза, притом что железные дороги — стратегически важный фактор индустриализации. Мы знаем, что с 1939–1940 годов в России вводится уголовная ответственность за нарушения трудовой дисциплины, и за 12 лет (до первых либеральных изменений в этих законах) по ним осуждено 18 млн человек — около 20% трудовых ресурсов. Может быть, рабский труд в лагерях был очень дешевым и производительным? Нет и нет: содержание заключенного стоило в среднем около половины средней зарплаты свободного гражданина, а его производительность была ниже 50% производительности свободных граждан СССР (которая и так была низка).

Стало ли население более консолидированным, дисциплинированным, патриотичным? Напротив: в Первую мировую войну статистика говорит о масштабном добровольческом движении и единичных случаях уклонения от призыва. В 1941–1945 годах около 1 млн человек было осуждено за уклонение от призыва и почти 1 млн — за дезертирство, а архивные данные говорят о примерно 2,5 млн (25% одномоментно действовавшей армии) уклонистов и 1,7 млн дезертиров. Более 1,5 млн человек в 1941–1942 годах перешли на сторону противника.

Относительные достижения СССР в плане индустриализации и развития науки произошли не благодаря, а вопреки репрессиям и социалистическому режиму. Вполне возможно, что, если бы даже и переворот октября 1917-го произошел, но вслед за НЭПом начались рыночные реформы, падение начала 1930-х годов не было бы таким глубоким, СССР сохранил бы 10 млн трудоспособных и трудолюбивых граждан, темпы роста были бы намного выше, и, случись Вторая мировая война, СССР не отдал бы две трети европейской части врагу, не потерял бы 26 млн человек, не понес бы таких разрушительных

потерь в инфраструктуре. Впрочем, возможно, и войны бы не было: именно страх перед коммунизмом был важным фактором, толкнувшим немцев голосовать за НСДАП на выборах как раз тогда, когда в СССР миллионы крестьян умирали с голоду, а в городах разворачивались репрессии. Проиграй Гитлер те выборы — не было бы никакого фашизма и 60 млн человек остались бы живы.

Наконец, мне кажется очень важным некоторое количество комментариев типа «Это все вранье, ничего подобного не было». Комментаторы писали либо «да не могло такого быть», либо «мои родственники пережили то время и ничего такого не заметили». На «не может быть», к сожалению, придется ответить: может. Слишком недавно это было, чтобы отрицать. Слишком много, как я уже говорил, независимых источников, объективных свидетельств, вещественных доказательств и документов, включая архивы самих палачей и государственную статистику СССР. На «предки не заметили» тоже легко ответить. В 1930-е годы население СССР составляло 160 млн человек. Суммарное количество жертв репрессий, видимо, не превысило 12–13 млн, то есть было менее 10%. Легко допустить, что, если семья не принадлежала к потомственным дворянам, казакам, кулакам, капиталистам, не включала военных, интеллигентов любого типа, священников, не проживала в крупных городах и черноземной зоне, не представляла евреев, татар, ингушей, чеченцев, прибалтов, немцев, она могла и не заметить происходящего вокруг террора — или не испытать на себе и не хотеть замечать его вокруг (кстати, этот феномен изучен на базе Германии — множество немцев отказывались замечать наличие концлагерей). Но делать выводы на основании истории одной семьи из более чем 30 млн семей, проживавших в СССР, конечно, нельзя. Напротив, я, пожалуй, не знаю ни одной семьи, не потерявшей в репрессиях одного или более из своих членов. Но и из этого тоже нельзя делать выводы.

К слову (и этим мне хотелось бы закончить), комментарии «не было этого» не так плохи, как кажется. По крайней мере их авторы относятся к репрессиям негативно — иначе почему бы они стали отрицать их проведение в СССР? Видимо,

этим людям тяжело смотреть правде в глаза. Беда такого подхода состоит в том, что от прятков с историей легко перейти к жмуркам с настоящим. И в сталинские времена было много людей, которые шепотом говорили друг другу: «Ни за что ведь не могут сажать!» И в нашем скором будущем, если к власти придут тоталитарные силы, найдутся те, кто до момента собственного ареста не будет верить в репрессии, утверждая: «Если берут, значит — за дело». Жаль, что авторы этих слов, которые вполне могли бы быть на стороне борцов с тоталитаризмом, в конечном счете будут его оправдывать и способствовать его развитию. Я надеюсь, что у многих из тех, кто сегодня предпочитает отрицание, достанет смелости признать правду до того, как будет слишком поздно.

О победителях и мародерах

Тема Сталина, тоталитаризма, репрессий и борьбы за свободу неожиданно сплелась с темой использования мифа в точке нашей истории под названием «Великая Отечественная война». Не реши власть в последние годы использовать величайшую катастрофу в истории Евразии в качестве циничного средства «сплочения нации», скорее всего, и Сталин не всплыл бы в воспоминаниях общества, и не было бы заигрывания с его недоброй памятью. В какой-то момент торжественная истерика по поводу ВОВ приобрела характер, метко названный в народе победобесием. Молчать по этому поводу я больше не считал возможным — так 5 мая 2015 года появилась статья в Republic, посвященная тому, кто, как и почему превращает одно из самых трагических и значимых событий XX века в инструмент управления обществом и средство манипуляции и как это соотносится с общей ситуацией в стране. А в качестве бонуса я в кратце описал историю двух моих дедов, чей вклад в победу в этой войне был очень разным, но у обоих — реальным и весомым.

Обсуждая войну и победу, все время упираешься в очевидную подлинность предмета — в отличие от огромного количества предлагаемых нам сегодня идеологических и социальных кадавров. Действительно — была война, и был подвиг. И была

победа, и был уничтожен страшный враг. Тем не менее переносить сегодняшний пафос, видеть лица тех, кто сегодня зовет Россию праздновать, повязать черно-оранжевую ленту на зеркало своей машины, наклеить салютную надпись с картинкой на заднее стекло, — не так-то просто. Это не парадокс — это стандартная история: о настоящей победе и о последующем мародерстве.

Но сначала история о победе — про моих дедов, чья жизнь прошла в контексте разгрома фашизма.

Потомок гвардейцев

Отец моего отца был выходцем из известного запорожского казачьего рода, по легенде основанного близким соратником Хмельницкого, породнившегося еще в XVIII веке с Вышневецкими (каприз истории!), из семьи куренных атаманов — полковники Екатерининской эпохи, фамильный герб с тех времен, девиз «Козацкому роду нема переводу»...

Его отец, мой прадед, сразу встал на сторону красных. Был облечен доверием партии — первый секретарь обкома. Все, что осталось о нем из воспоминаний: был «железным», честным и прямым, как стрела с его фамильного герба. В 1938 году арестован и расстрелян. «За что?» — когда-то спросил я своего отца. «Как за что? Он был китайским шпионом, создавшим преступную группу из домработницы, дворника, кузнеца и пары крестьян».

В 1942 году мой дед был мобилизован. Как сын врага народа попал в какое-то спецподразделение — я бы назвал его штрафным батальоном, но их вроде бы формировали позднее. Скорее, это было какое-то соединение, в которое полуофициально собирали «ненадежный элемент» и которым затыкали дыры на разваливающемся фронте. Батальон отступал к Ленинграду и оказался в блокаде. Блестящие стратеги, командовавшие фронтом, в условиях нехватки продовольствия решили: спецконтингенту, оказавшемуся «в тылу» (в резерве первого эшелона), еды не выделять. Вообще. Часть стояла (на фронте затишье), люди умирали с голоду — зимой подножного корма тоже не было. Дед

рассказывал, что ему и его другу пришла в голову навязчивая идея не ложиться, а двигаться — не хотелось умирать лежа. Так они и двигались (ковыляли?) днями. «Те, кто лег, умирали. Почти все умерли».

Месяца через два у того же командования возникла идея прорыва блокады. В часть приехал офицер, приказал построиться. Горстка из числа оставшихся в живых сумела встать. Офицер приказал сделать 5 шагов вперед. Мой дед (он же был казак, железный, как и его отец) сумел. Те, кто сумел (сколько их было — 5, 10?), были «годны» для того, чтобы идти в прорыв. Кто прошел 4 шага или меньше — нет. Последних оставили подышать, первых — забрали в расположение другого спецподразделения, подкормить и подготовить. Там кормили. Как? Не знаю. Вот еще одна история: «Перед наступлением приехал в часть генерал, лощеный, толстый, на лошадях, с ординарцами. Ушел в блиндаж, лошадям повесили на морды мешки с овсом. Нас несколько человек. Пока ординарцы отошли покурить и отлить, мы бросились к лошадям и отсыпали в шапки и карманы овса сколько успели. Несколько дней жевали его». Овес у лошадей. Несколько дней жевали. Потомок гвардейских полковников.

Потом их бросили на минные поля — разминировать собой. Не до саперов было, просто послать батальоны вперед на минное поле, а сзади поставить заградотряд было быстрее и надежнее. Потом была попытка прорыва, отступление, бегство. Деда ранило сильно (шрам остался на всю жизнь). Идти не мог. Приказ по части — раненых не выносить. Конец. Попросил положить его у дороги (не в траншее же казаку помирать), кто-то подложил ему под голову рваный танкистский шлем, ушли. Часа через два по дороге отступала танковая рота. Мимо трупов, раненых — не до них. Но у танкистов закон — своих не бросать. Солдата в танкистском шлеме, без сознания, затащили в танк и довели до полевого госпиталя. Остальных (сколько их было?) оставили умирать. Моему деду 19 лет еще не было.

Пока снова встал в строй, война уже ушла на запад. Воевали более организованно и даже кормили солдат регулярно. А дед вину своего рождения почти уже испустил — получил полуторку,

стал возить на ней боеприпасы. Но война есть война — все равно организация хромает. Уехал он (дело уже у Одера, и война идет к концу) за снарядами, возвращается обратно в часть, въезжает в деревню — а его встречают немцы. Часть отступила, мобильных тогда не было, его не предупредили. Я, когда об этой ситуации применительно к себе думал, надеялся, что у меня хватило бы смелости не сдать, а протаранить ближайший танк или орудие. Потому что ума и твердости у меня явно не хватило бы. А у него — хватило. Пока немцы думали, что делать, он рванул улицами, развернулся и выскочил из деревни. Конечно, за ним гнались — на мотоциклах, на машине. «Я от них не отрывался, держался сразу перед. У меня же снаряды, они это видели, стрелять боялись». Не стали стрелять — себя пожалели, европейцы. Так и доехали до зоны, простреливаемой артиллерией, там немцы отстали.

Уникальная ситуация. За эту машину со снарядами ему дали орден Красной Звезды.

Он так и не погиб. Вернулся в августе 1945-го. Поступил на мехмат МГУ. Женится на дочке еврейского учителя из Полтавы, тоже расстрелянного в 1938 году. Израиль Аркаве, ее папа, в революцию оставил своих богатых и уважаемых родителей в Польше, чтобы помочь трудовому народу. Уехал в Полтаву, создал школу, женился, завел пятерых детей. Он, кажется, был немецким шпионом, но могу ошибаться.

Мой дед родил троих детей. Рисовал. Сочинял музыку, был членом Союза композиторов. Стал крупным ученым. Создал теорию флаттера, которая позволила конструировать безопасные самолеты. Много лет учил студентов в Московском университете. По его книгам и сейчас учат в вузах. Дожил до середины 2000-х. Слава богу, не дожил до портретов Сталина на фасадах.

Отец моей матери родился раньше, еще в 1907-м. Прадед, оставшийся на фотографиях с пышными усами, как французский дворянин, действительно был потомком французских евреев-банкиров, гордо носивших приставку «де» к фамилии с еще латинским корнем. Прашур приехал в молодую Одессу «руководить филиалом», остался, родил сына и умер от холеры. Мальчика взяла на воспитание семья немецких евреев, отсюда

фамилия — Гольденблат. Но ни прадед, ни дед банкирами не были. Мой дед в 10 лет стоял рядом со своим отцом у двери их квартиры на улице Жуковского, держал топор в руке и ждал, когда пьяные матросы и лабазники ворвутся к ним во время очередного еврейского погрома, во время очередной смены власти. «Ты все равно умрешь, но должен убить хоть кого-то» — вот такое напутствие отца. Пронесло — сколько было погромов, не ворвались ни разу. Может, потому, что Израиль был учителем, а учителей и врачей уважали?

А может, мой дед просто был счастливым человеком. Его отца никто не арестовал и не расстрелял. Сам он в 1934 году (ему 27) указом Орджоникидзе был переведен в Москву. В 1941-м он — замнаркома тяжелого машиностроения, фактически ответственный за оборонную промышленность. Это не в штрафбате на передовой. Но тоже очень опасно: к 1942 году дед попадает в личный список врагов Гитлера (у Гитлера был такой список, натурально на бумажке). Выживает в покушении — группа заброшена в Москву, он лично — цель. В конце 1942-го встает вопрос: Сталинград скоро будет освобожден, на сталинградских заводах надо будет срочно начать производить оружие, но ни степени разрушений заводов, ни потребностей с точки зрения оборудования понять нельзя — территория оккупирована. На выяснение этого уйдут месяцы после освобождения, которые терять нельзя. Созревает план — забросить группу в тыл немцам. Группа обследует заводы и передаст потребности, создаст проект восстановления заранее. Рост моего деда — 1 метр 54 сантиметра, зрение — минус 10, да еще от полученного при покушении ранения не оправился до конца. Кто возглавит группу? Конечно, он.

Я мало знаю про эту операцию. Знаю, что она удалась. Сколько они были в тылу — месяц, два? Как прятались? Как питались? Сколько из них погибло? Дед рассказал, что как-то уже в конце работы они вчетвером напоролись лоб в лоб на группу немцев, человек тридцать. Они увидели немцев на секунду раньше. «Слава богу, что я не начал стрелять, что никого не убил». Немцы, увидев русских с оружием, покидали автоматы и подняли руки — оказалось, что битва уже закончена, все немцы сдаются, город заняли советские войска.

Войну дед закончил в Москве. Женился на дочери русского дворянина, убежденного кадета, депутата Думы, который, к своему счастью, умер еще в 1918 году и никак не мог быть репрессирован. В 1947-м родилась моя мать. Она оказалась ровесницей кампании по борьбе с безродными космополитами. Когда ей было 5 лет, деда пригласил прогуляться по Москве (пешочком, пешочком, а то здесь, Иосиф Израилевич, сами понимаете...) начальник, чтобы рассказать про удивительную идею руководства страны — спасти евреев от народного гнева, отправив их всех в Биробиджан, примерно как до того переселяли крымских татар, чеченцев и многих других. (За что был гнев? Кажется, за молодой Израиль — тезку моего прадеда, продавшийся Америке, за убийство Кирова, за отравление колдцев чумой, за кровь христианских младенцев.) Рассказал про напечатанные паспорта с желтой полосой, про товарные вагоны, которые уже стоят, про избранный десяток певцов и артистов с соответствующими фамилиями и носами, готовых за право остаться весело петь по радио в дни депортации (не надо на нас клеветать, разве не видите, уехали — добровольно, кто хотел). Рассказал и про то, что на моего деда уже есть дело и в Биробиджан он не поедет, а если поедет — то сильно севернее.

Дед был менеджером, как сейчас сказали бы. Он пришел домой, собрал совещание в лице бабушки и вынес резолюцию: 1) в случае его ареста заявить, что их дочь — на самом деле дочь не его, а бабушкиного двоюродного брата (согласие было спрошено и получено); 2) прямо с утра начать всем говорить, что он уехал в длительную командировку, на сколько — не сказал, куда — не сказал. Он и уехал, взяв на работе отпуск «по состоянию здоровья». Насколько и куда — никто не знал ни тогда, ни потом. Он, сумевший со своей группой неделями жить и работать под носом у фашистов, смог почти год прожить так, чтобы не попасть в безумную мясорубку, — он же был счастливым. Вернулся в конце зимы 1953-го (откуда знал, что уже можно?), и Пурым, тот самый, в который на своей даче сдох очередной (в этот раз — советский) Амалик, встречал уже дома. Моя мама под траурные терции радиоточки спросила его: «А ты

почему такой веселый?» — «Я? Ну что ты, Наташенька, какой же я веселый? Я очень грущу, как и весь советский народ!»

Из Сталинграда он вышел здоровым, а в 1953-м приобрел гипертонию. Возвращаться на работу «во власть» было невозможно. Устроился в ЦНИИСК, занялся наукой. Стал автором десятков монографий и сотен работ по физике и строительной механике, решил «парадокс часов», сформулированный Эйнштейном; создал сейсмостойкое строительство в России. Был членом коллегии Госстроя СССР, ведущим профессором, завкафедрой в военной академии, много и плодотворно занимался ракетными двигателями. Ростом с Наполеона, в очках с толстыми стеклами, он входил в большой зал, и там становилось тесно. И все, включая высоченных полковников — его курсантов, смотрели на него снизу вверх, вопреки законам оптики. Его книги переводились на языки всех развитых стран. Он, понимавший все, еще до смерти Брежнева вполголоса говоривший бабушке: «Лялечка, это все скоро развалится к черту, надо бы запастись крупы», имел наивность удивляться, что его не приглашают на международные конференции. В начале 1980-х «ангелы-хранители» из особого отдела высыпали перед ним мешок писем — приглашений. «Мы на все отвечали, что вы болеете, вы же понимаете, пустить вас не было возможности...»

А еще он был прекрасным дедом. Все мое детство у него находилось время придумывать внукам сказки (что-то среднее между Пристли и Толкином). Это он меня учил: «Все можно понять и простить. Но если услышишь “жид” — бей в морду сразу, обсуждать нечего». Он говорил: «Между людьми — квантовые скачки. Либо ты хороший, либо — сволочь». А день 5 марта он и при нас называл «день, когда сдохла гадина». Он, счастливчик, пережил эту гадину на 35 лет, но так и не дожил до дня, когда ей официально воздадут по заслугам.

Украденная победа

Так вышло, что я потерял в войне меньше членов своей семьи, чем в «мирное» время. Мои деды вернулись с войны. Вернулся брат отца моей матери, который всю войну командовал

артдивизионом и даже как-то чуть не попал в плен — притворился убитым, пролежал на снегу шесть часов, навсегда потерял слух на одном ухе. Вернулся младший брат моей бабушки, который всю войну тянул железные дороги и восстанавливал пути, а домой пришел в чине подполковника железнодорожных войск. Но двух моих прадедов пожрало наше родное чудище. И деда моей жены — тоже. И у меня нет уверенности, что всех остальных оно не пожрало бы — если бы не 5 марта 1953-го.

Мало кому повезло как мне. На полях войны остались миллионы таких же, как мои деды. Война многократно усилила эффект репрессий — на ней гибли в первую очередь более смелые, честные, достойные (в то время как репрессии пожирали и палачей). Вернулись немногие — на момент завершения боевых действий в строю и госпиталях оставалось менее 8 млн человек. Но возвращались они с надеждой, что победа над Германией обернется и победой над сталинской Россией, что после войны мир будет другим. Об этом я слышал в своей семье, об этом писали Алексей Толстой и Виктор Некрасов — об «обрушении Китайской стены», о «народе, который понял свою силу и который больше нельзя обманывать».

Не случилось. Фронтовики вернулись в страну, жители которой написали миллионы доносов на своих соседей и коллег; к 5 млн, уклонившимся в 1941–1942 годах от призыва на фронт; к репрессивному аппарату НКВД, который только усилился во время войны. Мечты о распущенных колхозах, новом НЭПе, новом типе чиновника оказались пустыми. Сталинизм, сломавший себе хребет и медленно умирающий, успел после войны ликвидировать почти весь боевой генералитет, казнить и отправить на 25 лет в лагеря десятки тысяч фронтовиков, организовать «Ленинградское дело» и расстрел Еврейского антифашистского комитета, положивший начало совершенно гитлеровской по сути программе уничтожения евреев. Или желтая полоса на паспорте кошернее желтой звезды на рубашке?

Победа 9 мая была не просто пирровой. Она была неполной для всех. Сталин — удачливый партнер Гитлера в 1938–1940 годах — даже отказался принимать парад, а после 1947-го вообще отменил выходной в этот день. Он, кажется, считал итоги

войны — сохранение большей частью Европы независимости, катастрофу экономики СССР, формирование нового мировоззрения у миллионов фронтовиков и их единомышленников в тылу (как и вынужденную замену лозунга «мировой революции» на «мирное сосуществование двух систем») — поражением, а не победой. Фронтовики не приняли возвращения в сталинский мир. Именно фронтовики, боевые офицеры, сумели после смерти Сталина уничтожить Берию и разгромить апологетов тирании. Кое-кто (мой дед в том числе) вообще считал, что победа состоялась 5 марта 1953 года или даже 23 декабря этого же года¹.

Приватизация истории

Праздник «вернули» в 1965-м, когда на вершину власти в результате первой в истории страны мирной смены правителя (китайцы осваивают этот метод только через 30 лет) поднялся фронтовик; когда исполнилось (почти) 10 лет XX съезду, и, как писали Васильев и Иващенко, страна «страхнула порохов, похоронила прах и выветрила дух».

Любой власти требуются исторические «победы» для сплочения нации и повышения ее самооценки. В этом смысле победа 9 мая вернулась вовремя (в обществе ненадолго сложился какой-никакой консенсус, Чехословакия² была еще впереди) и уже ничем не отличалась от «великих побед» других стран: все крупные страны имеют свой индивидуальный «день победы» — над кем, почему и какой ценой, не помнит никто. Народу нужна позитивная память — и он получил ее в лучшем возможном виде. По молчаливому соглашению были оставлены историкам 5 млн уклонистов, 1,5 млн перешедших на сторону фашистов, катастрофа 1941-го, заградотряды, чудовищные потери из-за некомпетентности командования, репрессии — праздник очистили и превратили в памятник героям, отстоявшим

¹ Дата смерти Берии. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году. — *Прим. ред.*

мир. День Победы был днем «со слезами на глазах», поводом не только вспомнить, но и напомнить: «памяти павших будьте достойны». Победа не была индульгенцией на будущее, никто не говорил о «правах победителей». Лейтмотивом праздника было «это не должно повториться». Война вспоминалась и приводилась в пример именно как Отечественная, как опыт слабости диктаторской власти (ошибки Сталина перед войной, поражения 1941-го) и силы народного духа (а война действительно в 1942 году стала народной). Неудивительно, что период 1939–1940 годов «выпал» из войны — тогда воевал как бы не народ, а Сталин, тот самый, без последующей победы над которым победа в войне была неполной. Вторая мировая вспоминалась и как ценный опыт союзничества с капиталистическими странами — у нас много различного, но враги у нас общие, и мы должны дружить.

Это было время, когда были живы победившие фашизм и пережившие сталинизм. Они могли ютиться по коммуналкам, выстаивать очереди в собесах, существовать на гроши, но им не приходило в голову зарабатывать на своей победе или делать вокруг нее пропагандистские акции. А потом реальные герои ушли со сцены. И, как всегда бывает в истории, на их место пришли мародеры.

История — это актив, как заводы, золотые слитки или бочки с нефтью. С помощью истории можно управлять, зарабатывать, бороться с конкурентами. Неудивительно, что в процессе всеобщей приватизации, а затем концентрации активов настала и очередь истории быть приватизированной и использованной «с прибылью».

У «приватизации», устроенной мародерами, всегда есть общие черты. Это неправомерная ассоциация себя с победителями для присвоения себе их заслуг и объявления претензий на мифические «права победителя». Это выхолащивание сути победы или замена ее на свою противоположность. Немудрено, что в новой идеологии виновник войны и поражений, убийца победителей, тиран Сталин становится автором Победы.

Мародеры всегда боятся, что вот-вот вернуться настоящие победители. Их крепость всегда осаждена, у них нет друзей. Одно

из важнейших достижений войны — союзничество с Западом, показавшее, что разность не мешает быть партнерами, особенно в борьбе со злом, — полностью игнорируется сегодня.

Мародеры меркантильны: память о реальной победе, завоеванной в прошлом, служит для начальников прикрытием экономического провала, а для рядовых — возможностью показать преданность и распилить очередной бюджет.

Мародеры ни воевать, ни строить, ни совершать подвиги, ни жертвовать собой не умеют и не собираются. Мародеры не умеют даже подобрать фотографии и не спутать наш танк с израильским, наш самолет — с немецким. И хотя главный урок войны (любой ценой надо сохранить мир) мародеры превращают в агрессивно-бравурное «можем повторить», их удел — бесконечный карго-культ, имитация. Для победы нужны настоящие победители, а победителей они боятся больше, чем врагов. Поэтому (и это хорошая новость) слова их пусты: максимум, на что они рассчитывают, это грабительский набег на соседа в момент, когда тот не в состоянии защищаться. Надеюсь, таких соседей у нас не осталось.

И все же история — не завод, ее приватизация существенно сложнее, если вообще возможна. Бутафорские празднества и патетическая истерика не только порождают нигилизм и безразличие, не только показывают лицо «приватизаторов» — они возрождают и истинный смысл победы — реальность пробивается сквозь пропаганду. Кто-то злобный и безумный понимает под «можем повторить» возможность снова сжечь десятки миллионов в котле войны и превратить в руины полмира. Но мы ведь и правда можем повторить, только в другом смысле: если сломали хребет такому дракону, как фашизм, разве не сумеем справиться с нынешними мелкими бесами? Черно-оранжевая георгиевская лента в этом смысле идеальный символ настоящей, а не мародерской Победы: черный цвет траура по погибшим и оранжевый цвет, ставший еще со времен Фландрии цветом свободы, а не так давно — цветом «оранжевой революции» — бескровного (в отличие от того, что внушают россиянам государственные СМИ) перехода власти к национальному демократическому правительству.

Мародеры не могут ни отменить Победу, ни изменить ее. В этом смысле не стоит поддаваться и отказываться от праздника только потому, что они пытаются в нем участвовать. В конце концов, что было бы, если бы христиане отказались от своей веры после крестовых походов и инквизиции?

А когда-нибудь мы отпразднуем окончательную победу. Это будет после того, как останки Сталина вынесут с Красной площади, сожгут и пепел развеют над Бутовским полигоном. После того, как на месте мавзолея будет построен музей жертв тоталитаризма — и по всей стране памятники палачам заменят на памятники жертвам. Это будет после открытия архивов КГБ-НКВД и суда, пусть посмертного, над убийцами. После того, как в стране появятся независимый суд и эффективные институты власти. Тогда в Россию станут возвращаться бизнесмены и ученые, пойдут инвестиции, отменят визы развитые страны, а на нас станут смотреть как на умных и сильных друзей, которым можно доверять, а не как на озлобленных идиотов.

Я не удивлюсь, если в сознании людей со временем сольются два праздника — победы над войной и нацизмом и победы над внутренним тоталитаризмом, средневековостью сознания и феодальностью государства. Символом этой победы может по праву остаться георгиевская лента — черный цвет как память о жертвах, которых в будущем нельзя допустить; оранжевый — как символ обретенной свободы, которую больше нельзя терять.

День рождения Горбачева

И все же я не хочу, чтобы по итогам прочтения предыдущей главы у читателя сложилось ощущение, что я призван лишь обличать и клеймить. Просто когда речь идет о власти в России (и эта глава будет тому доказательной иллюстрацией), очень сложно найти причины и стимулы для позитивного отношения. Сложно, но можно, причем иногда там, где «прогрессивная общественность» их не видит. Вот, например, что я писал по поводу юбилея Михаила Сергеевича Горбачева в «Снобе» 6 марта 2016 года.

Люди как линзы: они собирают, фокусируют и позволяют рассмотреть рассеянный свет социальных процессов, тектонических сдвигов сознания, морали, общества. Оценка деятельности человека — не способ воздать ему по заслугам (да и какая награда скрасит старость, болезни, смерть близких и затем — собственную; какая кара накажет больше, чем проходящая мирская слава, забвение, усталость и пустота впереди?). Это — способ поговорить о ценностях, о подходах, договориться (или не договориться) о будущем: что принимаем, что нет, что делаем, что не стоит.

В этом смысле юбилей Горбачева и порожденная им дискуссия весьма показательны. Обсуждать обвинения Горбачева в «развале СССР» и отступлении от принципов я считаю излишним — тут уж, как говорится, «кого Бог хочет покарать, у того отнимает разум». Мне объяснять обвинителям, что СССР был мертв задолго до Горбачева и вообще никогда жив не был, что ужас жизни даже в позднем, беззубом и впадшем в добродушный маразм СССР не сравним с проблемами и бедами сегодняшней России, — все равно что гимназистке в круглых очках читать лекцию алкоголикам о долгосрочных последствиях пьянства для организма.

Но обвинители Горбачева существуют и на другой стороне политического спектра. И в их филиппиках, гневно летящих вслед последнему генсеку КПСС (ибо он ушел давно и бесповоротно), виден категорический отказ расти над советской привычкой мазать все густым слоем черно-белого, в котором белое — идеал, воспаряющий над реальностью, возможностями, логикой; ну а черное — все остальное. Такой подход вместо диалога и поиска прогресса вызывает к жизни лишь отвержение реального и требование невозможного. Последнее жаждущим с удовольствием обещают жулики и воры, ибо у других категорий претендентов нет куража сулить несбыточное. За разочарованием наступает жажда перемен и смены власти на нового жулика и вора, ибо кто же еще опять пообещает невозможное? Так, в вечном цикле, метко определенном нашими «вчера-братьями» украинцами как «зрада — ганьба — перемога — зрада», и мечется Россия, вместо того чтобы двигаться вперед.

Российский менталитет, надо заметить, часто не знает разницы между критикой и осуждением. Критика — важнейший компонент взаимоотношений с социумом. Без нее невозможно движение вперед, даже стояние на месте невозможно — потеря критического мышления ведет к регрессу. Критика всегда конкретна — она не о личности, а о действиях. Критика говорит: «Надо не так, а вот так». Критика направлена на возможность договориться и исправить.

Осуждение — оружие страшное и обоюдоострое, использовать его можно только профессионалам и то с осторожностью, только в отношении крайних ситуаций и личностей. Осуждение всегда лично, всегда глобально. Осуждение нацелено на устранение, на неповторение, но отнюдь не на исправление. Осуждать можно и нужно чудовищ, которые на фоне своего века, своей морали, своих возможностей выглядели таковыми. Осуждение — дорога к забвению. Недаром у евреев есть проклятие «Да сотрется его имя». Иногда, будучи неверно использовано, такое забвение приносит только ухудшение ситуации — тогда, когда еще может быть хуже.

Вот имея дело с неживой природой, человек не использует осуждение — и даже критику. Он принимает «как есть» и пытается защититься или приспособиться (приспособить — в том числе). Критика — метод одушевленного взаимодействия, она предполагает диалог — если не с критикуемым, то с теми, кто может повторить ошибки. Критика — продукт свободы воли, но ограниченности возможности; она предполагает человечность оппонента. Осуждение же в каком-то смысле в человечности отказывает, делает осуждаемого фигурой большего масштаба: ему приписывается такое могущество, какое вряд ли у человека есть — могущество делать как надо, без изъятия и ошибки.

А между тем человек — всего лишь человек. Человек у власти, как правило, еще больше «всего лишь». «Тяжела ты, шапка Мономаха», особенно когда знаешь, что никакого она не Мономаха, а то ли подарок монгольского начальника покорному царьку Руси, то ли наоборот. Власть — тяжелое бремя и одновременно наркотик, от которого отказаться сложно, а для

кого-то — и невозможно. Но кто-то должен править, без них — анархия, и потому властителей как минимум стоит еще и пожалеть: что бы они ни делали с нами, их собственная жизнь по определению сломана, и не только адским режимом и давящим чувством ответственности, не только отказом от человеческих взаимоотношений и отсутствием права на слабость. Власть — это всегда цепочка моральных выборов, названных так по недоразумению, потому что «моральный выбор» — это оксюморон, мораль не знает выбора. Власть намного менее свободна даже в своей противоречивой морали, чем иногда кажется. Власть принимает мораль, диктуемую обществом, и судить власть с позиций морали другого времени и социума вообще бессмысленно — тогда мы осудим всех и вся без разбору, и Цезарь будет фашистом, и Вашингтон — сепаратистом, и Линкольн — поджигателем войны, и Черчилль — расистом. Если уж судить власть, то судить по тому, как изменилась жизнь и в первую очередь мораль за время ее властвования — сдвинулась к лучшему, ближе на миллиметр или сантиметр к общечеловеческим (они же — христианские по большому счету) моральным ценностям, или наоборот — мигрировала обратно по направлению к пещерно-примитивному состоянию.

С Горбачевым осуждение не задалось с самого начала. В конечном итоге наше осуждение Горбачева породило Путина. Как ни контринтуитивно это звучит, наше осуждение Путина (хотя очень хочется!) может породить химеру власти еще более страшную.

Осуждение вдобавок еще и изменяет осуждающего. «Кто я, чтобы судить?» — не только правильный вопрос, но и способ защитить себя от ментальной трансформации. Вот уже и всемерно уважаемый мной православный священник Яков Кротов, чуть взявшись осудить Горбачева, моментально из христианина и правозащитника превращается в радикала, клеймящего эмиграцию (а разве есть для Христа разница — Греция или Иудея? А разве апостол Павел не был эмигрантом? А как же с пророком в своем отечестве?), отказывающего человеку в раскаянии и прощении («был генеральным секретарем ЦК КПСС — и этим все сказано»; а не был ли разбойник, распятый

с Христом, разбойником? А не был ли апостол Павел в свое время активным работником местного КГБ и очень даже на хорошем счету?).

Горбачева не только не за что осудить — ему надо поставить памятник: приняв страну, живущую брежнево-андроповской агрессивно-тоталитарной моралью (густо замешенной на ленинско-сталинском людоедстве), он за какие-то 5 лет сдвинул ее далеко в сторону современной (ущербной, но все же) нормы — морали западного общества. Упрекать за то, что из тысячи километров дистанции между совком и идеальной моделью «западной» демократии (существующей только в головах «либералов») за 5 лет Горбачев смог вольно или невольно протащить страну всего на 100 километров, — не просто несправедливо, но и глупо: а кто и когда смог больше?

Есть и еще одна деталь, за которую Горбачеву можно и нужно поставить памятник — если, конечно, их ставить за личное бескорыстное мужество, а не за попадание в правильное место в правильное время. Он сделал принципиально больше, чем делает лидер оппозиции, приходящий к власти под оппозиционными лозунгами и вынужденный им следовать впоследствии. Он был уже во власти, он сам стал властью, без обязательств что-то менять, зато с обязательством быть лояльным к «своим» — тем, кто сделал его властью. В кэмероновском «Аватаре» полковник, кровавый убийца и садист, возглавляющий процесс военной экспансии, спрашивает главного героя, вставшего на защиту туземцев: «Каково это — предать своих, сынок?» Горбачев точно знает, каково это. Встать на сторону добра — великое дело. Предать своих, потому что они на стороне зла, — подвиг.

Много ли мог Горбачев? Нам не оценить, но я думаю — немного. Кое-кто кое-когда пытался преодолеть бессилие власти — сломать хребет обществу, насильно загнать всех в рай, совершить прыжок в новый мир. Артаксеркс, Александр Македонский, Цезарь, Карл Великий, Петр I, Ленин и Сталин, Гитлер, Муссолини, Перон и Видела, Мао, Пол Пот — мы знаем, как это происходит и чем заканчивается. Именно такие, поднявшиеся «над человечностью», и устаиваются осуждения

безоговорочно, и имени их не место в книге жизни. Кто упрекнет Горбачева в том, что он не пошел подобным путем? Но я, возможно, сказал бы и больше, особенно в диалоге со священником. Мы не имеем права ждать от человека богоподобности — мы видим, что человеческая попытка уподобиться божеству есть всегда дьявольское превращение, но еще в меньшей степени мы можем ждать от человека превосходства над Богом. Если Сын Божий, приходя в мир, не останавливает насилие, не возвращает человечество в рай и даже не освобождает Израиль от римского гнета, философски заявляя «кесарю кесарево», то как можем мы ждать от человека даже и малой доли подобных деяний? Сын Божий приходит, чтобы дать человечеству путь к спасению. Человечеству принадлежит право выбора — следовать этим путем или нет. Сгоряча и не подумав как следует, человечество выбрало Сына Божьего распять, жить по-старому, а учение Христа использовать для оправдания убийств, обогащения, завоеваний и иного насилия над слабыми.

Горбачев никаким образом не сравним с Христом — он земной житель, ограниченный в физических возможностях и способностях видения истины, совсем не святой (хотя после канонизации Александра Невского или Николая II я предпочитаю не святых), не пророк, грешный, как и все мы. На нем (хотя не только на нем) останется и изначальная ссылка Сахарова, и кровь Прибалтики и Тбилиси, и бесконечные промедления с реформами, и слабость, и неспособность защитить начатый им процесс от мародеров. И тем не менее именно Горбачев (вот это можно сказать уверенно, мы на основании документов знаем, что это именно он боролся с ближайшим же окружением, с обществом, с системой) дал СССР, России хоть какой-то, но путь к спасению. Он взломал лед, под которым задыхалась и уже гнила заживо крупнейшая империя мира. На свой страх и риск, так, как он это мог и понимал, коряво и с огрехами, стоящими жизни десяткам людей, он тем не менее предотвратил крах, голод, гражданскую войну, тотальную разруху и, возможно, массивную интервенцию, потерю независимости, а в качестве финального аккорда — ядерный апокалипсис.

Можно ли было лучше? Наверное. Мог ли кто-нибудь лучше? Кто знает. Как Россия воспользовалась тем, что Горбачев сделал? Так же как мир — учением Христа: постаралась по возможности жить по-старому, а символы перемен — «демократию», «либерализм», «свободу» — использовать сперва для убийств, обогащения, завоеваний и иного насилия, а потом — как пугало для борьбы с теми, кто хотел бы восстановить их истинный смысл. Нет, Горбачев, конечно, ни в каком смысле не сравним с Христом — и крест его человеческий: не бичевание и скорбное умирание на кресте в толпе скалящихся и плюющих солдат, чтобы затем воскреснуть к вечной жизни и славе, а «всего лишь» ранняя потеря любимого человека и долгая жизнь в одиночестве без любимой и без родины, пока, под улюлюканье всезнаек, ханжей и злобных идеалистов, все, что он лучше или хуже пытался сделать, превращается в пыль и Россия уверенно марширует обратно в брежневское болото. Но непонимание даже сподвижниками, но предательство учеников, но тщетность усилий, но извращение и уничтожение идей и плодов труда теми, кто был призван развивать и защищать, — очень похожи. Возможно, в этом в частности и состоит «библейскость» сюжета про Христа — как и все, описанное в этой Книге, события Евангелий происходят с каждым и все время.

Эта «библейскость» все же дает надежду на подобие (слабое, как земное всегда лишь слабо подобно божественному) и в будущем. Спустя 2000 лет после распятия мир, кажется, начинает кое-где робко обращаться к настоящим идеалам христианской морали. Это внушает надежду на будущую (нескорую, конечно) победу любви над корыстью, всеобщности над разобщенностью, эмпатии над агрессией. Может быть, и Россия, переболев смутным временем и прожив свой ресентимент, когда-нибудь начнет возвращаться к тому, о чем думал Горбачев и его соратники в последние годы перед 1991-м. Может быть, даже история повторится — и снова из среды консерваторов-охранителей неожиданно появится лидер, который сумеет пренебречь «скрепами» и свободой воровства в пользу будущего нашей страны. Если такое случится — этот период, поверьте, назовут «Perestroika». Кто так сказал? Так сказал Горбачев.

Я надеюсь, что обвинительные речи не слишком тревожат ушедшего на покой властителя — не потому, что я всегда согласен с его взглядами, и не потому, что считаю правильным все, что он делал. Просто то, что он сделал для всех нас, невероятно важно и невероятно прочно — даже 25 лет настойчивого «стирания с пола» не могут вытравить кентервильское пятно открытости границ, свободы слова и доступности мировых СМИ, книг и фильмов, свободного товарного и валютного рынка, достатка в магазинах. Горбачев дал нам свободу (как уж мы ей пользуемся — наше дело), но, правда, не научил благодарности. Может, это и не его вина.

Нам же, оставив Михаила Сергеевича в покое (уверен, что по божественной мерке покой он заслужил), стоит подумать о себе. У нас было 25 лет, чтобы научиться критиковать, а не осуждать, благодарить вслед, а не плевать, сотрудничать, не смотря на разногласия, а не воевать даже с единомышленниками. Судя по реакции на юбилей — мы не сдаем экзамен. Значит, нам — оставаться на второй год, и слово «перестройка» мы не скоро услышим.

Часть
четвертая

Общество и власть

Россия и Запад: кто моральнее?
Экономика стаи или идеология зоны?
Оправдание зла в примитивной группе
Хрестоматия насилия
Закреть, пока не порно
Памятник позору

У формирования обществ есть свои законы — и своя мифология, вокруг которой они формируются. После 2008-го (а особенно — после протестов 2012-го) российская власть неожиданно озаботилась мифологией своего правления, по старой недоброй традиции сплетая и спутывая в ней себя и собственно страну. Оправдывать свое бессрочное нахождение у власти лидеры страны начали через не проговариваемый открыто, но активно внушаемый обществу тезис: нынешняя власть — единственная, которая может обеспечить стране сохранение, развитие и материальное обеспечение мифологии, привлекательной для большинства населения.

Вполне закономерно предлагаемая система мифов (идеология) не только не нова, но и порядком затаскана. Однако именно это оказалось ее сильной стороной — общество было к ней готово и хорошо восприняло: популярность власти в период с 2012 по 2017 год существенно выросла, и только усталость власти в поддержании мифа вместе с несколькими существенными ошибками (действиями вразрез с мифологией) снизили ее популярность в последние 12 месяцев.

Об этой мифологии, ее истории, законах и перспективах я писал много. В этой части — наиболее емкие мои заметки и статьи на данную тему. Первая из них была опубликована в Slon 17 июня 2014 года.

Россия и Запад: кто моральнее?

«Россия... — страна, которая стремится к построению справедливого общества, основанного прежде всего на моральных ценностях», — сказал 7 лет назад В.В. Путин. Спустя 6 лет он же прямо противопоставил Западную Европу и Россию в смысле морали в послании Федеральному собранию: «Разрушение традиционных ценностей сверху, которое мы наблюдаем во многих странах, губительно и проводится вопреки воле народного большинства. Нас все больше поддерживают в нашем стремлении *сохранить традиционные ценности* (курсив мой. — А. М.): ценности гуманизма, ценности традиционного мира, семьи и религиозные ценности».

На Валдайском форуме в 2013 году Путин был еще более откровенен: «Мы видим, как многие евро-атлантические страны фактически пошли по пути отказа от... христианских ценностей. Отрицаются нравственные начала... Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству. А сегодня практически все развитые страны уже не могут воспроизводить себя. Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать».

Слова эти звучат возвышенно и привлекательно, но очень хочется проверить их фактами и цифрами. Только так мы сможем отделить пропаганду от реальной заботы о благе нации.

Что касается самовоспроизводства, можно предположить, что Владимир Владимирович погорячился. Во-первых, в сегодняшнем мире в лидерах по естественному приросту населения — Нигер, Уганда и сектор Газа. Трудно сказать, образцовые ли это страны в плане «ценностей морали и нравственности», но вряд ли даже Путин хотел бы видеть Россию в одном ряду с ними. Во-вторых, в России до 2013 года в течение 23 лет отмечалась естественная убыль населения. Только в 2013 году естественный прирост появился, да и то в ничтожных

масштабах — 1,6 человека на 10 000 (к тому же демографы утверждают, что этот показатель нестабилен и в течение трех лет Россия опять «нырнет» в естественную убыль¹). С другой стороны, естественный прирост в странах ЕС-28 (без учета миграции) не был отрицательным с 1960-х годов, и сегодня он в 2 раза выше, чем в России. Небольшая убыль наблюдается в Германии, но только последние 2 года; в Великобритании и Франции прирост более чем 3 человека на 1000, естественный прирост в США — 5,5 человека на 1000. Да, демографы прогнозируют, что и в ЕС в дальнейшем естественный прирост, вероятно, будет сменяться естественной убылью, но если исходить из нынешних данных, то возникает большой вопрос, кто же «не способен на самовоспроизводство» и кому следует «сохранять традиционные ценности».

Апелляция к церкви как партнеру в «сохранении морали» настораживает еще больше. «У нас много очень направлений сотрудничества между государством и церковью. Церковь... естественный партнер для государства», — говорит Владимир Путин. А вот экономист и политолог Грег Пол в своих работах по сравнительному анализу религиозности и качества жизни в различных развитых странах (из выбранных стран, в частности, в США религиозными называют себя 60% населения, в Германии — 48%, во Франции — 37%, в Австралии — 35%) ставит² настораживающие вопросы. Неплохо бы нашим лидерам, которые видят развитие морали и рост религиозности в стране как взаимосвязанные процессы, прислушаться к следующим его словам: «Консервативная религиозная идеология — одна из вероятных причин социальной дисфункции... В частности, США являются [среди исследуемых стран] самой дисфункциональной с точки зрения убийств, количества заключенных, детской смертности, распространения гонореи и сифилиса, абортов, подростковых беременностей, продолжительности брака, неравенства доходов, нищеты (и) средней продолжительности

¹ Так и произошло в 2017 году. — *Прим. авт.*

² <https://www.cbc.ca/news/world/do-countries-lose-religion-as-they-gain-wealth-1.1310451>. — *Прим. авт.*

рабочего времени». Как утверждает Пол, цифры также достоверно свидетельствуют о том, что общества, в которых высока доля атеистов, существенно более «функциональны» — в смысле уровня преступности, асоциального поведения и уровня взаимного недоверия.

Исследовательский центр Пью на основании изучения более чем сотни стран утверждает, что между процентом граждан, считающих, что вера в Бога — залог морали, и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, существует серьезная негативная корреляция — минус 0,76. (Согласно этой теории получается, что Китай, в котором только 15% населения утверждают так, заслуживает быстрого роста ВВП на душу населения, а США, в которых почти 60% населения объединяют мораль и веру, ждет падение ВВП.)

Согласно исследованию Gallup, в 2012 году доля религиозных граждан превышала 55% лишь в странах со средним годовым доходом на душу населения менее 20 000 долларов (за одним исключением). Развитые страны по этому показателю располагаются в промежутке от 20 до 55% религиозных граждан. В России сегодня годовой доход на душу населения как раз чуть выше 20 000 долларов¹ — и 52% населения считают себя религиозными. Рост религиозности либо сделает Россию исключением из правила, либо оттолкнет в зону более низкого душевого дохода.

Что касается собственно морали. Казалось бы, можно надеяться, что Владимир Путин под «христианской моралью» традиционно понимает отказ от того, что, согласно Евангелию от Марка (7:19–7:23) делает человека «нечистым»: убийство, жестокость, кража, сексуальная развращенность, зависимость от страстей, зависть, обман, жадность, злые мысли и глупость.

В этом случае президент был бы, безусловно, прав, придавая большое значение «христианской» морали. Мораль — важная составляющая прогресса страны. Многие экономисты (например, Пол Хайни или Майкл Крейвен) пишут о «высокой

¹ По ППП, в 2012 году. А в 2017 году этот показатель в 2 раза ниже. — Прим. авт.

цене аморальности» для экономики. В атмосфере недоверия, вызванного аморальным поведением, стоимость всех транзакций значительно повышается, оборот денег замедляется, риски воспринимаются как более высокие, и не только скорость роста, но и сам рост во многих областях оказывается под вопросом. Более того, такие действия, как преступления, адюльтер, употребление наркотиков, сами по себе имеют существенную экономическую себестоимость и увеличивают издержки общества. Социологи напрямую связывают моральность общества с продолжительностью и качеством жизни. Уровень моральности общества влияет на все причины смертности, от насильственных и других преступлений до сердечно-сосудистых заболеваний, на эффективность всех служб — от полиции до скорой помощи, на равномерность распределения доходов и богатства в обществе, на субъективную оценку качества жизни.

Чем же мораль в сегодняшней России, которую столь многие высокопоставленные лица хотят защищать от влияния «североатлантических стран», выгодно отличается от морали в странах Западной Европы — не на словах, а в цифрах?

Увы, по всем параметрам, описанным в Евангелии от Марка, Россия не стоит даже близко со странами Североатлантического альянса.

В России 10,2 умышленных убийства на 100 000 человек в год. В США — 4,2. В Германии — 0,8. Во Франции — 1,1. Это страшный разрыв даже с США, которые российские СМИ регулярно называют беспокойной страной с высоким уровнем преступности. Но еще страшнее детали. Так, например, в России за 15 лет погибло в 68 раз больше приемных детей, чем усыновленных за рубеж (за рубеж было усыновлено 34% всех детей)¹.

В России в детских домах официально живет 105 000 детей. (Эта цифра вызывает сомнения: по данным системы ЕМИСС, в год в России остаются без попечения примерно 88 000 детей. Кроме того, в России, по данным той же ЕМИСС, функционирует

¹ Эти цифры, конечно, устарели — после закона Димы Яковлева количество зарубежных усыновлений резко сократилось, что привело к гибели значительного количества детей. — Прим. авт.

более 1340 детских домов. Вряд ли можно предположить, что в среднем в детском доме живет 7 воспитанников.) ЮНЕСКО оценивает количество сирот и детей без родительского присмотра в России в 700 000. При этом треть усыновленных в России возвращают в детдом¹.

В США (о которых выше мы говорили как о дисфункциональном обществе) нет детских домов в нашем понимании. Там созданы residential treatment centers (местные центры опеки), в каждом из которых находится всего несколько детей. В целом в этих центрах содержится сегодня до 50 000 детей, то есть в 4,5 раза меньше на душу населения, чем даже по официальным данным в России. В Швеции около 5000 детей находятся на социальном попечении государства, это даже по официальным данным в 1,7 раза ниже на душу населения, чем в России. Примерно такая же картина в Германии — в 2 раза меньше (по официальным данным).

О жестокости в отношении взрослых: в России 603 заключенных на 100 000 человек населения. В Германии — 95, во Франции — 85. В России уникально большое количество охранников — 700 000 человек (1 на 208 жителей). В Германии — 177 000 человек (1 на 480 жителей), во Франции — 159 000 (1 на 400 жителей), в Швеции — 13 500 (1 на 750 жителей). В России на 100 000 жителей приходится 975 полицейских, в Германии — 300.

Сексуальная аморальность Запада, на которую любят ссылаться наши идеологи, тоже вызывает сомнения, когда дело доходит до цифр. Хотя понятие это достаточно размыто (и существенно зависит от традиции), но и здесь можно найти более или менее объективные параметры. Вот только один пример: в мире на 100 родов в среднем приходится 22 аборта. В России — 73. В Европе — менее 20. По относительным показателям

¹ И здесь произошли изменения — после того, как правительство стало выплачивать существенные деньги усыновителям, в бедных регионах России появился бизнес по воспитанию детей: их усыновляют ради прибавки в доходе, превосходящей зарплату взрослого человека. — *Прим. авт.*

(на душу населения, на 1000 женщин, на 100 родов и прочее) Россия является мировым лидером по количеству аборт, причем с большим отрывом¹.

Не лучше и со страстями: согласно докладу ООН, 2% взрослых россиян употребляет инъекционные наркотики. По этому показателю Россия занимает второе место в мире после Азербайджана, деля его с Сейшельскими островами. Россия занимает первое место в мире по потреблению героина². Общее количество наркоманов в России составляет более 5 млн человек, или около 3,5% населения. Для сравнения: в ЕС уровень наркомании составляет 0,51% (в Германии — 0,25%, во Франции — 0,44%), и это при том, что в России существенно хуже поставлено выявление наркомании.

В России потребляется 15 литров алкоголя на взрослого человека в год, 51% выпиваемого — крепкие напитки. Во Франции — 12,2 л (23% — крепкие напитки), в Германии — 11,8 (18,6% — крепкие напитки).

В России от 1 до 2% взрослого населения (данные UNAIDS) инфицировано ВИЧ. В Германии и Франции — 0,1–0,5%.

С завистью и жадностью все тоже не очень хорошо. Соотношение доходов богатейших 10% к беднейшим 10% составляет в Германии 6,9, во Франции 9,1, в России 12,7. 1% россиян владеют 71% национального богатства. В Европе тот же показатель — 32%. 5% самых богатых россиян владеют 82,5% национального частного богатства; 10% — 87,6%. Россия — лидер по неравенству распределения богатства в мире (даже с учетом Брунея и Саудовской Аравии!).

При этом объем благотворительности в России — порядка 0,075% ВВП, более половины — зарубежные пожертвования (это работают иностранные агенты, которые так не нравятся нашей власти). В России 59% населения считает, что помощь необеспеченным гражданам — дело не их, а государства. 55% россиян ничего не знают о деятельности благотворительных организаций.

¹ <https://www.materinstvo.ru/art/6234>. — Прим. авт.

² <https://rg.ru/2009/10/22/geroin-anons.html>. — Прим. авт.

В США благотворительность составляет более 2% ВВП (в 120 раз больше в абсолютном выражении). 90% взрослых граждан США вовлечено в благотворительность. Такая ситуация не только в США. Лидерами по объемам международной благотворительности (помощи гражданам других стран) вслед за жителями США (11,43 млрд долларов в год) являются японцы (9,85 млрд), немцы (4,99 млрд), англичане (4,5 млрд) и французы (4,2 млрд). Для сравнения: общий объем благотворительности в России (внутренняя + международная от россиян + международная россиянам от иностранцев) едва достигает 1,5 млрд долларов.

В «североатлантических странах» средства, переданные на благотворительность, уменьшают налогооблагаемую базу без ограничений. В России это касается только средств, переданных в бюджетные организации.

Жадность у нас проявляется даже в отношении к собственной крови. В Европе на 1000 человек приходится 25–27 доноров, в России — 14, в Москве — менее 10.

Поговорим о «злых мыслях». В России сегодня около 200 организаций, исповедующих «национал-патриотизм» и «национал-социализм», базирующихся на ксенофобии, ненависти к приезжим, представителям других конфессий, классов, сексуальных ориентаций. По ряду оценок, количество сторонников радикальных националистических идей составляет в России около 2% населения (3 млн человек). Для сравнения: в Германии около 220 000 человек поддерживают праворадикальные, в том числе националистические, взгляды (это примерно 0,3% населения).

58% россиян считают оправданным применение смертной казни.

Сегодня почти 70% жителей России считают, что США и ЕС — враги России. Более 70% жителей России приветствовали отторжение части суверенной территории другого государства; более 30% поддержали бы вооруженное вторжение России на Украину, которое неминуемо повлекло бы за собой убийство как русских, так и украинцев. Для сравнения: даже имеющую официально благородные цели кампанию в Афганистане поддерживало меньше 50% американцев.

На этом фоне последним из перечисленных в Евангелии грехов — глупостью — выглядят заявления о необходимости «охранить Россию от глетворного влияния Запада». Судя по сухим цифрам статистики, Россия существенно отстала в моральном отношении от Западной Европы, и правильнее было бы сказать: России сегодня следует всеми возможными способами перенимать у Западной Европы тот уровень морали, который в ней сформирован. Владимир Путин постоянно апеллирует к «сохранению традиционных христианских ценностей». Согласно Евангелию от Марка, 2000 лет назад Иисус сказал (в английском варианте это звучит намного четче, чем в русском): «You have a fine way of setting aside the commands of God in order to observe your own traditions! <...> Thus you nullify the word of God by your tradition that you have handed down. And you do many things like that»¹.

Нет, как бы мы ни старались подвести базу под фразу, не о христианских традициях и не о евангельской морали говорит всенародно избранный лидер России. Но не будем отказывать ему в здравом смысле и логике. За его словами стоит серьезный смысл. Какой — в следующей статье.

Экономика стаи или идеология зоны?

Эта статья вышла на том же Slon через 2 дня после предыдущей, 19 июня 2014-го.

В предыдущей статье я длинно и скучно анализировал цифры и факты, чтобы показать: мораль и ценности, охранять которые в России от влияния Запада предлагают всенародно избранный и поддерживаемый президент России и его коллеги и единомышленники, просто не могут иметь традиционных евангельских корней. О какой морали и ценностях говорят

¹ Евангелие от Марка 7:9, 7:13: «Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого... устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное». — *Прим. ред.*

российские политики, по привычке употребляя слово «христианские», если не о евангельских? Ведь для апелляции к морали нужна идеология, которая эту мораль вводит и проповедует.

Идеология у правящей верхушки есть. Эту идеологию разделяет и большая часть населения страны. Я бы назвал ее идеологией «Зоны в кольце Свободных Поселений». Психологи, вероятно, употребили бы вместо «зоны» термин «примитивная группа». Примитивная группа не занимается сложными творческими процессами, не производит сложный продукт. Она может добывать, распределять, потреблять — решать простые стандартные задачи в рамках ограниченного ресурса. Уровень сотрудничества в таких группах минимален, само сотрудничество механистично (иначе в иерархии ценилась бы способность сотрудничать), результат (объем приобретаемых ресурсов) мало зависит от качества действий членов группы (иначе в иерархии ценились бы эффективные игроки). В условиях, когда личные свойства индивидуума незначительно влияют на изменение общего результата действий, дифференциация происходит только по способности индивидуума присвоить себе большую часть общего дохода. Члены примитивной группы оцениваются исключительно с точки зрения положения в иерархии, которое, в свою очередь, определяется силой (в широком смысле) и корреспондирует с правом на распределение (и в первую очередь отбор в свою пользу) имеющихся у группы ресурсов.

Примитивная группа уходит корнями в сообщества давних предков человека. Ученые изучают такие группы на примерах современных обезьян, в частности гамадрилов, макак, некоторых павианов. «Экономика» стада гамадрилов на 100% дистрибутивна: во главе стада стоит вожак (альфа) и несколько самцов «ближнего круга» (бета); добыча сдается вожаку, который ее распределяет; самостоятельное потребление найденного пресекается. Социальная иерархия определяется физической силой и смелостью; самцы стоят выше самок, ниже бета в иерархии находятся гамма-самцы — ведомые, послушные вожаку, и еще ниже дельта — забытые, не имеющие почти никаких прав. «Ниже в иерархии» и «ты для меня как самка» — синонимы: утверждающий свое превосходство самец может имитировать

половой акт с более слабым. Демонстрация силы не ограничивается собственными возможностями — вожаки имеют «охрану». Другие стада гамадрилов воспринимаются только в качестве претендентов на ресурсы твоей территории. При встрече вожаки «ведут переговоры» на границах территорий, окруженные с тыла телохранителями. Люди воспринимаются гамадрилами прагматически: понимая невозможность конкуренции, гамадрилы знают — у людей можно выпрашивать подачки, можно даже воровать, пока сородичи отвлекают выпрашиванием подачек. При этом идей сотрудничества с людьми у гамадрилов не возникает.

В современной человеческой жизни нет ярче примера примитивной группы, чем российские места лишения свободы. Российская история заставила огромное множество людей пройти через зоны — в жесточайшей форме ГУЛАГа, жесткой форме современной тюрьмы (у нас и сегодня в тюрьмах 603 человека на 100 000, в Германии — 95), в мягкой форме армейской службы, легкой форме советского детского сада, школы, пионерского лагеря. Этим и волнами геноцида (с 1917 года с завидной регулярностью войны, репрессии и эмиграции уносили в первую очередь ярких, независимых, не готовых подчиняться системе примитивной группы) XX век сформировал в России доминанту зонной идеологии. Чего удивляться, что именно эта, «почвенная», идеология стала новой идеологией власти — мало того, что ее поддерживает народ, она еще и является экстремально удобной для ее (власти) удержания, так как в своей сущности предполагает абсолютное отсутствие лифта из народа во власть любым способом, кроме полного принятия идеологии «зоны» и следования ей.

Экономика «зоны» основана на полной зависимости от внешнего мира (для колонии — буквально, для страны-зоны — через экспорт и импорт), низкоэффективном производстве низкосортного продукта и стопроцентной дистрибутивной модели распределения. Идеология «зоны» сложна, но ее мораль можно свести к нескольким основным идеям. Первая — незыблемость законов, устанавливающих иерархию, в которой почти нет социальных лифтов, а между сидящими (народ) и охраняющими (представители власти) их нет вообще.

Вторая — абсолютная поддержка иерархии всеми ее представителями через принцип «как с нами, так и мы». Третья — расчет только на себя: «не верь, не бойся, не проси», все кругом враги, сотрудничество отсутствует, только соперничество; единственный способ подняться вверх — через опускание других вниз. Четвертая — принцип идентичности: не отличайся, не высовывайся, не спорь, не стучи, не жалуйся, не проявляй ни доброты, ни слабости, ни инициативы, принимай все как должное.

Наверное, излишне говорить, насколько наша жизнь пропитана зонной культурой. Лексика, песни, понятия, переплетающиеся с законами, стремление иметь большую (признак силы) черную (видимо, признак положения в иерархии?) машину, зашкаливающий уровень агрессии друг на друга (на дорогах, в интернете, в быту), табу на самокритику и критику своей страны, агрессивный консерватизм, неприятие нового, постоянная ностальгия по прошлому и отсутствие какого бы то ни было видения будущего (иначе как в виде возврата к прошлому) — свойства примитивной группы. Лояльность населения к нынешней власти (в отличие, кстати, от предыдущих) — результат ответственности ее действий общей идеологической модели. Власть даже разговаривает с намеренным добавлением фени, блатных слов и выражений, а ее действия — это действия «правильного» пацана, зону держащего: пайку увеличивает, своих не сдает, силу показывает когда надо и, главное, полностью воспроизводит спектр действий лидера примитивной группы — поддерживает понятия, консолидирует дистрибуцию ресурса, регулирует иерархию, вознаграждая лояльность. С точки зрения зэка, на такое начальство молиться надо: все «расконвоированные», на волю ходят по желанию (лишь бы к переключке успевали), товаров с воли завались, чего еще надо?

Более того, если рассматривать Россию в контексте зонной идеологии, то многие кажущиеся абсурдными вещи становятся на свои места. Первый признак зоны — общее ощущение «не дома». Согласно опросам, 63% россиян хотят сменить страну проживания. В кучах мусора, оставляемых по обочинам и в местах отдыха, в краткосрочности всех планов (включая инвестиционные), в пассивности и нежелании строить

и создавать — во всем в России есть это ощущение «не дома»: все не мое, я пользуюсь украдкой, заботиться не о чем, жалеть нечего.

В стаде гамадрилов, на зоне — и в России те, кто распределяет и контролирует, — всегда выше тех, кто производит. Силовики, чиновники, власти — весь этот набор, в разы превышающий своей численностью любые мировые стандарты бюрократии, — заведомо не только имеют право на притеснение бизнесмена, но и обязаны в силу понятий (подкрепленных законом, который в России понятия очень напоминает) всячески контролировать и эксплуатировать последнего. Отсутствие защиты собственности в России, о котором так много говорят, не есть досадная недоработка: какая может быть собственность в зонной культуре, где «начальник дал — начальник взял»?

Стереотипы «командно-административного» управления отсюда же. Привычка высших российских чиновников унижать подчиненных и даже независимых от них людей публично, в том числе в прямом эфире, принятый фамильярно-хамский стиль обращения менеджмента с сотрудниками, традиции многочасовых ожиданий в приемных или приезда высокого начальства своими корнями уходят в армейскую систему управления войсками охраны и жесткую дисциплину для обитателей колонии. Тот факт, что «мотивация» как понятие российской власти незнакомо, а знакомы лишь «запрет» и «приказ», тоже характерно для зоны, и бесполезно объяснять, насколько они архаичны и неэффективны.

Коммуникация с населением России со стороны власти мало отличается от коммуникации с заключенными по стилю. Достаточно прочесть письмо из налоговой инспекции. Там не будет «спасибо, что вы своими налогами финансируете нашу страну!». Там будет 10 предупреждений о карах за неуплату и просрочку.

Граждане не отстают: согласно докладу ИНДЕМ, есть только три страны в мире, где отношение к полиции хуже, чем в России. Всего в 14 странах граждане чувствуют себя менее безопасно на улице. Это объективно? Конечно, нет: в России полиция, конечно, не особенно хороша, но уж и не так плоха,

и на улицах сравнительно безопасно. Это — зонная идеология: никому не верь, все враги.

Тотальность отвержения гомосексуалистов в России тоже стопроцентно зонной природы. Это неотъемлемый элемент примитивной группы, в которой половой акт указывает на иерархию. При этом в отличие от СССР в России запрет на гомосексуализм вводиться не будет — кто же станет олицетворять собой дельта-уровень, с кем сравнивать оппонентов (кроме несистемной оппозиции)? Когда популярный политик публично приказывает жестко изнасиловать журналистку, не стоит ошибочно считать, что он подстрекает на тяжкое преступление и даже — что он оскорбляет женщину. Он всего лишь в рамках нашей системы ценностей и морали обращает внимание женщины на ее место в иерархии — традиционным (еще со времен, когда его предки были похожи на гамадрилов) способом, путем объяснения, кто может быть инициатором полового акта. Кстати, Государственная дума, ограничившаяся по этому поводу «порицанием», вполне понимает невинность данного действия и его соответствие нашим нормам.

Получение средств «с воли» на любой зоне строго регламентировано, так как добавляет к пайке, за которую надлежит работать и быть покладистым, неконтролируемый довесок. Поэтому неудивительно, что благотворительные организации, получающие деньги из-за рубежа, должны быть под жестким контролем. Призыв руководителя благотворительного фонда голодовать за кандидата в президенты лишь потому, что иначе он угрожает не дать денег (государственных) на детскую больницу и вообще прикрыть благотворительный фонд, только в свободном мире кажется абсурдным. А на зоне — естественным.

Наконец, последний запрет на выезд за границу сотрудников МВД кажется даже запоздавшим. Если смотреть на них как на срочников, охраняющих зону, то непонятно вообще, почему они должны иметь право на увольнение в город. Увольнение — это поощрение, пусть его в отделе кадров вместе с паспортом и выдают.

Не надо думать, что зона — это место, из которого всем хочется сбежать. Есть как минимум две категории людей, которые,

наоборот, хотя бы на зоне оставаться: это те, кто пассивен, не готов на собственную инициативу, собственное мнение и собственные риски; это также те, кто обладает возможностями и/или способностями на зоне хорошо устроиться — от «начальников» до бластных (так сказать, актив зоны). Если ты принимаешь правила игры и находишься вверху иерархии, почему не оставаться «на зоне»? В России особенно много представителей и первой, и второй группы. Есть даже идеологи зоны, которые мечтают превратить в нее весь мир и видят в этом «особую миссию России». Хорошо, что пока эта версия разумно не поддерживается нашей властью. Отсюда — весьма особое отношение к внешнему миру.

Отношение к Западу у нас похоже на отношение стада гамадрилов к людям в поселке неподалеку. Мы не любим Запад, мы его боимся, мы его презираем. И мы же его боготворим, мы от него получаем почти все жизненно важное. Мы бесконечно у него просим: когда дела похуже — то кредитов, когда получше — то прав «как у людей», признания и уважения, при этом категорически отказываясь сотрудничать. Мы бесконечно возмущены, когда не получаем то, что просим, и презрительно усмехаемся, когда получаем. Мы все время остерегаемся их «коварных планов» и открыто веселимся, когда нам удается наш коварный план по отношению к ним.

Отношение к другим «зонам» у нас братское, можно и помочь, если надо. Помощь другой зоне состоит в поддержке на ее территории законов зоны и начальства зоны. Но если вдруг «братская зона» начинает менять свою идеологию на «вольную», мы видим в этом только одно — бунт заключенных. «Петухи взбунтовались!» — кричим мы в таком случае в праведном гневе и ужасе, что подобное может случиться и у нас. Там, где мы не можем послать своих охранников «навести порядок», нам приходится посылать свой «актив» и помогать местным «активистам зоны». Неудивительно, что и в Крыму, и в ДНР с ЛНР у нынешних руководителей так много уголовного прошлого и/или слухов о связях с уголовным миром — где еще взять передовой отряд носителей этой идеологии?

Зонная идеология, ценности зоны, мораль зоны — это и есть наши «традиции и устои». Они не хороши и не плохи, их не надо

стесняться, так же как ими, наверное, не стоит гордиться. Просто у нас своя мораль, у Запада — своя. Сходство с гамадрилами тоже не должно нас оскорблять: самолеты похожи на птиц лишь потому, что и те и другие должны летать. Гамадрилы и мы обречены жить в экономике одного типа — с неограниченным ресурсом, который мы легко собираем и на который живем. Понятно, почему президент России говорит о защите нашей морали от влияния Запада — нашей экономике западная мораль не подойдет. Но я бы поспешил его успокоить: наша мораль и наши ценности — продукт экономической модели. Их не вытравить ничем, пока потоки нефти и газа будут приносить нам доход, в ожидании доли которого все население будет выстраиваться в очередь — кто в огромном офисе с сотней охранников, кто с метлой в робе в толпе мигрантов.

Проблема в будущем. На зоне кажется, что она существует вечно. Но как бы ни была прочна колючая проволока, высоки вышки, сильны водометы и точны АК-74, современная зона существует, только пока она нужна воле (например, обеспечивает ресурсом и удерживает на своей территории множество ненадежных личностей). Когда-нибудь, не скоро, поток нефти из России закончится или станет не нужен. И тогда нашим детям (или даже внукам) придется встретиться с выбором, который сделали наши давние предки, видимо, во время резкого изменения климата: поменять мораль — или вымереть. Мы не знаем, какая их часть предпочла вымереть, не изменив устоям. Мы не знаем, что выберут наши дети. Но хочется верить, что они смогут выбрать западную мораль, избавившись от зонной идеологии. Она, собственно, ничем не плоха. Просто — ведет к вымиранию.

Оправдание зла в примитивной группе

Отдельным важным вопросом является «взгляд изнутри» примитивной группы. Как ее видят ее члены? Почему они ведут себя тем или иным образом? Возможна ли с ними дискуссия? Этой теме посвящена третья статья о примитивных группах, написанная в том же июне 2014 года для издания Slon.

О психологии примитивной группы применительно к текущей ситуации в России можно говорить долго. Отличные материалы есть у В. И. Дроганова, А. Б. Добровича, О. В. Скрипченко и десятков других психологов. В заключение моего цикла статей хочется остановиться на нескольких свойствах примитивной группы, без знания о которых невозможно понять серьезные процессы, идущие в Российской Федерации.

«Действуя и приспособливаясь к примитивной группе... субъект обязан всячески отрицать это, обосновывая свои поступки любыми рациональными, моральными или другими доводами, какие только доступны его интеллекту. Если он не в состоянии таким способом оправдать свое поведение, в примитивной группе его считают глупым. Субъект, находящийся внутри примитивной группы, обычно не способен сформулировать “правила”, по которым она функционирует. Поймав себя даже на мысленной попытке их сформулировать, он испытывает страх расправы, легко превращающийся в опасение, что с его психикой не все в порядке», — пишет Дроганов. Это важнейшее свойство примитивной группы — отказ от осознания реалий собственного поведения и потребность в оправдании. Не стоит удивляться злобе множества читателей либеральной прессы и критических статей, письменным выкрикам «полная хрень», «Слава России», «продались гомосексам» и «не нравится — убирайтесь». Авторы не злы и не злонамеренны — им просто очень страшно, когда кто-то пытается заставить их «мысленно попытаться сформулировать» правила, по которым мы живем.

Легко увидеть, что все: президент, СМИ, чиновники, интернет-тролли и интернет-протестующие, интеллигенты и «простой народ» — заняты придумыванием бесконечных оправданий чему-то, что не называется вслух. Что такое выборы, как не оправдание своего права править — в условиях, когда заранее понятно, что предварительные фильтры и фальсификации не допустят к власти никого из тех, кого допускать к власти не надо? Кому нужны анекдотичные легенды о фондах-агентах, «шпионском камне» и попытках Запада сделать русских педофилами? Они нужны нам, чтобы не признаваться себе, что

мы живем с идеологией примитивной группы, неспособной сотрудничать, — и как объяснение, почему сотрудничать не надо, и как оправдание игнорирования «положительного примера». Почему в ответ на статью о неэффективности нашей экономики сотни читателей пишут: «А США вообще оккупировали Ирак!»? Это что — мы живем плохо потому, что США оккупировали Ирак? Кстати, даже на статью о том, что нельзя поддерживать террористов на Донбассе, глупо отвечать что-то про плохие США, которые ведут войны по всему миру, — наше осуждение США должно приводить к противоположным, а не подобным же действиям! Мы же не соревнуемся с ними в гадости и глупости! Все это искусственные и бессмысленные оправдания членов примитивной группы, среди которых «а они сами козлы», «все так делают», «как с нами, так и мы» и (одновременно и неожиданно) «мы особенные и неповторимые» — стандартный набор для уличной банды, фанатского клуба и, к сожалению, современной России.

«Оправданием» заняты все. Либеральные СМИ вдруг стали оправдывать действия власти в России верой власти в то, что Россия — крепость в кольце врагов. Что вы, пишут «Ведомости», они же из КГБ. Их идеология — идеология защиты от внешнего мира.

Это объяснение красиво, удобно и правдоподобно. Раз мы «крепость в кольце врагов», то до науки ли нам, до культуры ли, до развития ли производств и предпринимательства? Раз кругом враги, то понятно, почему у нас раздуты бюджеты обороны и безопасности, а пенсии отбирают. Это объяснение подсказывает либералам: пройдет время, придут люди не из КГБ и все само собой встанет на место. Наконец, оно снимает с общества ответственность: подозрительный взгляд на внешний мир в поисках врага — это так понятно и простиительно, хотя, конечно, не всегда адекватно...

Понятно, что эта версия не выдерживает никакой проверки реальностью. Из осажденной крепости в стан врагов отдыхать не ездят (для тех, кто не отдыхает в Европе, Турция — член НАТО, Египет — давний союзник США, Израиль — ближайший партнер США, Таиланд — вполне встроена в западную

систему сотрудничества страна). К врагу детей учиться не от-
правляют. Деньги свои врагу не посылают ни «на всякий случай»,
ни «полежать», а между тем только счетов у россиян в Швейца-
рии, по некоторым данным, на 300 млрд долларов, а количество
российских холдингов, зарегистрированных в «Североатлан-
тических странах», превышает сотни, и долларов на руках —
более 50 млрд. От стана врагов не получают половину продо-
вольствия, автомобилей, 80% лекарств и непонятно сколько,
но явно больше 50% ширпотреба (не говоря уже об оборудова-
нии, технологиях и прочем). За последние 25 лет (и особенно
за самые последние 14) российская зависимость от импорта
стала в разы больше, и в 2014 году эта зависимость тоже рас-
тет. Создание национальных поисковиков и платежных систем
(да и будет ли?), выпуск нескольких экземпляров отечественных
ближнемагистральных самолетов и аптеки, заваленные арбидо-
лом (не говоря уже о «Сколково», Роснано и газе в Китае), — это
профанации, карго-культ, но не отказ от тотальной зависимо-
сти от Запада. Все это (включая огромные деньги, потраченные
на «карго-проекты») — всего лишь оправдание, о котором го-
ворит Дроганов.

Не менее важным для понимания сегодняшней ситуации
будет правило круговой поруки, формулируемое Дрогановым
следующим образом: «Для того чтобы примитивная группа
не распалась и функционировала на пользу Главаря, Автори-
тета и их Приближенных, ее необходимо вовлечь в... сурово
караемые обществом акции. Это создает ситуацию круговой
поруки, поскольку вина за содеянное лежит теперь на всех.
Видя, что связи в группе разрыхляются, Главарь может, напри-
мер, толкнуть людей на совместно совершенное убийство... По-
сле этого группа поневоле спланивается за счет общего чувства
страха и вины».

Ответ на недоуменный вопрос «В чем причина появления
взбесившегося принтера?» — в «разрыхлении связей» во власти.
Принтер взбесился именно в ответ на протесты 2012 года, на раз-
брод в Думе и правительстве, на рост недовольства в обществе.
Возможно, интуитивно, но власть нашла способ сплотить заново
депутатов, министров, чиновников, всех, кто должен власть

поддерживать — через череду законов, от которых, окажись их авторы вне поля группового сознания и давления сверху, им было бы чудовищно стыдно.

Аннексия Крыма в этом смысле — апофеоз: после того, как 80% граждан страны поддержали воровство на межгосударственном уровне, власть в России за сплоченность группы и высокий уровень собственной поддержки может не волноваться. Сегодня очень многие требуют ввести войска на Украину и молчаливо (или — громко) одобряют помощь «повстанцам» в ДНР и ЛНР: это уже коллективно совершаемые убийства, в том числе — детей. Так что ошибаются те, кто думает, что сегодняшняя ситуация в российско-украинских отношениях может дестабилизировать Россию. Наоборот, при всех экономических и международных политических «убытках» от авантюры с Украиной власть в России за ее счет кардинально укрепляется — вследствие эффекта круговой поруки.

Отчетливо в России проявляется «правило силы» (тот же Дроганов): «В примитивной группе... “оскорблением”, “унижением” субъекта оказывается любое ущемление его амбиции. Амбиция, безусловно, ущемляется, если другой субъект показывает, что он “лучше” в каком бы то ни было отношении. Если кто-то имеет возможность безнаказанно продемонстрировать свое превосходство над другими, он обязан сделать это, иначе его сочтут слабым. Реальное выдвижение — вплоть до ранга Авторитета или претендента на роль Главара — возможно только для тех, кто неуклонно следует [этому правилу]. Никакие способности... не вынесут его “наверх”, если он не склонен пользоваться [им]. Напротив, при такой “слабой” позиции его способности и успехи будут вызывать лишь неприязнь группы и могут скорее привести к его гонению. Зато бестрепетное следование “правилу силы” выдвигает на ключевые места в группе даже того, кто, собственно, ничем и не одарен, кроме такой бестрепетности. Субъект, который демонстрирует свои особые дарования, но лишен возможности или желания унижать нижестоящих... становится гонимым».

Видимо, именно этим правилом объясняется множество «странных» проявлений бессмысленной жестокости власти

(например, в случае с демонстрантами 6 мая 2012 года на Болотной площади), показная агрессивность риторики и бесконечные попытки внутри страны и в международной политике демонстрировать силу — «меряться» с США и другими странами, с громогласными заключениями типа «мы утерли Обаме нос» (в реальности Обама об этом вряд ли догадывается; кстати, представьте себе на секунду, что Обама или Меркель говорят: «Мы утерли Путину нос»...). Отсюда и наше официальное отношение к Украине и новой власти на Украине: ощущение ее новых возможностей нас «унижает», ее неспособность воевать с Россией — вызывает желание немедленно унизить ее «в ответ»; поскольку на войну мы все же решиться не можем, мы унижаем ее вербально, причем уже давно за пределами не только здравого смысла, но и элементарных приличий. У нас даже спорт вместо ощущения праздника вызывает ощущение битвы, в которой мы должны доказать свое превосходство над другими странами! Поражение футбольной сборной, по словам одного из моих собеседников, «позорит страну» (удивительно, он никогда не говорил, что беспризорники, нищие старики, самоуправство силовиков, провальный уровень медицины, низкие сроки жизни, лидерство по наркомании или десятки тысяч трупов на дорогах в год позорят страну — но вот футбол!).

Этим же правилом объясняется и «необъяснимый» с точки зрения здравого смысла феномен массовых фальсификаций властью выборов и уголовного преследования конкурентов, при том что власть явно выигрывает их без всяких фальсификаций. Власть действует в рамках «правила силы»: просто выиграть выборы недостаточно (кто-то может подумать, что это временный успех, что у власти нет сил сохранять статус-кво). Надо показать, что власть сменить невозможно, и не важно, каким способом, даже самым откровенным жульничеством. Для примитивной группы средства значения не имеют, а уровень цинизма действия только повышает статус действующего в глазах группы.

С другой стороны, почему власть, при всей радикальности ее «примитивно группового» поведения, кажется «консервативно-центристской» на фоне множества идеологов существенно более радикальных действий (самые безумные законопроекты, самое

хамское «авторитетное» поведение, самые яростные требования унижать, ограничивать в правах, даже совершать преступления, вплоть до военной агрессии и массовых убийств, исходят или от тех, кто во власти занимает ничего не решающее положение, или от тех, кто к власти прямого отношения не имеет)? Это следствие «инстинкта отвода агрессии»: «Участвуя в групповом гонении жертвы, субъект демонстрирует свою солидарность с группой и тем самым отводит ее агрессию от себя. Этим объясняется необыкновенная истовость, с которой иные члены примитивной группы выполняют “карательные” функции в отношении провинившихся» (тот же Дроганов). При этом власть, естественно, использует таких идеологов-угодников для демонстрации своей «справедливости и умеренности»: «Угодник существует не по тому, что Главарю приятна его льстивость и услужливость, [а] потому, что такой субъект вызывает неприязнь всей группы. И теперь, когда Главарь оказывает расположение и милость к кому бы то ни было из других, это оставляет впечатлительные импонирующей людям справедливости» (тот же Дроганов).

Наконец, почему мы все в России (и власть, и «народ») выглядим настолько безучастными к чужой боли и горю? Почему депутаты недрогнувшей рукой запрещают больным сиротам выезд на усыновление, обрекая их на смерть? Почему судьи не отпускают обвиняемого в мелких экономических преступлениях на похороны матери, хотя еще нет даже приговора? Почему беременную женщину нельзя выпустить из тюрьмы на полгода раньше, чтобы она родила дома? Почему в России так мало доноров, благотворителей, волонтеров, зато так много особо циничных преступлений — против детей, стариков, неимущих? Оказывается, в примитивной группе действует «правило безразличия»: «...Проявляется в бестрепетном отношении к физическому или душевному страданию другого. Это легче понять, когда человек трусит, имея дело с трудностью или опасностью. Но в данном случае субъект становится безучастным, даже если ему ничего не грозит» (он же).

К сожалению, не существует рецептов трансформации примитивной группы в «эгалитарную» без существенного влияния извне. Напротив, примитивные группы очень консервативны

к любым изменениям (смена главаря никаким изменением, конечно, не будет). Хорошая новость состоит в том, что, поскольку в основе психологии члена примитивной группы лежит подсознательный запрет на осознание реальности, примитивная группа обычно очень чувствительна к внешнему воздействию — если оно приходит не в виде критики (см. выше, критика вызывает страх и агрессию), а в форме положительного примера, причем скорость принятия позитивной практики в примитивной группе может быть очень высокой — в силу развитого группового сознания. Скептикам рекомендую вспомнить, что еще 10 лет назад автомобилисты никогда не пропускали пешеходов на переходах, а сегодня крайне редко можно увидеть машину, которая не остановится при виде человека, собирающегося перейти дорогу. Конечно, нынешняя власть будет активно защищать страну от проникновения позитивных примеров: закрытие иностранных фондов в России, постепенный запрет на выезд за границу, цензура, — истерически прославляющие примитивные реакции и правила и поливающие грязью все, что в них не вписывается, каналы ТВ и прочее будут (вместе с нефтью, которая позволяет поддерживать приемлемый экономический уровень) делать свое дело по сохранению «традиций и устоев». Но даже с нефтяной иглой в современном мире невозможно перекрыть информационные потоки. Нужно больше говорить и писать о позитивных образцах в России и за рубежом; нужно пытаться внедрять их локально; в любом споре с испуганным агрессивным соотечественником (частном или публичном) нужно не обвинять, а предлагать альтернативы эгалитарного свойства. В конце концов, дорогая нефть закончится — и только существенное количество людей, способных строить отношения не по принципам примитивной группы, сможет спасти страну от превращения в красно-коричневую нищую зону.

Хрестоматия насилия

Иногда тема для статьи давно витает в воздухе, но, чтобы ее написать, нужен повод. Я много писал про систему примитивной группы, иерархия в которой держится на насилии, а порассуждать про сам

феномен насилия как-то не случалось. Между тем насилие — едва ли не самая волнующая человека тема, предмет всех без исключения эмоций, неизменный компонент всех без исключения отношений между людьми и даже человека с самим собой, основной источник самых сильных переживаний — страха и возбуждения, главный двигатель прогресса еще вчера и — главный его тормоз сегодня.

Но наконец повод нашелся — в 2016 году в мире начался флешмоб «Я не боюсь сказать», формально направленный против сексуального насилия, но поднимающий существенно более широкий пласт вопросов. Сразу скажу, что отношение мое к этому флешмобу и вообще к тому, как идет сегодня в мире компания борьбы с сексуальным насилием, двойственное: как часто бывает, важное дело делается негодными методами, и чем дальше заходит эта борьба, тем больше побочных эффектов она в себе несет. Сегодня многие жертвы насилия по какому-то странному совпадению обвиняют в преступлениях, совершенных очень давно, только тех, кто добился высокого положения в обществе и обладает значительными средствами, которые может потратить на солидную компенсацию жертве. Такие обвинения вызывают широкий общественный резонанс и преследование со стороны правосудия, что разрушает карьеру и саму жизнь обвиняемого — в нарушение основополагающих принципов права, начиная с презумпции невиновности. Огромные деньги перекошевывают в карманы жертв, преступление против которых не только не доказано, но даже и не подтверждено правосудием на основе соревнования сторон, несчастные жертвы пишут книги, позируют перед камерами, дают интервью: борьба с насилием превращается в доходный бизнес, в то время как реальная проблема насилия остается в стороне — если насильник не богач или селебрити, для жертвы мало что изменилось за последние годы. Древнеримская поговорка «В какую сторону ни раскачивай маятник, он качнется обратно» остается верной и сегодня: происходящее, скорее всего, достаточно скоро вызовет пресыщение общества темой, недоверие к любым обвинениям такого рода, а реальные жертвы насилия со стороны обеспеченных преступников будут встречать встречные обвинения в оговоре из корысти со стороны наглых адвокатов ответчика, и общественное мнение будет не на их стороне — проблема будет загнана обратно в состояние полувековой давности, и насилие будет снова считаться

чем-то средним между вариантом нормы («ну что же вы хотели, это же зов природы») и виной самой жертвы (только вместо старого «а нечего было подставляться» будет использоваться новое «заработать хотела»).

Мои соображения о насилии вышли на «Снобе» 12 июля 2016 года.

Флешмоб в Facebook против насилия над женщинами, построенный на личных рассказах о реальных событиях (очень важное и нужное, на мой взгляд, начинание), напоминает о еще одной крайне существенной задаче, которая пока остается в стороне от общей дискуссии.

Эта задача — привлечь внимание к насилию как явлению и к важности поиска путей снижения его уровня в обществе. Флешмоб — возможно, лучшее начало, потому что он говорит о наиболее ярком и наиболее остро воспринимаемом современным обществом виде насилия, но только лишь начало: насилие — существенно более широкое явление, и корни, как и последствия, сексуального насилия расходятся очень далеко от основного топика флешмоба.

Насилие — очень серьезный тормоз на пути прогресса современного общества. При этом и насилие, и его восприятие человеком представляются, если не понимать их природы, одной из самых больших загадок психики. Отчего, скажем, падение кирпича на голову и две недели в больнице с тяжелым сотрясением мозга не оставляют психологической травмы, а прилюдная пощечина или поцелуй, полученный силой, могут ее вызвать (а могут и не вызвать)? Почему (я сам это наблюдал) солдат, получающий удар по лицу от офицера, воспринимает это «как явление природы», забывая о нем через минуту, а аналогичные действия от сослуживца вызывают гиперагрессию, иногда превращающуюся в поножовщину, если не перестрелку? Из-за чего какой-нибудь госчиновник спокойно воспринимает публичное унижение от начальника, но набрасывается с битой на подрезавшую его на дороге хрупкую девушку? Как объяснить тот факт, что многие знакомые мне сотрудники крупных компаний спокойно чувствуют себя, когда их постоянно вызывают к шефу и там унижительно распекают, но начинают волноваться

и страдать, когда таких вызовов долго не случается? В конце концов, почему существуют иерархии, применяющие насилие на каждом уровне и состоящие целиком из подвергающихся насилию членов — причем часто чем больше насилия, тем прочнее иерархия?

Что двигало моей знакомой, долго водившей за нос своего молодого человека, к которому она очень нежно относилась, когда она соглашалась выйти за него замуж после того, что сама называла «настоящим изнасилованием» (они, кстати, прекрасно живут вместе уже много лет)? Как увязать тот факт, что подавляющее большинство женщин воспринимают реальное изнасилование как тяжкое преступление и одно из самых травматичных событий, с тем фактом, что существенное количество женщин склонно фантазировать о нем и проигрывать в сексуальных играх? Ну и конечно, почти 100% мужчин не могут позволить себе даже дотронуться до плеча женщины без ее согласия — при этом число тех, кто увлеченно смотрит порноролики или художественные фильмы со сценами насилия, исчисляется сотнями миллионов, если не миллиардами.

Истоки насилия вплетены в историю человеческой борьбы за существование. Без насилия над чуждыми ему животными и природой человек — хищник и созидатель — не развился бы и не сохранился как вид. Насилие было средством борьбы самца из первобытной человеческой общины за свое место в иерархии, за возможность получить кусок еды побольше и женщину поздоровее (впрочем, самки боролись за еду и самца теми же способами). Без этой иерархии, отсеивавшей слабых и глупых и предоставлявшей право произвести на свет потомство сильным и умным, человек не прошел бы естественный отбор.

Более того, не только сама способность к насилию служила и еще часто служит доказательством права на место в иерархии (и на спаривание с достойным партнером), но и доказательство этой способности востребовано «жертвами». И у первобытного человека, и у множества животных самец должен приложить существенные усилия, чтобы «завоевать» самку, в том числе преодолевая ее сопротивление насилием; даже у многоножек самец разворачивает свернувшуюся в плотный клубок и отчаянно

сжимающуюся самку: смог развернуть — значит достаточно силен, потомство будет здоровым и жизнестойким.

Наконец, без насилия не могла идти борьба между первобытными человеческими сообществами, которая обеспечивала отбор на более высоком — групповом — уровне. Насилие было необходимо, и оно было заложено в человеке природой или богом, это уж кому как нравится. Любая попытка его «выделить и устранить», создав с помощью лекарств, воспитания или генной инженерии личность, лишённую стремления к насилию, может привести лишь к потере человеком индивидуальности, превращению его в овощ.

Роль насилия в естественном отборе и иерархизации настолько важна, что человек, реагируя на насилие, инстинктивно придает больше значения не угрозе физическому здоровью, а опасности для социального статуса. Поэтому, хотя само понятие насилия объективно, его восприятие совершенно субъективно и зависит главным образом от того, насколько насилие угрожает изменением личного и общественного восприятия уровня человека (группы) в социальной иерархии. «Технически» одни и те же действия, в том числе насильственного характера, в разном смысловом и социальном контексте могут практически не замечаться, а могут вызывать острейший протест, если в первом случае они расцениваются как не затрагивающие статуса или естественные для него, а во втором — как угрожающие статусу. До сих пор в самых разных языках слова, соответствующие наиболее сильным видам психологического и физического насилия, являются однокоренными со словами «вниз», «ниже» — в русском «унижение», в английском — *let down, degrade, take down, bring low*. Насилие как стремление понизить место жертвы в некоей, иногда даже не существующей, социальной иерархии воспринимается как катастрофа для статуса и генерирует высочайший уровень стресса, неадекватный физическим последствиям.

Последствия переживания такого стресса крайне трудно купируются: самым эффективным способом борьбы со стрессом и травмой явилось бы их проговаривание, обращение к другим людям за помощью, но поскольку жертва насилия чувствует

свою потерю конкурентоспособности, свое «ухудшение», то она испытывает стыд — инстинкт требует от нее сокрытия факта от окружающих. В мире животных, от которого мы недалеко ушли, особь-жертва не получит возможности иметь потомство от достойного партнера, равно как и достаточного количества еды. В мире людей жертва чувствует себя таким недостойным нормальной жизни животным и боится поделиться с другими, поскольку инстинкт подсказывает ей: «Тебя отвергнут, ты — брак в процессе естественного отбора». Неудивительно, что жертве насилия свойственны даже суицидальные мысли. Поэтому совершенно бессмысленно «оценивать ущерб» от насилия и по нему судить о его вреде или пытаться этот ущерб технически возмещать — легкая пощечина, указывающая человеку «его место», может травмировать много больше, чем побои, полученные в «честной драке»; изнасилование может не причинить вообще никакого физического вреда — и чаще всего именно оно будет самым травматичным.

По той же причине ответы на угрожающее статусу насилие связаны с подсознательной борьбой за виртуальное или реальное поставленное под сомнение место жертвы в иерархии: симметричный ответ предполагает отказ признать свое понижение за счет насильника и попытку «вернуть статус-кво» насилием над насильником, часто — асимметричным, категорически избыточным, зато адекватным стрессу, вызванному изначальным насилием. Трансляция вовне направлена на повышение своего места в иерархии, снизившегося в силу акта насилия, за счет третьих лиц — применением насилия к ним. Наконец, трансляция на себя является актом принятия своего понижения в иерархии и сопряжена с депрессией, а зачастую — с поиском нового насилия над собой для закрепления «нового статуса». Ни один из этих способов не будет конструктивным и не снижает уровень насилия, поэтому искать способ борьбы с насилием в ответе на конкретное насилие бесполезно.

Хотя насилие внешне сильно отличается по видам — сексуальное легко отличимо от грубого физического и тонкого психологического, жестокое не похоже на мягкое и аккуратное, — оно может осуществляться внушающим страх преследователем

и внушающей жалость «как бы жертвой»: эти виды не изолированы и за счет эффекта трансляции порождают друг друга. Жертва побоев в семье может вырасти и стать, например, манипулятором, совершающим психологическое насилие. Сын авторитарной матери может стать сексуальным насильником. Объект унижений в школе может пойти в политику и, добившись власти, развязать войну или принимать репрессивные законы. Ученики, на которых кричит учитель, могут мучить котенка во дворе. В авторитарном государстве в периоды войн, изоляционистской политики, насаждения шовинизма или ксенофобии уровень бытового насилия значительно выше, чем в демократическом, проповедующем мирное сосуществование и толерантность. Поэтому бессмысленно пытаться бороться с одним изолированным видом или источником насилия — он чаще всего произрастает на почве, удобренной другими его видами, насильники «приходят извне». Бессмысленно также бороться с насилием с помощью насилия — это может приносить удовлетворение жертвам, но не будет иметь положительный результат для общества. Скорее, наоборот: «справедливое» насилие порождает насилие на следующем витке в объеме не меньшем, чем «несправедливое», а даже большем — как минимум потому, что «справедливое» насилие себя легитимизирует.

В современном мире роль насилия успешно оспорена новыми механизмами социального развития. Уже 4000–5000 лет назад механизмы естественного отбора, присущие более простым сообществам животных, получили в качестве конкурента механизмы широкой социальной кооперации, требующие не выбора сильнейших, а максимального использования потенциала всех. На индивидуальном уровне эти два механизма с переменным успехом боролись за лидерство вплоть до эпохи Возрождения, а с приходом Ренессанса безоговорочно побеждает кооперация. На групповом уровне, на котором общины и племена превратились с течением времени в страны и страты, эта борьба начинается значительно позже, и только вторая половина XX века приносит ощущение победы кооперации над естественным отбором — пока все еще зыбкой и не окончательной. Новые социальные драйверы требуют развития в человеке

новых свойств, делающих его «пригодным» к достижению результата в новых условиях. За 4000 лет человек кардинально расширяет сферу кооперации и добровольной взаимопомощи, формирует в себе то, что на бытовом уровне мы называем «добротой», «совестью» и/или «эмпатией», «гордостью» и «свободолюбием». Гибко реагируя на изменение оптимальных методов развития, общество создает совершенно новые социальные нормы, противоречащие насилию и табуирующие его наиболее жесткие проявления.

Но, как уже было сказано, насилие как инстинктивный инструмент борьбы за более высокое место в иерархии и привлекательно, и естественно. Это свойство насилия никак не меняется с годами, как не меняется и природа человека. Жажда насилия — воспоминание о старом методе борьбы за свое «место под солнцем» — крепко сидит в современных людях. Мало кто не испытывал в жизни чувства агрессии по отношению к конкуренту или препятствию, стремления решить проблему силой, жажды продемонстрировать превосходство. Охота и рыбная ловля концентрируют и удовлетворяют агрессию «маскулиных» личностей, а более гуманные стреляют в тирах и по тарелочкам, «охотятся» в компьютерных играх и агрессивно спорят в Facebook. Имитация физического насилия — основной атрибут игр мальчиков, большое количество видов спорта включает в себя физическое насилие или прямо в нем состоит, в сексуальных фантазиях осуществление насилия занимает заметное место даже у внешне мирных и цивилизованных людей. «Новые» нормы не справляются не только с кризисными ситуациями, но даже с психологическими ловушками типа группового мышления — спровоцировать насилие даже у не склонных к нему людей все еще очень просто, и взрывы массового насилия случаются по всему миру.

Да и социальная среда все еще далека от совершенства, и часто насилие объективно становится действительно более эффективным способом действия, чем кооперация. Отражение агрессии, борьба с преступностью, обеспечение защиты детей от их собственных действий, достижение эффективности корпоративной структуры, подтверждение своей состоятельности

как полового партнера требуют определенного уровня насилия. Отрицание этого факта и утопическая вера в то, что сотрудничать всегда выгоднее, ведут нас к шизофрении: с одной стороны, мы верим в ненасильственные методы, с другой — подвергаясь насилию, транслируем его вовне. Чаще всего такое раздвоение формирует социальную концепцию «добра и зла»: есть добрые, которые создали бы ненасильственный мир, но им мешают злые — достаточно их уничтожить, и наступит благоденствие. Эта логика, как несложно догадаться, приводит к эскалации насилия. Правильной будет другая постановка вопроса: каким должно быть неизбежное насилие, чтобы оно в свою очередь не плодило насилия более опасного?

Наконец, насилие зачастую становится выбором не только «насильника», но и «жертвы» — чаще всего это насилие, которое не снижает, а подтверждает статус «жертвы» в иерархии (или подтверждает жертве требуемый статус насильника). Для жертвы порой существует механизм вознаграждения за согласие на насилие над собой либо в прямом виде (поощрение покорности или наоборот — еще большее насилие в случае непокорности), либо в виде сокращения риска и увеличения определенности (что будет очень серьезным вознаграждением для неуверенных, слабых личностей). «Единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного», — говорит герой пьесы Шварца; чтобы избавиться от страха неизвестного насилия, надо подчиниться насилию известному. «Бьет — значит любит» — тоже классическая формула согласия на насилие в обмен на определенность и защиту от внешнего мира в лице сильного мужчины.

Внутри многоступенчатых иерархий насилие, испытываемое их членами, стоящими достаточно высоко, многократно окупается поддерживаемым ими совместно правом на насилие по отношению к нижестоящим. Нижестоящие же, будучи не в силах бороться против системы, получают частичное удовлетворение в насилии над стоящими еще ниже и, наконец, в предсказуемости, стабильности системы, в которой насилие над ними понятно и ограничено — в противовес страшному непредсказуемому миру вне иерархии. Мощным инструментом создания

этой иллюзии «разумного ограничения насилия», ведущей к принятию насилия в обмен на гарантию места в иерархии, служат не только «понятия», «законы», но и «сильный и справедливый лидер — гарант и суверен». Поэтому во всех примитивных группах, автаркических сообществах и тоталитарных иерархиях появляются свои «своды правил» и «сильные лидеры». Так формируется социальный договор, включающий в себя насилие (часто очень высокого уровня), и у его участников нет желания поменять ситуацию. Более того, для человека в середине иерархии «обычное» насилие над ним самим становится необходимым свидетельством того, что он все еще сохраняет свое место в иерархии, которым дорожит; отсутствие стандартных проявлений насилия по отношению к нему часто вызывает у него беспокойство, страх, неуверенность в себе.

Стремление испытывать насилие над собой проявляется и в некоторых других случаях — не только в случае аутотрансляции травмы, получения награды и страха за свою позицию в иерархии. Насилие, в частности, это мощный способ оправдания в случае конфликта желаний и комплексов (табу), запроса и реальности. Люди, находящиеся на низких уровнях социальной лестницы (в самых разных смыслах), часто ищут насилия над собой, поскольку оно оправдывает их низкое положение. Сексуальное насилие снимает ответственность с тех, для кого сексуальная активность табуирована травмой или воспитанием, и позволяет получить желаемое сексуальное удовлетворение, пусть и в ненормальной форме — поэтому их поведение может быть провоцирующим. Люди, испытывающие неразрешимое чувство вины, также часто провоцируют насилие над собой, психологически стремясь к наказанию и искуплению, но случается, что и сами осуществляют насилие, подсознательно переводя свою автоагрессию в агрессию по отношению к окружающим.

Конфликт между все еще иногда эффективным механизмом развития через насилие и не всегда еще эффективной кооперацией заставляет человеческую психику «придумывать» способ определения границ допустимости насилия: нормальный современный человек испытывает психологический запрет на насилие в отношении того, кого он признает другой личностью,

но не стороннего объекта. Это создает эффект «границы субъективизации»: чтобы применять насилие, мы должны перестать видеть в жертве личность, как бы забыть о ее разумности и одушевленности, овестествить ее. Напротив, одушевление потенциальной жертвы, признание ее личностью заставляет нас сопереживать и блокирует насилие. Именно с этой особенностью современной психологии связан «эффект главного героя»: нам не жалко 9000 воинов, погибших в битве Джона Сноу с Рамси Болтоном, — мы их не знаем и поэтому не одушевляем, но мы явно сочувствуем Джейми Ланистеру, забывая о том, что в ряду его преступлений есть даже попытка убийства ребенка для сокрытия инцеста — ведь с ним мы хорошо знакомы и не можем его десубъективизировать.

По мере развития кооперативных механизмов в XVIII–XX веках социальные нормы современных обществ расширяют круг «своих» — людей, с которыми кооперация важнее конкуренции и в отношении которых работает запрет на насилие — и субъективизируемых объектов внешнего мира. В круг «личностей» у многих уже попадают не только все люди, но и животные, и даже неживая природа и значимые результаты труда, — стало нормой не только порицание охоты и негуманных методов выращивания и забоя животных, но и охрана памятников истории и культуры, трепетное отношение к книгам. «Насилие над природой» — распространенный термин, имеющий сегодня, в противовес его трактовке еще 100 лет назад, отрицательную коннотацию.

У каждого человека — в силу особенностей интеллектуального развития, силы воображения, воспитания и прочих факторов — формируется своя граница субъективизации. Люди разные — все еще есть те, для кого «свои» — это лишь единоверцы, люди своей национальности, жители своей страны, города, деревни, болельщики одной команды, члены своей семьи — или даже никто, кроме них самих. У каждого человека эта граница меняется от ситуации к ситуации и со временем: в частности, инстинкты заставляют объективизировать «врага» — это позволяет включить механизм насилия в защитных целях; переход от насильственных действий к раскаянию, хорошо знакомый

тем, кто имеет опыт воспитания детей, является отражением изменения восприятия — в момент насилия мы забываем о наличии личности у объекта, а вспоминая, раскаиваемся. Интеллект и развитое воображение при прочих равных прямо пропорциональны гуманитарности: садисты, психопаты и прочие патологически стремящиеся к насилию личности зачастую оказываются просто лишенными воображения — они не могут поставить себя на место жертвы, посмотреть ее глазами, воспринять ее как личность. Эта особенность психики, к сожалению, создает объективную границу в борьбе — есть, пусть и малая, часть людей, которых не излечить от стремления к совершению насилия.

Насилие, как видно из вышесказанного, имеет очень мощный психосоциальный потенциал, создающийся каждым его актом. Ему свойственно накапливаться (иногда годами), транслироваться, прорываться взрывом. Насилие через трансляцию плодит само себя, расширяясь по экспоненте. Поэтому даже одномоментная остановка насилия каким-либо волшебным методом не спасает общество — потенциал, сформированный психотравмами, передающимися из поколения в поколение, будет сохраняться, дремать, реализовываться тихо по квартирам и домам, подворотням и кабинетам начальников, чтобы прорваться вновь, когда его никто не ждет. Общество фашизма, шовинизма, тирании, репрессий, войны состоит не из маньяков. Оно составлено из битых родителями детей, затравленных сверстниками в школе толстяков, очкариков и инвалидов, подростков, которые подвергались обструкции за наличие идей и желаний, женщин, наученных «знать свое место», юношей, обязанных «уважать старших и традиции», мужчин, которые приучены слепо подчиняться приказу и выказывать чинопочитание, начальников, которые считают, что основа процветания — порядок, а основа порядка — правила и стабильность. Не случайно традиционные, религиозные, идеологизированные общества, как правило, тоталитарны и пронизаны насилием. Впрочем, насилие настолько живуче, что общество, состоящее из внуков упомянутых несчастных людей, может быть ничем не лучше.

Борьба с насилием не может быть эффективной, если будет локальной, если будет основываться на насилии, если

сведется к борьбе с насильниками — как борьба с комарами не может ограничиваться сетками, кремом от комаров и фумигаторами (конечно, и сетки, и крем, и фумигаторы нужны — но не только). И в том и в другом случае надо осушать болота. К сожалению, в отличие от ситуации с комарами, насилие может надолго засыпать внутри людей, даже при уничтожении всех его внешних источников. Придется ждать очень долго, может быть — поколения, пока результат станет устойчивым. Тем не менее альтернативы такой борьбе не существует: нынешний уровень насилия в обществе грозит его уничтожением.

Закрывать, пока не порно

Тема насилия — всего лишь одна из тем в палитре вопросов баланса между свободой и контролем, полем возможностей и пространством правил. Еще одной актуальной темой для России середины второго десятилетия XXI века — для России периода (надеюсь, временного) регресса в глубины архаичных систем управления, этики и даже эстетики — является тема «демонстрации»: свободы самовыражения и публичного представления мира. Об этом моя статья в «Снобе» от 4 октября 2016 года.

Дискуссия о том, можно ли демонстрировать что бы то ни было публично (детское тело или половой акт — лишь самые яркие примеры таких демонстраций), упирается вовсе не в социальные нормы относительно тех или иных аспектов общественного поведения — эти нормы невероятно подвижны — и, уж конечно, не в реальные риски провокации антиобщественного поведения подобными демонстрациями. Этот вопрос глубже — и значительно важнее. Он — отражение различий в позиции по вопросу о роли и значении личности в обществе, о соотношении личной ответственности за свое поведение и общественной — за поведение индивидуума.

Вопрос, «кто такой индивидуум: самостоятельная личность, отвечающая за свои действия, или жертва обстоятельств и соблазнов, за которую отвечает общество», не имеет истинного ответа, но мнение общества по этому поводу кардинально

изменяет общественную структуру, систему ценностей и поведения и в конечном итоге влияет на возможность прогресса и гуманизации.

В любом человеческом обществе есть индивидуумы как первого, так и второго типа, и, конечно, все промежуточные варианты. Разница между обществами состоит не в свойствах их членов, а в общепринятом мнении о них. Условно по ответу на этот вопрос все общества можно разделить на общества признанной личной ответственности, так сказать, «общества взрослых», и общества сниженной личной ответственности, «общества детей» (впрочем, и тут присутствует весь спектр, так что правильно будет говорить об обществах большей или меньшей ответственности).

В обществах большей ответственности считается, что индивидуум не может оправдывать свои действия чьей-то провокацией — он сам и только сам отвечает за себя. Для него не может быть связи между увиденным порнофильмом и последующим изнасилованием, фотографией голого ребенка и развратными действиями с несовершеннолетним, как не может быть оправданием воровства плохо лежащий кошелек, а оправданием хулиганства и агрессии — просмотр фильма про варварское Средневековье или бравого боевика.

В обществах низкой ответственности индивидуума надо оберегать. Ему нельзя демонстрировать ничего: ни голых детей (побежит соблазнять), ни сигареты в магазине (начнет курить). Да что уж там — нельзя демонстрировать слабость (не удержится, проявит силу). Нельзя демонстрировать богатство, счастье, выделяться любым образом — вызовешь зависть, а это уже оправдывает любые действия по отношению к тебе.

В логике общества низкой ответственности в паре «насильник — жертва» жертвами будут оба: она — жертва насилия, он — жертва обстоятельств, не способная бороться с провокацией. Женщина, пострадавшая от насилия, обычно обвиняется именно в демонстрации — в том, что «не так была одета», «не туда зашла», «не так смотрела» и прочее. «Сама виновата» — тезис, предполагающий неспособность насильника отвечать за свои действия вне зависимости от внешних обстоятельств.

Женщина, оказывающая сопротивление насильнику и наносящая ему серьезный ущерб, осуждается в таком обществе не меньше, чем сам насильник, ведь, по мнению общества, они в равной степени спровоцировали друг друга.

Общество детей нуждается в родителях — и начинает выступать в роли коллективного родителя. Члены общества низкой ответственности обязательно проявляют экспансивные паттерны: вместо того чтобы определять свое поведение, они агрессивно стремятся определять поведение других. В сущности, по поводу любой демонстрации они делятся на две категории: одни агрессивно протестуют против демонстрации, уверяя, что та провоцирует преступников; другие активно протестуют против первых, заявляя: «Вы сами латентные преступники, поэтому боитесь демонстрации».

В обществе большей ответственности внимание обращено на себя. Одни говорят: «Я не буду это демонстрировать, я считаю это опасным (некрасивым, неуместным, непривлекательным)» или «Я не пойду смотреть на эту демонстрацию, мне она не нравится», тогда как другие, наоборот, демонстрируют и/или идут смотреть. Норма такого общества — ненавязывание: то, что вызывает противоречивые мнения, демонстрируется «для своих», с возможностью для оппонентов не участвовать; однако рамки демонстрации, принимаемой за норму, достаточно широки, хотя и не бесконечны. В обществе низкой ответственности рамки нормы крайне сужены, при этом выход за них все время навязывается: демонстрации (прошу прощения за тавтологию) намеренно демонстративны, будь то выставка ню под открытым небом, танцы в церкви, каминг-ауты с мельчайшими подробностями или аляповатая роскошь дворцов, лимузинов и ювелирных украшений.

Неспособность сохранять верность базовым принципам перед лицом обстоятельств — норма для культуры общества низкой ответственности. В нем жалеют пьяниц — они пьют «от жизни». В нем оправдано воровство и мздоимство, как и насилие — «кто ж устоит». В нем соглашательство с властью — норма, вне зависимости от того, чего требует эта власть. В нем проблема — повод обратиться «к царю-батюшке», а не действовать,

в нем от государства ждут обеспечения, нравоучения и спасения и его же клянут за все неприятности и невзгоды. В нем никто не скажет «дайте жить и работать, не мешайте нам» — напротив, вся жизнь в нем протекает между «держите меня семеро» и «подайте Христа ради». Общество низкой ответственности предполагает в своих членах, равно как и в других обществах, естественность проявления зла и покорность низменным страстям. В таком обществе основной концепцией объяснения мира становится теория заговора, основным способом обеспечения безопасности — сила: от других — собственная сила; от себя, что еще более важно в таком обществе, — сила государственного принуждения; последняя принимается с радостью, так как избавляет от ответственности.

Снятие с себя персональной ответственности в обществах подобного рода будет характерной разновидностью психологической «игры». Разумеется, такое общество встречает в лице государства (элиты, власти) «дополнительного игрока»: власть с удовольствием становится «дедушкой-патриархом», обеспечивая себе выгодный контроль над индивидуумами-детьми через контроль над «родителем» — обществом. Навязывая отказ от демонстрации и одновременно эпатажно демонстрируя себя, поощряя инфантилизм и иждивенчество и одновременно практикуя гиперконтроль общества и вседозволенность элиты, власть приучает общество к неспособности за себя отвечать, принимать решения, выбирать свою судьбу и ту же власть. Важную роль в таком процессе играет внедрение избыточного числа правил и обрядности, в том числе обрядовой религиозности.

Обрядовая религиозность — естественное свойство общества низкой ответственности и важная часть системы управления заведомо неспособными на самоуправление субъектами. Неудивительно, что в обществах, в которых сильна обрядовая религия, именно она становится центром борьбы за «соблюдение правил», борьбы, ведущейся только с провокацией, а не с самим действием, эти правила нарушающим. Строгая одежда, сокрытие тела, раздельное моление и принятие пищи, запрет на прямой взгляд, на нахождение в одном помещении за закрытыми дверьми, по версии авторов, призваны защитить

от преступления, но параллельно вызывают ощущение пребывания в обществе маньяков, которые не способны думать о Боге, если рядом женщина, а уж если увидят голую женскую ногу — потеряв рассудок, бросятся насилловать.

С другой стороны, содержание свода норм и правил общественной морали, в том числе промотируемых обрядовой религией, не имеет для власти, ее насаждающей, почти никакого значения, как не имеет никакого значения, куда и когда маршируют на плацу солдаты: цель строевой подготовки, как и религиозных систем, состоит в обеспечении контроля сознания и действий подопечных, в возможности управления их поведением в нужный момент. Нет ничего удивительного в том, что находится православный активист, который, выслушивая с амвона проповеди о всепрощении и миролюбии, жестоко бьет хрупкую женщину, безобидно стоящую с плакатом у здания суда: он привык не отвечать за свои действия, а выполнять прямые или скрытые приказы, особенно если они совпадают с его желаниями. В этом смысле и строгости одежды, и ограничения контакта мужчины и женщины, и обрядовые нормы питания, и запреты на изображение чего бы то ни было служат вовсе не пресечению провокации насилия, а общей дисциплине и выработке готовности к исполнению любого нового приказа и правила.

Не потому ли, что избыточные правила и ограничения служат на самом деле не спасению потенциальных жертв, а инфантилизации общества и закреплению контроля над ним, охранители так удивительно избирательны в своих ограничениях? Чем, в сущности, отличается идея о том, что закрытая (вход 18+ и по билетам) демонстрация откровенных фото детей провоцирует педофилов, от идеи, что демонстрация товаров на прилавке провоцирует kleптоманов, парковка машин на улице — угонщиков, ношение кипы — антисемитов? Отличие только в том, что выставку легко закрыть и тем самым проявить охранительство, послать лишний раз сигнал обществу, что оно не готово отвечать за себя. Но попробуй запретить товары на прилавках или машины у бордюра! Кипу, кстати, в ряде мест в свое время запретить пытались, причем именно под таким

предлогом — чтобы не провоцировать антисемитизм, но вспоминать об этой практике сейчас считается неудобным.

Разумеется, члены обществ низкой ответственности сами по себе мало отличаются от членов обществ ответственности высокой. Но история вместе со статистикой беспристрастно сообщают: в обществах, где толерантность к демонстрации высока, количество преступлений, которые можно было бы отнести к спровоцированным, намного ниже. Само по себе охранительное поведение и запрет на демонстрацию мало что меняют — человек не только без труда находит способ получить провокативный стимул (разве сложно найти порнографию, включая детскую, даже в самом жестком обществе?), но и обладает изрядной способностью к фантазированию, которая в большинстве случаев внешний стимул вполне заменяет. Но в обществах свободного демонстрирования с преступника не снимается часть ответственности, жертва не обвиняется обществом в провокации — и это формирует поведение, не позволяя человеку распускаться. Ответственность ставит потенциального преступника в заведомо более невыгодное положение, увеличивая его риски: вероятность того, что жертва окажет активное сопротивление, что заявит в полицию, что полиция всерьез займется делом, что суд будет достаточно суров, значительно выше.

Но и это не все. Общества низкой ответственности порождают намного меньшее число индивидуумов, способных и готовых создавать позитивные изменения, снижают творческий потенциал населения, замедляют гуманитарный и экономический прогресс. Системы управления в таких обществах строятся не на эффективном целеполагании и инициативе, а на административном управлении действиями, которое никогда не бывает эффективным. Не стоит ждать от таких обществ более быстрого развития науки или массовой культуры, более качественного производства, чем от обществ высокой ответственности. В XX веке было достаточно много примеров того, как общества, принявшие повышение ответственности и либерализацию демонстрации, совершали резкий скачок в развитии.

Платой за более высокий уровень преступности и отставание в развитии, по мнению власти, контролирующей общество

более низкой ответственности, должна стать управляемость, приносящая стабильность. Но и здесь ситуация сложнее. Таким обществам в большой степени свойственно групповое мышление, отказ от индивидуального анализа ситуации. Следствием насаждения идеи низкой ответственности становится снижение ощущения индивидуальной ответственности за свои действия, трансформирующееся в легкость принятия существенно больших рисков, нарушения закона, действий в составе толпы, в том числе против власти. Не только высокий уровень преступности, но и массовые волнения, беспорядки, революции — приметы обществ низкой ответственности, живущих в рамках диктата множественных ограничений, в первую очередь — ограниченный демонстрации.

Все рассуждения об ответственности, принимаемой индивидуумом и делегируемой обществом, как в магическом кристалле отражены у великого Достоевского в «Преступлении и наказании». Дилемма «тварь я дрожащая или право имею», ложно понимаемая Родионом Раскольниковым как предмет ответственного выбора, всего лишь отражает два полюса морали общества низкой ответственности. Достоевский предвосхищает кульминацию исторической эпохи: момент, когда Раскольников-общество, окончательно лишенное и чувства ответственности, и права на нее, нанесет смертельный удар старухе — царской России, которая считала себя вправе ссужать само право жить под слишком высокие проценты. В реальном мире ответственность нельзя с себя снять, даже если тебя убеждают в обратном: история голосом Порфирия Петровича всегда скажет: «А кто убил? Вы и убили, батенька!» В романе Достоевский оставляет надежду на исправление Раскольникова. Но почти столетняя большевистская каторга мало что изменила в нашем обществе — оно все так же стремится к патриархальной власти, родительской общине и безответственности индивидуума, боится демонстрации, агрессивно учит всех жить и само никак не может научиться. В этом смысле сегодняшним местоблюстителям коллежской секретарши Алены Ивановны стоило бы перестать потакать тем, кто уже решил, что «право имеет» — пока на закрытие выставок, обливание краской фотографий и избиение

протестующих женщин. Раскольников на свободе или обретет ответственность за себя, или рано или поздно найдет подходящий топор для власти.

Памятник позору

У нас в России не умеют признавать вину и исправлять ошибки — а предпочитают забывать то, что не хотят помнить. Если же забыть не получается, то обязательно будет придумана сказка о том, что все было совсем по-другому, не так, как помнится, а на самом деле мы не только не виноваты, но вообще — были героями. Между тем это не только проявление так называемой пограничной организации личности и общества, но еще и очень серьезный тормоз на пути развития. 22 января 2015 года я написал для украинского журнала «Фокус» небольшую статью о позорах — американском и российском, и как по-разному они воспринимаются.

Как правило, я справляюсь с подробным и аргументированным ответом на вопрос «Почему США так успешны, а Россия — нет». Изложение комплекса причин занимает минут 15, с объяснениями — минут 30.

То есть тут нет никакой мистики: все дело в исторических корнях, селекции, географическом положении, историческом соотношении ресурсной и трудовой частей экономики и так далее.

Но иногда в США натыкаешься на что-то еще. То, что не укладывается в рамки экономических теорий, то, что невозможно обезличить, что для моего естественно-научного ума всегда кажется удивительным. Но даже таким умом я понимаю, что без этого никакая экономика, география и история не сделали бы Штаты Штатами (так же, как безумно дорогая нефть не сделала Россию богатой и процветающей, скорее — наоборот).

Бостон. В середине XIX века 1 млн ирландских беженцев двинулся сюда на «кораблях-гробах», спасаясь от голода, вызванного болезнью картофеля у них на родине. Но голод был только первой частью трагедии. Второй стал прием, который

уже проживающие в Бостоне американцы (и среди них немало ирландцев) оказали полумертвым от истощения новым эмигрантам.

Местные благополучные жители были категорически против новичков. Мертвых, умирающих и здоровых запирали в бараки и ждали, пока умрут все. Счастливым, которые прорвались, не позволяли нигде селиться, отказывали в приеме на работу (NINA — no irish need apply — было что-то типа лозунга). Массово распространялись слухи и тексты про то, что ирландцы — сплошь пьяницы и бандиты, а ирландки — проститутки.

Тем не менее ирландцы в стране закрепились. США, которые в XIX веке были крайне неприятным государством и всем казались неудачным и обреченным проектом, к середине XX стали едва ли не образцом того, как надо создавать государство XXI века.

Через 100 лет то, что произошло с ирландцами, стало восприниматься как национальный (американский) позор. Восточное побережье устали памятниками. Но (и, мне кажется, именно это — очень важно) — не только и не вполне памятниками жертвам.

На фотографии — памятник в центре Бостона: на переднем плане умирающие голодные ирландцы. А на заднем — сытые и довольные местные жители, «семья американской мечты», которая с равнодушным пренебрежением проходит мимо. **Это — памятник позору.**

Можно забыть о подвигах (американцы не любят о подвигах забывать, но и выпячивать их не любят) — новые времена роят новых героев, но, **забыв о своем позоре, нация обрекает себя на его повторение.**

Здесь это помнят и понимают. Здесь никто не подумает умалчивать, скрывать, бороться с «очернительством». Нет, вру, были попытки, даже кто-то попробовал написать, что на памятнике «современные ирландцы, довольные жизнью». Реакция общества была смесью агрессии и недоумения.

Кажется, **на подвигах воспитать приличных людей не получается** — по крайней мере у нас. Надо попробовать по-другому.

Я и думаю: если бы в центре Москвы появился выразительный монумент не жертвам репрессий, а — палачам?

Ленину и Троцкому, подписывающим распоряжения о «военном коммунизме» и «красном терроре»...

Сталину и его прислуге, авторам ГУЛАГа, коллективизации и НКВД, смеющимся при виде истощенных трупов узников концлагерей...

Безвестным следователям, избивающим арестованных металлическими трубами...

Палачам, стреляющим в затылок...

Конвоирам, бьющим женщин прикладами...

Рядовым членам партии, экстатически одобряющим массовые убийства...

Соседям и сослуживцам, пишущим доносы...

Чтобы каждый, кто идет по центру, хотя бы на минуту погружался в ужас нашего позора.

Может быть, это сдвинуло бы наше общество хоть чуть-чуть в сторону нормальности?

А когда-нибудь, может быть, у нас появится и памятник «вежливым военнослужащим в отпуске», убивающим граждан Украины на их земле просто потому, что украинцы решили выбрать власть, неудобную нашим правителям.

**Часть
пятая**

Национальный вопрос: мы и они

Мы и мигранты

**Почему исламский мир обязан быть
лучше, чем Европа 300 лет назад?**

Хотят ли с русскими войны?

Ответ русского еврея русскому русскому

Наследство Бабьего Яра

193

Нам свойственно делиться — на мужчин и женщин, молодых и старых, своих и чужих, хороших и плохих, красных и белых. На партии, группы, команды, банды, блоки... Нам свойственно бояться всех, кроме входящих в нашу группку, объединенных с нами тем или иным важным для нас признаком. Нам свойственно заботиться о членах группки и доверять им — иногда к взаимной пользе, как в группе эгалитарной, иногда — к собственной выгоде, как в группе примитивной. Но часто (и все чаще) деления искусственны, и худшие из нас используют проведенные в воздухе границы в своих интересах и против интересов наших. Последствия разделений иногда просто печальны, а иногда — апокалиптически страшны. Против любого разделения по «признаку» хочется и должно бороться, пока он не нанес страшного ущерба. И часто, слишком часто приходится бороться уже после того, как ущерб нанесен. Эта часть книги — о делении и его последствиях.

Мы и мигранты

Человек, как это прекрасно описано в работах Юваля Ноя Харари, отличается от своих ближайших родственников способностью верить в воображаемые конструкции и передавать эту веру друг другу. Это свойство позволило нашим пращурам, с одной стороны, начать объединяться в большие группы, не связанные личными отношениями и опытом взаимодействия (что сыграло решающую роль в вытеснении других человекоподобных), а с другой — вступить в жесткую групповую конкуренцию с такими же, как мы, гибридами *Homo sapiens*, разделившись на противоборствующие группы по критериям, не связанным с историей отношений или объективными факторами. Последнее сыграло на этапе человеческой эволюции огромную роль в обеспечении эффективности естественного отбора социальных структур и в конечном итоге привело нас туда, где мы находимся, — на порог мира, в котором доминируют гуманизм и демократия.

Естественные свойства человека давали ему большие преимущества, когда он жил племенной жизнью, занимаясь охотой и собирательством. В современных условиях высокой плотности населения, еще более высокой плотности социальных и экономических связей и огромных (по меркам доисторического мира) потоков миграции, способность и потребность к совместному мифотворчеству и конкуренции на основе мифа также играют основополагающую роль в социуме: не было бы их, не было бы устойчивых социальных структур, механизма обучения, основанного на литературе, невозможны были бы широкие связи и меритократические конструкции, удерживаемые культурным кодом, даже сами базовые понятия современного мира — государства, закона, юридического лица — были бы невозможны.

Но у этих человеческих свойств есть и обратная сторона. Высшая форма разделяемого мифа — религия — сегодня стала питательной средой для всевозможных регрессивных и деструктивных угроз нашему миру. Религиозные мифы ригидны, их доминанта в обществе всегда противоречит развитию, индивидуализации, изменению; религии в первую очередь используются для поддержания процессов конкуренции в случаях, когда более эффективны системы сотрудничества. С другой стороны, высшая форма разделяющего

мифа — национализм — давно утратила свое позитивное значение (в современном мире деление по национальностям крайне неэффективно, ему на смену пришло деление «корпоративное») и превратилась в крайне опасное заблуждение, источник и прикрытия для мелких и крупных деструктивных конфликтов. Тем не менее и религия, и национализм остаются естественными атрибутами человека и общества — атрибутами опасными, которые необходимо жестко контролировать и ни в коем случае не пропагандировать в обществе.

К большому сожалению, Россия не отличается толерантностью. Православие, превращенное в XVII–XIX веках в обрядовую форму государственной идеологии, закончилось после переворота в 1917 году яростной резней священников и разрушением храмов, чтобы уступить дорогу мало отличимому от вульгарного христианства мифу коммунизма. Дискриминирующий большинство населения Российской империи государственный национализм уступил в XX веке показному интернационализму, который на практике оборачивался активным бытовым национализмом, а во второй половине века — небрежно завуалированным государственным антисемитизмом. На пороге века XXI государственная идеология наконец-то всерьез избавилась от националистических идей — только чтобы приобрести жесткие шовинистические черты и попытаться возродить православную идеологию Российской империи. Результат этого — не только появление и массовое распространение самых мракобесных практик (типа поклонения фэйковым реликвиям или распространения бытовых предрассудков — магизма, идей телегонии и прочих), но и рост ксенофобских настроений на бытовом, низовом уровне. Опасность такого общественного регресса сложно переоценить — и приходится о нем иногда писать — как, например, я сделал 26 октября 2015 года в «Снобе».

Опять откуда ни возьмись всплыла тема мигрантов. Вполне уважаемые люди поддаются на провокацию собственных пещерных атавизмов и пугаются «толп мигрантов, сеющих преступность и болезни», и страдают по «своей Москве», которую заповолили мигранты, что «особенно видно на улице и в кафе». Отвечаю, как обычно без спроса, по пунктам и провокативно, чтобы активизировать размышления.

1. На улице и в кафе факты не водятся. Мигрантов в Москве не очень много — в столицах мира (кроме Азии, там просто не заметно, они все похожие) их не в пример больше.
2. Трудовых ресурсов у нас катастрофически будет не хватать. Даже с мигрантами. Это истина, и не надо предлагать насилловать всех местных женщин с 14 до 45 лет раз в 2 года, чтобы их восполнить, хотя это будет значительно эффективнее любой «программы государства по неожиданному увеличению у цивилизованных женщин потребности рожать» — не увеличится эта потребность, на мир посмотрите.
3. Трудовые мигранты из Средней Азии — подарок с небес: живя в кошмарных условиях (афроамериканцам в США такое и не снилось), они умудряются работать за гроши, и при этом преступность среди них (не забудьте, что на них пытаются повесить всех собак, всегда и по любому поводу) в разы ниже, чем среди «коренных», — данные МВД. При этом они во многом одной с нами культуры (намного больше, чем китайцы, например), легко осваивают язык, когда получают такую возможность, не фанатично религиозны и запросто становятся вообще светскими. Они ценят возможность в России работать и готовы на усилия и жертвы, чтобы ассимилироваться, если им это предложить, а маргиналов среди них на порядок меньше, чем среди «нас», — они нам реально улучшают население. Частое мнение промышленников, нанимающих мигрантов, — лучше платить штрафы за нелегалов, чем вынимать пьяных местных из станков и безуспешно пытаться заставить их надеть каски.
4. Мы не в состоянии изолироваться, если не хотим, чтобы Россия стала одним лишь воспоминанием. В России очень низкая плотность населения, высокая себестоимость всего (и труда тоже), трагическая зависимость от импорта, в том числе по объективным причинам.

Вопрос не стоит — иметь или не иметь мигрантов. Вопрос стоит другой — каких мигрантов иметь, насколько мы их впишем в общество и сделаем его достойными членами (что не просто — у нас, коренных, достойных днем с огнем), дадим ли возможность производить добавленную стоимость. Мигранты из Средней Азии лучше китайцев или индийцев, которые всегда будут тяготеть к империи, африканцев (СПИД, категорическая разница культур), арабов с Ближнего Востока (радикальные религии и совершенно другой менталитет). Нам пока достается первый приз (ну, если мексиканцев не считать).

5. Мы не первые и не последние приглашаем мигрантов, и вообще: если мы не будем этого делать, то станем нежизнеспособным реликтом. США — страна мигрантов — чемпион. Великобритания — страна мигрантов. Германия — уже почти. Из больших игроков только Япония держится, но там народу на квадратный километр настолько больше, а культура настолько другая, что лучше не сравнивать. Есть в этом что-то, если успех так коррелирует с количеством мигрантов.
6. У нас не должно быть слышно и подобия мычания — наши коровы для этого не годятся. У нас кто — украинец, кто — казако-украино-еврей, кто — в лучшем случае чудь, мордва, южные славяне и прочее (ничего личного, просто статистика). Монголы имеют на Москву не меньше прав, чем поляки, а кто еще имеет эти права, включая норвежцев, — вопрос. Наша потомственная знать — татары, литовцы и варяги. «Русские» двух разных генотипов сильнее отличаются друг от друга, чем одни от немцев, а другие — от южных славян. В реальности это все игра в царя горы — я тут сегодня живу, значит, это мое, а ты, с кривой рожой, отойди. Отойди, я сам тут сопьюсь, сколюсь, сам себя перережу (или братьев украинцев позову на помощь, как недавно им помогал резать друг друга), сам у себя все в офшор

выведу и там потрачу, сам все заполню отходами и отравой, сам вымру, потому что в семье у меня не бывает больше 1,7 ребенка, а еще есть детская смертность, преступность и прочее. А потом, когда здесь будет дикая степь, я буду с того света очень гордиться, что я, предки которого еще за 200 лет до моего рождения жили кто за Уралом, кто за Карпатами, не пустил в свой святой город с татарским именем, греческой религией и итальянской архитектурой чужаков, которые ему менее чужие, чем мои предки, и которые его могли бы спасти.

Ну и хорошая новость. Экономика — настолько упрямая женщина, что переспорить ее не удавалось никому, только хуже было. Можно вводить визы, запреты, устраивать погромы, принимать программы — все равно будет как будет. Только вместо соседей из Средней Азии можем получить халифат. Или — северную провинцию Поднебесной. Может, это ближе коренным москвичам?

Почему исламский мир обязан быть лучше, чем Европа 300 лет назад?

Мы и они — это не только национальный или географический, это еще и временной вопрос. Легко мерить отставание в технической области, в объемах ВВП, в научных и культурных достижениях. Намного сложнее — но точно возможно — в области социальной организации, этики, основах общественного сознания. Иногда мы говорим, что Россия отстает от Европы то на 100, то на 50 лет, и имеем в виду именно этику и социальные основы — в конце концов, технологически мы в России порой даже опережаем Европу и США. Иногда за кардинальной разностью сосуществующих на Земле цивилизаций можно попытаться разглядеть два «паровоза истории», не удаляющихся друг от друга по двум разным путям, а идущих один за другим на большом расстоянии. Конечно, колея истории имеет множество развилки и нет гарантии, что пути разных сообществ на Земле будут в конечном итоге похожи, но мир так быстро глобализируется, что вероятность этого велика, хотя прогнозы

спекулятивны. Ниже — моя короткая заметка из Facebook от 29 сентября 2015 года про возможность сравнения современного исламского мира с его дисбалансами, традиционностью, радикальными течениями и прочими пугающими европейцев свойствами, с Европой тех времен, когда европейское христианство было так же старо (или — так же молодо?), как сегодняшний ислам. Эта заметка — скорее приглашение к размышлению, чем ответ на вопрос.

Я имел неосторожность писать, что Европа 300 лет назад **очень похожа на современный исламский мир во всех его проявлениях**, и часто получал гневный ответ: мол, конечно, Европа Шиллера и Гете, Рикардо, Шатобриана, Бетховена, Гейне и Гойи и прочее очень похожа на ИГИЛ! Оппоненты говорили, что развитие исламского мира изначально шло очень бурно, а затем затормозилось и нельзя ждать от него такого рывка, который сделала Европа за 300 лет. Упоминались различия ислама и христианства. Наконец, наиболее грамотные в логике оппоненты укоряли меня в неумении делать выводы — из того, что старая Европа чем-то напоминает новый исламский мир, никак не следует, что исламский мир пойдет по европейскому пути.

Ну, во-первых, я не берусь утверждать, что исламский мир пойдет в итоге по европейскому пути. Я всего лишь хочу сказать, что это возможно, более того — я хочу обратить внимание на неуникальность процессов, идущих в исламском мире.

Еще Шпенглер разумно советовал отличать культуру от цивилизации. Я бы даже сказал (судя по СССР), что культура и цивилизация часто имеют негативную корреляцию. Поэтому говорить о разнице цивилизаций на основании разницы культур, мягко говоря, нельзя.

Во-вторых, упомянутые оппонентами персонажи за редким исключением — это позже, сильно позже.

Наконец, в-третьих. В начале XVIII века Европа — это лохмотное одеяло из государств-княжеств, четверть ее колонизирована просвещенной Оттоманской империей. Странами правят абсолютные в своей власти вожди — правители типа эмиров. Восточная половина Европы живет тотальной войной, в которую вовлечены все страны. Западная (сюрприз) живет другой

тотальной войной, в которую вовлечены почти все страны. Население Европы растет на 3% в год, несмотря на то, что свирепствуют эпидемии (чума, позднее холера), до 18 лет доживает один ребенок из трех, пеллагра¹ — обычное явление, как и голод, а средняя продолжительность жизни составляет 33 года. Кстати, сифилис — обычное дело (несмотря на то, что уже 500 лет как монастыри перестали быть публичными домами по совместительству), а тиф не покидает лагеря враждующих армий.

ВВП в Европе составляет в нынешних долларах не более 600–650 на человека в год, у лидеров — около 1300. Это уровень современных стран Центральной Африки и территорий, контролируемых ИГИЛ. В Китае в 1700 году этот показатель был на 30% выше. ВВП Китая был в 4 раза больше ВВП Европы.

И по духовному поводу есть что сказать. **В XVIII веке еще действует инквизиция. Даже в Москве, по свидетельству очевидца, сжигают за богохульные речи.** Порядки в большей части Европы существенно жестче, чем в ИГИЛ, — людей жгут, а не отрубают головы. **Количество жертв инквизиции оценивается за ее историю от 100 000 до 10 млн.** Надо ли добавлять, что основу гражданско-правовой системы составляет религиозное уложение, христианский шариат? Да, конечно, стоит вспомнить о евреях. По всей Европе, за исключением нескольких уголков, они поражены в правах. Постоянны погромы, а за брак с христианином — казнь, как и за попытку обращения. **Влияние церкви на светскую жизнь — решающее.**

По законам тоже, я думаю, все всё знают. Магдебургское право действует в некоторых восточных городах, в западных — варианты хартий; повсеместно действуют феодальная пирамида права и крепостная система. Людей продают и покупают, рабство только расцветает в связи с разработкой новых территорий, нехристианские сексуальные рабыни — обычное дело. **Древнему Риму и не снилась такая жестокость в отношении к рабам.**

¹ Род авитаминоза, который является следствием длительного неполноценного питания. — *Прим. ред.*

Так чем это не ИГИЛ и Центральная Африка? А всего-то — 300 лет прошло. Я бы был оптимистом. В конце концов, ислам сформировался примерно на 300 лет позднее христианства (началом христианства правильнее считать IV век нашей эры). **Так почему ислам сегодня обязан быть лучше, чем христианство 300 лет назад?**

Хотят ли с русскими войны?

Не о разделениях, но об их последствиях — и о том, как эгоцентричность сознания формирует мнимые границы и ставит общество на грань катастрофы. Статья в Slop от 9 февраля 2015 года.

В российских информационных потоках пахнет апокалипсисом. «Россия стала врагом мира и государством-изгоем» пережегается с «Россия показала Западу, что ее не победить». Серьезные и несерьезные обозреватели много говорят про «войну рубля и доллара», «закат Америки как следствие альянса России с Китаем» или вдруг про «предчувствие большой мировой войны, идущей из России», «катастрофу», «необходимость остановить Путина, пока он не разрушил мир».

В этих высказываниях больше общего, чем разного. Все они несколько не отражают действительность, зато наводят на мысль об истоках развившегося в России и вокруг нее безумия. Их объединяет идея о центральной роли России в мироустройстве, кардинальном влиянии российской политики на мир, о пристальном внимании к России со стороны всех окружающих ее (и даже удаленных) стран.

Нового в такой эгоцентрической идее немного. Еще первобытный человек, в ужасе от своей малости и незащищенности, уверовал в исключительность и наличие предназначения, чтобы психологически уравновесить свое ничтожество, не свалиться в пропасть всепожирающего страха. Первобытная религия взяла на себя функцию психологической защиты человека, а созданные позже религиозные институты — функцию протектора эгоцентрической картины мира в рамках социума. Человек еще не научился делать колесо, выплавлять металл и строить

каменные дома, но уже осознал себя царем мира, венцом творения, единственной надеждой и целью Создателя.

По мере того, как человек развивался, ощущение непредсказуемости мира снижалось — и параллельно снижалась эгоцентричность представлений о нем. География расширяла границы, сокращая сравнительный размер индивидуального мирка; астрономия раздвигала границы Вселенной, уменьшая размер Земли; торговля и войны приносили сведения о новых цивилизациях, снижая ощущение собственной исключительности и всемогущества.

Прогресс толкал этот процесс вперед, а религиозные институты — назад. Если вынести за скобки религиозные распри на экономической почве, то самыми страшными врагами религии были не те, кто подвергал сомнению догматы, а те, кто пропагандировал идеи, «принижающие» роль человека в мироздании. Галилей, Джордано Бруно, Спиноза, Коперник или Дарвин подвергались яростному ostracism, но эгоцентрическая парадигма отступала — пали геоцентрическая, а затем гелиоцентрическая системы, теория единственности обитаемого мира, теория креационизма.

XX век для стран развитого мира стал революционным не только в смысле кардинального изменения уровня защищенности человека (социальные лифты и системы пенсионного обеспечения, эффективное хозяйствование, медицина, НТП и прочее превратили катастрофу из повседневности в исключение), но и в части представления человека о мироустройстве, поднимая его к высотам сознательного самоуничтожения, вплоть до ранее невероятной мысли — о физиологичности интеллекта и возможности его искусственного создания.

В развитом мире не только снизили в сотни раз детскую смертность, ликвидировали голод и свели к минимуму производил — там лишили человека эксклюзивности, вынесли отношения с Богом в морально-этическую сферу, перестали смотреть на природу как на «наше хозяйство», а на себя — как на царей мира. Люди стали достаточно «великими», чтобы позволить себе признать свою малость, — и именно это изменение сознания позволило гуманизму, толерантности и парадигме

эффективного сотрудничества прийти на смену жестокости, нетерпимости и парадигме соперничества.

Но еще есть места, где человек по-прежнему чувствует себя незащищенным, маленьким, беспомощным; он не знает будущего (и даже прошлого), завтра его пугает; там люди не могут доверять друг другу, власть боится своего народа, а народ — власти, и все вместе боятся мира вокруг. Чтобы уравновесить этот страх, они культивируют своего рода манию величия — как делали предки сегодняшних развитых народов в сходном состоянии.

Этот синдром выглядит как уверенность в исключительности — своей, своей страны, своей нации. Уверенность в том, что ты, твоя нация, твоя страна — предмет зависти и агрессии со стороны других. Уверенность в том, что ты знаешь, как надо, поэтому любое другое мнение должно вызывать агрессию, а любые действия других, не соответствующие твоей логике, — желание научить и заставить действовать «как надо». Твердая убежденность, что твои беды — результат враждебных действий внешних сил, а ты сам совершенен и не должен ничего менять и меняться. Уверенность, что весь мир создан для тебя, ты можешь его использовать, если и как тебе это надо. Уверенность в том, что именно через тебя (твой народ, страну) проходят линии мировой судьбы, что весь мир напряженно испытывает к тебе чувства (кто любовь, кто ненависть). Идеологические институты имеют определяющую роль в таком обществе, а сознание является догматично религиозным.

Этот комплекс вполне присутствует в сегодняшней России. Ошибка думать, что все безумия и глупости говорятся и делаются исключительно из злого умысла или идиотизма. Да, и умысел, и идиотизм присутствуют. Но определяющий фактор — высокий (и совершенно непонятный людям в цивилизованных странах) уровень незащищенности и страха. Так перепуганный и страдающий от (кажущегося ему) недостатка любви подросток эпатирует публику и совершает вредные для себя и опасные для окружающих действия в надежде быть замеченным, значимым, контролирующим ситуацию.

Россия не одинока в такой позиции. Более или менее бедные страны, в которых население не защищено, закон — не работает,

а перспективы не просматриваются, обладают схожими мировоззренческими комплексами. В Центральной Африке, отсталых уголках Ближнего Востока, на севере Латинской Америки — и не только — рождаются идеи особых путей, великих миссий и священных войн, а акты прибрежного пиратства или, например, массового вовлечения в боевые действия детей сопровождаются провозглашением местных лидеров мессиями и уверенностью, что весь мир затаивает дыхание в ответ на каждое их действие. Нам в России не видны и не слышны эти мессии. Мы изредка с ужасом и отвращением читаем сводки о тамошних вспышках насилия, религиозных жестокостях, геноцидах локального масштаба — и нам невдомек, что авторы этих преступлений претендуют на центральную роль в мироздании: для нас они остаются бандитами из трущоб, в которые лучше не ходить и про которые лучше не думать.

Извне Россия и ее окрестности воспринимаются не так, как изнутри. Для нас (и то далеко не всех) 5000 погибших на Украине — это апокалиптическая новость. А для развитого мира это конец очереди: впереди Франция (погибли свои), Сирия (погибло много), Нигерия (опять много), Ирак — Афганистан (много, и есть свои) и так далее по списку. Логика «Украина — это почти Европа» не работает: в Нью-Йорке трущобы от фешенебельных районов часто отделяет узкая улица, и никто на это не обращает внимания. Развитый мир не сентиментален. С его высот территория бывшего СССР напоминает холодную Африку: большие пространства, малая плотность населения, экспорт только сырья, низкий уровень жизни, национальные государства с пожизненными диктаторами. Да что говорить — в России даже ВВП на душу населения в долларах скоро подойдет к уровню Ботсваны. Конфликт на Украине ничем не примечательнее конфликта в Судане (кто помнит героев суданского конфликта, кто назовет лидера одного из Суданов «мировым злом и угрозой человечеству?»), только жертв существенно меньше. Мариуполь и Малакаль — похоже звучат. И события в них происходят похожие. Вы знаете, где Малакаль и что там творится? Не знаете? Не требуйте от американцев знаний про Мариуполь.

В дни, когда на Украине идут бои, в Думе призывают отменить признание объединения Германии, а с высоких кремлевских трибун кричат о крепости нашего ядерного оружия и скором появлении Wunderwaffe, в США и Европе, когда люди слышат наше «we are from Russia», говорят: «О, вы знаете, на этой неделе в Метрополитен-опера выступает Мариинский театр, Гергиев дирижирует!» Хуже того, многие из них вообще ничего не могут сказать «по поводу». Мой зять в преддверии последней снежной бури в Штатах зашел в Timberland за ботинками. «Вы это на завтра покупаете?» — спросила его девочка типичного нью-йоркского (то есть китайско-ирландского) вида за прилавком. «Не только, там, где я живу, часто снег», — ответил он. «А где вы живете?» — «В России». — «О, это, наверное, где-то на севере...» — мечтательно сказала продавщица.

Это не только позиция простых людей, и пусть высказывания политиков и даже их визиты в Москву нас не обманывают. Серьезный аналитик из США недавно говорил мне: «Ситуация на Украине очень важна, и мы бы сделали больше, если бы могли. Было предложение, например, запретить поставку запчастей от самолетов в Россию, что привело бы к остановке всех гражданских самолетов за два месяца и заставило бы, скорее всего, Россию уступить в какой-то момент, но это вызвало бы проблемы по всей цепочке поставщиков Boeing и могло бы негативно повлиять на его прибыль, чего мы не могли себе позволить».

Приоритеты очевидны: кризис на Украине интересен настолько, насколько кто-то может получить «гешефт», а его разрешение не стоит и небольших убытков. Да, «украинским вопросом» занимаются даже руководители европейских стран. Как, впрочем, и сирийским. Да, Меркель только что была в Москве. Правда, сам Ху Цзиньтао лично посещал Судан. Значит ли это, что Судан стал центром мировой политики?

Неудивительно, что, поддавшись на регрессивную тенденцию к компенсации своего страха на психологическом, а не на физическом уровне, мы не добиваемся поставленной цели — не приобретаем реальной значимости. Наоборот, мы не можем не замечать, что мы ее теряем — вместе с торговыми связями,

иностранными капиталами, членствами в международных организациях. Мы чувствуем себя все хуже, а мания величия начинает переходить в геростратизм — стремление причинять вред окружающим, чтобы доказать свою значимость. Но и геростратизм наш трудно удовлетворить. Явно недостаточно разжечь региональный конфликт для того, чтобы не только остаться в истории, а даже мелькнуть в ней. Наше ядерное оружие (последний аргумент в пользу собственной значимости) пугает не больше, чем история о «супервулкане» или столкновении с астероидом — с той разницей, что от супервулкана или астероида человечество в ближайшие 100 лет не найдет защиты, а эффективные средства защиты от межконтинентальных ракет, похоже, будут у США и Китая уже лет через 10–20. Ядерной кнопкой в сочетании с коррупцией, мракобесием и конфликтами на границах нам никого не удивить — вот, например, Пакистан уже давно в этом состоянии, и что — сильно мы волнуемся по поводу Пакистана? Нам не избавиться от незащищенности и страха, демонстрируя пролетающему мимо поезду мирового прогресса с насыпи голый зад и даже кидая в него камни. Будет только хуже. Если мы хотим достичь реального ощущения стабильности и успешности, а не болезненной галлюцинации, сменяющейся тяжким похмельем, нам надо меняться самим.

Хорошая новость состоит в том, что не только прогресс способствует снижению эгоцентризма. Есть и обратная зависимость. Три самые успешные страны второй половины XX века — Япония, Германия и Израиль — созданы нациями, которые начинали в полной уверенности в своем величии и центральной роли в истории, пережили катастрофу, но сумели ее принять и ощутить себя ничтожными, нуждающимися в помощи извне и создании совершенно новых парадигм. Турция в XX веке начала возрождение с принятия латинского алфавита, «выбросив на помойку» символ османской самости. Польша после веков, в течение которых ее разрывали на части Европа и Россия, начала свое возрождение с сознательного решения о присоединении к неславянскому союзу.

Мы все еще живем в модели, центр которой — мы сами. Но в реальности Россия — это небольшая, по экономическим

и социальным меркам (1,5% мирового ВВП, 2% населения), страна на периферии социальной галактики. Мы любим говорить, что мы — самая большая страна по площади, но это лукавство: 60% нашей территории непригодно для жизни, а половина оставшейся очень плохо освоена, и вряд ли имеет смысл ее осваивать — нашего населения совершенно для этого недостаточно. 90% ВВП России производится на площади, равной площади Эфиопии. Территория — наша проблема, ее увеличение — худшая из возможных идей.

Мы любим кичиться своей культурой, но ее расцвет пришелся на XIX век, а сегодня большинство из немногих русских деятелей культуры живет или проводит большую часть жизни за границей. Мы говорим про российскую науку, но думаем про науку советскую. Российской науки практически не существует — достаточно посчитать количество зарубежных публикаций и престижных премий. В 2013 году российские ученые в области медицины опубликовали меньше материалов, чем, например, ирландские или новозеландские, и столько же, сколько египетские — в 60 раз меньше, чем ученые США. В области техники Россия сравнима по публикациям с Малайзией, и в 25 раз меньше, чем США. В области кибернетики русские ученые сделали столько же публикаций, сколько чешские, и в 20 раз меньше, чем США. Всего за 2013 год у России объем публикаций сравним¹ с Тайванем и Ираном, на 20% ниже Бразилии, в 4 раза меньше Великобритании, в 12 раз — Китая, в 16 раз — США.

Мы вспоминаем про кровавые победы предков, но не готовы обеспечить последним живым ветеранам сносную жизнь. В то же время мы не победили ни в одном конфликте за последние 70 лет — даже маленькую, лишённую внешней поддержки Чечню пришлось «замирать» деньгами. Мы явно все более отстаем от ведущих мировых военных сил в части обороноспособности, а технологическая самоизоляция ведет к необратимости этого отставания — с 1991 года в России не сделано ни одной крупной разработки в военной области. Флагманский

¹ https://www.scimagojr.com/countryrank.php?area=0&category=0®ion=all&year=2013&order=it&min=0&min_type=it. — *Прим. авт.*

российский танк Т-90 разработан в конце 1980-х. Флагман гаубичной бронетехники «Мста-С» производится с 1983 года. Новый флагман авиации Су-35, которых в войсках пока всего пара десятков штук, на самом деле стал модернизацией Су-27 (без смены поколения), эксплуатирующегося с 1985 года. Гордость ВМФ — подводная лодка «Ясень», которая существует в единственном экземпляре, — разработана до 1992 года. Ракета «Булава», о которой говорят как о прорыве, сделанном в конце 1990-х годов, по состоянию на сегодня успешно взлетает в 50% пусков и еще не принята на вооружение, но известно, что она имеет характеристики, близкие к ракете «Трайидент I» (1977 года разработки). Список можно продолжать.

Наконец, мы гордимся зарытым в земле избытком природных ископаемых, забывая, что их добывает 1% населения, а все остальные заняты в услугах и торговле — продавая природные ресурсы и закупая импорт. Россия, как и 1000 лет назад, — торговая страна (доля торговли в ВВП почти в 2 раза выше, чем в США), и, загоняя себя сегодня в изоляцию, мы лишаемся в перспективе единственного бизнеса, в котором только и имеем конкурентное преимущество перед другими странами.

Чтобы выйти из замкнутого круга, нам надо признать реальность. В этой реальности мы — как страна, как народ, как территория — нуждаемся в максимальной открытости, самом высоком уровне взаимодействия с внешним миром, колоссальном притоке иммигрантов и иностранных капиталов, существенном усилении роли «чуждых» сегодня парадигм, верований, привычек и моделей. Мы должны быть гибкими, приветливыми и достойными доверия; мы должны не отвергать, а подсматривать и копировать. Мы должны не угрожать, а создавать комфорт. Мы должны развивать не эгоцентризм, а эмпатию.

Но, чтобы российский человек был готов признать реальность, нам надо повысить его уровень защищенности. Изменения во всех странах, участвовавших в прорыве XX века, начались с существенного повышения эффективности судебной системы (доступность, компетентность и независимость суда), увеличения ответственности за преступления против личности, исключения возможности преследования за убеждения

и неотъемлемые свойства человека (национальность, пол, сексуальная ориентация и прочее) и, конечно, принципиального улучшения базового социального обеспечения.

Только снижение уровня страха — за счет эволюции системы в сторону лучшего правосудия и социального обеспечения — двигает страну вперед. Те, кто с замиранием сердца ждет, что в результате сегодняшнего безумия Россию постигнет катастрофа и, пройдя через катарсис, она воскреснет к новой жизни, мало отличаются от пропагандистов мании величия. Во-первых, социальные катастрофы несут такой вал горя и страдания, что никакие последующие воскрешения их не стоят. Во-вторых, катастрофы ничего не гарантируют — Россия только в XX веке пережила их минимум две и сегодня вернулась фактически на век назад.

Нужна планомерная работа по развитию у общества чувства защищенности. Эта власть не вечна не потому, что кто-то будет бороться с ней и победит, а просто потому, что ничто неечно, а у нынешней российской власти нет никаких механизмов преемственности. Процесс в России должен, наконец, идти эволюционно: нужно бороться за реформу судебной системы, за реформу и изменение структуры социальной сферы и, главное, за сознание людей — создавать больше доступных систем просвещения, больше каналов, по которым люди будут получать не ненависть (или, как через оппозиционные каналы, альтернативную, оппозиционную ненависть), а знания. Уже сейчас есть ощущение, что нынешняя власть настолько испугана иллюзией прямой потенциальной конкуренции, что совершенно нейтральна к любым требованиям, не включающим ее замену. Возможно, именно отсутствие сил, готовых к такой непопулярной и небыстрой, но единственно полезной работе в России, и есть главная проблема сегодняшнего дня.

Очевиден вопрос: какова вероятность успеха? Глядя на Россию сегодня, сложно быть оптимистом. Однако другого пути нет, мы убедились в этом еще в XX веке. У истории есть множество примеров победы эволюции. Например, менее 60 лет назад существовала страна, где 17% населения было «отделено» и не имело права свободного входа в бары, поезда и офисы; сенаторы даже возмущались поведением иностранцев, «пускающих этих людей

к себе в дома с парадного хода». Эта страна вела кровопролитную войну на чужой земле с местными жителями, которые хотели сами выбирать свое будущее, а в своих пределах активно преследовала инакомыслящих. Уровень преступности в этой стране, как и уровень нищеты, был значительно выше, чем сегодня в России. И в этой стране представитель сегрегированного меньшинства, который считался опасным диссидентом, подвергался преследованиям и остракизму (и в итоге был убит), сказал: «Если мы хотим обрести мир на Земле, наша преданность должна стать всемирной, а не локальной. Наша преданность должна превзойти нашу расу, наше племя, наш класс и нашу нацию. И это значит, что мы должны развивать свой взгляд на мир»¹.

Сегодня сегрегации давно нет, а страна эта стала образцом мультикультурности и толерантности. Это самая богатая страна в мире, ВВП на душу населения в ней растет быстрее, чем где-либо, она лидер в медицине, науке, культуре, она обеспечивает своим гражданам самые большие возможности и защиту. В центре столицы построен мемориал автору вышеприведенной цитаты, и сама цитата выбита на нем, а один день в году назван его именем. Трехсотмиллионная нация смогла отказаться от маний и предрассудков, победить свое прошлое (вместо того, чтобы бессмысленно гордиться им) — и стать центром сегодняшнего развитого мира.

Возможно, вероятность этого мала, но нет никаких причин полагать, что Россия не сумеет повторить этот путь — без катастроф, так же, как прошли его США. «Out of the mountain of despair — a stone of hope», — сказал тот же Мартин Лютер Кинг. «Камень надежды — из горы отчаяния».

Ответ русского еврея русскому русскому

Я стараюсь не смешивать эмоции и дискуссию. Я обычно готов рассуждать об экономике и политике, мифах и фактах, не высказывая

¹ Цитата из «Рождественской проповеди» Мартина Лютера Кинга 1967 года. — Прим. ред.

своих чувств. Из моих статей о примитивных группах не видно, что я испытываю страх и презрение по отношению к их убежденным членам; из статей про систему управления Россией не поймешь, какой уровень негодования вызывает у меня закон Димы Яковлева или пенсионная реформа. Я не хочу и не буду делиться с аудиторией тем, что выходит за рамки анализа и конструктивных идей, мое омерзение, гнев, обида, боль останутся мне — это правильно и полезно. Есть только две темы, в освещении которых я не готов скрывать эмоций. Это оправдание репрессий (через обеление личности Сталина или через теоретические размышления о collateral damage¹ и пользе объединения через очистку общества — не важно) и националистические бредни. Да, я считаю авторов и исполнителей репрессий (не только в России, но вообще где бы то ни было) уродами, достойными только смертной казни и забвения, а тех, кто их публично поддерживает, — идиотами или подлецами, равно заслуживающими поражения в правах в виде запрета на преподавание, занятие выборных и государственных должностей, управленческих позиций в частных организациях, получение государственных лицензий, участие в управляющих органах общественных организаций. Да, я испытываю и к первым, и ко вторым ненависть и презрение. Аналогично я не могу испытывать уважение к носителям идей национального превосходства, равно как и к рассказчикам мерзостных сказок о «заговорах», «национальном грехе» или других ксенофобских мифов. Апологеты ксенофобии и шовинизма, параноики, верящие в национальную угрозу, представляют опасность, которую сложно переоценить. В том числе они опасны тем, что их липкая пропаганда встречает зачастую благодатную почву в головах людей, чья жизнь сложилась не слишком весело (а таких большинство) и кому психологически сложно винить в этом себя и объективные обстоятельства, а нужен непременно враг, на которого можно свалить ответственность. С такой пропагандой приходится постоянно бороться, таким людям — пытаться объяснять реальность. Как, например, в этом моем посте в Facebook в июле 2015 года.

Мой старый знакомый обиделся на меня за пост о ксенофобии: «Мы с вами знакомы. Мне обидно, что вы наговариваете

¹ Сопутствующий риск. — Прим. ред.

на русских. Хоть раз кто-то из нас вам или вашей жене хоть слово сказал? И мы потомки тех, кто спас вашу нацию от полного истребления. Мне правда обидно». Ответ у меня получился очень длинным, в комментариях не влезает, так что я решил сделать его отдельным постом.

Зря вам обидно — на что вы обижаетесь? Я никого, особенно вас, не обвиняю, я вообще говорю о опасности ксенофобии для России. Вы считаете, что предупреждать об опасности — это обидно? К слову, совершенно непонятно, почему тот факт, что лично вы, ваш брат и ваши родители «не сказали мне и моей жене ни одного плохого слова» (Это, кстати, разве заслуга? Мне кажется, это просто нормально), как-то отменяет те факты, которые описаны у меня в предыдущем посте и с которыми вы, видимо, не спорите.

Особенно же страшно и невероятно ксенофобски для меня звучит ваше заявление о том, что **ваши** предки спасли **нашу** нацию от полного истребления. Ваши предки — это кто? Если лично ваши, то они, видимо, так же воевали, как и мои, — вместе спасали мир — и было их столько же. Если под **вашими** предками вы понимаете **русских** времен ВОВ (с какой стати это **ваши** предки, а не мои, не ясно, но не важно), то «спасали» **нас** не только они, а еще десятки национальностей СССР, Восточной Европы, Западной Европы, США, Канады, Австралии, Африки и Азии. Кстати, англосаксы воевали «за нас» еще на 2 года раньше, чем русские.

Но это все — пустяки! И даже тот факт, что и «**Мы**» активно воевали, тоже пустяки. Знаете, что не пустяк? Слушайте внимательно. Евреи к моменту ВОВ жили в Европе (в том числе Германии и Восточной Европе), в СССР, в Палестине, в Великобритании, в Северной Африке, в Южной Африке, в Латинской Америке, в США, в Австралии и так далее. Русские жили в основном в СССР. Холокост уничтожил только евреев Восточной и Центральной Европы — большую, но все же часть нашей нации. План «Барбаросса» должен был превратить в рабов и со временем ликвидировать всех русских. Если бы Гитлер победил, евреи бы сохранились — а русские как раз нет. А теперь — внимание! Кто же спас

русских от рабства и уничтожения? Я вам скажу кто, используя вашу же логику.

Вот например — Дорога жизни. Без нее Ленинград бы пал, северная группировка вышла к Москве и вошла в нее с севера — как раз когда последние силы СССР были заняты на юге. Кто отвечал за инженерию Дороги жизни? Мой дед, еврей. А кто рассчитывал (с учетом хрупкости льда и способности немецкой артиллерии бить прицельно) интервалы и скорость движения машин? Канторович. Или вот: Курская битва могла стать переломом в пользу немцев. Но не стала — выиграла советские танки. Единственным близким к территории боев местом массового ремонта танков и создания этих самых танков был с момента освобождения Сталинградский тракторный завод. Кто этот завод восстанавливал, а еще до освобождения в тылу врага руководил инженерами, разрабатывающими проект восстановления? Мой дед, еврей. Без СТЗ выиграла бы Курскую битву? Вряд ли. Или, например, гвардейские ракетные минометы, «Катюши». Без них — кто знает, выиграла бы войну **ваши**... Знаете, какая национальность у **всех** старших инженеров КБ, которое их разработало? Догадались? Да что там — знаете ли вы, что Семен Лавочкин был евреем? Каково было бы воевать без самолетов «Ла»? А знаете, кто делал тяжелые танки? Правильно — евреи Баран, Черняк и Котин. Да и на самолетах «Ил» и «Як» стояли системы огня, разработанные Нудельманом, — надеюсь, вы не думаете, что он — эскимос? Главного конструктора взрывателей для боеприпасов звали Давид (Вишневецкий). Нарком вооружений, нарком танковой промышленности, директора половины оборонных заводов — евреи. 180 000 наград за войну получили... ученые евреи за вклад в победу. Как вы думаете, **ваши** победили бы с самолетами без пушек, без тяжелых танков, минометов, взрывателей и прочего?

А знаете, чье лобби с самого начала давило на правительство США с целью вступить в войну и как минимум помогать СССР? Знаете, кто автор ленд-лиза и второго фронта, без усилий которых, возможно, не было бы ни того ни другого? Еврейское лобби в Америке. Выиграл бы СССР войну без ленд-лиза? Уверен, что нет.

Мало этого. Против фашистов воевали 1,5 млн евреев, в Красной армии было 302 генерала и адмирала — еврея. 160 000 орденов и медалей получили евреи — бойцы Красной армии. 39% воевавших евреев погибло в бою.

Увы, истина такова, что, если бы не евреи, СССР, скорее всего, проиграл бы войну (все висело на волоске и так, а тут — минус 1,5 млн бойцов, 302 генерала, лучшее оружие, ленд-лиз и прочее) — русские были бы рабами и уже вымерли бы, а евреи жили бы в США и на других континентах. Так что по вашей логике — это евреи спасли русских во время войны.

Дальше — больше. В 1945 году у США была ядерная бомба, а у СССР — нет. Я думаю, еще несколько лет, и США атаковали бы СССР — миллионы русских погибли бы, страна перешла бы под контроль западных сил. Кто сумел сделать советскую бомбу? Правильно, Абрам Иоффе, Абрам Алиханов, Бенцион Вул, Яков Зельдович, Александр Минц, Юлий Харитон. Что — еще раз евреи спасли русских?

Эгей, а чем же ответили «ваши»? Истреблением ЕАК. «Делом врачей» — сплошь евреев. Подготовкой паспортов с желтыми полосами и планами высылки евреев в Биробиджан. С 1947 года трижды объединенные силы арабских стран атаковали Израиль, стремясь уничтожить всех евреев. Они использовали оружие СССР, их консультировали советские советники и инструкторы, на их стороне воевали советские летчики и танкисты. Классная благодарность, не так ли?

На самом деле гнусно и глупо говорить о том, что кто-то кого-то спас. Это и есть настоящий антисемитизм. Все народы сражались вместе против фашизма. Русские спасли всех своим участием. Евреи спасли всех своим участием. Татары спасли всех. Не разделять и не взвесить подвига каждого — каждый бесценен.

Я уверен, что никогда не поздно отказаться от морока и посмотреть на мир реальный — в котором нет наций и «национальных интересов», а есть люди добра и люди зла, а еще — мерзавцы, которые с помощью националистических лозунгов рвутся к власти и деньгам за счет жизни тех, кто имеет глупость их слушать. Я был бы очень рад увидеть, что ваше мировоззрение меняется. Но это, конечно, ваше личное дело.

Наследство Бабьего Яра

Продолжение темы национализма неизменно упирается в сакральное «кому выгодно?». Если мой оппонент в предыдущей статье честно заблуждается под влиянием националистической пропаганды, то автор статьи, упоминаемой мной в нижеследующей публикации в Slon 17 ноября 2014 года, сам эту пропаганду создает. Из корысти или из животной ненависти — не знаю. Этот Александр Петраков — безусловно, подлец и преступник, который должен быть, по моему мнению, осужден за разжигание межнациональной розни, если бы не одно но — разжигание ненависти к украинцам в России дирижировалась самой российской властью, а организованная ею рознь стоила нам вместе с украинцами уже больше 10 000 жизней. Так что Петраков — не единственный и не главный преступник.

В Сети последнее время активно гуляет пронзительная статья о Бабьем Яре — месте массового убийства евреев нацистами в начале Великой Отечественной войны. События в Бабьем Яре хорошо изучены, факт не поддающегося осмыслению зверства проверен множеством раз и сомнению не подлежит. И очень правильно, что тема на этом не закрыта — про Бабий Яр надо вспоминать постоянно, так у нас будет хоть небольшой шанс, что подобное не повторится.

Автор статьи (Александр Петраков — родина обязана знать своих героев) приводит страшную фотографию: голая женщина перед смертью сжимает в объятиях своего ребенка, за ее спиной — военный в немецкой форме. Статья начинается с пояснения: «Человек... который убьет ее и ребенка... — украинец... Эту фотографию изъяли партизаны... когда обыскивали его тело... Фотография станет одним из... свидетелей жертв нацизма на Нюрнбергском процессе».

Дальнейший текст статьи посвящен рассказу о том, как в Бабьем Яре зверствовали украинцы, «с удовольствием и огнем», в то время как немцы, конечно, тоже участвовали, но «делали это равнодушно или иногда даже с отвращением». От Бабьего Яра автор мигрирует к вольному пересказу неназванной книжки о Волынской резне и вообще об украинском

националистическом движении, которую он когда-то читал, но, видимо, теперь затерял и названия точно не вспомнит. От книжки — к дню сегодняшнему, с прямыми параллелями между описанными кошмарами и событиями этого лета. Автор особо упоминает о трагедии в Одессе, называя ее «горящие заживо люди», о нескольких спорных эпизодах типа «расстрелянных журналистов», «убитых женщин и детей», «взорванного самолета» и, наконец, уже о совсем странном, не бьющимся с известными фактами «превращенном в город-призрак Славянске».

Выводы, которые делает автор, неутешительны: «Видевшие концлагеря офицеры СС писали о “нечеловеческой ненависти” в глазах украинцев. Сегодня мы снова наблюдаем эти глаза и что творят их обладатели».

Я вообще-то спокойный человек. Но эта статья вызывает у меня ярость — направленную на автора. Потому что автор — нацист, стандартными для нациста приемами пытающийся возбудить ненависть к определенной национальности.

Да, приемы — стандартнее некуда. Они описаны в обучающих пособиях времен рейхсминистра народного просвещения и пропаганды. Взять факт, который не подлежит сомнению; оформить выдуманными деталями, которые оживят факт, приблизят его к читателю; обобщить на его основании (правомерность обобщения не важна); добавить любой лжи — читатели, увидев, что первый факт правдив, не задумаются о последующих; сделать совершенно любые выводы — читатели поверят.

Даже название статьи, «Почти как люди», удивительно перекликается с «fast wie die Leute» из известной цитаты Геббельса: «Русские — это почти люди, но не народ в общепринятом смысле слова, это сброд, проявляющий животные черты».

Лжи в тексте предостаточно. Начать надо с раздражающей душу фотографии «из кармана палача-украинца». Это на самом деле кадр из полухудожественного фильма «War And Remembrance» (хронометраж 9:42), в кадре актеры. Можно продолжить и про сбитый самолет (благодаря Леонтьеву, печально известному правдивостью своих заявлений, кажется, уже нет сомнений, кто его сбил), и про другие «преступления» нового

времени. Но дело совсем не в фактической лжи — автор бы обошелся и без нее, если бы поступился нашей новой традицией — лгать столько, сколько возможно.

Зачем лгать — Бабий Яр был, и были там вспомогательные подразделения, составленные из украинцев. И была Волынская резня. И были бандеровцы, которые убивали коммунистов и евреев, а заодно евреек, и жен коммунистов, и их детей любого возраста — иногда быстро и деловито, а иногда с удовольствием и зверски.

Вот только не вся правда не менее преступна, чем ложь. Были украинские полицаи и бандеровцы-изверги. По разным данным, их было до 120 000–140 000 человек. Были и украинские националисты, которые вовсе не стремились убивать и не убивали — по крайней мере гражданских. Но несравнимо больше было других — украинцев в рядах Красной армии: более 7 млн человек, почти 3,5 млн погибших, более 2000 Героев Советского Союза; украинских партизан; украинцев, которые, оказавшись на оккупированных территориях, не стали коллаборационистами (3,8 млн украинцев погибли за время оккупации от рук нацистов). Запомним на будущее: коллаборационистов среди украинцев было не более 2% от тех, кто воевал в рядах Красной армии, и менее 0,3% всего населения.

В качестве лирического отступления (а совсем не в качестве аргумента) хочется напомнить, что только РОА Власова состояла из 125 000 «русских», а еще были отдельные корпуса, бригады и дивизии предателей, и в полициях русских служило даже больше, чем украинцев. Всего, опять же по разным данным, русских коллаборационистов было от 500 000 до 600 000 человек, или около 0,5% русского населения. Хотя, конечно, я не забываю о том, что в Красной армии сражались почти 19 млн русских, а почти 8000 русских стали Героями Советского Союза. Я не забываю и про русских партизан, и про русские потери в тылу — чести и доблести и русские, и украинцы проявляли предостаточно, подвиг и тех и других не может и не должен быть забыт.

«Не в качестве аргумента», просто потому, что вычисление количества подонков в той или иной нации — занятие

бессмысленное. Они есть во всех нациях, во все времена, и их примерно один и тот же процент. На первый взгляд это может показаться не совсем верным — ну вот, например, кажется, что «граждане Советского Союза», к потомкам которых вроде бы причисляет себя автор этого текста про Бабий Яр Пётраков, в XX веке дали просто невероятно высокий процент убийц, садистов, предателей и доносчиков. Регулярные армии и банды времен Гражданской, ЧК, НКВД, ГПУ, заградотряды и та же РОА и русские полицаи, да и 4 млн доносов, запрототолированных в органах за сталинское время, — впечатляющие цифры. Уж если автор верит в такое национальное наследование, надо было бы начать ужасаться с себя.

А немцы, создавшие нацизм, кажутся менее отличившимися? Нет, они тоже достойны внимания автора. Но удивительным образом копнешь историю или посмотришь за ее поворот, и вот уже другой народ оказывается ничем не лучше — американцы в XIX веке были рабовладельцами более жестокими, чем древние римляне; турки еще до ЧК и концлагерей в России вполне освоили технику геноцида и в начале XX века были способны вырезать целые города (не только армян, но и греков); китайцы, японцы, за ними вьетнамцы, а недавно — корейцы и камбоджийцы оказались вполне достойными соперниками в чемпионате по зверству.

Мы уже не говорим об Африке и Ближнем Востоке, но вот приходит новое время, и не только евроазиатские азербайджанцы и армяне оказываются вполне способны на взаимное истребление, но даже совсем европейские сербы (разве после Второй мировой в Европе это возможно?) вспарывают беременным хорватским женщинам животы. Если провести тщательный анализ, не найдется нации, которая в своем не слишком отдаленном прошлом не имела бы чудовищных фактов массовой агрессии, садизма, появления значительного числа патологических личностей и других прелестей человеческой природы. Гуманистический мир тонок и хрупок, и внутри любого народа прячется примерно одинаковое количество мерзавцев — до той поры, пока проявлять свою сущность не становится выгодно.

Человеческая жизнь коротка. Нет уже на земле тех турок, которые уничтожали армян и резали греков в Смирне. Нет героев-садивистов Гражданской. Нет охранников ГУЛАГа и русских следователей из НКВД. Нет офицеров СС и гестапо, украинских, русских и белорусских полицаев, бойцов «Нахтигаль» и бойцов заградотрядов. Нет японцев, уничтожавших детей и женщин в Китае. Скоро не станет даже сербов-карателей из 1990-х. Мои сегодняшние друзья-немцы не имеют никакого отношения к нацизму; мои одноклассники по университету в Чикаго — китайцы — к Мао Цзэдуну; люди, которых я встречаю в Камбодже, — к красным кхмерам; украинцы, с которыми я работаю, дружу, переписываюсь, которые сегодня живут на Украине, в Канаде, России, — к бандеровцам. Так же — ни больше ни меньше, — как русские вокруг меня в России не имеют отношения к сталинским следователям, охранникам, бандитам Гражданской.

Это не значит, что во всех этих странах не стало подонков. Их хватает в той же России — проповедующих нацизм, подстрекающих к геноциду украинцев, призывающих к войне, к репрессиям, обогащающихся или добывающихся власти ценой лжи, сломанных судеб и жизней людей. Их хватает на Украине. Но при чем здесь история давно умерших людей?

Поэтому нет никакого смысла выяснять национальность подонка — они все одинаковые и есть в любом народе. Они выползают в смутные времена, на войне, в периоды потрясений. Есть смысл уточнять, кто такие эти мерзавцы и как их опознать, пока они еще не стали активными. Есть смысл научиться их обезвреживать на ранних этапах, иначе мы будем раз за разом получать торжество нацизма, шовинизма, милитаризма, военного коммунизма — именно в той нации, которая не готова себя защищать от любых идей деления по национальному, классовому или культурному признаку.

И в этом смысле Украина, конечно, в опасности. Не более и не менее, чем Россия. Степан Бандера — крайне спорная фигура, не вызывающая у меня никакого позитивного чувства, и то, что сегодня ему ставят памятники, вызывает беспокойство. Да и нынешние украинские символы — жовто-блакитный

флаг, «Воля», «Героям слава» — были в арсенале коллаборационистов во время Великой Отечественной войны. Впрочем, Украина вызывает беспокойство значительно меньшее, чем тысячи памятников автору и лидеру геноцида населения России Владимиру Ульянову и его же мумии в центре столицы — я уже не говорю о попытках ставить памятники Сталину. Да и сегодняшний российский флаг — точная копия флага, который использовала власовская РОА.

Сегодня на Украине естественно сильны националистические и шовинистические настроения, и в этом нет ничего хорошего. Насколько сильны? На выборах их апологеты получают то ли 1%, то ли 2% голосов. Это едва ли не меньше, чем в Германии. Сколько шовинисты и националисты получают в России? Если считать наиболее радикальных — около 5%. Если заслуженно добавить, например, ЛДПР — можем насчитать и 20%. На Украине наследница коммунистического режима потерпела поражение на выборах в Раду. В России коммунисты — вторая фракция в Думе.

Бороться с украинцами, русскими или кем-то еще — это и есть нацизм. Бороться надо с нацистами — в частности, с теми, кто призывает к дифференциации по национальному признаку, вспоминая о давно умерших и давно прошедшем. Бороться беспощадно, потому что, если дать им волю, они не пощадят ни тех, кого сегодня хотят оклеветать, ни нас.

Часть
шестая

Право и лево

ЛИБЕРАЛЫ И ПАТРИОТЫ

Что будет, если в России к власти
опять придут либералы?

Что делать либеральной оппозиции?

Безумие возмущения

Хорошо, но примитивно

ПДД Камбоджи

Я считаю себя man of reason, но отношу себя к либералам (или, скорее, либертарианцам). Мне намного ближе идеи самых яростных российских либеральных оппозиционеров, чем самых умеренных российских провластных патриотов. И все же я далек от того, чтобы бездумно поддерживать то или иное «крыло» в этом национальном споре остроконечников с тупоконечниками — обе «партии» похожи в своих когнитивных и логических ошибках и несовершенстве своих методов, разве что на стороне «патриотов», в отличие от «либералов», огромная масса беспринципных и бесстыдных конъюнктурщиков, карьеристов и просто воров — это делает «либералов» предпочтительными методом исключения. Ну а раз их хочется предпочесть, проблемы либерального движения волнуют меня больше проблем «патриотов» — с последними все ясно, а первых еще хочется в чем-то убедить. Несколько статей на тему «что мне не нравится в либералах» я написал — и, естественно, либералам они не понравились. Теперь вот отдаю их на суд читателей книги.

Либералы и патриоты

Начать все же стоит с фундаментальной базы — о том, кто такие либералы и патриоты (западники и почвенники, славянофилы и космополиты — как только их ни называют). Об этом я писал для TheQuestion в марте 2015 года.

Разделение это случилось достаточно давно. За первые 25 лет XIX века Россия пережила удачный переворот, коренным образом поменявший политику страны, большую войну с Европой, приведшую к пусть временной, но первой за сотни лет оккупации центральной части России, а потом — к первому за сотни лет прямому и массовому контакту российского дворянства с европейской цивилизацией, и, наконец, первую в истории России неудачную попытку армейской элиты сменить власть в стране. И после всех этих потрясений начала столетия в России одновременно происходили два совершенно революционных для страны, но противоположных по сути процесса: один состоял в переходе от монархии, опирающейся на условную гвардию (когда правил тот, кого хотел узкий круг элиты дворян — военных), к монархии, опирающейся на бюрократические институты, которые не имеют собственной воли и потому не угрожают власти сменой; второй — в естественном развитии производительных сил и социальных отношений, требующем, если страна не хотела отстать от Европы (а по тем временам значит — в итоге проиграть войну и исчезнуть), изменений в сторону раннекапиталистической формы общества.

В середине XIX века с одной стороны оказывается сформированной и «костенеет» имперская бюрократия, элиты теряют рычаги влияния, зато их приобретает аппарат, а с другой стороны заканчивается крепостное право, появляется разночинство и формируется широкая масса людей, участвующих в политической дискуссии.

Поскольку оба процесса носят глобальный характер, в обществе формируются две группы, каждая из которых объединяет апологетов одного из процессов, видя во втором угрозу. Естественно, что и та и другая группы смотрят на ситуацию однобоко и часто плохо могут анализировать логические цепочки,

лежащие в основе защищаемых ими взглядов. Так рождается следующая цепочка:

- для России представляет опасность неограниченная элита, могущая менять власть;
- бунт декабристов — это не только последнее выступление гвардии, а прямое следствие немецкого влияния конца XVIII века и контактов с либертарианской Европой в начале XIX века;
- стабильности России угрожает влияние Европы;
- у России свой путь, которым она должна идти и, возможно, стать примером для Европы и всего мира.

От этой цепочки большинство членов группы усвоило только последние части: «Европа угрожает России, у России свой особый путь». Этих противников Европы и сторонников особого пути и славянского единства стали называть «славянофилами» или «патриотами» (поскольку они в явном виде выступали за усиление монархической России, отождествляя государство со страной в целом). Сторонники второго процесса в явном виде видели пример для России в опережавшей ее в части модернизации Европе и легко вспоминали исторический пример основанной на контакте с Европой модернизации Петра I, но при этом игнорировали опыт политической нестабильности, которую вызывала европеизация России, ратовали за копирование европейского опыта, требовали «быть либеральнее Европы». Они получили название «западников» или «либералов».

Очевидно, что ни те ни другие не были именно теми, кем их называли. И как всегда бывает в реальном мире, на обеих идеях активно паразитировали бюрократы, мошенники, воры и даже иностранные агенты. При этом «западники» были не меньшими патриотами, так как их убеждения отвечали на вопрос «как сделать Россию лучше?», а «славянофилы» часто были весьма либеральны, когда речь шла о законодательстве, правах и прочем.

Тем не менее объективный ход истории показал, что монархия, пусть даже прочная и основанная на бюрократии, это

отживающая форма правления. И к началу XX века она была уже не менее опасной для будущего государства, чем 100 лет назад «гвардейская империя». Век бюрократического тоталитаризма был очень коротким. Идея же либеральных преобразований привела к успеху стран, которые сумели эти преобразования провести, и доказала свою эффективность (и сегодня, через еще 100 лет остается эффективной). В начале XX века все больше и больше думающих людей, желающих блага своей родине, занимали позиции трезвых «западников» — то есть предлагали не «поклоняться» Западной Европе или действовать в ее интересах в ущерб интересам народов России, а умело заимствовать и развивать институты либерализма. В противовес им умирающая околмонархическая бюрократия спланировала вокруг течения «славянофилов», а их атака на «западников» в публичной дискуссии основывалась на обвинении последних в предательстве интересов России как государства (с которым они себя молчаливо отождествляли). Как мы знаем, дискуссия завершилась в 1917 году, когда узкая группа радикальных тоталитаристов захватила власть и, предварительно истребив и первых, и вторых, построила новую бюрократию вокруг новой формы монархии.

В последние годы, после распада СССР и разрушения его бюрократической структуры, после поисков и постепенного возврата к модели бюрократической монархии образца XIX века, «спор» вернулся в общество. Режим, ставший плохо сделанной калькой с царизма конца XIX века, не мог породить новых форм общественной дискуссии, переняв из прошлого только самые примитивные тезисы старого противостояния. Сегодня «патриотической» позиции, основным тезисом которой стали мифы о внешней угрозе и «безнравственности Запада», а основной задачей — сохранить для новой бюрократии суверенный источник дохода и власть, противостоит позиция «либеральная», тезисом которой стала необходимость совершенно в нынешних условиях нереализуемой глобальной либерализации общества и государства, а задачей — смена личностей во власти без четкой программы по изменению самого властного института. Как и 100 лет назад, «патриоты» прикрываются любовью к родине, чаще всего

путая родину и ваше превосходительство, а либералы предлагают подражать абстрактному Западу, не имея о нем детального представления. Как и раньше, на обеих идеях активно паразитируют демагоги, воры, карьеристы, мошенники, агрессивные маньяки. Потому, и только потому, что «патриотическая» позиция сегодня отвечает интересам правящей бюрократии и ею поддерживается, существенно бóльшая часть демагогов, воров, карьеристов, мошенников и агрессивных маньяков занимает «патриотические» позиции. Дело здесь не в идее, а в сравнительной выгоде. Очевидно, что, если бы либеральные идеи господствовали во власти, бóльшая часть мерзавцев была бы глубоко либеральной.

На фоне этого реальный «патриот» — это тот, кто призывает не забывать (и, наоборот, в первую очередь думать) об интересах граждан России в целом и по отдельности, о стабильности и защищенности общества и страны; реальный либерал — тот, кто уверен, что верховенство закона, развитое гражданское общество, широкие личные свободы, а не только мощное государство, отвечают интересам российского общества и защищают его от внутренних и внешних угроз. И тот и другой патриотичны. Впрочем, редкий настоящий патриот сегодня не понимает, что время монархий, бюрократических машин, ограничений свобод, патернализма государства прошло десятилетия назад. «Патриотизм» и «либерализм» сегодня стали акцентами, которые важно не забывать расставлять, и только в сочетании, в диалоге и сотрудничестве они помогут построить стабильное, прогрессивное и сильное общество.

Что будет, если в России к власти опять придут либералы?

Эта статья — так же из TheQuestion, написана в ноябре 2015 года. Она — о том, что правильно и что неправильно принимать за «либерализм», а по форме — это ответ на вопрос читателя.

Во-первых, слово «опять» в данном вопросе не вполне уместно. Либеральной власти в России еще не было. Либерализм — это политическое и экономическое течение.

1. В политике либерализм подразумевает:
 - как основу любой политики, которая может привести к прогрессу, независимость отдельной личности и примат ее интересов над интересами любых других субъектов политики (в частности, наций, классов, государств);
 - веру в единственно верное направление развития человечества — в сторону дальнейшей гуманизации и всеобщего сотрудничества, в улучшение качества жизни и ее продолжительности (это главный критерий эффективности такой политики);
 - равенство прав, широкие личностные свободы (разрешено все, что не нарушает границы свобод другого) и неукоснительное соблюдение законов, публичных и открыто сформулированных, выработанных путем конкурентной дискуссии на основе согласия с большинством при уважении прав меньшинства;
 - противодействие любым формам неравноправия как основную обязанность власти.
2. В экономике либерализм:
 - подразумевает наличие свободного рынка (то есть отношений между хозяйствующими субъектами, аналогичных отношениям между индивидуумами при либеральной политике), что выражается в свободной и равноправной конкуренции, разумном минимуме ограничений, саморегулировании рынков как основе процесса экономического развития, сокращении функций государства до тех, которые рынок не может выполнять по определению;
 - оставляет за государством роль создателя макроправил игры и требует от него ответственности за эффективность этих правил, отказывая государству в роли экономического агента в любом смысле.

В России часто ошибочно называют «либералами» силы, которые управляли страной в 90-е годы XX века. Разумеется,

ни «залоговые аукционы», ни рестриктивные налоги, ни профанация политического процесса, ни формирование коррумпированной власти и правосудия ни в какой степени не могут позволить называть власть того времени либеральной. Более точно ее идеологию в политике можно было бы называть мягким каудилизмом (термин родился из наблюдений за формированием власти в странах Латинской Америки), а в экономике — современной разновидностью феодальной раздробленности с наследием Советского Союза и природными ресурсами в виде базы для феодальной ренты. Эволюция последних 15 лет — это не путь от либерализма к тоталитаризму, а движение от мягкого каудилизма к более жесткому и от феодальной раздробленности к феодальному единству.

В России часто называют «либералами» одну из групп оппонентов нынешней власти, которые активно борются за отсутствующую в стране реальную конкуренцию в политике, выражающуюся в равном доступе различных политических течений к избирателю и капиталу. При этом такие «либералы» зачастую имеют диаметрально противоположные взгляды по части всех остальных свойств либерализма, и многие из них совершенно непримиримы к оппонентам и не готовы к сотрудничеству, что категорически не соответствует идее либерализма.

Реальных последовательных либералов в России очень мало, и их политический голос теряется в разногосье оппозиционных борцов за доступ к власти, а ошибочное (или намеренное) название последних либералами, к сожалению, дискредитирует в глазах широких масс саму либеральную идею.

Если же в России, несмотря ни на что, настоящие либералы придут к власти, они попытаются коренным образом перестроить систему функционирования государства и экономические отношения в стране. Реформы начнутся с судебной системы и внутренних систем правоохранения и безопасности — они должны стать независимыми, эффективными, объективными и неукоснительно выполнять закон. Параллельно будет идти широкая реформа законодательства, направленная на его гуманизацию, упрощение, унификацию с законодательствами развитых стран. Реформа экономической системы включит в себя существенное сокращение роли государства, упор на обеспечение

равенства прав и свободной конкуренции, достижение максимального уровня доверия к России как рынку и внутри страны между субъектами экономики. Во внешней политике Россия станет придерживаться жестко прагматического курса (у нас нет друзей, зато есть интересы), но при этом неукоснительно соблюдать международно признанные нормы и исходить из недопустимости политики, могущей инициировать (или не предотвратить там, где есть хоть малейшая возможность) вооруженные конфликты и другие формы снижения качества жизни граждан. При этом (вопреки часто встречающимся пропагандистским заявлениям) либеральная внешняя политика не будет сбрасывать со счетов тот факт, что Россию окружают не благотворители-спонсоры, а страны, отстаивающие свои прагматические интересы, иногда — неэтичными и даже незаконными методами. Сильная экономическая позиция, правильная интеграция в мировой рынок, формирование устойчивых конкурентных преимуществ страны станут надежной защитой интересов наших граждан — в сочетании (и только в сочетании) с надежностью вооруженных сил и адекватной обороноспособностью как против локальных, так и против глобальных угроз.

Вышеупомянутые реформы должны привести к быстрому формированию нескольких блоков элиты, исповедующих разные политические и экономические идеологии, и появлению реальной конкуренции за власть. Вполне возможно, что в итоге своего правления либералы уступят власть оппозиции — и это будет одним из главных достижений либерализма.

Что делать либеральной оппозиции?

Это в каком-то смысле программная статья из TheQuestion за июль 2015 года — о том, чем, на мой взгляд, на самом деле надо заниматься нашей либеральной оппозиции.

TheQuestion задает вопрос: «Что надо делать нашей несистемной оппозиции, чтобы выйти из спящего режима?»

Во-первых, это очень странный вопрос, потому что в нем все — не то, чем кажется. Начнем с того, что оппозиция просто

не может быть системной — тогда она не оппозиция, а часть системы власти. Кроме того, «несистемная» оппозиция, то есть оппозиция реальная, в России, как и в мире, крайне разнообразна: с действующей властью не согласны либералы, обвиняющие власть в отказе от демократии; консерваторы — рыночники, требующие возврата к принципам свободных рынков и ухода государства из экономики; западники, верящие в перспективы интеграции России в систему миропорядка с центром в США; левые, желающие видеть реставрацию социализма; националисты, требующие привилегий для коренной нации; псевдопатриоты шовинисты, мечтающие о восстановлении Российской империи в доисторических границах силой оружия; и многие другие группы. Категорическая разность идей и программ требует от разных оппозиционных групп совершенно различных методов действий. Поэтому я позволю себе переформулировать вопрос следующим образом:

«Что надо делать либерально-демократической оппозиции для максимально эффективного достижения своей цели — мирного и плавного поворота курса России в сторону построения современного демократического общества и эффективной конкурентоспособной рыночной экономики, с обеспечением гарантий сохранения и того и другого и невозможности тоталитарной и/или социалистической реакции?»

Ответ на этот вопрос не так очевиден, как многим кажется. Создание демократических институтов и их надежное функционирование (а без этого не может быть никакой демократии) предполагает прежде всего реальную выборность власти, а через выборность власти — выбор стратегического экономического и политического курса страны — большинством ее населения. Ряд лидеров оппозиции в России, утверждающих (и считающих), что они занимают либеральные позиции, настаивает сегодня на скорейших выборах всех уровней, проведенных «без фальсификаций». Они уверены, что именно в проведении таких выборов заключен залог демократизации общества и ответ на вопрос о конечной цели сегодняшней борьбы. Они странным образом забывают, что Гитлер в Германии, Чавес в Венесуэле, Ципрас в Греции были избраны именно

в рамках такой процедуры. Более того, если бы в соответствующее время были проведены такие выборы в СССР, Сталин, несомненно, бы на них победил, как победил бы и Мао Цзэдун в Китае, и аятолла Хомейни в Иране.

Вопрос «Почему вы уверены в том, что на открытых честных выборах в России не будет поддержана существующая власть, и если это так, то победят не имперцы-шовинисты, не левые популисты, не просто беспринципные конъюнктурщики-карьеристы, а истинно демократические либеральные силы?» не просто остается без ответа. История последних десятилетий России показывает, что надежда на такой исход сегодня крайне мала. 25 лет назад свободно и демократически избранный Верховный Совет затопывал ногами и освистывал попытки выступить Андрея Сахарова. 20 лет назад граждане России голосовали за авторитарного Ельцина, но процент поддержавших номинально демократические партии был меньше, чем процент тех, кто сегодня не одобряет политику власти. 15 лет назад на свободных выборах, в условиях равного доступа различных СМИ к избирателю, россияне с большим отрывом выбрали выходца из КГБ — организации, олицетворявшей тоталитаризм, террор и борьбу с инакомыслием. Сегодня, даже со всеми поправками на нерепрезентативность выборок соцопросов, большинство населения России поддерживает существующую власть, в том числе в ее конфронтации с развитыми странами, курсе на социализацию экономики, развитие и распространение ксенофобско-шовинистической пропаганды и идеологии.

Возникает ситуация тупика: «либеральная» оппозиция стремится добиться от власти свободных выборов, встречаясь с тотальным жестким сопротивлением власти и растрачивая на борьбу все силы и человеческий потенциал. Вместе с тем сегодня такие выборы только подтвердили бы мандат существующей власти, а через несколько лет, когда прогрессирующий экономический кризис вместе с международной изоляцией приведут к существенному падению уровня жизни и — рейтинга власти, такие выборы (если ничего не сделать сегодня) почти наверняка выдвинут во власть крайне агрессивные, левые с экономической и шовинистические с политической точки зрения силы.

Демократические преобразования бессмысленно пытаться делать в не готовом к этому обществе. Задачей оппозиции не может быть ни смена власти, ни даже вхождение во власть: в современной России институты управления редуцированы, и нахождение представителей либеральной идеологии во власти в небольшом количестве только свяжет им руки, но не изменит ситуацию.

В сущности, задачей оппозиции должна быть борьба за мировоззрение общества (для того, чтобы в момент выбора оно совершило выбор в пользу либерализма и демократии) и за формирование внутри страны либерально настроенной элиты (то есть экономически, социально и политически активной части общества).

С другой стороны, как это ни странно, бороться надо и за мировоззрение нынешней власти, которой сегодня не хватает понимания, как выходить из ситуации, которая стала следствием серьезных экономических и политических ошибок. Видя приоритетом своей политики сохранение власти (что естественно для любой политической силы), она идет на поводу у ей же самой спровоцированных популистских и шовинистических настроений общества, на сотрудничество с группами, которые готовы в обмен на усиление влияния или просто на материальные выгоды временно ее поддержать (возможно власть полагает, что союз с этими группами — шовинистов-патриотов, радикальных православных, левых популистов — прочен, но это, конечно, временная поддержка в надежде получить больше влияния в обществе). В результате страна все дальше уходит в сторону тяжелого кризиса, который может завершиться только радикальной сменой курса, с сохранением персоналий у власти или сменой — не важно. И задача либерально-демократической оппозиции — оттянуть этот момент, в первую очередь за счет помощи власти в избегании наиболее «вредных» действий, до времени, когда общество будет готово принять демократизацию и либерализацию как выход из тупика. Иначе российское общество, сегодня активно «возвращающееся» в состояние конца XIX века, будет обречено на очередную революцию 1917 года и новый тоталитарный

режим, которого Россия как самостоятельное государство может и не выдержать.

В этом смысле продуктивными действиями для либеральной оппозиции представляются:

- 1.** Обязательный гласный отказ от участия в выборах, борьбы за власть, от требования изменений в системе выборов как минимум на 3–5 лет, и точно до момента, когда опросы будут показывать поддержку либерально-демократических идей и лидеров минимум 30–40% населения страны. Это снимет как ложную повестку, отвлекающую от реальной деятельности, так и напряжение в отношениях с властью.
- 2.** Фокус на разработке детальной, однако популярной и понятной широкой массе населения программы реформ — реального пути постепенной демократизации и либерализации в России, с точным и подробным описанием конечных целей и ожидаемых результатов, а не только действий. Такая программа должна быть изначально проверена всесторонней критикой, исправлена и дополнена в соответствии с ней и активно представлена на суд самой широкой публики.
- 3.** Необходимо централизовать и существенно усилить работу с населением через СМИ и медиа, систему государственного и негосударственного образования и другие каналы. Отказ от борьбы за власть существенно упростит эту деятельность в России. Централизация (консолидация) средств позволит формировать адекватные бюджеты, которые повысят качество предлагаемого контента, и создаст у потребителя ограниченный, обозримый список каналов для получения информации. Строительство системы образования (в том числе онлайн-курсы и онлайн-институты, новостные и аналитические порталы, специальные курсы, предлагаемые школам и институтам) позволит формировать у существенной части общества необходимый для осознанного выбора набор знаний.

4. Параллельно необходимо бороться с псевдолиберальными источниками и группами, которые создают искусственные информационные поводы, заняты неконструктивной критикой, принимают на вооружение методы левой и государственной пропаганды, пропагандируют методы неполитической борьбы, насилие, нетерпимость и отказ от диалога. В глазах потребителя такие источники и деятели вызывают справедливое отторжение, аналогичное отторжению левых пропагандистских источников, дискредитируя в целом все либерально-демократическое движение. Так же стоит отмежеваться от групп, которые видят своей единственной задачей получение доступа к власти или собственно власти, и используют для этой цели либерально-демократические лозунги. Такая тактика и стратегия делают эти группы в глазах общества неотличимыми от групп, находящихся у власти, и снижают внимание общества к поднимаемым в рамках либеральной повестки вопросам.
5. Необходимо внятно озвучить и постоянно доносить до общественности патриотический аспект своей либерально-демократической позиции, стремление к благу для граждан России и процветанию именно российского государства как первый приоритет, для реализации которого и необходимы либерально-демократические преобразования. Важно ликвидировать навязанное пропагандой деление на «демократов» и «патриотов», активно использовать термин «патриот», «патриотический» в контексте демократических и либеральных идей, сосредоточиться на информировании широкой общественности о том, почему и как именно либерально-демократические программы ведут к национальному подъему, в то время как шовинистическая идеология и тоталитарная политика, выдаваемые за патриотизм в современной России, ведут страну к краху.
6. Необходимо обратить особое внимание на борьбу с крайними формами тоталитарных и шовинистических

идеологий и попытками архаизации сознания общества. Надо суметь объяснить существующей власти, что эта борьба напрямую выгодна и ей, что левые радикалы угрожают ее существованию намного больше, чем правые либералы. Русский национал-фашизм, сталинизм, радикальные течения в православии, все социальные группы и идеологии, приветствующие насилие и/или готовые его применять, должны быть в максимальной степени нейтрализованы (и это функция власти, которую необходимо убедить), а их влияние на общество ослаблено (это функция оппозиции).

7. Деятельность должна предусматривать активное построение широкого диалога и взаимодействия с максимальным числом организаций, социальных групп и других субъектов — от партий и общественных движений до неформальных объединений и коммерческих структур, при условии категорического исключения из такого диалога всех радикальных, националистических, жестко тоталитарных общественных образований. Основой поведения в отношении «не исключенных» контрапартнеров должен стать не фокус на различиях в понимании и критика, как сегодня, а постоянный поиск общих позиций и совместная работа по ним (там, где они есть), с созданием возможности для цивилизованной дискуссии по вопросам с различающимися позициями.
8. Отдельно необходимо формировать каналы (и контент), направленные на донесение своей позиции власти и влияние на ее действия — без участия во власти или прямого взаимодействия с ней. Преодоление аллергии власти к такой информации — важная задача, вытекающая из необходимости стабилизации общества на период его изменения. Такими каналами могут быть аналитические группы, состоящие из признанных экспертов, мероприятия типа круглых столов, конференций, посвященные наиболее важным «триггерным» моментам в экономике

и политике; привлечение неангажированных международно признанных авторитетов к комментированию и созданию аналитики по актуальным вопросам, критическому, но конструктивному рассмотрению действий власти. Необходимо приложить усилия к убеждению власти, что потакание левым и шовинистическим группам (в частности, изоляционистские действия, сокращение дискуссионного пространства, пропаганда агрессии) опасно прежде всего для самой власти.

9. В диалоге с властью необходимо акцентировать внимание на ряде ключевых для формирования общественного мировоззрения, но не «болезненных» для власти проблем, в частности — либерализации системы образования, обеспечении массового обучения за границей (по китайскому образцу), высокого качества обучения иностранным языкам, формировании режима наибольшего благоприятствования для иностранных научно-технических, медицинских, гуманитарных организаций внутри России, дальнейшего продвижения интернета в массы и либерализации и удешевления доступа к нему, внесения ряда ключевых изменений в законодательство в части создания более предсказуемых условий для ведения бизнеса и снижения рисков для бизнесменов.
10. Либеральная оппозиция должна принимать активное участие, осуществлять лидерство в благотворительных, социальных, просветительских проектах в России. Помимо того, что подобные проекты намного эффективнее помогают гражданам и обществу, чем абстрактная политическая деятельность, эта работа позволит либеральным активистам уйти от формируемого властью (часто — с деятельным участием самих оппозиционеров) имиджа либерала как обеспеченного и равнодушного к народу борца за власть, находящегося под влиянием враждебных России внешних сил, и создать имидж общественных деятелей, активно и ежедневно

занимающихся практической помощью своей стране и народу.

11. С учетом сложности деятельности в России, необходим перенос части активности за рубеж, с использованием каналов интернета. Не должно быть никакого стеснения по поводу «иностранный» статуса этой активности. Напротив, необходимо всячески подчеркивать, что эта активность развернута диаспорой, которой безразлична судьба России, и обращаться к примерам деятельности диаспор других народов — еврейской, армянской, украинской и прочих, которые оказывают существенную помощь исторической родине. В своей деятельности важно задействовать широкие слои диаспоры с российскими корнями — успешных в странах пребывания эмигрантов из России и СССР, которым безразлично то, что происходит в России, которые готовы делиться своим опытом и взглядами, возможно — спонсировать просветительскую, благотворительную и социальную деятельность.

Безусловно, приведенные пункты далеко не исчерпывают перечень важных и нужных действий и даже не претендуют на подробное и точное описание действий указанных. Создание программы деятельности — сложное дело, требующее времени и коллективных усилий. Тем не менее, по моему глубокому убеждению, такая программа, объединяющая всех настоящих либеральных патриотов (я сознательно использую здесь это название, поскольку, на мой взгляд, оно наиболее точно отражает суть настоящей демократической платформы), нужна, и основой для нее должно стать стремление привести страну к процветанию на базе либерально-демократических преобразований категорически и только мирным путем, основанным на сформированном консенсусе в обществе. Повторение большевистской ошибки приоритизации вопроса о власти сегодня может погубить не только несистемную оппозицию, но и всю нашу страну.

Безумие возмущения

Эта статья вышла в «Снобе» 11 мая 2015 года.

В этом есть логика, но в ней есть немного безумия.

*Инверсия знаменитого высказывания Гамлета,
героя одноименной трагедии У. Шекспира*

Либерально-демократическая дискуссия в России сегодня переживает настолько же прискорбный, насколько и тотальный кризис. Само по себе это кажется невероятным. Экономический кризис, провал украинской политики, последовательные неудачи целого ряда стратегических начинаний, внешнеполитическая самоизоляция, грубый и фальшивый пропагандистский «беспредел», который жители России никогда раньше не принимали за чистую монету, даже когда он был сделан намного искуснее, — это ли не идеальная почва для расцвета либерально-демократических идей, для формирования базы если не перестройки-2, то хотя бы оттепели по образцу 60-х годов прошлого века? Тем более что власть в России сегодня, не в пример советской власти тех времен, за слово в тюрьму или психушку не сажает, иностранные радиостанции не глушит и границу не закрывает. И тем не менее создается впечатление, что власть в общем-то совершенно топорными приемами (которым очень далеко до уровня сусловских) сумела абсолютно нейтрализовать влияние либеральной идеи даже на умы «образованного класса».

Это противоречит логике, и, в сущности, это неправда. Власть не могла этого сделать (хотя, возможно, и хотела) без деятельной помощи со стороны самопровозглашенных носителей либеральной идеи. Чем дальше, тем сильнее многие «либералы» напоминают шекспировского Гамлета: в своей борьбе со злом, которая походила на личную месть и борьбу за власть, хотя и не осознанную самим Гамлетом, принц датский имитировал безумие, скрывая свои рациональные планы. Однако он не осознавал того, что его рациональность сама была рациональностью безумца — Гамлет действительно помутился рассудком на почве скорби по отцу. Итог его борьбы — смерть правых и виноватых, гибель Датского королевства и приход

к власти в стране норвежца — вряд ли может быть назван успехом. В случае с сегодняшней российской либеральной платформой на первый взгляд кажется, что ожидаемый исход значительно более мягок, и единственным покойником будет сама эта платформа. Однако это не так — на то Шекспир и гений, чтобы понимать, как кончается история с недееспособной властью, агрессивным обществом, готовым на лояльность любой ценой, и сумасшедшей оппозицией. Он бы не стал писать про «частный случай».

Сегодняшняя ситуация несет в себе целый ряд смертельных угроз для российского общества — от невосполнимого экономического отставания и утраты экономической самостоятельности до скатывания в коммунистически-фашистский режим в результате прихода к власти радикальной группы на волне всеобщего агрессивного единения. И именно либералы могли бы стать силой, успешно противостоящей подобным перспективам.

Но на практике поведение либералов парадоксально. В последнее время все чаще условный Кремль говорит что-нибудь нейтрально очевидное, и немедленно кучка сумасшедших «патриотического» крыла, совместно с институтом штатных пропагандистов (которые, если внимательно присмотреться, никогда не объявляются выразителями мыслей Кремля), начинают вещать по этому поводу нечто невообразимое, параноидально-маниакальное, чаще всего совершенно с заявлением Кремля не связанное. И тут же со стороны демократов-либералов раздается что-то совершенно симметричное, только «в другую сторону», причем стиль риторики, количество лжи, уровень профанирования вопроса и дилетантизма мало отличаются.

Сеть сегодня возмущена заявлением Путина, что смысл пакта Молотова–Риббентропа был в обеспечении безопасности СССР. Дорогие либералы, демократы, самоотверженно и бескорыстно портящие свои жизни ради попытки спасти страну! Все вы, которых я очень уважаю: вы правда считаете, что этот пакт задумывался как вредный для безопасности, что руководство СССР хотело навредить само себе и своей безопасности в первую очередь? Пакт был бесчеловечен, это да. Циничен — конечно. Ошибочен — очень похоже, с учетом будущего. Был

частью агрессивного плана по распространению диктатуры пролетариата? Есть много тому косвенных подтверждений. Но не имел целью безопасности? Бросьте. Путин прав, и не просто прав — он имеет право так говорить, так как свое отношение к пакту с моральной стороны ясно выразил в 2009 году в статье в польской газете и может ожидать, что слушатели уже знают о его позиции. Может быть, вместо дежурного охаивания стоит, наоборот, всячески напоминать стремящемуся быть лояльным населению, что говорил их президент по поводу моральной стороны вопроса?

Либералы возмущены недооценкой роли США в победе над гитлеровским режимом. «Как можно говорить, что США вступили в войну слишком поздно и вообще ждали, пока Россия сделает всю работу, — они поставили столько вооружения и продовольствия по ленд-лизу, они так воевали в Европе...» Минуточку, коллеги и друзья. Представьте на секунду, что вы — США. В далекой Европе монстр Германия, который убивает своих евреев (и потому вы получаете лучшие умы, которые успеете вывезти), наконец-то ослабил натиск на вашего союзника (условно союзника, еще 70 лет назад — а что такое 70 лет? — Англия хотела с вами воевать) и развернул пушки к стране, которая (внимание) ставит своей целью захват всего мира, уничтожение существующего миропорядка, установление жесточайшей диктатуры, а у себя дома уничтожила чуть не четверть населения в Гражданской войне и геноциде целых классов общества и практикует бессмысленные массовые репрессии (тогда это было внове в мире). Вы разве не так оцениваете СССР того времени? Какие у вас (в роли США) есть основания помогать той стране? Вы хотите сказать, что США сразу и по полной программе решили помогать такому милому режиму? Вы обвиняете США в сговоре с коммунистами? Разве единственной разумной позицией для США не было умеренно помогать слабейшему, ожидая момента, когда оба монстра сломают друг другу хребты? Что они, кажется, и делали. И оба хребта сломались — даже победитель, СССР, вынужден был отказаться от доктрины мировой революции, провозгласить «мирное сосуществование двух систем». Так что возмущаться? Может быть,

стоит объяснять всем, что режимы типа сталинского обычно не получают помощи, что со стороны США даже эта помощь была подвигом самопожертвования, что гуманитарные рассуждения у них перевесили здравый смысл, за что мы должны быть им благодарны, и одновременно выучить урок: если Россия будет угрожать миру, никто нам в случае опасности не поможет?

Либералы активно пугают своих слушателей угрозой оправдания сталинизма властью. Сторонний наблюдатель заметил бы, что по поводу Сталина Кремль часто и недвусмысленно высказывает свою позицию: «При всем уродстве сталинского режима, при всех репрессиях... при всех ссылках целых народов...» — это недавние слова Путина, а было еще много более давних и более жестких. В борьбе с угрозой «сталинизации» — мнимой или реальной, не так важно — кажется, лучше объединяться с таким влиятельным политиком, чем обвинять его в том, чего он, по крайней мере открыто, не делает.

Сеть одновременно кричит про «милитаризм Кремля» и про «картонные “Арматы”». Ну, во-первых, друзья, это оксюморон. Либо милитаризм и настоящие танки (у России вроде бы никогда не было проблем с созданием оружия), либо каргокульт, заморачивание мозгов, отказ воевать и танки из картона. Придется выбирать. Но, во-вторых, выбирать не из чего. Россия — не единственная и не самая активная страна-валькирия. Оборонный бюджет у США в 10 раз больше, у Китая — в 2. Как выглядят для нас — страны, не имеющей за спиной военного блока и ни одного заметного невооруженным глазом союзника, — основания демилитаризовываться, когда другие крупные и средние игроки этого не делают? Да и смысл нашего оборонного бюджета — кормить 10 млн занятых в МВД-ФСБ-МО-МЧС-ВПК, это самый простой способ распределения денег. Плюс, объективно, у нас самая длинная в мире охраняемая граница, прямой контакт со Средней Азией, которая того и гляди взорвется, с Кавказом, на котором тоже в любой момент может полыхнуть. При этом, конечно, военные парады — отличное зрелище для публики, а военные разговоры очень успокаивают население. Так что не милитарист Кремль, а прагматик. И танки совершенно не картонные. Ненужные — да (развитые страны

резко — до 25% за 5 лет — сокращают GCV-программы и не открывают новых: танки и БТР сегодня — это как кавалерия перед WW2). Дорогие — да. Но настоящие. У нас традиция качественной военной продукции не исчезла. Последняя военная разработка Сухого, кстати, очень хороша. Мы, конечно, отстаем от США на 10–15 лет в основных видах вооружений, и дальше будем, но нам с ними и не воевать, так что не важно.

Какое возмущение у нас вызывает «дружба с Китаем»! Либералы поражены игнорированием опасности: Китай же, дай ему волю, захватит наши территории и природные ресурсы! Нет, когда ура-патриоты говорят, что США хотят захватить наши природные ресурсы, мы, демократы, как разумные люди хихикаем над посконными простофилями — кому нужны ресурсы в современном мире, Емели! Мир движется технологиями, США ни за что не полезут к нам — им своих проблем хватает! Стоп. Так ли уж США отличаются от Китая? Или мы не призываем Россию дружить с США ровно так же, как Кремль готов сегодня дружить с Китаем? Конечно, дружба с США выгоднее, а еще выгоднее дружить с обоими. Но чем плоха дружба с Китаем?

Как все бросаются защищать США каждый раз, когда кто-то из «патриотов» или Кремль говорит: «А США так делают и ничего!» Все хором кричат: «Нет, США так не делают!» Увы, как правило, делают, и еще и не так. И не только США. Но какой смысл в этом споре защищать Штаты?! Вместо этого надо бы рассказать, что США, которые так делают, вообще-то совершенно не рай земной — в 5 раз больше убийств, чем в Европе, и в тюрьмах людей больше, чем у нас; один из лидеров по суицидам и чемпион мира по депрессиям; массовые беспорядки становятся нормой; ненавидимы половиной мира (часто незаслуженно, но тем не менее); боятся терактов все время и везде; вынуждены жить с дефицитом бюджета и высокими налогами потому, в частности, что нуждаются в огромном военном бюджете. Мы так хотим? Почему никто не задает этот вопрос — мы хотим до такого дожить?

Иногда даже не нужно Кремля — безумная «подача» со стороны «патриотов» так ревностно подхватывается либералами,

что кажется, будто работает слаженный тандем. Говорят, г-жа Мизулина выступает за осуждение интимных стрижек. Это фантастически важный в экономическом, политическом и социальном плане вопрос, который при всем желании не может даже обсуждаться в органах и ветвях власти (нет юридической базы), нормальные люди просто проигнорировали бы. Но демократический сектор социальных сетей уделяет этому чудовищному поспрянию демократии намного больше внимания, чем дискуссии о том, как развить и закрепить великолепную идею «Бессмертного полка», которая с подачи томских журналистов создала прецедент объединения людей в отрыве от лояльности к власти. К слову, какой смысл в массовом репосте фотографии с кучей портретов фронтовиков, выброшенных после марша? Непонятно — фейк это, брак производства, выброшенные незначительным числом «командированных от Кремля» участников марша портреты псевдододедов или что-то еще — зачем же с таким упоением дискредитировать замечательную идею? А зачем массовый перепост статьи про «изнасилование двенадцатилетней девочки десятью российскими солдатами во время Второй мировой войны»? Что, кто-нибудь не знает, что война — это грязь? Кто-то настолько наивен, что верит: война обошлась без подобных преступлений? Или, с другой стороны, кто-то готов поверить, что такие преступления были массовыми, были нормой? И как доказать, что это — не очередной фейк? И зачем это сейчас, в День Победы?

Я могу привести еще море примеров¹. Секрет катастрофы либерального движения, в частности, в отличном понимании настоящей российской властью ключа к своей стабильности:

¹ Их можно взять и из 2018 года — только недавно Путин на пресловутом Валдайском форуме опять неудачно высказался по поводу того, что в случае ядерной атаки Россия нанесет ответный удар. Это, вообще говоря, очевидное и безальтернативное высказывание (не может же он сказать, что ответного удара не будет — а к чему тогда у нас РВЧН?), пусть и поданное в привычной путинской манере туповатой шутки про «нам в рай, а им — нет», совершенно безосновательно вызвало шквал истерической критики со стороны «либералов» — Путина едва не обвинили в развязывании ядерной войны. — *Прим. авт.*

большинство населения инстинктивно стремится к взвешенной центристской позиции (какой бы ложной она в реальности ни была). «Патриоты» (помимо стандартного для любого общества 1% злобных агрессивных обиженных людей, которые всерьез верят в свои слова), и прежде всего их «интеллектуальные столпы», просто играют для власти роль экстремистов по заказу и за деньги. Они точно понимают, что, зачем и для кого делают. Они даже не думают о том, чтобы привлечь на свою сторону большинство населения, у них работа другая — создать фланг, чтобы нынешняя власть выглядела «центром». А либералы, выступающие строго симметрично, делают такой подарок Кремлю бесплатно?

Если мы хотим, чтобы нас слушали, надо не outcry (перекричать), а outsmart (переумничать). Надо суметь стать центром — игнорировать бред и фейки, говорить только спокойно, только разумно, строго по делу. Каждый раз, когда власть срывается на крик или резкое действие, показывать это народу, зато — нещадно критиковать реальные промахи и ошибки власти, предсказывать проблемы и обязательно, когда они наступают, громко сообщать: «Мы же говорили!» Это не просто, надо уметь думать и анализировать. Нет ничего хуже ложных предсказаний. Кассандр и так не любят, а мнимых Кассандр и подавно. Трудно даже измерить ущерб демократическому движению, нанесенный «либералами», которые в 2014 году предсказывали России экономический коллапс от санкций (их имена все отлично помнят). Самое страшное — население России в массе именно им поверило: паническая скупка долларов по 70 была, в частности, результатом прогнозов «опытных финансистов — борцов с режимом». Что думают о либералах те, кто тогда покупал партии стиральных машинок, телевизоров и доллары, а сегодня не могут продать товары, а доллары продают по 50?

Либералам надо научиться тактике власти — она тщательно поддерживает имидж «умеренной» и параллельно «приватизирует» все, что нравится народу. Надо брать свою часть от этой «приватизации», а не обливать грязью все, чего коснулась рука Кремля (если, конечно, это не грязь сама по себе). Так Кремль

скоро «пометит» все хорошее, что у нас есть, и поймает либералов на тотальном нигилизме. Если быть частью всего, что приемлемо для либеральной идеологии, и одновременно вносить собственную повестку — можно завоевывать людей. И всегда, когда власть, которая умеет быть центром, делает или говорит что-то разумное или похожее на разумное, надо уметь ее хвалить, возможно — не присоединяясь.

И последнее: если вы действительно хотите перемен в России, а не выполняете заказ Кремля или тешите свое тщеславие, стоит перестать оскорблять так называемый русский народ. Никто никогда не становился лучше от оскорблений, никто никогда не любил тех, кто его оскорбляет. Даже от битья редко, но становятся лучше. Даже бьющих иногда, но любят. Оскорбляющих не любят, не боятся и не уважают. Попробуйте увидеть в гражданах России, например, тех, кто бескровно отпустил республики в 1991 году (а как поступили сербы? а как поступали турки? а как поступали англичане в Африке и Ирландии? а северные Штаты?). Или тех, кто не устроил ни одного значительного национального погрома, несмотря на то что им просто навязывали такие варианты все эти 25 лет (и сравните хоть с Азией, хоть с США). Представьте, что в классе на 30 человек есть два-три хулигана. И вы как учитель, желая улучшить нравы, постоянно говорите классу: «Вы все придурки! Вы все хулиганы!» Вы ждете, что ученики устыдятся и прищучат своих хулиганов? Чушь. Они хулиганов боятся, и, кроме того, хулиганы все больше окна в школе бьют, с другими классами дерутся, а своих не трогают. А вот вас будут ненавидеть — за то, что вы незаслуженно 27 человек оскорбили. И поделом.

Не хотите учиться у меня — поучитесь у наших врагов. Посмотрите, в какие две точки упорно бьют тролли и «патриоты», критикуя либералов:

1. «Вот тут он соврал, значит, ничему верить нельзя! До читал до [указание реального или мнимого вранья], дальше можно не читать».
2. «Он [либеральный автор] весь наш народ обвиняет в...»

Думаете, они случайно? Думаете, нет методички?

К сожалению, проблема более серьезна, чем кажется. Недавно я разместил пост на эту тему (с коротким вступлением и частью аналогичных примеров) у себя в Facebook. На пост пришла масса комментариев от либералов (патриоты выступили крайне вяло, но хотя бы поняли смысл сообщения). Основная масса комментариев либералов гласила: «Нет, пакт Молотова–Риббентропа — это очень плохо». Друзья и соратники, как вы хотите убеждать массы, если сами не дочитываете текст дальше первого абзаца (сужу по тому, что по остальным примерам комментариев практически не было) и вообще отказываетесь понимать, о какой теме автор пишет? Никто не говорил, что пакт — хорошо!

Кто-то — и таких много — читает вообще что-то свое, чего в статье не было: «Бог ты мой, сколько пустого текста... помимо вооружения, США и Китай производят массу других мирных вещей, а мы научились делать военную технику и на мирную продукцию ни хрена не способны, вот и летаем на американских “Боингах” и пользуемся электроникой, произведенной в Китае, зато гордость за раздутый военный бюджет и дорогостоящие “Арматы” так и прет, так и прет, не тем вы гордитесь, господа!» Помимо того, что авторы комментариев приписывают статье несуществующие эмоции, они еще фантастически профанируют вопрос. Ну, например, шведы и норвежцы тоже летают на «Боингах» и пользуются китайской электроникой. И что — это против чего аргумент? Чем такие комментарии лучше заявлений «патриотов»?

Наконец, либеральное крыло не менее нетерпимо к критике или разности взглядов, чем «патриотическое»: «Такое впечатление, что не Мовчан писал. Какая-то ватная чушь. Все факты переврал. Совсем не похоже на автора» — и еще немало подобных высказываний. По-настоящему забавно, что даже самые злобные «патриоты» почти никогда не обвиняли меня в «продажности», «работе на пиндосов» или попытке искать выгоду. Кажется, у них даже больше трезвости, чем у радикальных либералов, которые по уровню хамства и нетерпимости, по укорененности группового сознания вполне могут побороться со своими

идеологическими соперниками. Друзья, если вы правда хотите помочь России, то нет ни ваших, ни наших. Есть правда и ложь. И правда не приходит в окружении грязных ругательств, не бывает голословной, не оскорбляет и не унижает.

Наконец, многих очень расстроил мой пассаж про учителя и класс. Кажется, немало оппонентов искренне верят именно в идею «вы все придурки»: «Только в нашем “классе” 86% хулиганов. Либералы их и ругают. Разве нет?» Нет. 86% — это как раз и есть тот класс, который вы хотите избавить от хулиганов и научить жить по-новому. Если это не так, что вы вообще хотите — избавиться от 86% населения? Это нечто новое в понимании либеральной идеи.

Так или иначе, либеральное крыло и либеральная идея в России сегодня терпят крах. Либералы активно внушают власти и народу, что, чтобы стать лучше и успешнее, надо уметь слушать критику и каяться. Похоже, самое время научиться этому и самим либералам.

Хорошо, но примитивно

А это — пост в Facebook, перепечатанный Republic 27 марта 2017 года. Он написан по следам очередных митингов, на которые вышла в основном молодежь, которую другая молодежь — одетая в бронжилеты и шлемы — в очередной раз била и рассовывала по автозакам: в надежде получить хоть какое-то основание для заявления о травме при исполнении — теперь за это дают квартиры.

Я думаю про вчерашние митинги, про то, что надо разложить мысли по полочкам, иначе скатываешься к примитиву, а именно этого ждут «силы зла» — всегда и везде.

Митинги во многих городах — это хорошо хотя бы тем, что страна не забудет окончательно, что у людей может быть мнение, а не только «как начальство скажет». Поэтому тем, кто организовал, и тем, кто пришел, — большое спасибо. Не важно, о чем митинг, важно, что кто-то еще не утратил способность на него выйти и показывает это другим.

Но не надо иллюзий. Публичные протестные акции есть почти во всех странах, и количество их (за исключением экстремальных вариантов с обоих концов) обратно пропорционально влиянию общества на власть. Венесуэла полна митингов, даже в Иране они происходят чаще, чем в России. Есть некая очень слабая статистика, говорящая, что влияние на власть вроде бы появляется, когда в митингах участвует более 10% взрослого населения страны. Для России это 7–10 млн человек. Во вчерашних митингах участвовало от 50 000 до 100 000 по разным подсчетам — по всей стране. Это гораздо ближе к 7 диссидентам на Красной площади в 1968 году, чем к изменениям в стране.

С 2012 года число участвующих в митингах в регионах выросло с почти нуля до чуть больше нуля, а в столицах упало, и значительно. «Революция норковых шуб» 2012 года сменяется «революцией школьных ранцев». Состав участников митингов сильно изменился — значительно меньше «рафинированных», большое количество совсем молодых и людей из нижней части среднего класса и широкой публики, которые вполне готовы драться с провластными маргиналами (последние традиционно храбры только с женщинами и интеллигентами). Вот уже они выгоняют НОД и «Молодую Гвардию Единой России» с их же проплаченных митингов.

При этом повестка митингов и тема протестов, в 2012 году конструктивная и сложная, в 2017-м становится примитивно-простой, оппозиционная дискуссия стремительно «украинизируется» (да простят меня украинцы), ограничивая себя предметом, понятным школьникам, — коррупцией, которая на деле — пятнадцатое по проблемности следствие, и лечить его — все равно что сбивать температуру больному: создает иллюзию улучшения, но ненадолго, при этом не лечит и даже разрушает организм. Отсюда же требования сменить персоналии, а не систему.

Что тут следствие, а что — причина? Скорее всего, именно намеренная примитивизация повестки позволяет мобилизовать новых участников митингов, и это привлекает организаторов, ищущих поддержки широких масс. Похоже, именно

этого добивается и тактически сильно поумневшая с 2012 года власть — в крайнем случае поменять некоторые персоналии, не меняя сути системы и не уходя от кормушки, они как-нибудь смогут. При этом все мы проигрываем стратегически, потому что дискуссия о том, как спасти безнадежно отстающую от «локомотива истории» страну, уже не ведется вовсе — ее подменяет «революционный лозунг» и борьба за власть между мало отличимыми друг от друга личностями. Чтобы увидеть их похожесть, не надо сравнивать, что они говорят сейчас, — надо сравнить, что каждый из них говорил (говорит) до прихода к власти.

Наконец, #околокремля, похоже, расширяет ассортимент средств подковерной борьбы в преддверии карго-выборов. Уличные протесты теперь будут тщательно направляться и использоваться не только для выпуска пара, но и в качестве оружия в дворцовых интригах. Нет никаких прямых доказательств, что прошедшие митинги — это следствие борьбы внутри власти за место премьера. Но удивительна сфокусированность на одном персонаже, за чье место явно уже идет борьба на самом верху (по иронии судьбы это тот самый едва ли не единственный персонаж, с которым «шубы» некогда связывали надежды на перемены и модернизацию). Удивительная узость тематики — коррупция, но не произвол, не силовое подавление тех же митингов, не конфликт с развитым миром, не война на Украине, не рост налогов, не сокращение расходов на медицину и образование. И, конечно (мы это хорошо знаем), регионы не могут, не хотят и не будут разрешать митинги без согласия из центра; такое мозаичное «разрешаем там, где без разрешения не придут, запрещаем там, где придут все равно» наводит на размышления.

При этом действия силовых структур показывают, что протест будет жестко регулироваться по размеру и типу (и по тематике), а его потенциальный актив будет тщательно выявляться (за счет тех же митингов и задержаний) — «на всякий случай» и просто чтобы нейтрализовать самых активных в общественном, карьерном и информационном плане. Не знаю, решит ли власть уже сейчас, что «пора напомнить, а то с 2012-го забыли», и организует ли показательные посадки или отложит

это до более серьезных выступлений. Но такая возможность явно есть, и результат ее использования будет таким же, как и в 2012 году — еще одна волна будет погашена, а активность замрет на несколько лет. Ну а если отложит — значит есть на то причина, и митинги сегодня кому-то #околокремля нужны. Одно совершенно ясно — нет и не может быть в современной России ни быстрого роста гражданского движения, ни смены настроений в силовых структурах, ни стремления власти прислушаться к протестам.

В плане перемен мы еще даже не в начале пути, а только пробуем подходы. Но уже вырисовывается грустная картина: не удастся сохранить и развить зародившуюся было интеллектуальную оппозицию, которая могла бы, когда придет время, предложить эффективную альтернативу и нынешнему режиму (вполне уже брежневскому в социальной и политической, но значительно более продвинутому в экономической области), и опасным ультраправым и ультралевым его девиациям. «Яблоко» и прочие себя дискредитировали безнадежно, до горькой усмешки. «Новая» оппозиция совсем про другое — про власть, про влияние, возможно, про выгоду, но не про развитие. Российский мир становится все более черно-белым, а просматриваемое будущее России — все более «аргентинским», с уходящей за горизонт чередой «великих лидеров», приходящих во власть на крыльях народного протеста против коррупции и ничего не меняющих, кроме фамилий у кормушки и количества репрессированных оппозиционеров. Аргентина заплатила за 100 лет такого развития, в котором митинги были постоянными, а борьба с коррупцией — основной повесткой, половиной своей доли в мировом ВВП и более чем 20 000 жизней оппозиционеров. Хорошая новость в том, что это все же не Венесуэла и не Иран.

А пока — одна из моих дочерей оканчивает институт в России, и почти весь ее курс ищет работу за рубежом. И это тоже сближает нас с Аргентиной XX века.

ПДД Камбоджи

Эта статья была опубликована в Slon 28 февраля 2014 года.

Чтобы лучше понять свою страну, надо много путешествовать. Вот, например, дорожное движение в Камбодже: знаков почти нет, правил никто не соблюдает, все движется на запретельной скорости, преимущество у того, кто больше и быстрее. По сравнению с Камбоджей в России законопослушные водители и отлично организованное дорожное движение. Но, по официальным данным, в России на дорогах гибнет в 1,5 раза больший процент населения.

Водитель-камбоджиец, который половину нашего пути по стране ехал по встречке, отчаянно сигналил, объяснил: «У нас все знают, что правил нет». Все готовы к тому, что встречная машина вылетит на твою полосу. Мотоциклисты готовы к тому, что автомобиль их подрежет, пешеходы — к тому, что их не пропустят. Предупрежден — значит вооружен: я видел много раз, как машины и мотоциклы на дороге быстро смещались к обочине, когда на встречу без предварительных сигналов вылетал очередной «саньенг» 1980-х годов выпуска.

В России наши ожидания от водителей и пешеходов завышены: мы едем на зеленый свет, не глядя вправо или влево; идем по переходу, не обращая внимания на машины; едем в левой полосе, не ожидая выхода встречной машины на таран. Поэтому мы совершенно не защищены от эксцесса — пьяного водителя, случайной ошибки, лопнувшего колеса. В итоге жертв больше, и наше ощущение от ситуации на дорогах, мягко говоря, негативное.

Похожим образом относится к России существенная часть ее населения — современные либералы, к которым я причисляю и себя. Ожидания у нас крайне далеки от реальности. Мы ждем швейцарской демократии, скандинавской социальной системы и американской мощи и значимости в мире; немецкой экономической модели, но китайской скорости роста и развития. Мы хотим, чтобы элита в России была подобна британской (сплошь благородные лорды ездят на работу на велосипеде), а народ — японскому (все трудолюбивы и 24 часа в сутки куют экономическое чудо). Нам нужно, чтобы власть была народной (чего у британцев нет) и сохранился «особый русский характер»

(с чем у японцев не очень), чтобы мы были «многонациональными и мультирелигиозными», но «сплоченными и патриотичными».

Мы отказываемся принимать полууспехи и ведем себя так, будто идеальный мир должен был быть построен еще вчера. Мы отторгаем от себя «нейтральное» население, которое искренне не может понять, почему мы «ругаем все русское». Разницу между «все плохое в русском» и «все русское» в исполнении либералов понять действительно сложно. Олимпиада тут отличный пример: мы ругаем ее, потому что там «много украли» и «могли бы потратить деньги на больницы», но отлично ездим по МКАД, невзирая на ее завышенную в 10 раз себестоимость. При этом МКАД для обычного русского человека — это «московский шик», а Олимпиада — действительно праздник, редкое доказательство того, что Россия «может не хуже».

Мы не в состоянии ничего сделать, хуже того — мы, кажется, и не хотим ничего сделать: критика ради критики, требование идеального здесь и сейчас, стремление видеть только плохое и даже расстраиваться, если что-то хорошо, стали составляющими либерального взгляда в России.

Мы похожи на плохих родителей: кричат, ругаются, требуют заведомо невозможного, игнорируя желания ребенка. Происходит это, конечно, от любви, но у страны, как и у подростка, возникает ступор и жесткое отторжение ко всему, что ей говорят в такой унижительной форме. Страна, испытывая к своей либеральной интеллигенции и любовь, и ненависть, идет и голосует за «своих пацанов» с голым торсом на стерхе: они не ругают, а в буквальном смысле предлагают «выпить, покурить и Олимпиаду посмотреть», с ними чувствуешь себя частью великой нации, всех других — козлами, и хорошо понимаешь, что не ты сам виноват в своих проблемах, а враги.

Любые разумные действия должны иметь цель. Критика ради критики слишком похожа на поливание грязью — здесь «патриотические» оппоненты правы. Часто провозглашаемая цель либералов — обеспечить сменяемость власти — не только не может быть достигнута нынешними методами тотальной критики и поддержки маргинальных действий, она вообще сегодня

не может быть достигнута. Может быть, получится сменить одни персоны на другие. Но изменить власть сегодня невозможно — ее формы и методы не являются продуктом злой воли или глупости, они следствие экономической модели страны — архаичной, феодальной (только вместо земли — нефть), где у власти неизбежно окажется самый сильный представитель самой сильной феодальной группировки, которая подомнет под себя экономический ресурс и обеспечит свое правление на время, пока ресурс не исчерпается.

При этом правящая группировка искренне выступает за стабильность и порядок — в их понимании. При ней не будет массовых репрессий, войн, катаклизмов. Точечные репрессии станут применяться только по отношению к прямым конкурентам (а на сегодня их почти не осталось) или для ослабления позиций тех же либералов, их отдаления от «народа». И в случае с «Пусси Райот», и с законом о запрете гей-пропаганды, и в суде над Навальным расчет был именно на реакцию либералов, позволявшую властям честно сказать: «Видите, кого они защищают?!»

Все было бы ничего, если бы нынешние пацаны были вечны. Статус-кво, если вдуматься, не так уж плох. Мы могли бы вечно ругать действительность; нынешняя власть — вечно править; народ, в целом довольный притоком нефтедолларов и бесконечно далекий и от проблем бизнеса, и от абстрактных демократических ценностей, — вечно безмолвствовать. Но статус-кво держится (и, надо сказать, все хуже и хуже) на огромных деньгах от продажи углеводородов за рубеж. Более 50% бюджета формируется прямо или косвенно доходами из трубы, а еще примерно 25% — это НДС, львиная доля которого идет с импортных товаров, закупаемых за счет средств, вырученных от продажи углеводородов — экспорт последних составляет 20% ВВП. Эта зависимость только нарастает, как нарастают и расходы бюджета, связанные с продолжающейся монополизацией и ростом государственных социальных обязательств. И когда цена на нефть упадет (а она упадет, счет идет на годы), сегодняшние лидеры не только не удержат власть — они даже не будут пытаться: власть без обогащения для них не ценна, а обогащаться будет неоткуда.

Кто станет властителем дум в стране с дефицитом бюджета 7–10% ВВП, с растаявшими за 1–2 года золотовалютными резервами, с гигантским, больше, чем в СССР, процентом госслужащих, огромными социальными обязательствами, непропорциональными расходами на институты подавления, высоким уровнем агрессии в обществе, потерянным классом предпринимателей и вконец испорченными отношениями с развитыми странами? Большинство поддержит не либералов, раздражающих «обычных граждан» своим нигилизмом и подчеркнутой любовью к созданию зон дискомфорта даже за счет здравого смысла. Придет время красно-коричневых: именно они ведут себя наиболее трезво, понимая, как привлечь на свою сторону народ.

Именно их ожидания и от нынешней власти, с которой они легко и умело сотрудничают, и от народа, с которым они умеют заигрывать, полностью соответствуют реальности. Именно их уровень цинизма позволяет строить диалог в манере настоящего лидера: громко кричать то, о чем слушатели говорят шепотом, даже если это самые низменные и грязные побуждения и желания. Именно им нужна власть ради власти, и они готовы за нее бороться, даже если страна утонет в крови. Что будет потом, тоже более или менее понятно — как правило, красно-коричневые приходят к власти последними, после них наступает вселенский потоп.

Это означает катастрофу, сравнимую с революцией 1917 года. Это и есть реальность, которой либералы не хотят признавать. Задача не дать красно-коричневым получить власть, которая сама сегодня идет к ним в руки, должна стать для либералов первой и единственной. Надо использовать оставшееся время, чтобы активно завоевывать симпатии населения страны по отношению к своей платформе — верховенству закона, правам человека, рыночной экономике, демократическому правлению, построенному по функциональному, а не сакральному принципу.

При этом ни на минуту не стоит забывать про реальность: жители России, как и всего мира, хотят чувствовать себя гордыми за страну и за себя; они, как и жители всего мира, хотят

красивых зрелищ и спортивных состязаний; они хотят ассоциировать себя с себе подобными и знать ответ на вопрос, кто есть враг (пусть даже ответ будет несколько упрощен). Наконец, они хотят простых ответов на вопросы: что делать, что хорошо, а что плохо? Жители России сегодня более консервативны, чем американцы, — это нельзя не учитывать. Но ксенофобия и консерватизм проходят от осознания собственного достоинства. Надо дать людям это ощущение, а потом требовать толерантности, а не наоборот.

Возможно, вести такую работу сложнее и скучнее, чем критиковать неуклюжие власти, ничего не предлагая взамен. Возможно, не так просто жестко разделить внутри себя справедливое восхищение США как образцом внутреннего демократического устройства и трезвую оценку международной позиции Штатов в отношении России, которая принимает все более гротескные и далекие от эффективности и принципов демократии формы. Тяжело перестать ловиться на удочку власти, бросаясь защищать маргиналов от вымышленных угроз и тем самым отдаляя себя и от реальных проблем, и от основной массы общества.

И тем не менее другого выхода у страны нет. Если и есть шанс, что в будущем она пойдет за либералами, то только за теми, кто предложит решить реальные проблемы людей: незаконие, коррупцию, умирающие здравоохранение и образование, проблему детей-сирот и так далее. И все это — параллельно с решением их психологических проблем: потеря национального и государственного достоинства, корней, общности, идеи будущего, атрибутов совместной гордости и радости, ощущения конкурентной общности («мы против них»).

Я думаю, граждане России намного больше готовы к принятию либеральной идеологии, чем кажется. Может быть, именно от этого недоверия народу, неуважения к нему мы и замыкаемся в себе, формируя у народа образ пятой колонны, а не защитников интересов нации. Если мы хотим, чтобы страна пережила ближайшее падение цен на нефть, либералам надо найти в истории России предметы для гордости (желательно альтернативные Ивану Грозному) и предложить избирателям свою версию

великой истории России, научиться говорить «наша Олимпиада» и болеть за своих спортсменов, признать вторжение в храм хулиганством (это очень тяжело, учитывая, что у нас с «хулиганками» одна система ценностей: они намного более «свои», чем благопристойные «патриоты»), согласиться с тем, что США действуют в своих интересах и часто в ущерб интересам граждан России (что совершенно нормально, мы так же действуем, если надо), перестать призывать бедствия на российскую голову по принципу «чем хуже, тем лучше». С этой точки можно начинать работу по привлечению на свою сторону будущих избирателей (или — вооруженных защитников демократии, если до того дойдет).

В противном случае итог для либеральной идеи в России будет не лучше, чем для водителя в Камбодже, который решит ездить по правилам, не учитывая того, как ездят другие. Не пройдет и 10 лет, как выжившим — в Нью-Йорке, Тель-Авиве или Харбине — останется только беседовать о «России, которую мы потеряли». Эффектно, но неэффективно.

**Часть
седьмая**

Мир и экономика

Между Россией и ЕС
А был ли Брекзит?
Триумф актера
Кому и зачем нужна война

259

Работа в Московском центре Карнеги в 2014–2018 годах обеспечила меня большим количеством контактов в европейских (да и американских) научных и управленческих институтах, что само по себе было крайне любопытно — оказалось, что образ мышления, психология, способы действия европейских бюрократов и аналитиков в чем-то диаметрально противоположны привычным в России, а в чем-то удивительно с ними сходны. У меня, до того знакомого с западным миром только через бизнес-контакты и учебу в Университете Чикаго, конечно, было весьма идеалистическое представление о западной системе. До того я имел дело с очень квалифицированными, профессиональными, жесткими, но при этом порядочными, самостоятельными в суждениях и действиях бизнесменами, профессорами, студентами. Первым, с чем мне пришлось столкнуться, во взаимодействии с чиновниками свободного мира, оказалась крайняя поверхностность в отношении власти, с которой они имели дело, и значительный уровень зашоренности, вполне напоминающий свойства чиновников российских. Особенно явно эти качества проявлялись при обсуждении ситуации вокруг России и отношений России с Западом.

В 2015 году каждый второй европейский чиновник задавал мне вопрос: «Сколько месяцев еще протянет российская экономика?» К концу года мне это надоело, и я стал отвечать коротко: «Да сколько угодно», что немало удивляло собеседников. Чуть позже дежурный вопрос сменился на «Как скоро санкции заставят Россию изменить свою политику?», и мой ответ «Никогда» удивлял их не меньше.

Несколько раз я писал для западного массмедиа (от местных газет в Финляндии до *National Interest*, *Financial Times*, *Politico*, *Foreign Policy*) и успел заметить, что в развитых демократиях цензура мнения присутствует в достаточной степени. Если в России (к слову, не так уж сильно, скорее, только в государственных медиа, и то не всегда) вам не дают написать то, что вы думаете, мотивируя это запретом со стороны власти или просто нежеланием ее обидеть,

то в западных СМИ цензор более жесткий: несколько раз мне недвусмысленно сообщалось, что «это» не стоит писать, потому что «аудитория не хочет это читать». Здесь нет подвоха или завуалированных действий власти — действительно, западные СМИ зависят от своих бюджетов, которые формируются пропорционально количеству и качеству читателей и зрителей. И если публика хочет верить, что российская экономика скоро рухнет, нельзя писать обратное.

Но в итоге мое «nonconventional opinion» стало вызывать интерес — меня вдруг стали просить написать статью для того или иного сборника, издаваемого в Европе. Самая интересная из тем, о которой мне довелось написать, — тема, непосредственно связанная и с Россией, и с ЕС, и со странами, которые, как Украина, оказались посередине между двумя империями. С большим удовольствием я заметил, что мои статьи об этом не только не отвергались, но и печатались как есть, читались и даже обсуждались. Видимо, тема «ошибок на восточном фронте» для ЕС актуальна. Эта статья опубликована на сайте Московского центра Карнеги 9 марта 2017 года.

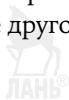

Между Россией и ЕС

В сегодняшнем мире торжества геоэкономики интенсификация международной торговли и все более тесное сотрудничество с другими странами имеют первостепенное значение для стабильного развития экономики любого государства. Тем более это верно для Европейского союза — экономического блока, страдающего как от стагнации потребления, так и от существенных дисбалансов между группой «северных» государств, построивших свои экономики на продаже производимых товаров в кредит «южным» странам, и группой «южных» стран, уже привыкших обеспечивать свое благосостояние за счет этого кредита. В последние годы ЕС, переживающий значительное снижение эффективности этого «кредитного насоса» в связи с очевидным выходом за разумные уровни кредитного плеча своих «южных» экономик, целенаправленно пытается развивать торговые отношения и производственное сотрудничество с близлежащими рынками, обращая более пристальное внимание на потенциал этих самых рынков, чем на их текущий размер, и, видимо, рассчитывая распространить привычную модель на новые территории.

Создание Европейским союзом в большой степени политических организаций, таких как Соглашения об ассоциации средиземноморских стран с ЕС (Euro-Mediterranean Association Agreements), Союз для Средиземноморья (Union for the Mediterranean) или Восточное партнерство (Eastern Partnership), продолжилось запуском программы по заключению Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (Deep and Comprehensive Free Trade Area, DCFTA) — слабой версии давно существующей Европейской ассоциации свободной торговли (European Free Trade Association) и неотъемлемой части Соглашения об ассоциации с ЕС. Все это, по сути, комплекс двусторонних соглашений с соседними государствами, охватывающий торговые тарифы, технические стандарты, санитарно-технические нормы, вопросы прозрачности информации и вопросы госзакупок, а также другие аспекты унификации торговых и производственных процессов на базе стандартов Евросоюза.

Неудивительно, что попытка ЕС расширить границы свободной торговли и совместного производства по стандартам и в соответствии с нормативно-правовыми актами Европейского союза на территорию бывшего СССР и стран Восточной Европы, которые остались «неприсоединившимися» к началу века, встречает сопротивление другого «центра экономического притяжения» — России.

ЕС и ТС

Российские экономические перспективы как минимум туманны. Однако российский внутренний рынок все еще состоит более чем из 145 млн человек, средний уровень доходов населения и потребления сравним с китайским (но составляет всего 1/5 уровня ЕС), а ВВП в 4 раза выше, чем у всех кандидатов на вступление и членов DCFTA вместе взятых. Российские власти прилагают огромные усилия для того, чтобы препятствовать странам СНГ и бывшего СССР вступать в ассоциации с Евросоюзом в любом их проявлении. Представители властных структур Евросоюза «симметрично» реагируют на такое противодействие, воспринимая Россию лишь как угрозу своим планам и тем самым отказываясь от возможности рассмотрения ее как еще одного потенциального партнера, привлечение которого может обеспечить включение в орбиту и более мелких соседей просто в силу российского регионального экономического превосходства.

Не видя для себя места рядом с ЕС, в параллель европейской активности, Россия в 2010 году создала так называемый Таможенный союз ЕАЭС, изначально включавший в себя Россию, Казахстан и Белоруссию, позднее к нему присоединились Киргизия и Армения. (С 2015 года используется название Евразийский экономический союз, однако характер непрочного союза, ориентированного на беспрошленную торговлю, сохраняется, поэтому правильнее называть его Таможенным союзом.) Россия последовательно пытается убедить своих соседей, в первую очередь — соблазняемых Евросоюзом, присоединиться к Таможенному союзу — и безуспешно, с учетом Киргизии и Армении.

Различия между ЕС и ТС не исчерпываются очевидной разницей в размерах и более узким фокусом Таможенного союза. В Евросоюзе нет никакой преобладающей экономической силы (предвижу возражения, что Германия могла бы претендовать на это место, но она приносит в ВВП ЕС лишь 20%) — в отличие от Таможенного союза, в котором более 80% ВВП и товарооборота приходится на Россию. ЕС — это устоявшийся политический союз со своим регламентом и набором проработанных законодательных парадигм. Россия видела Таможенный союз политическим, но до сих пор не существует политического органа, развивающего его идейную основу и устанавливающего общие правила. В Евросоюз всегда есть очередь из стран-кандидатов, желающих стать его партнерами и (или) вступить в него, в то время как добровольцев на присоединение к Таможенному союзу нет — и России приходится использовать некое сочетание соблазнения и принуждения, чтобы заполучить новых членов. Таможенный союз фокусируется на протекции внутренней торговли, на защите прав внутренних производителей, позволяя им избегать конкуренции, в конечном счете увеличивая стоимость товаров и ухудшая их качество для потребителя. В центре внимания Евросоюза находится расширение зоны свободной торговли и рост конкуренции. Таможенный союз жестче DCFTA, члены ТС становятся настолько негибкими, что не могут участвовать в каких-либо других серьезных экономических группах или объединениях и даже подписывать полноценные двусторонние соглашения о свободной торговле (Соглашение о беспошлинной частной торговле Киргизии с Китаем — лишь исключение, подтверждающее правило).

Сотрудничество или соперничество?

В среде европейских аналитиков существует довольно безосновательная надежда, что более тесное сотрудничество между ЕС и ТС все-таки может начаться в ближайшее время. Некоторые специалисты утверждают, что успешная интеграция Украины, Грузии и Молдавии в зону свободной торговли в рамках DCFTA, равно как и дальнейшее включение в эту структуру

других стран, не входящих в ЕС, таких как Азербайджан или Узбекистан, может укрепить позиции ЕС в переговорах с Россией и Таможенным союзом. Членство в DCFTA вовсе не обязательно препятствует вступлению стран в торговые отношения с Таможенным союзом. Никакие положения DCFTA не запрещают ее членам участвовать в особых двусторонних соглашениях с другими странами и объединениями, если только они не идут вразрез с самой DCFTA.

Проблема кроется в положениях Таможенного союза. Его члены могут заключать иные двусторонние торговые и таможенные соглашения с другими странами. Однако DCFTA — это не двустороннее соглашение, и оно не ограничивается аспектами свободной торговли. Одной из самых больших проблем на пути сотрудничества между ЕС/DCFTA и Таможенным союзом станет изменение технических стандартов, в обязательном порядке вводимых DCFTA (большинству новых членов в наследство от СССР достались устаревшие ГОСТы, то есть государственные технические стандарты). Россия тоже меняет свою нормативную базу — из наиболее часто используемых в стране технических стандартов почти половина уже совместима с теми, что действуют в Евросоюзе. (В случае с Украиной, как ни парадоксально, большую часть товарооборота с Россией до кризиса 2014 года и частично вплоть до середины 2015 года занимала военная техника¹, которая в любом случае не подпадает под DCFTA и не была бы препятствием для взаимодействия в рамках обеих экосистем.) Хорошая новость состоит в том, что DCFTA не запрещает своим членам импорт товаров, не соответствующих стандартам ЕС, и, конечно, не ограничивает их права на производство и экспорт таких товаров в страны за пределами ЕС. В связи с этим подписание DCFTA не должно негативно повлиять на товарооборот с Таможенным союзом, однако унификация стандартов и возможность появления товаров новых стран на рынке ЕС позволят новичкам существенно

¹ Украина прекратила поставки военной техники для РФ. — RG.ru. — 31 мая 2016 года // <https://rg.ru/2014/05/31/oruzie-site.html>. — *Прим. авт.*

изменить торговые потоки, что не обязательно пойдет на пользу внешней торговле со странами ТС: все же емкость рынка ЕС намного больше.

К тому же DCFTA шире, чем просто торговое соглашение. DCFTA требует от своих участников внесения изменений в ряд базисных законов, снятия бюрократических ограничений с основных секторов сферы услуг, одобрения европейской системы прав на интеллектуальную собственность — и все это делает участников DCFTA как минимум неудобными для любой формы ассоциации с Таможенным союзом в его нынешнем виде. Более углубленное сотрудничество между ТС и членами ЕС/DCFTA вряд ли возможно, если ни одна из сторон не проведет серьезных изменений в своей политике. Принимая во внимание значительно больший удельный вес экономик ЕС/DCFTA, чем Таможенного союза, зависимость ТС от европейского рынка и нынешние негативные тенденции в экономиках стран ТС, мы можем заключить, что выгоды ТС от сближения с ЕС будут значительно более выражены, чем выгоды ЕС от сближения с ТС.

Но главным барьером на пути к сближению служат неоднократно озвученные Россией опасения, что дешевые европейские товары быстро распространятся на рынке Таможенного союза через страны, вступающие в DCFTA, с которыми у России заключены особые торговые соглашения. Эти опасения небезосновательны: присоединение Киргизии, у которой с Китаем подписано особое соглашение по свободной беспошлинной торговле для частных предпринимателей, мгновенно привело к массовому поступлению китайских товаров через эту страну в Россию. Этот страх можно смягчить, только придумав для стран Таможенного союза какую-то компенсацию: например, наглядно продемонстрировав готовность компаний стран — членов ЕС предоставить странам ТС свои новейшие разработки в области технологий и системы управления, перенести производственные мощности не только для производства товаров и оказания услуг на внутренних рынках ТС, но и для их экспорта. Однако очевидные изъяны в местном законодательстве, недостатки в системе защиты прав инвесторов и предпринимателей,

низкая квалификация местной рабочей силы и высокий уровень коррупции останавливают европейские компании от массового расширения своей деятельности в сторону Таможенного союза.

В связи с тем, что мы (по целому ряду причин, в том числе чисто политических) не ждем от стран — членов Таможенного союза серьезных реформ, которые привели бы к более высокому уровню прозрачности и предсказуемости политических и экономических решений и существенно улучшили бы законодательство по защите бизнеса, вряд ли можно ожидать ослабления в напряженности между ЕС и ТС и снижения межсоюзных барьеров. Долгосрочные прогнозы, ссылаясь на сокращение размера экономик стран — членов ТС, растущее отставание их технологической базы и зависимость от импорта, преподносят будущие реформы и сближение с Евросоюзом как неизбежный этап развития, возможно — через большой кризис и политические перемены. Однако даже самые ярые критики нынешнего руководства ТС не ожидают, что реформы могут начаться в ближайшем десятилетии.

Такая ситуация ставит независимые или ассоциированные с обоими экономическими блоками страны в сложное положение: для развития экономики им необходимо сотрудничать и с ЕС, и с ТС, но каждый из этих союзов ревниво требует сделать выбор в свою пользу. В целом активное сотрудничество с обоими гигантами труднодостижимо, хотя у нас есть показательные примеры подобных стратегий, поддерживаемых тремя странами: Сербией, Молдавией и Грузией.

Сербия

С населением около 7 млн человек и ВВП в 5120 долларов на душу населения Сербия в 67 раз меньше ЕС по первому показателю и в 200 раз по второму¹. Балканская страна, основная часть бывшей Югославии, развалившейся в 1990-х и пережившей жестокую войну, военное противостояние с США и резко

¹ Serbia, The World Bank // <http://data.worldbank.org/country/serbia>. — Прим. авт.

враждебные отношения со странами ЕС, Сербия сменила режим и объявила интеграцию с Европой своей главной целью. В последние годы она получила от Евросоюза выгодные индивидуальные условия торговой политики, стала частью Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС и начала официальные переговоры о вступлении в ЕС¹.

В то же время Сербия активно развивала отношения с Россией² и Китаем в попытке сбалансировать внешнюю торговлю (ее торговый баланс держится на уровне минус 4–5 млрд долларов в год, что является значительным дефицитом для страны с ВВП менее чем 44 млрд долларов) и привлечь больше иностранных инвестиций.

Как пишет профессор Белградского университета Йован Теокаревич для Европейского совета по международным отношениям³, «все сербские правительства в последние годы настаивали на том, что их стремление к вступлению в ЕС не противоречит сохранению хороших отношений с Россией и Китаем. Несколько лет назад бывший сербский президент Борис Тадич назвал такой подход “ориентацией на 4 столпа сербской внешней политики”: ЕС, США, Россию и Китай. Ни один из “столпов” пока не возражал против этой формулы, а общественное мнение в Сербии горячо поддерживает такой диверсифицированный подход».

Сербия и Китай заключили соглашение о стратегическом партнерстве в 2009 году, а в 2013-м Сербия подписала аналогичный документ с Россией. Их значение в развитии экономических отношений до сих пор невелико. Сербия сохраняет подобные соглашения с Францией и Италией, а также работает над

¹ Political Relations Between the Republic of Serbia and the European Union // <http://www.mfa.gov.rs>, <http://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/eu/political-relations-between-the-republic-of-serbia-and-the-european-union>. — *Прим. авт.*

² Serbia grapples with Russia relations in advance of Medvedev visit // https://wikileaks.org/plusd/cables/09BELGRADE841_a.html. — *Прим. авт.*

³ Serbia: Perspectives on Eurasian integration // http://www.ecfr.eu/article/essay_eurasian_integration_serbia. — *Прим. авт.*

развитием стратегического партнерства с Турцией и Германией (там, правда, пока ничего не подписано). Тем не менее еще в 2000 году Сербия заключила двустороннее соглашение о свободной торговле с Россией. Впоследствии оно было распространено на Белоруссию и Казахстан и уже достаточно давно должно распространиться и на другие страны — члены Таможенного союза, но сербское правительство с этим не спешит. Кажется, что Сербия пытается сохранить статус «недоучастника» ТС, чтобы не оттолкнуть своих партнеров из ЕС, одновременно поддерживая с ТС тесные связи. Все, что выходит за рамки свободной торговли с тремя участниками Таможенного союза, в отношении ТС поставлено на паузу, и развитие отношений Сербии и ТС будет, вероятно, зависеть от позиции России: чем жестче она станет этого требовать, тем быстрее Сербия будет двигаться в сторону ТС.

Подобная диверсификация экономических отношений не создает больших преимуществ для сербской экономики. Россия обеспечивает примерно 10% сербского импорта (из которых природный газ, нефть и нефтепродукты составляют почти 100%) и только 7% сербского экспорта (в основном это сельскохозяйственная продукция, некоторые виды автозапчастей и машинного оборудования)¹. И если импорт из России находится на обычном для стран Восточной Европы уровне, то сербский экспорт в Россию превышает средние показатели в 2 раза. Для сравнения: Польша, будучи полноправным членом ЕС и не имея каких-либо особых отношений с Россией, направляет 4,2% своего экспорта в РФ, получая в ответ примерно 8,1% своего импорта. В то же время попытка Сербии стать связующим звеном между Западом и Востоком стоит ей достаточно дорого: несмотря на соглашение о стратегическом партнерстве и свободной торговле, на вполне дружеские политические настроения и даже на отказ присоединиться к антироссийским санкциям, Сербия до сих пор покупает российский газ по гораздо более высоким ценам, чем традиционные союзники РФ (и до сих пор

¹ The Observatory of Economic Complexity. Serbia // <http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/srb/>. — Прим. авт.

получает 80% своего газа именно из России). Россия щедро создает условия для сотрудничества в выгодных для нее сферах (среди примеров — создание «гуманитарной базы» близ границы Косово¹ как шаг в сторону увеличения закупок российских вооружений и военной техники Сербией² и субсидирование реконструкции сербской железной дороги, привязанное к соглашению по газовым трубопроводам), но не заинтересована в том, чтобы помогать сербским компаниям развивать экспорт в Россию, и потому не уделяет этому внимания. Единственный заметный пример выгодного для Сербии сотрудничества с Россией в сфере экспорта — реэкспорт европейской сельскохозяйственной продукции в Россию в 2015–2016 годах, который возник в силу того, что Сербия как нейтральная страна не подпала под действие «антисанкций». Однако экономический эффект этого преимущества временный и незначительный.

Экономически и политически Сербия гораздо сильнее привязана к Евросоюзу, который отвечает как минимум за две трети экспорта и импорта страны. Тем не менее опросы общественного мнения показывают лишь умеренную поддержку вступления в ЕС: инициативу одобряют не более 55% населения. Координатор программ Немецкого общества внешней политики Сара Вохфельд в своем отчете³ утверждает, что это отчасти обусловлено исторически высокой ценностью отношений с Россией, а отчасти объясняется длительностью и сложностью процесса.

После быстрого и сильно облегченного в плане процедуры вступления Румынии и Болгарии в ЕС требования к новым кандидатам ужесточились, процесс присоединения стал длительным

¹ Russia opens “humanitarian” base in Serbia. — Euractiv.com. — October 18, 2011 // <http://www.euractiv.com/section/global-europe/news/russia-opens-humanitarian-base-in-serbia/>. — *Прим. авт.*

² Why Serbia is Strengthening its Alliance with Russia. — The Huffington Post. — February 15, 2016 // http://www.huffingtonpost.com/samuel-ramani/why-russia-is-tightening-_b_9218306.html. — *Прим. авт.*

³ Headed for Brussels Without a Compass? Serbia’s Position between Rapprochement with the EU and Russian Influence. — DGAPkompakt. — December 2015 // <https://dgap.org/en/article/getFullPDF/27416>. — *Прим. авт.*

и болезненным. Сегодня, после 2 лет переговоров и 10 лет подготовки, Сербия соответствует только шести из 35 статей «Acquis communautaire» (корпуса законов и нормативных актов, обязательных для стран — членов ЕС); 5 статей находятся на «ранней стадии» конвергенции, остальные — на средней. Такое соотношение, лишь незначительно изменившееся за последние 3 года, говорит о том, что Сербии еще предстоит долгий путь к полноценному членству в ЕС.

И вполне ожидаемо, что большинство населения Сербии винит в длительности процесса нормативно-правовые акты ЕС, а не отсутствие местных реформ. С другой стороны, Таможенный союз предоставляет членство без многочисленных запутанных требований и действительно дает возможность заключить соглашение о свободной торговле без предварительных условий.

Неудивительно, что, согласно выводам политолога Слободана Марковича, 43% сербов считают Россию самой важной для Сербии страной, 47% сербов ошибочно верят, что Россия — главная экономическая опора Сербии¹. Едва ли правительство может проигнорировать общественное мнение и резко изменить свою политику.

В то же время позиция Сербии очень медленно сдвигается в сторону Евросоюза. Сербские политические партии, имеющие большинство в парламенте, наряду с премьер-министром заявляют о своей приверженности ЕС. Даже в военном плане, придерживаясь нейтралитета и периодически проводя совместные учения с Россией, Сербия все же намного больше полагается на поддержку членов НАТО. Несмотря на общественное мнение (только 10% населения поддерживают вступление в НАТО), в XXI веке сербы провели 197 мероприятий НАТО и 370 совместных с НАТО операций², тогда как в сотрудничестве с Россией было всего 36 мероприятий.

¹ Serbian-Russian relations — scrutinizing the attraction // <http://www.bfpe.org/en/serbian-russian-relations-scrutinizing-the-attraction/>. — Прим. авт.

² Serbia: Perspectives on Eurasian integration // http://www.ecfr.eu/article/essay_eurasian_integration_serbia. — Прим. авт.

Подводя итоги, можно сказать, что Сербии удается использовать связи с Россией как страховку в случаях напряженности в экономических отношениях с ЕС и время от времени даже получать от них выгоду, которая, однако, не приводит к устойчивым экономическим улучшениям. Последствия такой биполярной экономической политики в целом позитивные, по крайней мере на поверхности, хотя нет никаких доказательств, что одна из альтернатив (быстрое вступление в ЕС или даже в ТС) хуже. Кроме того, соглашение о свободной торговле с ТС прекращается после вступления в ЕС, и единственный способ сохранить статус-кво — откладывать вступление на максимально возможный срок, рискуя испортить экономические отношения с членами ЕС.

Молдавия

Молдавия — небольшая страна (3,6 млн человек) с низким подушевым ВВП (ВВП республики составляет 6,7 млрд долларов, на душу населения — всего 1800 долларов)¹, расположенная между Румынией, с которой она сильно исторически и этнически связана, и Украиной, с которой нет даже эффективного пограничного контроля². Экономическую статистику здесь трудно подсчитать корректно, так как часть территории находится под контролем властей Приднестровья — непризнанного государства с населением более 500 000 человек, из которых свыше 400 000 имеют молдавские паспорта.

Россия сильно влияет на молдавских политиков, используя ряд экономических и неэкономических способов воздействия, начиная с размещения 14-й армии в Приднестровье³ без разрешения Кишинева и постоянной угрозы аннексии этой

¹ The Observatory of Economic Complexity. Moldova // <http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/mda/>. — *Прим. авт.*

² Europe or Russia: Could Moldova's presidential election determine its future? — Russia Direct. — October 29, 2016 // <http://www.russia-direct.org/opinion/moldova-goes-polls-first-time-25-years>. — *Прим. авт.*

³ С 1995 года — Оперативная группа российских войск в Приднестровье. — *Прим. авт.*

территории, многократно озвученной высшими должностными лицами России вплоть до премьер-министра¹.

Тем не менее давление России не помешало Молдавии успешно провести переговоры с Евросоюзом и подписать договор о сотрудничестве, вступивший в силу летом 2016 года. Подписание соглашения об ассоциации с ЕС и создание Зоны углубленной и всеобъемлющей торговли (DCFTA) незамедлительно привело к недовольству со стороны России, которая применила к Молдавии санкции: были установлены ввозные пошлины и запрещен импорт ряда продуктов, изготовленных на территории страны.

Это был не первый раз, когда Россия решила наказать Молдавию за ее отношения с Европой. В 2003 году Молдавия отклонила проект федерализации, предложенный Москвой как часть «плана Козака»² по ситуации в Приднестровье (возможно, потому, что он предполагал военный контроль со стороны России до 2020 года). В то время республикой управляла не коалиция, одобряющая более тесные связи с ЕС, а коммунистическая партия во главе с Владимиром Ворониным, пришедшая к власти под лозунгом сближения с Россией и Союзным государством России и Белоруссии. Тем не менее Россия мгновенно среагировала, запретив импорт молдавских вин, тем самым значительно навредив молдавскому экспорту в Россию. В 2006 году эмбарго на поставки из Молдавии было расширено, а доля России в молдавском экспорте снизилась до 17% и составляла примерно половину того, что было в начале 2000-х.

С тех пор эта доля незначительно колебалась, и, по данным молдавского аналитического центра «Экспертная группа», спонсируемого Фондом Сороса³, в 2014 году Россия уступила

¹ Игорь Боцан: «Россия давит на Молдову, поддерживая Приднестровье и референдум в Гагаузии» // <http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=14795>. — *Прим. авт.*

² «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья. — Regnum // <https://regnum.ru/news/458547.html>. — *Прим. авт.*

³ Moldova and Russia: between trade relations and economic dependence. — Expert-grup. — April 2015 // http://www.expert-grup.org/ro/biblioteca/item/download/1348_10771108a3d22488655de8186bfbb918. — *Прим. авт.*

Румынии статус главного импортера молдавского экспорта¹. Доля экспорта в Россию составила 18,1% всего молдавского экспорта, однако, принимая во внимание высокую долю ре-экспорта в общем объеме экспорта в Россию (58% в 2014 году)², вывоз товаров внутреннего производства составил всего 12% от общих объемов произведенного в стране, то есть 2,3% ВВП Молдавии — достаточно много, но далеко не прежний уровень (10 лет назад эта доля достигала 10% ВВП Молдавии). В 2015 году доля России в экспорте Молдавии выросла до 21%, но доля экспорта товаров внутреннего производства осталась на прежнем уровне. В то же время абсолютное значение молдавского экспорта сократилось с почти 3 млрд долларов до 1,9 млрд в результате общего снижения спроса со стороны экономических партнеров, включая Румынию. С другой стороны, доля молдавского экспорта в Евросоюз превышает 45% и растет³.

Несмотря на то, что после подписания ассоциации о сотрудничестве наблюдается рост нескольких групп товаров в структуре молдавского экспорта в Евросоюз (в основном в Румынию, Италию, Германию и Польшу), очевидно, что не существует возможности замещения России как покупателя для большинства товаров, которые традиционно в нее экспортируются, — особенно сельскохозяйственной продукции, напитков, оптических приборов, текстиля, продукции атомного машиностроения, автомобильных запчастей. Вдобавок экспортируемые в Россию товары в основном производятся в отраслях с низкой производительностью труда и дают работу большому числу граждан, так что потеря такого экспортного потенциала выльется в ощутимые проблемы, включая массовые забастовки.

¹ Moldova Exports, Trading Economics // <http://www.tradingeconomics.com/moldova/exports>. — *Прим. авт.*

² Russia Prepares Economic Retaliation Over Moldova's EU Deal. — The Moscow Times. — July 16, 2014 // <https://themoscowtimes.com/articles/russia-prepares-economic-retaliation-over-moldovas-eu-deal-37402>. — *Прим. авт.*

³ Moldova: Trade Statistics. — globalEDGE // <http://globaledege.msu.edu/countries/moldova/tradestats>. — *Прим. авт.*

Одновременно с этим Молдавия является совершенно незначительным партнером по импорту для России, обеспечивая всего 0,1% российского импорта. Россия же — достаточно важный партнер для Молдавии с долей 13,5% от общего импорта в страну. Российский газ составляет 65% импорта из РФ в Молдавию. Эта доля в общем объеме импорта увеличилась вдвое за последние 10 лет. Если ее исключить, то доля импорта из России в общем объеме упадет до 6,5%. Доля импорта из Евросоюза превышает 35%¹.

Но несмотря на то, что торговые связи с ЕС намного плотнее, и на то, что Россия открыто поддерживает отделение Приднестровья и постоянно использует политику экономического унижения Молдавии с целью остановить ее движение в сторону ЕС, около половины граждан страны не думают, что выстраивание отношений с Евросоюзом соответствует их интересам. Многие молдаване чувствуют себя более привязанными к России. Гагаузия, южный регион с населением около 200 000 человек, отдала на референдуме предпочтение Таможенному союзу. Левые политические деятели Молдавии утверждают, что ЕС хочет потопить страну в долгах, чтобы ей пришлось воссоединиться с более состоятельным соседом — Румынией², восстановив тем самым «досоветский» геополитический порядок региона (имеется в виду период с 1918 по 1940 год, до присоединения Бессарабии к СССР). Ренато Усатый, лидер нового политического движения «Наша партия», заявил телеканалу «Аль-Джазира», что сделка с ЕС «подтолкнет страну к хаосу, с грохотом обрушив рынки местного производства». Он обвинил правительство в сотрудничестве с европейскими лидерами исключительно в целях защиты личных банковских счетов, которые, по его словам, молдавские чиновники держат в западных странах. По результатам опросов, молдаване расстроены и действиями России,

¹ Moldova Trade Statistics. — WITS // <http://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/MDA>. — *Прим. авт.*

² Will Moldova become a new flashpoint for Russia and Europe? — Russia Direct. — February 22, 2016 // <http://www.russia-direct.org/opinion/will-moldova-become-new-flashpoint-russia-and-europe>. — *Прим. авт.*

и действиями Запада, полагая, что ими манипулируют с обеих сторон.

В 2015 году Молдавия стала ареной массовых антиправительственных протестов, в которых принимали участие десятки тысяч человек. Все началось с государственной «кражи века», когда три молдавских банка, владевшие фондом социального страхования, где-то «потеряли» 1 млрд долларов. Годом позже глава Партии социалистов¹ Игорь Додон одержал победу на президентских выборах, пообещав прекратить действие соглашения об ассоциации с ЕС в обмен на разрешение со стороны России на экспорт сельскохозяйственной продукции в Таможенный союз.

Причина неснижающегося тяготения к России частично заключается в том, что Россия по-прежнему выступает движущей силой культуры Молдавии. По всей стране существует около 280 русских школ. Русская музыка и СМИ на русском языке наполняют радиоэфир, в российских компаниях работает по меньшей мере 200 000 человек, и многие молдаване трудятся в России как гастарбайтеры.

С другой стороны, процесс сближения с Евросоюзом, по видимому, был организован не так, как следовало бы. По мнению заместителя министра экономики Октавиана Калмыка, «процесс переговоров был настолько быстр, что провалилась коммуникация между национальным правительством и местными органами власти, предпринимателями и обычными гражданами». В то же время Румыния, другой центр притяжения молдаван, значительно изменила свои заявления при новом президенте Клаусе Йоханнисе. Политический акцент в Бухаресте смещается от пропаганды идеи «великого единения», как выразился бывший президент Румынии Траян Бэеску², к построению экономических связей не только с Молдавией,

¹ Party of Socialists of the Republic of Moldova // https://en.wikipedia.org/wiki/Party_of_Socialists_of_the_Republic_of_Moldova. — *Прим. авт.*

² Romania's Traian Basescu Survives Impeachment Vote. — BBC. — July 30, 2012 // <http://www.bbc.com/news/world-europe-19034173>. — *Прим. авт.*

но и с Приднестровьем. В этом Бухарест находится в определенной степени под влиянием Евросоюза, который на фоне конфликта в Донбассе и миграционного кризиса не заинтересован в эскалации другого противостояния вблизи границ.

Грузия

Страна с населением почти 5 млн человек, расположенная между Россией, Арменией, Азербайджаном и Турцией, имеет ВВП более 35 млрд долларов, но крайне низкие показатели внешней торговли: в 2015 году ее экспорт едва достиг 2,2 млрд долларов, что на 37% ниже уровня 2014 года, в то время как импорт заметно выше и составляет 7,7 млрд долларов¹. В Грузии сохраняется очень высокий уровень экономической дифференциации, безработица достигает почти 13%, огромная часть экономики — теневая. Согласно отчету Центра европейских политических исследований, подготовленному Майклом Эмерсоном и Тамарой Ковзиридзе², сельское хозяйство обеспечивает экономическую защиту и минимум доходов для очень большого числа безработных людей. Многие занятые в сельском хозяйстве являются индивидуальными фермерами, которым не хватает навыков и ресурсов для выхода на новый уровень продуктивности. В Грузии около 642 200 фермерских хозяйств. Доминируют небольшие, фрагментированные семейные фермы. Высокий уровень фрагментации сельскохозяйственных земельных угодий, которые в основном находятся в частном владении, затрудняет инвестиции, поскольку инвесторам приходится выкупать землю у одиночных держателей.

В то же время грузинскому сельскому хозяйству недостает квалифицированных кадров, капитала, доступа к службам

¹ European Commission. Georgia // http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_111507.pdf. — *Прим. авт.*

² Deepening EU-Georgian relations/Understanding the EU's Association Agreements and Deep and Comprehensive Free Trade Areas (DCFTAs) with Georgia, Moldova and Ukraine. — L., Brussel, 2016 // <https://www.ceps.eu/system/files/Georgia%20e-version%20with%20covers.pdf>. — *Прим. авт.*

ветеринарной помощи и защиты растений, а также складских помещений. Показатели продуктивности грузинского сельского хозяйства составляют меньше трети показателей развитых стран ЕС. В последние 15 лет Грузия импортировала значительную часть продовольствия¹, и, хотя доля импорта продуктов питания в общем импорте снижается, она по-прежнему составляет около 12%².

Такая зависимость от импорта провоцирует постоянный дефицит счета текущих операций³ (внешний дефицит счета текущих операций страны остается неизменно высоким, в 2015 году он достиг четырехлетнего максимума и составил 12% ВВП)⁴, угрожая стабильности самой страны. В последние годы импортозависимость компенсируется прямыми иностранными инвестициями, отчислениями грузинских граждан, работающих за границей, обесцениванием лари (национальной валюты) и в конечном итоге постепенным ростом государственного долга. В отчете S&P говорится: «Мы предполагаем, что увеличение государственного долга в 2017–2019 годах будет несколько больше, чем можно судить по общему дефициту бюджета, и составит около 3,5% ВВП. В основном это связано с прогнозируемым умеренным снижением курса лари, ведущим к инфляции долга, около 80% которого выражено в иностранной валюте. Тем не менее динамика соотношения долга к ВВП остается благоприятной, и мы ожидаем, что доля долга в экономике начнет снижаться после пика в 43% в 2018 году. По нашим

¹ Imports and Exports in Georgia. — Company Formation Georgia. — April 18, 2016 // <http://www.companyformationgeorgia.com/imports-and-exports-in-georgia>. — Прим. авт.

² EU Georgia Trade: Staying the Course. European Commission — Speech. — March 21, 2016 // http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/march/tradoc_154366.pdf. — Прим. авт.

³ World Data Atlas. Georgia Economy. — Knoema // <https://knoema.com/atlas/Georgia/topics/Economy/Balance-of-Payments-Capital-and-financial-account/Net-capital-account-BoP-current-USdollar>. — Прим. авт.

⁴ Georgia — Current account balance. — Index Mundi // <http://www.indexmundi.com/facts/georgia/indicator/BN.CAB.XOKA.CD>. — Прим. авт.

прогнозам, валовой общегосударственный долг вырастет только на 5% ВВП в 2010–2019 годах».

Такая ситуация предполагает значительные риски, особенно если реальный или номинальный рост ВВП окажется слабее, чем ожидалось. Есть и другие риски — скажем, риск одновременного снижения доходов бюджета в связи с введением так называемой эстонской модели, при которой налогами облагается не общая прибыль, а только распределенные корпоративные дивиденды. Эта схема должна быть введена с 2017 года¹.

За последние годы грузинский экспорт сократился², как и отчисления граждан, особенно из страдающей от рецессии России, где многие грузины живут и работают. Таким образом, прямые иностранные инвестиции становятся самым важным источником финансирования дефицита торгового баланса³. В 2013–2015 годах ПИИ покрывали четыре пятых дефицита счета текущих операций Грузии⁴. В особенности ПИИ были сосредоточены в энергетическом секторе, включая расширение Южно-Кавказского газопровода. По оценкам экспертов, только этот проект отвечал за 40% общего притока ПИИ в 2015 году. Накопленный запас притока ПИИ также остается существенным — на уровне примерно 150% от поступлений в счет текущих операций страны, что подвергает государство рискам в случае, если иностранные инвесторы решат уйти в связи с изменениями в бизнес-среде или ухудшением экономических прогнозов.

Неудивительно, что национальная экономическая политика Грузии (в отличие от молдавской или сербской) сконцентрирована не на расширении торговли, а скорее на привлечении

¹ На данный момент эта схема налогообложения действует. <https://sputnik-georgia.ru/economy/20170707/236550601/Jestonskaja-model-podarila-biznesmenam-Gruzii-50-millionov-dollarov.html>

² Georgia Trade Statistics. — WITS // <http://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/GEO>. — *Прим. авт.*

³ Balance Of Payments Of Georgia (IV Quarter 2014). — National bank of Georgia. — March 31, 2015 // <https://www.nbg.gov.ge/index.php?m=339&n&newsid=2663&lng=eng>. — *Прим. авт.*

⁴ Government Finance Statistics. — Geostat // http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=314&lang=eng. — *Прим. авт.*

прямых иностранных инвестиций. Европейские компании отвечают примерно за 50% всех прямых инвестиций в Грузию, осуществленных после 2010 года, что делает ЕС предпочтительным партнером для страны. Грузия постоянно пытается зафиксировать статус-кво, укрепив связи с ЕС, и уже стала участницей Соглашения об ассоциации, предварительно применявшегося с 1 сентября 2014 года и полностью вступившего в силу с 1 июля 2016 года. Евросоюз отвечает взаимностью: примерно треть импорта в Грузию поступает из ЕС, 29% экспорта направлено в ЕС¹, стране выделяется особая финансовая помощь (с 2014 по 2017 год планируется потратить в общей сложности €410 млн)².

Большинство граждан Грузии поддерживают прозападную политику правительства, что подтверждает репрезентативный опрос, проведенный Национальным демократическим институтом в марте 2016 года. Наблюдая движение постсоветской республики в сторону Запада, Россия, конечно, не бездействует. Главные ее интересы на Южном Кавказе связаны со стратегическим контролем региона и сдерживанием экспорта нефти и газа из Каспийского бассейна на запад через Закавказский энергетический коридор³. Экспансия РФ началась еще в 1990-е, когда российская компания «Итера» скупала газотранспортную инфраструктуру и перерабатывающие предприятия, будучи монопольным поставщиком газа в страну. Попытки местного правительства ограничить экспансию «Итеры», а затем «Газпрома» привели к карательным мерам, таким как повышение цены на газ и запреты экспорта газа в Грузию. Поскольку стратегия России всегда заключалась в расширении своего влияния

¹ The Observatory of Economic Complexity. Georgia // <http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/geo/>. — *Прим. авт.*

² Georgia's Top 10 Exports. — World's Top Exports. — January 1, 2017 // <http://www.worldstopexports.com/georgias-top-10-exports/>. — *Прим. авт.*

³ Eurasian Economic Union: Russia's New Foreign Policy in the South Caucasus. Working paper. — Maastricht School of Management. — August 2016 // <https://www.msm.nl/resources/uploads/2016/09/MSM-WP2016-1.pdf>. — *Прим. авт.*

и овладении существующей инфраструктурой без серьезных инвестиций, Грузии (которая в другой ситуации, возможно, была бы рада сотрудничать с Россией) пришлось искать партнеров, способных обеспечить приток ПИИ, жизненно необходимых для поддержания внешнеторгового баланса страны. 2003-й и 2006-й были годами наибольшей напряженности в отношениях с Россией в связи с такими попытками, которые привели к взаимным запретам и обмену угрозами. В 2006 году Россия заблокировала свой рынок для грузинской сельскохозяйственной продукции. В то же время «Газпром» удвоил цену на газ для Грузии до 110 долларов за тыс. куб. м и объявил о дальнейшем повышении до 230 долларов за тыс. куб. м в 2007 году, что было самой высокой ставкой среди всех постсоветских стран.

Грузия ответила очередной активной попыткой диверсифицировать импорт газа (на данный момент Грузия покрывает большую часть своей потребности в нефти и газе за счет импорта из Азербайджана; SOCAR, азербайджанская энергетическая компания, имеет крупные инвестиции в Грузии, а также обеспечивает энергию для всех регионов Грузии): В августе 2008 года война в Абхазии и Южной Осетии, казалось, поставила точку в развитии грузино-российских экономических отношений.

Европейские страны, в свою очередь, не торопились сближаться с Грузией. Несмотря на то, что на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году Грузии обещали членство в альянсе, желанный план действий по членству в НАТО она не получила. Безвизовый режим с Евросоюзом, который был важнейшей целью Грузии, предоставлен только в 2017 году — вопреки обещанию, заложенному в Соглашении об ассоциации с ЕС. Однако в грузинской истории появился новый игрок, причем выступил он так решительно, что России пришлось приостановить дальнейшие действия.

Транскаспийский международный транспортный маршрут, 4766-километровая часть Транспортного коридора Китай — Турция — Европа (ТРАСЕКА), — это китайский проект, в котором участвуют Китай, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Турция

и Украина. Этот маршрут полностью обходит Россию и эффективен в плане временных затрат для Китая, учитывая, что альтернативная Транссибирская железная дорога медленна и неэкономична. Финальный этап строительства железнодорожного участка от Ахалкалаки в Грузии до Карса в Турции¹ должен был быть завершен к концу 2016 года — и он близок к завершению², несмотря на то, что сроки не раз переносились. После окончания работ на этом участке Грузия станет важным транзитным узлом в транспортировке товаров из Китая, углеводородов из Средней Азии и с Кавказа, продовольственных товаров из Центральной Азии в Европу — и, конечно, в обратных поставках сложного оборудования.

Китай, по-видимому, счел Грузию важной для своей экспансии и упрощения торговли с ЕС и готов «жертвовать» средства на комплексное развитие региона. Пекин уже вовлечен в проекты в области здравоохранения и инфраструктуры, проявил интерес к проектам в горнодобывающей отрасли. Растет число работающих в Грузии китайских компаний, значительно увеличиваются китайско-грузинские ПИИ. Энергетическая компания CEEFC China показывает заинтересованность в инвестициях в Грузию. Корпорация Dongfang Electric обязалась вложить 200 млн долларов в строительство тепловой электростанции в регионе Ткибули. Китай официально объявляет о начале транспортировки своих грузов через морской порт Поти. Группа Hualing разрабатывает свободную индустриальную зону в Кутаиси, недалеко от проектируемого глубоководного морского порта Анаклия, который будет обрабатывать 40 млн тонн грузов в год. Этот порт, по словам китайских экспертов, играет ключевую роль в экономическом поясе Шелкового пути как транзитный узел на пути китайских товаров в Европу. Та же группа инвестировала в финансовый

¹ Железная дорога Баку — Тбилиси — Карс: ахалкалакский участок. — Jnews. — 19 мая 2016 года // <http://jnews.ge/?p=7837>. — *Прим. авт.*

² Участок железной дороги введен в эксплуатацию. <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20171031/237987294/Zheleznoj-doroga-Baku-Tbilisi-Kars-vygodna-dlja-Rossii.html>.

сектор, объединив Bank Republic и Basisbank и получив контрольный пакет акций и большинство голосов в наблюдательном совете нового банка. В 2014 году объем торговли между Грузией и Китаем достиг 0,96 млрд долларов, а китайские прямые нефинансовые инвестиции составили 0,53 млрд долларов, что сделало Китай четвертым по величине торговым партнером и третьим по величине иностранным инвестором Грузии.

После войны 2008 года Грузия вышла из СНГ и прекратила дипломатические отношения с Россией. Грузия, похоже, считает хорошие отношения с Китаем возможным противовесом российскому доминированию в регионе и полагается на Китай как на молчаливого защитника в реализации последовательной проевропейской политики. Однако китайское присутствие в Грузии хотя и растет, но остается довольно ограниченным, и Грузия продолжает придерживаться очень сбалансированной и прагматичной экономической стратегии. С 2012 года Тбилиси возобновил неформальные экономические и торговые отношения с Москвой и ведет переговоры о расширении сотрудничества во всех сферах, от энергетики до транспорта. В 2015 году был отмечен положительный сдвиг в планах Грузии в отношении импорта российского газа. Болезненные вопросы, среди которых членство в Таможенном союзе, не исключаются из обсуждения грузинскими чиновниками. Такое поведение (а возможно, влияние Китая) удивительным образом успокаивает российскую риторику; российские чиновники даже считают правящую партию «Грузинская мечта — Демократическая Грузия» пророссийской. В то же время очевидны ограничения, которые диктует реальная экономическая политика: например, вступление в Таможенный союз неизбежно приведет к расторжению соглашения о свободной торговле с Китаем, а этим достижением ни один грузинский политик не готов пожертвовать. Российское влияние на грузинскую экономику медленно, но верно ослабевает, а традиционный подход России, основанный на угрозах и подкупе, не вполне работает в случае с Грузией — вероятно, благодаря поддержке, которую страна получает от Китая.

Показательный пример этой эволюции — ситуация с грузинскими винами¹ и минеральной водой². Россия по-прежнему — потребитель №1 для Грузии, в основном из-за того, что большая часть грузинских вин делается из неизвестных в Европе сортов винограда³, а маркетинг новых вин грузинскими виноделами в Европе не налажен. Ценовой вопрос тоже играет немалую роль: грузинские и молдавские виноградники имеют меньшую урожайность на гектар, чем их западноевропейские конкуренты. Это отражается на ценах — так, на британском рынке грузинское саперави в среднем продается за 15,3 доллара, тогда как более известное французское каберне-совиньон стоит всего 9,07 доллара. Однако грузинские вина готовы идти на восток. Ожидается, что соглашение о свободной торговле между Грузией и Китаем вступит в силу к середине 2017 года⁴, освобождая грузинские вина от таможенной пошлины в 48,5%. Это должно обеспечить существенный толчок к увеличению постепенно растущего экспорта грузинских вин на китайский рынок. Подобный сценарий может серьезно повлиять на зависимость грузинских производителей от России. Россия и сама виновата в разрушении этих отношений: после объявления (с опозданием в 2 года) 20 июля 2016 года, что Грузия поддерживает расширение санкций ЕС против РФ, российская Государственная дума рекомендовала правительству снова запретить импорт грузинских вин и минеральных вод⁵.

¹ Russia Threatens Georgia With Renewed Trade War. — The Jamestown Foundation. — August 14, 2015 // <https://jamestown.org/program/russia-threatens-georgia-with-renewed-trade-war/>. — *Прим. авт.*

² Georgian wine exports and Russia's economic leverage. — The Central Asia-Caucasus ANALYST. — November 9, 2016 // <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13408-georgian-wine-exports-and-russia's-economic-leverage.html>. — *Прим. авт.*

³ Russia Hopes for Better Trade Relations with Georgia. — Georgia Today. — July 26, 2016 // <http://georgiatoday.ge/news/4320/Russia-Hopes-for-Better-Trade-Relations-with-Georgia>. — *Прим. авт.*

⁴ Соглашение вступило в силу. <https://tass.ru/ekonomika/4249936>.

⁵ Russian imports of Georgian wine skyrocket after ban is lifted. — Newsweek. — March 8, 2016 // <http://europe.newsweek.com/russian-imports-georgian-wine-skyrocket-after-lifted-ban-434698?rm=eu>. — *Прим. авт.*

С другой стороны, развивающиеся отношения Грузии с ЕС не приносят экономике Грузии серьезных улучшений или революционных изменений¹. Хотя общая структура грузинского экспорта значительно изменилась, это лишь результат существенного снижения экспорта в страны СНГ. Доля экспорта в ЕС в общем экспорте Грузии выросла с 20,9% в 2013 году до 29% в 2015-м, в то время как доля стран СНГ упала за тот же период с 55,5 до 38% в связи с крайне неблагоприятной экономической ситуацией на Украине и в России². Каких-либо заметных изменений в структуре экспорта после вступления в силу DCFTA (2014) не было. После предварительного вступления в силу DCFTA ни один новый продукт (кроме киви) не экспортировался на европейский рынок, в основном в связи с тем, что на данный момент грузинские продукты не отвечают требованиям к безопасности пищевых продуктов ЕС.

Грузии необходимо приблизиться к законодательству ЕС о санитарных и фитосанитарных (СФС) мерах для того, чтобы получить необходимое признание своей продукции со стороны европейских властей. Проблема заключается в ошеломляющем объеме бюрократической работы и необходимых изменениях производственных процессов: ЕС требует замены и последующего выполнения 101 правила безопасности пищевых продуктов, 84 ветеринарных стандартов и 87 стандартов в области защиты растений, что выглядит невероятным на фоне раздробленности сельского хозяйства Грузии.

Чиновники ЕС утверждают, что положительные последствия от DCFTA должны заметно проявиться в среднесрочной и долгосрочной перспективе, и ссылаются не только на прямой рост взаимной торговли, но и на возможность использования правил «диагонального аккумулярования» — определения происхождения товаров, производимых несколькими странами

¹ Georgia cozies up to Europe, what will Russia think? — Global Risk Insights. — July 4, 2016 // <http://globalriskinsights.com/2016/07/georgia-eu-russia/>. — Прим. авт.

² European Commission. Trade. Georgia // <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/georgia/>. — Прим. авт.

совместно, которые позволят Грузии увеличить объемы торговли с Турцией и другими странами. И снова вопрос в стандартах. DCFTA требует, чтобы Грузия приняла стандарты и законодательные принципы ЕС в течение 5 лет. По соглашению Грузия должна принять свод, состоящий из 25 000 европейских стандартов. Очевидно, что это огромная работа. Грузии также необходимо отменить любые противоречащие национальные стандарты, включая противоречащие европейским стандартам ГОСТ, что угрожает непрерывности производства многих товаров и требует крупных инвестиций. Среди последних дискуссий и официальных заявлений нет никаких намеков на то, что ЕС субсидирует Грузию на сумму, достаточную для введения подобных изменений.

Заключение

Приведенные выше примеры позволяют нам лучше понять процессы, протекающие в зоне между Евросоюзом и Таможенным союзом, и в том числе в отношениях со странами, которые находятся под их совместным влиянием.

Для таких стран характерны сильная историческая связь с Россией, большая доля русскоязычного населения, религиозная общность и культурное сходство, высокий уровень знания русского языка среди коренной национальности. Это обеспечивает безусловную лояльность по отношению к России и подрывает попытки убедить большинство населения однозначно обратиться к европейскому будущему. Более того, Россия публично представляет идею сближения с Евросоюзом как антироссийскую и противоречащую сотрудничеству с Таможенным союзом. Подобная риторика редко имеет экономические предпосылки; от такой враждебности Россия в целом теряет, но с ее стороны не происходит никакого переосмысления своей стратегии.

Существует значительная разница в подходах к неопределенным странам, которые применяют Россия и Евросоюз. Евросоюз настаивает на том, что более тесные отношения с неопределенными странами важны этим странам куда больше, чем ему самому. Он придерживается политики медленного

сближения, проводя широкомасштабную бюрократическую работу и требуя от присоединяемых стран пройти через существенные изменения без явного краткосрочного эффекта. Помимо безвизового въезда и туманной перспективы устроиться на работу внутри ЕС граждане неопределившихся государств не видят большого преимущества от ассоциации с Евросоюзом, которому не удалось в достаточной мере прорекламировать свои преимущества.

Вдобавок внутренняя структура власти неопределившихся стран часто напоминает российскую — начиная от коррупции, поддерживающей внутренний баланс сил и навязывающей свои правила игры, и заканчивая старыми ГОСТами, по которым работают предприятия. Эти проблемы и особенно масштабная торговля товарами, произведенными по местным нормам, с членами Таможенного союза заставляют элиты неопределившихся стран часто выступать в пользу ТС, невзирая на перспективы стратегических долгосрочных преимуществ от избрания европейского вектора.

Россия, в свою очередь, предлагает преимущества (свой безвизовый въезд, отсутствие таможенных пошлин, общий рынок труда), очевидные всему населению. Она ничего (кроме лояльности) не требует от высших слоев местного общества и позволяет им поддерживать выгодные для себя режимы. Российская тактика убеждения основывается на методе кнута и пряника, Россия не стесняется применять прямую угрозу экономических репрессий и даже военного вторжения, когда неподатливые страны не понимают своего счастья от сотрудничества с ней. В большинстве неопределившихся стран есть сепаратистские движения, существование которых так или иначе поддерживается Россией с целью усиления контроля за внутренней политикой таких государств (а Сербия — наглядный пример российского содействия центральной власти в борьбе с подобными движениями в обмен на лояльность правительства). Еще одна отличительная черта большинства таких стран — наличие непризнанных мировым сообществом территориальных образований, которым с момента возникновения явно (экономически, политически, а часто и в военном смысле) покровительствует

Россия. Как минимум в трех случаях на границе этих образований развернулась гражданская война, в которой участвовали российские вооруженные силы.

С другой стороны, Россия готова щедро отблагодарить за благосклонность к ней созданием благоприятных условий торговли, финансированием и поддержкой лояльных бизнесменов и политиков. Члены Таможенного союза и те, кто согласен присоединиться, получают долгосрочные кредиты без требования возврата и отправляют миллионы людей, чьи заработки составляют основную часть доходов их стран, работать в Россию. Все это приводит к более широкому, чем можно было бы ожидать, принятию политики РФ в одних странах (например, в Армении и Белоруссии) и резкому росту напряженности в других (например, в Молдавии).

Уникальный пример Грузии, где правящие элиты и большинство населения не поддерживают сближение с Россией, частично объясняется сделанными Россией ошибками, аналогичными тем, которые она совершила на Украине. В обоих случаях российские политики позволили «Газпрому» осуществлять независимую стратегию в отношении этих стран — очень недальновидную и очень самонадеянную, вызывающе высокомерную, с явной нехваткой «пряника» в проводимых действиях. «Газпром» фактически использовал технику экспансии, нарабатанную в начале 1990-х годов в российских регионах, где монопольное положение давало ему возможность захватывать производственные предприятия без всякого инвестирования, только за счет повышения цен на газ или перекрытия его поставки, а руководители региональных подразделений «Газпрома» становились местными королями, обрастая собственными бизнесами, созданными на базе обанкроченных структур. Такая стратегия не давала ни Грузии, ни Украине возможности решить собственные важнейшие проблемы и привела к попыткам найти более разумного партнера.

Тем не менее в случае с Грузией китайский фактор все же имеет первостепенное значение, и недавнее вовлечение Китая в происходящие события кардинально изменило расстановку сил. Можно ожидать, что влияние Китая будет расти и в других

неопределившихся государствах, там, где он будет видеть свои экономические интересы (как это происходит в Центральной Азии и даже в Казахстане, который уже стал действительным членом Таможенного союза). Китайская политика в отношении таких стран сочетает в себе европейскую мягкую силу и деликатность и российский стиль принятия местных особенностей и стандартов, готовность показать немедленную выгоду, прежде чем требовать чего-либо. Кроме того, хотя способность Китая защитить своих союзников от российских карательных действий до сих пор не была испытана, создается ощущение, что и власти РФ, и правящие элиты неопределившихся стран оценивают вероятность силовой поддержки от Китая гораздо выше, чем от Евросоюза. По крайней мере есть немало примеров того, как ЕС отказывался от своих обязательств, оставляя союзников в одиночестве под огнем — в прямом и переносном смысле слова.

Резюмируя, можно сказать, что перспективы более тесного сотрудничества неопределившихся стран как с Евросоюзом, так и с Таможенным союзом достаточно туманны — несмотря на то, что они были бы выгодны всем участникам, включая Россию. Тем не менее есть меры, которые Евросоюз мог бы предпринять для обеспечения более сбалансированной ситуации и более высокого уровня готовности к сотрудничеству со стороны России.

Во-первых, ему нужно сделать свои идеи яснее для населения неопределившихся стран и сместить акцент с далеких и неоднозначных выгод на те результаты, которые достаются сразу и легко: безвизовый режим, объединение рынков труда, удешевление европейских товаров, европейские инвестиции в местную экономику и так далее. Реклама преимуществ должна быть глубже и продуктивнее — здесь специалисты ЕС могут поучиться у своих российских коллег.

Во-вторых, если сближение с такими странами действительно входит в число интересов ЕС, стоит подумать о способах быстрого решения их насущных проблем вместо того, чтобы предлагать им далекие перспективы. Финансирование дефицита платежного баланса, инвестиции в инфраструктуру и медицину, субсидирование развития промышленных объектов с гарантией

выкупа готовой продукции — все это поможет элитам и населению почувствовать прогресс в развитии и необходимость конвергенции с Евросоюзом.

В-третьих, Евросоюзу следует задуматься о культурном влиянии: большое количество предложений для получения образования в странах ЕС, развитие связей между научно-исследовательскими институтами и спонсирование языковых программ должны сработать на сближение с Европой.

В-четвертых, необходимо наглядно продемонстрировать неопределившимся странам готовность Евросоюза к тесному сотрудничеству в ходе работы по ассоциации; показать, что ЕС будет защищать их интересы и компенсирует возможные убытки, возникающие из-за отдаления от других экономических держав.

В-пятых, ЕС может приступить к долгой и трудной работе с Россией и Таможенным союзом по разработке мер, компенсирующих потенциальный ущерб для российской экономики и экономики союзных стран от введения определенных элементов свободной торговли между союзами. Такие меры могут включать в себя инвестирование в российские промышленные предприятия, спонсирование изменения стандартов, совместные инфраструктурные проекты и даже компенсирующие платежи. Кроме того, некоторые меры позволили бы технически смягчить проблемы: например, Евросоюз может предложить России сохранить беспошлинный режим со странами, подписавшими Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA), исключительно в отношении товаров, производимых в этих странах в соответствии с российскими стандартами производства.

В-шестых, стоит посмотреть на Китай как на потенциальный катализатор конвергенции ряда государств в отношении ЕС — при условии активной позиции самого ЕС и его способности разработать трехстороннюю программу развития экономического взаимодействия между Китаем, этими государствами и собой. Похоже, что при такой структуре взаимодействия Китай легко может играть роль защитника интересов неприсоединившихся стран и его вклад позволит укрепить уверенность малых стран в безопасности сближения с ЕС.

В конечном счете члены ЕС должны развивать и поддерживать прагматичную стратегию очень постепенного сближения с самой Россией по новой программе — менее обширной и более реалистичной — вместо той, что была приостановлена несколько лет назад. Велик шанс, что политическая позиция России претерпит изменения и по мере уменьшения роли минеральных ресурсов в ее торговле и экономике будет становиться менее изоляционной. Но все же вероятность успеха в этом деле пока не ясна. Сторонники активных мер в Евросоюзе, желающие подготовить почву для будущей конвергенции с Таможенным союзом, могут только пробовать повлиять на процесс унификации качественных и технических стандартов, развивать институты по взаимной поддержке торговли, лоббировать конкретные соглашения, смягчать таможенные режимы для небольших групп товаров, которые органы управления Таможенным союзом считают первостепенно важными для их местных рынков, — и делать множество других частных шагов с небольшим, но не краткосрочным эффектом воздействия.

А был ли Брекзит?

Пока Евросоюз решал «восточные» проблемы — от Греции до России, Великобритания проголосовала на референдуме за выход из ЕС — благодаря невероятному зигзагу политических игр не слишком умных политиков, как часто бывает, замешенных на популизме и национальной обиде. Очень скоро оказалось, что в Соединенном Королевстве, вообще говоря, нет ни одной разумной силы, поддерживающей идею Брекзита; но величие демократии состоит в том, что воля народа священна, даже если она не настоящая. И вот уже 2 года весь политический истеблишмент страны делает все возможное, чтобы выполнить эту волю с минимальными потерями. Неудивительно, что Брюссель, оскорбленный позицией бриттов (действительно, чего им не хватало — валюта была своя, граница — своя, а свобода в проведении экономической политики у британцев была самой большой в ЕС), оказался не готов на уступки: хотите уходить — уходите, но по самому жесткому сценарию. Спустя 2 года договоренностей по Брекзиту все еще нет, и никто не понимает, какими они могут

быть. Хотя дата выхода Великобритании из Евросоюза неумолимо приближается (это март 2019 года, а пишу я эти слова в октябре 2018-20), основные усилия политиков направлены на создание «Брекзита без Брекзита» на переходный период, длина которого уже превышает 1,5 года — и это, видимо, не предел.

А вот что я писал о Брекзите непосредственно после референдума. (Статья была опубликована на сайте Московского центра Карнеги 29 июня 2016 года.) Еще не было известно, что лидеры движения за «выход» самым недостойным образом подставят друг друга, и новым премьером Британии будет остававшаяся в тени Тереза Мэй. Еще не выступал Садик Хан, предлагая повторный референдум. Еще Трамп не дезавуировал идеи всеобщего экономического партнерства. Я все еще думаю, что англичанам пригодилась бы моя статья, выйди она до, а не после события.

Именно британский философ Джордж Беркли (в реальности ирландский, но Ирландия была частью Соединенного Королевства, и этот факт тоже хорошо согласуется с его учением) считается если не родоначальником, то философским лидером направления субъективного идеализма, основной тезис которого — «все есть то, как мы это воспринимаем». Этот тезис, активно критикуемый множеством других философских школ и в целом отвергаемый в практической жизни, неожиданно оказался значительно более осмысленным в области политики и даже экономики. Демократия, неизбежно ведущая к признанию истинным мнения большинства, и рынки капитала, оценивающие активы согласно мнению большинства инвесторов, оказались равно безразличны к объективности и стали строить выводы и принимать решения исключительно на базе коллективного восприятия реальности — невзирая на факты и последствия.

История с Брекзитом стала очередным примером того, как функционирует современный демократический рыночный мир. Референдум, перевернувший представления многих политологов и экономистов о том, что такое западный демократический процесс, обладает всеми свойствами берклианского идеального объекта: его не хотел никто из тех, кто его организовал; в его

результат не верил никто из тех, кто ратовал за такой результат; агитаторы и за, и против искажали факты и нарушали законы логики чаще, чем говорили правду, а взаимные разоблачения с помощью новой лжи окончательно лишали голосующих возможности разобраться в вопросе; большинство голосующих и за, и против исходили из не вполне адекватных посылок, когда принимали решения; множество голосовавших принимали де-факто решения не о своей жизни, а о жизни следующих поколений; никто — ни голосовавшие, ни агитировавшие — не пытался просчитать побочных последствий референдума; наконец, результаты референдума воспринимаются сегодня большинством как вне юридического, так и вне исторического контекста; и вопреки распространенному мнению вряд ли они приведут к действиям, им соответствующим.

Ложь про ложь

Все началось с проблемы у Дэвида Кэмерона — в начале 2015 года он готовил свою партию к парламентским выборам и одновременно пытался защитить свою позицию лидера партии от наступающего на пятки Бориса Джонсона, который строил свою кампанию на идее выхода Британии из ЕС. Опросы показывали не только невозможность для консерваторов получить большинство (они его и прежде не имели, управляя страной с 2010 года в коалиции с либеральными демократами), но и большую вероятность потери части мандатов в пользу лейбористов и, как следствие, переход в оппозицию. В этой ситуации Кэмерон пошел на сделку с дьяволом: чтобы привлечь на свою сторону больше сторонников (и внутри партии, и вне ее), он пообещал провести референдум о выходе из состава ЕС, «если его партия победит на выборах». Победы этот ход, никак не соответствовавший личным убеждениям Кэмерона, принести не должен был, а вот сохранить нужное для образования коалиции количество голосов вполне мог. После выборов можно было поставить вопрос на голосование в парламенте и честно проиграть — референдум не был бы проведен или был бы отложен до того, как переговоры с ЕС о наиболее болезненных проблемах будут завершены.

Вопреки ожиданиям, консерваторы выиграли майские выборы, получив 330 мест (при необходимых для большинства 326). Вопреки ожиданиям, Кэмерон оказался перед необходимостью исполнять обещание. Все, что он мог сделать, — это максимально приблизить референдум, ориентируясь на текущее превышение числа сторонников сохранения членства в ЕС. И он сделал это. Референдум был назначен на середину 2016 года вместо середины 2017-го, как изначально планировалось.

С этого момента борьба за выход из ЕС фактически превратилась в средство борьбы за власть в Консервативной партии и за политическую популярность вне ее. По аналогии с детской игрой в царя горы лидера консерваторов атаковали все — и свои, и чужие. Единственным значимым оружием в их руках (ну не считать же таковым дискуссии по вопросу увеличения госдолга) была возможность критиковать позицию Кэмерона, ратовавшего за то, чтобы остаться в ЕС.

Агитационная кампания не просто разделила Британию на националистов и глобалистов. Пропаганда вбросила в информационное поле искаженные факты, прямую ложь, алогичные возражения и фактам и лжи, ложь про ложь противной стороны — и запутала всех. Сторонники выхода удвоили сумму, которую Британия вносит в кассу ЕС, — вместо реальной цифры 9,7 млрд фунтов в год они называли почти 19 млрд фунтов. Сторонники того, чтобы остаться, руками казначейства не только удвоили вероятный ущерб для ВВП от выхода, но и убедили общественное мнение путем легкой манипуляции словами, что речь идет не о меньшем на 6% росте ВВП в течение 13 лет, а о снижении ВВП на 6%, и, более того, что на эти же 6% снизится благосостояние каждой британской семьи.

Сторонники выхода пугали британцев необходимостью тратить на антикризисные меры слабых экономик стран — членов ЕС, вспоминая расходы Соединенного Королевства на спасение Ирландии и Португалии — всего 6,5 млрд евро. Они, однако, забывали не только то, что обе страны вернули выданные им Британией средства, но и то, что Британия в лице Кэмерона уже договорилась о своем неучастии во всех будущих выкупах — выхода из ЕС это не потребовало.

Агитаторы за то, чтобы остаться, предупреждали: выход грозит падением курса фунта и зарубежные товары станут дороже. Их противники говорили: падение курса фунта поможет английской экономике. Первое утверждение почти верно, однако практически не понимаемо большинством граждан — часто они даже не знают, что используют импортные товары или что в современной экономике невозможно заменить большую часть товаров на производимые у себя в стране. Второе утверждение спорно — оно не учитывает нефинансовые стороны конкуренции и одновременный с падением курса фунта рост экспортных издержек в связи с появлением таможенных ограничений.

Сторонники выхода активно требовали юридической независимости Британии. Европейские законы недемократичны, британский парламент 56 раз отказывался утверждать европейские законы на своей территории за последние 17 лет, однако 70% наших законов должны соответствовать требованиям ЕС, говорили они. В реальности парламент за то же время утвердил 2466 законов, соответствующих требованиям ЕС; Британия, оставаясь в ЕС, сохраняла полную налоговую и финансовую независимость, в качестве исключения имела неадаптированное трудовое законодательство и юридически зависела от ЕС только в области стандартов качества и безопасности. Парламентская комиссия оценила количество законов, которые должны соответствовать европейским нормам — в зависимости от методики расчетов оказалось, что их от 15 до 50% (противники выхода говорили про «менее 20%»). Но и это еще не истина — в подсчете и закон, регулирующий цвет помидоров первого сорта (должен соответствовать европейскому), и закон о реформе системы здравоохранения (не должен соответствовать) считаются одинаково, хотя их важность несоизмерима.

Но, конечно, основная борьба развернулась вокруг иммиграции. Борцы с ЕС упирали на рост количества иммигрантов из Восточной Европы, которые занимают рабочие места коренных британцев, а то и получают из бюджета пособия. Эта тема близка сердцу каждого простого англичанина, который считает, что платит слишком много налогов, и боится потерять работу из-за «польского сантехника». Именно тема иммиграции,

по мнению многих аналитиков, стала главной причиной, по которой победили сторонники выхода.

Между тем статистика говорит совсем о другом. В Великобритании проживают и частично работают чуть менее 3 млн граждан ЕС. Это около 5% населения. При этом более 1,2 млн урожденных британцев живут и частично работают в ЕС — сальдо составляет около 3% населения, величина, по демографическим меркам, малозаметная. В 2015 году чистый приток граждан ЕС в Великобританию составил 185 000 человек — 0,3% населения, и это был рекорд, возможно, вызванный опасением выхода страны из ЕС (надо сказать, что и противники, и сторонники выхода гарантировали тем, кто уже въехал в страну до фактического выхода из ЕС, возможность остаться, а референдум, естественно, таким выходом не будет). Большинство иммигрантов из ЕС — высококвалифицированные специалисты, в частности в британской медицине сегодня уже более 5% сотрудников — неграждане Британии с паспортами ЕС. На этом фоне идет активная иммиграция извне ЕС — в 2015 году 277 000 неграждан ЕС въехали в Соединенное Королевство, однако почему-то сторонники выхода не требуют ужесточения иммиграционных законов.

Наиболее спорным остается вопрос с пособиями. Утверждение евроскептиков, что «польские семьи едут в Великобританию за повышенным пособием», не соответствует данным по занятости: реально работают только 62% трудоспособных иммигрантов извне ЕС и 74% британцев, а процент работающих иммигрантов из ЕС превышает 78%.

Торговля и фермеры

Активной была и чисто экономическая дискуссия: сторонники выхода говорили, что с выходом ситуация для Великобритании мало изменится, и приводили в пример Норвегию и Канаду — не членов ЕС, из которых первая пользуется соглашением о свободном рынке, а вторая — специальным доступом на рынок ЕС в рамках Соглашения о привилегированном режиме торговли. Сторонники ЕС говорили, что расходы Норвегии на поддержание доступа сопоставимы с расходами

Британии на членство в ЕС и, кроме того, Норвегия поддерживает единый рынок труда. Канада же постоянно несет дополнительные расходы на доказательство канадского происхождения поставляемых в ЕС товаров — соглашение с Канадой запрещает транзитный экспорт.

Более того, почти 80% ВВП Британии составляет сектор услуг, а соглашения типа канадского вообще не регулируют эту часть экономики. В частности, английские банки не будут иметь возможности продавать свои продукты в ЕС. Долгие дебаты о товарообороте с ЕС свелись к спору о единицах измерения — евроскептики заявляли, что за последние 15 лет 27 стран, не входящие в ЕС, строили свою торговлю с ЕС успешнее, чем Великобритания, а еврооптимисты справедливо замечали, что их оппоненты используют цифры процентного роста, а не абсолютной величины торгового баланса, и сравнивать, например, Вьетнам, быстро растущий с нуля, с Великобританией, с огромным оборотом с ЕС, некорректно.

В случае выхода наиболее уязвимыми отраслями британской экономики будут сельское хозяйство, рыболовство и, как ни странно, наука. Входя в ЕС, Британия получает субсидии для фермеров — более 3 млрд фунтов ежегодно, в среднем 17 000 фунтов на фермера. Британские рыбаки имеют доступ к территориальным водам всего Европейского союза и активно этим пользуются. Хотя последствия исчезновения субсидий и ограничения территории добычи сложно оценить корректно, есть подозрения, что падение доходов фермеров, рост стоимости сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке и снижение количества рабочих мест в сельском хозяйстве и рыболовстве вызовут сокращение реальных располагаемых доходов бедных классов Британии. И это сокращение существенно превысит негативный эффект от конкуренции со стороны европейских иммигрантов.

Наконец, чистый приток средств в научные проекты со стороны ЕС в Британию превышает 3,4 млрд фунтов в год. Этот поток уменьшится с выходом из ЕС, хотя и не исчезнет совсем — в частности, членство Британии в ЕАДС не связано с членством в ЕС.

Но, что бы ни говорили сторонники и противники выхода из ЕС и что бы ни показывали результаты референдума, это не имеет большого значения. Референдум вопреки своей форме не отвечает ни на один вопрос.

Во-первых, все аргументы и за, и против более или менее бессмысленны, так как искусственно пытаются выделить «составляющую ЕС» из палитры экономических и политических отношений. Великобритании совершенно не обязательно быть Канадой или Норвегией — в случае выхода Лондон и Брюссель будут подписывать свои уникальные соглашения, которые, очевидно, учтут особенности обоих партнеров и сгладят негативные эффекты выхода, которые и так невелики. Уже сегодня консенсус-прогноз оценивает сокращение роста британской экономики при выходе в 3% за 13 лет (то есть 0,2% в год); легко предположить, что разумные переговоры с ЕС снизят эту цифру до 0,1–0,15% в год, величины существенно меньшей и волатильности ВВП Британии, и ошибки в прогнозе ВВП на год вперед.

Более того, продвигаемое США Трансатлантическое торговое-инвестиционное партнерство (переговоры об условиях которого идут в обстановке секретности), скорее всего, свяжет и ЕС, и Британию (вместе или порознь) настолько сильно, что нивелирует последствия выхода из ЕС. Вероятность достигнуть соглашения по ТТИР с выходом Британии из ЕС только возрастает — принцип «разделяй и властвуй» никто не отменял.

Наконец (и это ответ европаникерам, говорящим, что выход Британии из ЕС — это возвращение угрозы войны в Европе), Британия связана с Францией, Германией и другими странами ЕС не только через этот союз. Десятки прочных канатов — от НАТО и ЕСПЧ до Европейского космического агентства — будут удерживать страны вместе и частично заменять общие соглашения в рамках ЕС частными, не менее эффективными. И, конечно, все эти рассуждения не учитывают изменчивости рынков: за 50 лет Британия коренным образом поменяла большинство своих внутренних институтов (исключая парламент и монархию) и избавилась от большинства старых отраслей, построив множество новых. Как можно говорить об эффекте соглашения с ЕС в области, например, рынка труда на 15–20 лет

вперед, когда мы не знаем, как будет выглядеть этот рынок в условиях быстрого роста автоматизации и трансформации систем связи, обеспечивающих универсальный удаленный доступ, изменения источников энергии?

Во-вторых, и это намного важнее, де-факто не существует никакого решения о выходе Британии из ЕС. Демократия в Соединенном Королевстве родилась задолго до идеи народовластия, и всю полноту власти в стране имеет парламент, а не народ (ну и королева имеет право вето, но уже, кажется, 400 лет оно не использовалось). Судя по опросам, в парламенте большинство сегодня — сторонники того, чтобы остаться в ЕС. К ним можно причислить даже Бориса Джонсона, который на идее выхода может стать премьер-министром. Бывший претендент на лидерство в Британии, на которого теперь стремятся возложить всю ответственность за последствия референдума (лорд Хезелтайн уже заявил, что именно Джонсон должен вести переговоры с ЕС, иначе он уйдет от ответственности за их результат), не хочет привести страну своими действиями к рецессии, падению курса фунта, росту волатильности, сепаратистским действиям в Шотландии и Северной Ирландии и тотальному разочарованию избирателей.

В своей спешно опубликованной статье в *Telegraph* Борис Джонсон говорит буквально следующее: «Нельзя переоценить то, что Британия является частью Европы и всегда ею будет. Британские граждане всегда смогут ездить в Европу, работать там, жить там, учиться там, покупать недвижимость и оставаться там — и то же самое смогут европейцы в Британии, их права будут надежно защищены. Свободная торговля и доступ к единому рынку сохранятся». Вопрос, в чем именно будет тогда заключаться выход, никто не задает, потому что, похоже, он никого и не интересует. Джонсон даже не скрывает своих будущих политических аргументов. «Голосовавшие за выход не должны забывать, — говорит он, — что их победа совершенно не была внушительной».

Следующим аргументом Джонсона, видимо, будет ссылка на возрастное распределение голосовавших — в реальности референдум выиграла пожилые граждане, те, кто в силу

естественных причин вряд ли успеет насладиться его результатами. Молодежь, которой предстоит прожить всю жизнь вне или внутри ЕС, была против выхода. С большой вероятностью парламент не утвердит решение о выходе, сославшись не только на свое мнение, но и на слишком малый разрыв в голосах, по которому не определить истинное мнение нации. Возможно, впервые за 400 лет будет использовано королевское вето. Возможно, история останется открытой, парламент поручит правительству начать переговоры о выходе, которые могут идти сколь угодно долго, а на основании их результатов будет объявлен повторный референдум — по факту изменения обстоятельств. Недаром уже 3 млн подписей стоят под петицией о проведении повторного голосования.

Надо сказать, что повторный референдум — явление достаточно частое в Европе и ЕС. В 1992 году датчане отвергли на референдуме Маастрихтское соглашение, а в 1993-м — его приняли. В 2001 году Ирландия отвергла Nice Treaty, а в 2008-м — Лиссабонский пакет; в 2002 и 2009 годах соответственно оба результата были изменены на обратные. История ЕС знает еще семь негативных референдумов, и тем не менее все члены ЕС на местах. И да, разозленный Кэмерон говорит, что второго референдума не будет. Но уже к концу года этот вопрос будет решать не он.

Конечно, нельзя говорить о Брексите и оставить в стороне социальную и культурную составляющую вопроса. Вне зависимости от выхода Брекзит уже повлиял на рост национализма как в Британии, так и за ее пределами. Голосование за выход подтолкнуло изоляционистские настроения и в Англии, и в Шотландии (которая голосовала против и намерена бороться за право остаться в ЕС), и в Ирландии (которая оказывается в дважды двусмысленном положении: помимо очевидного вопроса Северной Ирландии, где уже сформировано католическое большинство и референдум о присоединении к южной части может пройти удачно, возникает вопрос о противоречии между членством Ирландии в ЕС и старым договором с Англией об общем рынке труда и товаров). Голосование за выход даст дополнительный толчок националистическим разговорам в других странах

ЕС — во Франции, Нидерландах, Германии, где сторонники идеи «мы кормим всю Европу» будут пытаться повторить успех соратников из Британии.

Все эти процессы (если не брать в расчет их отрицательную бытовую составляющую в виде драк с поляками и ирландцами в английской глубинке), скорее всего, будут благотворны для ЕС. Сейчас он медленно движется в сторону избыточной бюрократизации, сохраняя свою ригидную и половинчатую форму экономического союза, и явно нуждается в очевидной угрозе, чтобы интенсифицировать развитие. Скорее всего, ЕС выйдет из истории с Брекзитом более гибким и эффективным.

А пока Брекзит в очередной раз показал, что неопределенность в мире выше, чем полагают экономисты, особенно в период избытка денег и нулевых ставок. Эта неопределенность, конечно, будет негативно давить на рынки, но сегодня, в специфической ситуации, когда мировая стагнация вместе с огромными денежными балансами заставила все рынки кардинально недооценить экономические риски, она скорее благотворна, чем разрушительна: она станет причиной не крахов, а возвращения рынков к более здоровым ценовым уровням.

При этом не стоит ждать долгосрочных экономических и рыночных эффектов — первая реакция экономик и рынков всегда эмоциональная и дилетантская по сути. Как и писал Беркли, рынки принимают свое восприятие за реальность. Но Беркли также не забывал о существовании разума, который формирует восприятие объективно несуществующего мира. Пройдет немного времени, и коллективный разум политиков, банкиров и инвесторов сформирует новое восприятие Брекзита — значительно более спокойное. И рынки вернуться на прежние уровни — разумеется, только если другое, столь же иллюзорное событие, типа дефляции в Китае, не заставит их падать.

Триумф актера

Прошло менее полугода с момента голосования за Брекзит, и из-за океана лево-глобалистскому движению был нанесен новый удар — на выборах президента США победил актер, бизнесмен, лоббист,

эксцентричный наглец с простецкими манерами и чудовищным вкусом, прекрасный отец, человек, сделавший больше бескорыстного добра в своей жизни, чем любой чиновник в радиусе 100 миль от Капитолия, — Дональд Трамп. Истерика в левых кругах была (и остается) беспрецедентной. Пожалуй, впервые в истории страны оппозиция в США признала свою страну слабой, обвинив в победе Трампа внешние силы — в том числе «русских хакеров». С момента оглашения неожиданных результатов левые интеллектуалы в США предрекали Трампу полный провал в деятельности, быстрый импичмент, а США — страшный кризис. Реакция на победу Трампа в России была не менее идиотской — Государственная дума аплодировала известию стоя, очевидно, выражая свою уверенность в будущем пророссийском курсе нового президента.

Спустя полсрока правления Трампа и в преддверии новой избирательной кампании уже стало понятно, что, несмотря на масштабированный саботаж «на левом фланге», Дональд Трамп достойно справляется с ролью президента США. Экономика растет все быстрее, администрация президента сумела провести ряд крайне полезных изменений, включая налоговую реформу, позиция США по многим вопросам (от проблем миграции до местоположения посольства в Израиле) стала более внятной, последовательной и продуктивной; никакой «пророссийскости» в позиции Трампа не обнаружилось, напротив, позиция США и в отношениях с Россией стала жестче, четче и активнее. Республиканцы «на плечах» Трампа имеют хорошие шансы выиграть выборы в обе палаты конгресса в ближайшем ноябре, а Трамп вполне может быть переизбран на новый срок — ошеломленные и все еще кивающие на «русских хакеров» демократы не в состоянии пока выдвинуть достойного кандидата.

Вот что я писал непосредственно после выборов, 9 ноября 2016 года (когда многое было еще не понятно), для Republic.

Утро после выборов в США, которое уже успели окрестить «вторым 9/11», — как-никак сегодня 9 ноября, принесло нам отличную иллюстрацию разницы между понятиями вероятности и возможности. Случилось маловероятное событие — пресвитерианин (как и великие Рональд Рейган, Дуайт Эйзенхауэр и Теодор Рузвельт, но впервые за 32 года), бизнесмен

(второй в истории США кандидат в президенты — бизнесмен и первый — президент-бизнесмен), специалист по игорному бизнесу, конкурсам красоты, рестлингу и недвижимости (надо сказать, что все эти бизнесы пользуются в США у населения сомнительной репутацией), имевший большие проблемы с налоговой, переживавший банкротства (что мы знаем из сериала «Симпсоны») и 3 раза — бракосочетание, артист, 2 раза номинированный на премию Етту, человек, многократно продававший свое имя как бренд различным бизнесам, автор по-своему гениальной бизнес-идеи «я подаю в суд на банк, так как его требование вернуть кредит вредит моей деловой репутации», ведущий ТВ-шоу, шутник за гранью фола, демонстрирующий презрение к принятым в США нормам поведения, толерантности и равенству полов, жесткий критик НАТО, всемирной инициативы по борьбе с глобальным потеплением, идеи свободной торговли и конфронтации с Россией — стал президентом США.

Портрет избирателя

За Трампа проголосовали более взрослые (и пожилые), больше мужчин, чем женщин (53% мужчин за Трампа, 41% за Клинтон; у женщин соотношение 54 к 42 в пользу Клинтон), более обеспеченные американцы были склонны в большей степени голосовать за The Donald, чем за его демократическую соперницу. Если бы президента выбирали люди до 44 лет, Клинтон выиграла бы с большим отрывом. Если бы президента выбирали граждане с доходом до 50 000 долларов в год, результат был бы тем же самым. Тем более если бы президента выбирали женщины. Но все же 42% женщин проголосовали за Трампа, что заставляет нас по-новому взглянуть на менталитет американок — возможно, слухи об их феминизме несколько преувеличены и втайне им импонируют идеи нового президента в части приемов обхождения с женским полом.

Как это ни странно, исход голосования решили не самые богатые, которые могли бы быть за Трампа из-за обещанного снижения налогов, и совсем не самые бедные, которые могли бы купиться на обещания рабочих мест, «возвращенных» из Мексики,

а средний класс, которому ничего, кроме идей (идеи борьбы с бюрократией, идеи перемен, идеи возврата к исконным американским ценностям свободы и предпринимательства), от Трампа не перепадало. Отрыв Трампа от Клинтон в верхних частях пирамиды дохода составляет всего 1–2%, а вот избиратели с доходом от 50 000 до 100 000 долларов в год, которых в США 31%, отдали Трампу на 4% больше, чем его конкурентке. В связи с этим напрашивается довольно спекулятивный, но возможный вывод: Трампа поддержал американский бизнес (в основном малый и средний, его доля в ВВП более 51%, и работает в нем более 58% трудоспособного населения Америки).

Вторая неожиданность

Основной реакцией рынков на неожиданность стало увеличение волатильности, сперва сдвинувшее рынки, но быстро отпустившее их на привычные позиции. Уже к утру следующего дня (по Вашингтону) мировые рынки вернулись в свой обычный в последнее время режим — только мексиканский песо, в ужасе от идей Трампа построить на границе стену, упал на 10% и застыл на этом уровне. Правда, этот уровень песо мы видели последний раз в середине сентября, так что можно считать, что и мексиканский рынок не отреагировал на новость как-то особенно сильно. Ничего удивительного в этой, второй уже за один день неожиданности нет: крупные инвесторы хорошо знают, насколько мало может сделать президент США, даже если он не стесняется много обещать. Америка — надежная конструкция, и, по всей видимости, Трампу придется смириться с тем, что за время его пребывания в Овальном кабинете из всех его предвыборных демаршей продолжение получит только один — его друзья банкиры и инвесторы получают-таки сниженные налоговые ставки. Вообразить выход США из НАТО (а как же миллиардные заказы военного лобби?), НАФТА (а как же производство в Мексике для последующего экспорта по всему миру?), ВТО (а как же продавать свои товары и услуги?) или введение высокой пошлины на ввоз китайских товаров (а где же брать в долг?) крайне сложно. Крайне сложно, но можно, с учетом того же Брекзита

(результаты выборов уже называют Брекзит-2 и шутят, что англичане и американцы, по сути, все еще одна нация). Но даже если подобный процесс пойдет, он начнется с разработок законопроектов, обсуждения в комитетах, одобрения сенатом и конгрессом. Новый конгресс включает в себя 191 демократа. Достаточно им будет привлечь на свою сторону 27 республиканцев, и проект, внесенный президентом, будет заблокирован. Еще более шаткое преимущество у республиканцев в сенате. Скорее всего, проекты будут блокироваться, дорабатываться, возвращаться — рынки будут в курсе происходящего задолго до того, как реальные изменения произойдут, — зачем же волноваться сегодня?

Но если в экономике от нового президента пока не ждут ничего из ряда вон выходящего, то в социально-политическом плане победа Трампа дает нам очень много новой (или хорошо забытой старой) информации о США.

Американский народ снова показал, что демократия в США — это не фигура речи, прикрывающая сложные махинации загадочных элит. Публично дезавуирована иллюзия семейственности (Буш — Клинтон — Буш — ... — Клинтон), в которой плохие комментаторы пытались обвинять американскую политику. В большой степени мы можем предполагать, что призрак этой семейственности оттолкнул многих избирателей от Клинтон.

В очередной раз американцы продемонстрировали, что если они и поддаются на безответственную риторику, то по крайней мере все время на разную. Мысль привлечь избирателей из среднего класса идеей социального государства в США сегодня работает плохо — они предпочли государство возможностей и свободы (даже если это лишь очередная иллюзия). Социалистическая риторика, получающая (по крайней мере пока) полную поддержку в Европе и очень популярная в России, надоела американским избирателям так, что они готовы мириться с плохими манерами президента, лишь бы он не был популистом (Трамп же не популист, а демагог). В этом суть демократии — она не способна приводить к власти лидеров лучших, чем это получается у диктатур, зато отлично избавляет свои страны от худших. Нет сомнений, что если Трамп оправдает худшие

ожидания (что еще большой вопрос — все же Трамп является гениальным предпринимателем, прекрасно чувствующим, что надо обещать и что надо делать для своего успеха), то через 4 года на его месте будет другой президент, с большой вероятностью — демократ (если демократы смогут сделать выводы из поражения, правильно связав это со своим опасным увлечением социализацией и бюрократизацией государства).

Могло показаться, что американские толерантность и феминизм более декларативны, чем кажется — выбирая между хамом и мужским шовинистом с одной стороны и женщиной — с другой, 42% женщин выбрали хама и шовиниста; больше половины избирателей предпочли кандидата, известного агрессивной риторикой по отношению к мигрантам, кандидату, выступавшему с гипертолерантных позиций. При этом не надо забывать, что сам Трамп — личность крайне противоречивая с точки зрения своих убеждений. Достаточно сказать, что как пресвитерианин он является членом конфессии, признающей женщин-священников и регистрирующей однополые браки. Возможно, американцы оказались в состоянии увидеть за риторикой реальную позицию и предпочесть реальную толерантность толерантному лицемерию.

Можно заключить, что старая добрая Америка равных возможностей (предоставленных когда-то полковником Кольтом), свободы и консерватизма еще далеко не умерла. Вместе с тем победа Трампа сама по себе не означает факта серьезного изменения общественного мнения в США после 8 лет правления демократов. Избирательная система в США устроена так, что Трамп победил. Но Трампу далеко до победы по-русски (с результатом от 86 до 146%), на 18:00 московского времени 9 ноября за Клинтон отдано на 150 000 голосов больше, чем за Трампа. Достаточно было ему уступить Флориду и Пенсильванию (в обоих штатах он победил с отрывом в 1,5%), и он бы проиграл вчистую.

Цена слова

Такая победа Трампа на выборах должна поставить перед республиканским большинством крайне серьезные вопросы

относительно их дальнейшей политики: в то время как «поддержавшие» Трампа более обеспеченные слои населения выразили ему свою поддержку крайне скромно (голоса его сторонников в этой группе всего на 3% превысили количество голосов противников), относительно бедные слои населения, которых в США около 30%, отдали победу Клинтон со счетом примерно 51:42. Республиканцы оказываются перед практически нерешаемой задачей: не выполняя обещаний Трампа, они за 4 года потеряют поддержку радикально изоляционистски настроенных избирателей, верящих в «Америку без цветных», «Америку, которая сама себя обеспечивает» и «Америку, которой нет дела до остального мира». Пытаясь выполнить обещания Трампа, республиканцы рискуют увязнуть в процессах, которые будут вызывать нервную реакцию рынков, отток капитала из США, рост дефицита бюджета и государственного долга, возможно — вползание страны в новую рецессию и, как следствие, потерю тех избирателей, которые стремились видеть в Трампе актера, прячущего под маской агрессивного шовиниста стремление улучшить инвестиционные возможности и условия для ведения бизнеса в США.

Мало того. Через 4 года, на перевыборах, 5–7% избирателей из числа более пожилых в силу печальных, но естественных причин сменятся избирателями совсем молодыми, что, если Трампу не удастся привлечь на свою сторону новых сторонников, сильно уменьшит его шансы на переизбрание — молодые избиратели сегодня с большим перевесом отдали свои голоса демократам.

Похоже, 8 ноября 2016 года Соединенные Штаты Америки проголосовали не столько за 45-го президента страны, сколько за отказ от многолетнего курса социализации экономики. И республиканцам, и демократам придется принять этот социальный заказ. У них есть 4 года, чтобы подготовить своих кандидатов (скорее новых, чем старых) к новому дерби, пока потомок клана Маклаудов, выпускник военного интерната, актер, бизнесмен, ведущий ток-шоу и владелец огромного состояния в одном лице будет блюсти место президента.

Мы же в России, не получив от избрания Трампа ни значительных выгод (не стоит верить пропаганде — американские

правители прежде всего прагматичны), ни убытков, тем не менее можем сделать для себя существенные выводы. Коль скоро мы чуть что киваем на США со словами «а они тоже так делают», нам стоит осмыслить новую реальность: американцы сказали на выборах президента «нет» элитарному чиновнику, представителю интересов узкой группы политиков и члену «семьи», долго находившейся при власти, и отдали свои голоса крупному бизнесмену с сомнительной репутацией (по-русски — олигарху) — и Америка не рухнула. Я хотя бы из любопытства не отказался бы дожить до момента, когда россияне сделают аналогичный выбор, тем более что эпатажные бизнесмены, сами построившие свои состояния и бизнесы, прославившиеся весьма рискованными заявлениями, публичными акциями, участием в спортивных соревнованиях и прочими действиями, похожими на действия нового президента США, у нас есть. И не так важно, увлекаются они гольфом или велосипедным спортом.

Кому и зачем нужна война

Брекзит, Трамп, путинская Россия, политика Эрдогана, крах Венесуэлы, популисты в Бразилии и Италии — все это признаки изменения долгосрочного тренда. Маятник, уверенно летевший в сторону глобализации, интеграции, либеральных реформ и геозкономической повестки, видимо, дошел до точки локального максимума (это произошло сразу после 2008 года) и двинулся назад — в сторону «национальных интересов», протекционизма, «прав большинства», «сильных лидеров», политики ради политики. Помимо множества отличий, более или менее интересных историкам и экономистам, период «глобализации» отличался от предшествовавших периодов национальной конкуренции свойством, которое напрямую касалось каждого жителя Земли: наиболее частыми политическими событиями предыдущих периодов, событиями, перерывы между которыми были редки и удивительны на общем фоне, были войны; в период «глобализации» количество войн кардинально сократилось, их масштабы значительно уменьшились. С конца 80-х годов прошлого века в мире в военных конфликтах ежегодно погибало в 2–3 раза

меньше людей, чем в период 1960–1980-х годов, и в 5–6 раз меньше, чем после Второй мировой войны — и это при том, что население мира выросло всего за 50 лет в 2 раза. Конец периода глобализации угрожает возвратом к росту числа и жестокости военных конфликтов — и мы уже видим этот процесс на Ближнем Востоке. Роль войны в развитии человечества и ее экономические причины и последствия — тема печальная, но интересная. Мы в Фонде Карнеги затрагивали ее вскользь. Ниже — стенограмма одного из моих выступлений на эту тему (из организованной Фондом Егора Гайдара дискуссии «Экономика войны», прошедшей в феврале 2016 года).

В истории человечества война для непосредственно вовлеченных в конфликт сторон всегда была невыгодной игрой с отрицательной суммой. Война начинается, когда где-то что-то очень серьезно сломалось.

Причин для рационально (но, конечно, не этически) обоснованных войн немного. Прежде всего это глубокая уверенность одной из сторон в том, что у нее есть подавляющее превосходство. В истории «рациональные» войны практически на 100% представляли из себя войны расширяющихся империй против малых государств: империи действительно были (и остаются) «высшими» формами государств, они обладают значительно большим ресурсом и имеют возможность вести экспансионистскую политику. Но сегодня возможности для рациональной войны снизились почти до исчезновения, и не потому, что нет империй и малых государств. Во-первых, система международных отношений стала на порядок более сложной, и начало любой войны влияет на весь спектр взаимоотношений сторон с внешним миром. Империи вынуждены оглядываться друг на друга, учитывать вред, наносимый репутации, ущерб для товарных потоков и так далее. Кроме того, империи стали по-другому оценивать свои потери, ценность человеческой жизни стала для империй и членов развитых союзов несоотносимо выше, чем для малых государств. Сейчас развитая империя считает, что жизнь ста ее солдат намного ценнее жизни пары миллионов солдат малоразвитой страны, а временное

снижение ее валового продукта на доли процента не стоит завоевания даже богатой колонии.

Существуют, конечно, ситуации «плохой игры», в которых война, безусловно, приносящая ущерб, становится средством защиты от ущерба еще большего — реального или мнимого. В частности, классический пример — это начало Великой Отечественной войны. Тотальное недоверие между двумя диктаторами привело к уверенности Гитлера в том, что Сталин начнет войну. Поэтому почти безнадежное начало боевых действий против Советского Союза было для Германии меньшим риском, ведь позиции СССР укреплялись, он мог вскоре развязать конфликт, и Германия бы точно проиграла.

Иногда войны возникают там, где стороны по-разному оценивают свои возможные выигрыши и потери, и война представляет собой просто наиболее легко достижимый вариант «размена фигур». Страны с большим населением и малой территорией могут втянуться в войну с соседом, обладающим лишней территорией: агрессору не так важны людские потери, в то время как сосед не так дорожит землей, но не может отдать ее без боя, чтобы не потерять лицо (в первую очередь внутри страны).

Конечно, серьезной причиной многих войн становится агентский конфликт, ситуация, когда какая-то страата или элита внутри общества получает от войны преимущества, в то время как общество в целом проигрывает. Так, в русско-украинском конфликте с обеих сторон существовал и продолжает существовать целый набор агентов влияния, зарабатывающих на войне: от неизвестного Кости Малофеева как индивидуального агента со стороны России до групп силовиков с обеих сторон. Интересы «агентов» могут быть весьма разнообразными — у бизнеса, осуществляющего поставки на фронт, это заработки; у компаний, конкурирующих с оппонентами по ту сторону фронта, — расчет на уничтожение конкурентов; у власти страны-агрессора — способ поднять свой рейтинг; у власти страны-жертвы — способ списать на войну свои просчеты, коррупцию, пассивность; у оппозиции — способ ослабить власть и попытаться добиться изменений в стране. В определенных ситуациях война — это способ канализировать агрессию, накапливающуюся в обществе (и тем

самым снизить риски вне театра военных действий), а также выявить и изолировать (и частично — ликвидировать) маргинальную часть общества, склонную и стремящуюся к насилию. Классический пример агентского влияния — это так называемые войны отчаяния, когда элита или правящая группа развязывает конфликт для удержания власти.

Как и в любой игре, в политике можно попасть в ситуацию, называемую *rat trap* — это коридор, в котором уже невозможно развернуться и отыграть назад, каждое ваше действие в нем вроде бы рационально и соответствует ситуации, но их последовательность ведет к катастрофе, например — к войне. Стороны втягиваются в ситуацию, выход из которой на каждом этапе стоит дороже входа еще глубже. Классический пример — нагнетание ненависти внутри общества к внешнему источнику проблем. В какой-то момент социум проскакивает грань невозврата, и власть уже не в состоянии удерживать ситуацию, потому что народ требует войны.

Бенефициары войны

В современном мире к войнам приводит прежде всего влияние внешних бенефициаров — третьих лиц, находящихся вне пространства и процесса войны. Эти «бенефициары» могут способствовать развязыванию такой прокси-войны путем финансирования готовых к ней сил, ведения пропаганды войны, создания условий для возникновения или для невозможности предотвращения конфликта. Нередко эти «бенефициары» не имеют целью возникновение войны — просто их действия в своих интересах приводят к войне как к побочному эффекту. Чаще всего это случается, когда срабатывают гигантские имперские или международные бюрократические машины, принимающие решения, непосредственно влияющие на жизнь целых регионов, без учета реальной картины, местных условий и специфики.

Но очень часто в действиях «бенефициаров войны» четко прослеживаются мотивы. Основных мотивов несколько.

Первый, чаще всего встречающийся у государств и бизнес-структур, — это ослабление сторон конфликта, усиление

их зависимости, расчистка рынка для своих компаний. Сходный мотив — защита внешними силами своих интересов внутри участников конфликта «не своими» руками.

Достаточно частый мотив провокации прокси-войны — повышение рисков в регионе. Высокая маржа появляется только там, где есть высокие риски. Существуют силы, специализирующиеся на высокомаржинальных бизнесах, умеющие работать в зонах военных действий, регионах нестабильности, зарабатывающие на нелегальном трафике. Им нужны пространства для создания товара и пути его доставки — и не нужны конкуренты, которые могут работать более эффективно, но требуют низких рисков.

Война может быть и способом увеличить сбыт своих товаров — как физически, так и в качестве средства маркетинга своей продукции. Наличие войн необходимо для производителей вооружения как с точки зрения увеличения спроса на свой товар напрямую, так и косвенно: чем больше войн, тем больше риска, тем больше вооружаются страны. На локальные войны съезжается большое количество экспертов из разных стран, чтобы посмотреть, как работают новые системы оружия. Очень часто они осуществляют поставки на театр военных действий бесплатно или по очень низким ценам для проверки этих технологий, что позволяет лучше их продавать или адаптировать.

Кроме того, война может изменить соотношение сил и ценовую ситуацию на определенном рынке. Война в проливе перекрывает движение товаров через пролив; война в регионе затрудняет экспорт из региона. Вам нужно поднять цену на нефть? Устройте войну в Персидском заливе.

Если вовлеченное население в войне проигрывает всегда, то внешние «бенефициары» в самом худшем сценарии теряют не так много. Это делает прокси-войны очень живучими, а борьбу с ними — затруднительной.

В каких случаях война невозможна

Главный противник войн в современном мире — рост доли внешней торговли. Война, как показывает история, никогда не начинается, если страны добиваются превышения определенного

уровня внешней торговли между собой. В частности, поэтому есть надежда, что Россия с ЕС никогда не вступят в вооруженный конфликт.

Рост индивидуального благосостояния — другой барьер. Исторически вероятность войны между странами обратно пропорциональна произведению квадратов благосостояния граждан в этих странах. Хороший способ избежать вооруженного конфликта — стимулировать рост материального благополучия граждан.

Еще один барьер — это частая сменяемость «внутренних агентов» и открытость информации об их интересах. Существует очень четкая связь между средним количеством лет пребывания у власти одной группы и количеством войн, в которых принимает участие страна. Чем короче этот срок, тем меньше конфликтов. Здесь важно оговориться, что понимать под частой сменой агентов. В США сменяемость вроде как чрезвычайно быстрая, но войн ведется сравнительно много, потому что двухпартийная система крайне сильно ограничивает их общее число. В Европе партий обычно больше, и сменяемость таким образом лучше, в результате войн ведется существенно меньше.

Кроме того, очень серьезным препятствием для войны становится вхождение страны в военный союз. Государства, входящие в военные блоки, редко воюют — обязательства по блоку требуют достижения договоренности о начале войны, что сложно сделать, имея в виду интересы других участников блока; внешняя же агрессия на страну, за спиной которой стоят партнеры по блоку, менее вероятна.

Какие формы будет принимать война

С ростом «производительности» военной техники и развитием автономных вооружений в развитых странах постепенно падает цена войны, достигшая пика на волне гуманизации во второй половине XX века. Для цивилизованного мира беспилотник или крылатая ракета намного менее ценны, чем рядовой Райан. Поэтому, с одной стороны, есть тенденция к увеличению вероятности войн между империями и малыми странами, потому что

для империй ставки начинают падать — можно просто послать куда-нибудь много ракет и посмотреть, что получится. С другой стороны, это же превращает войны в абсолютно другой тип противостояния — в так называемое нелетальное противостояние или диверсионные войны, гибридные войны, которые мы сейчас наблюдаем. В их ходе нет контуров фронтов, и не всегда понятно, кто с кем воюет, а количество жертв с обеих сторон сильно ниже, чем раньше.

Большое количество войн в мире происходило из-за так называемой петроагрессии, когда страны накапливали излишки материальных и финансовых ресурсов в связи с интенсивным экспортом полезных ископаемых. Но долгосрочная ценность минеральных ресурсов постепенно падает. Поэтому, скорее всего, количество таких войн сократится, страны перейдут к другим, невоенным методам взаимодействия.

Еще один существенный фактор, который будет сокращать количество войн, это быстрый рост инноваций, ведущий к быстрой смене конкурентных преимуществ. Каждые 10 лет появляется новая палитра возможностей. Война — дело медленное, и воевать становится глупо, потому что, пока ты это делал, поменялась конкурентная ситуация, и твои военные успехи становятся бессмысленными — воевать надо было в другом месте и за другое.

Однако будет расти доля войн отчаяния, когда дестабилизация ситуации в государстве приводит к войне с соседней державой. В особенности это касается регионов, где существует сырьевая рента и низкий подушевой ВВП. В так называемом красном квадрате (от нуля до 6000 долларов подушевого ВВП и от 5 до 12% доли сырьевой ренты в ВВП) все время происходят войны и цветные революции.

Поскольку увеличивается количество непобедимых блоков, в центре которых находятся ядерные державы, вероятность масштабных конфликтов будет последовательно падать. Геоэкономические же войны и санкции, которые действительно могут быть страшнее бомб для национальных экономик, станут выходить на первый план. Как можно видеть по ситуации с Ираном, даже не очень серьезные ограничения способны заставить страну изменить свое поведение.

**Часть
ВОСЬМАЯ**

Ресурсы и власть

**РЕСУРСЫ РАЗДОРА
ЭКОНОМИКА ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ:
КАК СНИЖЕНИЕ СЫРЬЕВЫХ ДОХОДОВ
РАЗРУШАЕТ ДИКТАТУРЫ
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ
ЧЕРНОЕ ЗЛО**

315

Та самая, первая моя статья не по теме «куда инвестировать», родилась, как я уже писал, из желания обобщить общеизвестный парадокс (его называют paradox of plenty): зачастую страна, богатая ресурсами, развивается хуже, чем страна бедная, — вне зависимости от типа власти или внешних обстоятельств. По мере того, как я изучал вопрос, оказалось, что широта его приложения огромна: дети богатых родителей менее успешны, чем дети бедных; страны, лишённые конкуренции, деградируют, хотя, казалось бы, должны развиваться; естественные преимущества могут выдвинуть компанию в лидеры, но они же делают ее нежизнеспособной. За каждой катастрофой империи, крупного государства или компании стоит пресыщенность ресурсом, потеря способности изменяться и приспосабливаться, обрастание жиром и — атака голодного, более быстрого, гибкого и готового сражаться за ресурс конкурента. Тема ресурсного проклятия — одна из самых важных в XXI веке. Слишком много перекосов в мировой экономике связано с обладанием ресурсами, и это не только нефть, ломающая экономику десятка стран, в том числе России. Для Китая это дешёвый труд, именно дешёвый (а время его дешёвизны подходит к концу) — труд, конкурентно оплачиваемый, не является рентным ресурсом. Для США это роль доллара как мировой валюты номер один; для Сингапура — географическое положение и так далее. Изменения стоимостей ресурсов в XXI веке будут идти быстро и, как и раньше, будут вызывать кризисы и даже крахи компаний и государств.

Моя следующая книга будет именно об этом — и начинаться она будет как раз с главы про гибель Киевской Руси. Вот так я пытался объяснить суть явления уже в современном мире в статье на РБК 24 декабря 2015 года.

Ресурсы раздора

Книга Джеффа Колгана «Петроагрессия: Когда нефть вызывает войну» (*Petro-aggression: When oil causes war*) вышла в 2013 году и тут же стала крайне популярной. Она анализирует страны, добывающие нефть в объемах, формирующих более 10% их ВВП, с точки зрения стабильности, агрессивности (частоты военных конфликтов) и вероятности гражданских войн.

Хотя книга подробно исследует общие тенденции и частные случаи (целые разделы посвящены Ирану, Ираку, Ливии, Саудовской Аравии и Венесуэле), а автор использует сложные математические методы, выводы разочаровывают: Колган фактически признает, что невозможно однозначно связать уровень агрессивности государства с наличием существенной доли нефти в ВВП. Режимы в таких петрогосударствах¹ в целом стабильнее, чем в тоталитарных странах без ресурсной базы, но в то же время гражданские войны в них происходят чаще. Скорее всего, делает вывод автор, наличие нефти усиливает агрессию и так агрессивных режимов, в первую очередь пришедших к власти в результате революции.

Смазанность выводов неудивительна. Автор смешивает несколько совершенно разных явлений — например, войны с участием петрогосударств не из-за нефти и войны из-за нефти. Он не учитывает ни разницу в экономической базе и уровне развития институтов в разных петрогосударствах, ни долю нефти в ВВП. Также не удается автору отдельно учесть «внешнее влияние» на петрогосударства, в частности действия США и других развитых стран «по установлению демократии»: такие военные действия не связаны с поведением самих петрогосударств. В расчет не берется и «время жизни» петрогосударства.

Возможно, яснее ситуация станет, если попытаться разобраться в ней не с помощью регрессий, а исходя из фундаментальных экономических законов и механизмов.

¹ Петрогосударства (от *petroleum*, нефть) — богатые нефтью страны с сильно коррумпированными государственными институтами, неэффективным частным сектором и технологически отсталой промышленностью. — *Прим. ред.*

Государства с существенной долей ренты в экономике отличаются прежде всего значительными дополнительными доходами, не связанными с трудом больших масс населения и потому легко консолидируемыми в руках элиты или тоталитарной власти. Это ведет к резкому росту вероятности формирования авторитарных или авторитарных режимов и внутриэлитного конфликта за контроль рентных ресурсов. Исключение составляют страны, в которых демократические институты развились и укрепились задолго до формирования рентной экономики. Как показывает практика, таким странам (в них входят Норвегия, Канада, Австралия и так далее) не угрожает тоталитаризация: развитые институты гражданского общества воздействуют на государство сильнее рентных доходов.

В рентных государствах власти и/или контролирующая элита располагают дополнительными ресурсами разного объема в зависимости от того, какова доля ренты и каков подушевой ВВП в стране. Эти дополнительные ресурсы используются властью (элитой) в своих интересах, в первую очередь для укрепления собственной власти, не в последнюю очередь — через распределение части ренты силовым структурам для их развития и обеспечения лояльности, а также населению — для поддержания такого уровня жизни, который снизит протестные настроения. В таком государстве, конечно, есть и оппозиция, и недовольные массы населения. Но и оппозиционные элиты, и само население всегда стоят перед выбором — бороться за смену власти и встретить отпор «прикормленных» силовиков, а в случае победы получить годы кризиса переходного периода и, возможно, новую власть, которая будет не лучше предыдущей, или согласиться с имеющейся властью — благо голода в стране нет. Как показывает практика, чем выше доля ренты и сам ВВП на человека, тем одновременно выше возможности власти «покупать» силовые структуры и коррумпировать оппозицию: в условиях относительно высокого ВВП на человека и большой ренты население может слишком много потерять от нестабильности, которая создается в процессе смены власти.

Именно поэтому страны, где очень высока доля ренты (Саудовская Аравия, Азербайджан после конца 1990-х, Кувейт,

Россия до 2014 года и так далее) так стабильны. С другой стороны, страны, уровень ренты в которых ниже и сам ВВП меньше, испытывают постоянный стресс: властям не хватает средств на «умиротворение» народа и оппозиции, силовые структуры, не получая достаточного финансирования, стремятся играть в свою игру, а соблазн побороться за контроль над рентой уже достаточно велик.

Похоже, что важное значение имеет также изменение доли ренты и ВВП во времени. Страны, у которых ВВП и доля ренты в нем растут, выглядят существенно более стабильными, чем страны, у которых они падают. Это неудивительно: субъективное ощущение доходов и рисков всегда сравнительно по характеру, и в процессе падения ренты и ВВП и оппозиция, и население значительно легче приходят к выводу, что им «нечего терять». Так же неудивительно, что страны, в которых доля ренты падает, а сам ВВП растет, куда более стабильны: рост в этой ситуации свидетельствует о нересурсном развитии, которое отвлекает значительные силы и энергию и населения, и оппозиции.

Отдельно стоит обсудить связь ресурсов (в первую очередь нефти) и внешних конфликтов. Нефть была — и все еще остается — стратегическим сырьем, конфликты за обладание которым не редкость. С 70-х годов прошлого века, по разным оценкам, от 25 до 50% всех войн в мире имело причиной вопросы контроля нефтяных ресурсов либо стало возможным благодаря использованию нефтяных доходов. Например, Колган выделяет восемь видов инспирированных нефтяными доходами конфликтов, в том числе просто войны за ресурсы, войны, вызванные возможностью рентных режимов выделять средства на финансирование выгодных им по тем или иным причинам милитаризованных сил вне границ петрогосударств или на собственную агрессию, и даже войны, обусловленные существенными изменениями демографии (например, когда приток мигрантов в богатые петрогосударства создает в них базу для формирования экстремистских групп).

Наблюдения показывают, что, когда рентные доходы стабильны, государства редко склонны проявлять агрессию (в конце

концов, если в течение многих лет показатели твоей экономики не меняются, то почему твое поведение должно меняться?).

Агрессия появляется в двух случаях: в первом при достаточном росте рентных доходов появляются бюджетные «излишки», власть гиперцентрализуется, и возникает эйфория, способствующая стремлению решать вопросы простым и быстрым путем, с использованием экстраприбылей и недорогого в условиях рентной экономики ресурса — человеческих жизней.

Например, в истории Аргентины есть только один период, когда доля нефтяной ренты в ВВП превышает 4%, — это 1978–1985 годы. С 1979 года готовилась и в 1982 году разразилась война за Фолкленды.

Второй случай — обратный: агрессия возникает отчасти как выход из состояния фрустрации власти, отчасти как способ отвлечь население и еще больше централизовать власть в своих руках при резком падении ренты. Значительное (в 2 раза) падение доли ренты в ВВП Ирана и Ирака в 1980–1981 годах совпадает с началом войны между ними. Падение ренты в ВВП до 8,7% у Ирака в 1990 году предшествует вторжению в Кувейт. Война России с Грузией происходит на фоне падения нефтяных цен и резкого снижения и доли ренты в ВВП и самого ВВП у России. Кстати, российская гибридная война с Украиной начинается как раз в момент роста ренты и ВВП, и окружающая ее риторика удивительно похожа на риторику в Аргентине времен Фолклендской войны. А вот война в Сирии — это уже война на падении ренты, попытка отвлечь общество и консолидировать власть.

Наконец, роль минеральных ресурсов, а значит, ренты в узком смысле этого слова, в экономике меняется — и циклически, и поступательно, с каждым циклом снижаясь. Цена на нефть существенно снизилась, и перспектив ее роста не просматривается¹. Через некоторое время утихнут войны, вызванные шоком

¹ Вот тут я оказался не прав — нефть в 2018 году выросла до 80 долларов за баррель. Это, конечно, не 120 долларов 2013 года, но достаточно высокая цена для России, чтобы продолжать вести войны на нескольких фронтах. — *Прим. авт.*

петрогосударств и их попыткой решить свои проблемы через агрессию. Пройдет новая волна цветных революций в странах, которые снижают цены на нефть выбросит внутрь рокового прямоугольника нестабильности. А затем у мира есть шанс стать более мирным и стабильным: снижающаяся роль ресурсов в экономике делает квалифицированный труд (именно квалифицированный, это важное замечание) все более существенным фактором, мир — все более важным для экономического процветания, а демократическую форму правления — самой эффективной и востребованной на все большей части земного шара. Пожалуй, только высокая доля ренты в ВВП при отсутствии институтов гражданского общества сегодня будет значимым фактором, препятствующим установлению демократий в странах мира. «Демократии между собой не воюют», — писали Лоуренс Каплан и Уильям Кристол и, кажется, были правы.

Экономика цветных революций: как снижение сырьевых доходов разрушает диктатуры

Оказывается, с долей ренты в ВВП можно связать не только внешне агрессивную политику государств, но и выбросы внутренней агрессии — цветные революции, которых так боится власть в современной России. Увы для нее — от цветных революций защищает не ОМОН, не национальная гвардия и не вооруженная до зубов армия. Защититься от них можно, только меняя структуру экономики. Как именно — я писал в статье, опубликованной в Forbes 29 октября 2015 года.

Цветные революции последних лет можно оценивать по-разному — и как скачок вперед в развитии переживших их государств, и как потерю этими государствами стабильности и откат назад. Но в цветных революциях интересно не то, что происходит внутри страны (все революции немного похожи друг на друга), а тот резонанс, который они вызвали в мире. Пожалуй, ни одно геополитическое явление в последнее время не вызывало столько эмоций, среди которых доминирует страх

автаркических лидеров и диктаторов — будто они чувствуют, что ящик Пандоры открылся по их душу.

С одной стороны, это странно — в мире постоянно происходит смена власти, беспорядки и восстания, и ничего нового последние годы не принесли. С другой — диктаторов можно понять.

На первый взгляд единственное, что связывает Египет, Тунис, Сирию и — вдруг — Украину, это авторитарный режим, подавлявший оппозицию и интегрировавший политическую власть и личное обогащение элиты в неразрывный процесс.

Поддаваясь естественному психологическому желанию найти виновных вовне, сторонники авторитарных режимов винят в череде революций внешние силы, обычно США, в риторике политических лидеров которых действительно часто встречаются призывы к «экспорту демократии». Однако (в отличие, скажем, от Ирака и Ливии) Штаты явно не вмешивались в ситуацию в странах цветных революций, а если бы встречи с оппозицией, гранты правозащитникам и «печенья» на площадях действительно могли менять правящие режимы, то волна цветных революций не ограничилась бы четырьмя жертвами, захлестнув минимум полмира — США активно сотрудничают с организациями либерального толка всегда и везде, да и «печенья» у них хватает.

Авторитарных стран много. Рядом с Магрибом расположены авторитарные Саудовская Аравия и Иордания; рядом с Украиной — Белоруссия и Россия; половина Латинской Америки, треть Индокитая и вся Средняя Азия — автократии. Тем не менее революциями в большинстве автаркий не пахнет, разве что пройдет кое-где демонстрация и власть арестует десяток человек. Должны быть какие-то еще общие для «членов клуба цветных революций» свойства, которых нет у «спокойных» диктатур.

Свойства эти, как и следует ожидать, находятся в экономической области, и основным фактором оказываются доля ресурсной ренты в ВВП и уровень подушевого ВВП в стране. Судя по анализу мировой статистики, долю ренты в ВВП около 10% или чуть менее имеет 21 страна.

В клуб попадают Австралия и Норвегия, но подушевой ВВП на человека в этих странах очень высок, и это не случайно:

демократические институты там построены задолго до появления ренты, и их нелегко разрушить.

Зимбабве, ЦАР, Сьерра-Леоне, Кот-д’Ивуар, Судан, Того, Мадагаскар, Малави, Танзания, Киргизия — это беднейшие страны, тем не менее в их новейшей истории есть много похожего на цветные революции. В Судане, Того, ЦАР, Сьерра-Леоне, Кот-д’Ивуаре, Киргизии, на Мадагаскаре и в мягкой форме в Малави в последние 15 лет происходили множественные или разовые революции и мятежи, очень сходные с цветными. В Зимбабве власть не менялась¹, однако ситуация в стране все время находилась на грани общего хаоса. Танзания — более спокойное исключение, в ней только сепаратистские выступления на островах можно как-то связать с «влиянием 10%». Но не бывает правил без исключений.

Относительно обеспеченные Колумбия, Перу и Малайзия (ВВП от 6500 до 11 000 долларов на человека). Сегодня во всех трех странах спокойно, однако Колумбия пару десятков лет жила в процессе перманентной революции, Перу пережила свержение режима Альберто Фухимори, Малайзия во времена, когда ее подушевой ВВП был ниже 7000 долларов на человека, имела более высокую ренту, а сегодня она выбивается из клуба как более богатая.

Остались только Мьянма и Вьетнам. Обе страны пережили гражданскую войну, военно-социалистические диктатуры, массовые беспорядки.

Рис. 4. Движение России к клубу стран с долей ренты около 10%

¹ Уже поменялась. — Прим. авт.

Вьетнам сегодня более или менее стабилен, чего нельзя сказать о Мьянме, где вокруг готовящихся выборов вполне может сложиться ситуация, близкая к цветной революции.

И наконец, в «клуб 10%» входят Египет, Сирия, Тунис и Украина.

Статистика впечатляет: кажется, что за исключением двух демократий все страны «клуба 10%» отмечены роком. Более того: если нарисовать график, на котором по абсциссе отложен ВВП на душу населения, а по ординате — доля ренты в ВВП, выделится прямоугольник — с долей ренты от 5–6% до 12–13% и подушевым ВВП от нуля до примерно 6000–7000 долларов, где компактно расположено два десятка стран. Их постоянно сотрясают оранжевые и другие революции, перевороты, волнения. В итоге объединяет Тунис, Египет, Сирию и Украину только то, что при подушевом ВВП от 3000 до 6000 долларов они имели на момент начала революций долю ренты в ВВП в пределах 8–12%. Россия сегодня опасно приближается к этому прямоугольнику с ее 8500 долларов подушевого ВВП и 14% ренты¹.

Разумно предположить, что большая доля ренты в ВВП (15% и выше) в достаточной степени обеспечивает тоталитарную власть ресурсами для стабильности. Страны с таким уровнем ренты развиваются при прочих равных медленнее стран с низкой рентой, но зато в них власть легко консолидирует экономические рычаги, лишая потенциальную оппозицию капиталов, и «социализирует» экономику, делая основную часть населения зависимой от бюджета. Низкая рента (менее 5–7%) вынуждает страны развивать диверсифицированную экономику, что способствует развитию демократии и более быстрому росту или — в редких случаях типа сингапурского — подъему ВВП и стабилизации режима благодаря поддержке населения и бизнеса. Страны «роковой доли ренты» слишком обеспечены сырьем, чтобы диверсифицироваться, сырьевая маржа выше производственной, и элита борется за нее, забывая про альтернативы. Однако сырья не хватает для создания «подушки безопасности»

¹ Россия подходила к опасной зоне в 2015 году и ушла от нее уже в 2016-м за счет роста цен на нефть. — *Прим. авт.*

в виде резервов, госрасходов на социальную сферу и государственных бизнесы, инфраструктуру и так далее. Власть в таких странах, естественно, не стабильна, элита, не удовлетворяющая своих appetites на скудных сырьевых потоках и не способная к диверсификации, перманентно конкурирует за «престол», дающий преимущества при распределении ренты.

Интересно заметить, что СССР в конце 1980-х годов имел примерно 13–14%-ную долю ренты в ВВП — чуть выше уровня цветных революций. А Сирия, которая еще 10 лет назад была вполне стабильным государством, имела тогда около 20% ренты в ВВП, и доля эта сокращалась.

Похоже, что всему виной не влияние Штатов, как считают диктаторы, и не коррупция, как считают многие борцы с режимами, а ловушка среднего уровня ренты в сочетании с подушевым ВВП ниже 6000–7000 долларов на человека в год.

Вопросы и ответы

Мне задают много вопросов по теме ресурсного проклятия. Приведу документированные ответы на некоторые из них — я давал их в 2015 году на лекции совместного проекта InLiberty и Фонда Гайдара «Экономический факультет».

Вопрос: Что вы скажете по поводу экономики Эмиратов? Удалось ли им избавиться от рентной зависимости?

Ответ: У Эмиратов достаточно сложная экономика. Им удалось создать полиресурсную экономику за счет того, что они — как бы проводник, то есть транспортная, финансовая, торговая система для многих стран. При этом не надо забывать, что Эмираты производят порядка 3 млн баррелей нефти в день. Это много. Казахстан производит меньше, например. При этом в Эмиратах сейчас население на 80% состоит из иностранцев. Так что Эмираты, как и Сингапур в свое время, построили экономику на импорте капитала и бизнеса. Плюс Эмираты — медиатор между традиционным миром и западным миром, торговый медиатор и так далее. Поэтому, на мой взгляд, даже если нефть будет совсем

дешевой, а она вряд ли будет значительно дешевле, чем сейчас, и поток ее будет меньше из Саудовской Аравии, скажем, то все равно у Эмиратов есть своя ниша. Они диверсифицированы между ресурсами. Это все равно будет финансовый центр, это все равно будет медиатор, они все равно будут свою нефть продавать, а народу у них мало.

Эмираты, кстати, неплохой пример — как и Сингапур — неправильно понимаемого тоталитарного режима. Когда в России была большая мода говорить, что вот, Ли Куан Ю, а у нас свой Ли Куан Ю и теперь будет свой Сингапур, никто не понимал, что Ли Куан Ю сделал две вещи, которые в голову не могут прийти в России: он импортировал правосудие и бизнес. 80% фиксированного капитала в Сингапуре — иностранные. И в течение 35 лет система правоприменения была английской, включая лондонский арбитражный суд как высший коммерческий суд. Понятно, что, если в России сделать то же самое, и здесь станут яблони цвести зимой и все будет отлично. Но только кто это будет делать?

В Эмиратах то же самое: импортированный капитал, нулевые налоги, а за счет снижения рисков и повышения дохода у других индустрий действие нефтяного проклятия как минимум ослаблено. Нулевой подоходный налог, нулевой налог на прибыль — это способ передать средства от нефтяной индустрии к другим. Это то, что можно сделать в любой ресурсной стране: внутри, оградив забором, вырастить новые индустрии и так диверсифицироваться. Но смотрите, и тут не все гладко: компании из ОАЭ научились хорошо работать, не платя налогов. Но вот вопрос: если нефть больше не будет кормить Эмираты и придется взимать налоги с других компаний — смогут ли они стать достаточно эффективными?

Вопрос: Вы говорили когда-то про переход от одной власти к другой в ресурсной экономике, и вторая пойдет по тому же пути. Где-то же должен быть выход?

Ответ: Я могу вам ответить по-революционному, а могу по-научному. Революционеры считают, что выход — это

момент, когда приходит хорошая власть. Мне всегда казалось — как человеку, который пытается заниматься наукой в какой-то степени, — что власть настолько хороша, насколько хороши для нее условия. То есть в стране, где обществом востребована демократия, власть будет демократическая, в стране, где востребована диктатура, она будет диктаторская и так далее. Когда ресурс исчезает, перестраивается экономическая структура общества, и перестройка экономической структуры приводит к перестройке власти. Почему в Америке даже рентная экономика не была диктатурой? Потому что Америка строилась институционально на базе трудовой экономики, рентность ее возникала потом. Почему в Норвегии нет и не было последнее время диктатора, какого-нибудь нового Харальда? Потому что институты норвежские были построены задолго до того, как Норвегия стала рентной экономикой. Как мы видим на многочисленных примерах, устойчивые институты удерживают структуру страны от превращения в тоталитарную даже при наличии ренты. Ну, если бы Россия на 50 лет потеряла все возможные способы извлечения ренты, я думаю, произошло бы то же самое: построились бы институты, сформировалась бы система, потом нефть опять выросла бы в цене и мы жили бы в нефтяной демократии и прекрасно себя чувствовали. Но это мое сугубо личное мнение. Я знаю, что сколько экономистов — столько и мнений, а сколько политиков — столько мнений в квадрате.

Вопрос: Белоруссия без ресурсов. Там демократия?

Ответ: Белоруссия не совсем без ресурсов. У нее есть один удивительный ресурс. Этот ресурс называется Россия. Белоруссия использует Россию так же, как Россия использует нефть. Я недавно был в Минске, и меня в очередной раз позитивно удивила эта страна каким-то своим домашне-корпоративным отношением ко всему. Министр финансов и глава администрации президента приходят на бизнес-форум как обычные участники, общаются и выступают. Доклад экономического советника президента был на тему «Почему

в Белоруссии реформы не получатся». Человек серьезно выступал и не делал вид, что он — небожитель, как это происходит у нас. Он честно говорил то, что думает. Говорил, что реформы — это, конечно, хорошо, но у нас для них нет того, нет этого — и вообще ничего нет. Ну понятно, что у них ничего для реформ нет: я перед поездкой спрашивал — можно ли повстречаться с богатыми бизнесменами, хотел предложить им инвестировать в мои продукты. Ответили мне так: «Сложно это сделать, они все в тюрьме». Я на форуме рассказывал про экономику России, и люди начали мне задавать вопросы. Все вопросы из зала были переформулированной фразой «а Россия денег даст?». Я отвечал, что даст, никуда не денется, конечно.

Вопрос: На Debate Night в «Сколково» 12 февраля вы говорили о том, что государство у нас мощное и сильное, но, к сожалению, несменяемое. Вот, собственно, и вопрос: есть ли какие-то положительные перспективы к выходу из этой ситуации или, пока власть остается такой, ситуация остается безвыходной? Я имею в виду независимость от нефти в нынешней экономической ситуации.

Ответ: Я как раз пытался сказать, что это проблема не государства, а экономической структуры. Зависимость от нефти нельзя устранить даже стерилизацией сверхдоходов. Можно стерилизовать доходы от нефти. Не давать их никому, просто зажать в резервных фондах. Но проблему централизации власти это не решит. Более того, стерилизация нефтяных доходов вызовет серьезное ухудшение жизни населения — хотел бы я посмотреть на население, которое на это согласится, — и резкую оппозицию власти. Вот если нефть, условно говоря, кончится — тогда не будет выбора и начнется строительство новой системы. Поэтому я бы не стал обвинять власть. Какая жизнь — такая и власть.

Вопрос: Вы говорили об экспорте демократии и что демократия — это тоже ресурс, который продается. Какова, на ваш взгляд, будет цепочка умирания государства, которое экспортирует демократию?

Ответ: Не знаю. Демократия — это молодой ресурс, мы пока не видели в нем цикла. Кроме того, государство, которое сегодня экспортирует демократию, — мы все знаем, о ком идет речь, — вообще-то говоря, диверсифицировано очень хорошо. И экспорт демократии составляет очень маленькую долю от ее экспорта и ВВП. Правильный ответ будет такой: пока что экспортеры демократии очень хорошо следят за своей экономикой и не допускают сбоев.

Вопрос: Вы такую хорошую историческую ретроспективу дали. Но я для себя вывод если неправильно сделал, то поправьте меня: что в двух случаях только природные ресурсы, нефть, работают на благо граждан. Либо это фамильные династии — Персидский залив, много нефти, мало народа, исламские культурные коды, цивилизация и так далее; либо это демократии, как та же Норвегия. Если ни того ни другого и христианская цивилизация, то классический неофеодализм латиноамериканский. Если это так, то у России тогда единственный путь — развитую демократию строить или что-то другое?

Ответ: Вы пугаете меня ожиданием, что я знаю какой-то другой путь. Я экономист, я другого пути не знаю в любом случае, вне зависимости от ренты. Я, пока вас слушал, пытался придумать, как обосновать ответ, что ресурс может быть и благом. И да, наверное, вы правы. Я не могу придумать ситуации, когда ресурс — это благо не в развитых институциональных экономиках. И, кстати, даже в Заливе, пока он есть и пока он достаточно дорог, — можно говорить о благе. Ну а что будет, когда, например, нефть станет чисто химическим сырьем? Что будет с Саудовской Аравией в этой ситуации? Там ни институты не построены за это время, ни диверсификация толком не проведена, хотя Саудовская Аравия гораздо лучше диверсифицирована, чем Россия сейчас.

Вопрос: Тогда продолжение, очень коротко. Тогда есть другой ресурс — в данном случае территория, 17 млн квадратных

километров, 9 часовых поясов. Есть несколько стран с большой территорией — Канада или та же Австралия. Но мы уникально расположились между Восточной Азией и Европой. И в этом смысле по маршруту Восточная Азия — Европа в этом году проследует примерно 50 млн контейнеров.

Ответ: Но только по южному маршруту.

Вопрос: Да, в основном Суэцкий канал, хотя часть уже вокруг Африки. Но фактор времени ключевой, этот продукт успевает состариться в пути. В связи с этим может Россия предложить свой «шелковый путь» в альтернативу китайскому и диверсифицировать ущербную и стратегически бесперспективную сырьевую модель на частично транзитную? Это заставит улучшать институты, потому что кто доверит на нашу территорию грузы при таком суде, таможене и полиции? Может, это как осмысленный проект национального государственного будущего предложить к будущим выборам в 2016 году? Я даже дату назову, когда можно дать ему старт. 18 октября 2016 года исполняется 100 лет со дня открытия сквозного движения по Транссибу. И в родном Новосибирске, который ровно посередине между Пусаном и Роттердамом, дать старт этому проекту. Это позволит помириться с Западом, и сакральный герб наш византийский двуглавый засияет новыми красками.

Ответ: Это отличная идея, о ней много говорят. Причем диапазон разговоров от «давайте строить, а контейнеры подтянутся» (там же есть расчеты, про этот железнодорожный путь, что в 3 раза сокращается время и в 2,5 раза стоимость), до того, что давайте наконец начнем войну на Ближнем Востоке, перекроем канал и все контейнеры пойдут через нас. Все это имеет право на существование, не надо просто забывать о последовательности событий. Во-первых, вам нужен триллион долларов на то, чтобы это построить. Где у нас триллион долларов? Нету. Пока что мы лишили себя даже существенно более маленьких сумм иностранных инвестиций. Второй момент: нужно доверие партнеров — сперва,

а не потом. На сегодняшний день Китай активно инвестирует в инфраструктуру Средней Азии, которая направлена на юго-запад, и абсолютно отказывается инвестировать в инфраструктуру, которая направлена на северо-запад. Хотя на юго-западе террористы, а на северо-западе президент с рейтингом 90%.

Мне это говорит о том, что у Китая есть странное ощущение, что Иран и Афганистан надежнее России. Казалось бы, почему? Да потому, что китайцы справятся с афганскими проблемами, когда надо будет, и договорятся с Ираном. А с Россией не справиться и не договориться — верить невозможно тому, кто все время врет. Я думаю, что инвестирование в «шелковый путь» может начаться только по мере умирания коррупции и правового нигилизма в России, а они пока только растут.

Как достичь этого умирания в рентной экономике, я не знаю. Поэтому так же, как я не очень верю в идеи Дмитриева, который говорит, что надо построить всем жилье и будет всем счастье, так же, как я совсем не верю в идеи Глазьева, который говорит, что надо просто напечатать денег и раздать кому надо, так же я не верю в реальность «шелкового пути» на сегодняшний день.

Вопрос: Сегодня вы сказали про два главенствующих фактора — институты и ресурс. Считаете ли вы, что есть еще что-то в уравнении или только эти два — основные для создания экономической системы государства? И что из них доминирует?

Ответ: Нет, в уравнении огромное количество факторов. Это же все-таки экономика. Иначе зачем я вообще был бы нужен, если было бы только два фактора? Все было бы очень просто. Мы сегодня говорили о ресурсах и институтах как системе, которая может противостоять негативным эффектам ресурсной экономики. А дальше существует курс макроэкономики, он занимает год в высшей школе, и там говорят и о многом другом.

Вопрос: Что бы вы посоветовали руководству страны — как нам развивать экономику? Конечно, я знаю ваше отношение к санкциям, но на фоне безусловно сохраняющихся санкций и в следующем году, на фоне финансового и промышленного эмбарго, на фоне плохих отношений с Европой, с Северной Америкой что нам делать дальше? Точнее, что делать Кремлю и правительству?

Ответ: Я абсолютно не в той позиции, чтобы советовать Кремлю и правительству. Я считаю, что надо исходить из банальной математики. Если вы не можете повышать доходность бизнеса в стране, а правительство очень плохо умеет повышать доходность, инструментов у власти таких нет, то вы можете снижать риски для того, чтобы сделать экономику более привлекательной. Но когда вы снизите риски — а как снижать риски в России, тоже понятно, — то встанет вопрос: вы для кого снизили риски? Нужно же, чтобы кто-то пришел. Если вы закрыли двери перед всеми иностранными инвесторами и сказали «Ну, санкции, это же мы же со всеми поссорились навсегда», то вы можете хоть в ноль снизить риски, все равно никто не придет. Самое страшное в России сегодня то, что нет технологий. Потому что для того, чтобы произвести что-то качественное, нужны технологии и международная кооперация. Не потому, что мы идиоты, а потому, что, пока они занимались технологиями, мы занимались чем угодно другим — не будем сейчас распространяться. Поэтому нам нужны их технологии, нам нужны лицензии, методики, опыт, кадры. Нам нужно идти по корейскому пути — они заимствовали, пускали к себе активно и создавали свою экономику на базе внешней интервенции. И я понимаю, что мы можем сколько угодно плевать от того, что американцы богаче, но это факт. Сильнее — это факт. Они будут доминировать экономически. Мы можем обидеться на них, но они все равно будут доминировать. И может, лучше не обижаться на них, а кооперироваться каким-то образом? Спрятать свою малообоснованную гордость в карман и научиться скромности ради будущего страны? Я не знаю. Я не политик, я экономист.

Вопрос: Можно ли назвать ресурс, который благотворен для экономики?

Ответ: Если копнуть глубже и задать себе вопрос — как выглядит главное условие для гармоничного развития? — мы с вами обнаружим один ресурс, который по определению не может быть консолидирован, который не может быть переоценен, потому что он сильно распределен внутри общества, который автоматически самовоспроизводится и обладает свойством самонастраиваться. То есть вам не нужно беспокоиться об изменении спроса — это не железная руда, которая не превратится в алюминий, даже если спрос на железо исчезнет. Этот ресурс универсален: если вам вчера нужно было железо — это железо, а если завтра вам нужен будет алюминий — это будет алюминий. Этот ресурс называется «труд». Он обладает свойствами универсального компенсатора, позволяет экономике быть сбалансированной и гармоничной. Все остальные ресурсы значительно ригиднее. Вы не можете из них сделать не то, что они представляют из себя. Сейчас на свете найдется не очень много сторонников мальтузианства — экономиста Мальтуса, который предупреждал, что скоро грядет коллапс из-за того, что ресурсы ограничены, а их стоимость будет становиться все выше. Его экономическая теория была построена на том, что ресурсы дорожают, а труд дешевеет. Но на самом деле это не так. И сейчас очень мало людей придерживаются такой логики. Ресурсы дешевеют, труд — нет (и здесь, конечно, надо сделать оговорку, что в последние 20 лет труд дешевеет по отношению к стоимости ноу-хау — технологий, интеллектуальной собственности, но мы сегодня говорим не про это). В какой-то момент экономистам стало удобно делить экономики на «трудовые» — в которых основным ресурсом будет труд, и «ресурсные». Трудовые экономики сбалансированы, они, как любит говорить Нассим Талеб, антихрупки. Они могут перестраиваться в зависимости от того, как экономика должна жить, и в зависимости от внешних рынков, внутренних рынков, запросов и так далее. Вот это, пожалуй, и есть

«позитивный» ресурс — квалифицированные трудовые ресурсы. Что надо, чтобы они существовали? Очень просто: свобода выбора места жительства, занятия, индивидуального проявления себя; большие инвестиции в образование и легкий к нему доступ; развитое здравоохранение; высокий уровень личной безопасности. Задайте себе вопрос про Россию — как развиты перечисленные факторы у нас? — и получите ответ на вопрос, есть ли у нас этот ресурс.

Черное зло

Подытожить данную часть книги правильнее всего этим интервью, которое я дал «Свободе» в апреле 2017 года. Я тогда не мог предполагать, что уже через год нефть таки будет стоить 75 долларов за баррель, а через полтора — 85. Но вне зависимости от этого все, что я говорил, остается в моем представлении верным. Интервью затрагивает много аспектов российской экономики и политики, но в сущности оно — про ресурсы и власть, и название «черное зло» и прямолинейно (про вред нефти), и метафорично (если считать что оно — про действия власти).

«Без вовлечения в отработку трудноизвлекаемых запасов нефти удержать достигнутый уровень добычи после 2020 года будет практически невозможно», — говорится в «Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2030 года», подготовленной осенью федеральным агентством Роснедра¹.

Новых месторождений мало; в 2016 году прирост нефтегазовых запасов находился на уровне добычи. Доля нераспределенного фонда недр с запасами нефти составляет около 6%, заявил глава Минприроды Сергей Донской, — то есть практически все открытые месторождения распределены между добывающими компаниями.

Разработка трудноизвлекаемых запасов нефти требует иных цен на нефть. Добыча нефти на Арктическом шельфе

¹ <http://www.rosnedra.gov.ru/article/8743.html>. — Прим. авт.

рентабельна при 75–100 долларах за баррель. Возможен ли подобный уровень цен в обозримом будущем — неизвестно. Недавний рост цен, вызванный решением стран ОПЕК сократить добычу, был остановлен¹ немедленным увеличением производства в США сланцевой нефти.

У нас разведывают все меньше серьезных запасов, все имеющиеся — уже в эксплуатации, ничего нового серьезного не находят в последнее время и вряд ли найдут. Почти все месторождения, которые сейчас не эксплуатируют активно, относятся к очень дорогим по себестоимости. Нефтяной ресурс России велик, но при высоких ценах. Проблема еще и в том, что у нас очень неэффективные способы добычи, коэффициент добываемости на 10–15% ниже, чем в среднем в мире, и этот разрыв для конвенциональной нефти потихоньку растет — в основном потому, что мы пытаемся добыть как можно быстрее в ущерб общему объему извлекаемых запасов в будущем. Поэтому у специалистов есть версия, что через 5–6 лет у России появятся трудности с поддержанием добычи на нынешнем уровне, через 10–15 лет она серьезно сократится, а к 2035 году, по некоторым прогнозам, предельная добыча упадет примерно вдвое.

Никто не знает будущую цену, иначе мы с вами могли бы быть намного богаче, инвестируя в нефть (или ее продавая). Но есть общее соображение, что цена на нефть действительно достигла равновесных значений. Есть такой огромный рычаг, как сланцевая нефть, технология добычи которой совершенствуется безостановочно. В какой-то момент возникло ощущение, что в темпах роста объема нефти, добываемой за единицу времени из средней скважины в Америке, произошел перелом, замедление, но сейчас кривая опять пошла вверх. Уже это означает почти пропорциональное снижение себестоимости добычи. Если 2 года назад мы говорили, что себестоимость сланцевой нефти около 40–50 долларов за баррель, сейчас все говорят о 35–45, а скоро, наверное, заговорят про 30–40. При этом надо понимать, что сегодняшняя извлекаемость сланцевой

¹ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-03-22/tudor-pickering-holt-cuts-2018-crude-forecast-to-65-a-barrel>. — *Прим. авт.*

нефти на порядок ниже, чем у «обычной», — это значит, что впереди кардинальный рост эффективности сланцевой добычи. А еще есть огромные запасы сланцевой нефти в районах, бедных водой (которые ждут технологии плазморазрыва или другого эквивалента). А еще есть потенциал роста эффективности в разведке, удешевления оборудования, сокращения потерь. Поэтому нефти по 75 долларов за баррель может и не быть никогда. Но даже одномоментная, цена по 75 долларов за баррель и даже по 85 нас не спасает. Чтобы начать получать нефть на арктических месторождениях, потребуется 5–7 лет инвестиций. Совершенно не важно, будет ли завтра цена 75 долларов за баррель, важно, удержится ли эта цена те самые 7 лет. Она, конечно, не удержится, даже говорить не о чем. Поэтому прогноз по арктическим месторождениям нефти — на современном этапе, и это не 10–20 лет, а намного больше — эта нефть рынку просто не нужна.

Взрывной рост доходов от продажи нефти в 2000-х годах, как считается, способствовал движению в сторону авторитаризма режима Владимира Путина, в начале своего правления придерживавшегося более либеральной политики: сверхприбыли, полученные не от диверсифицированной экономики, а от продажи нефти, позволяют не заботиться более о создании хорошей среды для бизнеса и «подкупать» население, получая его электоральную поддержку.

Мы в Московском центре Карнеги проделали достаточно большое исследование опыта других нефtezависимых экономик, пытаясь ответить на вопрос — может ли снижение нефтедоходов в ближайшие 10–20 лет коренным образом повлиять на экономику России и развернуть этот тренд? В работе изучен опыт 10 стран. Наш главный интерес был выяснить, как это бывает «у них», чтобы сравнить с нами. Сценарии у разных стран отличаются, и сегодняшний российский — не уникален. Россия находится в рецессии — регулировка ВВП с помощью военного бюджета и цены на нефть не отражает реальности с точки зрения доходов населения или промышленного производства. Скорее всего, рецессия продолжится. У России есть большие резервы и все еще достаточно высокий показатель ВВП на душу

населения — она относится к странам со средним объемом добычи нефти и газа на душу населения, нас это спасает даже при нынешних ценах. Скорее всего, впереди 8–10 лет такой же стагнации и ничегонеделания.

Дальнейшее зависит от политической воли общества. Но сегодня общество в основном просит государство стать еще сильнее, раздавать больше денег, а запроса на реформы, способные диверсифицировать экономику, нет. Если так будет продолжаться, государство будет вынуждено стать сильнее и раздавать больше денег, национализировать все, что можно национализировать, в том числе доходы немногих прибыльных хозяйствующих субъектов, увеличить налоги, сократить социальные отчисления, проводить постоянную и, возможно, нарастающую эмиссию, чтобы поддержать людей, зависящих от бюджета. На этом удастся прожить еще какое-то время, может быть, даже лет 10.

В ловушку колебаний между правыми и левыми курсами в рамках тоталитарного строя — на фоне снижающегося ВВП и уровня жизни населения — попадали много стран. Аргентина — самый яркий пример, еехватило на 100 лет такого движения вниз. В нашем исследовании говорится, что Россия — по объему добычи нефти на душу населения и качеству ее использования внутри страны — попадает в четко очерченную группу, в которой находятся Иран, Венесуэла, Казахстан и Алжир. Это в некотором смысле портреты стран, в которые Россия может превратиться в зависимости от того, в какую сторону двинется. Есть, правда, Канада, в которой уровень добычи нефти на душу населения похож на наш, но эффективность намного выше. Но шанс стать Канадой, двинувшись в сторону эффективности, пока не просматривается — ни власть, ни элиты, ни общество такого запроса не формируют. Поэтому на повестке дня — венесуэльский, иранский, казахский или алжирский сценарии.

Если при исчерпании сегодняшних запасов власти под давлением левых придется начать инфляционное стимулирование, печатать деньги, естественным образом потребуются регулировать цены и так далее, то через какое-то время мы можем

получить Венесуэлу — закрытые рынки, высокая инфляция, популизм, протекционизм, в конечном счете — полная разруха и развал. За похожий сценарий выступают российские коммунисты, либерал-демократы, другие левые и, неожиданно, ряд экономистов (и псевдоэкономистов), а также одна микропартия, называющая себя рыночной и либеральной.

Крайне правый поворот — это условный Иран, курс на изоляционизм, патриотизм, религиозность, полный контроль со стороны формальных и неформальных государственных структур над экономикой и политикой, конфронтация с миром. За этот курс активно выступает большая часть депутатов Думы, так называемое силовое лобби, православные патриоты. Мы знаем, как живет Иран. Хотим мы такого или не хотим — нам решать.

Условный Казахстан — это опора на национального лидера, способного уравновесить интересы различных групп, попытка балансировать между интересами двух крупных держав (в нашем случае это ЕС и Китай) с постепенным превращением в страну-сателлит. Вариант Казахстана, пожалуй, самая мирная из перспектив, но в отличие от реального Казахстана в России достижение консенсуса и «мирное» сжатие до роли малого государства практически невероятны — у этого пути нет сторонников.

Наконец, алжирский сценарий — неидеологизированная квазивоенная диктатура, существенно более жесткая, чем нынешний российский режим, с более сильным контролем надо всем и вся, с устранением всех оппозиционных сил, с попыткой воссоздать принципы экономики СССР при сохранении капитализма на нижнем уровне, с планово более низким уровнем жизни, чем сейчас. Сегодня мы не видим сил, выступающих за такой сценарий, но в истории было много случаев, когда дряхлеющий рыхлый авторитарный режим типа сегодняшнего в России сменялся жестким полувоенным в результате ползучего переворота в верхах, при этом на первый план выходили люди, бывшие до того в тени. Вот, собственно, все сценарии, кроме канадского.

Надо заметить, что все вышеописанные опасности мало артикулируются даже оппозицией — вместо этого дискуссия

уходит в область обвинений и попытки борьбы с коррупцией. Я вообще полагаю, что коррупция не должна быть самостоятельной темой для дискуссии. Коррупция — побочный продукт, производная значительно более серьезных явлений в экономике. Как температура у больного. И бороться с коррупцией изолированно — это бороться с температурой: аспирин временно создает иллюзию улучшения, но при этом разрушает организм еще больше. Коррупция уходит, когда построены эффективные институты и роль государства в экономике снижена до разумного предела. Коррупцию невозможно победить, атакуя или заменяя персоналии. Нет условно честных чиновников или условных воров, есть чиновники, которым дана возможность воровать, и чиновники, у которых такой возможности нет. И точно нельзя бороться с коррупцией наказанием, потому что оно только увеличивает объем воровства: раз риски больше, значит, и добыча должна быть больше. И вот уже во власть идут только те, кто морально готов даже отсидеть, лишь бы добраться до кормушки, — это не вчерашние чиновники, хотевшие и за народ порадеть, и себя не забыть, это откровенные негодяи, которые желают только одного — нагрabить побольше и побыстрее, пока не посадили. Уж если думать о том, как привлечь в государство честных, надо до минимума сократить проверки, дать чиновнику максимум свободы в принятии решений, поощрять инициативу, дискуссию, достойно платить — и одновременно оставить минимум коррупциогенных функций за государством.

А борьба с конкретным коррумпированным чиновником методом посадки — это по большому счету борьба чиновников между собой за доходные кормушки, — с использованием такой борьбы для повышения рейтинга власти. Массы в эту борьбу вовлекаются для того, чтобы отвлечь их от реальных проблем. Конечно, дополнительные деньги в системе, монополизированные государством и выведенные из конкурентной экономики, всегда порождают коррупцию. Если бы в России был не институт распределения квазимонополизированной ренты, а нормальные институты права и защиты частной собственности, то и коррупции такой мы бы не видели. Вся наша коррупция

во сколько укладывается? Даже если сильно преувеличить — ну, 100 млрд долларов в год крадется из экономики. Это меньше 10% ВВП. А мы потеряли две трети ВВП по сравнению с тем, что могло бы быть, если бы экономика была эффективной, — на сокращении доли малого и среднего бизнеса, на отсутствии иностранных инвесторов, на деиндустриализации, на выведении из продуктивной экономики существенной доли трудовых ресурсов. При этом экономика страны в целом вообще не замечает коррупции, если полученные коррупционным путем деньги вкладываются обратно в страну. Какая разница, кто их вложил? Проблема России в том, что мы живем в модели внутренней колонии и все коррумпированные чиновники тут же выводят деньги за границу. Сама система такова, что они боятся держать деньги в России и не считают это выгодным.

Иногда ошибочно считается, что бедность страны вызывает рост коррупции. Это не совсем так. Не низкий ВВП приводит к коррупции, а высокая роль государства в экономике. И протесты против коррупции, и даже смена власти под этими лозунгами не помогают экономике. В разных странах — от Северной Африки до Латинской Америки — это постоянный цикл. Люди возмущаются коррупцией тоталитарного или авторитарного лидера, лидер оппозиции на этой волне приходит к власти, а коррупция продолжает процветать. Другие фамилии появляются во власти, а экономика продолжает страдать. Следующий лидер оппозиции обвиняет в коррупции предыдущего, приходит к власти и так далее. Это классическая латиноамериканская форма. Мы повторяем именно ее, уходим в этот канал борьбы персоналий между собой с использованием коррупции как наиболее яркого феномена и абсолютно без идеи поговорить о системных проблемах.

Говорят, и с очень серьезных трибун, что будущее падение добычи нефти заставит страну пойти на вторую перестройку. Это не совсем верно. Это шанс, а не средство. Некоторые страны в подобной ситуации включаются в диверсификацию и оказываются в состоянии перестроить экономику, а некоторые нет. В Венесуэле, например, произошел «левый» поворот, и чем меньше доходы от нефти, тем хуже становится. В Нигерии что-то меняется при падении цен на нефть? Нет, просто страна

стала жить существенно беднее. В Анголе, наоборот, ужесточается ситуация в связи с падением цен на нефть. Если у вас есть институты и ресурсы, чтобы осмыслить падение цен и что-то менять, процесс будет происходить. Где такие институты есть? Объединенные Арабские Эмираты, Норвегия, Индонезия, Мексика, то есть страны, в которых власть лишена необходимости бросать все свои силы и ресурсы на самозащиту, быть главным популистом и жандармом одновременно. Не важно, старая это демократия, где заранее понятны правила игры, или Эмираты, где люди осознают, что у них власть сохранится в любом случае, или олигархия, как в Индонезии, где два десятка семей контролируют все. Но эта некоторая, как ни смешно звучит, стабильность позволяет проводить реформы. В России на фоне разговоров про стабильность элита невротически боится потерять власть, сама власть нестабильна, непоследовательна, не понимает, чего хочет, боится кучек демонстрантов на улицах, боится достаточно беззубых лидеров оппозиции, боится Запада, конфликтует с миром в надежде создать себе позитивный имидж внутри страны и так далее. То есть основная задача власти в России — не развитие государства и экономики, а сохранение самой себя любой ценой. Реформы же — всегда риск для власти. Поэтому, если доходы от нефти упадут, у нас будет скорее венесуэльский поворот, чем попытка позитивных реформ.

Аналогично не стоит думать, что при падении доходов от нефти случится революция и власть вынуждена будет уйти. Уровень протестов сегодня — микроскопичен. В абсолютно спокойных государствах, где никто даже не говорит о смене власти, уровень протестной активности на порядок выше. В России ее динамика нисходящая, а не восходящая, сейчас в протестах участвовало существенно меньше людей, чем в 2012 году. И не протестная активность сама по себе меняет власть. Она должна быть либо тотальной, когда в нее вовлечено больше 10–15% населения, либо должна совпадать с серьезными провоцирующими факторами, например, с крупной войной. Более того, протестная активность вызывает реакцию, власть еще больше пугается, окукливается и перестает вообще делать что-либо кроме репрессий. До 2012 года у нас хоть какие-то шансы на модернизацию

и реформы были, а в 2012-м власть в ответ на протесты просто резко свернула назад. Слава богу, они не настолько испугались, чтобы скатиться в истерику, но риск такой был, пытались вылезти на авансцену «экономисты» типа Глазьева и политики вроде Рогозина. Если бы власть не выбрала стиль осовремененного Николая Первого, то мы могли бы пролететь до Венесуэлы не останавливаясь. В этом смысле у протестной активности, особенно у ограниченной, двойственная роль. Поскольку власть явно сильнее, но при этом пугается, то чем больше развивается протестное движение, тем более консервативной власть становится.

Но все же есть предельный уровень падения: уровень ВВП на душу населения ниже 6000 долларов приводит к смене политических режимов, к росту вероятности политических перемен просто потому, что протест становится действительно массовым. В таких странах в протестах участвуют больше 10% населения. Но в России уровень ВВП на душу населения — 9000 долларов, и потерять треть будет сложно и долго. Мы сейчас теряем до 2% ВВП в год. Так что 8–10 лет точно есть в этом смысле, а может быть, и 15. Кроме того, важен не сам ВВП — мы его используем как индикатор потому, что он более или менее пропорционален доходам домохозяйств. В России, я думаю, будут применять самые разные меры для того, чтобы сдерживать падение доходов домохозяйств, какую-то ограниченную эмиссию будут делать в их пользу, будут перемещать налоговое бремя с домохозяйств на предпринимателей и ренту, будут пытаться каким-то образом раздавать блага, больше людей поддерживать за счет бюджета, но резать дальше инвестиции, науку, образование, военный бюджет и медицину. Поэтому 6000 долларов — отдаленная перспектива. Кроме того, 6000 долларов подушевого ВВП — средний уровень начала протестов, но мы знаем страны, которые живут и с 4000, и с 3000 без протестной активности, просто у них так устроен социум, так устроена власть.

Наконец, надо понимать, что власти реформы невыгодны и неинтересны. У нее, наоборот, есть отрицательная мотивация, потому что реформы увеличивают риски, а горизонт планирования не очень широк, и выгоды от реформ в него могут не попасть. Поэтому мы и написали свою работу — чтобы люди

не забывали, что есть другие способы существования, другие модели. И в какой-то момент эти модели будут востребованы.

Все, о чем я говорил раньше, не должно наводить на мысль, что проблемы России — навечно. Я описывал статус-кво, а он будет меняться. Я думаю, что в течение 10 лет поменяется парадигма. Жить так, как сейчас, больше не получится. Поменяется, скорее всего, на сценарий квазивенесуэльский, благо у нас есть кому его разрабатывать. Может сложиться альянс тех, кто любит бороться с коррупцией, с теми, кто любит печатать деньги. Классическая Венесуэла с высокой инфляцией, с масштабной борьбой с коррупцией, с закрытыми рынками и прочим — на этом можно протянуть еще 10 лет, а потом военную диктатуру организовать и еще протянуть лет 5–7, а то и 10.

Но мы все равно придем к тому, что нефти нет, страна отстала от всего мира и надо что-то делать. Есть вероятность, что этот кризис будет сопровождаться тем, что было при падении Советского Союза: региональным разделением, как минимум конфедерализацией, а может быть, и распадом по образцу СССР. Но это очень сложно предсказывать. Сценарий, о котором можно говорить как о вероятном, описывается только в общих чертах: сперва «левый» поворот, затем «ультраправый». Потом, уже на остатках того, что получится, будет попытка, как в 1990–1991 годах, что-то выстроить. Великий израильский политик Абба Эвен как-то сказал: «Страны, как и люди, приходят к разумным решениям тогда, когда все остальные методы исчерпаны». Когда людям, которые привыкли распределять национальные богатства, распределять будет нечего, страна останется тем, кто умеет создавать. Так происходило во многих странах, в том числе, совсем недавно, в Аргентине. Тогда будут востребованы те, кто знает, кто понимает, как это делать. И 15, и 30 лет — условность, срок может сжаться и до 10, и до 12 лет.

Единственное, что хорошо в этом смысле: в 1990–1991 годах было достаточно большое накопленное богатство и активы, которые все бросились делить. Поэтому режим имел дистрибутивную форму. Тут уже делить практически будет нечего, особенно на фоне прогресса остального мира. Может быть, это позволит создавать что-то более креативное.

**Часть
девятая**

Россия и экономика

Экономика России — от СССР в XXI век

**THEQUESTION: УВЕЛИЧИВАЕТСЯ
ИЛИ УМЕНЬШАЕТСЯ ЗАВИСИМОСТЬ
РОССИИ ОТ НЕФТИ?**

**Экономика России в XXI веке
В РЕЖИМЕ НЕСТРОГОЙ ИЗОЛЯЦИИ**

345

Последние 25 лет состояние российской экономики и связь между экономическими факторами и политическими решениями были предметом большого количества спекуляций и поверхностных суждений. Эта «война заблуждений» стала одной из причин того, что Россия не только упустила 25 лет и несколько уникальных возможностей для экономического и технологического прорыва, но и по своему политическому и экономическому укладу вернулась на 100 лет назад. Вал заблуждений и суеверий привел к предельному упрощению взгляда на российскую экономику, социум и истоки политических решений как внутри страны, так и за ее пределами. Реальная картина намного сложнее, и увидеть ее можно, только разобравшись в базовых аспектах российской экономической ситуации. Этим аспектам я посвятил десятки статей. Основные выводы, которые я делал в последние годы, лучше всего отражает нижеследующее summary из большой работы, которую я делал для Фонда Карнеги в 2016 году.

Экономика России — от СССР в XXI век

К концу 80-х годов XX века экономика СССР окончательно потеряла управление — из-за внутреннего дисбаланса и негибкости плановых методов хозяйствования в условиях социалистической системы собственности.

Система функционирования экономики в 90-е годы менялась, но демократические институты и конкурентная среда при этом не были сформированы.

В XXI веке Россия пережила классическую «голландскую болезнь»¹, усугубленную централизацией власти и собственности и отсутствием демократических институтов. Однако за то время, пока цены на углеводородное сырье были высокими, Россия сумела накопить достаточно резервов, чтобы сегодняшнее падение цен на нефть и относительная международная изоляция страны не стали причиной немедленного экономического краха.

Все основные экономические факторы и даже имеющиеся ресурсы управления сегодня либо негативно влияют на экономику, либо не могут обеспечить ее рост.

Внешнеполитические факторы, прежде всего санкции, вторичны, малозначимы и не оказывают на экономику существенного негативного влияния, несмотря на то что власть в России активно использует их как оправдание экономических проблем.

Экономика России не уникальна — «голландская болезнь», пережитая ею, имеет вполне типичные симптомы и последствия. Россия пока далека от экономического краха, но медленно движется в его сторону. В то же время в экономике существуют точки катастрофического риска. Наиболее вероятным развитием событий будет сперва увеличение налогового бремени и ограничений в экономике, с переходом впоследствии

¹ «Голландская болезнь» (эффект Гронингена) — негативный эффект, оказываемый влиянием укрепления реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в отдельном секторе экономики. Теоретически причина бума не имеет значения, но на практике эффект, как правило, связан с открытием месторождений полезных ископаемых или ростом цен на экспорт добывающих отраслей. — *Прим. ред.*

к масштабной эмиссии, жесткому регулированию экономики и закрытию рынков капитала. При этом показатели страны будут медленно снижаться, но коллапс в обозримой перспективе маловероятен.

В ближайшие годы не стоит ожидать от российской экономики существенных сюрпризов — как негативных, так и позитивных. В базовом сценарии не просматривается ни катастрофических экономических, ни радикальных социальных процессов.

Самым слабым звеном в ближайшие годы будет российская банковская сфера.

Существуют и другие «слабые места», в которых могут произойти изменения катастрофического характера, но скорее позже, чем раньше.

TheQuestion: увеличивается или уменьшается зависимость России от нефти?

5 октября 2015 года вышла моя статья в TheQuestion о том, как шло экономическое развитие России в последние 50 лет. Мысли из этой статьи будут повторяться во многих других моих работах, в том числе и в приведенных ниже в этой книге — но здесь я попробовал собрать вдоль единой линии времени все процессы, приведшие нас туда, где мы находились в 2015 году, не вдаваясь в детали, но и не слишком упрощая.

Вопрос, увеличилась ли зависимость России от нефтяных цен за последние 25 лет, не будет даже философским, а масштаб усугубления зависимости впечатляет: доля нефти и газа в экспорте за четверть века поднялась с 40% до более чем 70%; с 1999 года, когда производство нефти в России составляло 293 млн тонн, к 2014 году производство выросло до 514 млн тонн; цена барреля нефти за то же время выросла в 8 раз, то есть валовая добыча нефти в долларах увеличилась с 1999 по 2014 год в 14 раз (а в рублях — в 70 раз). В 1999 году доля доходов бюджета от экспорта нефти составляла всего 18%, в 2014-м она уже превышала 50%, и это без учета «косвенных»

доходов — например, НДС, пошлин и акцизов на импорт,купаемый на нефтедоллары.

Зависимость от нефти на сегодня такова, что падение цены на нее на 45% с лета 2014 года вызвало падение импорта на 50%, сокращение потребления в основных областях в России на 30–55%, рост цен в среднем на 30–40%, падение курса рубля в 2 раза, падение ВВП в номинальном выражении в долларах примерно на 40% — основные показатели на 100% коррелируются с ценой на нефть.

На этом фоне вопрос о том, как и почему так произошло, кажется важным не только с академической точки зрения: мы сегодня входим в длительный цикл низких цен на сырье, и ждать повышения цен на нефть не приходится ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе. России предстоит каким-то образом искать выход из рецессии, сопровождающейся высокой инфляцией. Ситуация усугубляется тем, что российский кризис сегодня уникален — наша экономика страдает не вместе с мировой, как мы привыкли по кризисам 1998 и 2008 годов, а на фоне роста мировой экономики в самом начале цикла, на фоне ожидаемого роста ставок и существенных сдвигов в области повышения эффективности мирового производства, инновационных прорывов и технологических усовершенствований. Россия впервые за свою историю может безнадежно отстать от развитых стран, потеряв возможность не только конкурировать своими товарами на мировых рынках (фактически эта возможность уже потеряна — весь наш экспорт кроме сырья составляет около 40 млрд долларов), но и импортировать технологии и товары, замкнувшись в заколдованном круге «отсутствие инвестиций — отсутствие развития — отсутствие конкурентного товара — отсутствие инвестиций» и превратившись в государство-банкрот.

У российского нефтяного тупика было много причин, как часто случается в контексте катастроф. К сожалению для страны, в самом начале совпали три фактора, каждый из которых толкал страну в эту сторону.

Еще СССР в послевоенные годы оказался в экономической ловушке, связанной с низкой эффективностью «социалистического труда». Лидеры страны достаточно четко осознавали,

что в политизированной среде конкуренция идей вырождается в конкуренцию уровня подлости и приспособленчества (в результате чего СССР фактически добровольно выбыл из соревнования в таких областях, как кибернетика, агробиология, коммуникации), и необходимо искать другие точки роста, не связанные с научно-технической революцией. С другой стороны, понимание проблем, связанных с демографической волатильностью (следствие войны), не оставляло шансов на превращение страны в платформу для производства товаров массового спроса — не хватило бы рабочих рук. Да и закрытость страны мешала бы развитию в эту сторону.

В результате СССР сделал ставку на экспорт энергии и минеральных ресурсов. Тогда металлические руды и уголь были важнее электричества, нефти и газа, но это продлилось недолго. Создание инфраструктуры экспорта, добывающего комплекса, энергокомплекса стали главными экономическими задачами. Рост цен на нефть в 1970-е годы привел к тому, что советское руководство, некомпетентность которого прогрессировала теми же темпами, какими росло число анекдотов про Брежнева, полностью отказалось от попыток развития альтернативных экономических направлений — на фоне колбасы за 2,20 и «неуклонного повышения благосостояния трудящихся» новости о строительстве газопроводов стали ведущими, а все экономические комплексы (прежде всего — транспортный и машиностроительный) подчинялись задаче добывать больше и продавать дальше.

Затем пришел 1981 год, и начался двадцатилетний период падения цен на нефть. Но к этому времени промышленность уже была выстроена «под ресурсы», и когда спустя 10 лет СССР развалился, новая Россия унаследовала однобокую экономику.

С другой стороны, как раз к 1990-м годам закончился «цикл металлов» — несмотря на развитие новых рынков, в силу одновременно роста эффективности их использования, появления новых материалов и совершенствования системы вторичной переработки цены на основные металлы стали снижаться, и конкуренция за рынок стала расти. Это оставляло России только рынки энергетического сырья.

Наконец, СССР и его внешний экономический контур — СЭВ — были построены как система экономической кооперации, в которой периферия снабжала центр (а центр периферию) товарами в рамках плановой, неконкурентной системы. Эта система привела к вырождению производства, превращению товаров в дорогие и некачественные, но она поддерживала объемы производства на достаточном уровне. Развал СССР и системы СЭВ привел к тому, что страны-сателлиты стали переключаться с товаров, производимых Россией, на более дешевые и качественные товары мировых и региональных лидеров. В результате экспорт небиржевых товаров (до 1990 года СССР все же имел в экспорте чуть менее 60% неэнергетических несырьевых товаров) сильно пострадал.

Эти предпосылки не оставляли шансов на легкую, без специальных общегосударственных программ и масштабных инвестиций диверсификацию экономики новой России. Однако для такой диверсификации внутренних ресурсов не было, и необходимо было привлекать иностранный капитал, параллельно ограничивая влияние на рынок доминирующего нефтегазового сектора. Эта программа никак не стыковалась с основной идеей группы, состоявшей большей частью из бывших партийных и комсомольских лидеров и функционеров советской экономической науки: они видели себя новыми хозяевами и готовы были строить капитализм только при одном условии — главными капиталистами должны были стать они и/или те, кого они назначат. Такой подход предполагал приватизацию и концентрацию в их руках промышленного наследия СССР с установлением контроля над денежными потоками. Институты власти, четкие и исполняемые законы, открытость страны для внешних инвестиций могли стать помехой, создать им реальную конкуренцию. И строительство институтов не было произведено, законы служили интересам новых капиталистов, судебная система деградировала, внешние инвесторы, испугавшись первых опытов и насмотревшись на залоговые аукционы и войны за предприятия, если и давали небольшие деньги, то в основном на спекулятивные проекты. Параллельно тотальная приватизация — в том числе нефтедобывающей отрасли — передала

в руки крупного бизнеса инструмент зарабатывания, который они не создавали, превращая их в рантье, не заинтересованных в диверсификации экономики.

Тем временем открытость рынка импорту начала давать о себе знать уже в 1990-е. Существенно изменилась доля импорта в потреблении и промышленности — импортные товары, от самолетов до хлеба, стали заменять отечественные. Товары длительного пользования требовали запчастей и расходников; части технологических и потребительских цепочек требовали, чтобы другие элементы цепочек также были импортными (соответствовали друг другу); товары, которым нужны особые условия перевозки, хранения, реализации и использования, требовали импорта вспомогательного оборудования и материалов. Так достаточно быстро стала закрепляться импортозависимость, для выхода из которой нужны были бы инвестиции, а также готовность на временное ухудшение экономики и падение ее эффективности.

Общая концепция развития предполагала, что в результате «стихийный» этап пройдет и крупные предприниматели (а вернее — бенефициары приватизации) перед лицом конкуренции предпочтут установить жесткие законы, создать институты управления и вынуждены будут диверсифицировать экономику. Возможно, так бы и случилось, но в 2000 году к власти в России пришла группа людей, настроенная не на ожидание воздействия «невидимой руки рынка», а на передел только что разделенной собственности и установление административного контроля с целью безусловного сохранения своей власти.

В этом смысле им очень повезло — их приход к власти совпадает с началом быстрого роста нефтяных цен. К тому же нефть и газ — единственные области экономики, в которых государство продолжало иметь существенные рычаги контроля: Газпром был де-факто государственным, а в области нефти государство контролировало систему транспортировки.

Авторитарный контроль в капиталистическом обществе невозможен, если в нем существует значительный независимый капитал, который может спонсировать альтернативных политиков и обеспечивать альтернативное информационное

поле. Поэтому уже в начале 2000-х в России начинается процесс консолидации крупного капитала вокруг квазимонополий и доверенных «назначенных» управляющих, представляющихся внешнему миру новыми независимыми бизнесменами. Начинается эта консолидация, естественно, с нефти — завершено закольцовывание владения Сургутнефтегазом, в результате которого компания становится подконтрольна государству де-факто, уничтожается ЮКОС и создается государственная Роснефть. Постепенно монополизуются и другие области и отрасли — в том числе на месте, где могла бы вырасти обрабатывающая промышленность; возникают Ростехнологии; железнодорожная отрасль, во всех странах расцветшая после приватизации, в России защищается барьером РЖД. Монополии, как им и положено, неэффективны, в них расцветает воровство, они требуют ресурсов и роста тарифов. Тарифы растут, создавая инфляцию. В инфляционной среде товары, продаваемые на внутреннем рынке, становятся менее выгодными, чем экспортные, которые приносят девальвационный доход. Но кроме минеральных ресурсов экспортировать почти нечего — мы давно проиграли технологическую конкуренцию, еще при СССР, а на развитие нет ни инвестиций, ни благословения государства. И весь бизнес стремится туда, где выгоднее, — в экспорт нефти и газа, металлов, леса, зерна (но нефть и газ доминируют). Вокруг экспорта выстраиваются вспомогательные экономические цепочки, благо нефть растет в цене и покрывает издержки; все больший процент бизнесменов уходит от идей производства для внутренних нужд: проще продать ресурс и купить импорт.

Ресурсы для бюджета поставляют нефть и газ. С другой стороны, отказ от доверия «невидимой руке» требует административной вертикали — развития государственной бюрократии. Бюрократия требует больше средств на содержание и больше возможностей для обогащения в обмен на лояльность. Как следствие, продолжается ухудшение системы правоприменения (а как еще дать зарабатывать бюрократам?) и инвестиционного климата. Бизнес испытывает на себе высокие административные риски и страдает от высокой ставки процента — и поэтому просто не может играть в долгую и строить производства,

заниматься разработкой технологий. Относительно безопасным остается только короткий торговый цикл (продал сырье за рубеж — купил импорт — продал в России), и доля торговли в ВВП растет до уникальных 29%.

Цена на нефть продолжает расти; неэффективные попытки государства создавать «новую экономику» проваливаются, поскольку никому она не нужна — достаточно нефтяных доходов. Многочисленные инициативы либо просто тихо умирают, съев большие средства из бюджетов, либо умирают со скандалами и уголовными делами. Чиновнический бизнес порождает загадочное Роснано, банкротный «Уралвагонзавод» или убыточный SSJ, но не создает конкурентного продукта.

А раз нет конкурентного продукта, а нефть и газ производят всего 1 млн человек из 77 млн трудовых ресурсов, множество граждан, которые, будь в России диверсифицирована экономика, получали бы доход от продажи своего труда на свободном внутреннем рынке, в реальности этого не могут — нет платежеспособного спроса. Учителя, врачи остаются «на шее» государства, поскольку население не зарабатывает, чтобы оплатить их труд. Множество граждан страны вместо производительного труда, в силу отсутствия бизнесов, инфраструктуры рынка, стимулов со стороны государства, продолжают пополнять ряды бессмысленных государственных управленцев низшего звена, охранников, сотрудников госкорпораций, производимый ВВП на каждого из которых в 2–3 раза меньше, чем в частных зарубежных аналогах. Консолидация экономики достигает и банковской сферы — государственные неэффективные и непрозрачные банки вытесняют более мелкие частные, на общей бедной поляне российского рынка масштабы малы, найти клиента сложно, и вот уже в России на один доллар кредитного портфеля в 5 раз больше сотрудников банков, чем в США.

Но всех этих квазичиновников надо кормить, иначе они будут нелояльны к власти. И появляются майские указы: регионам, которые лишены 99% налогов с природных ресурсов, указано бросить все средства на обеспечение роста доходов населения, занятого в государственном секторе. В течение нескольких лет зарплата растет темпами в несколько раз превышающими

темпы роста ВВП. Это покупает лояльность населения, но разрушает бюджеты регионов; ни о каких стимулах для диверсификации производства не может быть и речи. Более того, перед лицом полной невозможности пристроить всех граждан к легальному получению зарплат за счет бюджета, государство вынуждено буквально на пустом месте создавать никому не нужные и даже опасные для экономики типы активности.

И вот уже, чтобы занять миллионы ничего не умеющих и не готовых вести бизнес в стране, где это едва ли не считается позорным, граждан, начинается активная милитаризация: взлетают расходы на ВПК, растет обслуживающая его периферия. Расходы на ВПК отнимают ресурсы, фактически переводя их в обеспечение 2 млн сотрудников, 3 млн членов их семей и еще 5 млн связанных с ними работников: за вычетом расходов на тысячи тонн железа, электроники и взрывчатых веществ, которые (в добавление к созданным в предыдущие годы) обречены либо бесцельно ржаветь, гореть или взрываться на складах, либо приносить смерть и разрушение экономики в местах применения. Для той же цели создаются мегапроекты с итоговым нулевым выхлопом. Жилые дома в Сочи теперь стоят пустыми, как и олимпийские объекты. Но миллиарды долларов пошли на выплаты рабочим и инженерам (и большая часть — в карманы чиновников).

Да, во всех этих проектах есть еще и существенная составляющая личной заинтересованности ограниченного круга лиц, коррупционная нагрузка. Но свои доходы эти люди так же не вкладывают в новые производства: насытившись домами под Москвой и «майбахами», они выводят остальной капитал туда, где лучше законодательство, выше конкуренция и ниже ставка кредита. Отток капитала из России идет каждый год и редко составляет меньше 10% внешнеторгового баланса.

А мир за эти годы уходит вперед, и потребности двигаются вместе с ним.

Общее изменение структуры потребления и средств производства приводит к удорожанию всего, даже рабочего места чиновника. Теперь вместо ручки и блокнота у чиновника компьютер, айпад и смартфон; он активно эксплуатирует оптоволокно

и передает терабайты отчетов вместо того, чтобы печатать годовой отчет на старой машинке. Граждане уже не готовы жить, как 25 лет назад, — пищевые предпочтения, способ ведения домашнего хозяйства, потребление медиа и зрелищ — все изменилось. Возникла привычка к значительно большему потреблению, которая требует больше импорта; собственного производства нет.

И «нет» — это еще мало сказано. За 25 лет произошла естественная амортизация производств. Всего за 10 лет с 2006 года объем станочного парка в России сократился с 1,5 млн до менее чем 700 000 штук. Более 70% оставшихся — металлорежущие станки, на них современной продукции не произведешь. Россия закупает за рубежом 92% станкоинструментальной продукции и 95% продукции станкостроения.

Так сформировался замкнутый круг ресурсного проклятия: советское наследие не располагало к диверсификации; конкуренция с нефтью убила остальной бизнес; государству было выгодно дискриминировать независимый капитал, и это привело к дискриминации всех остальных индустрий и внутреннего рынка в пользу нефти и экспортно-импортных операций; население за счет нефтяных сверхдоходов, с одной стороны, нарастило потребление, с другой — развило иждивенческую модель в экономических отношениях с государством, которое ради компенсации населению поборов неэффективных монополий убило региональные бюджеты и лишило их возможности местной диверсификации.

Сегодняшнее падение цен на нефть вносит колоссальные коррективы в экономическую ситуацию, но Россия успела забраться в тупик, в котором нет возможности развернуться: в результате падения цен страна просто спускается на существенно более низкий уровень развития, не меняя ничего в структуре экономики, — в этом закон и самая страшная суть ресурсного проклятия. Нужны масштабные изменения, на которые в стране сегодня нет заказчиков, — все основные группы влияния не видят способа переключиться на другие источники своей власти или обогащения. То же было и с СССР, который за 10 лет с момента изменения рынка сумел прийти только к деградации, распаду и разрушению идеологемы. В этом смысле Россия

более похожа на СССР, чем кажется: территории, многонациональность, неоднородность экономики те же самые. В последнее время даже прибавляется характерная для СССР риторика «осажденной крепости» и идеологизация общества. Возможно, это дополнительные признаки того, что Россия обречена повторить 1990-е годы, может быть, уже в 2020-х.

Экономика России в XXI веке

А вот, собственно, и большая статья, написанная мной для того же Фонда Карнеги в апреле 2016 года — еще до того, как цена на нефть стала опять расти. Именно из нее взяты краткие выводы, ставшие первой главой этой части.

Экономика России за последние 15–16 лет пережила классический ресурсный цикл и «голландскую болезнь» — явления банальные и хорошо изученные. Повышение цен на нефть в начале века создало эффект быстрого роста бюджетных доходов и позволило власти отказаться от стимулирования процесса расширения налоговой базы. Более того, благодаря возможности контролировать нефтяные потоки власть консолидировала непрямой контроль за углеводородной индустрией, банковским бизнесом и через них — за всей экономической и политической жизнью страны. Это оказало негативное влияние на развитие любого ненефтяного бизнеса и на эффективность экономических и бюджетных решений.

Фактически к 2008 году бюджет России на 65–70% состоял (прямо или косвенно) из доходов от экспорта углеводородов, а корреляция темпов роста ВВП, доходов федерального бюджета и размеров резервов с изменениями цены на нефть достигла 90–95%. На этом фоне рубль за счет массивного притока нефтедолларов оказался значительно переоценен — в 2006–2007 годах его рыночный курс превышал расчетный инфляционный на 35%. Таким образом, на экономическое развитие России оказывали влияние три негативных фактора:

1. Власть в своем стремлении к контролю за финансовыми потоками сознательно ухудшала инвестиционный

климат, отказываясь от защиты прав инвесторов и предпринимателей и даже дискриминируя их. Это привело к сокращению потока инвестиций, удорожанию денег, снижению предпринимательской активности и постоянно растущим потерям финансового и человеческого капитала — из России было выведено более 1 трлн долларов, лучшие бизнесмены и профессионалы уезжали из страны.

2. Стерилизация дополнительных прибылей в резервы увеличивала стоимость денег, как следствие — привлекательность инвестирования снижалась, а развитие капиталоемких или медленно развивающихся областей становилось невозможным.
3. Переоцененный рубль и популистские меры правительства, направленные на необоснованный рост зарплат, вместе с высокими налогами резко завышали себестоимость продукции, делая внутреннее производство нерентабельным.

На фоне общего роста доходов за счет экспорта углеводородов и даже опережающего роста потребления Россия деградировала практически во всех областях экономики, так и не создав конкурентной производительной сферы. В российском ВВП до 20% заняла добыча углеводородов, до 30% (в 2 раза больше, чем в среднем по развитым странам) — резко гипертрофированная из-за огромных потоков импорта (за счет нефтедолларов) торговля, около 15% — внутренний рынок энергии и инфраструктура, еще 15% пришлось на государственные проекты, 9% составила доля банковской сферы. И, наконец, не более 10% ВВП относится к сфере независимых услуг и нересурсному производству.

На это наложилась неразумная социальная политика: рост доходов населения опережал рост ВВП даже с учетом нефтяной составляющей; бюджет стал работодателем почти для 30% трудоспособного населения напрямую и еще почти для 8% — косвенно, приняв на себя непомерную нагрузку; пенсионная

реформа провалилась из-за нерешительности власти. Вдобавок бюджет был перегружен амбициозными неэффективными проектами и гипертрофированными затратами на оборону и безопасность, а расходы бюджета сильно увеличивались не только потому, что деньги тратились неэффективно, но и из-за высокого уровня коррупции.

В конечном итоге после падения цен на нефть Россия осталась с недиверсифицированной квазимонополизированной экономикой, в которой отсутствуют как факторы, так и ресурсы для роста.

При этом на фоне сегодняшнего снижения цен на нефть Россия не терпит экономического крах. За годы высокой стоимости нефти страна накопила достаточные запасы: золотовалютные резервы в 3 раза превышают ожидаемый объем импорта 2016 года; предприятия создали достаточное количество основных фондов; население накопило более 250 млрд долларов в банках и, возможно, не меньше — наличными, а также сформировало запас товаров долгосрочного пользования; средняя жилая площадь на человека увеличилась более чем в 2 раза. Падение доходов домохозяйств, безусловно, беспрецедентно, но и оно при нефти в 35 долларов за баррель возвращает нас к уровню 2004–2005 годов — временам небогатым, но вполне стабильным. В целом подушевой ВВП в России в 2016 году составит, по самым пессимистическим прогнозам, около 7500 долларов¹ — в списке стран это конец седьмого десятка, рядом с Туркменией, чуть ниже Китая (а ВВП по ППС, видимо, около 13 000–14 000 долларов — в списке где-то в девятом десятке, вместе с Алжиром, Доминиканской Республикой, Таиландом, Колумбией, Сербией, ЮАР). Эти показатели скромны, но еще далеки от катастрофических (зона цветных революций начинается на отметке около 6000 долларов душевого номинального ВВП и 9000–10 000 долларов по ППС). Если ситуация не изменится (нефть не выше 35 долларов за баррель, никаких реформ

¹ На самом деле он остался выше 8000 долларов, а в 2018 году составил около 10000 долларов на человека в год из-за восстановления цен на нефть. — *Прим. авт.*

не происходит), Россия может еще как минимум года 3 не опастись масштабного кризиса в экономике — при условии, что выдержит банковская система¹.

Однако большинство факторов, влияющих на российскую экономику, в настоящий момент не способствуют ее развитию.

В области производственных ресурсов Россия, исторически недоинвестировавшая в основной капитал, даже сегодня сталкивается с почти 85%-ным заполнением производственных мощностей. Это при том, что существенная часть (по некоторым оценкам — более 40%) производственных мощностей в России устарела технологически и физически и не может производить конкурентоспособную и потребляемую рынком продукцию. Для адекватной оценки можно вспомнить, что за 10 лет станочный парк в России сократился почти в 2 раза — и редко когда это сокращение можно объяснить выбыванием старых маломощных станков и вводом в строй новых. Так что для роста экономики необходимо ускоренно капитализировать производство, создавать новые мощности. На это у государства нет средств (дефицит бюджета и так превысит 3% ВВП, скорее всего, будет около 5%²; у государственных компаний нет свободных ресурсов; частные и иностранные компании не готовы инвестировать в Россию из-за кризиса доверия).

В области эффективности Россия сильно отстала от мировых конкурентов: речь идет и об энергетической эффективности (мы потребляем в 4 раза больше энергии на 1 доллар ВВП, чем Япония), и об эффективности логистической — себестоимость перевозки грузов, хранения, таможенной очистки у нас существенно выше, чем в развивающихся странах и даже чем во многих развитых. Соответственно, снижается конкурентоспособность

¹ В конце 2018 года цена на нефть выросла до 80 долларов за баррель — и «минимум 3 года» превратились скорее в 8–10 лет. — *Прим. авт.*

² Интересно, что в 2018 году бюджет у России уже профицитный, но на инвестирование в высокомаржинальное производство средств все равно нет — настолько, что приходится даже сокращать пенсионные выплаты. — *Прим. авт.*

производимых товаров, а это барьер на пути к увеличению производства и рынков сбыта.

В области производительных сил Россия все больше страдает от нехватки трудовых ресурсов — они сокращаются в силу естественных демографических причин на 0,5% в год. При этом большая часть трудовых ресурсов задействована в сферах с нулевым или очень низким уровнем добавленной стоимости — на государственной службе, в силовых структурах, в частной охране, в торговле, в крайне неэффективной банковской сфере. Оставшаяся часть не покрывает потребностей государства — катастрофически не хватает, даже при сегодняшнем уровне развития производства и сервиса, инженерных и технологических кадров, квалифицированных рабочих и одновременно — эффективных менеджеров, специалистов по управлению. Российское коммунальное хозяйство фактически держалось на полузаконной эксплуатации труда миллионов мигрантов, в том числе нелегальных. До недавнего времени remittances (денежные переводы «домой») из России были статьей государственного дохода №1 в Киргизии и №2 в Таджикистане, существенными для Украины, Узбекистана, Молдавии, Белоруссии. Сегодня, в связи с резким падением как стоимости рубля, так и покупательной способности населения, в России количество трудовых мигрантов резко сокращается: дефицит рабочей силы начинают испытывать как коммунальные службы, так и все бизнесы, которые задействуют большое количество неквалифицированных работников, — вплоть до сетевых ретейлеров.

Непоследовательная и нелогичная политика в области законодательства и правоприменения (особенно в отношении прав собственности), а также в области экономики и предпринимательства продемонстрировала инвестиционному и бизнес-сообществу, как внутри, так и за пределами России, что власть ненадежна, настроена враждебно по отношению к предпринимателям, поддерживает высокий уровень коррупции, склонна к приоритизации государственных интересов, программ и бизнесов в ущерб частным. Естественной реакцией стал отказ от инвестиций в Россию — сперва в долгосрочные, а потом и в любые проекты — и отъезд местных предпринимателей

и инвесторов. За 16 лет суммарный отток капитала превысил совокупную выручку от продажи углеводородов. Доля частного бизнеса (без учета квазичастных — тех компаний, которые на самом деле подконтрольны государству) в ВВП сократилась до 30–35%. Объем внешнего долга упал до уровня ниже 50% ВВП из-за стагнации инвестирования. Частный бизнес в России сегодня генерирует ВВП в размере менее чем 3000 долларов в год на человека — это уровень тех стран, что находятся в рейтинге в начале второй сотни. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП не превышает 20–22%, притом что у развитых стран этот показатель находится на уровне от 40 до 55%. Сегодня более 1 трлн долларов составляют пассивные вложения российских граждан в банках Швейцарии и других стран Европы, Гонконга, Сингапура. Россию каждый год покидают около 20 000–30 000 представителей профессионального и бизнес-классов общества: в США эмигрантов первого и второго поколения из России минимум 6 млн человек, из которых не менее 3 млн сами заявляют о себе как о русских, в Израиле — минимум 1,5 млн, в Великобритании — несколько сотен тысяч, в остальных странах Европы — минимум 1 млн. Это говорит о том, что Россия потеряла примерно 10 млн человек (около 7% населения), которые могли бы стать основой среднего класса — и сегодня средний класс в стране составляет не более тех же 10 млн. Это, по сути дела, тотальный кризис доверия капитала, предпринимателей и профессионалов к стране. Таким образом, можно считать, что у российской экономики инвестиционный и предпринимательский ресурсы отсутствуют — как минимум до тех пор, пока не произойдет радикальная смена управленческой парадигмы.

Не слишком велик в России и девальвационный ресурс. Безусловно, девальвация сыграла позитивную роль в поддержке экспортеров, бюджета и сглаживании проблем «жесткой посадки» экономики. Однако сложно ожидать от нее позитивного эффекта в части роста ВВП. Во-первых, потенциальный рост ВВП в России практически полностью завязан на внутренний спрос (для роста экспорта нужны капиталовложения, которых нет, и технологии, которых тоже нет), то есть измеряется в рублях и почти не растет. Во-вторых, почти 100% российского

производства в большей или меньшей степени завязано на импорт сырья, комплектующих или оборудования (эта зависимость варьируется от 15 до 70–80%), и в связи с девальвацией рублевая себестоимость производимых товаров и даже услуг повышается существенно быстрее роста платежеспособного спроса.

К важным внешнеполитическим факторам, влияющим на экономику России, можно отнести, пожалуй, только санкции (и контрсанкции). Во всем, что не касается санкционных режимов, внешнеполитическая ситуация для российских экономических агентов вполне благоприятна — Россия является членом ВТО и других международных экономических организаций, свои резервы размещает в наиболее ликвидных инструментах и валютах, валютные и внешнеторговые операции проводит без ограничений, доходности по суверенным долгам находятся на низких уровнях, при этом враждебных экономических действий по отношению к России и российским компаниям (защиты рынка, антидемпинговые пошлины, ограничения свободы торговли и так далее) сегодня не больше, чем обычно, и не больше, чем по отношению к другим странам, в том числе развитым.

Да и санкции, наложенные США и ЕС, сегодня не особенно влияют на российскую экономику. Важно понимать, в чем их суть: они запрещают заимствование на международных рынках ограниченному числу российских коммерческих организаций, запрещают владение активами в ряде стран, въезд узкому кругу российских граждан и, наконец, запрещают передачу России узкого перечня технологий, в основном связанных с эффективной разработкой недр и созданием военной техники.

Ограничения на заимствования (даже если забыть, что круг подпавших под них очень узок) вряд ли могут повлиять на страну, которая уже несколько лет последовательно сокращает свой внешний долг. Сегодня он уже менее чем в 2 раза превосходит золотовалютные резервы — и существенно меньше суммы ЗВР и частных активов в валюте, в ЗВР не учтенных. Россия сегодня не нуждается в масштабных заимствованиях — большинство агентов экономики сокращают балансы,

не инвестируют в развитие, уменьшают обороты. Безусловно, финансовые санкции, если они распространятся на более широкий круг эмитентов и заемщиков и включат в себя суверенные долги, через 3–5 лет, когда Россия исчерпает запасы капитала и будет вынуждена привлекать средства в больших объемах, могут оказать убийственное влияние на экономику¹. Но пока масштаб санкций не таков, да и ситуация за эти годы может кардинально измениться.

Конечно, ограничения на передачу технологий в долгосрочной перспективе будут отрицательно влиять на состояние экономики России. Ограничение в технологиях разведки и добычи (с учетом того, что в России таких технологий нет и базы для их создания тоже нет) через 5–7 лет негативно скажется на уровнях добычи нефти и газа и их себестоимости. Но на сегодняшний день эффект от такого ограничения равен нулю. То же можно сказать о военных технологиях — сегодня Россия активно наращивает производство вооружений и удерживает их экспорт на высоком уровне (более 10 млрд долларов в год), и ограничения пока ни на что не влияют. Однако в перспективе невозможность использовать мировые достижения в развитии технологий двойного назначения приведет к тому, что российское вооружение начнет отставать от ближайших конкурентов — США, ЕС, Израиля и, скорее всего, Китая. Уже сегодня позиции России на международном рынке вооружений слабеют. Похоже, она потеряет рынок Индии (прежде всего — военные самолеты), а Китай, все еще покупающий российские системы ПВО, уже ориентируется в области авиации на свои разработки. Скорее всего, через 10–15 лет, когда фокус в этой области переместится на системы шестого поколения у развитых стран (и, соответственно, пятого — у развивающихся), России нечего будет предложить на рынке.

Контрсанкции, то есть меры самоограничения, касающиеся импорта продовольствия, которые были введены сперва против ряда стран (прежде всего ЕС) и впоследствии против Турции,

¹ И здесь надо заметить, что в связи с ростом цен на нефть 3–5 лет превращаются в 8–10. — *Прим. авт.*

также не слишком сильно влияют на экономику. Импортозамещения запрещенных позиций, то есть пропорционального роста производства точных их аналогов в России, не произошло как минимум потому, что в результате девальвации рубля существенно сократилось потребление — потеря объема запрещенного импорта оказалась по сравнению с этим незначительной. Товары импортозамещения подорожали сильнее, чем в среднем товары каждодневного спроса — рост цен на продукты из «санкционного» списка составил от 30 до 100% за последние 1,5 года. Однако из-за упавшего спроса и тотального снижения качества отечественных аналогов (переход на суррогатные ингредиенты, отказ от выдерживания технологии и так далее с целью снизить себестоимость и ускорить производственный процесс) не появилось ни излишков производства, ни дефицита.

Пожалуй, негативнее всего на российскую экономику влияет непредсказуемое и непоследовательное враждебное поведение России по отношению к иностранным экономическим институтам. Попытка «автономизации» страны в жизненно важных областях (телекоммуникации, платежные системы, транспортные системы, IT, навигация, спонсирование деятельности некоммерческих и благотворительных организаций и так далее) часто становится результатом лоббистских усилий местных игроков и коррумпированных или недальновидных чиновников. Эта попытка приводит к существенным затратам средств, к тому, что получается продукт, который нельзя полноценно использовать в качестве замены современным технологиям, а иногда — к болезненному отказу от испытанной международной технологии. Это действительно ставит под угрозу безопасность России, но только не из-за вымышленной внешней угрозы, а из-за реальной — нефункциональности продукта-заменителя.

Российская экономика находится в процессе кризисного сокращения, архаизации и потери конкурентоспособности. Однако это не значит, что она близка к краху. На конец 2015 года показатели душевого ВВП в России соответствуют в реальных ценах уровню 2006 года, уровень средней зарплаты — 2007 году. При ожидаемых показателях экономики за 2016 год эти показатели отстают на год — к уровням 2005 и 2006 годов соответственно. Эти

годы не характеризовались существенными проблемами в экономике. В таком темпе у России есть куда отступать: на пике падения в 1999 году, когда казалось, что еще шаг — и экономика развалится, подушевой ВВП был на 21%, а средняя зарплата на 40% ниже уровней 2016 года (см. рис. 5 и 6).

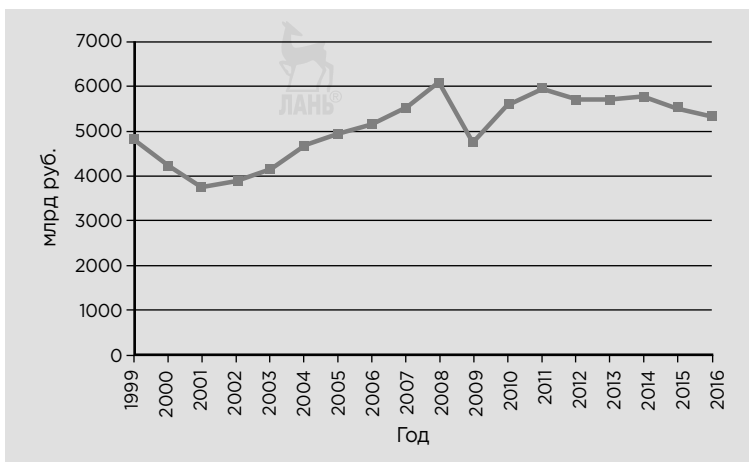

Рис. 5. ВВП России в ценах 1999 года

Источник: Росстат и расчеты автора.

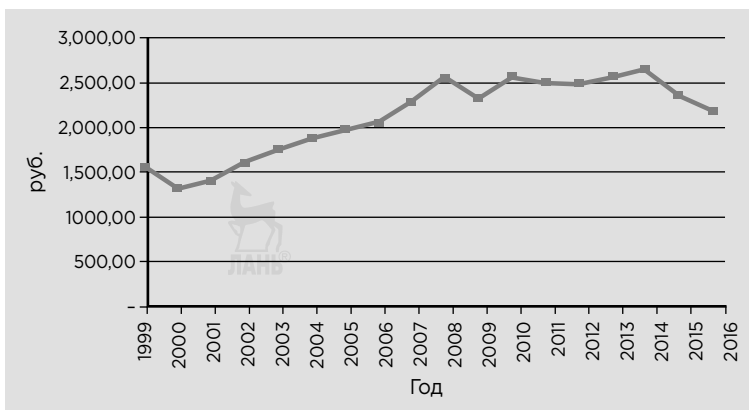

Рис. 6. Средняя зарплата в ценах 1999 года

Источник: Росстат и расчеты автора.

Другое дело, что в России есть правительство и государственный бюджет, который (его расходная часть) сегодня в реальных ценах также находится на уровне 2007 года, но почти в 2 раза превышает (по уровню расходов) бюджет 1999–2000 годов. И если разброс по средней зарплате или доходам домохозяйств довольно большой и люди будут приспосабливаться к негативным изменениям, то сокращение доходов бюджета существенно уменьшает возможности заработка для групп влияния, которые привыкли к неэффективным расходам и постоянно растущим посредническим и коррупционным доходам. Группы влияния будут бороться за сохранение своего заработка, не давая бюджету сокращаться. Этот процесс уже заметен — с пика расходы консолидированного бюджета упали в реальном выражении менее чем на 20%. Такая тенденция приведет к гипертрофии бюджетных расходов и росту налоговой нагрузки в России в ближайшие годы, а та, в свою очередь, замедлит экономическую активность в стране. Группы влияния будут стремиться восполнить потери от сокращающихся бюджетных потоков за счет увеличения своего контроля над государственными и негосударственными бизнесами, повышения ренты, состоящей из взяток, навязанного долевого участия, нерыночных продаж товаров и услуг и получения нерыночных преимуществ в конкуренции. Чтобы не потерять одобрение групп влияния, власть будет вынуждена поддерживать их действия, что еще больше затормозит экономику. Поэтому в ближайшие годы мы можем ожидать ускорение падения экономики и опережающего (с учетом того, что налоги, собираемые от добычи и экспорта углеводородов, будут сокращаться вместе с объемами добычи и экспорта) сокращения бюджетных поступлений. Эта закрученная вниз спираль с большой вероятностью приведет страну к экономическому коллапсу. Но будет это не ранее чем через 3–4 года — именно столько времени нужно, чтобы добраться до уровня 1999 года¹.

¹ И снова — рост цен на нефть в 2018 году изменил временные горизонты; однако описанный механизм оказался совершенно верным — мы видим, как на фоне роста цены на нефть власть все равно увеличи-

Почему текущий экономический кризис не вызывает социальной нестабильности и падения популярности нынешней власти? Причин у этого феномена несколько.

Во-первых, с точки зрения подавляющего большинства граждан России, текущий кризис наступил после длительного периода экономического роста. В общественном сознании тот факт, что ситуация сегодня все еще лучше, чем 15 лет назад, перевешивает ощущение, что она ухудшилась. Чтобы возникло массовое недовольство, уровень доходов населения, скорее всего, должен опуститься еще примерно на 30–40%, в район показателей 1999–2000 годов (см. рис. 7).

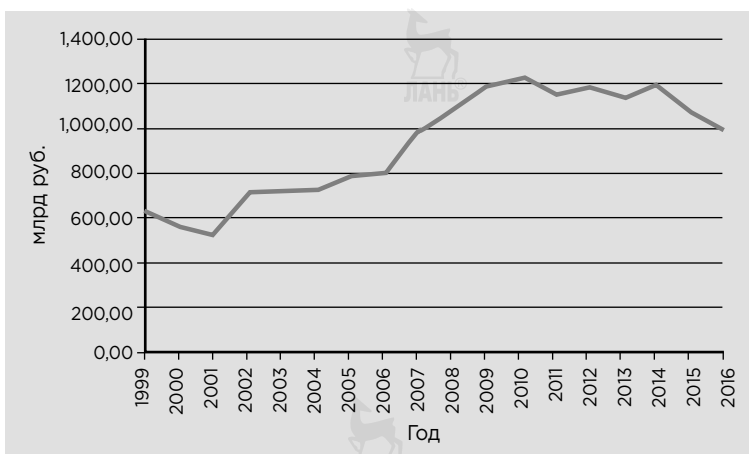

Рис. 7. Расходы консолидированного бюджета в рублях 1999 года

Источник: Росстат и расчеты автора.

Во-вторых, рост благосостояния в 2000–2012 годах, как и последующая стагнация и падение в 2014–2015 годах, были крайне неравномерно распределены в обществе. Существенные изменения почувствовала лишь небольшая социальная группа. Действительно, в России в 2015 году лишь у 24% немосквичей

валяет налоговую нагрузку и сокращает социальные выплаты, одновременно засекречивая и выделяя на мегапроекты-кормушки все большую долю бюджета. — Прим. авт.

были загранпаспорта, при этом лишь 7% россиян в последние годы выезжали за границу раз в год и чаще. Медианная зарплата отличается от средней по России почти на 40%, то есть доходы подавляющего большинства населения смещены в область очень низких зарплат. У менее чем 20% населения есть вклады в банках, а количество владельцев валютных вкладов не превышает 4% населения. Индекс Джини, который в конце XX века в России составлял около 8, сегодня превышает 18. Центры концентрации роста благосостояния в России — Москва и несколько других крупных городов. В Москве к 2014 году подушевой ВВП составлял около 35 000 долларов в год, к 2016 году он упал до примерно 20 000 долларов, но и этот уровень еще слишком высок для того, чтобы произошел социальный взрыв. А подавляющее большинство населения страны за прошедшие 15 лет стало жить всего лишь чуть лучше, а в последние годы — всего лишь чуть хуже. Изменения не настолько значительны, чтобы вызвать резкий рост протестных настроений.

В-третьих (и только в-третьих), в отличие от западных демократий, в России нет публичной конкуренции элит за власть, сопровождающейся активной критикой правящей группы через независимые СМИ и другие каналы, той конкуренции, которая финансируется и организуется оппозиционными группами элиты. Фактически информационное пространство идеологически монополизировано, максимальная аудитория независимых СМИ — менее 10% населения. И если в развитых демократиях СМИ, как правило, преувеличивают экономические проблемы в пропагандистских целях, а оппозиционные силы имеют возможность координировать социальные выступления через информационные источники, в России сегодня они преуменьшают проблемы, снимают с власти ответственность, перенося ее на внешние факторы, а оппозиция лишена доступа к капиталу и возможности координации протестов.

Правительство России будет озабочено поиском способов улучшить качество администрирования — чтобы обеспечить наполнение бюджета и удовлетворить денежные аппетиты групп влияния. При этом никакие меры, условно называемые реформами, не могут решить задачу немедленного балансирования

бюджета. Напротив, реформы, скорее, приведут к тому, что в ближайшие 3–5 лет средств нужно будет тратить больше; на время появится дисбаланс в экономике, и кризис усугубится. Сегодняшняя российская власть, которая своей миссией считает самосохранение на фоне стабильности общества, таких экспериментов просто не может себе позволить. Реальное доверие к власти в стране очень невысоко — менее 18% населения признают, что верят заявлениям высших чиновников; набирают силу левые настроения — ограничение внешней торговли и рыночных механизмов, масштабная эмиссия, национализация, государственные инвестиции в инфраструктуру все активнее продвигаются в качестве идей и находят поддержку в обществе. В этих условиях у власти нет мандата на реформы, и поддержание статус-кво остается ее единственной возможностью.

Ожидаемые административные меры с точки зрения экономической теории будут направлены на увеличение доходов бюджета без изменения самой экономики или взаимоотношений в обществе. Они могут быть шести типов:

- 1. Расширение количества налогов и сборов.** С учетом депрессии в экономике власть не может пойти на кардинальный рост налоговой нагрузки, особенно в случае чувствительных к ней бизнесов. Поэтому ее рост будет происходить либо в области бюджетного круговорота (начнут расти налоги на бюджетные организации, в том числе на фонд зарплат и имущество, чтобы при видимости сохранения и даже увеличения финансирования возвращать в бюджет большую долю выплат), либо в области неизбежной базы (рост коммунальных платежей и введение их новых типов, реквизиция поступлений специализированных платежей в централизованные фонды, введение налогов на доходы от депозитов и от курсовых разниц, налога на обмен валюты и так далее), либо в области чрезвычайно широкой базы, с тем чтобы очень малое увеличение дало существенные прибавки к поступлениям (налог на имущество, сборы за проезд и парковки, акцизы на широко потребляемые импортные и отечественные товары,

введение или увеличение сборов за детский сад, школу и прочее). Предпочтение будет отдаваться тем методам, которые позволят ставить между бюджетом и плательщиками агентов, получающих свою комиссию — она будет доходить до 100% сборов.

2. **Расширение налоговой базы.** Будет сокращаться количество льгот, по уже существующим будет дано указание на неприменение, суды станут поддерживать налоговые органы.
3. **Дискриминация.** В отношении меньшинства населения, непосредственно не влияющего на стабильность системы, могут быть приняты дискриминационные законы, которые обеспечат пополнение бюджета. В частности, могут быть введены экспоненциальные ставки налогов на недвижимость, автомобили, предметы искусства (с соответствующими формальными способами их избежать для близких к власти представителей групп влияния); могут быть объявлены существенные сборы за наличие заграничного паспорта, ограничены по размерам и обложены налогом расходы за границей (это легко сделать через запрет на вывоз наличных и контроль движений по картам с взиманием налога с банка, проводящего списание); введена очень высокая ставка подоходного налога для высоких заработков «верхних» 3–5% населения. Проживание в центре города, проживание в отдельном доме, наличие автономных коммунальных систем могут быть обложены постоянными налогами; приобретение hi-end-оборудования, украшений, дорогих предметов одежды — разовыми.
4. **Сокращение базы бюджетополучателей.** Мы неминуемо придем к повышению пенсионного возраста; расходы на образование и здравоохранение будут недофинансироваться и зачастую станут уходить в непрозрачных направлениях; всем производителям покупаемых бюджетом товаров и услуг будут даны жесткие указания сократить стоимость поставляемых товаров, в том

числе за счет качества, а проверки качества будут окончательно формализованы. В областях неочевидных для широкой публики сократится перечень финансируемых позиций и объемы — в первую очередь пострадают, например, квоты на медицинские манипуляции, объемы и качество лекарств, поставляемых в больницы; сократится (едва ли не до нуля) финансирование «побочных» и не связанных с интересами групп влияния социальных институтов — например, музыкальных школ или учреждений внешкольного образования. Подобные институты будут частично переходить на платную основу, частично передаваться организациям, желающим распространить свое влияние и лояльным власти, в частности РПЦ. Элитам регионов (а таких несколько), доверие которых сегодня покупается щедрым финансированием из центра, будет предложено существенно урезать аппетиты. В случае несогласия всегда есть возможность применить жесткие силовые меры, а если они окажутся неудачными, затратными или приведут к большим жертвам, будет на что свалить экономические проблемы и использовать ситуацию для отвлечения общества от проблем с экономикой.

5. **Реквизиции.** Вполне возможны реквизиционные действия в отношении банковских вкладов (их только у населения сегодня более чем на 250 млрд долларов) — в число таких действий входит и массовое банкротство банков с передачей государству активов, и принудительный обмен валютных вкладов на рубли по низкому курсу, и принудительный обмен рублевых вкладов на долгосрочные обязательства государства и акции самих банков (особенно — государственных). Реквизиция капитала за границей — например, полный запрет на собственность за рубежом для резидентов России с требованием ввода денег в страну и последующим обменом валюты. Реквизиция бизнесов — частично для увеличения доходов бюджета, частично в пользу крупных (и мелких местных) агентов групп влияния для

удовлетворения их appetитов в качестве замены прямым поступлениям из бюджета. Возможно, в какой-то момент заработает судебная конфискация имущества: государство будет «по закону» забирать собственность ставших неугодными или просто более слабых владельцев активов и продавать ее за очень небольшие деньги сильным и лояльным агентам влияния — бюджет будет получать прибыль, а расходы на поддержку лояльности можно будет снизить.

- 6. Экономическое обусловливание.** Множество публичных сервисов, которые сегодня государство предоставляет бесплатно или за символическую плату, оно может использовать для сокращения своих расходов, в частности на оплату труда. Обязательная отработка в государственном секторе для студентов в течение нескольких лет после окончания вуза на заниженной зарплате может стать условием бесплатного обучения; обязательная служба в армии или на альтернативной хозяйственной службе (в условиях оттока мигрантов обязательная трех-четырёхлетняя хозяйственная служба, в том числе для девушек, с выполнением неквалифицированных работ — перспективное экономическое нововведение) вне зависимости от поступления в вуз может стать условием бесплатного обучения в школе.

Объявленную приватизацию вряд ли можно включить в перечень мер, которые правительство принимает с целью улучшить ситуацию и пополнить бюджет. Стоимость активов в России сегодня так низка, а желающих их покупать так мало, что в лучшем случае приватизация обернется реквизицией капитала у неугодных олигархов (но этого капитала не хватит для решения проблем), перераспределением наличности (например, от Сургутнефтегаза, Роснефти) или стерилизацией вкладов в банках и средств в негосударственных пенсионных фондах (если банкам, особенно государственным, будет разрешено вносить приватизируемые предприятия в свой капитал по цене сильно выше цены сделки).

Однако все эти меры в силу реактивности экономики будут приводить к дальнейшему сокращению возможностей для получения доходов бюджетом и (или) носят невоспроизводимый, разовый характер. Их потенциал также будет исчерпан, а давление «слева» будет только усиливаться. Можно ожидать, что по мере того, как «левые» партии — КПРФ, ЛДПР, готовая примкнуть к ним в случае роста влияния «Справедливая Россия» — начнут понимать, что власть теряет поддержку, а они остаются единственными, кто может ее получить, они будут увеличивать свою независимость от власти и давить на нее: требовать популистских (а на самом деле — коммерчески выгодных лидерам этих партий и широкому кругу «бенефициаров левого курса») шагов, шантажировать власть отказом в поддержке и началом независимой игры. Власть будет вынуждена идти на все большие компромиссы: увеличивать объем регулирования цен и бизнеса, наращивать необеспеченную эмиссию, закрывать внутренний рынок, производить национализацию целых отраслей промышленности и конфискацию сбережений и собственности, дальнейшее ограничение трансграничных операций. Россия втянется в многолетний период так называемой перонистской экономической политики. По опыту других стран, такие периоды могут длиться более 10 лет, а их последствия (в том числе социальные) прослеживаются гораздо дольше.

Несмотря на то что вероятность потери российской экономикой стабильности невелика, сбрасывать ее со счетов не стоит.

В рамках нашего базового сценария российская экономика сокращается пропорционально в течение 3–4 лет¹, после чего в ней начинают превалировать процессы социализации: возникает ценовое и валютное регулирование, монополизирована внешняя торговля, начинается масштабная национализация, вводятся регулируемые уровни зарплат и гарантированное потребление и так далее — и в конечном итоге экономика получает возможность сокращаться дальше, но не разваливается еще несколько лет, возможно — более 10. Однако этот процесс

¹ Сейчас, при цене на нефть более 80 долларов за баррель, мы, конечно, говорим о большем периоде. — *Прим. авт.*

может быть прерван серьезными событиями, в результате которых ситуация начнет неконтролируемо быстро развиваться в сторону разрыва внутренних хозяйственных связей, натурализации хозяйства, быстрой долларизации экономики и потери рычагов валютного управления, обвального сокращения поступлений в бюджет, возникновения тотальных дефицитов и формирования больших групп населения, не способных себя обеспечить.

В свою очередь, за этими явлениями последуют резкий рост преступности; автономизация практически всех регионов (и доноров, которые не захотят больше делиться, и иждивенцев, которые будут искать варианты выживания в условиях прекращения дотаций) вплоть до активных и, возможно, удачных попыток отделения; возникновение локальных вооруженных конфликтов, в первую очередь возврат напряженности на Северном Кавказе, — и, скорее всего, череда попыток смены власти по типу дворцового переворота. Затем наступит длительный период политической нестабильности и, возможно, даже распад страны — по модели СССР или в результате куда более кровавых процессов.

Вряд ли какое бы то ни было изолированное событие может в ближайшие годы привести к описанному сценарию. Однако комбинация двух-трех факторов, рассмотренных ниже, вполне может послужить достаточным условием для начала катастрофы.

- Банковский кризис, не компенсированный государственными вливаниями и докапитализацией. В случае если масштабный банковский кризис не будет потушен предоставлением ликвидности до того, как плательщики начнут испытывать трудности с проведением платежей, а среди вкладчиков начнется паника, возможно одномоментное обезвоживание банковской системы, попытка массового вывода сбережений в наличную валюту (даже при прямом запрете) и в материальные активы, моментальный скачок инфляции и курса валюты, потеря рублем функции меры стоимости. Похожая ситуация была в Германии в середине 1920-х годов, когда

инфляция и запредельные расчетные риски быстро лишили бизнес стимулов развития — и экономика ответила резким падением.

- Выход из строя или существенное снижение работоспособности значительного числа объектов инфраструктуры в результате естественной амортизации, падения качества обслуживания, перебоев в снабжении запасными частями и электроэнергией. Такая ситуация возможна, если произойдет общее сокращение бюджетных ассигнований и остановятся инвестиции в модернизацию оборудования. При определенных условиях аварии на ключевых объектах инфраструктуры, даже если они обойдутся без жертв и ущерба другим объектам, могут существенно повлиять на экономику страны. Особенно опасны в этом смысле коммунальные системы (водоснабжение, газоснабжение, бытовое снабжение электроэнергией), проблемы с которыми могут возникнуть из-за недофинансирования и локального коллапса систем обслуживания ЖКХ.
- Резкое падение добычи углеводородов на фоне сохранения низких цен на них на внешнем рынке. Мы точно знаем, что используемые сегодня методы добычи нефти в России крайне неэффективны с точки зрения коэффициента добываемости. Известно, что предельно возможная добыча в России будет падать в будущем и, по оценкам, к 2035 году сократится в 2 раза. Однако мы до конца не знаем уровня негативного эффекта от ускоренной добычи со снижением коэффициента добываемости. Вполне возможно, что добыча будет существенно падать уже в ближайшие 7–8 лет, а отсутствие у России современных технологий разведки и экономной добычи не позволит ее увеличить. Как это происходит, мы можем видеть на примере Венесуэлы, которая потеряла почти две трети возможной добычи за 10 лет и уже закупает нефть за рубежом. Аналогичный эффект может иметь ввод против России эмбарго на закупку нефти и газа странами Европейского союза. Теоретически ЕС

будет готов отказаться от российской нефти, однако пока ни причин для этого, ни таких намерений ЕС публично не оглашал.

- Коллапс крупных индустрий. В связи с падением покупательной способности в России в ближайшие годы существенно изменится спрос на различные услуги и товары, в первую очередь — товары длительного пользования. Под угрозой целый ряд индустрий — от такой массовой, как малые предприятия индивидуального сервиса (большинство парикмахерских, салонов красоты, спортивных клубов, кафе используют импортное сырье и ингредиенты, что сегодня резко увеличивает себестоимость на фоне падающего платежеспособного спроса; в индустрии индивидуального сервиса занято более 3 млн человек), до такой значительной, как строительная индустрия. Себестоимость строительства квадратного метра в России рухнула за последние годы на 20%, до уровня 2002 года, но и цены на рынке упали до уровня 2001 года (все в реальных рублях). В таких ценовых параметрах спроса и предложения в 2002 году объем строительства составлял 49 млн квадратных метров в год, а не 138, как в 2014 году, задействованы в индустрии были не 5,7 млн человек, как сегодня, а не более 1,5 млн. Можно предположить, что объемы строительства (в отсутствие глобального субсидирования, а размер рынка превышает 200 млрд долларов с маржой 8%, то есть для существенного увеличения спроса субсидировать придется десятки миллиардов долларов в год) будут стремиться к тем самым 50 млн квадратных метров в год или даже окажутся ниже, а безработными только в этой индустрии станут от 3 до 4 млн человек. К списку можно добавить банковскую индустрию, бизнес перевозок, туристический бизнес, гостиничный и ресторанный бизнес, импортную торговлю и прочее. Есть вероятность, что произойдет одномоментный и взаимоиндуцирующий обвал нескольких индустрий с ростом безработицы на 5–10 млн человек (8–12%), до 13–18% от трудовых ресурсов.

Ни государству, ни бизнесу нечего предложить этим работникам — инвестиционная активность практически нулевая, индустрии, которые 12–15 лет назад (когда строительство было значительно меньше, как и индивидуальные сервисы) давали этим людям работу, сильно сократились или вымерли.

- Внутренний конфликт среди групп влияния маловероятен, но такая ситуация возможна. Маловероятна она потому, что интересы групп влияния достаточно хорошо поделены, арбитражное между ними налажено, и похоже, что все группы стремятся к сохранению мира. С другой стороны, опыт многих стран показывает, что конфликт, несмотря на высокий уровень организации сдержек и противовесов, часто возникает, если доля ренты в ВВП падает ниже 10–12% и распределяемых потоков начинает не хватать, а подушевой ВВП низок — ниже 6000 долларов. В России доля ренты в ВВП лишь немногим выше (около 16–17%) и медленно снижается, подушевой ВВП составляет, по прогнозу на 2016 год, около 8500 долларов. Опять же по опыту других стран мы знаем, что конфликт между группами влияния, если даже он напрямую не перерастает в войну кланов, все равно влечет за собой существенную дестабилизацию экономики — из-за значительных кадровых перестановок (вплоть до отставки первых лиц), принятия конъюнктурных, но крайне вредных для экономики решений, резкого роста рисков в связи с переносом борьбы кланов в правовую плоскость (использование масштабных уголовных дел) и так далее. Такая же ситуация зачастую складывается даже в стабильных и хорошо организованных элитах в случае, если из строя выбывает ключевое лицо (или лица), ответственное за баланс интересов. В России сегодня такое лицо одно, и, хотя вероятность того, что оно внезапно перестанет эффективно исполнять функции арбитра и контролера интересов, низка, она все же не равна нулю.

- Наконец, в современной России, где власть неинституционализована, в ней отсутствуют конкуренция и системы критической оценки решений и действий, а общественное мнение существенно искажено пропагандой и отвлечено ложными повестками, есть высокий риск очень дорогого, непоправимого и нерационального решения, которое вызовет резкое изменение ситуации и приведет к крайне негативным экономическим последствиям. Сложно предсказать, что это будет за решение: может быть, повышение налоговой нагрузки, которое вызовет обвальное снижение бизнес-активности; может быть, эскалация или начало новых военных или гибридных действий, стоимость которых в итоге подорвет экономику или приведет к санкциям совершенно другого уровня (например, эмбарго на покупку нефти и/или на продажу России комплектующих к импортным самолетам, машинам, оборудованию; запрет на продажу кормов и так далее); может быть, и решение по введению жесткого регулирования цен, капитальных операций или курса валюты.

Легкое и понятное многим решение-ответ на вызовы российской экономики — масштабное увеличение инвестиций в инфраструктуру. За это ратуют приближенные к Кремлю семьи, предвкушая сверхприбыли; этого хотят многочисленные потенциальные подрядчики; за это агитируют экономисты самого разного профиля и убеждений. Но несмотря на то, что существуют подтверждения прямой связи между объемом государственных инвестиций в инфраструктуру и ростом экономики, необходимо понимать, что связь эта работает далеко не всегда и не везде.

Любые инвестиционные действия — то есть фактически предложение рынку новых возможностей — должны соответствовать спросу, который либо уже существует, либо еще только может сформироваться. В противном случае они обречены на экономическую бессмысленность. Известные нам случаи подстегивания экономики за счет инвестиций в инфраструктуру

происходили в ситуации, когда спрос на инфраструктуру со стороны бизнеса значительно превышал предложение. Мы наблюдаем это явление в африканских странах, где не хватало инфраструктуры даже для базового развития торговых и производственных отношений, а иностранные компании были готовы вкладываться в экономику, и местное население было готово включаться в экономические отношения современного типа. Мы помним примеры новых территорий в США, Канаде, Мексике, других странах, где именно расширяющийся бизнес толкал государство на инвестиции (к слову, далеко не все инвестиции в инфраструктуру были государственными). То есть эффективнее всего эта модель работает там, где уровень инфраструктуры крайне низок, а запрос на развитие высок. В странах со средним уровнем инфраструктуры, как у России, эффект обычно значительно меньше. Настолько, что возникает вопрос — в случаях, которые можно считать «успешными», не было ли начало государственного инвестирования в инфраструктуру реакцией на рост экономической активности?

В сегодняшней России депрессия экономического развития не связана с инфраструктурным потолком, а высокая себестоимость транспортировки, связи и логистики влияет на увеличение стоимости продукта не так сильно, как факторы риска — отсутствие адекватного правоприменения и защиты прав инвесторов и предпринимателей, политические риски, коррупция и так далее. Вдобавок в России не хватает капитала и трудовых ресурсов для обеспечения бурного роста. В этих условиях масштабные инвестиции в инфраструктуру со стороны государства, скорее всего, столкнутся со следующей серией проблем:

- **Планирование.** Будут выбраны не нужные направления инвестирования, а те, что выгодны наиболее мощным лоббистам. (Остров Русский, Сочи, программа кардиоцентров, инвестиции в НИТОЛ, проект «Сила Сибири» — лишь малая часть реальных примеров.)
- **Финансирование.** У проектов будет масштабная изначальная переоценка, до 50% и более будет потрачено сверх реальной стоимости, большая часть уйдет в офшор, снижая курс рубля.

- **Выполнение.** Будет идти медленно, без соблюдения стандартов качества. Часть объектов окажется в итоге малопригодна или непригодна для эффективного использования.
- **Использование.** Объекты будут недооснащены, не укомплектованы штатом, спрос на их использование — под вопросом. Дополнительные инвестиции на содержание и адаптацию не будут выделены, и многие объекты будут обречены на простой.
- **Влияние на общий спрос.** Средства на инфраструктурные инвестиции будут получены эмиссионным путем, их пролиферация в экономику приведет к росту инфляции, общий объем платежеспособного спроса только сократится, и спрос на эти объекты еще сильнее уменьшится.
- **Влияние на бизнес-климат.** Переключение ресурсов на государственные инвестиции снизит бизнес-активность и повысит себестоимость для независимых компаний: в условиях низких объемов производства и нехватки трудовых ресурсов государственные инвестиции будут оттягивать на себя и сырье, и работников, поднимая и цены, и зарплаты. Использование потоков денег для прямого импорта (сырье, материалы, оборудование) и для косвенного (товары для продажи работающим на проектах) временно увеличит импорт и создаст дополнительное давление на курс рубля и социальную сферу.
- **Влияние на внутреннюю политику.** Эмиссионный характер трат даст временный заработок связанной с властью элите, что ослабит ее потребность в реальных реформах для сохранения своих доходов. Таким образом, реформы в очередной раз отодвинутся, а страна откатится еще дальше по уровню развития, отставание от конкурентов станет еще сильнее.
- **Влияние на внешнюю политику.** Сочетание внутренних источников и усугубляющихся экономических

проблем потребует переключения внимания населения и для поддержания рейтинга сделает внешней политикой еще более агрессивной. Что сократит вероятность как привлечения иностранных инвестиций, так и встраивания в мировые технологические процессы.

Но даже если предположить, что в стране существует запрос на инфраструктуру и всех вышеупомянутых проблем удастся избежать, объемы государственных инвестиций для раскачивания экономики, которая уже находится на российском уровне подушевого ВВП и инфраструктурного развития, должны быть колоссальными. По статистике, если страна со средним доходом и устойчивым уровнем государственных инвестиций в ВВП в пределах 3–4% увеличивает инвестиции в инфраструктуру на 1%, это дает разовый прирост ВВП на 0,08% с 75%-ным затуханием за год. Чтобы достичь роста ВВП в 3% в год, России надо начать с увеличения государственных инвестиций на 36%, в следующем году увеличить их еще на 18%, потом на 9%, потом на 4,5% и так далее. Всего инвестиции государства должны вырасти в 3,7 раза (а если учитывать, что у нас 50% разойдется по коррупционным схемам и на неэффективность — то в 7 раз). По самым скромным оценкам, Россия должна будет вкладывать в инфраструктуру 15% ВВП в течение многих лет. Для сравнения: Мексика расходует на инфраструктуру 5% ВВП, Индия — 10%, Индонезия — меньше 7%, Китай — от 6 до 11%.

Наконец, стоит попробовать ответить на вопрос: что можно сделать, чтобы ситуация изменилась к лучшему? Сегодня у российской экономики две базовые проблемы: риски, несопоставимые возможностям получения дохода, и зарегулированность.

Самая примитивная (но очень верная) модель экономики говорит, что рост происходит там, где предприниматели и инвесторы видят позитивную разницу между уровнем ожидаемых доходов и уровнем ожидаемых рисков от вложений или старта проектов (мы оставляем в стороне модель государственной экономики, развитие которой идет вне зависимости от доходов и рисков, просто потому, что знаем на практике: такая

экономика ни при каких условиях не может обеспечить устойчивого сбалансированного роста).

Таким образом, для роста экономики необходимо, чтобы либо потенциальные доходы были достаточно высоки (как происходит в очень бедных странах, там с низкой базы рост бывает очень быстрым, поскольку высок неудовлетворенный спрос — так происходило и в России 2000-х, потому что потоки нефтедолларов приносили высокие доходы и сохранялась иллюзия скорой либерализации экономики), либо риски ведения бизнеса существенно снизились. В этих условиях капитал сам начинает идти в страну и предприниматели осваивают новые инвестиции, при этом рынок с минимальной помощью государства в виде разумного регулирования способен идентифицировать точки роста.

В России сегодня нет областей, в которых можно ожидать сверхприбылей (кроме, конечно, преступной деятельности, коррупционных схем и участия в государственных подрядах — последнее зачастую становится комбинацией первого и второго). Россия — страна, достаточно жестко изолировавшая себя от международной кооперации и со сравнительно небольшим для изолированного рынка населением — всего 2% от всего населения Земли. Этого недостаточно для выхода бизнеса на уровень конкурентных цен и качества в мировом масштабе. Россия — страна среднего дохода, здесь фактически не осталось ниш для высокомаржинального бизнеса, особенно сегодня, когда доходы жителей падают. Россия — страна квазимонополистических конгломератов, оказывающих жизненно необходимые бизнесу услуги (поставка энергии, перевозки и так далее) по завышенным ценам. Россия в высокой степени зависит от импорта, то есть сырье компании закупают по высоким ценам — и оно облагается повышенными налогами.

В этой ситуации единственный способ увеличить экономический потенциал страны — снизить риски. В развитых странах, таких как государства Северной Европы, США, Канада, пространство для получения сверхдоходов тоже ограничено, если вообще есть — в первую очередь из-за высокой конкуренции, высоких налогов и медленного роста потребления. Но тем

не менее средняя скорость роста подушевого ВВП в этих странах превышает 1000 долларов в год (что для России составляло бы 13% годовых!) — этот результат достигнут за счет крайне низких рисков ведения бизнеса.

Базовые риски, с которых надо начинать, это те, что связаны с владением собственностью (даже мэр Москвы уничижительно называет свидетельства о собственности «бумажками») и правоприменением — как в спорах с государством (в лице регулирующих, силовых и фискальных органов), так и между хозяйствующими субъектами. К сожалению, кратко изложить последовательные и детальные предложения по коренной перестройке системы с целью минимизации рисков правоприменения невозможно, однако стоит обозначить направление движения. Необходимы масштабные изменения законодательства, направленные на защиту предпринимателей и инвесторов; гарантии примата международных судов и права; презумпция невиновности в делах против государства; запрет на возбуждение уголовных дел при отсутствии поддерживающего решения и даже прямой передачи дела в гражданском процессе; повсеместное внедрение суда присяжных; программа защиты бизнеса при обвинении владельцев или топ-менеджеров; независимая всеобщая выборность судей, начиная с низшего звена; система защиты добросовестного приобретателя и снятие всякой ответственности с держателя прав в случае, если права были действительно выданы государством — вне зависимости от допущенных государством при этом нарушений; 100%-ная амнистия собственности и так далее. Все это должно привести к тому, что предприниматели и инвесторы пересмотрят оценки рисков и произойдет переход от сегодняшней феодально-коррупционной модели правоприменения к той, что основана на состязании сторон и соблюдении закона.

Наконец, очень важная часть системы снижения рисков — комплекс законодательных мер для защиты инвесторов и предпринимателей от изменений законодательства, решений и действий (не только противоправных) государственных органов и прочих действий или бездействия со стороны государства или любых должностных лиц в любых формах, которые влекут

за собой убытки или упущенную выгоду. В частности, такие законодательные акты должны защищать инвесторов и предпринимателей от тех изменений законодательства и решений органов власти, которые существенно ухудшают условия ведения бизнеса, — в случае, если бизнес создавался или развивался в разумном расчете на прежние условия и/или если государство в той или иной форме давало гарантии или заверения (в том числе устные), что условия останутся прежними. И, конечно, массовые иски и защита в международных судах должны допускаться без каких-либо оговорок.

В режиме нестрогой изоляции

Примерно о том же, но и о многих частных вопросах российской экономической политики я писал уже 1 июня 2018 года в Harvard Business Review.

В России к 2018 году де-факто сложилась условно-феодальная система, основанная на добыче углеводородов, — подобно тому, как феодальные системы позднего Средневековья были основаны на аграрной экономике. Эта система обладает значительным запасом прочности: высокие цены на нефть защищают ее от внутренних возмущений, а наличие ядерного оружия сдерживает внешнее давление. Судя по всему, она способна сохранять стабильность даже в условиях провала внешней политики и попадания в ситуацию внешнеполитической изоляции.

За последние 10 лет в международных отношениях мы потеряли все, что с трудом создавали в постсоветской России. Страна, перед которой в период поздних 1990-х и ранних 2000-х открывался практически неограниченный спектр возможностей для сотрудничества и взаимодействия с экономически более развитыми странами, своими нынешними действиями планомерно отталкивает потенциальных партнеров. Сейчас любое сотрудничество с Россией становится предметом напряженного обсуждения (и, чаще всего, осуждения) в международных кругах. Неважно, кто изначально был «прав», чья позиция была «честнее» с точки зрения каких бы то ни было стандартов или

убеждений. Допустим даже, что Америка и другие развитые страны кругом неправы. Так или иначе, российская внешняя политика должна была бы строиться на примате выгоды для России и постоянном стремлении к взаимовыгодному сотрудничеству. Надо было понять, как работать с американцами и европейцами, чтобы добиваться того, что нужно нашей стране. В реальности же в результате наших действий влияние России в процессах международного сотрудничества упало до беспрецедентно низкого уровня, наша страна стала объектом жестких ограничений, тормозящих ее технологическое и экономическое развитие.

Сейчас разумнее всего было бы уволить чиновников, ответственных за внешнюю политику, и снова взять курс на международную интеграцию. Возможно, кое-что удалось бы вернуть: в мире дипломатии никогда не поздно начать с чистого листа. Даже территориальные вопросы можно решить, создав новую реальность, в которой Россия и сохранит полуостров, и вернет себе положение договороспособного партнера в мире и в регионе — достаточно вспомнить, что такие же проблемы не раз возникали и разрешались в Индокитае, в Латинской Америке и даже в Европе, а бывшие стороны конфликта сейчас отлично сотрудничают. Нашей же стране отчаянно мешает страх власти признать свои ошибки, ведь популистский лозунг «Россия встала с колен» предполагает, что вы всегда движетесь по верному пути — и пока экономика страны позволяет, эту иллюзию будут поддерживать.

Действительно, пока в России «все хорошо». У нас сегодня около 500 млрд долларов резервов, и они растут. Нефть продается хорошо, торговый баланс положительный. Дефицит бюджета так и не стал опасным, ВВП на человека — низкий, но не опасно низкий. Социальная нагрузка большая, но подъемная, а нынешние цены на нефть даже позволяют говорить о новых социальных программах и обещать увеличение расходов на здравоохранение и образование (правда, пенсионный возраст собираются поднимать). Медийная среда не просто контролируется, но и создает правильное давление на настроения общества, тем более что и общество тяготеет к патернализму и боится перемен.

Ради стабильности народ готов поступиться многим, легко принимая существенные ограничения свободы и даже экономические потери (доходы населения медленно снижаются, как и ненефтяной ВВП, технологическое отставание накапливается). Во всем мире активную политическую позицию в первую очередь занимают те, кто платит налоги. В стране, где 70% рабочих мест приходится либо на госкомпании, либо на предприятия, целиком зависящие от госзаказа, а около 30 млн занятых в теневом секторе не платят налогов, люди склонны прятать свои лица за «большинством» и смотрят на государство как на источник всех благ. И чем более депрессивна экономика, тем сильнее зависимость от власти.

Пока же нам обещают «прорыв», будущие успехи, построение суверенной высокотехнологичной экономики и научной базы. Но на самом деле в современном мире прогресс невозможен без тотальной включенности в мировые технологические цепочки, без интеграции научных институтов в мировое интеллектуальное пространство, без потока международного частного капитала, без многолетнего построения собственной, но глубоко интегрированной с лучшими мировыми институтами образовательной системы. В странах вроде Южной Кореи, США, Китая — где есть капитал, возможности и интеграция в мировую экономику — прогресс будет идти по-прежнему. Россия же уже сейчас отстала очень сильно: фактически мы применяем технологии на поколение старше, чем развитые страны, а по уровням эффективности трудозатрат, себестоимости, энергоемкости (затратам условного топлива на один доллар ВВП) мы во второй сотне стран.

Для нынешних политиков развитие страны — вопрос глубоко второстепенный. Да, время от времени создаются комиссии, принимаются программы с большими, плохо сформулированными задачами. Но бюрократы изобретательны — особенно в отчетности. Вне зависимости от того, какие цели задает новый майский указ нового старого президента, власть сумеет отчитаться об их выполнении. В соответствии с прошлым таким указом врачам в России повысили зарплаты — правда, больниц, поликлиник, врачей и фельдшеров стало намного меньше.

Санкции

Американские санкции нашей стабильности не угрожают хотя бы потому, что никто в США не готов затянуть пояса, чтобы «наказать» Россию. Сейчас посыл обратный: Штаты стремятся извлечь экономическую выгоду из «плохого поведения» нашей страны. В свою очередь, для Кремля санкции выгодны: укрепляется лояльность к власти и сплоченность народа перед лицом «врага».

Первопричина «алюминиевых» санкций — в разрушении алюминиевого производства в США. За последние годы оно сократилось в 5 раз, Штаты даже ввели пошлину на импорт алюминия. Решение запретить ввоз из России тут было как нельзя кстати. В Америке еще и производство стали чувствует себя неважно. Значит, владельцам сталелитейных предприятий стоит быть настороже и заранее постараться обезопасить свои бизнесы. Но большинство отраслей в США чувствует себя хорошо и в защите от российского импорта не нуждается. Стратегические линии вроде титана не тронут ни американские санкции, ни российские контрсанкции. Boeing по-прежнему будет поставлять нам свои самолеты, а мы ему — титан, что бы ни происходило между нашими странами.

То же самое с углеводородами. Российская нефть — это священная корова, которую трогать нельзя, потому что Европа от нее сильно зависит. Можно, правда, ввести санкции на сжиженный газ — это будет неприятно, но без этого экспорта Россия проживет. Все остальные гипотетические эмбарго малозначимы, потому что в других отраслях у нас неплохой внутренний рынок и слабый внешний. Приближенный к Кремлю бизнес сейчас концентрируется в индустриях внутреннего сбыта, понимая, что на внешнем рынке рисков для них предостаточно. И, конечно, на санкциях можно зарабатывать: кто-то построит бизнес, перепродавая алюминий или перекредитовывая активы «Русала».

Конечно, из-за этих санкций кооператив «Озеро» и кто-то из списка *Forbes* не только станет беднее, но и утратит шанс в какой-то момент, покинув Россию, объявить себя состоятельным

бизнесменом в другой стране. Но персональные санкции можно перетерпеть — в конце концов, их жертвы давно чувствуют себя в России настолько комфортно, что на остальной мир можно просто махнуть рукой. А санкции секторальные — в частности, против алюминиевой промышленности, — даже если и сохранятся в первоначально жестком виде (сейчас, похоже, США уже идут на попятный), отразятся на ВВП не очень сильно. Для алюминия всегда найдется сбыт, пусть с дисконтом в 10–20%. Цена на этот металл за год выросла на 20% и, вероятно, продолжит рост, что компенсирует потери. Россия продаст алюминий в третьи страны, а они перепродадут в Америку — это же биржевой товар. А если у компании «Русал» не будет американских и европейских денег, их даст ВЭБ или какой-нибудь катарский фонд.

Для администрации президента Трампа новые санкции тоже выгодны: избирателям демонстрируют, что Америка не будет мириться с теми странами, которые не подчиняются ее воле, принцип «America first» показан в действии, акции Alcoa растут. Европа тоже выигрывает: чем больше Россия ссорится с Америкой, тем больше зависит от поставок нефти в Европу и от европейского оборудования. Выгодно и Китаю: можно заставить Россию торговать на кабальных условиях. В общем, все довольны: если бы санкций не было, их надо было бы придумать.

Контрсанкции

Законопроект о контрсанкциях, внесенный в Думу в апреле, я бы назвал крайне вредным и противоречащим интересам страны. Вопрос: как вообще рождаются такие предложения? Приходится предположить, что их авторы стремятся «выделиться» на общем фоне в своих корыстно-карьерных интересах, в ущерб стране, которая их избрала депутатами. К сожалению, такие попытки «угодить начальству», проявляя патриотический раж без оглядки на здравый смысл, наносят большой урон делу развития России и ее имиджу.

В отличие от Думы, в правительстве, на мой взгляд, люди отвечают за свои действия. И на предложение перестать поставлять США титан или закупать у них лекарства, они, скорее

всего, ответят отказом, вернее — найдут способ сохранить лицо, но при этом не пропустить таких одиозных решений.

Вообще говоря, еще продовольственные контрсанкции 2015 года должны были бы научить чиновников тому, что мир давно живет по законам общего рынка. Если кто-то в России решает, что сыр с Запада есть нельзя, а сыр с Юга — можно, то сыр с Запада идет другим потребителям — тем, кто ел раньше сыр с Юга. При этом для России цена сыра вырастает, а для других потребителей падает. Норвежский лосось легко переплывает под чилийский или фарерский флаг. Продукты из Греции объявляются турецкими, и наоборот. Россия в итоге бессмысленно перераспределяет товары по миру, при этом создавая у себя продуктовую инфляцию, а поставщики не страдают: на их сбыт контрсанкции не повлияли.

Технологии

Пока есть финансовые ресурсы, страна будет закупать за рубежом все больше и больше — и товаров, и технологий. Правда, купить конкретную технологию недостаточно, если хочешь построить высокотехнологичное производство: история АвтоВАЗа — отличный тому пример. Siemens устанавливает в России свою турбину, обучает людей, налаживает процессы, и турбина работает, но попытки самим сделать турбину того же класса оканчиваются провалом — нет школы, материалов, комплектующих, технологий.

SSJ — еще один отличный пример. Гражданский среднемагистральный самолет SSJ, на создание которого ушло столько времени и средств, получился в итоге несколько хуже созданных ранее аналогов от Airbus, Boeing и Embraer. По разным оценкам, отечественный самолет на 40–80% состоит из иностранных комплектующих, его эксплуатационная надежность — 97,3% (у зарубежных самолетов она превышает 99%). Рынок сбыта очень узкий — всего эксплуатируется примерно 100 самолетов, производство составляет около 30 машин в год (Boeing в 2017 году поставил 468 только самолетов B737, Airbus — 377 машин семейства A320, Embraer — 210 машин). На этом фоне Индия объявила,

что рассматривает возможность выхода из программы адаптации для своего производства российского военного самолета Су-57, назвав его характеристики уступающими не только F-35, но и F-22, а саму программу «невероятно дорогой» — и это тоже следствие «суверенности» процессов нашего развития.

Недавно министр по делам открытого правительства Михаил Абызов, обращаясь к министру финансов Антону Силуанову, сказал: «За 5 млрд долларов и мы сделаем отечественных Илонов Масков». Он утверждал, что Маск получает финансирование от НАСА. В реальности компания Маска SpaceX зарабатывает на подрядах от НАСА, а не тратит государственные деньги; хуже того — проекты Маска пока убыточны, и значительная часть их потерпела крах. В России же создателей убыточных проектов на государственные деньги любят сажать в тюрьму.

Владелец крупной ИТ-компании AT Consulting Шилов сидит под домашним арестом: его обвинили в том, что в 2014 году МВД приняло незаконченный продукт у его компании. Перед этим он несколько месяцев провел в следственном изоляторе: условием выхода из заключения стала сделка со следствием, то есть показания против руководителя одного из департаментов МВД. По сути, он стал заложником чьих-то кадровых амбиций в этом ведомстве. Павел Дуров, который мог бы стать российским Цукербергом, покинул Россию, но силовые структуры по-прежнему требуют от него некие «ключи» к его продукту, которые, по уверению разработчиков, и выделить невозможно. Такими методами государство не может выращивать ни Илонов Масков, ни Сергеев Бринов. Госзаказ становится все более токсичным, а других заказчиков становится все меньше.

Единственный способ выйти из порочного круга — тотальная интеграция в мировые цепочки. Пусть даже вначале условия вхождения будут невыгодными — в этом нет ничего зазорного. Так начинающему ученому говорят: «Раз попросился в нашу лабораторию, иди и мой пробирки, а мы тем временем к тебе присмотримся и, быть может, потом позволим смешивать реактивы». Со временем из таких студентов вырастают нобелевские лауреаты.

Бизнес

Можно построить государственный бизнес, который изредка будет производить нечто интересное и инновационное, — как правило, неэффективно, потому что государственный менеджмент плох по определению. Тем не менее успехи в каких-то отраслях случаются и будут случаться. Но вот вопрос: дорогие игрушки — такие, как цифровое правительство, сайт госуслуг и банковский диджитал-клиент, которыми мы привыкаем гордиться (и вообще вся «цифровая экономика» — словосочетание, смысл которого не понимают даже авторы), — насколько они помогают тому, чтобы человек питался качественнее, был здоровее, жил дольше и больше радовался жизни? Если вы отправляете письмо через центр госуслуг в ту или иную госструктуру и получаете отписку, долго ли вы будете радоваться, что наше правительство теперь электронное? Если налоговая может выставлять штрафы просто потому, что у нее план, какая разница, как подавать декларацию? Посмотрите на банковские ИТ в России — они лучшие в мире. Но во многих странах люди обходятся без суперпрограммы банк-клиентов, которая разделяет расходы по категориям и позволяет проводить платежи свайпом по экрану телефона. Зато там выдают ипотечный кредит под 2% на 48 лет, субсидируют современные бизнесы и обеспечивают максимально комфортные условия для внешней торговли. Можно строить острова в пустыне, как в Саудовской Аравии: песок, песок, песок — дворец. Но к общему качеству жизни эти дворцы мало что добавляют: нужны нормальные институты экономики, а не электронные надстройки к архаичным системам.

Цифровые технологии развиваются, но построить Кремниевую долину здесь не удастся. Люди вырастают, создают диджитал-продукты, а потом уезжают из страны. Иностранные инвесторы не вкладываются в российские стартапы. Талантливые основатели все чаще слышат от иностранцев одни и те же речи: «Вы нам нравитесь. Переезжайте в другую юрисдикцию, и мы в вас будем инвестировать». А на российской почве хорошо растут лишь ИТ-компании, которые занимаются «цифровыми дубинами» — вещами вроде защиты информации

и контроля доступа. Это не массовый потребительский продукт и не прорывная технология для индустрии, а специальные разработки под госзаказ. И сами основатели этих компаний, что естественно, нередко ратуют за еще большую изоляцию страны.

Для многих представителей частного бизнеса ключевой вопрос сейчас — релокация в другую страну. Несмотря на заслоны и запреты, пропаганду и визовые барьеры, с каждым годом талантливые люди в России чувствуют себя все аутентичнее на международном рынке, который становится все более толерантным к иностранным бизнесменам. Большинство предпринимателей открыто говорят: «Мы в России — not welcome, ситуация непредсказуема, в международном плане — просто аховая, ставки по кредиту непомерные, закона нет, будущее неясно. Назовите хоть один параметр, по которому вести бизнес в России выгоднее». Если кто-то подумывает об открытии кофейни в Рязани, почему бы не открыть ее в Риге, если вы вообще умеете открывать кофейни? Даже у тех, кто приспособился делать бизнес на связях с государством, растут сомнения в перспективах: риски выше, доходы ниже. Хуже всего тем, у кого предприятие имеет большие активы в стране: если это производство или крупный сервис, продажа сегодня крайне затруднена (Сергею Галицкому повезло невероятно), а стоимость снижается. Но даже если бы стоимость сохранялась — в скором времени должна пройти смена поколений, а дети российских бизнесменов в большинстве своем уезжают учиться за рубеж и не возвращаются. Частный рынок в России отмирает как ненужный придаток государства.

Если попытаться заглянуть в ландшафт будущего — лет на 30–40 вперед — бросаются в глаза две существенные перемены: российская нефть станет ненужной (добыча упадет, как и рыночная стоимость углеводородов), а прогресс в области систем вооружений сделает даже наше ядерное оружие относительно нестрашным.

И тогда России может достаться роль полуразрушенной, разделенной между Европой и Китаем древней империи, подобной великим античным цивилизациям, в которых богатая культура сочеталась с варварством, великое вольнодумство — с деспотией,

великие мыслители — с примитивным обществом, обожествляющим агрессию. А будущее, судя по всему, за технократическими межгосударственными союзами, создающими меритократическую среду. И если этого вовремя не осознать, придется уступить дорогу более приспособленным странам.

**Часть
десятая**

Мы и война

**Что станет с Россией после захвата
Крыма?**

Санкции — вид сзади

Равноправие — где его искать?

Успех революции?

395

Война, как известно, это продолжение политики другими средствами, и не стоит думать, что она является последним актом политического спектакля: странам свойственно сперва исчерпывать все неразумные способы взаимодействия, а уж потом искать разумные. Война — масштабное горе, но горе это быстро забывается. Мы привыкли, что история мира — это история царей и героев: для первых война — вид спорта и способ укрепления власти, для вторых — единственная стихия, где они могут реализоваться. Что происходит с другими, «простыми» людьми, история либо умалчивает, либо дает информацию так коротко и безэмоционально, что мы просто не обращаем на это внимания. Может быть, именно поэтому призраки войн опять возвращаются — я уже говорил об этом выше, в своем интервью по поводу опасности новых войн в современном мире.

Россия в плане милитаризма традиционно и сегодня идет в авангарде человечества. Амбиции Российской империи постоянно толкали ее на войны — и у своих границ (для расширения территории), и на европейском театре — в рамках участия в большом переделе торговых потоков. СССР был насквозь милитаристским государством — от детской «Зарницы» и норм ГТО до участия в большинстве конфликтов в третьих странах развивающихся регионов под предлогом противостояния влиянию западного блока. На фоне пацифистской риторики в 1990-е и начале 2000-х мы не только провели две войны на своей территории, но и поучаствовали в ряде конфликтов за границей. Вторжение в Грузию в 2008 году обозначило перелом в официальной политике России — имперские замашки и политика принуждения стран-сателлитов к сотрудничеству путем создания зон военной нестабильности на их территории были официально признаны и объявлены сутью внешней политики. Вторжение на Украину, участие в войне в Сирии, введение войск в ЦАР, развитие наемнических компаний (при прямом запрете наемничества Уголовным кодексом), фактический развал сотрудничества с США по ограничению ядерных вооружений — это

внешние проявления новой доктрины. Внутренних (от милитаризации образования до воинственной, практически джихадистской риторики первого лица) тоже хватает.

У либеральных экономистов и политиков естественно возникает соблазн осудить милитаристский раж российской политики с морально-этических позиций, объявить его прежде всего злом по отношению к миру в целом и странам-жертвам в частности. Однако эти побуждения немедленно наталкиваются на суровую реальность исторического момента: Россия далеко не одинока в своих амбициях и методах их реализации. США и НАТО все чаще прибегают к военной силе, и все чаще это случается без мандата ООН; количество военных конфликтов в мире, сокращавшееся вплоть до 2015–2016 годов, начало снова расти; накопившиеся политические и социальные противоречия буквально рвут границы многих государств, установленные зачастую совершенно произвольно, без учета этнических и социальных реалий, и закрепленные принципом нерушимости границ. У апологетов милитаризма в России есть достаточно оснований сослаться на вечные аргументы: «мы не хуже других» и «у нас нет выбора».

В этом смысле единственно осмысленным контраргументом политике «военного патриотизма» может быть рациональная оценка причин и последствий процессов, в которые Россия втягивается и внутри, и во внешних действиях, осуществляемых в рамках данных процессов. Насколько официальная картина мира, в которой Россия стала крепостью, осажденной «мягкой силой», и вынуждена отстаивать свою свободу, соответствует действительности? Насколько осмыслены задачи, формулируемые властью? Решаем ли мы декларируемые задачи с помощью милитаризации страны и военных кампаний за рубежом? Какие побочные последствия вызывает наша приверженность данной доктрине и каково их влияние на страну и общество? Насколько велики «плановые потери» — в экономике, политике, безопасности, качестве жизни и собственно жизни граждан России и стоят ли они достижений, получаемых благодаря ведущейся политике?

Эти вопросы требуют ответа и широкого освещения. Убедить российское общество, что мы «не должны вести себя плохо» на фоне того, что другие страны так себя ведут, а общественная мораль в России соответствует системе примитивной группы и далека от современной гуманитарной этики, невозможно. Но можно попробовать убедить общество, что конфронтация с Западом, милитаризация страны и взаимодействие с миром с позиции силы (которой у нас не так много) — просто невыгодны и неразумны.

Об этом я пытался написать еще весной 2014 года — на тему захвата Крыма и войны на Донбассе. Статья вышла в издании Slon 11 марта и была прочитана более чем 750 000 человек — конечно, это очень мало в масштабах государства, но, если она внесла хотя бы небольшой вклад в отказ российского общества от одобрения более масштабной агрессии, значит, я писал ее не зря.

Что станет с Россией после захвата Крыма?

Многие мои друзья сегодня по полдня блокируют в Facebook контакты и оффренживают тех, кто «за действия России в Крыму», а вторые полдня ужасаются в комментариях, как же много таких находится среди вчерашних друзей. Мы против «операции на Украине» по морально-этическим соображениям: нельзя же, в самом деле, захватывать часть территории соседа, да еще близкого нам по духу и языку, только потому, что он временно ослаб и не может за себя постоять! Мы не верим пропаганде государственных СМИ. Мы уверены в праве украинцев самим решать свою судьбу и верим, что сегодняшний трудный выбор Украины будет правильным. Надеюсь, что в этом мы правы.

Мы также верим, что сегодня Россия вступает в опасное противостояние с США, Западной Европой и НАТО. Наша разница с «патриотами», в сущности, только в том, что мы не хотим этого противостояния, мы за сотрудничество; и еще — мы верим, что и США, и НАТО тоже за сотрудничество. Возможно, и в этом мы тоже правы, возможно, нет.

Мы не хотим замечать, что некоторое количество западных аналитиков, политиков и даже деятелей культуры — от Козна до Кустурицы (мы верим, что они никем не куплены, но, возможно, мы не правы) — стали писать о том, что Россия имеет право аннексировать Крым — моральное, юридическое или и то и другое — и если Россия даже не имеет такого права, то может себе это позволить и ей ничего не будет... Руководители США и других стран НАТО категорически против вторжения России и аннексии Крыма, они грозят не признать результаты референдума, выступают за санкции — но тут же кто-то все время говорит, что санкции неэффективны, что их не будет — в общем, что «все можно»! Создается впечатление, что нам (гражданам России) они (американцы и европейцы) хотят внушить мысль, что они только для виду против, а на самом деле ничего не могут сделать и в общем-то за.

А мы все тем временем — и патриоты, и либералы, и власти России, и русские в Крыму — зачем-то продолжаем дискуссию

на тему «Морально или аморально России получить выгоду от революции на Украине путем аннексии части территории, и если аморально, то допустимо или нет». Вопрос тонкий, у всех разные мнения. Когда вопрос ставится именно таким образом (выгодно?), многие страны и сегодня решают его в пользу аннексии или установления контроля (Турция и Северный Кипр — Турция, между делом, уважаемый член НАТО; Израиль и Голаны, Иудея с Самарией — Израиль, между прочим, тоже не изгой; история с Косово; Гренада, Мексика и так далее). Дискуссия бесперспективна в силу невозможности найти ответ, но очень интересна и, главное, сильно отвлекает. От чего?

Я думаю, она отвлекает от вопроса «Выгодна ли России аннексия Крыма?» или даже «Зачем Западу российская агрессия на Украине?».

Еще недавно все мы соглашались, что для России стратегически важна буферная зона с НАТО, а нейтральная Украина — отличная буферная территория; НАТО тоже вполне устроит нейтральная Украина; России выгоден нейтральный статус Прибалтики и Финляндии — тоже буфер. Россия крайне зависима от экспорта газа и нефти в Европу, ее конкуренты — Иран, США, Кипр и Катар. Чтобы сдерживать их наступление, надо иметь отличные отношения с Европой и влияние в ООН. Россия хочет тесных отношений с Казахстаном, чтобы удерживать свое влияние в регионе в противовес Китаю и Турции. Россия хочет дружить с Азербайджаном не только из-за нефти и гранатов, но и потому, что ось Турция — Азербайджан — Татарстан в перспективе угрожает целостности России. России крайне необходимо сотрудничество с США и Европой в высокотехнологичных областях, без него (а сегодня мы покупаем более 90% точных механизмов и машин, 45% нашего импорта машин и механизмов — из Германии) мы не сможем даже поддерживать свою обороноспособность. Наконец, нам как стране, органически разделенной на этнические части и удаленные регионы, стране, в которой больше половины регионов чувствуют себя обиженными центром из-за федерального характера основных налогов (и прежде всего НДС), просто жизненно необходимо настаивать на незыблемости принципа территориальной целостности государств.

Предположим, Крым мирно и тихо отходит России. Россия получает дотационный регион с отсутствием воды, энергии и инфраструктуры, полубандитским руководством и миллионом потенциальных мигрантов вглубь страны. В 2014 году Россия уже (при нефти 107 долларов за баррель) секвестрирует расходы на здравоохранение и социальное обеспечение, но при аннексии Крыма будет вынуждена потратить 2–3% бюджета только на этот регион (а если там будут воровать, как обычно, то и 5% может оказаться реальностью). У Крыма нет никаких шансов перестать быть дотационным, как и внести какой бы то ни было значительный вклад в ВВП России — в него вообще ничто, кроме нефти и газа, значительный вклад не вносит. Зато...

Россия уйдет с международных рынков капитала, и нас ждет рост стоимости корпоративных займов для страны, а это еще несколько процентов бюджета в год. А еще падение ВВП, еще инфляция, резкое падение импорта без адекватного импортозамещения; НАТО будет на Украине уже без каких-либо переговоров; ракеты в 100 километрах от границы и 500 километрах от Москвы как с юга (Украина), так и с Запада (Прибалтика — конечно, прибалты не будут сидеть и ждать, когда придет их очередь); американская морская база может появиться на Черном море, возможно, под Одессой, что сводит на нет все преимущества российской ракетной техники класса «море–море» (у нас дальше радиус поражения ракет, но хуже точность и слабые средства обнаружения цели, если корабли США стационарно подходят к нашим базам на свой радиус поражения, у нас остаются одни слабые стороны); резкий разворот Казахстана к Китаю (Турции), Азербайджана — к Турции; полное вступление Грузии в НАТО.

В экономике в среднесрочной перспективе мы можем потерять до 20% экспорта газа и до 25% экспорта нефти, в том числе из-за потери любых рычагов политического влияния на экономику мира (ограничение поставок нефти Ираном, газа Катаром и Израилем, сжиженного газа США на строительство «Южного потока»); выход на рынок Ирана (я не удивлюсь, если США с Ираном подружатся «против России» — обоим выгодно) может привести к падению цен на нефть, которому Россия, будь

у нее «политический кредит», могла бы помешать; возможно существенное падение импорта из Германии, а значит, резкое замедление в развитии (и так практически отсутствующего) точных производств и высоких технологий; неминуемый разворот в технологиях к Китаю, формирование за несколько лет зависимости (в том числе в вооружениях) от китайских поставок и технологий. Наконец, когда цена на нефть упадет процентов на 30, федеральный бюджет сократится на 40% (примерно такую цифру дают расчеты) и регионы России начнут испытывать существенные проблемы со своим бюджетом (думаю, ждать этого не дольше 5–7 лет). Россия не сможет апеллировать к нарушению международного права, если Китай захочет защитить права китайцев в Хабаровском крае. Кстати, уважаемые патриоты, не ждите, что Китай тогда остановит российское ядерное оружие — во-первых, никто в России не захочет умирать, во-вторых, за ближайшие 5–10 лет технологии противоракетной защиты смогут обеспечить Китаю 99–100% прикрытия от удара из России, в которой в это время развития технологий не будет.

Заметьте, все вышеописанное вообще не включает никаких международных санкций, которых, конечно, может не быть — по крайней мере в части, невыгодной США и Европе. Речь не идет о жертвах военной операции, а тысяч убитых не будет, только если Украина вообще не станет сопротивляться агрессии — что будет странно, учитывая, что ее к сопротивлению активно подстрекает Запад, да и армия у нее 200 000 человек. Речь не идет о военной поддержке Украины странами НАТО — не хотел бы я увидеть боестолкновение российских частей с частями НАТО и никому этого не желаю. То есть все вышеописанное — лучший расклад, может быть намного хуже.

Я не поклонник теории заговоров, но вот что мне представляется.

Во-первых, США и Европа совершенно не хотят дружить с Россией. Они хотят ее нейтрализовать — как экономически, так и в военном плане. В этой стратегии США и Европа совершенно поддерживаются Китаем. Если США и Европа хотят консервации России с запада, то у Китая свои виды на Дальний Восток России, и ему нужна слабая страна, которую никто в мире

не рискнет защитить, со слабой экономикой, сама являющаяся агрессором. Для этого им надо загнать Россию в «дружбу» с режимами, которые вызовут стойкую ассоциацию России у всего мира с самыми худшими проявлениями тоталитаризма и милитаризма; обеспечить постоянный поток негативной, неприемлемой для развитого современного мира и абсурдно-непредсказуемой информации из России, тем самым нейтрализовав как возможные пророссийские лоббистские движения, так и попытки России налаживать сотрудничество с нейтральными партнерами; под приличными предложениями ограничить сотрудничество России с передовыми технологическими компаниями мира; наконец, посорить Россию с максимальным количеством стран, особенно с соседями, и убедить приграничные для России страны занять рискованное место милитаризованных партнеров НАТО у российских границ, взяв таким образом страну в кольцо. Да и, конечно, обеспечить отсутствие в России роста предпринимательской активности, частного бизнеса, инноваций — всего того, что могло бы спасти страну экономически при падении цены или введении эмбарго на экспорт нефти. Решив эти задачи, Запад может сидеть и ждать, когда цена на нефть упадет. Россия, не имея ни международной кооперации, ни соседей-партнеров, ни альтернативного бизнеса, просто рухнет. При этом Калининград — исторически немецкая земля; Карелия — финская; Северный Кавказ, Башкирия, Татарстан (да и Крым!) — мусульманские территории; Калмыкия, Тува, Бурятия тяготеют к буддистским странам или самостоятельности; Дальний Восток уже заселяется китайцами; Курилы и Камчатка крайне ценны для Японии. Повторят ли тогда наши патриоты свое сегодняшнее «им можно — и нам можно»?

Уж не знаю, как такое получается, но действия руководства России в последние годы выглядят как точно соответствующие планам США, Европы и Китая. Что было бы, если бы руководство действовало в интересах страны, описанных выше? Безусловно, Россия не ставила бы на дважды судимого и явно коррумпированного лидера в братской стране. А если бы случайно поставила, то продолжила бы вести себя в феврале так же, как и в декабре: построила бы отношения с новой властью

на Украине (нам что дороже — Россия или Янукович?); предложила бы те же деньги, что и раньше (или еще больше); обещала бы тесное экономическое сотрудничество — в обмен на долгосрочный договор о нейтралитете Украины, невступлении в военные блоки и так далее; нашла бы партии и движения, которые можно поддерживать, которые бы блокировали переговоры с НАТО; выступила бы гарантом территориальной целостности Украины, чтобы снять все страхи у местных политиков. Кстати, то же самое давно надо было бы сделать и с Прибалтикой. И ни в коем случае нельзя было угрожать, пугать, нападать: понятно, что, вне зависимости от результата, теперь буферной зоне конец. Может быть, поэтому многие западные гуру активно подстрекают Россию к агрессии: как еще добиться изоляции страны и потери ею своих потенциальных союзников вокруг своих границ?

У меня, разумеется, нет объяснения, почему мы так плохо позиционированы в игре, где ставка — не просто мирная жизнь и благосостояние россиян, а, возможно, существование нашей страны как государства. Но понятно, что активная дискуссия о моральности действий России крайне удобна для тех, кто хочет отвлечь всех нас от единственно важного вопроса — выгоды этих действий. Удобна потому, что в России многие готовы быть «аморальными» (все мы люди), но действовать в ущерб себе хотят немногие.

Поэтому я бы обратился к патриотам и борцам за права русских на Украине с призывом: давайте поступимся патриотической моралью и трусливо договоримся о мире и дружбе с новой Украиной — не с позиции силы, а с позиции сотрудничества. Это еще не поздно, хотя и США, и Европа будут иступленно мешать нам это сделать — возможно, вплоть до прямых указаний кому-то из руководителей России и самых чудовищных провокаций. Мы должны это выдержать, проигнорировать и суметь договориться. Это и будет триумф нашей дипломатии. Этим мы капитально утрем нос стратегам из НАТО — они не получат ни Украины, ни Казахстана, ни Прибалтики. Наоборот, их получим мы. Пока у нас есть нефтедоллары, территории, внутренний спрос на товары наших соседей — ничто,

кроме нашей собственной агрессии, не заставит их поменять все это на деньги МВФ. Мы получим их целиком, в качестве друзей и партнеров. Постепенно, конечно, сразу наши глупости они не забудут. Но получим. А если будем продолжать дальше в том же духе — успеем получить и Восточную Европу, которой вовсе не так комфортно в тесном союзе с Германией и в бюрократии ЕС. Единственное, почему они там, так это потому, что нас боятся. Если уйдет страх — мы расширим зону своего влияния больше, чем это было во времена СССР. Именно этого боятся США и западные европейцы. Они рассчитывают, что Россия будет продолжать вести себя как агрессивный психопат. Потому что, если нет, у них нет шансов остановить развитие наших отношений с нейтральными странами и рост влияния в мире. Давайте перестанем им помогать уничтожать Россию.

Надо заметить, что часть моих ожиданий, описанных в статье, оказалась преувеличенной. Нефть после падения до 27 долларов за баррель вернулась к комфортному уровню 80 долларов. Россия не сократила добычу — наоборот, падение цены на нефть, экономических крах в Венесуэле и конфликты на Ближнем Востоке подрастили спрос, и добыча российской нефти увеличилась. США, при всем возмущении российской политикой, явно предпочитают нас Ирану, и потому атака на ключевые российские индустрии фактически не началась. И тем не менее: российский ненефтяной ВВП в 2014–2018 годы сократился примерно на 12% и продолжает падать по 1,5–2% в год; доходы населения падают 5 лет подряд; иностранные инвестиции практически равны нулю; лучший сценарий развития российской экономики предполагает скорость ее роста в 2 раза ниже, чем скорость роста мира в среднем — при подушевом ВВП уже ниже, чем в среднем по миру; доля кредитов малым и средним предприятиям в ВВП за 5 лет упала на треть — фактически свободный бизнес уступает в ВВП свое место непродуктивным государственным мегапроектам и «секретным» статьям. В стране поднимается пенсионный возраст (до уровня, неадекватного современным пенсионным системам западных стран), растут

налоги, а маргинальный прирост населения с 2017 года снова сменился убылью — и это с учетом миграции. Совсем недавно культ войны проявил себя и в социальной сфере — в Керчи произошел массовый расстрел в колледже; убийца — молодой человек, проходивший подготовку в «военно-патриотическом» лагере. Россия платит огромную цену за свои милитаристские амбиции, и большая часть этой цены не носит временного характера — даже если политика изменится, глубокие шрамы в обществе и экономике останутся на десятилетия.

Санкции — вид сзади

15 мая 2014 года я написал для Slon статью про ситуацию с санкциями против России — тогда их уже начали вводить. Как показали 4 прошедших года, фактически я угадал будущее. Когда я составлял эту книгу, у меня был большой вопрос — помещать эту статью в часть «Факты и мифы» или в часть «Мы и война»? С одной стороны, санкции — это военные действия, пусть и в экономике. С другой, их эффективность — да и сами они по большей части — очередной миф эпохи постправды. В конце концов я подумал, что всю эту книгу можно было бы включить в часть «Факты и мифы» — такова уж наша современная жизнь, и все-таки оставил эту статью здесь.

Санкции — модная тема для сегодняшних разговоров. Мало кто их видел (я не уверен даже, что господа из списков их уже почувствовали на себе), никто не знает, будут ли они и какими будут, но «предчувствие» носится в воздухе. Между тем «какие?» в отношении санкций, на мой взгляд, не самый интересный вопрос. В римской традиции я бы задал вопрос «*cui prodest?*» — причем кому выгодно даже не вне, а внутри России.

Санкции, какими бы они ни были, менее всего страшны властной элите. Посещение США и ЕС для них — далеко не главная ценность в жизни. Спрятать свои активы они могут не только в системе трастов, но и (как уже в основном сделано) через неформальных, не связанных с властью и потому не попадающих под санкции доверительных управляющих, которые для всего мира являются собственниками, но на деле лишь

присматривают за имуществом узкого круга приближенных к трону лиц. Возможностей обогатиться у них в закрытой, находящейся под санкциями и потому в принципе непрозрачной и неподотчетной международному праву стране станет только больше, даже если будет перекрыт экспорт нефти и газа. А в то, что это случится в ближайшие годы, верится с трудом. Власти у них в результате санкций и естественного при этом «сплочения нации и усиления вертикали власти» будет только больше, рисков ее потерять — намного меньше.

Государственный бизнес — это аморфный конгломерат из компаний, которые являются кошельками власти, системами, контролирующими тот или иной внутренний рынок, кормушками для конкретных приближенных, случайно доставшимися государству кусками неэффективной собственности и так далее. Говорить о пользе или вреде для государственного бизнеса в целом невозможно, и, в частности, потому, что в его рамках основные задачи нормальных бизнес-компаний — прибыль и принесение пользы клиентам — стоят едва ли даже на 20-м месте. Единственное, что очевидно сегодня, — власть в России сама готова «развернуть» госбизнес спиной к США и ЕС, внутрь российского рынка и на Восток (последнее несколько эфемерно, но в головах власти сидит как реальная идея). Почему? Опять же, потому, что не маржа, не рынки, не польза для клиентов, а агентские издержки, контроль и возможность «брать помногу изнутри» — главные интересы. А это наиболее стабильные области оперирования. С убытками можно жить долго, а катастрофические убытки (если будут) можно закрывать из бюджета.

Для силовиков — насколько вообще можно говорить о такой разнородной и широкой с точки зрения позиционирования и ментальности страте — санкции крайне выгодны, и чем больше их будет — тем лучше. Идеологема силовиков (сознательно упростим это понятие) — это примат перераспределения над созиданием, рост собственного бюджета в качестве коллективного государственного подрядчика и обеспечение лояльности массы: конфликт массы с самой стратегией силовиков и властью маскируется путем формирования образа внешнего

и внутреннего врага и перенаправления негативной энергии на них. Необходимые условия для успеха — «форс-мажорные» обстоятельства в стране и экономические проблемы на фоне враждебного окружения. Это идеальный вариант, напрямую позволяющий не только «узаконить» свою позицию перераспределяющего, но и существенно ослабить оппонентов, поскольку всякая оппозиция идее силового контроля будет неминуемо ассоциироваться со слабостью перед лицом внешнего врага и даже с предательством.

Широко упоминаемые в качестве малой, но весомой части российского общества «олигархи» на практике уже давно вписываются в одну из четырех вышеназванных групп — если доверительных управляющих считать отдельной группой, конечно. Не вписавшихся либо выгнали на Запад, либо посадили на Востоке (а некоторых затем таки выгнали на Запад). Олигархический бизнес в России в рамках и вне рамок «трастовой» компоненты строится почти исключительно на делегировании государством права делать что-либо и, соответственно, на защите государством этой ниши. Санкции не могут ни изменить ниши, ни изменить их распределение, хотя сам факт санкций, безусловно, будет использоваться в подковерной борьбе за ниши, и, возможно, мы увидим несколько переходов ниш из рук в руки.

Возможно, прибыли сократятся и рыночная стоимость активов олигархов несколько упадет. Но сами олигархи не питают иллюзий по поводу того, кому в конечном итоге принадлежит право решения, сколько стоит их бизнес. Скажет государство — и в рамках «компенсации за несправедливое решение иностранного суда» или в рамках государственной программы выкупит за две цены. Скажет — и в рамках борьбы с уклонением от уплаты налогов или просто за кражу у себя собственной нефти бизнес просто отберет. Какая уж тут рыночная стоимость! Да и какая разница, сколько она составляет.

Может быть, для кого-то из олигархов санкции станут уважительной причиной (для себя и для власти), чтобы «отскочить» — выйти из внутреннего бизнеса, оставить себе только то, что уже надежно размещено вовне, и начать жить заново

в Европе или (страшно сказать) в США. Но это уже не про экономику, а про психологию.

«Простой народ» от санкций должен в краткосрочной перспективе даже выиграть: снижение объемов импорта должно дать толчок к росту внутреннего производства, то есть к росту эффективной занятости; невысокие доходы населения так и останутся невысокими (исключим верхние 25% населения Москвы и верхние 5% населения других городов, на остальных санкции, даже весьма суровые, мало повлияют), зато ответные меры власти в виде, например, закрытия границы для капитала, перенаправления туристического потока внутрь страны и возврата к прогрессивной системе налогообложения могут даже несколько увеличить на время доходы низших групп. Более того, наконец-то общество обретет реальных врагов, реальную цель — победить экономически и реальную мечту — победить физически, оружием. Уверен, индекс «счастья» у населения должен вырасти.

Кажется, мы не затронули только «либералов и интеллигентов». Стоит заметить, что консолидированной «либеральной страны», или «пятой колонны», не существует. Условно, но и навязчиво, либералами в России именуют всех, кто последовательно выступает за примат гражданских свобод, единое, полное, эффективное и превалирующее над государственными решениями законодательное поле и частный сектор как основу экономики. В этих рамках существует множество непримиримых взглядов, начиная от религиозных и этических и кончая чисто экономическими. Либеральной прослойки в России уже почти нет — это результат как 100 лет геноцида, так и направленной работы последних 15 лет по выдавливанию активных либеральных членов российского общества во внешнюю или внутреннюю эмиграцию, а также по замещению их «системными либералами» — функционерами власти, назначенными изображать поверхностно либеральные взгляды для нейтрализации умеренного электората и изоляции реально либеральных персон.

Этому процессу способствовал ряд неотъемлемых свойств самих либералов — в силу своих убеждений не могущих предложить общественному мнению ни ярких и пустых лозунгов,

ни простых решений, ни обещаний счастья на печи. Хуже того — либералы не могут выражать свою позицию без использования сравнительно-аналитической аргументации, которая требует постоянной отсылки к истории развитых демократических стран, имеющих богатый опыт практической реализации либеральных идей. Эта интеллектуальная связь активно используется антилибералами для обвинения первых в «связи с Западом», его идеализации и даже «предательстве интересов России». К сожалению, благодаря как массированной и поддерживаемой властью пропаганде, так и крайне слабому уровню массовой идеологической работы со стороны либералов представления если не о предательстве, то по крайней мере о высокомерном отношении либералов к России и их идолопоклонстве перед Западом весьма популярны в обществе. Упомянутые «системные либералы», которые легко ловятся обществом на вполне когерентных с властью замашках и поступках (коррупции, паразитирования на властных возможностях, неэффективности деятельности и так далее), с успехом выполняют роль «витрины», еще более дискредитируя в обществе либеральную идею.

Любые враждебные действия по отношению к России со стороны Запада, таким образом, напрямую ассоциируются с либеральными кругами и самой либеральной идеей и существенно ухудшают позиции либералов как политической и интеллектуальной силы в российском обществе. Серьезные санкции могут вызвать ситуацию, при которой либералы в России будут уничтожены институционально и даже частично физически в рамках (или под прикрытием) народного гнева.

Одновременно в результате применения санкций российская экономика уже вынужденно (поскольку существующая власть просто не обладает другим арсеналом приемов и методов) будет мигрировать еще дальше от либерального рынка и свободной конкуренции, уничтожая тем самым единственную основу либерального электората — предпринимателей и свободных специалистов. Неизбежная национализация и мобилизация приведут к завершению процессов, которые идут с 2003 года, но активно развернулись только к 2012-му. Россия, вместо того чтобы «с учетом санкций» или «устрашившись

санкций» изменить внешнеполитический курс, на практике безвозвратно изменит курс внутривосточный на такой, при котором изменение внешней политики будет уже невозможным.

Понимают ли это страны, активно вводящие и готовящие новые санкции? Конечно, да. По их дальнейшим действиям можно будет судить, чего они хотят на самом деле — возвращения России в круг дружественных стран или ее изоляции и консервации. Но в последнем случае внутренние силы истощат ее и в итоге разорвут на куски. Внутреннее чувство говорит мне, что последнее для США и ЕС очень соблазнительно, но рискованно. А либеральные страны рисковать не любят. Вот, собственно, и мой ответ на вопрос, почему серьезных санкций не будет.

Равноправие — где его искать?

Официальная версия причины нынешнего противостояния России и «Запада» — неготовность со стороны западных держав видеть Россию «равноправным партнером». То есть, проще говоря, обида. Возможно, большинство войн в истории официально начиналось из-за обид: прошлых, не искупленных, нынешних, смертельных, требующих отпущения и даже — будущих, потенциальных, которые нельзя допустить. Но в текущем российском положении говорить надо скорее не о том, как обидно текущее российское положение, а о том, насколько обиднее оно может стать в результате наших действий. А также о том, насколько обида, которую мы затаили, это обида на «Запад» и насколько — на себя. Об этом — моя статья на сайте Карнеги (и в TheQuestion), написанная в 2015 году.

Вопрос, как России стать равноправным партнером Запада, как мне кажется, распадается на три: насколько Россия может быть равноправна с США и ЕС; дает ли конфронтация больше равноправия; надо ли быть союзником США и ЕС.

Отвечая на эти вопросы, надо очень точно понимать, что же имеется в виду под словом «равноправие» (как антонимом употребленного в вопросе прилагательного «неравноправный»). Формально, в соответствии с Уставом ООН, все страны мира почти равноправны, то есть имеют одинаковые права на международной

арене — за исключением тех, что входят в СБ ООН (у них больше прав по принятию ключевых решений), и особенно тех, что имеют право вето. В этом формальном смысле России нечего беспокоиться. У России есть вето в СБ ООН, которое никому не приходит в голову оспаривать. Это высший уровень политического влияния, наравне с США. В то же время при наличии равных прав у разных стран, конечно, совершенно неравные возможности. Если страна не в состоянии обеспечивать себе достойное экономическое место в мире, то она так или иначе будет зависеть от крупнейших торговых партнеров, и экономическое давление на нее будет иметь успех. Аналогично если эта страна не в состоянии предлагать внешнеполитическую повестку, которая будет близка существенному числу других стран, если она не создаст себе репутацию выгодного и надежного партнера, то ее мнение не будет учитываться на международной арене, что также делает ее неравноправной с признанными лидерами международной политики. Именно о подобном «неравноправии» мы и будем дальше говорить.

В этом смысле Россия, конечно, страна с урезанными по сравнению с развитыми крупными экономиками правами. Для начала Россия сильно зависит от ЕС экономически — как при наличии конфронтации, так и при ее отсутствии: торговый оборот — 500 млрд долларов; основные поставки сырья из России идут в ЕС; основные технологии и сложные промышленные товары идут из ЕС. Поскольку ЕС может при желании заменить Россию как поставщика и покупателя, а Россия заменить ЕС не в состоянии (сказка про Китай как альтернативу ЕС не выдерживает никакого разумного анализа), Россия в этих отношениях будет младшей и неравноправной. С политической точки зрения Россия полностью проиграла свою позицию на международной арене недалновидной политикой, попытками идти наперекор общему мнению, поддержкой стран, движений и режимов, пользующихся заслуженной репутацией изгоев, агрессивными действиями у своих границ. Так что и в политическом смысле у России «права» сильно урезаны, несмотря на право вето в ООН.

При этом нет никакой надежды достичь равноправия за счет конфронтации с таким мощным блоком, как США–ЕС.

Конфронтация вообще плохой способ решать проблемы. А в условиях конфронтации на политической арене с блоком, к которому прислушивается и с которым активно сотрудничает практически весь мир (кроме разве что Северной Кореи), Россия оказывается в изоляции. В результате страдают ее экономические отношения, снижаются возможности для сотрудничества в областях, жизненно важных для ее развития. То есть ситуация эта делает Россию на практике существенно более неравноправной (хотя, возможно, более гордой).

Сделать Россию равноправной могло бы развитие диверсифицированной экономики и проведение той внешней политики, которая привлекала бы союзников, усиливающих своими голосами позицию России. И в этом смысле конфронтация — сугубо вредная вещь: экономику невозможно развивать в изоляции, а найти союзников в ситуации, когда ты сам провоцируешь конфликты, очень сложно.

При этом отсутствие конфронтации не означает необходимости вступления в союз. России совершенно не обязательно становиться союзником США и ЕС, в частности, если мы разумно опасаемся неравноправных отношений в таком союзе, с учетом слабости экономики и испорченной внешнеполитической позиции. Россия вполне могла бы занимать позицию неприсоединившегося государства, не торопясь связывать себя излишними союзническими узами. В случае если в стране начнут происходить серьезные изменения, которые вызовут быстрый рост диверсифицированной экономики, если на международной арене Россия наконец-то займет позицию умного, прагматичного и честного партнера, то спустя какое-то время можно будет уже не бояться союзов — Россия добьется равноправия исключительно за счет самосовершенствования.

Успех революции?

Война — особенно «маленькая и победоносная» — имеет официальные оправдания и реальные причины, но также она имеет и последствия — как правило, не соответствующие ни тому ни другому. Майдан на Украине в 2014 году — отличный образец маленькой

победоносной войны, на примере которого можно изучать различия между «было» и «стало», «хотели» и «получили». Кое-что об этом я писал для украинского «Фокуса» еще 10 октября 2014 года — в конце 2018-го статья эта не потеряла актуальности.

Многие верят, что Евромайдан был реакцией на отказ Виктора Януковича от евроинтеграции и следствием его воровской политики. Эта вера удобна, так как предлагает быстрые решения: вернуть евроинтеграцию, сменить Януковича. Да еще Россия активно хочет помешать Украине «двинуться к свободе»: захватила Крым, устроила войну на Донбассе, и главная задача теперь — победить Россию.

Но правда в том, что вопрос евроинтеграции был лишь поводом для Евромайдана, как для восстания декабристов — Конституция, про которую солдаты на Сенатской площади думали, что это жена Константина, брата Николая I. Воровство Януковича также было лишь поводом. Сами по себе такие факты революций не производят: и в России, и на Украине есть устойчивая традиция обогащения власти, и Россия тоже последовательно отдаляет себя от Европы, но в ней никаких Майданов нет. В чем Россия и Украина действительно различаются, так это в размере подушевого ВВП. Майдан 2013-го — это протест против состояния украинской экономики.

К Майдану украинская экономика подошла с ВВП на человека менее 4000 долларов в год. В 1991 году, когда разошлись восточноевропейские сателлиты СССР, у Украины ВВП на душу населения был больше, чем у Польши. С тех пор украинский ВВП вырос всего в 1,8 раза. Ни одна страна по эту сторону Урала не показала такой низкий рост. Для сравнения: в Польше ВВП вырос в 8 раз; в Румынии и Чехии — в 5; в России — в 3,2.

Причина такой катастрофы (нахождение европейской страны на 111-м месте в мире по душевому ВВП, сразу после Монголии) не в Януковиче, а в проводившейся в стране последние 23 года политике «рыночного феодализма», сводившейся к эксплуатации натуральных ресурсов и активов, оставшихся от СССР, конкурирующими кланами олигархов. Невозможность людям повышать свой жизненный уровень за счет роста

экономики компенсировалась субсидиями. То же самое происходило со многими предприятиями, которые активно компенсировали свою неспособность произвести качественный товар по приемлемой цене потоком субсидий.

Субсидии раздували бюджет (он достиг размера фантастических 30% ВВП, 18-е место в мире) и развращали население: объемы потребления услуг, которые субсидировались государством, к 2013-му существенно превышали европейские уровни. Образовался замкнутый круг: субсидии — рост субсидируемого потребления — рост субсидий — дефицит бюджета — нехватка средств на развитие экономики и снижение налогов — стагнация экономики — рост потребности в субсидиях. Побочным продуктом этого замкнутого круга стало разрушение существенных сфер государства, в том числе оборонного комплекса и армии — для войны между собой олигархам армия была ни к чему.

Революция на Украине «решила» вопрос Януковича и, возможно, вопрос евроинтеграции, но экономическое положение страны она ухудшила. За полгода с момента победы Евромайदानа над Януковичем я, к сожалению, не увидел серьезных шагов «новой Украины» в сторону решения реальной проблемы. Напротив, Украина живет в плену иллюзий, которые не дают ей сдвинуться с мертвой точки.

Главная иллюзия — что «революция» победила. Революция едва началась. Первыми ее успехами будут рост ВВП не менее чем на 4–5% за год и сокращение расходов бюджета до 20–22% ВВП. До этого момента шанс свалиться в повторение пройденного, стать жертвой масштабной гражданской войны или быть поглощенной Россией слишком велик. Добиться этого можно только кардинальными и быстрыми реформами.

Не менее ошибочна и иллюзия, что евроинтеграция — это универсальное лекарство от сегодняшних проблем. Евроинтеграция — нужный процесс, однако это совсем не лекарство. Это испытание и вызов — чтобы интегрироваться в ЕС и не умереть от истощения при этом, надо быть готовыми: сильными экономически, гибкими и «антихрупкими» политически.

Также очень опасна иллюзия, что главный фронт для Украины сегодня — это линия противостояния с так называемыми

ДНР и ЛНР. На самом деле главный фронт — по границе других восточных областей, от Одессы до Харькова. И, в частности, поэтому Украине необходим мир: только мир отнимет у российской власти возможность высасывать ресурсы Украины и дестабилизировать ее изнутри.

Неразумно и упрощение взгляда на Россию. Надо уметь разделять действия российской власти (откровенно враждебные к Украине) и взаимодействие между народами. В России минимум 30 млн человек открыто поддерживают Украину, несмотря на пропаганду и остракизм со стороны провластных кругов. Эта поддержка может стать важным активом для Украины — в частности, источником ресурсов и человеческого капитала. Русофобия в любых проявлениях для Украины крайне вредна.

Наконец, стандартна иллюзия, что государством управляют политики. Государством управляют политические институты. Меняя подлеца и вора на умного и порядочного, вы не получаете ни одного шанса на то, что в стране изменится политика. Единственный получаемый вами шанс — что новый лидер поменяет институты власти. Люстрация ничего не даст, если не сменится система.

И последнее. Процветание Украины создает и для России шанс на выживание в кризисе, который ждет ее через 5, а может, через 15 лет. Так что патриоты Украины сегодня борются и за Россию. Поэтому настоящие патриоты России болеют за успех Украины и будут готовы ей помогать.

**Часть
одиннадцатая**

Государство и бизнес

Риски — в частном случае

План 1954

ЗАБЫТЬ ПРО СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Валютный грабёж

Почему россияне не доверяют бизнесменам?

Что мешает России уйти с особого пути?

Пенсионные системы

Пособия на детей

Почему страхование вкладов — не лучшая идея

Памяти российских банков

Записки безумного экономиста

417

По общему мнению либертарианских экономистов середины XX века, в отношении бизнеса государство должно установить по возможности редко меняемые правила игры и далее «отойти и не мешать», ограничив свое участие контролем за исполнением этих правил — бизнес все остальное сделает сам. Увы, XX век не стал временем триумфа либертарианских взглядов — и виной тому не они, а то, как их идеи воплощались в жизнь.

Все началось с государства, которое устанавливало плохие правила игры, — речь идет не об отсталых странах, а о США и Западной Европе в первую очередь. Эти правила создавались при активном участии квазимонополий, владельцев крупнейших состояний и продажных политиков — и потому плохо подходили для взвешенного регулирования рынков. Все этим не заканчивалось: даже эти правила игры очень плохо исполнялись, особенно внизу, на уровне малого и среднего бизнеса, а государственные контролеры оказались коррумпированными и бездарными. В результате мир молодого капитализма принес быстрый рост экономики, но и быстрый рост преступности, чудовищную волатильность и в конечном итоге — кризис беспрецедентного масштаба, оставивший миллионы людей в 30-е годы XX века в самой развитой стране мира буквально без куска хлеба.

Государства в 1930-е годы спохватились, но чиновники не привыкли себя винить: виноватыми сделали рынки, либертарианцев и население, которое без должного руководства не сумело правильно вести дела. К концу 1930-х годов в США начинается бум государственного регулирования, сопряженного с развитием социальных программ. И то и то требует финансирования, и государство быстро увеличивает объемы собираемых налогов — если в 1900 году почти единственным источником финансирования госпрограмм были пошлины и акцизы (в сумме не превышавшие 5-7% ВВП), то к концу 1930-х годов в США собирают подоходный налог и налог на прибыль, в сумме составляющие до 15% ВВП, а к 2000 году общая сумма налоговых сборов достигает 30% ВВП. В Европе ситуация еще хуже — налоговые платежи

там составляют до 40% ВВП. Штаты государственных служащих в развитых странах за последние полвека выросли многократно, и вместе с ними разрослась система регулирования всего и вся, которую было бы сложно представить еще 100 лет назад.

Нововведения, как показал кризис 2008 года, мало помогли; но и бизнес оказался достаточно живучим — все же развитые страны пережили параллельно с беспрецедентным ростом регулирования беспрецедентный же рост экономики. Тем не менее у уровня вмешательства государства есть естественный предел — об этом говорит нам история краха социалистических стран. Западные демократии пока не перешли этот рубеж, а Россия из-за него 30 лет назад вышла, но, как показывает наша практика, отошла не так далеко, как хотелось бы.

Волшебным образом Россия умудряется сегодня сочетать в себе и пороки молодого капитализма (монополизм, коррупцию, слабость систем надзора, неравенство и высокий уровень преступности), и проблемы современных капиталистических систем (непропорциональный уровень участия государства, бюрократичные системы регулирования, высокие барьеры входа на рынки и так далее). В последние годы власть только усиливает оба спектра проблем одновременно — и «критический уровень», за которым наступает крах свободного предпринимательства, становится не дальше, а ближе. Об этом мной написано много статей — начиная с короткой заметки в Facebook.

Риски — в частном случае

Глобальные проблемы анализируются в целом, но замечаются в частных проявлениях. Мы много говорим о том, что фундаментальная причина экономического спада в России (архаизации, усугубления ресурсной зависимости, гиперконцентрации капитала и активов, сокращения нересурсных областей экономики, низкой добавленной стоимости, снижающихся доходов домохозяйств, роста немультимпликативной доли ВВП и прочее) — это низкая доходность ведения бизнеса по сравнению с риском его ведения.

Звучит абстрактно. Если рассматривать этот риск как «придут силовики, самого посадят, все заберут», то даже и не вполне правдоподобно. То есть, конечно, бывает такое, и нередко, но не повально, тысячи и тысячи работают непосаженных. Рассказы о «дорогом рубле» и «дешевом рубле», о «нету денег» и «кредиты дорогие» уже навязли в зубах — потому они и дорогие, что риски высокие. Не в кредитах дело, как и не в рубле, да и если сейчас раздать всем желающим триллиарды рублей без процентов и надолго, бизнеса больше не станет.

А риски состоят вот из чего, например.

1. Ответ юристов о процедуре регистрации филиала иностранной компании в России: «Госпошлина 120 000 рублей. Но надо понимать, что им [органам регистрации] ставят план по госпошлине, и потому они просто скопом заворачивают документы по формальным причинам или вообще без причин. Госпошлина не возвращается, люди платят второй раз, так происходит примерно с 60% идеально оформленных пакетов. Правда, есть возможность подать “с гарантией”, это стоит 240 000 рублей наличными».
2. А вот обратная сторона Луны — владелец компании хочет закрыть компанию до конца года, чтобы попасть под льготу, а для этого надо закрыть филиал: «Они [налоговая] просто выставляют на нас требование по налогам на огромную сумму. Суды мы все выиграли, они нам отвечают, что решение суда их не волнует. Пока

мы не заплатим, они не оформят ликвидацию. Тянут до 1 января, чтобы мы льготы не смогли применить, потом скажут, что мы не закрыли, потому что неправильно оформили документы — суды-то уже прошли, так что мы не сможем продлить срок по закону».

И так — везде, в любом закоулке, будь то государство или частный бизнес, большой банк или ларек с газетами, Кремль или избушка мэра далекого сибирского села. Непредсказуемо, неестественно, скрюченные мотивации (план по госпошлине?!), чудовищные пласты бюрократии (шрифт не тот, вылезли за клеточку, не по форме, а формы нет, как — не знаем, но вы все равно должны), накладывающиеся один на другой, и поверх всего этого, вторым слоем — наша законодательная база.

Мы недавно анализировали законодательство об офшорных компаниях, контролируемых резидентами РФ, — новое законодательство, с архиважной целью сделанное, как бы скопированное с лучших образцов. И прямо по нему видно, что задумывалось-то оно хорошо, по-доброму. А в итоге в анализе мы после каждого абзаца пишем: «Здесь заложен юридический казус; закон не дает четкого определения; данная норма нарушает основные принципы налогообложения, в частности — недискриминационный характер; отсутствие судебной практики затрудняет вывод о том, как суд отнесется к этой ситуации; мы ожидаем, что эта норма будет изменена; данная норма не разъяснена процедурно, а Минфин отсылает к решению местных налоговых органов» и так далее. То есть по факту почти все можно будет трактовать противоположными способами, в зависимости от настроения — сперва налоговых органов, потом суда.

А дальше — самый верхний слой, и он вообще радиоактивен: «Суды мы все выиграли, они нам отвечают, что решение суда их не волнует; пока мы не заплатим, они не оформят ликвидацию...»

Действия государства — это ужасно, но еще не смертельно. Однако именно они создают всеобъемлющую модель: отношения «государство — бизнес» транслируются в отношения

«бизнес — бизнес» и «бизнес — человек». И вот это уже смертельно.

«Можно подать заявление по мошенничеству?»

«Можно, но без толку».

«Почему? Они предоплату взяли и ничего не сделали, отказываются возвращать».

«А они скажут, что не могут; а потом будут переводить вам по 100 рублей в год, и по закону это уже не будет квалифицироваться как мошенничество».

«Ну а все-таки?»

«10 000 евро, возьмем заявление на доследственную проверку, вызовем для опроса, съездим на место».

«А дальше?»

«50 000 евро, возбудим дело, допрос, обыск».

«И?»

«Если все, то потом придется закрыть дело за отсутствием состава. Если 150 000 евро — то дойдет до суда с обвинительным приговором. Если еще 50 000 — фигуранта закроют. Это, конечно, если он со своей стороны не предложит. Тогда 150 + 50 + сколько он предлагает».

«Разве у меня теперь строительная компания? У меня теперь юридический бизнес: что ни контракт — либо подрядчик берет аванс и не работает, либо материалы некачественные, либо заказчик не платит. Работаем на юристов».

«Знаете, кто начал задерживать оплату и сокращать суммы в уже подписанных договорах? Газпром. Еще в начале 2000-х. Подрядчики сперва ждали по три месяца, потом по полгода, потом им вообще стали говорить, что неплохо бы промотивировать, чтобы была выплата. А рубли-то обесценивались, и оборотка была дорогой. Ну и постепенно на всем рынке стало принято не платить».

Все, кто посильнее, берут предоплату — иначе не заплатят. Сервисы отмирают целыми областями — платить за них вперед никто не хочет, потому что точно ничего не сделают, а работать без предоплаты никто не будет, потому что потом точно не заплатят. Большинству компаний приходится переплачивать менеджменту вместо того, чтобы дать опционы или

акции — менеджеры не верят, что с ними потом честно рассчитаются. Кредит под долгосрочный контракт с российской компанией взять невозможно — ставки такие же, как если контракта нет, потому что вероятность его исполнения — ровно 50%.

Люди вне бизнеса не отстают. Рассказывает мой знакомый, который на скорой привез сестру в больницу:

Выходит врач:

— Вы что, хотите ее у нас оставить?

— Ну да, на скорой же, переломы же...

— Ну, у нас, знаете, тараканы, клопы...

— ???

— Деньги-то у вас, вижу, есть...

— А что вы посоветуете?

— Надо особую палату, но сами понимаете... Ну или везите в частную... Но там будет дороже...

Вот это и есть — риски. Мне тут рассказывали про одну страну (от нас на Запад, недалеко), где рассказчик пришел открывать лицензируемый бизнес, подал документы, в произвольной в основном форме, и спрашивает: «А когда вы дадите разрешение, чтобы я знал, когда можно будет работать?» А ему отвечают: «Так работайте уже, вы же документы подали, если мы задержимся, то это будет наша проблема, а не ваша». Вот что значит «сокращать риски».

Поэтому клиенты российских private banking стоят в очереди, чтобы вложить деньги в недвижимость загнивающей Европы под туманные 2–3% годовых, а российские банки сокращают свои балансы, и все как один, кроме дающих кредиты до зарплаты, поставили свои стратегии на пересмотр (это вежливая банкирская форма сказать: «Черт его знает, что теперь делать»).

Так и будет Россия катиться к стопроцентно государственной экономике: у госкомпаний-то рисков никаких, владельцу все равно, а у менеджмента полно своих забот и интересов, им о прибыли и рисках компании думать некогда. Впрочем, это не обязательно сразу приведет к падению ВВП — говорят, Министерство обороны заказывает «русский айпад» по 6000

долларов штука. Если к этому еще добавить «русский айфон» по 5000, «русский макбук» по 25 000 и вообще принять, что русское — значит в 6 раз дороже, ВВП может еще как расти — пока деньги не кончатся.

План 1954

Я не особенно люблю давать бесцельные названия и определения. Но без них сложно описывать процессы. В нижеследующей статье, опубликованной в «Московском комсомольце» 8 октября 2015 года, я попытался сравнить историю с действительностью — то, как видится российская власть из 2015 года, с тем, как видели существующий строй во времена досоциалистические. Оказалось — очень похоже.

Многие критикуют российское руководство за отсутствие долгосрочной стратегии развития страны. Тем не менее власть упорно молчит, не предлагая ни программы, ни видения, создавая впечатление движения по инерции. В конце концов, не считать же нам майские указы, которые выполняются лишь в малой части, зато в большей части — нереалистичны, программой развития?

Может быть, план есть, но засекречен? Где-то за дверями хорошо охраняемых ведомств секретным шифром описано и их понимание реальности, и план развития России?

Вряд ли. «В России все — секрет, и ничего не тайна». Если бы такой план был, информация о нем уже утекла бы, и интернет бы пестрел выдержками. Скорее верно обратное. Лучше всего спрятано то, что у всех на виду, — и план широко известен, и именно поэтому никто не воспринимает его как план развития России. Возможно, что я его случайно нашел.

Я занимался статистикой вывоза капитала, а в совокупности он у нас за 15 лет превышает сальдо торгового баланса. В процессе работы с литературой на глаза мне попала книга, а в ней фраза: «Полнейшая оторванность [их] от [конкурентного] производства еще более усиливается вывозом капитала. Вывоз капитала налагает отпечаток паразитизма на всю страну».

Особенно было интересно про паразитизм: в России паразитизм на добыче природных ресурсов позволил сформировать систему «власти-рантье» и близких к ней «рантье-капиталистов».

Окей, подумал я, но в России ситуация во многом обусловлена монополизацией — власти, производственных сфер, управления. Книга моментально подтвердила: « [Этот строй] есть подчинение... монополиям в целях обеспечения максимальных прибылей и укрепления господства... Монополии занимают командные высоты в экономике. Они охватили тяжелую индустрию, а также транспорт, банки. Монополии оказываются в привилегированном положении по отношению к другим отраслям. Монополии принимают все меры для удушения “посторонних” [не принадлежащих “кому надо”] предприятий».

Ладно бы монополии! А уровень вмешательства государства в экономику? Ну да, ответила мне книга: « [Этот строй] заключается в использовании [государственного аппарата] для вмешательства в экономику страны (особенно в связи с ее милитаризацией). При этом происходит передача в руки государства предприятий, отраслей и хозяйственных функций при сохранении в стране господства частной собственности».

Обязательно милитаризация! В книге есть про наш растущий военный бюджет и активную подготовку к войне: «Они стремятся сохранить высокий уровень своих прибылей [в том числе] путем гонки вооружений. Войны и милитаризация приносят им богатые заказы, оплачиваемые казной по вздутым ценам, обильный поток субсидий из средств государственного бюджета. Все возрастающая доля национального дохода, и главным образом доходов трудящихся, забирается в государственный бюджет и расходуется на содержание армии, на подготовку и ведение войн».

Дальше я читал не отрываясь. «Государство под предлогом “поощрения хозяйственной инициативы” выплачивает крупнейшим [привилегированным] предпринимателям громадные суммы в виде субсидий. В случае угрозы банкротства они получают от государства средства для покрытия убытков. Их предприятия ставятся в исключительно выгодные условия». Мы знаем даже фамилии этих предпринимателей, а также, как

правило, разбираемся в их родственных связях. Близость к государству становится ресурсом, вся экономика стремится внутрь вертикали власти. Да, подтверждает книга: «Растет... численность населения, занятого обслуживанием эксплуататорских классов, в государственном аппарате».

В России эта система дает сбой — рецессия и рост инфляции наблюдались еще до падения цен на нефть, а сегодня не видно ни одного фактора, который мог бы развернуть тренд падения экономики. Государство пытается все контролировать, но, кажется, безуспешно. Конечно, подтверждает книга, это закономерно: «Защитники [этого строя] утверждают, будто бы государство стало решающей силой в хозяйстве. На самом же деле государство не может руководить хозяйством, так как хозяйство находится не в его распоряжении. Всякие попытки государственного “регулирования” бессильны перед стихийными законами экономической жизни. Монополиям свойственна тенденция к застою и загниванию, и... эта тенденция берет верх. Загнивание и паразитизм [этого строя] выражаются в задержке технического прогресса и роста производительных сил, в превращении в государство-рантье, в росте паразитического потребления, в реакционной внутренней и внешней политике. Загнивание [этого строя] резко усиливает обнищание населения».

Да, за последние годы внутренняя политика уж точно стала менее демократичной. И про это в книге тоже написано: «[Этот строй] характеризуется поворотом от демократии к политической реакции во внутренней и внешней политике... Ставленники занимают важнейшие посты... Правительства ставятся не народом. Реакционные монополистические клики для закрепления своей власти стремятся свести на нет демократические права. [Власть] вступает в союз со всеми без исключения реакционными силами и всемерно использует пережитки крепостничества».

В волшебной книге даже есть про антисанкции: «Важным орудием служит таможенная политика государств [этого строя]. В [этом строе] высокие пошлины помогают поддерживать монопольные цены внутри страны». И косвенно — про Украину,

Грузию и далее по списку: «В результате резко обостряются противоречия между... метрополиями и колониями».

Пора раскрыть тайну книги. Это «Политическая экономия». Учебник. «Государственное издательство политической литературы». Москва, 1954. Строй, о котором идет речь, — империализм, который, по мнению В. И. Ленина, сформировался, в частности, в России в начале XX века. Часто упоминаемые мной (в скобках) «они» — это «сращенные с финансово-промышленным капиталом представители власти».

Учебник написан на материалах Ленина, с цитатами Сталина и полным игнорированием реальности XX века, когда капитализм (в котором в конце XIX века, безусловно, были признаки описанного империализма) проделал огромную работу над собой: произошла демонополизация и построение системы защиты конкуренции на рынках и за власть; собственность на средства производства с помощью финансовых рынков стала существенно более публичной и обеспечила создание накоплений (в том числе в форме пенсионных программ) подавляющему большинству населения; бурное развитие технологий и рост эффективности за счет конкуренции кардинально увеличили общее богатство и снизили неравенство, обеспечив всех доступом к благам цивилизации.

Россия начала XX века упорно сопротивлялась развитию, хотя Ленин и предупреждал: «... [этот строй] не может отмереть сам по себе, в порядке “автоматического краха”, без самой решительной борьбы. Но... [этот строй] есть та стадия развития капитализма, на которой революция стала практической неизбежностью. Весь ход [событий] ведет к революционной замене капитализма социализмом». Сопротивлялась и Германия. В результате и в России, и в Германии произошли социалистические революции (в России — в 1917 году, в Германии, после неудачного переходного периода, — в 1933 году). Германия вернулась к нормальному (и уже постимпериалистическому) пути развития после страшной катастрофы. Россия застряла в социализме до начала 1990-х годов.

Нетрудно поверить, что нынешнее руководство страны действительно искренне стремится построить в России капитализм.

При этом за неимением практики и лучших учебников представление о капитализме оно сформировало по учебнику политэкономии 1954 года выпуска. Если так, то можно констатировать достижение полного успеха. Загнивающий монополистический империализм у нас построен.

Вот только что делать с «неизбежностью социалистической революции» — пожалуй, самым страшным, что может произойти со страной (настолько страшным, что для Германии даже оккупация оказалась благом по сравнению с властью социалистов)? Хочется верить, что построение империализма в России — это не часть хитрого плана, конечная цель которого — реставрация социализма. Еще не поздно, и можно двинуться по пути, по которому так успешно прошли западные страны, — от империализма к постиндустриальной демократии. Но для этого нужен хотя бы какой-то новый план, уж точно не 1954 года издания.

Забуть про справедливое возмездие

«Воруют...» Салтыкова-Щедрина давно уже стало самым кратким и точным описанием российской жизни. Коррупция — воровство, возведенное в систему, — самая заметная черта и нашей сегодняшней общественной жизни. Естественно видеть в ней самый большой грех — и власти, и отдельных ее представителей, и даже простых граждан. В ней проще всего обвинять, с ней эффективнее всего бороться, и победы над коррупцией могут быть многочисленными и шумными: с каждой посадкой (а у нас за нее сажают и министров, и олигархов, и режиссеров, и врачей, и множество Акакиев Акакиевичей самого разного калибра и из самых разных ведомств) заслуги борцов множатся, оппозиция, вцепившаяся в коррупцию как в символ власти, все более горда собой. Вот только уровень ее не сокращается. Более того — жить в стране становится все страшнее, лица властей предержжащих все угрюмее и тупее, бизнеса — все меньше, агрессии — все больше. О том, что не так в борьбе с коррупцией, я писал в статье для «Ведомостей» еще в 2013 году (опубликована 30 апреля) — и за 5 лет практически все мои предсказания, увы, сбылись.

Коррупция — это налог на бизнес, снижающий активность, уменьшающий ВВП, это важная составляющая деморализации общества, одна из причин правового нигилизма, центробежных настроений внутри страны и утечки капитала вовне.

С коррупцией надо бороться. Не забывая врачебный принцип «не навреди». Коррупция — всего лишь симптом, и даже не главный, нашего букета болезней. «Лечение» методом уголовного преследования отдельных коррупционеров и поиска следов бизнеса у действующих чиновников приведет к еще худшим последствиям.

Коррупция не закон, который можно отменить. Она имеет глубинные причины и свое место в экосистеме общества. В России у коррупции ролей две: она формирует для бизнеса хоть какие-то правила игры на фоне негодной законодательной базы, отсутствия независимого суда и постоянно меняющихся «высших решений»; она также обеспечивает единственную личную мотивацию для предприимчивых и разумных (не будем про порядочность) граждан стремиться во власть и пребывать во власти.

Власть — тяжелая работа: 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Все время на виду, каждое слово и действие под контролем, давит груз принятия решений и ответственность за них. Список мотиваций претендентов небольшой: стремление улучшить жизнь страны, нездоровая жажда власти — или жажда обогащения.

Пассионарным талантам нужна великая идея, уважение, свобода действий и полномочия. Там, где министерская зарплата ниже, чем менеджера банка, где система управления строится на принципах, описанных Салтыковым-Щедриним, пассионариев не будет, можно не мечтать.

«Ворюги» и «кровопийцы»

Остаются, во-первых, «честные» властолюбцы, а во-вторых, прагматики без принципов, готовые поступиться самолюбием и комфортом, чтобы заработать.

Первые не только плохие менеджеры — они апологеты кризисов. Для них чем хуже в стране, чем чрезвычайнее положение,

тем больше объем власти. Они хотят жить в осажденной крепости, их любимый бюджет — оборонный, а единственный метод управления — запрещать и сажать.

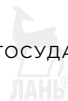
Вторые ненамного приятнее, но эффективнее в управлении (надо же придумать, как украсть), заинтересованы в общем росте и развитии (в бедной недовольной стране меньше можно заработать), хотят договариваться и «создавать условия». «Ворюги милей, чем кровопийцы».

Что будет, если борьба с коррупцией перестанет быть декоративной и существенно сместит баланс в пользу чистых властолюбцев?

Будут контратаки коррупционеров и попытки обвинять в коррупции всех вокруг. Процесс парализует ведомства, перегрузит следственные органы, СМИ, будет отвлекать от других проблем, создавая общую атмосферу паранойи. Под видом борьбы с коррупцией начнется фабрикация дел, расправа с неудобными, банальная борьба за место во власти, отъем бизнеса. В коррупции уже сегодня стали обвинять оппозиционеров. Процесс Навального тоже о коррупции! На фоне победы над несколькими коррупционерами множество бизнесменов и чиновников пострадают и, возможно, сядут в результате сфабрикованных (и несфабрикованных — коррупции-то очень много!) дел. Это ударит по экономике и управляемости страны больше, чем бьет коррупция.

Мы получим (еще!) на порядок менее эффективную власть. Страх ответственности (а вдруг обвинят!) возрастет, а мотивация что-либо делать не по распоряжению сверху (да и по распоряжению тоже) исчезнет совсем. Страна будет сориентирована на инициированные на олимпе мегапроекты — с сомнительной рациональностью зато масштабные и пригодные для торжественного рапорта. Основой политики станет борьба с несуществующими врагами. «Карго-культ» охватит всех и везде.

Коррупция же останется. Самые жесткие режимы — самые коррумпированные. Она централизуется, станет «правом своих», и размер «налога» вырастет — надо же окупать возросшую опасность! Исчезнет «рентная» коррупция. Брать будут как в последний раз. А конкуренция (и значит, качество) на государственных

подрядах принципиально снизится: если сегодня коррупционер за взятку все-таки может допустить к подряду лучшего исполнителя, то в рамках масштабной борьбы с коррупцией брать можно будет только «у своих», которые точно не сдадут. Клановость и семейственность расцветут так, что сегодняшние реалии покажутся свободным рынком.

В мире бизнеса коррупция перестанет создавать правила игры, а новых никто не даст. Страна, власть которой очищена от бизнесменов, обладателей имущества за границей и коррумпированных прагматиков (то есть тех, кто честно и не очень, но умел устраиваться, зарабатывать, договариваться), прогнавшая предпринимателей, которые еще вчера знали, «кому заносить», и работали, а сегодня вообще не могут встроиться в бизнес, полностью занятый «своими», окончательно свернет на тоталитарный путь развития. Некому будет бенефицинировать от «права выбора» (взятка — обратная сторона такого права в коррумпированном государстве; взятки не дают там, где выбирать не из кого), выбора не останется. Конец либеральной экономике с учетом реалий сегодняшнего мирового рынка будет означать конец экономике страны вообще. Нам останется только дожидаться падения цены на нефть.

Вылечить политический токсикоз

Коррупцию в России можно считать скорее защитной реакцией социально-экономического организма на токсичный способ построения власти. Чтобы победить коррупцию, надо изменить власть.

Нужны эффективные институты — властный, судебный, предпринимательский. Надо начать с установления жестких правил игры. Только на базе современной системы законодательства и независимого суда мы сможем построить честную мотивацию. Игра без правил слишком рискованна, чтобы в нее играли осторожные, порядочные и профессиональные люди.

Необходимо создать конкуренцию элит за власть, хотя бы за второй ее уровень, если и пока мы не можем выпустить верховную власть из одних рук, опасаясь за стабильность общества.

Надо сократить функции государства (передать часть функций частным органам, часть убрать за абсурдностью и коррупционным функционалом, часть сама ликвидируется за счет замены их нормами права), существенно снизить количество чиновников и существенно увеличить их легальный доход. Чиновник должен жить достойно. Чиновники высших рангов должны быть богаты и иметь пожизненные блага.

Надо передавать максимум полномочий вниз, не боясь коррупции. Правительство должно стать площадкой для дискуссий, причем публично — в прямом эфире (при этом требования к выполнению конечных решений должны быть повышены). Высокое начальство должно показать «низкому начальству» пример уважительного отношения к подчиненным.

В нынешнем виде власть на такие изменения не способна. Борьба с коррупцией делает ее еще более закрытой и консервативной, заставляет удерживать позиции любой ценой. Чтобы создать у власти мотивацию меняться, необходимо последнее «коррупционное действие». Будущее страны дороже морали, ради него мы должны забыть про «справедливое возмездие» и примириться с тем, что «жулики и воры», кто бы они ни были, спокойно доживут свою жизнь в покое и достатке.

Нужно нечто прямо противоположное борьбе с коррупцией — всеобщая амнистия капиталов чиновников, вплоть до самого верха. Легализация снимет главный барьер на пути к изменениям — страх нынешней власти перед разоблачением, делающий ее несменяемой. Официально ставшие миллионерами чиновники смогут вкладывать свои капиталы на родине, и их интерес к власти ослабнет. Они станут радеть за экономический климат, требовать появления независимых судов и эффективных законов — приобретая официальный капитал, они станут больше инвесторами, чем представителями власти. Если общество и власть смогут достигнуть такого договора и всеобщая легализация будет проведена, у страны откроется возможность без катарсиса (или катастрофы) двинуться из XIX века в XXI, а у представителей власти — мирно капитализировать свое положение и уйти на покой (который в их нынешнем положении им может только сниться), уступив

управление страной обеспеченным менеджерам с пассионарной жилкой. Это и будет победой — в том числе над коррупцией.

Валютный грабеж

Мы много говорим о том, что верховенство закона начинается с его соблюдения; и много говорим о том, что соблюдение закона начинается с его осмысленности и практической выполнимости. Вообще же законодательная система общества, как правило, отражает реальную систему взаимоотношений внутри социальной иерархии: законы пишутся элитами, и то, какую форму принимает власть, определяет то, как будут написаны законы и кому они будут приносить пользу, кого и от кого защищать, кого и на что мотивировать.

Россия — страна, в которой элиты делают ренту; законы такой страны защищают власть имущих от потери доли ренты и одновременно не должны мешать им эту ренту экстрагировать при любых обстоятельствах. Законы такой страны должны способствовать ограниченному пролиферированию ренты в социум — ведь рента является единственным значимым источником средств, все остальные должны быть уничтожены, чтобы у власти не возникло независимой конкуренции. Простейший способ пролиферирования ренты — максимизация штата чиновников, находящихся на содержании государства. Но и просто так оставить чиновников на содержании нельзя — во-первых, ренты жалко, пусть себе находят еще пропитание; во-вторых, именно чиновники и должны обеспечивать на практике искоренение всех не связанных с рентой и неподконтрольных власти способов зарабатывания. Естественным следствием этой системы становятся законы — запутанные, противоречивые, трудно-выполнимые, туманные — требующие на каждую деталь разъяснений от высокопоставленных бюрократов и одновременно — запретительные по сути, с использованием которых можно обобрать, а то и посадить почти любого, кто осмелится строить свой независимый бизнес, источник дохода или социальную организацию.

Я как-то выступал на панельной дискуссии в Бизнес-школе «Сколково» на тему «Спасут ли предприниматели Россию?» — и говорил примерно то, что написано выше: про абсолютную незаинтересованность власти в развитии бизнеса и улучшении законодательства.

Рядом со мной сидел губернатор Никита Белых. Он эмоционально поддерживал меня в критике текущей ситуации, но тут же все время добавлял: «Я оптимист, мы вместе сможем изменить положение вещей!» Увы, сам Никита Белых стал вскоре очевидным доказательством обратного — очередная интрига под ковром региональной власти сломала ему жизнь, превратив в заключенного: он стал жертвой «борьбы с коррупцией» по сценарию, описанному мной в предыдущей статье. Скорее всего, ему уже не оправиться от пережитого, даже если удастся выйти на свободу живым. Для российского общества его арест и осуждение были минутной темой для дискуссии — наше общество давно лишено эмпатии и рассматривает катастрофу отдельного человека лишь как новость, но не как предмет для сочувствия. О Белых забыла медиасфера, как забыла она об Улюкаеве, о других заключенных, но проблема никуда не делась: в России исполнение законов практически невозможно (даже если вы думаете, что исполняете законы, — скорее всего, это не так), и каждый может быть уничтожен «по закону» или почти «по закону»: достаточно оказаться на пути более сильного, рассердить власть имущего или просто попасться «для плана» — не секрет, что в России в правоохранительных органах до сих пор действует чудовищная система ДППЛ, достигнутых показателей предыдущих лет. Существуют «планы раскрытия преступлений», которые формируются простым увеличением ДППЛ предыдущего года на небольшой процент. Не выполнишь план — не будет премий, повышений, расширения штата. Выполнять план — значит, на фоне естественного сокращения количества преступлений фальсифицировать или провоцировать преступления и обвинять невиновных (хотя по нашим законам невиновных нет — есть недоисследованные). Хотите пример из жизни о том, как построены наши законы (кстати, в части еще более или менее цивилизованной — в области финансов)? Об этом моя заметка в Facebook в августе 2017 года.

Очень многие удивляются: «Как это так, нельзя не нарушить закон, работая в России? Есть законы, так соблюдайте же их, и все будет хорошо! Ну, допустим, плохие законы — так вы же заранее знаете, что они такие, ну не лезьте в это дело!»

А вот вам один пример — не самый серьезный и не самый вопиющий, но просто под руку попался, реальная история. Представьте себе, что у вас небольшая компания, которая оказывает услуги, и вам повезло — ваши услуги заказал нерезидент. Например, вы — ООО «Программист», и заказал у вас услуги сам Google. Вы маленькие, услуг на 200 000 долларов на год, Google большой, вы пляшете от радости.

Во всем мире это успех — дальше работай и зарабатывай, но в России ваша главная задача теперь — правильно составить валютную справку в банк и паспорт сделки, так как даже если валюта не уходит из страны, а приходит в нее, вы все равно под лупой, причем за ваш же счет (больше скажу: если Google платит рублями, ситуация никак не меняется). ФЗ «О валютном регулировании...» имеет 5 глав и 28 статей, инструкция ЦБ о предоставлении информации по валютным операциям — 21 главу и 9 приложений. Но вы совершенно готовы к такому повороту, и ваш бухгалтер (недаром в России самый дешевый аутсорсинг бухгалтерии стоит в разы дороже, чем полномасштабное обслуживание активно работающей компании на Кипре) аккуратно будет сдавать кипы документов и отвечать на запросы банка по каждому платежу. Вы даже убедили Google вместо обмена письмами, как во всем мире, подписать что-то похожее на договор и визировать акты приемки-передачи (я не знаю, как вам это удалось, но удалось) — иначе тюрьма, заморозка средств, и банк закроет ваши счета. Правда, банк и так хотел все заморозить — на договоре не было печати — но вы плакали и кричали, и валютный контроль банка решил, что можно.

И вот вы проработали год. Вы получили, скажем, 3 платежа из 4 квартальных. Правда, один платеж Google задержал месяца на 2 — у них какая-то неразбериха была, но Google простительно, да и вам какая разница? А еще один платеж Google прислал на 1000 долларов больше, зато в следующем они это ушли и прислали на 1000 долларов меньше. А четвертый платеж пришлют уже в следующем году, так как у них Рождество, и им еще надо проверить, все ли вы сделали. В общем, нормальная работа, и не самый плохой контрагент.

Вы закрыли контракт (а банк получил все документы много раз, включая специальные письма от вас на тему «почему на 1000 больше», «почему на 1000 меньше», «почему на два месяца позже» и так далее). И забыли думать — дальше работать надо. А через год к вам поступает вежливая просьба из налоговой — в течение 5 дней предоставить копии всех документов по валютным операциям. Вы предоставляете, чертыхаясь на российскую бюрократию. А еще через 5 дней вас вызывают в налоговую для беседы и говорят буквально следующее:

1. У вас существенные нарушения валютного законодательства.
2. Состоят они в том, что:
 - а) не выдержаны контрактные сроки поступления средств. Это значит, что в паспорте сделки указаны данные, не соответствующие действительности. Это значит, что вы не только не репатриировали средства как должны были, но еще и злостно ввели в заблуждение государственные органы;
 - б) у вас вообще часть средств не получена, хотя должна была бы (не важно, что она получена в следующем году — мы предыдущий год анализируем).
3. Дело плохо, нарушения у вас можно насчитать на сумму свыше 9 млн рублей. За это бывает 193 статья УК в особо крупном размере, а это — тюрьма до 4 лет.
4. Но мы — самое гуманное государство в мире, поэтому:
 - а) или мы документируем нарушения на 6,5 млн рублей и выписываем вам штрафы по КоАП 15.25.4 общей сложностью в 5 млн рублей на компанию (а можем и все 6,5, вы же видите, там «до 100% от сумм»), и никакого уголовного дела. Не обижайтесь, у нас план по штрафам, вы же понимаете, а дальше вы уж, пожалуйста, советуйтесь с нами о том, как оформлять следующие контракты, мы же не звери какие, мы всегда консультацию дадим, вот вам наши телефоны;
 - б) или идем в суд и параллельно, кстати, на гендиректора и главбуха возбуждаем уголовку по 193-й статье,

и там уж как пойдет, там же машина работает, попался в челюсти — не выпустит. Вы же знаете, как это происходит, вы быстро захотите открутить назад, но поздно будет, ничего мы уже сделать не сможем.

Вы можете пойти в суд. Возможно, суд присудит вам не 5 млн, а пару сотен тысяч (15.25.4 КоАП допускает штраф, выраженный как 2 годовые ставки рефинансирования ЦБ РФ на период задержки получения денег). А может быть, задолго до суда у вас проведут «маски-шоу», арестуют счета и главного бухгалтера (хорошо, если только его) — а потом вы потеряете бизнес и получите главного бухгалтера обратно через год, совершенно больного и сломленного. Так что 5 млн из 12 вы с большой вероятностью заплатите (и если ваша прибыль была 20%, то вы заплатите две прибыли). За то, что ваш контрагент не был аккуратен с платежами.

Все по закону. Цитирую: «Резиденты обязаны в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечить получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них». То есть — не просто обеспечить получение (хотя и это — бред), а «в сроки, предусмотренные контрактами». Вы отвечаете за Google.

Положение абсурдное. Противоречит основам римского права. Одно из тысяч положений, которыми буквально заминировано правовое поле России и которые чем дальше, тем громче взрываются под ногами предпринимателей. Вы напишете об этом в Facebook и получите сотню комментариев в стиле: «Закон надо выполнять!», «Сами требовали правовое государство, а теперь плачете», «Наворовали, а теперь отвечать не хотите!» или «А нехрен на пиндосов работать, в России, что ли, работы нет?».

Что сделаете вы, после того как этим взрывом вам оторвало 5 млн рублей, а Google готов с вами еще работать? Вы честно хотели — как лучше для России. Вы верили, что если не лезть в политику, то можно работать. Вы думали, что выполняете все законы и правила. Вы как раз работали над большим новым проектом, вносили свой вклад в развитие родины. Вы подумаете: «А, черт с ним». В следующий раз вы не понесете в банк настоящий контракт с Google, где сроки, объемы, нет печатей и подписей. Вы состряпаете свой вариант, где сроков нет, стоимости — тоже, оплата по факту выставления счетов и восемь синих печатей с гербом Google. Вы подпишете его от имени Google и отнесете в банк, а дальше будете под каждый платеж рисовать счет и акт числом платежа, и все будут довольны. А потом пройдет еще пара лет, и наши постоянно растущие над собой налоговые органы проведут сверку с иностранным контрагентом. И в 5 утра за вами придут — к этому времени 193-я статья УК будет у вас уже в особо крупных, а к ней добавится подделка документов, мошенничество и еще пара статей.

Успокойтесь, все это вам приснилось. После уплаты 5 млн рублей и этого сна вы проснетесь с трясущимися руками и мокрой простыней и плюнете уже за завтраком на развитие родины. Ваша компания переедет на Кипр или в Прибалтику. Там, кстати, не только валютного контроля нет — там бухгалтерия стоит 1000 евро на год, а подоходный налог с дохода до 1,5 млн рублей — ноль.

Учтите только: без вас выполнять план по штрафам станет еще сложнее — и оставшихся будут штрафовать и сажать по еще более абсурдным причинам. Не завидую я тому, кто останется последним, — его, скорее всего, посадят пожизненно и все отберут вообще без всяких оснований, даже абсурдных. Или это будет с последней тысячей? Или — миллионом?

Почему россияне не доверяют бизнесменам?

Ежегодное исследование Высшей школы экономики в 2017 году показало, что уровень доверия россиян к бизнесу уменьшается. Большой сюрприз — этот процесс идет с середины 2000-х, но и на пике уровень

доверия граждан России к бизнесменам был ниже, чем к другим группам населения.

Все больше россиян убеждены, что только государству можно доверить установление цен на продукты, медицинское обслуживание и трудоустройство граждан. Лишь 3% участников опроса признают за частным бизнесом первенство в экономической жизни страны.

С одной стороны, результаты исследования не должны удивлять — наследие советской экономической модели, состоящее даже не столько в «колбасе по 2,20», сколько в возможности переложить свою ответственность за завтрашний день на государство, никуда не делось. С другой — рыночная экономика в России все же существует, причем не один год, и бизнесом в России занимаются несколько миллионов человек.

Количество желающих попытать удачу в бизнесе значительно — но уровень доверия населения к ним минимален. О причинах такой ситуации мы беседовали с обозревателем Би-би-си Михаилом Смотряевым в середине 2017 года — перед вами запись нашего разговора.

Мне кажется, как раз среди тех, кто помнит советский строй, сейчас должно быть значительное число апологетов рыночной экономики. Эти люди видели не колбасу по 2,20, а очереди за ней, электрички в Москву за продуктами, 5 квадратных метров на человека жилой площади, ожидание квартиры по 30 лет, продажи туалетной бумаги «по 5 рулонов в руки». Дело в том, что выросло поколение людей, которое советского строя не помнит и помнить не может — они родились в 1980–1990-е, пережили развал страны и экономики, все ужасы раннего дикого капитализма и напрямую въехали в монополистический авторитарный строй, который к капитализму имеет очень мало отношения.

Для начала: никто из живущих сегодня не видел нормального бизнесмена — ни очень старые, ни очень молодые люди.

И это незнание, или, вернее, фиктивное знание, в рамках которого для большинства граждан России бизнесмен — это или бандит с рынка, или олигарх, или госменеджер, накладывается на 100 лет чудовищного геноцида.

Мы убивали тех, кто хотел рыночной экономики, в Гражданскую войну, потом репрессировали всех, кто имел свое мнение, потом давили тех, кто высовывался, исключая их из комсомола и партии и выгоняя с работы, назначая их начальниками послушных исполнителей. Мы создали огромное государство чиновников, а когда оно развалилось, наиболее предприимчивые из них перехватили власть и за 26 лет существования нового государства привели его обратно в состояние, в котором оно было в момент обрушения, но только с рыночной экономикой — такая же чудовищная огромная бюрократическая насадка и государство, которое лезет во все, включая постель и карман.

Сам бизнес, существующий в России, рожден той же самой системой — и в ней (и в нем) успешнее те, кто соблюдает ее правила. В России бизнесмены значительно меньше жертвуют на благотворительность, значительно реже следуют своему слову, значительно меньше соблюдают стандарты качества, значительно меньше склонны работать самостоятельно и больше склонны работать с государством, под государством и на государство, значительно сильнее склонны воровать и так далее. Причем эти стандарты поведения создал не бизнес, они расцвели в Газпромах, Роснефтях, госбанках и активно транслировались на все общество из недр государства.

Еще один пласт проблемы — это чудовищный уровень не уверенности во всех слоях общества внутри страны.

Идеи, что закон не имеет обратной силы, в России нет. То есть взяли, поменяли закон сегодня — и все, что ты делал до сегодняшнего дня, коту под хвост. И поэтому никакой бизнес ни за что не будет отвечать. Какое может быть доверие к бизнесу, когда бизнес сам себе не доверяет, потому что не знает, что будет завтра в законодательстве?

А поскольку и чиновники, и СМИ пропагандируют эту неуверенность, постоянно говоря «Надо — поправим, надо — изменим», простой человек впадает в иждивенческую позицию. Если вы все время говорите ему, что царь все решит, а без царя ничего не произойдет, то, конечно, он будет требовать от этого царя всего: дескать, ты все решаешь — ты все и делай. Обеспечивай нас деньгами, медициной, пособиями.

Но тогда получается, что корень проблемы — это отнюдь не граждане, а верховная власть, как бы она ни называлась на Руси — царь, император, генсек или президент. Получается, что именно власть и несет ответственность за то, что российский народ к бизнесу не приспособлен?

Мне кажется, вы зря разрываете это кольцо. Это ведь замкнутый круг: эту власть бесконечно выбирает сам народ, а она бесконечно взаимодействует с народом именно таким образом.

Глупо говорить, что Сталина или Путина сегодня поддерживает меньшинство — это же не так, конечно, их всегда поддерживало большинство.

Разрыв этого круга происходит тогда, когда появляется свободное пространство для развития, как это было с городами в средневековой Европе, когда сегодня у вас появилось 100 бизнесменов, завтра — 1000, через 10 лет их миллион, через 30 лет — 50 млн, и они имеют свои свободные зоны для оперирования, защищены Магдебургским правом.

Посмотрите на эпоху НЭПа или на ранние 1990-е годы. Только тогда из России уехали несколько миллионов бизнесменов. Представляете, что было бы, если бы они остались и открыли свое дело? Если бы у нас телевидение было доступно для разных точек зрения? Если была бы принята государственная программа повышения доверия к бизнесу? Если бы система правосудия мотивировала бизнесменов работать, потому что они бы знали, что их защищает закон? Конечно, общество постепенно менялось бы, а когда общество переходит на новую ступеньку, то и власть меняется вместе с ним. В этих ситуациях самых одиозных людей не выбирают — просто потому, что им есть конкуренция.

Так что тут нельзя сказать, что виновато государство, а общество — жертва, как нельзя и сказать, что виновато общество, а государство — его продукт.

Вы упомянули государственную программу повышения доверия к бизнесу. То есть «невидимая рука рынка» откладывается до тех пор, пока какой-то рынок не появится, а для этого необходимо государство?

Когда я говорил про повышение доверия к бизнесу, я имел в виду не участие в нем государства — как раз наоборот.

Я имел в виду культурное воздействие на общество: сериалы наши, которые захватили телевидение как опухоль, в которых бизнесмен представляется вором и мерзавцем, причем его бизнес либо вообще остается за кадром, либо состоит в перепродаже и воровстве, стоило бы заменить на те, где честный человек отстаивает свое право на бизнес и помогает окружающим. И это как раз то, что государство может сделать, — давно уже все эти псевдопроизведения искусства делаются на наши с вами налоги и под диктовку чиновников.

А что касается вмешательства государства в экономику, то это, наоборот, развивает патернализм. Если государство будет уходить из бизнеса и параллельно пропагандировать доверие к нему, это будет движением в правильном направлении.

А вам не кажется, что в современном мире малые предприятия не столь важны для дальнейшего развития? Ведь крупные технологические прорывы сегодня невозможны без больших денег и совместной работы головой многих людей. Конечно, можно иметь 5 млн индивидуальных предприятий по починке обуви, но двинуть вперед экономику огромной страны таким образом вряд ли получится.

В Америке себя предпринимателями (в пересчете на тысячу человек) считает в 5 раз больше людей, чем в России. В Европе до 65% ВВП производится малыми и средними предприятиями. У таких компаний, как Lockheed Martin, более 60% подрядчиков — это малые и средние предприятия. Я считаю, что вы не правы, — ткань экономики переплетена небольшими компаниями, без них невозможно представить себе интегрального конкурентного развития. Я уже даже не говорю про то, что нам нужны миллионы предприятий сферы услуг и 99% из них не могут быть франшизами. Мы идем к экономике технологий и маркетинга, экономике, в которой на глобальных платформах (в ядре которых тоже не супергиганты) функционируют микрокомпании, создающие огромную добавленную стоимость. Что, Telegram — это большое предприятие? Facebook начинался как государственный проект? Представьте себе, что

люди, создавшие LinkedIn, Facebook, Google, Twitter, Airbnb, WhatsApp, ICQ, Booking, жили бы в России, знали, что предпринимательство — это плохо, и пошли бы работать в налоговую инспекцию программистами.

Компании всегда начинаются с чего-то малого, и очень редко в мире успешная компания начинается «сверху». Посмотрите историю Sony или Hitachi, посмотрите историю автомобильных компаний. Разве Форд создавал свое предприятие на государственные субсидии или был в этот момент членом правительства?

Кроме того, если вы посмотрите на ВВП России, то лишь 18% его генерирует малый бизнес, а в Штатах это 45–50%. Если бы в России малый бизнес генерировал 50% ВВП, то ВВП уже сегодня был бы в 1,5 раза выше, просто за счет доведения доли малого бизнеса до нормальной. Мы сейчас боремся за то, чтобы у нас рост ВВП был 2% в год, а тут вы прибавляете 50% сразу, просто за счет того, что у вас страна нормальная.

Что-то страна не торопится становиться нормальной, во всяком случае немалая часть ее населения, если верить исследованию ВШЭ. Вопрос в том, как менять эту ситуацию. Существует мнение, что начинать надо с политических реформ, а экономика приложится. Как по-вашему?

Я не понимаю, что такое политические реформы в России. У нас есть партии, выборы, есть демократия, есть все внешние атрибуты самого прогрессивного строя...

Это очень просто. Если отвлечься от выборов и демократии, давайте сделаем так, чтобы у нас была независимая судебная система, независимые СМИ. Это же, строго говоря, политическая реформа, а не экономическая?

Вы говорите о конечном результате. В рамках этого результата жить было бы хорошо, вопрос в том, как этого добиться. Легко говорить про независимые суды, а что, сейчас они зависимы от нас с вами? Разве мы их заставили быть зависимыми? Нет, они сами такими стали, потому что зависимость от власти сегодня выгоднее независимости, а общество устраивает такая власть и такой суд. А почему общество это устраивает, а власть может сделать суды зависимыми? Потому что есть огромный

объем ресурсов, для добычи которых нужно очень мало людей. Этот ресурс можно приватизировать и распределять, а за счет этого фактически покупать властную систему. И пока это существует, что вы можете сделать? Выбрать президента, который будет вести себя по-другому? Его съедят на третий день!

При таком ресурсном «навесе», отсутствии давно построенных институтов и в изоляции от мира из этого заколдованного круга никуда не деться. Вариант один: сидеть и ждать, пока ресурсов станет недостаточно и купить власть с их помощью будет невозможно. Только тогда начнут работать нормальные государственные механизмы — если, конечно, в тот момент общество будет готово к их применению.

Конечно, надо образовывать общество, его надо готовить, надо формировать ту элиту, которая будет работать в новых условиях, состоящую из людей, способных создать условия для нормального бизнеса. Готовить из тех, кого сейчас учат в «Сколково» и кто работает в ВШЭ, а не из тех, кто сидит сейчас в ФСБ и налоговой. Но не стоит надеяться, что найдется честный президент и он нас всех спасет.

Речь шла о другом. Сложно надеяться, что в стране появится ответственная элита, которая, когда закончится нефть, будет готова развернуть страну. Откуда взяться элите, честному бизнесу, если в стране нет независимого суда?

Элита, вынужденная создавать добавленную стоимость, появится тогда, когда не будет централизующего ресурса, когда местные элиты в регионах будут иметь свои интересы и конкурировать между собой и их нельзя будет купить нефтяными деньгами, потому что денег этих не будет. Тогда и промышленная, и интеллектуальная элиты тоже не будут куплены. Пока мы вместе с властью автоматически вручаем чиновнику денежный поток, ничего не изменится.

Что мешает России уйти с особого пути?

Стремление обмануть исторический процесс и суметь победить ресурсное проклятие и его последствия с помощью некоей очень разумной программы действий очень распространено среди «прогрессивной»

части российского общества. Разговор о возможности появления такой программы (и особенно о возможности ее принятия властью и успешной реализации) по большому счету не блещет новизной аргументов — все уже изложено во время разговоров о природе российского государства и общества. Тем не менее на вопросы надо отвечать, что я периодически и делаю, — вот пример из моего Facebook за 2017 год.

Со встречи в Музее истории ГУЛАГа до меня долетел вопрос: «Сегодня разработано множество хороших экономических программ, как России перейти с “особого пути” на проторенную дорожку, в том числе и программа КГИ. Что/кто препятствует их реализации?»

Отвечаю, насколько могу публично.

Есть как минимум две серьезные проблемы.

Первая — это проблема, так сказать, бенефициаров. Тут стоит поговорить немного о концепции «локальной оптимизации». Люди, и особенно общества, оценивают свое положение (очень упрощенно) на координатном поле «качество жизни — риски». При этом (нематематики — заткните уши) в зависимости от отношения к рискам люди и общества готовы рисковать текущим качеством жизни в разном объеме, но, вообще говоря, они готовы отдать/получить некое количество качества жизни (X) за некое сокращение/прирост рисков (Y). Если X большое, а Y маленькое — говорят, что этот человек очень осторожен. Если наоборот — что он очень рискованный. Соответственно, люди (и общества) говорят, что им стало «лучше», если они получили больше, чем X в качестве жизни, а риски выросли меньше, чем на Y (или они сократили качество жизни меньше, чем на X , а риски сократились больше, чем на Y).

Людям, и особенно обществам, свойственно стремиться улучшить свое положение путем последовательных действий, результатом каждого из которых становится позитивное изменение. Ни люди, ни общества, как правило, не способны к многоходовому планированию по типу «5 раз ухудшим качество жизни, чтобы потом его резко улучшить» — во многом потому, что видят в этом риски намного более высокие,

чем просто сумма рисков каждого из отдельных этапов такой трансформации. Теперь представьте себе, что на пути такого улучшения жизни человек попадает в зону, любое движение из которой ведет либо к быстрому росту рисков с очень малой наградой, либо к очень большому падению качества жизни при малом сокращении рисков. Это (нематематики, еще не открывайте уши) — локальный максимум функции полезности. С учетом того, что процесс оптимизации жизни у людей строится из маленьких оптимальных шажков, выбраться из точки локального максимума становится невозможно, даже если он очень низок по сравнению с глобальным максимумом.

Ну так вот. Построенная (а в большой степени — стихийно построившаяся) в России общественная система, основанная на активной эксплуатации природных ресурсов и бюрократической иерархии, занятой их распределением, создала своего рода «локальные максимумы» для большинства членов общества, активно влияющих на состояние системы.

Сотня семей, близких к власти, и полмиллиона семей, обслуживающих их интересы, зарабатывают от потоков петродолларов, пользуются низким личным налогообложением и необязательностью законов, сравнительно низкими ценами на товары и услуги на внутреннем рынке, привилегированным положением и прочими бенефитами белого человека в колонии. Они больше всего боятся потерять свои возможности, закрепленные неформальными связями и многолетней наработкой доверия к себе их кураторов. Любые изменения несут в себе риски потери такого статуса.

Несколько миллионов человек, связанных с силовыми структурами и оборонным комплексом, помимо роста заработка в течение последнего десятка лет, получили комфорт стабильности своего положения и уважение общества — привилегии, о потере которых в 1990-е они отлично помнят, и очень боятся с ними расстаться.

Пара десятков миллионов бюджетников — чиновников среднего и мелкого ранга, менеджеров ГУПов, сотрудников госкомпаний нижнего уровня и прочих — никогда не видели другого источника дохода, кроме государства, другого способа его

сохранения, кроме проявления полной лояльности, и другого способа его увеличения, кроме аппаратной интриги и соревнования в преданности. Они боятся сокращений, боятся «рынка», на котором от них будут требовать совсем других качеств, боятся неопределенности и нестабильности.

Миллионы пенсионеров в основном состоят из тех, кому на рубеже 1990-х было 35–45 лет. Это были состоявшиеся в советской системе люди, уже не готовые в силу возраста менять парадигмы и профессии. Именно их 1990-е оставили на овсяной каше и воде на несколько лет, отобрали даже те малые доходы, которые они имели при социализме, заставили резко снизить свой социальный статус, унизили их, заставив все время чувствовать свою вину за то, как они жили до 1991 года. В нынешней системе они видят возврат к «разумному социализму», который оправдывает их прошлое, и, одновременно, защиту от неопределенности и унижения 1990-х годов. Да, они бедны — но они были бедны всегда. Зато они не унижены и не боятся, что завтра вообще потеряют все, зато они могут наслаждаться осуждением тех, кто в 1990-е разрушил их мир.

Миллионы людей, живущих, например, на Северном Кавказе, исторически привыкли быть конформными к сильной иерархии — они будут выступать за ту иерархию, которая докажет свою силу. Они не только вписались в новую систему, но и поддерживают ее, по крайней мере пока наверху их иерархии стоят сильные люди, чья власть подкреплена вседозволенностью и нефтедолларами из центра. Перемены для них будут почти наверняка означать новые конфликты (скорее всего — кровавые) и отсутствие гарантий не только сохранения статуса, пусть и низкого, но даже жизни.

А есть еще миллионы людей, которые приспособились делать свой мелкий серый бизнес (кто возит контрабанду, кто преподает, кто лечит, кто торгует), вписались в систему и выживают — они знают, кому заплатить за безопасность и разрешение работать, как уйти от налогов, и свыклись со своей ролью. Перемены в их случае — это потеря «ниши» и необходимость начинать сначала: с новыми начальниками и бандитами, видимо, с повышенными налогами, и так далее.

Мы не перечислили не так уж много людей — их количество вряд ли превышает те самые 15–20% населения, которые последовательно выступают за «реформы». И этот процент в основном сконцентрирован в очень узких стратах населения — среднем слое предпринимателей, остатках научной и культурной интеллигенции, молодых менеджерах и профессионалах среднего звена. Процент таких людей во власти, силовых структурах, региональных элитах близок к нулю — а именно эти страты общества в наибольшей степени определяют его готовность к изменениям и их «разрешенность».

Безусловно, путем логических рассуждений каждому представителю каждой вышеперечисленной группы можно доказать, что реформы нужны, что в результате реформ каждому из них (в том числе тем, кто близок к власти) может «стать лучше». Но абстрактная их нужность сопряжена с реальными рисками: не только на годы потерять даже то, что есть сейчас, но и, в случае если реформы не будут успешными или если они пойдут не так, как анонсируются, потерять вообще все и навсегда. Поэтому те самые 80% населения не готовы поддерживать планы реформ, более того — они активно саботируют даже те реформы, которые пытаются насаждать «сверху». Во многом поэтому немногие реформы, проводимые «сверху», выглядят в результате половинчатыми и формальными.

Эта система живет, пока есть достаточные доходы от продаж углеводородов, а «амортизация» технологического наследия времен Советов и высокой стоимости нефти не зашла слишком далеко. По мере снижения доходов, накопления нереализуемой потребности в замещении выбывающей инфраструктуры и отставания в развитии от стран первой и второй группы по уровню экономики, различные крупные страты, сегодня дорожащие относительным комфортом, будут выходить в зону, в которой изменения для них будут предпочтительными по сравнению с сохранением статус-кво. Первыми там окажутся бюджетники — им просто станет сильнее не хватать денег, а социальное обслуживание будет значительно хуже, чем сейчас. Параллельно изменят свое отношение региональные элиты и иерархии, которым тоже станет не хватать поступлений из центра. Достаточно

быстро перемен захотят элиты центральные (возможно, кроме ближнего круга) — их быстро снижающиеся доходы не будут компенсировать общее ухудшение качества жизни в России и рост рисков. Страта пенсионеров к тому времени уйдет с политической сцены просто в силу естественных причин, социального обеспечения будут ждать те, кому в 1990-м было 20–25 лет, то есть те, кто как раз хорошо вписался в реформы и вправе задать вопрос «Почему их плоды потеряны?».

Так или иначе, но постепенно перемен будет хотеть много больше половины граждан России, но и тут возникнет существенная дилемма: значительная часть населения будет хотеть «левых» перемен, то есть перераспределения в их сторону остатков пирога; меньшая часть будет ждать «правых» перемен, то есть расширения возможности создавать пирог и его распределять. По опыту поставтократий социалистического типа, первых будет больше, так что за программы реформ, написанные до сегодняшнего дня, все еще будет меньшинство, и стране, видимо, придется пережить не только период банкротства «стабильности», но и период банкротства «левой демократии».

Ну и наконец: вторая причина проблем с экономическими программами значительно более прозаична. Она состоит в полной оторванности этих программ от реального экономического и политического контекста современной России. Все они отвечают на вопрос «Что хорошо?», но ни одна не дает ответа на ключевые вопросы: «Насколько это возможно?», «Как мотивировать общество на выполнение этой программы?», «Какие ресурсы для этого нужны, каким образом этого добиться с учетом реалий и ожидаемой реакции общества?», «Какие риски это в себе несет?», «Сколько времени это займет и что будет до того?», «Каков план Б на случай, если это не будет получаться?». Как руководитель бизнеса (а я руководил несколькими), я никогда даже не задумался бы о реализации плана, в котором нет ответов на перечисленные вопросы.

Так что, резюмируя, в России нет ни готовых к реализации программ, ни общества, готового какую бы то ни было программу реализовывать. Пройдет время, и в стране появится запрос на реформы — скорее всего, тогда же появятся

и подходящие программы. Когда это будет — никто не знает. Очень ориентировочно можно сказать, что это произойдет не ранее 2030-х годов.

ГОСУДАРСТВО, БИЗНЕС, ОБЩЕСТВО, ЗАЩИТА

От общих вопросов организации государства можно перейти к более конкретным — тем паче, что в них, в силу фрактальности нашей общественной организации, достаточно точно отражаются проблемы глобальные. Следующие пять статей, завершающие эту главу, посвящены вопросам структурирования отношений государства и общества в части социальной и страховой защиты — пенсионного обеспечения, выплат пособий, страхования вкладов и вообще регулирования банковской системы, сбора налогов. Все статьи объединены одной мыслью — государство слишком велико и неуклюже, чтобы добавленная стоимость от его вмешательства в экономические процессы превышала вред, являющийся следствием побочных эффектов такого вмешательства.

Пенсионные системы

Эта статья была опубликована на «Снобе» 14 мая 2018 года.

Разные страны находятся на разных этапах развития пенсионных систем. Если Ираку, Филиппинам или Танзании еще только предстоит их создавать, Китаю или Индии — расширять их охват, то странам Организации экономического сотрудничества и развития, в которых пенсии получают практически 100% пожилых людей, а размер средней колеблется от 40 до 70% средней зарплаты (не обходится и без курьезов — во Франции в течение 2 лет средняя пенсия превышала среднюю зарплату), приходится решать вопрос о постепенном переходе на большую долю индивидуальных и добровольных схем — резкий рост продолжительности жизни и сокращение потребности в оплачиваемом труде делают формирование пенсионных накоплений путем отчислений из выплат работникам все более затруднительным.

Вопросы, стоящие перед создателями пенсионных систем, крайне разнообразны, и первый из них, конечно, состоит в миссии пенсионного обеспечения. Современные развитые страны видят в пенсионной системе не только схему обеспечения достойного уровня жизни в старости 100% пожилых людей через государственное финансирование их расходов, но и систему мотивирования еще молодых людей к активному труду и повышению нормы сбережений. Налоговые льготы по пенсионным планам, солидарные выплаты в пенсионные фонды от работодателя и работника, минимальные уровни стажа и повышения уровней социальных пенсий за выслугу лет, выплаты высоких пенсий работникам отдельных сфер для привлечения и удержания достаточно квалифицированных кадров — все эти ухищрения служат обеспечению рынка добросовестными работниками, готовыми продолжать работать долго и результативно, а экономики — существенными объемами инвестиций, формируемыми за счет пенсионных сбережений.

Но времена меняются — и по мере роста эффективности финансовых систем и снижения роли капитала в развитии экономики роль пенсионных инвестиций будет становиться все менее важной, в то время как роль потребления (которое естественно снижается из-за пенсионных отчислений) как драйвера роста экономики будет расти. Пенсионные системы будут как-то эволюционировать, видимо, в сторону снижения налоговой нагрузки на потребление, возможно, за счет расширения спектра «разрешенных расходов» из пенсионных активов, перехода к частичному формированию пенсий из доходов от «национального богатства».

В основе традиционного видения начала XX века (времени сильных государств, низких налогов и низкого уровня оплаты труда) лежал принцип «работающие платят за пенсионеров, государство перераспределяет средства». Этот принцип жив и даже доминирует еще и сегодня, хотя общество стало значительно более финансово грамотным, а значит, способным самостоятельно копить «на старость», инвестиционные механизмы стали обеспечивать массу инвесторов более высокие доходы, а принцип «я плачу за других сегодня — другие

заплатят за меня завтра» вызывает не только все больше недовольства, но и банальные сомнения в его выполнимости. Наиболее продвинутые страны, например США и Великобритания, уже давно внедрили и индивидуальные пенсионные системы, и добровольные схемы формирования пенсионных планов — в США всего чуть более 10% активов пенсионной системы управляется государством и относится к солидарным схемам, а общий объем активов пенсионной системы на 20% превышает ВВП страны.

Если брать отдельно «социальный» компонент пенсионной системы, то есть задачу обеспечения жизни старшего поколения, то и здесь есть несколько источников средств, между которыми надо аккуратно выбирать: в конечном итоге за сегодняшнего пенсионера могут платить сегодняшние работающие (через отчисления в солидарные схемы), сам пенсионер (произведший отчисления в прошлом), другие налогоплательщики (например, плательщики акцизов, налога на добычу полезных ископаемых или даже все потребители импорта через специальный пенсионный налог на импорт) и/или провайдеры услуг (через льготирование без компенсации тарифов на проезд, коммунальных услуг, медицинского обслуживания и так далее). Все зависит от того, чего именно мы хотим добиться и что мотивировать. Общепринятая сегодня схема финансирования пенсий через отчисления и небольшой объем льгот не представляется самой эффективной: отчисления работающих (и работодателей, что одно и то же) плохо влияют на потребление без возможности эту депрессию направлять в зоны, которые выгодны государству. Введение же специальных пенсионных налогов на сферы, которые государство хочет «придержать» в пользу других сфер (например, на добычу нефти в период ее высокой цены или на импорт, если мы хотим дать преимущества отечественной промышленности), даст в руки государства гибкие инструменты экономической политики.

Так или иначе, пенсионная сфера во всем мире будет меняться еще долго, и изменения будут значительными. В стороне не останется и Россия, тем более что по качеству жизни пенсионеров страна занимает позиции в хвосте группы развитых стран

и в последние 10 лет эти позиции еще и ухудшает: по версии Natixis Asset Management, Россия занимает 40-е место из 43 стран «развитого и развивающегося мира».

Нельзя сказать, что в России никто не занимался развитием пенсионной системы. За последние 28 лет проведено по меньшей мере пять существенных ее реформ, но все пять следует признать провальными.

Создание сложных систем расчета пенсий на основе выслуги лет, полученной зарплаты и других «заслуг» привело к драматическому переусложнению системы, ее предельной бюрократизации, которая превратилась в головную боль моря чиновников и бедствие для стариков, вынужденных собирать десятки бумаг и отстаивать очереди. Расходы системы Пенсионного фонда России (ПФР) кроме выплаты пенсий приблизились к 1 трлн рублей (порядка 13% общих затрат на выплату пенсий). Для сравнения: затраты аналогичной структуры в США в пересчете по курсу рубля составляют в 1,5 раза меньше, при населении в 2,2 раза больше, чем в России, и среднем размере пенсии в 7 раз больше. В ПФР работает 121 000 сотрудников — в 8 раз больше, чем количество постоянных работников японской пенсионной системы (при приблизительно равном количестве пенсионеров в наших странах).

Идея трансформировать изначально стопроцентно солидарную советскую систему пенсий, при которой выплаты происходили по нормативам, вне всякой связи с индивидуальными отчислениями, в комбинацию государственной и негосударственной систем, привела к созданию мира негосударственных пенсионных фондов (НПФ), настолько зарегулированных бессмысленными нормами (типа запретов на вложения в валютные инструменты, в инструменты с потенциально высокими доходами, требованиями ежеквартальной прибыльности и прочим), что практически все они достаточно быстро превратились в инструменты высасывания ликвидности в интересах их акционеров и управляющих, среди которых большинство оказалось

¹ <https://www.rbc.ru/economics/19/07/2017/596f79579a794735e6cd1c13>. — Прим. авт.

банкирами, использовавшими средства НПФ на поддержание ликвидности своих рушащихся банков и банкротящихся бизнесов.

Более трех десятков НПФ обанкротилось, более 100 млрд рублей (из которых большая часть — докризисных, то есть по курсу 25 к доллару) составили потери вкладчиков. В результате на рынке топ-10 НПФ контролируют около 90% активов, а в НПФ сосредоточено лишь около 1 трлн рублей пенсионных резервов (то есть средств, переданных туда гражданами добровольно по программам индивидуального пенсионного страхования) и около 2,5 трлн средств накоплений (обязательных отчислений граждан по индивидуальным программам, которые они имеют право передавать НПФ в управление). Участниками добровольной системы стали около 5,6 млн человек — лишь 3,8% населения. При доходности, скажем, в 5% годовых (реальный результат первого полугодия 2017 года) все НПФ принесли клиентам 50 млрд рублей за 2017 год, в то время как общие выплаты пенсий в стране составили около 7 трлн рублей, или в 140 раз больше.

Идея создания обязательной индивидуальной системы пенсионных накоплений как бы реализована на практике, хотя результаты этого выглядят жалко, а сама система скорее мертва, чем жива. В системе накоплений сегодня примерно 5 трлн рублей, по 71 000 рублей на работающего россиянина — это несравнимо с американскими 22 трлн долларов, или почти 9 млн рублей на каждого работающего по текущему курсу рубля. Тем не менее даже и с этой системой вышел конфуз: хотя россияне продолжают уплачивать свою долю пенсионных взносов (22% от сумм оплаты труда), из которых 27% (6% ФОТ) должно было идти в пенсионные накопления, с 2014 года решением президента России эти 6% отправляются на выплату текущих пенсий, а сформированные индивидуальные счета граждан пополняются только за счет их инвестиционного дохода (если он есть). Фактически система отменена — уже накопленные суммы предельно малы и не могут формировать пенсии, однако ПФР продолжает тащить за собой всю логику системы накоплений и все расходы на нее, в то время как отмена едва введенной системы прикрывается нежным словом «заморозка».

Похоже, что сегодня российскому руководству, добившемуся окончательной «стабильности» в виде международной изоляции страны, стагнации экономики, медленного сокращения доходов населения и при всем при том — высочайшего в истории России рейтинга одобрения власти со стороны общества, заниматься пенсионными реформами надоело, да и недосуг. Слово «реформа», кажется, ненавистно нынешней власти, и, возможно, заслуженно: все предыдущие она провалила.

Единственное, что смущает власть в нынешней пенсионной ситуации, — это существенный дефицит Пенсионного фонда (уже сегодня более 50% его расходов финансируется напрямую из доходов бюджета, а не из пенсионных сборов) на фоне того, что средняя пенсия в России очень мала (30% средней зарплаты, в 1,5 раза меньше, чем в Чили, в 2 раза меньше, чем в Польше), трудовые ресурсы в стране сокращаются, а продолжительность жизни медленно, но растет.

Власть достаточно хорошо понимает, что увеличение пенсионных взносов при их нынешнем астрономическом уровне (в России это 22% для доходов до примерно 60 000 рублей в месяц, в США — до 15%, в Израиле — от 7 до 18% на выбор, во Франции 16,3%) крайне нежелательно. Нахождение дополнительных средств в бюджете вряд ли возможно — речь идет не о разовой акции, а о ежегодном финансировании, бюджет и так дефицитный, уровень эффективности его использования, и без того низкий, с каждым годом падает. Остается либо все же попытаться провести масштабную реформу пенсионной системы, либо сократить расходы на пенсии; и поскольку снижение размера пенсий представляется крайне непопулярной мерой (фактически нигде в мире не было в последнее время такого прецедента), власть «логично» собирается поднять пенсионный возраст.

Надо сказать, что, как часто бывает в российской политике, с подъемом пенсионного возраста связано несколько этапов вранья на высшем уровне, в классической последовательности — категорического отрицания, затем гипотетического предположения, мягкого отказа, потом имитации обсуждения и, наконец, объявления свершившегося факта. 16 апреля 2015 года

Владимир Путин сказал: «Если мы в 65 поставим возраст выхода на пенсию, — вы меня извините за простоту выражения, это отработал, в деревянный макинтош — и поехал? Это невозможно». В 2017 году в презентованной программе реформ Алексей Кудрин говорил о медленном повышении пенсионного возраста на 8 лет (до 63 лет) у женщин и 5 лет (до 65 лет) у мужчин к 2034 году. В 2018 году уже премьер Дмитрий Медведев заявляет о необходимости быстрого повышения (в кулуарах говорят о тех же цифрах, что у Кудрина, но уже к 2024 году).

Обоснование этой идеи, приводимое премьером, — классика манипуляции: «Прежние рамки (срока выхода на пенсию) принимались очень давно — в 30-е годы прошлого века, средняя продолжительность жизни в тот период была в районе 40 лет... С тех пор жизнь в стране изменилась, безусловно, в лучшую сторону, у нас изменились и условия, и возможности, и желания людей трудиться, и период активной жизни, поэтому решение принимать необходимо», — говорит премьер. Мотивировка сегодняшнего решения по лишению части пенсионеров пенсии тем, что 100 лет назад сталинское правительство наряду с организацией голодомора и репрессий решило, что люди должны работать, пока могут, а на пенсии средств нет, по меньшей мере странно. Но дело даже не в этом. У нас нет внятных цифр по 1930-м годам (честную статистику за период с 1925 по 1955 год нам просто неоткуда получить). Но вот в начале 60-х годов XX века (60 лет назад) средняя продолжительность жизни в СССР составляла почти 69 лет, средняя продолжительность жизни мужчин — почти 64 года. К 2016 году эти цифры изменились на 71 и 65 — разница 1–2 года. Так какие же у нас есть основания увеличивать пенсионный возраст на 5–8 лет, ссылаясь на среднюю продолжительность жизни?

Сложно обосновать этот подход и в сравнении с другими. В странах с относительно благополучными пенсионными системами возраст выхода на пенсию для мужчин меньше средней продолжительности жизни на 15–25%, для женщин — на 20–35%. В России сегодня (до повышения пенсионного возраста) это

¹ <https://tass.ru/obschestvo/1910033>. — *Прим. авт.*

показатель для женщин — 25% (что нормально), а вот для мужчин — всего 11%. Для приближения к развитым странам нам надо бы зафиксировать пенсионный возраст женщин и сократить его для мужчин. Предлагаемый же вариант (при неизменном ожидаемом сроке жизни, что, наверное, не вполне корректно, но с другой стороны — за последние 60 лет, как сказано выше, ожидаемый срок жизни изменился в России всего на 1,5 года!) доведет разницу для мужчин до 3,7%, для женщин — до всего лишь 14,9%. Эти показатели отбросят Россию далеко назад по сравнению даже с основными развивающимися странами. При этом, конечно, с цинично-финансовой точки зрения эту меру нельзя назвать неэффективной: немедленное увеличение пенсионного возраста до предложенного уровня уменьшило бы количество пенсионеров примерно на 34%, а выплаты примерно на 2 трлн рублей в год.

Другое дело, что в стратегическом смысле эта реформа ничего не решает: трудовые ресурсы в России сокращаются на 0,5–1% в год, на горизонте в 25 лет количество работающих в России по прогнозам уменьшится на 12 млн, или примерно на 16%, в то время как количество пенсионеров (без учета увеличения пенсионного возраста) вырастет на те же 12–13 млн, или на 28–30%. Вывод за рамки пенсионного возраста 34% пенсионеров в лучшем случае позволит сохранить статус-кво, то есть 50%-ное финансирование пенсий из бюджета. Но скорее всего, с учетом отставания темпов роста экономики от инфляции, ситуация будет даже хуже — при сохранении статус-кво покупательная способность средней пенсии снизится на 15–25%.

Конечно, легко критиковать власть, ничего не предлагая взамен. Можно ли как-то решить проблемы (а их две — сегодняшний дефицит пенсионного фонда и его будущий, еще больший дефицит на горизонте в 10–15 лет), не прибегая к простой децимации пенсионеров методом исключения более молодых? Похоже, что можно. Для этого не мешает вспомнить, что основная задача пенсионного обеспечения — не сбалансировать бюджет, а создать гражданам страны достойные условия существования.

Во-первых, не существует задачи сделать ПФР в его сегодняшнем виде прибыльным или бездефицитным. Да, дефицит

ПФР стоит сокращать, но объем сокращения вряд ли должен превысить объем дефицита консолидированного бюджета — не думаю, что мы должны финансировать другие статьи или создавать прибыль правительству за счет пенсионеров. Дефицит консолидированного бюджета сегодня составляет около 1,35 трлн рублей. Краткосрочная задача таким образом решается набором действий, генерирующим в сумме дополнительные 1,35 трлн рублей в год для выплат пенсий. Начать можно с ликвидации ПФР как системы и передачи ее функций по тендеру частной организации. Есть подозрение, что за право получить функции ПФР (а с ними не только большие доходы, но и значительную клиентскую базу) будут бороться все крупнейшие российские банки и, возможно, ИТ-компании типа «Яндекса». В итоге вряд ли стоимость в пересчете на одного клиента у них окажется выше американской, то есть расходы на обслуживание пенсионной системы упадут в 3,3 раза — это экономия 700 млрд рублей в год.

Вторым значимым действием могло бы стать сокращение до уровня 2014 года статьи расходов бюджета «общегосударственные вопросы» — по ней в основном проходят расходы на бюрократию, и уж точно 15%-ное сокращение к уровням четырехлетней давности государству не повредит. Это освободит еще 300 млрд рублей. Далее можно заметить, что бюджет 2017 года выполнялся в условиях средних цен на нефть в районе 53 долларов за баррель. В 2018 году и далее в течение нескольких лет с большой вероятностью цена на нефть будет держаться в районе 60–65 долларов за баррель (если не выше). Это создаст дополнительно 0,5–1 трлн рублей доходов бюджета только за счет налога на добычу полезных ископаемых — если даже до 50% этого превышения пустить на выплату пенсий, то наша задача уже будет выполнена. А ведь у нас есть еще возможности пусть небольшого, но сокращения таких статей бюджета, как «национальная безопасность»; у нас есть еще огромные возможности наращивания внутреннего долга, который сегодня составляет менее 8% ВВП, так что увеличение его на 20–25 трлн рублей за 10–15 лет не будет большой проблемой.

Во-вторых, пенсионной системе России, конечно, нужна кардинальная реформа — без перехода к индивидуальным и добровольным схемам она все равно не сможет работать в долгую. Нужно уже сейчас начать переход к коллективной страховой схеме, обеспечивающей лишь минимальную пенсию, причем она должна быть максимум 2–3 размеров — минимальная, премиальная и персональная, и формироваться эти размеры должны от прожиточного минимума (скажем, 1 прожиточный минимум, 1,5 прожиточных минимума и 2 прожиточных минимума). Все остальные доходы пенсионеры будущего в России должны получать от сочетания накопительной индивидуальной схемы (разумеется, надо ее разморозить и дальше разрешить работникам по желанию увеличивать размер отчислений в схему за счет своей зарплаты, не облагая их налогами) и добровольных взносов. Государство должно преобразовать нынешнюю аморфную систему управления накоплениями в жесткую структуру инвестиционного пенсионного фонда, а систему НПФ надо кардинально реформировать, используя как модель американскую и/или норвежскую схемы — разрешить глобальные инвестиции и инвестиции в более доходные активы, существенно снизить бессмысленный контроль и одновременно устранить возможности для мошенничества, сделать максимально простой процедуру перехода из фонда в фонд. Неплохо было бы также разработать долгосрочный план приватизации предприятий, недвижимости и земли в России с перечислением выручки в активы накопительной системы в равных долях каждому ее участнику.

Добровольное пенсионное страхование должно получить максимальные налоговые льготы — нулевые налоги на отчисления в неограниченном объеме, включение в себестоимость любых перечислений компаниями добровольных пенсионных взносов в пользу работников — и максимальную гибкость. Должны быть, например, разрешены перечисления в зарубежные пенсионные схемы и фонды, а для этого надо разумно определить, какие инвестиционные системы могут быть так квалифицированы. Добровольные взносы должны наследоваться без налога — это создаст больше уверенности у инвесторов и сделает схемы популярнее.

Наконец, мотивация пенсионеров работать, а работодателей — брать их на работу должна начинаться не с лишения первых пенсии, а с освобождения их зарплаты от налогов — в конечном итоге если бы они не работали, то государство только платило бы им пенсии, ничего не получая.

Понятно, что новая система в части страховой пенсии может заработать лишь для тех, кому до пенсии еще достаточно много лет. Условно, ее можно вводить для всех мужчин младше 40–45 лет и женщин младше 35–40 — тех, кому до пенсии еще 15–20 лет. Это даст переход к новой системе через примерно 30–35 лет. А это время придется продержаться — если мы, конечно, не хотим переместить страну с 40-го места по качеству жизни пенсионеров куда-нибудь в шестой-седьмой десяток стран, на уровень небольших государств с турбулентными экономикami, низким подушевым ВВП и регулярными цветными революциями.

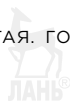
Пособия на детей

Эта статья была опубликована на «Снобе» 30 ноября 2017 года.

Боюсь, что интеллектуальный центр, принимающий решения у нас «наверху», окончательно потерял свою квалификацию. Инициатива Владимира Путина о выплатах за рождение первого ребенка — это, с экономической и социальной точки зрения, великолепный пример того, как делать не надо. Эта инициатива вызывает как минимум несколько вопросов.

Первый вопрос: кто родители?

Будущий кандидат в президенты России предлагает выдавать немного денег (примерно одну восьмую часть их дохода) малоимущим семьям в течение 1,5 лет с момента рождения первого ребенка — для того, чтобы в России стало меньше малоимущих семей, не имеющих детей. Первый вопрос, который хочется задать (оставим в стороне на время студенческие семьи, попадающие в эту категорию): мы действительно хотим, чтобы

больше детей появлялось у семей необеспеченных, у людей, которые не нашли себя в жизни, у немобильных семей, живущих в депрессивных регионах? Мы хотим увеличивать число детей в семьях, не способных дать ребенку качественную заботу и хорошее образование?

Мировой опыт показывает: дети из малоимущих семей — скорее угроза обществу, чем его актив. В частности, меры по добровольному ограничению рождаемости в неблагополучных семьях (речь о легализации и введении бесплатных аборт) значительно влияют на снижение преступности в стране уже через 15–20 лет. Конечно, речь не идет об искусственном ограничении рождаемости в любом классе общества. Но давайте все же не поощрять рост рождаемости в неблагополучных стратах.

Если мы хотим стимулировать рождаемость, то надо поощрять рождение детей средним классом. Эти дети получают образование, они будут статистически намного более законопослушными, их вклад в ВВП будет на порядок выше. Но пока мы последовательно стимулируем средний класс на эмиграцию. Казалось бы, нам надо тратить силы на выведение малоимущих семей из бедности — а там они сами разберутся, сколько детей рожать. Но нет, мы с каждым годом оставляем населению все меньше возможности проявлять экономическую активность, уровень нищеты растет, социальные лифты закрываются. В этих условиях призыв рожать выглядит насмешкой.

Но это только первый вопрос. Второй еще более существенен.

Второй вопрос: родить или учиться?

Давайте подумаем; а что у нас за проблема с рождением первого ребенка? Она вообще есть?

По статистике, в России от 20 до 25% семей не имеют несовершеннолетних детей. Примерно у половины из них на самом деле есть дети, просто они уже выросли, потому и не учитываются. Остается 10–12% молодых бездетных семей. Две трети из них — семьи очень молодые. Они либо образовались 1–2 года назад — и вполне нормально, что у них пока нет

ребенка, — либо брак заключен между 18–19-летними, которые планируют завести детей позже, через 5–7 лет после свадьбы, после получения образования и профессии. Стимулировать эти новые семьи бесполезно: они просто «не успели».

Стимулировать 18-летних опасно для нации: мы будем сокращать количество квалифицированных специалистов. Кстати, именно среди совсем молодых людей будет множество «неимущих» — студентов, которые еще не зарабатывают самостоятельно.

Остается примерно 5% семей, у которых детей нет, а возраст подходящий. Из них большая часть бесплодны, и им не помогает искусственное оплодотворение (всего в России около четверти семей не могут сами произвести ребенка, но большинству из них помогает медицина). Еще часть — убежденные чайлдфри, которых не соблазнишь 3000 долларов. Остаток надо поделить на тех, кто материально обеспечен, и тех, кто нет; разные способы подсчетов ведут к тому, что семей, которые могут заинтересоваться новой выплатой и завести первого ребенка, окажется не более 0,5%.

Другими словами, во всей России речь идет одноразово максимум о 165 000 семей, а в дальнейшем (с учетом заключаемых ежегодно браков) — по 6000 семей в год. Мы получаем однократную прибавку в примерно 0,12% населения и затем по 0,004% населения в год. Напомню, что речь идет о детях из малоимущих семей. Для сравнения: сокращение детской смертности на 0,3% приведет к тому же эффекту. Вы знаете, что такое для России сокращение детской смертности на 0,3%? Это доведение ее до среднего уровня Европейского союза, до уровня Литвы или Эстонии. Но на медицину у нас денег нет.

Третий вопрос: куда деть лишних детей?

Третий вопрос совершенно практический: деньги за первенца собираются платить до 1,5 лет. Теперь представьте себе: семья решила завести ребенка, несмотря на то что она малоимущая, неблагополучная. 1,5 года она получает по 10 500 рублей в месяц (в районах с низким прожиточным минимумом это

действительно существенные деньги). А потом все, выплаты заканчиваются. Но на ребенка-то надо тратить все больше, потому что он растет. К чему это приведет?

Если мы говорим о малообеспеченных семьях, большинство из которых еще и неблагополучны, это приведет к тому, что детей будут отправлять в детские дома — количество сирот в стране станет расти. Мы умеем обращаться с сиротами? Нет, не умеем. У нас все плохо с детскими домами, у нас не налажено усыновление в России, мы запрещаем усыновление за границу. Мы действительно хотим больше детей в детдомах — это такая у нас государственная политика?

Четвертый вопрос: сколько людей нужно России?

Общество устроено значительно сложнее, чем думают чиновники. В цивилизованном обществе люди рожают меньше, чем в архаичном, в высших классах — меньше, чем в низших, а демографические проблемы развитых стран не решаются никак, кроме миграции из «менее цивилизованных» обществ. Многие страны пробовали решать эту проблему деньгами — не получилось ни у кого. Как показывает практика, повлиять на это нельзя даже запретом абортотв: он приводит только к увеличению смертности из-за подпольных операций и росту преступности.

Если мы действительно хотим, чтобы население в нашей стране увеличивалось, давайте откроем мигрантам с приличным образованием, поведением и готовностью стать полноценными членами общества дорогу в Россию. Тогда через полвека у нас будет 50 млн новых граждан. Америка уже поступала так неоднократно и в итоге сделала это своей политикой. Теперь население у нее растет, несмотря на то что у белых «коренных» американцев рождаемость низкая. Вот только остается вопрос: а мы хотим, чтобы население России увеличивалось? Плотность населения европейской части России (азиатская практически непригодна для жизни) — 27 человек на квадратный километр. В США — 33 человека. В Аргентине — 15

человек. В Исландии — 3. Не то чтобы Россия была малонаселенной страной. Давайте не принимать в расчет Сибирь, там жить экономически и социально вредно, по крайней мере пока термоядерный синтез не сделал возможным поменять климат на планете. В Канаде, к примеру, плотность населения 3 человека на квадратный километр именно из-за нежилых территорий; у России, даже если считать всю территорию в целом, — в 2,7 раза больше.

Россия — страна сырьевая, в ней 80% ВВП производит всего 15–20 млн человек, 10–13% от населения и четверть всех трудовых ресурсов. К тому же мы идем к новой промышленной революции, в процессе которой роботы заменят множество людей и в первую очередь — необразованных работников, большинство которых, особенно в стране без социальных лифтов, происходит из малообеспеченных семей. Зачем нам рост населения — кормить больше неквалифицированных безработных в перенаселенной московской агломерации? Это при том, что в Москве уже сегодня плотность населения достигает 15 000 человек на квадратный километр — это второе место в мире после Монако!

Да, говорят нам, все верно, но кто же будет кормить сегодняшних потенциальных родителей в старости? В России пенсионная система — банкрот, уже сегодня 50% выплат делаются за счет бюджета. Демография плохая — рост продолжительности жизни и демографическая яма быстро увеличивают долю пенсионеров в нашем обществе. Если так пойдет дальше, через 20 лет никто получать пенсию уже не будет — не из чего. Или еще будет, но на эти деньги нельзя будет жить.

В этой ситуации, как в средневековой Европе, дети станут единственным источником пенсионного обеспечения. И когда вы рожаете ребенка в сегодняшней России в условиях нынешней пенсионной системы, вы рожаете его в том числе, как бы цинично это ни звучало, чтобы он кормил вас в старости. Для гражданина России, который не хочет из нее уезжать, двое-трое детей, которые будут хорошо воспитаны, получают хорошее образование и будут зарабатывать, — это аналог пенсионного обеспечения. И на них не жалко потратить те же 20–30% текущего

дохода, которые он сегодня платит государству в виде социальных и пенсионных сборов, а если государство еще и помогает — тем лучше.

Это и так и не так. Да, надеяться на пенсию в России 2040-х годов не стоит. Только вот непонятно, что смогут в тот период зарабатывать в стране, где бизнес будет уничтожен, а добыча нефти упадет минимум вдвое от сегодняшних уровней, молодые люди, рожденные в 2018–2020 годах. Не станут ли они сами дополнительной обузой бюджету и родителям, особенно если родители вовремя не оплатили им дорогое образование?

Проблему пенсионного обеспечения нам надо бы решать по-другому. Известно, что между уровнем добавленной стоимости профессии и временем выхода на пенсию существует прямая корреляция. Врачи и учителя, ученые и менеджеры, художники и писатели, предприниматели и изобретатели работают чаще всего до смерти и в пенсии редко нуждаются. Представляете себе талантливого химика, программиста, конструктора, владельца бизнеса, вышедшего на пенсию в 60 лет? Да для него это начало расцвета: дети выросли, женщины (мужчины) интересуют несколько меньше, жизнь обеспечена — можно творить, не отвлекаясь на бытовые мелочи! На пенсию рано выходят военные, полицейские, чиновники, работники физического труда. Даже офисные работники низкого уровня в современном мире стараются работать долго, желательно до глубокой старости — что уж говорить про многочисленных владельцев малого бизнеса: булочных, парикмахерских, отелей!

В странах, где средний класс будет доминировать, а квалифицированные работники и предприниматели — составлять костяк трудовых ресурсов, качество жизни позволит быть здоровым долго, а правильно организованный приток трудовых мигрантов обеспечит трудовыми ресурсами дефицитные области. Эти страны не будут испытывать проблем с пенсионной системой. Увы, странам, в которых медицина и образование разрушаются, средний класс размывается, частный бизнес исчезает, а наука и культура не в почете, не откупиться от будущих проблем мизерными пособиями на рождение детей.

Впрочем, цель президентского предложения, видимо, значительно прозаичнее: перед выборами надо сделать очередной популистский жест. Нет сомнений, что он будет удачным.

Почему страхование вкладов — не лучшая идея

Статья опубликована в издании Slon 6 июня 2016 года.

В колониальной Индии в свое время (лет сто назад) англичане крайне озаботились опасностью, которую представляли для местных жителей змеи. Количество смертельных случаев показалось английским колонизаторам недопустимым. Надежды на самоорганизацию жителей не было, разве что на жадность, и британская администрация объявила о готовности платить за каждую убитую змею. Индусы немедленно начали сдавать мертвых пресмыкающихся в промышленных масштабах — к удовольствию белых сахибов. Шли годы. Сдача убитых змей била рекорды, по логике их уже давно не должно было остаться в природе, а количество укушенных змеей и умерших от укуса не убывало. В конце концов высокая комиссия учинила разбирательство этого загадочного явления и быстро выяснила, что сообразительные и алчные местные жители стали разводить ядовитых змей специально, чтобы потом сдавать их трупы за деньги, дикие же змеи фактически не страдали.

Эта поучительная история — наглядный пример того, насколько бессмысленно лезть с киркой и лопатой административных мер в тонкую ткань экономики, — экономические агенты никогда не слушаются указов, а уровень их изобретательности по части минимизации своих рисков и максимизации доходов настолько же высок, насколько низок уровень общественной сознательности.

Особенно печально бывает наблюдать за слоном государства в посудной лавке рынка в ситуациях, когда мотивации государства выглядят в целом гуманитарно и направлены на улучшение жизни или защиту граждан. Область применения благих

намерений ничем не ограничена — это может быть спасение от змей или, например, защита вкладов граждан в банках.

В идеальной экономической модели банки становятся мостом между непрофессиональными инвесторами и заемщиками из бизнеса. Банки абсорбируют риск невозврата кредита, гарантируя вкладчикам возвратность и доход, и выдают кредиты из средств вкладчиков под более высокую ставку. В реальной жизни все, конечно, намного сложнее — банками владеют акционеры, у которых есть свой интерес; управляют менеджеры, и у них есть свой интерес; конкуренция заставляет банки принимать на себя далеко не только кредитные риски — в частности, риски ликвидности (для вложений используются и средства со счетов до востребования, отток которых может сделать банк неплатежеспособным); центральные банки, уверенные в своей способности регулировать рынок финансовых услуг, навязывают банкам свои правила оценки рисков и дают их расходами на сдачу гор отчетности; наконец, точный просчет рисков просто невозможен, и банки часто ошибаются. Поэтому вложения в банки также рискованны. Этот факт (опять же в теории) отражается в процентной ставке, которую предлагают банки по вкладам. В современных банковских системах (все в той же теории) отчетность банков достаточно прозрачна, и вкладчики могут сделать свои выводы о рисках депозитов, поэтому вложения в более рискованные банки приносят больший доход — в ряду других рискованных вложений.

На практике банки научаются обманывать вкладчиков и регуляторов быстрее, чем регулятор научается раскрывать обманы, а рыночные реалии меняются быстрее, чем политика банков. Поэтому то тут, то там банки неожиданно разоряются. И поскольку вклады в банки — наиболее доступная форма инвестиций, в которую вовлечены широкие массы избирателей, практически все государства мира озаботились защитой интересов вкладчиков. Неудивительно, что в последние 30 лет в условиях бюрократизации власти в большинстве стран практически все правительства избрали путь не рыночного балансирования проблемы, а административного регулирования, введя системы государственного гарантирования возврата вкладов в банках.

Поскольку избираемые большинством правительства волнуют большинство избирателей (а меньшинство волнуют в значительно меньшей степени), то и гарантирование вкладов покрывало вклады большинства, то есть только сравнительно небольшие по размеру. На конец 2013 года в мире было 112 стран, которые ввели систему государственного гарантирования вкладов (на 2003 год их было 84). На рост сильно повлиял кризис 2008 года — Международный валютный фонд активно рекомендовал эту меру и даже делал ее условием помощи странам, пострадавшим от кризиса. Тем не менее не все успешные страны имеют такую систему — ярким исключением является Израиль.

Практически все схемы защиты клиентов банков работают по принципу нерыночного страхования вкладов через государственную структуру: банки, являющиеся частью системы, отчисляют в фонд страхования некоторые суммы (как правило, фиксированную долю депозитов, одинаковую для каждого банка), которые затем идут на компенсации вкладчикам банкротящихся банков. Почти 90% таких схем предполагают взносы, никак не зависящие от реальных банкротств, но около 10% стран собирают взносы конкретно на покрытие расходов такого фонда при банкротстве банка. Среди тех, кто придерживается последней модели, — Чили, Нидерланды, Великобритания, Швейцария, Австрия — страны со стабильной и эффективной банковской системой. Примерно в трети стран фонды в полном соответствии с теорией развития бюрократических систем, раз создавшись, разрослись и захватили смежные функции — вплоть до лицензирования банков, расчета рисков и тому подобного.

Мировая теория

Мы не можем точно оценить эффект от такого тотального вмешательства в рыночные отношения — финансовые рынки слишком многофакторны. Тем не менее мы легко можем предположить последствия в теории и посмотреть, насколько на практике заметны теоретически полученные явления.

Гарантирование депозитов за счет отчислений банков должно прежде всего увеличивать стоимость денег для добросовестных банков и существенно снижать риски для вкладчиков. Оба эти эффекта должны вести к снижению ставок депозита в добросовестных банках, без снижения стоимости кредита. Теоретически ставка депозита должна упасть почти на уровень безрисковой ставки. Следствием этого должен стать отток средств частных клиентов из добросовестных банков. Ушедшие средства пойдут на рынок капитала (где клиенты ничем не защищены), но не только — очевидно, найдутся недобросовестные банки, которые будут привлекать клиентов повышенными ставками, а клиенты, зная, что их депозиты застрахованы, будут нести им деньги в надежде успеть получить и высокие проценты, и компенсацию основной суммы от государства. Добросовестные банки же будут искать способы альтернативного привлечения и встретятся с теми же вкладчиками, но уже на рынках капитала. Доля банковского сектора на рынке облигаций должна существенно вырасти. На рынках капитала появление большего числа неквалифицированных частных инвесторов, слишком эмоционально реагирующих на новости и не делающих различий между разными инструментами, должно вызывать рост волатильности. Рост количества банков-мошенников должен приводить как к росту количества банкротств, так и к активному вмешательству государства в проблемы разоряющихся банков тогда, когда средств фонда будет не хватать (не хватать не только на частных вкладчиков — корпоративные будут лоббировать и свое спасение). Мы должны увидеть нарастающий объем выкупов (bailouts) за счет бюджетов государств, то есть за счет налогов, которые платят те же вкладчики.

Практика нас не подводит. По данным Bankrate, средние банковские процентные ставки в США в последние 30 лет вели себя так, как показано на рис. 8.

Вряд ли теперь нас удивит и тот факт, что с 1985 года неуклонно снижалась доля банковских кредитов в общем годовом финансировании экономик — с 48% в 1985 году до 24% в 2010 году — банкам стало просто неоткуда брать деньги, вкладчики пошли на рынки капитала прямиком.

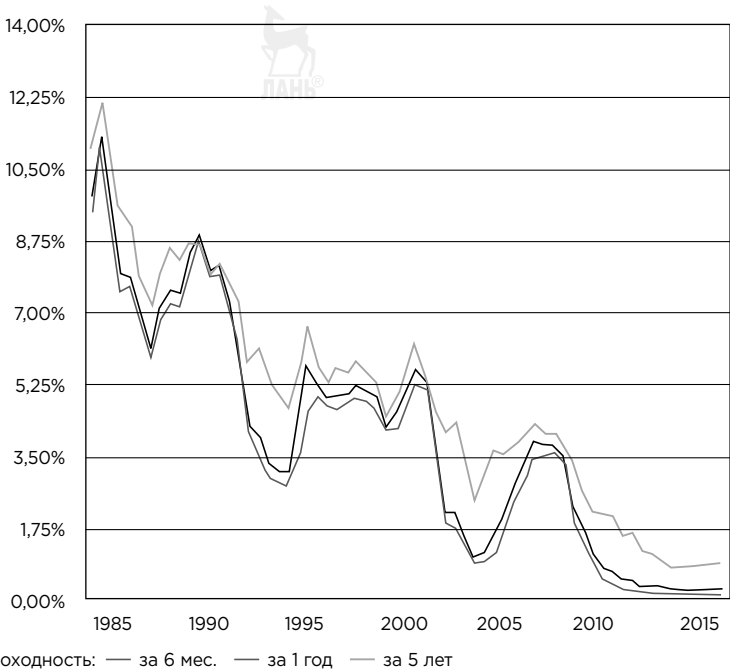

Рис. 8. Исторические ставки по депозитам в банках (1984–2016)

Источник: Bankrate.com.

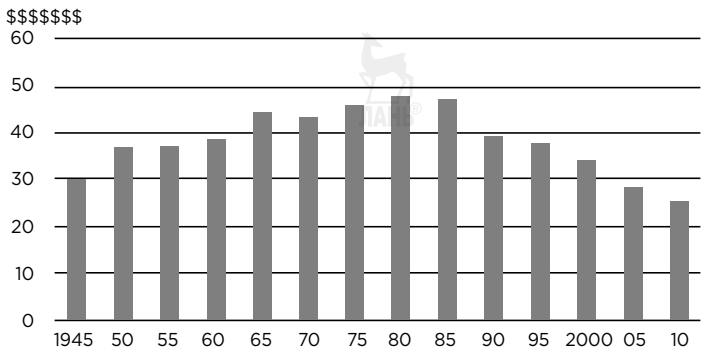
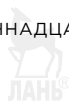

Рис. 9. Доля банковских займов в общей задолженности компаний

С того же 1985 года волатильность Nikkei 225 выросла примерно в 2 раза, волатильность FTSE All выросла в 2 раза к 2010 году, но, правда, потом сократилась примерно на треть, волатильность NASDAQ претерпевала сильные колебания, но в целом выросла с 1985 года — если до 1989 года она была почти всегда ниже 10%, то после почти всегда выше 10%. Правда, волатильность S&P выросла с 1985 года незначительно.

Интересно также, как менялось количество крупных банковских банкротств в тех же США. За 10 лет в 1970-е годы в США обанкротились 2 крупных банка. За следующие 10 лет таких было уже 7, столько же и за 1990-е годы. В 2000-е США потеряли 35 крупных банков, а за последние 5 лет — еще 28. И эти цифры не учитывают спасенные от банкротства банки, в то время как практика спасения банков появилась только в конце прошлого века и стала массовой в последние годы! Аналогичная ситуация сейчас и в Европе, с той разницей, что там вся банковская система выглядит ненадежной — обусловленные облигации даже такого гранда индустрии, как Deutsche Bank (условие списания — падение капитала ниже 5% активов), торгуются на уровне облигаций Армении или Намибии.

Российская практика

За частным опытом можно обратиться к истории страхования вкладов в России. АСВ (Агентство по страхованию вкладов) было создано в 2004 году — когда кризис 1998 года уже прошел, банковская система стабилизировалась, а российский рынок развивался достаточно активно. Сайт АСВ говорит о 332 страховых случаях с 2004 года. Из системы страхования за этот период было исключено 175 банков, то есть их последующее банкротство не учтено в статистике. На сегодня в АСВ всего 832 участника, из них только 573 пока кажутся здоровыми, 252 уже находятся в процессе ликвидации. Всего же в России сегодня действует 654 банка, то есть в АСВ не входят только около 80 работающих банков (а всего в России более 950 зарегистрированных банков, но почти 300 — трупы, лежащие больные без лицензии или мертворожденные организации).

Несмотря на такую печальную статистику (более 40% банков, когда-либо участвовавших в АСВ, не смогли выполнить обязательства перед вкладчиками), самое интересное в истории АСВ только начинается — в системе явно катастрофически не хватает средств, а увеличение взносов грозит остановить банковскую систему — себестоимость денег, и так немаленькая, будет слишком высока. На сегодня в России вклады частных лиц составляют почти 24 трлн рублей. В банках в Москве сосредоточено 75% этих вкладов. Даже по Москве отношение застрахованных объемов к общим объемам депозитов составляет 64%, в регионах — в среднем больше, полный объем ответственности АСВ, таким образом, — 15,4 трлн рублей — больше годового бюджета РФ. Для учета всех факторов, конечно, надо вспомнить, что в десятке крупнейших банков, которые вроде бы меньше рискуют оказаться банкротами, сосредоточено около 55% всех депозитов. Но даже 7 трлн рублей — огромная сумма. Кроме того, кто сказал, что в десятке крупнейших банков нет ни одного потенциального банкрота? Банк Москвы в десятку входил. Ресурсы же у АСВ несравнимо скромнее: объем фонда страхования вкладов — 40 млрд рублей (0,26% от застрахованной суммы), плюс 110 млрд рублей — это кредитная линия ЦБ (ЦБ, как государственный орган, из воздуха денег взять не может — выдача этих 110 млрд происходит за счет налогов — прямых или инфляционного). Пока АСВ были произведены выплаты на сумму 0,9 трлн рублей, еще около 100 млрд рублей — это требования в процессе исполнения, но нет сомнений, что процесс банкротств продолжится — разные расчеты и прогнозы (основанные на рейтингах банков и, безусловно, спекулятивные по сути, но с ходу отвергать их не стоит) говорят об ожидаемом дефолте примерно 15% всей банковской системы, сокращении количества банков в ближайшие годы еще на 200–250 и высокой вероятности необходимости спасения (или банкротства) до трети банков из первой сотни и каждого пятого — из первой двадцатки. Если последнее верно, то только на компенсации вкладчикам этих неназванных 4 банков потребуется не менее 600 млрд рублей.

С другой стороны, мы отлично знаем, какой эффект имело страхование вкладов в России. Оно было среди главных факторов неуспеха инвестиционного ретейл-рынка (наряду с нулевым налогом на проценты по депозитам). Несомненно, если бы не было АСВ, судьба большинства банков, которые сегодня saniруют или ликвидируют, была бы иной. Без гарантий вкладов мелкие и неуспешные банки не получали бы от вкладчиков деньги даже под большие проценты, и им пришлось бы уже давно продаться более сильным и удачливым коллегам или закрыться. Консолидация прошла бы намного менее болезненно — без таких потерь для корпоративных клиентов и рынков, без таких скандалов и уголовных дел.

А создание АСВ принесло не столько облегчение добросовестным вкладчикам (которые без АСВ просто были бы осторожнее), сколько потерю ощущения риска у инвесторов и возможности для зарабатывания нечестными способами у банкиров. Совсем как в индийской истории, страхование вкладов вызвало к жизни не только банальное дробление больших вкладов на части (увеличение бумажной работы для банков и траты времени для клиентов), но и бизнес «серийного вкладчика» — тысячи людей стали искать банки, заведомо готовящиеся к банкротству и предлагающие неадекватно высокие ставки, получать их в период до банкротства, а затем возвращать свой вклад из средств АСВ, тут же перекладывая деньги в новый полубанкротный банк. Владельцы и менеджеры умирающих банков тоже повели себя адекватно щедрому предложению государства — они стали набирать депозиты, выводить активы и убежать с ними. Есть подозрение, что уже появилась и схема сговора — богатый клиент через подставных лиц вкладывает в банк десятки (если не сотни) депозитов максимально защищенного размера под высокий процент. Владельцы банка выводят средства и исчезают, в офшоре делясь с клиентом частью средств. Клиент же в России получает компенсацию и делится уже с подставными вкладчиками.

Государство вынуждено вступать в игру и спасать банки. И дело не только в необходимости отвечать по взятым обязательствам и не разочаровывать избирателей. Есть еще и мощное

лобби банков-санаторов. Эти банки сделали из естественных последствий схемы по гарантированию вкладов (и требования корпоративных клиентов спасти по возможности и их тоже) выгоднейший бизнес: они заведомо получают больше средств, чем требуется для спасения.

Но возможности государства по взятию на себя рисков банковской системы не безграничны, а главное — государство не любит платить. Уже сейчас видно, что АСВ начинает действовать в стиле страховой компании — старается найти причины и предлоги не платить компенсации. Пока это происходит только «с помощью» банков-банкротов: у тех обнаруживаются неточности в оформлении документов (а точнее, массовое мошенничество со средствами вкладчиков, неоформление вкладов, поддельные документы о выдаче вкладов наличными и так далее), и АСВ отказывает в выплатах во всех спорных случаях. Но наверняка и требования АСВ к предъявляемым документам будут ужесточаться — а большинство банков не дает, а вкладчики не просят полного комплекта удостоверяющих документов, особенно если вклады сделаны переводом, пополнялись и так далее. Более того, уже вовсю идет разговор об отказе в выплатах в случае обоснованного подозрения в том, что вкладчик намеренно разбивал средства на несколько депозитов; о возможности заявить, что вкладчик сознательно рассчитывал на банкротство банка и последующую компенсацию (очевидно, любой вкладчик банка, дававшего высокие проценты, может быть обвинен в такой тактике). На поверхности это противозаконно, так как вкладчик ничего не нарушал. Но в рамках российской манеры трактовки законов уже появилась версия, что действия такого вкладчика — это фактически сговор с банком с целью хищения государственного имущества.

Экстренная мера

Очевидно, что, несмотря на понятную социальную функцию и поддержку действующих правительств голосами благодарного большинства, гарантирование вкладов несет в себе в основном негативные экономические последствия, в том числе для

вкладчиков. Такие гарантии могут быть хороши для коротких периодов кризиса, как это было в США во времена Рузвельта, когда введение системы защиты вкладов поддерживает доверие к банкам и на фоне недоверия к остальным инвестициям дает банкам возможность избежать иссушения баланса. Но как постоянная мера такая защита вкладчиков нарушает естественный рыночный баланс — в конечном итоге в пользу мошенников банковского рынка и рискованных инвестиций, депрессивно действуя на банковский сектор.

Вместо гарантий вкладчикам мировым надзорным органам стоило бы сосредоточиться на совершенствовании функции банковского надзора (особенно это касается России, где ЦБ показал себя совершенно не способным выявлять проблемы у банков) и создания частной системы страхования вкладов за счет самих вкладчиков, с дифференцированным размером премии для разных банков, устанавливаемым самим рынком. Как и в других областях экономики, гармоничное развитие банковской сферы и реальная защита интересов инвесторов возможны только при условии отказа государства от вмешательства в ценообразование и структуру рисков и ограничения его роли разработкой правил и контролем за их исполнением.

Памяти российских банков

РБК, 18 сентября 2017 года.

Созерцание драмы под названием «Гибель российской банковской эскадры» вызывает естественный страх: из более чем 3000 зарегистрированных банков утратили лицензию около 2600, функционируют сегодня всего лишь 532, среди последних немало таких, которые, как Банк Москвы или «Глобэкс», пережили смерть и были воскрешены к жизни ЦБ. Доля государства в активах банковской системы после спасения «Открытия» и еще до возможных будущих спасений составляет почти 70%.

Вклад финансовой деятельности в ВВП России не превышает 4,9% (в США — 8%), и если предположить, что на банки приходится даже 4% ВВП, то доля частного банковского сектора

едва ли дотянет до 1% — меньше годовых колебаний ВВП. Но и эта оценка сильно завышена — на балансах частных банков сохраняются непоказанные убытки, размер которых неизвестен, но вряд ли составляет менее трети капитала, а это как раз примерно 1% ВВП. Можно считать, что частной банковской системы — инструмента, благодаря которому во многом состоялись и промышленная революция, и становление развитых стран, и капитализация индустрий, — в России нет вообще.

Краткую историю образования банковских проблем в России достаточно хорошо описал банкир Сергей Хотимский в своей статье на РБК. Банки начинали свою работу тогда, когда уход от налогов, обналичка, обмен валюты и отмывание были на порядок выгоднее кредитования, а основной задачей владельцев было аккумулирование средств для приватизации предприятий. Со временем банки, хотя и не все, потеряли возможности безнаказанно отмывать деньги, а обмен валюты перестал приносить большой доход. При этом многие банки так и не приспособились к эффективному ведению другого бизнеса, и тому было минимум две причины, помимо злокозненности владельцев (последняя если и была, то у единиц).

Первой был небольшой масштаб бизнеса. Финансовая сфера России, разделенная на две неравные части, из которых большая относилась к ведению госбанков, была в силу слабости экономики, высокой доли наличных и серых операций, а также архаичности экономических структур слишком бедной даже для десятка частных банков, а должна была кормить минимум 1500. Долгое время банки жили в ожидании роста, и в 2000-е годы он даже происходил — большинство банков не только умудрялись быть прибыльными, но и получать все большую долю этой прибыли от законных рыночных операций. Но после 2008 года рынок российских банковских услуг, заметно просев, так и не вернулся к серьезному росту, клиентская база существенно ухудшилась и продолжает ухудшаться, а общемировое снижение ставок понизило маржинальность процентных операций.

Банки по всему миру, включая гигантов, стали испытывать проблемы с доходами — что уж говорить о мелких банках

в стране, где пятый год идет стагнация с признаками рецессии. Естественным ответом на вызов была бы консолидация банковского сектора, но в России слияния и поглощения наблюдались и наблюдаются нечасто: владельцы вместо этого думают о том, как бы избавиться от своих банков. К тому же (об этом подробнее ниже) ЦБ создал условия, при которых незаконные операции и вывод активов давали собственникам существенно больший доход, чем потенциальное слияние, при котором они теряли контроль за банком и лишались «привилегий» незаконного бизнеса. Наконец, почти все банки несли в себе «мины и скелеты» из 1990-х, да и из 2000-х — слияние потребовало бы расчистки, которая зачастую была невозможна «по живому».

Слепой контролер

Второй причиной краха стали действия государства (в лице в первую очередь надзорного крыла ЦБ), которые буквально выдавливали банки в пропасть. Главной проблемой стала организация бессмысленного и избыточного регулирования банковской сферы. Это регулирование начиналось с ежедневной, ежемесячной, ежеквартальной, ежегодной и просто постоянной отчетности десятков видов и уровней композиции, для создания которой банки вынуждены были разрабатывать и покупать сложнейшие программные продукты и нанимать тысячи человек. Отдельно как снежный ком нарастал объем требований по клиентской отчетности, в которой так называемый валютный контроль, отсутствующий в развитых странах и на фоне плавающего курса рубля и свободы перемещения капитала в России бессмысленный, занимал и занимает почетное место. Это еще автоматизированные системы, еще тысячи работников, еще себестоимость. В России сегодня на единицу кредита приходится в 5 раз больше сотрудников, чем в банках США.

Но это только половина проблемы регулирования. Вторая половина — система ограничений и запретов на деятельность банков. Система резервирования под потери по ссудам вместе с системой расчета чистых активов и капитала, предлагаемые ЦБ, фактически не позволяют банкам кредитовать иначе как

под залог недвижимости или ликвидных активов. Кредитование нового бизнеса (даже под приобретение оборудования), кредитование под оборот без залога товара, кредитование развития объявлены слишком рискованными, и если они и могут осуществляться, то только под очень высокие проценты, иначе банки не вытягивают нормативы. Все это привело к повышению стоимости банковского обслуживания и кредита, сокращению бизнеса и росту незаконных операций: в конце концов, зажатые регулированием банки обанкротились бы сразу, если бы выдавали только «разрешенные» кредиты. Избавление от бремени законов банкиры нашли, как всегда в России, в необязательности их исполнения: кредиты стали выдавать под фиктивные залоговые, через «прокладки», по подложным документам. Следствием «вынужденного» нарушения законов стало ощущение безнаказанности и желание нарушать правила по полной программе. Забытые было отмывание и обналичка со временем опять стали большим бизнесом; кредиты начали выдавать под любые цели, себе и другим, за взятки и без, с еще большим ажиотажем, чем в 1990-е.

И тут ЦБ неожиданно пришел банкирам на помощь. Ежедневная многокилограммовая отчетность, специальные проверки, драконовские ограничения на операции уютно сочетались с удивительной слепотой контролеров и проверяющих. Ходили слухи, что это была не только слепота, а даже и действенная помощь в сокрытии убытков и искусственном надувании капитала.

Даже при отсутствии значительного опыта в области финансового анализа на основе банковской отчетности и доступа к первичным документам не составляло бы никакого труда выявить кольцевые схемы при внесении капитала, неликвидность активов и несоответствие их оценки рыночным ценам, скрытые и скрыто финансируемые плохие долги. Тем не менее начиная с середины 2000-х годов Банк России раз за разом «обнаруживал» проблемы в балансе банков только в момент катастрофы или даже после нее. Официальные заявления ЦБ типа «Оказалось, что у банка X много лет в активах значилась земля по цене, в 10 раз превышавшей рыночную» давно стали нормой.

И ладно земля — в своем последнем заявлении председатель ЦБ сообщила, что банк «Открытие» завыхал в балансе... стоимость суверенных долгов России. Для не вовлеченных в вопрос поясню: рыночная стоимость облигаций, выпущенных Российской Федерацией, доступна в большинстве информационных систем — от Bloomberg до C-Bonds — и обновляется раз в несколько секунд, проверка ее соответствия элементарна. «Открытие», конечно, владело более чем половиной выпуска (кстати, почему?) и, видимо, могло манипулировать ценой, но своевременное выявление таких манипуляций элементарно и входит в прямые обязанности ЦБ.

Накопление рисков

Причину такой неожиданной некомпетентности можно предположить: ЦБ изначально занял в отношении банков позицию «соучастника», полагая, что сохранение хорошей мины при плохой игре спасет положение, а банки закروют будущими прибылями свои проблемы. Но, как известно, если все время в зародыше уничтожать маленькие лесные пожары, не давая сушняку выгорать, то из-за накопления в лесу сухой древесины рано или поздно происходит глобальный пожар, который уже невозможно потушить. Примерно это сегодня и происходит с российской банковской системой.

Можно спорить о пользе и вреде банковского надзора и регулирования, приводить в пример опыт других стран и историю вопроса. Конечно, грамотный надзор и регулирование нужны. Но нет никакого смысла в лекарстве, если оно не лечит. Банк по определению должен быть институтом долгосрочным, так как основной его товар — доверие клиентов. За последние 15 лет в России умерло более 80% банков, и смерти продолжают по нарастающей: гибнут уже и крупнейшие организации. Ни одна такая смерть не была предотвращена регуляторами, ни одна не была заранее предсказана ЦБ.

Для сравнения: в мире существует институт эмитентов еврооблигаций. Их выпускают компании, обладающие определенными, очень кратко описанными свойствами; эти компании

публично отчитываются раз в квартал перед инвесторами, и отчетность занимает два десятка страниц. Не существует надзорного органа, который бы проверял эти компании. По статистике Moody's, дефолт объявляют около 10% эмитентов и только 2% эмитентов, которые в момент выпуска бумаг получили инвестиционный рейтинг. Хочется воскликнуть, пародируя Марка Твена, что, если бы ЦБ не надзирал за банковской системой вовсе, количество умерших банков было бы как минимум в восемь раз меньше.

Перестраховка

Но, может быть, в области банковского бизнеса должны были сработать рыночные механизмы? В конце концов, почему так мало эмитентов еврооблигаций объявляет дефолт? Потому что инвесторы внимательно следят за ситуацией, специальные агентства анализируют надежность эмитентов, и, если у рынка возникнет подозрение, что дело плохо, цены облигаций обрушатся и новых денег эмитент привлечь не сможет. Возможно, с банками было бы так же, если бы ЦБ не вмешался. Понимая, что средства населения — это самый значимый ресурс в банковском бизнесе, ЦБ создал систему страхования вкладов, убрав с рынка важнейший регулятор — риск вложения этих средств.

Мало того, что АСВ еще увеличило себестоимость работы банков за счет взносов; оно фактически поставило нечестные банки в привилегированное положение по сравнению с честными. Теперь деньги несли тому, кто давал больший процент, вне зависимости от финансового состояния. Появился вид профессиональной деятельности — «серийный вкладчик». Эти люди разбивали свои средства между большим количеством умирающих банков (так, чтобы защитить их на 100%), вкладывали их под большой процент, по факту банкротства получали деньги обратно и тут же несли следующим умирающим. Банки в последний момент, когда исчерпаны все способы надувания капитала и прикрытия вывода активов, получали подарок — несколько месяцев притока наличных, которые можно продолжать выводить через однодневки или в офшор. Эти несколько месяцев дали

возможность владельцам и топ-менеджерам уезжать за границу, к заранее собранному капиталу. Спасибо АСВ — доля тех, кто украл деньги из подконтрольных банков и скрылся, превышает долю остановленных до пересечения границы в десятки раз.

Идея страхования вкладов оправдывалась защитой интересов вкладчиков. И вряд ли с этим оправданием можно поспорить. Вот только почему наряду с защитой вкладчиков нельзя было ввести защиту от недобросовестности и сговора вкладчиков и банкиров хотя бы путем страхования не 100%, а, например, 80% суммы вклада? Потеря 20% была бы не так уж болезненна для добросовестно обманувшихся, но начисто отбивала бы охоту искать умирающий банк с самыми высокими процентами.

Эпидемия санации

И это еще не конец. Из умирающих банков оказалось возможно выжать прибыль для других умирающих. ЦБ начал передавать их на санацию другим банкам, у которых были проблемы с балансом и ликвидностью, и снабжать санаторов завышенными объемами средств, чтобы под шумок они могли несколько подлатать и свои дыры. Первой сделкой такого рода было слияние ВТБ с Банком Москвы. За ней последовали десятки других. Это привело только к продлению агонии санаторов и росту дыр в их балансах, причем санаторы, как показала история банка «Траст» и не только его, стали и «делить» выделенные средства, и буквально высасывать балансы переданных им банков для решения своих проблем, а, возможно, и в корыстных целях владельцев и менеджмента.

Количество российских банков продолжает сокращаться, качество балансов параллельно ухудшается, в том числе и у государственных гигантов, банки не выполняют своей основной функции — быть эффективными посредниками на рынках капитала. Напротив, в последние годы основной деятельностью банков стала перекладка средств клиентов в облигации, то есть дублирование инвестиционного рынка, причем, поскольку поток банковских денег взвинчивает цены на этом рынке, банки вынуждены

многokrратно закладывать облигации под кредит в ЦБ, покупая на полученные средства еще облигации и снова закладывая их — то есть беря значительный финансовый рычаг, а ЦБ по соображениям, объяснимым только стремлением спасти умирающие банки даже ценой вреда экономике, этот рычаг выдает. Это еще более взвинчивает цены и делает рынки неинтересными для сторонних инвесторов даже в условиях низких общемировых ставок. Рынка не хватает все равно — банки держат в ЦБ триллионы рублей остатков. Конечно, для недалековидного государства эта ситуация выгодна: оно легко размещает на рынке свой внутренний долг (с суверенным риском инвесторы готовы брать и долги с низкой ставкой) и пользуется банковскими остатками.

Не боится наше государство и массового дефолта. В конце концов, даже объявленный капитал банковской системы не превышает 9 трлн рублей и его можно заместить полностью, не потеряв финансовой стабильности. Как и во многих других областях нашей жизни, в банковской сфере мы смирились с тем, что система не функционирует как должна, и довольствуемся тем, что ее внешний вид примерно соответствует стандарту.

Вариант перезагрузки

Возможно, пороки нашей банковской системы уже так велики, что лучшее, что можно сейчас сделать, это практически полностью ее зачистить, убив все банки, кроме пары десятков; провести добровольную санацию оставшихся, то есть разрешить им удалить с баланса все фиктивные и необеспеченные активы и предъявить публике реальность без риска потери лицензии; затем докапитализировать их за счет государства и инвесторов и параллельно кардинально поменять систему регулирования и контроля: снизить бремя отчетности, но сделать банковские операции намного более прозрачными, убрав все возможности украшения витрин; создать систему профессионального и независимого от ЦБ надзора, способную выявлять мошенничество на раннем этапе; ввести системы разграничения рисков, например, запретить банкам, ведущим расчетные операции в ретейле, вкладываться в неликвидные активы; вывести банки с рынка

ликвидных ценных бумаг, оставив его инвесторам; закрыть лазейки, через которые банки получают необеспеченные средства ЦБ и зарабатывают на них нерыночную маржу.

Возможно, надо сделать шаг вперед по сравнению с древней и потому очень консервативной европейской банковской системой и мотивировать рынок на разделение кредитного и расчетного бизнесов, стимулируя появление небанковских кредитных институтов и формирование рынка сбыта для кредитного рынка: это существенно уменьшит риски расчетных операций, хотя может и увеличить их стоимость для клиентов. И, конечно, необходимо вернуть рынку ощущение риска и исключить дискриминацию — страхование вкладов нужно сделать за счет средств вкладчиков, скажем, введя страховой сбор с депозитов и остатков на счетах; распространить его на все виды счетов в банках, открытых непрофессиональными финансовыми организациями; и, самое главное, страхование не должно покрывать 100% остатка вне зависимости от размера. Наконец, надо будет провести демонополизацию и приватизацию банковского сектора, разделив государственные банки-гиганты на части и продав их, а в дальнейшем не допускать, чтобы в руках одного собственника, в первую очередь государства, оказывалось больше 10% баланса банковской системы страны.

Без этих действий наша банковская система останется банкротной структурой, всего лишь фасилитирующей денежное обращение (типа «Почты России», только пересылающей рубли и доллары), постоянным источником скандальных новостей и местом легкого обогащения для непорядочных бизнесменов и чиновников за счет денег налогоплательщиков. Между тем здоровая банковская система могла бы стать одним из главных драйверов экономического роста.

Записки безумного экономиста

Facebook, февраль 2017-20.

Я наблюдаю не со стороны самые разнообразные перипетии налоговых баталий (плательщики всячески уходят от налогов

и делятся секретами друг с другом; налоговые органы начисляют избыточные налоги и ревностно выполняют планы по штрафам вне связи с реальностью; законодатели мучаются, как переписать законы так, чтобы налоги не повышать, а сборы выросли; политики думают, когда можно уже поднять ставки и какой будет реакция). И думается мне, что назрели изменения в этой уже архаичной среде.

Во-первых, совершенным безумием представляется отсутствие централизации в определении налоговой базы. Персональный доход получается куда угодно, в какой угодно форме, у него десятки тысяч платежных агентов, каждый год сдаются миллионы деклараций, их обработка и проверка занимает миллиарды человеко-часов. Простейшим решением может быть создание Центра учета доходов (ЦУД) и Банка доходов (БД). Достаточно законодательно закрепить обязанность каждого налогового резидента открыть счет в БД и запретить получение доходов на свои счета в других банках откуда бы то ни было (то есть можно получать переводы, которые не являются доходами, например — возвраты займов, а доходы — только в БД), и у ЦУД будет полная картина по доходам граждан, на основании которой можно взимать и подоходный налог, и сборы с ФЗП (есть еще доходы в нефинансовой форме, но давайте будем честными, они так малы, что их можно частично запретить, частично — освободить от налогов). ЦУД сможет сам вычислять налоги и сам их удерживать, не нужно будет никаких деклараций, предприятия будут освобождены от функций налоговых агентов. Аналогично можно централизовать сбор НДС — сегодня определение его размеров строится на подсчете, базирующемся на счетах-фактурах и кассовых чеках. Счета-фактуры и чеки каждая компания выписывает самостоятельно, в бумажной форме, в лучшем случае с автоматическим отражением в своей внутренней системе. Почему не создать Центр торговых транзакций (ЦТТ), который (как карточные терминалы передают информацию в эквайринговый центр) дал бы возможность и обязал всех выписывать счета-фактуры через его компьютерную систему, с отражением в его процессинговом центре и разнесенным акцептом

(продавец и покупатель могли бы делать акцепт удаленно)? ЦТТ сам считал бы НДС к уплате на базе всей цепочки транзакций, отпала бы необходимость в учете в компаниях, в проверках налоговой службы. Аналогично, как только мы создаем Центральную бухгалтерскую службу, в которую все компании отчитываются в электронной форме по всем транзакциям, мы снимаем с компаний головную боль учета и отчетности, исчезает большинство проблем верификации (в частности, за счет централизованной сверки можно автоматически принимать в расходы компании все, что кто-то включает в свои доходы), с компаний снимается необходимость считать налог на прибыль. В конце концов, зачатки таких систем есть в области налогов на имущество, акцизов и таможенных пошлин — почему бы не распространить эту практику на все налоги?

Во-вторых, почему мы так держимся за фиксированные ставки налогов? Налоги можно разделить на транзакционные (такие как пошлины, НДС и прочее, то есть те, которые платятся с операций) и налоги на капитал (которые берутся с конечного финансового результата, это налог на прибыль, налоги на ФЗП и подоходный налог, налоги на имущество). Транзакционные налоги нам придется (пока я ничего не придумал) оставить в покое — выработанный в мире на сегодня способ их определения в процентах от объема транзакций с заранее оговоренным процентом является единственно возможным, так как величина процента кардинально влияет на ценообразование и должна быть известна при начале транзакций.

А вот процесс определения требуемой ставки по налогам на капитал можно изменить. Сегодня ставка такого налога определяется заранее, и в итоге налоговые сборы зависят от размеров капитала и скорости его формирования в экономике, то есть, как правило, плохо предсказуемы. Кроме того, процесс смены ставок длителен, в стране всегда находятся лоббисты как повышения, так и понижения, в случае сокращения бюджетных доходов повышение ставки занимает несколько лет, в результате к моменту, когда бюджетные доходы и так начали расти, ставка повышается, в бюджете образуются излишки, правительства начинают тратить больше, эффективность падает, ставку пробуют

снизить, и тут снова наступает период снижения бюджетных доходов — власть и экономика работают в противофазе.

Основная же проблема — полная независимость ставки и потребностей государства. Ничто так не разделяет граждан страны и их элиты (и госаппарат), как тот факт, что граждане платят формально установленные размеры налогов вне зависимости от ситуации в стране, а власть должна каким-то образом выкручиваться, исходя из получаемых сумм, хотя расходы бюджета определяются не доходами, а необходимостью.

Возможно, существенно правильнее было бы по всем налогам, представляющим из себя выделение государству доли конечного дохода и/или капитала, вообще не определять заранее ставку. Налог на прибыль, сборы в пенсионный фонд и фонд социального страхования, подоходный налог, налог на имущество, сборы в транспортные фонды и прочее надо собирать по итогам периода, после сдачи деклараций, уже зная, какую сумму надо собрать, чтобы покрыть дефицит бюджета, и зная, какова база по каждому налогу за прошедший период. Отношение требуемой суммы к базе легко даст ставку налога, которую налоговые органы могут объявлять по факту расчета и давать налогоплательщикам время на уплату.

Для 2016 года, например, платежи в ПФР должны бы быть примерно на 25% выше, чем в реальности, — это закрывало бы дефицит ПФР. При этом для бездефицитного консолидированного бюджета нам потребовалось бы поднять ставки налога на прибыль примерно на 50% (до 30%), подоходного налога и налога на недвижимость — на 30% (подоходный стал бы 17%, так, кстати, и планируют сделать с 2018 года)¹.

Такая мера не просто позволила бы автоматически сбалансировать бюджет. Она превратила бы сегодняшний настрой налогоплательщиков — «Я хочу платить как можно меньше, и чтобы расходы бюджета были как можно больше», провоцирующий власть на увеличение бюджетных трат, — в совершенно другой: «Я хочу, чтобы расходы бюджета сокращались,

¹ Разница обусловлена тем, что эти налоги идут в разные бюджеты. — *Прим. авт.*

чтобы я платил меньше налогов». Депутаты и министры в этой ситуации будут вынуждены (если хотя бы усидеть в креслах) сокращать через управление бюджетом роль государства в экономике страны, а граждане будут значительно более внимательно относиться к экономической политике государства. Более того, существенно уменьшится уклонение от уплаты налогов — поскольку занижение базы одним будет тянуть за собой увеличение ставки для всех, у налогоплательщиков будет стимул следить друг за другом, вместо того чтобы совместно радоваться, как они обманули государство.

Наконец, пора научиться секьюритизировать¹ налоговые потоки. Государство, как текущий бенефициар налоговых доходов, может, по аналогии с собственником компании, бенефицирующим от прибылей будущих лет, делать IPO налогоплательщиков в налоговом смысле, то есть продавать на рынок права на получение будущих налоговых платежей от компаний и даже от частных лиц (возможно — крупными портфелями) во времена, когда ему не хватает налоговых поступлений, и выкупать их обратно тогда, когда есть избыток средств. «Налоговые акции» должны затем торговаться, их оценка будет очень похожа по методологии на оценку обычных акций — в конце концов, и то и другое просто денежный поток. Очевидно, должны появиться и деривативы на «налоговые акции», и разные типы этих акций (по типам налогов, например, или ограниченные периодами сбора, «временные акции» и так далее), и своя аналитика. И инвесторы будут охотно включать их в портфели. Объем собираемых налогов составляет до 20% ВВП, в то время как совокупный объем дивидендов (денежных потоков акционерам) в экономике сегодня не доходит до 4% ВВП, то есть рынок «налоговых акций» может быть в 5 раз больше рынка акций обычных. Создание такого рынка будет

¹ Секьюритизация — финансирование определенных активов при помощи выпуска ценных бумаг. Слово происходит от английского *securities* — «ценные бумаги». Секьюритизированными могут быть, например, ипотечные займы, автокредиты, лизинговые активы и так далее. — Прим. ред.

крайне положительно влиять на ВВП, а государство как «мажоритарный акционер» получит огромную выгоду от привлечения капитала не как обычно — возвратного и под проценты, а фактически бесплатно (в смысле государство не будет иметь обязательств по оплате доходов) и бессрочного. И опять, как и в случае с постфактум определяемой ставкой, государство создаст себе целый рынок союзников — миноритарные (и мажоритарные) владельцы налоговых акций будут активно бороться за увеличение налогового потока от компаний, чьими акциями они владеют, государству останется только оседлать эту волну.

Вот такие мысли приходят в голову после длинных разговоров с налоговыми юристами...

**Часть
двенадцатая**

Настоящее и будущее

**КАКИМ БУДЕТ МИР ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ
ВСЛЕД ЗА СЕРЫМИ ПРИХОДЯТ ЧЕРНЫЕ
РОССИЙСКОЕ ДЕЖАВЮ
ИЛИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ПРОШЛОЕ?
ВРЕМЯ ДЛЯ ДИСКУССИЙ
ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ
ВПЕРЕД В ФЕОДАЛИЗМ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО КОВБОЯ
В СТРАНЕ СВЕРХВОЗМОЖНОСТЕЙ**

489

Вопрос, что будет с миром, задается мне настолько часто, что года 3 назад я даже сделал специальную презентацию на тему «мир через 100 лет» и представил ее на лекциях на «Лимуде», в Кингз-колледже и в паре других мест. Надо сказать, что нет ничего проще, чем рассказывать, что будет после твоей смерти, — даже если твое вранье раскроется, ты об этом уже не узнаешь. Поэтому, делая презентацию, я очень хотел зацепиться за что-то, что позволило бы мне не убежать в дебри фантазии. Этим «чем-то» оказались в своем роде замечательные работы американского консалтингового агентства Stratfor. Партнеры агентства, тесно связанные с ЦРУ и зарабатывающие на оценках развития ситуации в сложных регионах, не гнушаются длинными и объемными прогнозами. Однако будучи честными, свои долгосрочные прогнозы они сопровождают утверждением «Мир не прогнозируем уже на горизонте в 20 лет». Иллюстрацией этого, по их мнению, стал XX век. Действительно, давайте поиграем.

Посмотрите на 1900 год. Европа по всем параметрам входит в «золотой век». Войны в прошлом, достижения науки стремительно улучшают жизнь и повышают эффективность производства, идет повсеместный расцвет культуры и искусств, границы стираются, а доля международной торговли растет. Британский фунт стал доминирующей валютой, колониальная система сформировалась, и можно говорить о «новом порядке», при котором крупнейшие европейские страны контролируют все континенты кроме Северной Америки (а там США — страна, отстающая от Европы практически безнадежно, но тоже не бедная) и Южной Америки (а там — Аргентина, страна, ни в чем не уступающая Великобритании или Франции, один из мировых экономических лидеров). В Евразии на первый план выдвигаются Германская и Российская империи — их очевидный союз угрожает положению Франции и Великобритании, но не слишком — сотрудничество побеждает вражду. В начале века Эндрю Карнеги, стальной король Америки, создает Фонд Карнеги с миссией «способствования установлению прочного мира

во всем мире» и пишет: «Я знаю, что пройдет немного лет, и последние очаги войн на планете потухнут. Управляющим фондом предстоит найти тогда новую задачу на свое усмотрение».

А теперь перенесемся в 1920 год. Европа лежит в руинах после Первой мировой войны. Четыре империи — Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская — рухнули, распались на части, утонули в крови. Инфраструктура разрушена, амбиций больше нет — вероятнее всего, эти территории ждет долгосрочное запустение (особенно земли Российской империи, там власть захватили дикие орды во главе с небольшой сектой, называющей себя «большевиками», и там до сих пор идет Гражданская война). США неожиданно выдвигаются на первый план — стремительный рост их экономики сделал доллар главной мировой валютой. Аргентина и США — вот новые центры мира, Франция — центр Европы.

Но наступает 1940 год. Из пепла и руин поднялись два монстра — СССР на месте Российской империи и третий рейх на месте Германской. То, что казалось мертвым, превратилось в мировую угрозу, в новые империи, готовые разделить мир между собой, если только одна из них не уничтожит вторую. Франция практически оккупирована; Великобритания борется из последних сил. США — слабые и погрязшие в преступности и коррупции, едва оправляются после Великой депрессии. В Аргентине левые правительства за 20 лет разрушили экономику, и страна стремительно отстает даже от США.

Перенесемся на 20 лет вперед. 1960 год. Давно закончена страшная война, которая унесла в небытие и Третий рейх, и глобальные амбиции СССР. Германия разделена на две части, половина ее, как и половина Восточной Европы, находится под контролем Советского Союза. С другой стороны, из-за Атлантики, США де-факто управляют всем некоммунистическим миром. Именно между СССР и США идет борьба за мировое господство. Колониальный мир распался, но страны, образовавшиеся на месте вчерашних колоний,

погружены в войны, бедны, за влияние на них ведут борьбу две идеологии — коммунистическая и капиталистическая; и, похоже, коммунистическая побеждает — все больше стран начинают подражать СССР и идти по пути, начертанному Марксом–Лениным. Самая большая из вчерашних колоний — Китай — встает на путь коммунизма, проходя его так же, как и его предшественники: в нищете и массовом насилии.

И еще 20 лет вперед. Далеко позади остаются схватки коммунистов с капиталистами в третьих странах, далеко позади и достижения СССР. Сегодня в СССР проблемы с удовольствием, одеждой, туалетной бумагой, а жители готовы на все за американскую жвачку. Риторика с обеих сторон океана становится все жестче, угроза ядерной войны витает в воздухе, в школах США и СССР детей обучают действиям в случае ядерного взрыва. В Вашингтоне СССР называют «империей зла», в Москве США называют агрессором. Тем временем у Штатов серьезные экономические проблемы — инфляция двузначная, безработица растет, рынки лихорадит. Европа на этом фоне полна противоречий — слабый экономический союз разрозненных государств не может выстроить единой политики. Забастовки, прокоммунистические террористические движения, левые фронты разрывают политический ландшафт.

Но вот и конец века — 2000 год. Сюрприз — СССР больше нет, а на его месте — несколько небольших стран, тяготеющих к примитивным формам капитализма, и в центре — Россия, заявляющая о стремлении построить «западное» общество и желающая дружить с США. Раздробленная Европа объединилась в Европейский союз, и кто бы вы думали становится его лидером? Объединенная теперь Германия! В прошлое ушли радикальные коммунисты, в прошлом террор, в прошлом опасность ядерной войны. Мир стремительно движется к глобализации, стираются границы, таможенные пошлины отменяются, ВТО становится всемирным союзом производителей. В Китае идут масштабные реформы — экономика растет на 15% в год параллельно с медленным движением к демократии.

Мы чуть-чуть не дожили до 2020 года, но уже знаем, что ожидания, сформулированные в 2000-м, не сбылись. Россия больше не дружит с США и Западной Европой, внутренняя риторика вернулась на уровень холодной войны, а бурный рост в России сменился стагнацией, реакцией и даже репрессиями. Европейский союз бурлит от внутренних проблем, а один из ключевых его членов — Великобритания — к 2020 году, видимо, выйдет из ЕС. Терроризм снова стал серьезной опасностью, а Ближний Восток полыхает войнами, миллионы беженцев в Европе считаются самой большой проблемой региона. США, которые 20 лет назад были локомотивом глобализации, сегодня выходят из союзов и вводят новые пошлины на товары и услуги. Китайское развитие тормозится, а период «партийной демократии» в КНР неожиданно сменился единовластием пожизненного лидера.

Впрочем, похожие процессы происходят и в других странах — например, в Турции, которая 18 лет назад казалась образцом того, как мусульманская страна может встать в ряд развитых демократий. Мир движется к жесткому противостоянию новых империй, торговым войнам, переделу территорий. Но, как мы уже выяснили на примере истории XX века, в 2040 году мы увидим совершенно другую картину, а уж к 2120 году мир будет, как обычно, неизнаваем — причем в том смысле, что любые наши сегодняшние о нем фантазии из 2120 года станут казаться смешной наивностью.

Действительно, вспомните, каким виделся 2020 год из 1920 года, да даже и из 50–60-х годов XX века? Оптимисты видели единую Землю и единый язык, роботов, которые делают всю человеческую работу, биоблокаду, спасающую от всех болезней, межзвездные перелеты, города на Луне и Марсе, первые экспедиции к центру Галактики. Пессимисты видели катастрофу ядерной войны, возврат к первобытности, отравленную Землю или глобальный тоталитарный режим, превративший человечество в рабов системы. На практике ничего из этого не случилось — зато родились персональные компьютеры, электронная почта, социальные сети, big data, постправда, криптовалюты — которых никто не ждал. Вместо

межзвездные полетов — компьютерные игры; вместо единого языка — единый рынок ценных бумаг и миллионы мелких игроков; вместо грозных тиранов, стоящих во главе мира, или справедливых мудрецов Всемирного совета — скучные ооновские бюрократы и мелкие региональные лидеры, как и 100 лет назад играющие на тщеславии, лени и комплексах граждан своих стран; вместо инопланетян — враждебных или дружелюбных — осознание своего одиночества во Вселенной и понимание того, что люди на Земле порой отличаются друг от друга больше, чем если бы они были с разных планет.

Иногда (хотя и редко) лучшим умам человечества удаются гениальные предвидения. Правда, со знаком минус. Знаменитый астроном Клиффорд Столл, специалист по информационным технологиям и автор пары замечательных книг по теме развития компьютерной индустрии, в 1995 году написал: «Визионеры видят будущее в телекоммуникации между работниками, интерактивных библиотеках и мультимедийных классных комнатах. Они говорят об электронных собраниях и виртуальных сообществах. Коммерция и бизнес переместятся из офисов и торговых центров в сети и модемы. Свобода цифровых сетей сделает правительства более демократичными. Чепуха». Это предсказание интересно точностью описания будущего, которое автор отрицает.

Итак, предсказывать на 20–40–100 лет вперед — дело благодарное. Но иногда приходится — если публика того хочет. Вот такую вынужденную попытку я сделал и в интервью Александру Никонову в июне 2018 года, которое к изданию этой книги мне пришлось немного переработать.

Каким будет мир через 100 лет

Ну, давайте, набравшись храбрости, заглянем в будущее лет на 100!

Попробуем поговорить о том, что мы точно знаем. И из этого сделаем прогноз без учета неожиданных триггеров, причем триггеров во многом, конечно, политических. Что будет с Россией? Если продолжится то, что творится сейчас, — а это может тянуться очень долго, — Россия через 100 лет станет заштатной страной, полностью ушедшей с рынка технологий и с мирового рынка распределения труда, имея десятые доли процента от мирового ВВП. Такие страны существуют, они внутренне нестабильны, но, в общем, живут... Этот сценарий предполагает как вариант и возможность растворения — Сибирь, уходящая в сторону Китая, образование в европейской части небольшого государства, которое будет тяготеть к Евросоюзу... Ведь Россия слишком большая территориально и слишком рыхлая, чтобы ее мог связывать какой-то единый экономический стержень. Сейчас связывает нефть, потому что средства от ее продажи центром распределяются в регионы, которые только таким образом и завясят от центра. А нефть через 100 лет не будет энергетическим ресурсом, скорее всего. Химическим — может быть, но не энергетическим. И как только случится качественный переход, все начнет лопаться, региональные связи будут распадаться, связи с центром — тоже. Культурных связей практически нет, во Владивостоке говорят «у нас в Пекине» и «у вас в Москве». На востоке России другие привычки, другие товары, другие места заграничного отдыха, иной язык экономических взаимодействий — китайский.

А посередине Россия разрезается национальными республиками, у которых даже вероисповедание отлично от православия. Им логичнее тяготеть к иным центрам силы. Я не говорю, что Россию ждет очередная война за независимость в автономиях, и даже не говорю, что произойдет жесткая сепарация. Какой-нибудь Татарстан вполне может находиться формально в составе федерации, но при этом в своей политике руководствоваться мнением Саудовской Аравии или Арабских Эмиратов, а не Москвы.

Это первый, самый простой сценарий... Второй сценарий я бы назвал «южнокорейский поворот» или, если хотите, «японский поворот» — с коренным изменением уклада и началом активного взаимодействия с Европой, для которой Россия могла бы стать жизненно важна и даже спасительна с точки зрения оживления Евросоюза. Ведь Россия — это практически 30% населения Евросоюза, огромная территория, полезные ископаемые, которых в Европе мало, возможность построения множества замкнутых циклов производства. Население достаточно образованное, хорошо вливается в европейскую жизнь. Язык, близкий к германо-романским, — русские легко учат европейские языки, в отличие от азиатских. Наконец, абсолютно европейская культура. В этом случае не только Россия много получит от Евросоюза, но и Евросоюз от России — свежую кровь, пространство, транспортный коридор Юго-Восточная Азия — Европа, вдоль которого можно будет построить логистику и производство...

Если реализуется этот вариант, мы получим совершенно иную картину мира. Европейский союз, включающий в себя Россию, будет иметь около 1 млрд человек. Географически это будет самой большой объединенной территорией в мире с выходом к двум великим океанам — Тихому и Атлантическому — как это сейчас в Америке. Такое образование может стать самой мощной экономической структурой мира.

Кроме того, если мы входим в такой мощный союз, если удастся договориться и нормально ассоциироваться с системами НАТО, у нас снимется огромная проблема, связанная с военной нагрузкой, которая сейчас просто непосильна. Мы ведь на оборону и безопасность тратим чересчур много — в процентах к ВВП больше, чем большинство стран мира. И высвобожденные деньги, людские ресурсы и технологические возможности можно будет пустить на развитие страны. Мы, конечно, не перестанем вооружаться вовсе, но уже не в таких масштабах и теперь в кооперации...

Вот вам второй сценарий, в котором Россия наших внуков и правнуков — часть самого большого мирового союза — Европейского. И часть уважаемая, поскольку все понимают, что она

привнесла в этот союз важные элементы, практически спасла его от стагнации.

А где вот эта точка бифуркации, из которой произойдет уход по одному из сценариев? Я имею в виду хронологически?

Где угодно. Кто мог сказать, что в Корее точка бифуркации наступит в конце 1980-х — начале 1990-х? Никто. Могла наступить раньше, могла позже. Но можно указать ее «дислокацию» — точка бифуркации зависит от общественного сознания. А общественное сознание развивается по своим законам, не глядя на политиков, мыслителей, священников. Социум просто абсорбирует информацию и на ней развивается. У нас сейчас много говорят, что Россия — интеллектуально и этически отсталая страна, что мы геев боимся, американцев боимся, европейцев не любим, на грабли наступаем все время. И это все правда. Но ведь эту отсталость нужно уметь измерять.

Чем измерять? Если на глазок, мне кажется, Россия отстает от остальной Европы на два поколения — 50 лет.

Ну да. Россия отстает культурно и этически от развитого Запада примерно лет на 50–70. Если вы посмотрите на Америку или Британию середины прошлого века, то вы увидите, что там было ровно то, что происходит сейчас в России. И процессы, которые там произошли, — от момента, когда афроамериканцу нельзя сесть рядом с белым в автобусе, до афроамериканца президента страны — произошли без революции. Афроамериканцы не брали власть, названия партий не поменялись. Это был эволюционный процесс развития общества, происходивший в силу естественных причин. И у нас будет то же самое.

Так что наша сегодняшняя российская «особость» — примитивная социальная организация, пограничное поведение, ксенофобия и шовинизм — не географическая, не национальная, не культурная, не конфессиональная черта. Это проблема чисто временного свойства. И мы проявляем все те же качества, которые проявляли развитые страны 50–70 лет назад — нетерпимость, агрессию, стремление к самоутверждению. Тот же дискурс, то же нарратив, та же система ценностей.

И тот же диковатый патриотизм?

Да. Полвека назад в Британии или США не тот патриотизм был, который у них сегодня, а тот, который у нас сейчас. Вспомните эксцессы типа маккартизма. Либералам, конечно, обидно, что Россия в этом смысле отсталая страна, но что делать — разные дети растут с разной скоростью. Кто-то вырывается вперед, кто-то отстает. У нас есть объективная причина для отставания — 70 лет социализма, которые сильно задержали развитие страны. И нефть, которая задерживает развитие сейчас. Тем не менее общество тяжело, медленно, но развивается. Посмотрите на российское общество сегодняшнее и образца 1990 года. Какая огромная разница!

В чем же она состоит?

В том, что общество, безусловно, гуманизируется.

Но в начале 1990-х отменили советскую уголовную статью за гомосексуализм. А в путинской России геев снова начали дискриминировать на законодательном уровне.

Есть нелепая статья о запрете пропаганды гомосексуализма, написанная как часть большого запретительного пакета. Есть еще целый ряд нелепых статей. Их цель — превратить правовую систему России в инструмент для защиты власти, развязать ей руки для точечных репрессий. Но это действия власти, а не отношение общества... В 1970-х и 1980-х оно было крайне агрессивно по отношению к геям. А сейчас такой агрессии нет.

Но, судя по интернету...

Не надо судить по интернету. Интернет, как и звонки в передачу, просто коллектор для активных фриков. Их, надо сказать, полно с обеих сторон. Есть фрики уродливо-патриотическо-православно-гомофобные антиамериканские, а есть фрики либерально-демократические проамериканские. Но фрики обычно не составляют основного содержания общества. А в России даже и в интернете подавляющее большинство людей все же настроены достаточно толерантно. Конечно, до современной европейской толерантности нам далеко, но и от 1970-х годов мы ушли безвозвратно.

А я, кстати, считаю, что тоталитаризмы — закономерный этап развития всех обществ на всех планетах вселенной, когда на историческую арену выбрасываются огромные массы вчерашних аутсайдеров и начинают решать...

Вам виднее, я не был на других планетах... Но от фашизма Россия сегодня очень далека. Посмотрите на пул общественного мнения в 2014 году. Ситуация на Украине, агрессия, разрекламированная внутри страны наиболее радикальным и активным способом... И тем не менее за военную операцию на Украине выступило меньше 25% населения. Наше общество можно упрекать в пассивности, незрелости, в том, что оно не переросло предрассудки, не стало гражданским, но не в том, что оно фашистское. И если не случится каких-то катастроф, как в 1917 году, я был сказал, что российское общество растет в сторону Евросоюза, а не в сторону изоляции. И если ему дать расти, не мешать, а даже помогать — вот такими статьями, как это интервью, — это способствовало бы движению общества. Я еще раз повторюсь: развитие общества от действий власти не зависит, это власть зависит от уровня развития общества. Посмотрите на ту же Америку. Как влияли действия властей на самосознание общества? Никак. Власть не брала на себя руководящую и направляющую развитие общества роль. Про Маккарти я уже упомянул. Законы о сегрегации тоже никуда не девались. Суды поддерживали антиафроамериканские законы и даже злоупотребляли ими. А общество все равно развивалось! Оно развивается не потому, что князь приказал. Общество развивается, потому что в нем идут естественные процессы перестройки экономических отношений, трансформации информационных каналов, изменения систем эффективных социальных связей. Поэтому я бы предположил, что через 100 лет мы, скорее, интегральная часть Евросоюза, чем распавшаяся и умершая империя, в которой живут нищие люди.

В любом случае помимо России в мире есть еще и другие страны и регионы. А земная цивилизация в целом меня волнует больше, чем ее кусочек по имени «Россия», что бы с ней ни случилось. Есть еще Африка, две Америки, Азия. Куда все это движется?

Мне кажется, что в мире сегодня существует несколько долгосрочных трендов. Во-первых, несмотря на кризисы и спады, ВВП мира поступательно растет почти по прямой линии. Это значит, что мир через 100 лет будет существенно богаче, чем

сейчас; в рейтинге приоритетов человека жизнеобеспечение станет менее важным, и значительно большее внимание будет уделяться качеству жизни.

Во-вторых, в мире последовательно падает рождаемость. Вообще, отрицательная корреляция между ВВП на человека и рождаемостью — это один из немногих бесспорных фактов, наблюдаемых уже более века. По всей видимости, за 100 лет мы переживем проблему «молодых стран» (во многих бедных странах сегодня средний возраст жителей очень низкий), и в начале ХХII века скорость роста населения мира будет близка к нулю — если только не вмешается третий фактор. Этим фактором может стать быстрый рост продолжительности жизни, причем растет она не столько за счет сроков максимального дожития (за последние 200 лет верхняя планка принципиально не изменилась — это 95–105 лет), сколько за счет доли населения, не умирающей в молодом, зрелом и пожилом возрастах. Через 100 лет мы, вероятно, будем иметь мир, в котором на 1 человека будет рождаться в среднем 0,8–1 ребенок, средний срок жизни поднимется до 90–95 лет, а средний возраст будет составлять около 50 лет — это будет мир зрелых людей.

Мы можем даже попробовать сопоставить эти факторы количественно: при нынешних темпах роста мировой ВВП вырастет за 100 лет в 19 раз. При этом население Земли вряд ли даже удвоится. Это значит, что средний житель Земли будет жить в 9 раз богаче, чем сейчас. Но это не значит, что каждый человек будет через 100 лет существенно богаче, чем был бы сегодня. В среднем доходы более бедной половины населения планеты растут в последние 50 лет примерно на 1% в год — то есть при сохранении тенденции они за 100 лет вырастут всего в 2,7 раза при росте населения в 2 раза, а это всего лишь 40%-ный рост доходов на человека. Так что мир через 100 лет обещает быть значительно богаче, удобнее и комфортнее — но бедность не уйдет в прошлое. Возможно, и такие беды, как голод, эпидемии, недостаточность здравоохранения и затрудненный доступ к образованию, все еще будут присутствовать.

Наконец, один из основных трендов, от которых надо отталкиваться, — снижение стоимости труда и потребности в нем.

Это крайне выгодный тренд для экономики, но очень опасный социально — он грозит высвобождением огромных масс трудовых ресурсов и необходимостью построения совершенно новых систем перераспределения и социального обеспечения. Однако многие футурологи преувеличивают опасность «тотальной безработицы». Мы уже проходили периоды взрывного роста производительности труда в мире, и никогда это не приводило к долговременному сокращению спроса на трудовые ресурсы. Чаще всего происходит изменение профиля востребованного труда. Уходили в прошлое кучера, фонарщики, машинистки — появлялись водители, электрики, программисты. Сейчас парикмахеры для собак, дизайнеры интерьеров и психотерапевты пришли на замену телефонисткам и операторам станков. Высвободившиеся люди не пополнили армию безработных, а освоили новые занятия в связи с новыми потребностями. И сегодня мы пользуемся десятками разных специалистов, которых 200 лет назад (да даже и 20) просто не было. У всех новых специалистов есть одна особенность — они работают в творческих профессиях и в тех, что требуют личного контакта.

Людам важно общение с себе подобными. Поэтому будет больше профессий, удовлетворяющих наш спрос на контакт с человеком. Чем особенны эти «профессии личного контакта», так это тем, что они географически локальны. Вы можете пользоваться в Москве трудом китайского сборщика айфона, но вы не можете пользоваться трудом китайского парикмахера или тайского массажиста, если он не приедет в Москву. Поэтому такие рынки труда будут локализовываться. А касательно производства... Если автоматический цех по сборке айфонов будет не важно, где иметь, поскольку цена инсталляции роботов везде одна, то зачем его иметь в Китае — чтобы потом оттуда эти айфоны везти в Америку? Роботизация решит проблемы международной дислокации производства, а Китаю как центру юго-восточной империи придется создавать свой рынок потребления и свою индустрию R&D и маркетинга — или провалиться экономически. А значит, через 100 лет мы будем иметь значительно более рваное распределение богатства, значительно более изолированные рынки товаров и, видимо, единый рынок технологий.

Сегодня мир освоил понятие бесконечных денег — денег, которых можно напечатать сколько угодно. Правительства освоили дефицитные бюджеты и механизмы налоговой и инфляционной конфискации. Это значит, что капитал больше нельзя будет сохранить в деньгах — равно как в золоте, бриллиантах или любом другом символе стоимости, реальной стоимости не имеющем. А роботизация будет идти все дальше и дальше, и настоящим капиталом будут становиться права на интеллектуальную собственность, информацию и владение машинами. Если ты владеешь таким капиталом, то ты — богатый человек, человек первого сословия. Если ты не владеешь роботами, ты должен быть хорошим профессионалом в нероботизируемых областях. Профессионалы будут вторым сословием, тоже обеспеченным и уважаемым. А третье сословие — основная масса людей без особых талантов, которые не могут применить свой труд (работают роботы!). Они, видимо, будут жить на базовый доход и воспроизводить население. Это будет трехсословный мир — владельцы капитала, профессионалы и потребители фиксированного дохода. В том, что касается личных доходов, неравенство, не исключено, будет гораздо большим, чем сейчас. Разница в возможностях владельца капитала, профессионала и получателя базового дохода окажется значительно больше, поскольку будет создано множество новых дорогих возможностей — возможность получать невиданный уровень сервиса, возможность существенно дольше жить, возможность совершенствовать свое тело, возможность жить в особо привлекательных местах.

Государства будут стремиться изымать у владельцев капитал (через налоги, в том числе — на наследство) — а владельцы будут постепенно терять сегодняшние возможности бегства от налогов: страны постепенно идут к соглашению о налоговой прозрачности и обложении капитала по месту применения. Так что, возможно, через 100 лет средняя ставка налога на капитальный доход будет намного выше, чем ставка налога на трудовой доход, — как это было 100–200 лет назад в развитом мире.

Скорее всего, поменяется и географическая структура общества. Системы связи и логистики усовершенствуются настолько, что географическая концентрация людей, которые находятся

в активном взаимодействии, нужна будет все меньше и меньше. Наши города не приспособлены для качественной жизни, но мы все еще вынуждены в них концентрироваться. По мере снижения такой необходимости начнется миграция в зоны большего климатического комфорта. Но вы представляете, что будет, если все люди, кто может себе это позволить, ринутся жить, например, на Средиземное море? Какой перепад в стоимости жилища образуется между побережьем и более северными областями? Так что цена будет регулировать потоки миграции, не давая уже обжитым областям пустеть — скорее мы будем видеть, как города «расползаются», центры пустеют, а вокруг крупных городов нарастают кольца низкой урбанизации.

Наконец, роботизация будет приводить к тому, что к существующим двум экономическим ресурсам (природным ресурсам и труду), из которых, собственно, и создается вся экономика, как бы добавится третий — технологии, роботы — называйте его как хотите.

Но ресурсы — причина сырьевого проклятья, как известно, которое не дает развивать экономику. Может, и у роботов будут схожие недостатки?

Ресурсы — та же нефть — не универсальны. Нефть — это только нефть. Она не может быть айфоном, детской игрушкой, самолетом. А роботы производят все товары, включая роботов, это универсальный ресурс, к тому же распределенный по миру более равномерно, чем нефтяные месторождения. Единственное, что еще долго не смогут производить роботы, — интеллектуальный, творческий продукт.

И еще людей.

Пока! Я могу представить себе роботов, которые производят людей из оплодотворенных яйцеклеток.

То есть через какое-то время женщины по-животному рожать уже не будут? Я об этом писал в одной из своих книг, но, думаю, ошибся или сильно поторопился.

Не знаю. Я не хочу превратиться в Герберта Уэллса, который говорил, что новый мир уже стучится в дверь и завтра мы полетим на другие звезды. Ан не вышло, мы уперлись в скорость света. Возможно, и здесь упрямся в естественный барьер.

Здесь точно упрямся. Потому что утроба — не просто тупое вместилище типа колбы с питательным раствором: плод растет не только по программам, записанным в генах, его буквально формирует утроба, она дирижирует процессом, ведь какое-то время мать и плод представляют собой один организм.

Возможно. И еще искусственное производство людей находится под вопросом, поскольку не ясен вопрос с сознанием. Возможно, сознание — вещь уникальная не потому, что сложная, а потому, что является порождением принципиально недоступных для человека пространств и формаций. Так же, как мы не в силах преодолеть скорость света или получить информацию из черной дыры, так, возможно, мы не сумеем искусственно создать сознание, поскольку для этого существует принципиальный физический барьер.

Зато мы уже знаем, что сознание — это не информация. Потому что информацию можно копировать, а сознание не копируемо, как не копируемы квантовые состояния. Вы как физик должны помнить: есть такой закон в физике — о том, что квантовое состояние скопировать нельзя, точнее, его можно скопировать, только разрушив оригинал. Это нам тонко намекает, что сознание носит квантовую природу.

Мы не знаем этого.

Как это не знаем?! Давайте проведем мысленный эксперимент. Допустим, вас как материальный объект скопировали с точностью до последнего атома. Вы-2 стоите рядом живой и здоровый и, похоже, отлично соображающий. Значит, сознание у вашей копии тоже есть. Но копия — это не вы! И если к вашей голове поднести пистолет и сказать: «Не бойся, вон же мы тебя скопировали»... вам все равно умирать не захочется. Потому что вы-то остались там же, где и были, в теле оригинала. Вы же не будете смотреть на мир четырьмя глазами из двух голов! И ваша копия будет тоже бояться смерти, потому что у нее свое сознание. И оно уже не ваше!

Я не знаю. И вы не знаете! Вы распространяете свой бытовой опыт на ситуации, в которых опыта у вас нет, и ни у кого

пока нет. Еще древние греки говорили о парадоксе корабля. Вот есть корабль. На нем сначала заменили одну доску, потом вторую, третью, паруса поменяли, а запчасти с этого корабля используют, чтобы собрать новый корабль... И когда-то наступит время, когда все части корабля будут заменены и рядом появится корабль №2. Вопрос: что из них — тот, первый, корабль и что — другой? Если у человека менять по атому тело, в конце процесса это будет тот же человек или нет?

Тот же. Именно так и происходит! У нас клетки заменяются, в каких-то тканях быстрее, в каких-то медленнее. Я не помню, за какой срок человек меняется полностью, но его «Я» при этом остается константой. Один из популяризаторов биологии, рассказывая про мозг, сказал: «Сознание не в нейронах, оно над нейронами». Это очень точное и правильное замечание.

Но чем отличается замена по одному от замены сразу всего? Вы знаете, ответ может быть на порядок сложнее, чем мы способны понять, а может быть очень простым. Например, если наше сознание — это просто совокупность электрических потенциалов, создаваемых клетками мозга. Тогда, заменяя по одной клетке, вы сознание не подменяете; а заменив сразу все — разрушаете его. Но мы же этого не знаем. И если меня начать разбирать по кусочкам, я не представляю, где будет мое сознание. Поэтому давайте оставим эту тему на будущее. Сейчас у нас слишком мало знаний по данному вопросу. Но о чем у нас есть знания, так это о вещах сугубо прикладных. О тех же роботах, которые уже строятся. И потому можно сказать, что они — новый универсальный ресурс, который изменит мир в том смысле, что налоги на труд будут снижаться, а на капитал расти. Кстати, тот факт, что роботы не добываются, а производятся, причем делать это можно распределенно и где угодно, означает, что роботов как ресурс нельзя узурпировать и на этой основе узурпировать власть, как это произошло в России с нефтью и властью. Роботы в этом смысле доброкачественный ресурс, способствующий росту демократии. И потому я спокоен за судьбу мира: этот мир будущего выглядит лучше, чем мир сегодняшних. Он похож на Древнюю Грецию, только роботы заменили

рабов. А Греция — это расцвет культуры и искусства, там было создано очень много принципиально нового для человечества.

Чем же будет занята основная масса населения планеты — не гении, не творческие, а те, которые сегодня стоят у станка, потому что на большее ума и талантов не хватило?

Давайте только не забудем, что мы сейчас говорим о таких людях в относительно развитых странах, потому что 100 лет — недостаточный срок, как мы видели, чтобы сильно увеличить доходы беднейшей части населения планеты. Для беднейших все останется примерно как сейчас — неавтоматизированный труд, достаточно ограниченное потребление и риски, сравнимые с сегодняшней ситуацией, — надеюсь, что не в самых ее ужасных проявлениях (если считать по нашей вышеописанной модели — самые бедные страны мира за 100 лет смогут подняться на уровень Эфиопии, Эфиопия доберется до сегодняшнего уровня Кении, страны Северной Африки достигнут уровня доходов населения нынешних Бразилии и Китая). Ну а третье сословие в более богатых странах — это будут праздные люди. Они будут потреблять свой базовый доход и развлекаться, пить пиво, воспитывать детей, выгуливать собак, ездить на пикники, пару раз в год на море, играть за компьютерами и жить в виртуальных пространствах...

Вот моя идея как раз состоит в том, что они будут-таки заняты — но в игровой реальности. Оживляя своим присутствием игровые миры, работая для них и внутри них и зарабатывая там игровые деньги — токены. А токены будут иметь соприкосновение с реальными деньгами, как это уже сегодня происходит, когда на доллары можно купить игровые фишки, но все это будет в большем масштабе, на новом уровне. Когда-то высвобожденные прогрессом крестьяне не остались без дела, они заполнили фабрики, а сейчас освобожденные с заводов люди уйдут трудиться в игровую реальность, работая персонажами и строителями этой реальности.

Может быть, «дивный новый мир» — это мир виртуальной жизни, в которой ты будешь получать все мыслимые удовольствия, сможешь быть кем угодно, достигать недостижимых

вершин. И тогда большинство людей действительно уйдет в сказку, построенную для них профессионалами. Не исключено, что люди первых двух сословий тоже будут в эту сказку погружаться, но реже, и на своем, ВИП-уровне...

Второе же направление самозанятости, которое я вижу, — социальная сфера. Существенно расширится волонтерская работа. Наша планета нуждается в гигантском объеме волонтерской работы, которую не могут делать ни государства, ни компании, стремящиеся получать прибыль. Огромному количеству людей не будет хотеться тратить жизнь, работая за деньги, поэтому они станут, довольствуясь базовым минимумом, искать и находить себе полезные миссии, поскольку человеку свойственно наполнять свою жизнь смыслом. Утилизация мусора, посадка деревьев, помощь инвалидам...

Третье направление — все, что восполняет дефицит коммуникаций. Людям хочется общаться. Появятся профессии, связанные с общением, — организаторы клубов ничегонеделания, аниматоры, лекторы, рассказывающие совершенно бесполезные вещи, консультанты по ничему, социальные работники... Люди будущего будут предъявлять повышенные требования к мелочам — количество дизайнеров, консультантов по интерьеру, по одежде, по манерам вырастет в разы. Учителей станет больше, поскольку мир движется в сторону уменьшения классов — мы проходили 30, 20, 10 человек в классе, потом будет 3–4. Сюда же отнесем профессии, выявляющие индивидуальные способности у детей и подростков, проводящие коррекцию в раннем возрасте, потому что мир наконец-то должен избавиться от преступности в самом широком смысле — от насилия, дискриминации, презрения к этике. Преступность во многом — порождение психологической травмы, которую нужно купировать с раннего возраста. Вообще, касательно психотерапии, не удивлюсь, если у каждого человека будет свой психотерапевт, то есть психотерапевтами будут процентов 10 населения Земли.

Мир изобретет десятки социальных профессий, чтобы занять людей. Точнее, они сами и изобретут. Какими они будут, сейчас предсказать нельзя, как нельзя было в 1900 году предсказать возникновение айфона, хотя все понимали, что системы

связи будут развиваться. Но вот во что конкретное они выльются, может показать только будущее.

Окей. Значит, Америки, Евразия, Китай — три центра силы. А Африка, она где у нас?

Непонятно на самом деле ни про три центра силы, ни про Африку. Ведь «средняя» Африка отстала еще больше, чем Россия, ментально — лет на 200. И, опять же, Африка вся разная. Северная более развитая, ЮАР неплохо себя чувствует. Как пойдут процессы — зависит от стоимости энергии. Если сможем эффективно использовать и передавать солнечную энергию, Африка будет ее производителем, регионы станут богаче, и развитие пойдет быстрее.

Харари считает, что мы двигаемся к единой мировой империи, — и я готов с ним согласиться. Культура постепенно унифицируется, и за 100 лет этот процесс сделает еще гигантский скачок вперед. Конвергенция культур идет все быстрее и быстрее — не только за счет интернационализации кухни, не только за счет платформенного капитализма, связавшего мир цепочками производства добавленной стоимости. Интернет объединяет людей без необходимости личных встреч, знакомств, построения взаимного доверия. Информация моментально достигает всех уголков земного шара. Международная трудовая миграция у элиты стала нормой; владельцы капитала зарабатывают его в центрах ведения бизнеса, а потом уезжают в центры сниженного налогообложения, щедро оплачивая в них пролиферацию своей культуры; в среде образованных и обеспеченных людей межнациональные и межгосударственные браки стали встречаться чаще, чем внутринациональные. Мир интегрируется, английский становится единым мировым языком, культура — смесь англосаксонской с китайской и вкраплениями мелких региональных.

Россия, конечно, не исключение из правила и не центр культурной концентрации. Уже сейчас в Москве рестораны русской кухни занимают четвертое или пятое место по распространению. Лидируют рестораны итальянской, японской, среднеазиатской, китайской кухни. Мы кричим о скрепах и самобытности, целые институты радуют о защите русского языка, но едим мы

не свои блюда, носим не свою одежду, празднуем не свои праздники, наш алфавит основан на смеси греческого и латинского, наше право — в основе римское, наше государственное устройство — продукт развития западноевропейских традиций, наша система образования заимствована в Европе, наш язык почти полностью состоит из заимствований, большая часть которых сделана в последние 200 лет. Мы не замечаем этого, потому что привыкли к своему языку, но подумайте — не только слова «космос» или «библиотека», но даже слово «кровать» заимствовано нами из греческого. Не так просто найти в русском слово, чьи корни не приведут нас к иностранным языкам.

Только слово «империя» я бы заменил, ведь это будет не империя в привычном понимании.

А я бы не стал: значения слов меняются со временем. Когда мы говорим «Римская империя», мы слышим тяжелую поступь римских легионов, забывая, что эта империя создала огромное культурное наследие. И только благодаря ей мы знаем что-то о культурах ее периферии. Что бы мы знали о культуре диких народов Европы и Азии, если бы их не завоевали римляне и аккуратно не записали всю их историю, их сказания, их молитвы, включив в свою большую культуру составной частью? Если бы не древние римляне и греки, мы бы ничего не знали про скифов, поскольку скифы ничего не записывали. В этом смысле империя — огромная культурная машина, которая двигает цивилизацию вперед. Только если 2000 лет назад она создавалась огнем и мечом, сейчас она создается жвачкой и айфонами. Сегодня огнем и мечом отсталая периферия пытается отбиваться от империи. И в этой борьбе меча и жвачки я на стороне цивилизации.

Вслед за серыми приходят черные

От прогноза на 100 лет (как вы видели, он выливается в веселый разговор ни о чем) можно перейти к более практическим вещам. Например — к конспирологии сегодняшнего дня, поиску сил, которые в реальности управляют процессами, происходящими в России, или к разговору о нашей стране лет через 10–15. Далее — моя статья

от 2 марта 2015 года из «Сноба» и еще одна, опубликованная в «Независимой газете» в том же году. В этих текстах я упоминаю Аргентину — не из-за моей особенной к ней любви, а потому, что история России уж очень похожа на историю Аргентины, только примерно столетней давности. Так что не считайте повторением — к разговору об Аргентине придется возвращаться вновь и вновь.

Очень много слышу от всех в последнее время по поводу происходящего: «Это не могут быть ОНИ, потому что ИМ это не выгодно». Или — может, и выгодно, но не могли физически. Это не Путин, конечно, — ему очевидно незачем, только себе же портить имидж. Это, наверное, Госдеп, это провокация. Нет, вы что, с ума сошли, какой Госдеп? Для них вся Россия — это где-то дальше Африки, еще денег оппонентам власти дать они могут, если в бухгалтерии выпишут, но убийства, но беспорядки — глупость. А, это, наверное, радикалы-фашисты. Да нет, они не могут камеры отключить на мосту и исполнить так ювелирно... Правый сектор? Да они бы сперва убили руководителей ДНР-ЛНР, которые по Москве разгуливают без охраны и в кафе сидят, — если бы вообще что бы то ни было могли.

А еще все говорят, что происходят абсурдные вещи. Вот, например, Антимайдан — марш протеста против опасности того, опасности чего нет в принципе, против чего в стране выступают от 86 до 95% населения (по разным подсчетам). Вот дела — в 2011 году рейтинг власти был ниже 45%, и никаких митингов в ее поддержку было не надо, и никто не боялся Майдана. А сегодня 86%, и страх заполняет пространство.

Или ситуация на востоке Украины. Продолжения войны власти не потянуть — мы и так на грани серьезных санкций, а политика верхов строится исключительно на торговле с Западом и долларовой обороте. Инкапсуляция ДНР-ЛНР — наша головная боль, и никакого выигрыша. А Путин в Минске активно борется за прекращение военных действий и говорит, кажется, разумные вещи — а назавтра Россия как бы делает все наоборот, и от этого Путина во всем мире считают недоговороспособным и вообще доктором Зло. И это совсем невыгодно власти в России. И никому не выгодно.

Или вот СМИ. У СССР была гениальная по-своему методика пропаганды: с одной стороны, возмущаться «военщиной», «гегемонистами» и «реваншистами», а с другой — гасить эмоции мощными мирными инициативами и потоками внутренних мирных новостей. Это позволяло простому человеку по-возмущаться, но и порадоваться, что он — не там, а здесь, а у нас-то все мирно, и все же не создавало атмосферы фрустрации, хаоса и ненависти. Что, власти в России выгодна атмосфера ненависти? Ни разу не выгодна. Выгодно было бы как в СССР. Но нет, СМИ производят ненависть так эффективно и много, что, если бы мы так же могли делать товары, Китай давно бы загнулся, не выдержав конкуренции.

Или самолет с президентом концерна Total. Станный этот аэропорт, Внуково, где сотрудники пьяны целыми сменами. То есть я могу допустить, что подобное возможно — у нас, в конце концов, есть традиции, скрепы наши — быть пьяными там, где не надо. Но есть странная деталь — во Внуково десятки лет взлетают самолеты, сотнями каждый день. Зимой, летом, в туман, мороз, обледенение, в трафик и без него. Представьте себе хирургическую бригаду, которая обычно в подпитии выходит на работу. И вот эта бригада лет 20 делает успешные операции — одну за одной. И вдруг — аппендицит, и пациент умирает — ему хирург случайно горло перерезал. Ну, понятно, пьяный был. А раньше? Кому выгодна смерть президента Total? Власти? Конечно, нет. Власть явно рядом не стояла. Что, Госдеп у нас во Внуково распоряжается? Не проще ли им было у себя где-нибудь?

В непримиримом споре сошлись две аналитические корпорации. Одна говорит: это все — российская власть, движущаяся к Гааге. Оппоненты (из разумных) отвечают: да что вы, разве власть настолько глупа, чтобы самой себе так все портить, такие риски на себя брать? Разве вы не видите, что кроме дискредитации власти, сокращения ее возможностей и раскачивания ситуации эти события ничего не приносят? Это наверняка оппозиция, вместе с Госдепом и правым сектором — они хотят дискредитировать российскую власть и ввергнуть страну в смуту или сменить режим. Но тут снова вступают первые и справедливо

замечают: ага, это, конечно, та самая оппозиция, которой раздва и обчелся и которая состоит из интеллигентных старушек, блогеров-дизайнеров с хиппи-наклонностями и Навального, которой один за всех; а еще им помогает Госдеп, который очень хочет дестабилизации в России и войны на Украине, но не может выделить Украине ни одного ружья (даже двустволки), отказывается вводить серьезные санкции против России и вообще, судя по речам его представителей, ничего в ситуации не понимает и не хочет. Ну и, конечно, правый сектор: у него и во Внуково, и в российских СМИ, и на мосту у Кремля — везде свои люди, только он что-то не может справиться с такой мелочью, как повстанцы в ДНР... Спор жаркий, стороны не слышат друг друга, не верят друг другу, никуда не сдвигаются — а ситуация становится хуже и хуже. Этот спор будто бы умело подогревается...

Я думаю — в порядке конспирологии — а что, если не побояться принять абсурдный тезис за истину: да, ни Путину, ни оппозиции, ни правому сектору, ни Госдепу, ни Украине, ни России — никому не выгодно то, что происходит сегодня в стране. И да, если учитывать только вышеперечисленные силы, то уравнение не сойдется. Все мы (и вы, господа патриоты) правы.

Возможно, есть еще одна сила. Что ей нужно? Ответ выглядит очевидным — одновременно дискредитировать власть в России и подготовить условия для своего прихода к власти. Как дискредитировать власть? Созданием ситуаций, при которых та будет выглядеть недоговороспособной, физически опасной и одновременно — слабой, не способной решить проблемы и удовлетворять ожидания. Как подготовить условия для прихода к власти? Изолировать Россию от внешнего мира, уничтожить потенциальных конкурентов внутри, максимально ухудшить экономическое положение, чтобы вызвать всеобщее недовольство, наложить это недовольство на беспрецедентный накал ненависти в обществе.

Чего хочет эта сила? Она обделена активами и властью — по крайней мере ее аппетиты не удовлетворены. Эта сила жаждет реванша — видимо, она что-то проиграла ранее? Эта сила

обижена на власть — видимо, власть давала ей обещания или надежды, но не оправдала? Эта сила ненавидит демократию и свободу — именно распространять эту ненависть у нее лучше всего получается.

Что должна иметь такая сила? Очевидно, развитую сеть агентов влияния в самых существенных «точках силы», ведь СМИ должны работать, создавая ненависть, а камеры на мосту — наоборот, должны быть вовремя выключены. Это не под силу ни оппозиции (любого рода), ни иностранным интересантам. Да и не нужно им это — ведь все происходящее физически бьет по оппозиции и отдаляет Россию от «заграницы», только снижая ее возможности и влияние. Эта сила должна иметь лидеров, которых примет общество, когда придет момент. Нельзя предположить, что это ультрарадикалы, которые подкупили исполнителей в органах и СМИ, — у них нет лидеров, которые смогут прийти к власти.

В наше время, когда все прозрачно, даже сексуальная ориентация собаки помощника замминистра, такая сила, если она есть, но при этом никем не описана, просто не может быть отдельной, не может иметь отдельного имени, структуры, системы. Если она есть, значит, она прячется внутри другой структуры — той, которая хорошо организована, высоко легитимна, имеет большие ресурсы, в том числе специальные, и хорошо структурирована для того, чтобы мочь внутри себя прятать очень серьезные проекты.

Если предположить вышеописанные глупости, то все остальные факты идеально ложатся в теорию. Мы просто имеем дело со стратегией и тактикой, построенной на трактатах китайских мудрецов: заставь своих врагов поверить, что они дерутся друг с другом; дожись, пока они истощат свои силы; пусть враг думает, что тебя нет, и действует так, как если бы тебя не было: когда результаты его действий будут противоположны его планам, он будет растерян, ослаблен, но все так же уверен в своей способности действовать, не принимая тебя в расчет. В какой-то момент он ослабнет настолько, что ты возьмешь его голыми руками, при этом для истощенной борьбой нации ты будешь выглядеть спасителем.

Мои сверстники, выросшие на литературе 1960–1970-х, много цитируют сегодня «Трудно быть богом» Стругацких. Вспоминают про пассивность общества, про ненависть к книжникам. Не помню, чтобы кто-то вспомнил фразу «Вслед за серыми всегда приходят черные». Может быть, в ней больше сути, чем во всех других. Серые в какой-то момент перестают управлять ситуацией, хотя сами об этом могут не догадываться. Хуже того, никто может не догадываться.

Кто-то сравнил Россию с каудилистскими режимами Южной Америки. Сравнил экономически, политически, функционально — и ни слова не написал про то, как эти режимы сменяют друг друга и что происходит в процессе их функционирования. Там не бывает революций и выборов. Хунта меняет хунту. Источник новой хунты — милитаризованная группа, находящаяся близко к предыдущей власти. Президенты теряют возможность управлять задолго до потери власти, но так и не успевают потерять народную поддержку. Новые силы расшатывают власть, именно ставя ее в неразрешимые ситуации, заставляя радикализироваться, создавая недовольство за счет действий, исходящих как бы от самой власти.

Очень многозначительно называются этапы развития Аргентины в XX веке. Вот, например, «грязная война», «процесс национальной реорганизации», «бесславное десятилетие». Если мои догадки соответствуют реальности, что-то подобное ждет и нас. Да, в Аргентине только в период с 1970 по 1983 год было похищено и/или убито более 10 000 политиков и членов их семей. Да, еще в 1978 году Аргентина принимала и выиграла чемпионат мира по футболу.

Российское дежавю или латиноамериканское прошлое?

Эта статья опубликована в «Независимой газете» 1 сентября 2015 года.

Люди моего поколения, обсуждающие текущую ситуацию в стране, все чаще произносят слово «дежавю». Драматическое

падение цен на нефть и рецессия в экономике; агрессивная риторика в адрес Запада и США и постоянный призыв готовиться к войне, милитаризация сознания; внешние санкции и внутренние ограничения; онкологическое разрастание сфер секретности и областей, контролируемых силовыми органами; единичные выступления несогласных на фоне активной поддержки обществом курса правительства, заканчивающиеся посадками этих несогласных; неожиданный уклон в борьбу за моральную чистоту и примесь идеологии во всем, развитие института «мягкой цензуры» в культуре и искусстве; несменяемость лидера, воспетого всеми возможными способами, с присутствием которого начинает ассоциироваться даже сам факт существования страны; помпезная Олимпиада, превращающаяся в предмет национальной гордости; наконец — война у границ страны, которая официально не называется войной, но приносит обратно в Россию тысячи трупов и вызывает крайне негативную реакцию в мире, — это приметы СССР конца 1970-х — начала 1980-х.

История учит нас тому, что история повторяется (в основном потому, что ничему нас не учит). Поэтому сегодня все чаще и чаще романтической частью либерального сообщества в России задается вопрос: когда и какой будет новая перестройка, которая должна будет развернуть тренд самоизоляции и вывести Россию на путь построения либеральной рыночной экономики, демократической внутренней политики и глобальной интеграции?

Контекст предсказания будущего

В нынешней ситуации и в периоде позднего СССР действительно достаточно много общих черт. Помимо вышеописанных внешних, сходны главные проблемы экономики. И там и там высокая зависимость от нефтяного экспорта на фоне неэффективности и малого объема производства других отраслей промышленности, раздутые бюджеты и несоразмерные уровню экономики военные расходы. В СССР — чудовищные потери из-за демотивированности субъектов хозяйствования, низкой

производительности и коренных ошибок планирования; в России сегодня — из-за коррупции, демотивированности предпринимателей и неквалифицированного управления монополиями.

Близки и системы управления: если в СССР была построена бюрократическая вертикаль, основанная на принципе «власть и привилегии в обмен на лояльность», а на вершине пирамиды находилось ограниченное количество политических и хозяйственных лидеров, чувствовавших себя над законом, но соблюдавших групповые правила игры, то сегодня в России бюрократическая вертикаль работает почти так же (лишь «привилегии» заменились на «обогащение»), а структура и содержание вершины вообще не изменились никак.

Не менее похожи и времена. В начале 1980-х тоже начинался новый 30-летний экономический цикл, ставки шли вниз, экономика США готовилась к новому взлету, а развитые страны после Карибского кризиса активно и успешно работали над энергоэффективностью, снижая потребление нефти. Впереди были 20 лет дешевой нефти, падение стоимости золота (первое после отвязывания доллара), бум новых технологий, коренная перестройка экономических связей и цепочек, появление новых стран — «восходящих звезд», делающих карьеру на мировой интеграции, прагматической дружбе с США и иностранных инвестициях.

Именно в силу такой схожести ситуаций странно, что кто-то сегодня готов ожидать от российского будущего «либерально-демократической перестройки». Мы помним, конечно, чем закончился период в СССР, названный эпохой позднего застоя. После ненасильственной и совсем не преждевременной смерти вождя, оплаканного всем народом, и нескольких лет чехарды на вершине пирамиды власть в стране перешла к человеку из той же группы, но более разностороннему и открытому к переменам. Курс на демократизацию режима и либерализацию экономики спас население от угрозы тотального голода, политического распада, реактивных репрессий и, возможно, даже от полномасштабной гражданской войны, но не привел ни к настоящей демократизации, ни к либеральности экономики. Вместо этого он привел к распаду страны, образованию нескольких автаркий

(в некоторых впоследствии гражданская война все же началась), полудюжины рыночных, но не демократических олигархических режимов, с большим или меньшим успехом доживших до конца экономического цикла, и превращению трех оставшихся новых государств в периферийных членов ЕС. Только в этих трех государствах, численность населения которых составляет менее 2% от населения бывшего СССР, можно говорить о построении либерально-рыночной экономики, демократического государства и достижении глобальной интеграции.

Да и можем ли мы проводить аналогию между тем временем и нашим будущим? Точно не на 100%. Поздний СССР имел социалистический экономический уклад, рынок отсутствовал, а значит, полностью отсутствовали стихийные заместительные механизмы. С другой стороны, СССР накопил существенный промышленный и научно-технологический потенциал, ради раздела которого между собой вели реформы новые элиты после распада страны, их мотивация была очень весома и заставляла идти на риски. Сегодня в России функционирует рынок, позволяющий на низовом уровне существенно сглаживать экономические проблемы. С другой стороны, промышленность (в основном сохранившаяся со времен СССР) устарела и потеряла конкурентоспособность, технологическая база в большой степени утрачена, основа бизнеса — нефтедобыча — теряет привлекательность: гипотетической новой элите будет интереснее вывод капитала, чем эксплуатация неприбыльных активов.

В контексте предсказания будущего России больший смысл имеет не взгляд на свое же недавнее прошлое, а анализ долгосрочного развития стран, имевших схожие начальные условия. Частичные аналогии нынешней ситуации в России можно встретить в самых разных регионах земли и в самое разное время — от начала XX века до сегодняшнего дня. Нельзя сказать, что история не знает успешного выхода из нынешней российской ситуации. Однако никогда этот успех не приходил без наличия ряда начальных условий.

Примеры комплексного (и политического, и экономического) успеха — Польша, Чехия, Испания после Франко, как и случаи успешного перехода к демократии, не сопровождаемого

быстрым экономическим ростом и полной либерализацией (как в других странах Восточной Европы или, скажем, в ЮАР), — похоже, основаны на предыдущем опыте нации и остатках институтов, способных поддерживать демократию, в сочетании с тесной интеграцией с западными демократиями. В России такого опыта никогда не было, а институты (вплоть до РПЦ) исторически сфокусированы на борьбе с проявлениями демократии.

Примеры экономического успеха в XX веке, даже пусть и не поддержанного политическими реформами и демократизацией (Турция, Сингапур, Тайвань, Южная Корея и так далее), на 100% основаны на глобализации, построении выгодных диверсифицированных торговых отношений с крупнейшими экономиками (в список всегда входят США и Западная Европа), развитии внутренней правовой системы по западному образцу, по крайней мере в экономической области. Россия уже более 100 лет живет изолированно от западной экономики, взаимодействуя с ней по единственному каналу «нефть и газ в обмен на продовольствие и бытовые товары». Накопленное технологическое (в меньшей степени) и институциональное (в большей) отставание делают надежды на глобализационный прорыв призрачными; в то же время неэффективная и противоречивая система права и правоприменения настолько глубоко задействована в процессе удержания власти — в центре и на местах, что рассчитывать на ее реформирование не приходится.

При этом, сколько ни ищи, однозначный рецепт действий для обеспечения успешного перехода страны с автократическим режимом и архаичной ресурсной экономикой к институциональной структуре и политическому устройству, характерному для развитых стран, не просматривается. Революции и военные конфликты выглядят худшим из вариантов: Российская империя и Германия в 1917–1918-х годах, Вьетнам, Испания 1930-х, Мексика, в последнее время Киргизия и Украина — только часть примеров. Изоляционизм, торговые барьеры, идеологизация и противопоставление страны Западу, похоже, занимают второе место в этой негативной иерархии — все страны, пошедшие по такому пути, не выбираются из экономической ямы и череды автократических режимов. Хотя Китай в современном

мире проявляет готовность активно стимулировать страны-партнеры на развитие экономики, ориентация на Китай тоже не панацея. Достаточно Северной Кореи, чтобы сделать выводы о том, к чему приводит, например, сочетание изоляционизма и дружбы с Китаем: до 1970-х годов, до принятия «курса чучхе», Северная Корея развивалась быстрее Южной, но уже в 1990-е страна не вылезала из голода.

С другой стороны, активная помощь США и ЕС, дружба с демократиями и открытость рынков тоже не будут залогом успеха. Та же Южная Корея, несмотря на откровенно прозападную ориентацию и масштабные инвестиции, пережила более 30 лет военной диктатуры и выбралась в число развитых демократических стран только в 1990-е годы.

Аргентинская аналогия

Из всех исторических аналогий ближе всего к России на сегодня, пожалуй, стоит Аргентина. В начале XX века она пережила уникальный подъем экономики и культуры. Даже Первая мировая война и временное падение спроса в Европе не разрушили этой экономики (хотя и пощекотали нервы власти). Подушевой ВВП Аргентины был выше французского, в 2 раза выше итальянского, почти равен американскому.

В 1916 году в стране было введено всеобщее избирательное право, и у власти оказалось откровенно популистское правительство Иполито Иригойена, за 14 лет бессменного правления которого (благодаря борьбе с оппозицией и мерам, спасавшим рейтинг поддержки) бюджет оброс беспрецедентным объемом льгот, выплат и субсидий, его дефицит стал нормой, так же как и активное вмешательство государства в экономику. К 1929 году пришла Великая депрессия, упало мировое потребление мяса и зерна, и при этом успехи селекции позволили существенно увеличить урожаи в Европе и Канаде. В сентябре 1930 года (на фоне падения ВВП Аргентины до уровня 1905 года) массовые выступления заканчиваются путчем, к власти приходит военная хунта. План спасения экономики опирается на идею импортозамещения, суверенность и призыв к аргентинцам

затянуть пояса. Хунта между тем действовала откровенно в интересах узкой группы «друзей», разместивших свои капиталы в Британии. Граждане, привыкшие к росту благосостояния, затягивать пояса были не готовы, импортозамещение на фоне государственного регулирования почему-то не работало, и спустя 13 лет в стране случился новый переворот. На этот раз к власти пришли левые, а хунту вскоре возглавил знаменитый Хуан Перон. Его этап спасения экономики (а Аргентина доимпортозамещалась до того, что, не участвуя во Второй мировой войне, показывала результаты хуже, чем США) включал национализацию банков, транспорта, энергетики, коммунального хозяйства и экспорта.

В последующие 60 лет Аргентина пережила еще 3 путча, 10 смен экономического курса с левого на ультралевый и обратно, с короткими периодами половинчатых правых реформ, и несколько дефолтов. Периоды «мягких» репрессий сменялись периодами, в которые под лозунгом «Родина и народ» расстреливались и пропадали без вести десятки тысяч оппозиционеров, их жен убивали, а детей отдавали в семьи офицеров; в стране функционировали «отряды смерти»; декады дружбы с Западом сменялись декадами борьбы с «заговором Запада против Аргентины» и даже военными конфликтами. Сегодня подушевой ВВП Аргентины в 3,5 раза ниже французского, доля Аргентины в мировом ВВП — 0,6% (100 лет назад она была больше 1,2%). С 1930 года прошло 85 лет, но и сегодня нет никаких признаков выхода Аргентины на путь построения успешной либерально-рыночной экономики и подлинной демократии.

Аналогия близка, но даже и она не полна. Визитной карточкой экономической политики хунт в Аргентине была эмиссия, покрывавшая растущие социальные расходы (то же самое происходило в последние 30 лет в Венесуэле, с еще более катастрофическими результатами). В России, по крайней мере пока Глазьев не стал министром финансов, проводится жесткая монетарная политика, что пока сдерживает разрушительные тенденции в экономике.

Предсказывать геополитическое будущее — занятие неблагодарное. Очевидно, что в силу постепенного развала экономики,

снижения мотивации властной элиты из-за изоляции страны и непринятия ее Западом, стандартной реакции привыкания и даже отторжения на гиперидеологизацию, которая неизбежно возникает в обществе, нынешняя власть в России будет быстро ослабевать и терять рычаги влияния, даже если сфокусируется на силовом обеспечении лояльности.

Возможно при этом, что случится чудо, и в России, наконец-то уставшей от популистско-авторитарной модели управления, возникнет социальный запрос на перемены, и повторение перестройки пойдет не по пути передела остатков собственности и перехвата власти, заканчивающегося (как всегда) формированием новой изоляционистской автаркии, а по пути широкомасштабных демократических и либеральных реформ, в тесном, но исключительно прагматичном (благо ядерное оружие пока на месте) сотрудничестве с Западом. Но вероятность этого, как подсказывает здравый смысл, не велика.

Более вероятно, что развал и потеря управляемости на фоне снижения и так невысокого благосостояния населения породят куда более традиционный для России запрос — на мобилизационную диктатуру. Тогда вслед за сегодняшней «депрессивной автаркией мягкого типа» придет жесткий режим, сочетающий социалистический подход в экономике с националистическим в политике и террористическим — в управлении страной. Этот период станет аналогом правления Хуана Перона (в лучшем случае) или Хорхе Виделы (возможно, еще не в самом худшем).

Если спекулировать на аналогии, Россию, прошедшую по этому пути 25 лет (а до Хуана Перона с 1916 года Аргентина жила всего 30 лет), ждут десятилетия левых режимов; в XXI веке России вряд ли предстоит пережить периоды голода и гражданской войны — все же, как и у Аргентины в свое время, экономическая база достаточно велика; невелика и вероятность распада — страна достаточно объединена языком, культурой, инфраструктурой. Однако репрессии, дефолты, локальные войны с соседями, сепаратистские выступления, заканчивающиеся военными конфликтами внутри страны, общее снижение экономического уровня и веса в мировой экономике будут элементами наиболее вероятного сценария. И не исключено,

что лет через 50 наши внуки будут жить в стране, чей ВВП составляет существенно менее 1% ВВП мира, чей научно-технический потенциал давно исчерпан, а эмиграция наиболее успешных граждан стала нормой — и рассуждать о том, какой может быть перестройка, которая сделает страну настоящей демократией, с успешной либерально-рыночной экономикой.

Время для дискуссий

А вот взгляд немного с другой стороны на ту же проблему — готовности общества к переменам и того, к каким переменам общество будет готово. Разговор с корреспондентом «Платформы», опубликованный 24 апреля 2017 года. И опять — Аргентина.

В России активно обсуждаются разные концепции социально-экономического развития страны, как готовые, так и готовящиеся. А подходящее ли сейчас время для экономических дискуссий? И помогут ли они экономике?

Время для того, чтобы вести дискуссии, плохим не бывает. Как известно, многие люди, попавшие в ГУЛАГ, — те, кто оказался не в самых жутких местах, конечно, — с теплотой вспоминали собеседников и обсуждения, которые они вели в заключении. Уровень дискуссии был прекрасным, чудесные люди вокруг. И сейчас в России дискуссии тоже замечательные, да к тому же за них пока не сажают. У нас ВВП на душу населения все еще приличный — дискутирующим хватает на хлеб с маслом и отечественным сыром. Поэтому, мне кажется, сейчас отличное время для дискуссий.

А польза от них, я думаю, сегодня нулевая. Актуальная экономика — вообще не место для дискуссий. Она место для действия, а когда речь идет о государстве, желательно — бездействия. Потому что бездействие государства дает экономике расти намного более эффективно, чем его вмешательство. Дискуссии же работают не на сегодняшнюю экономику, а на экономику будущего. С точки зрения России 2035 года, сегодняшняя дискуссия, конечно, очень полезна. Потому что тем из нас, или уже не из нас, кто в 2035 году будет действовать

или бездействовать, они могут дать пищу для размышления, что делать и как. Результаты дискуссии должны застыть и превратиться в камень, отлиться в форму практически обоснованных идей, чтобы их можно было положить в фундамент экономики.

А живая дискуссия потому и живая, что у нее нет адресата. Иначе вещи просто тихо и спокойно делались бы, а вместо дискуссии были бы планы, проекты, решения. А когда идет бесконечный разговор — это значит, что связь «с волей» оборвана. Значит, в этом «интеллектуальном ГУЛАГе» сидят (слава богу, в очень комфортных условиях) люди, которые явно могут что-то придумать, но лишены свободы действия, а «на свободе» сидят люди, которым все это неинтересно. И понятно почему.

Потому что не нужно?

Потому что от добра добра не ищут. У нас власть пользуется схемой, которая пока отлично работает. Это схема управления страной через вертикаль власти, скрепленную пактом «лояльность в обмен на особые права». Позднесредневековая Европа эту схему довела до совершенства, она выдерживает даже значительные катаклизмы, пока есть феодальный ресурс. А он есть. У ЦБ лежит 400 млрд долларов резервов, и резервы растут. Нефть продается, торговый баланс положительный.

Дефицит бюджета, конечно, растет, но не страшно растет. ВВП на человека — маленький, но не опасно маленький. Социальная нагрузка большая, но подъемная. Социальная активность находится на минимальном уровне, медийная среда не просто контролируется, но и создает достаточное давление на настроения общества. А оно деморализовано за последние 100 лет настолько, что ценность неизменности, стабильности, безрисковости для большинства населения так высока, что их покупают ценой существенных экономических потерь, — и власть это вполне устраивает.

Лучше всего для власти в ближайшие 10 лет ничего не трогать — не потому, что это ведет к развитию (совсем наоборот) или хотя бы консервирует ситуацию (тоже нет), а потому, что любые неимитационные действия по реформированию экономики вынуждены будут начинаться со значительного сокращения

сферы применения вышеозначенного пакта. А это — риск для всей системы власти.

Дискуссии по салонам и конференциям идут потому, что ученые и профессионалы знают: рано или поздно закончатся все методы управления страной, ведущие к развалу, и придется начинать делать рациональные вещи, а к этому моменту надо подготовиться. Ну а инициация дискуссий вокруг самой власти — это результат комбинации любопытства отдельных членов правящей команды (хочется же посмотреть на этих «экономических кенгуру», может, что-то дельное и безопасное проскочит или удастся какие-то идеи использовать в личных целях) и желания игроков, находящихся на периферии элиты, с помощью «новых идей», за которыми стоят вполне конкретные сценарии обогащения отдельных бенефициаров, пробить стену, отделяющую их от настоящей кормушки, и пробраться внутрь. Все это не имеет отношения к реальной жизни страны.

Театр окол властной дискуссии — это шоу, перформанс, он живет по своим драматическим законам. Главный зритель, сидящий в королевской ложе, отлично знает, как устроена страна, что можно и чего нельзя. Но вдруг он услышит какие-то реплики, полагая, что они могут быть интересными и полезными, тогда он потом сможет их повторять даже публично — либо чтобы показать, что «знает истину», либо чтобы поугагать безумными идеями. Он же европеец, в конце концов. Может быть, вокруг него вообще последние европейцы в стране. Поэтому они не говорят никому: «Пошел вон». Они говорят: «Хорошо, вы там напишите, а мы посмотрим». А артисты играют за гонорар или вообще за подарок от зрителя из ложи. Но, естественно, дальше все будет так, как оно есть сейчас, потому что у бенефициаров перемен нет.

Каковы ваши ожидания от государства в экономике на горизонте двух лет? Сейчас считается, что 2018 год — очень важное время.

Я не думаю, что 2018 год что-то определяет. ВВП еще достаточно велик, резервы пока растут и нефти добываем много, и стоит она не слишком дешево. Конечно, проблемы потихоньку нарастают: кончаются фонды правительства, скоро начнет

сказываться нехватка средств на амортизацию. Но пока деньги есть — еще долго, года до 2022 — можно не беспокоиться. Думаю, с 2018 года начнут немножко налоги поднимать, будут наращивать внутренний долг. Понемножку будут изымать свободные средства.

У населения?

У населения, у предприятий. Денег в экономике много, девать их некуда, потому что никто не хочет их инвестировать, и в обороте они не нужны, так как спрос падает. А у правительства денег мало, потому что налоги не с чего собирать, да и расходует правительство деньги неэффективно. Поэтому надо исправить перекося — с помощью налогов, заимствований, другими способами. Власти важно, помимо прочего, укреплять систему защиты стабильности, в том числе — от общества, на случай если стабильность ему разонравится. Допустим, что нефть падает до 10 долларов за баррель, хотя это маловероятно. Кто обеспечит власти еще хотя бы 3 года существования? Силовики, региональные лидеры. Значит, надо их хорошо финансировать, создавать на них резервы (у них память короткая: перестал финансировать — они тут же перестанут помогать). А большинство населения просто будет постепенно все меньше кушать. И с этим мало что можно поделать. Что толку сегодня говорить «Избыточные риски убивают экономику — нужно независимое правосудие»? Попробуйте создать независимое правосудие в стране. Вас же и отправят под это правосудие, а вместо вас начнут искать того, кто его демонтирует обратно.

Получается, сама тема экономического стратегирования сейчас неактуальна для России? Допустим, в краткосрочном периоде ничего изменить нельзя. Но осмысление горизонта в 10–20 лет — им тоже никто не собирается заниматься?

Все определяется соотношением рисков и доходов у стейкхолдеров — тех, кто реально может решать. Чтобы начались изменения, должна появиться элита, которая от этих изменений не слишком рискует, но зато много приобретает, — как это было на рубеже 1980–1990 годов. Будущего у страны не было, все это понимали, а потенциальный доход — все активы страны. Сегодня риски для элиты очень сильно перевешивают

потенциальные выигрыши от перемен. Поэтому в ближайшее время об этом говорить бессмысленно. Ситуация, в которой элитам будут выгодны перемены, сложится, когда ресурсы больше не станут приносить значимого дохода.

Через 10, 15, 20 лет, может, чуть раньше или позже, должна появиться элита перемен. Но какая? Либо очень левая, которая выйдет с лозунгами «отнять и поделить». Условный Навальный объединит вокруг себя старую КПРФ и молодых силовиков, разочаровавшихся в капитализме, чтобы восстановить Советский Союз и правильно управлять оставшимися активами. Это венесуэльский сценарий. Либо генералы и полковники вместе с левыми радикалами и сочувствующими русским маршам придут к власти, чтобы создать православную республику. Это отдаленно напоминает иранский сценарий 1973 года. Либо те же самые молодые силовики, истосковавшиеся по Лазурному Берегу, пойдут за идеей, что можно упятерить ВВП и самим неплохо заработать, если пустить иностранцев. Это ближе к южнокорейскому варианту — открытая экономика, глобальные корпорации в стране, правый поворот.

Вероятность, что мы просто доживем до катастрофы, не слишком велика. Возникнет ситуация, когда для элиты потенциальный доход станет уже так мал, что они потребуют что-то наконец сделать — и что-то (необязательно позитивное) начнет происходить.

Когда это случится? Некоторые экономисты предсказывают большие трудности для российской экономики в середине 2020-х годов.

Начинаешь считать, смотришь, что происходит с ретейлом, что происходит с долей России на местном рынке, и приходишь к выводу: у нас еще на 2 года есть «плато», потом начнется спад, и еще 4–6 лет до момента, когда мы попадем в опасную зону. Это 2024–2026 годы. Но мы не понимаем запаса адаптивности нашей экономики. Мы не понимаем, что будет происходить в ее конкретных звеньях. Мы не понимаем, в конце концов, какая будет дефляция по импортным потребительским товарам. Мы цены на нефть в будущем не знаем. Мы вообще очень мало понимаем: 10 лет для экономики — это очень большой срок. Да,

если все пойдет дальше, как идет сейчас, то через 8–10 лет у нас будут триггерные проблемы. Но говорить «если все пойдет как сейчас», это все равно что прогнозировать температуру в декабре на основании линейной экстраполяции графика за период январь–июнь.

Если мы так мало знаем, то стратегирование для правительства сейчас бессмысленно? А как же планы вроде «Энергетики-2030»?

У нас отсутствует возможность реального прогнозирования на срок более 3, максимум 5 лет. Кроме того, у нас задают тон люди совершенно безграмотные в прогнозировании, которые верят в то, во что хотят. Люди, которые проспали сланец, проспали водород, проспали альтернативную энергетику. И все остальное тоже просят, потому что у них работа такая.

На что мы будем опираться при прогнозе? На прогноз корпораций? Но он делается очень простым способом — максимально занижить краткосрочный результат и максимально завысить долгосрочный. Краткосрочный мы понижаем, чтобы нам бонус платили даже за него. Долгосрочный завышаем, чтобы нам капвложения разрешали по максимуму.

Как будет выглядеть энергетика в 2030 году, не знает никто. Страна должна быть готовой к любым поворотам, это единственный способ выживать. Если страна мерит себя тем, сколько будет стоить один продукт, она страна-банкрот в любом случае. Рано или поздно этот продукт не будет приносить ей денег.

Есть известная конструкция о том, что мир делится на 4 экономических уклада: существуют центры новой экономики — «долины»; «зеленые зоны» — достаточно устойчивые государства или территории; «желтые зоны» — бывшие индустриальные страны; «черные» зоны, отключенные от современных технологий. Где мы в итоге окажемся?

Сползание — это долгосрочный процесс, а все экономическое можно прогнозировать только краткосрочно. За 10 лет экономика России ухудшится, но мы не сдвинемся в «табели о рангах» принципиально. Мы стоим сейчас в шестом десятке стран по ВВП на душу населения. От того, что мы встанем через 10 лет,

скажем, в седьмой десяток, а Китай займет наше место, ничего кардинально не изменится. Мы стоим на 12-м месте по объему ВВП в мире, сразу за Южной Кореей. Ну, станем мы, скажем, на 18-е, сразу за Турцией — что с того? Контраст между Москвой и регионами будет жестче, конечно, но за 10 лет до голода и тотальной нищеты в регионах мы не доберемся. Допустим, снова начнется депопуляция, но сколько рабочей силы уйдет за 10 лет — 3%? Что такое 3% при безработице в 6% и неограниченном предложении мигрантов?

Можно, конечно, поговорить о столетнем сроке. В прошлом году праздновали 100 лет левой аргентинской революции — за это время Аргентина вдвое снизила свою долю на мировом рынке. Она была претендентом на финальный забег и на призовые места, но глубоко ушла в первую лигу: стала 21-й экономикой мира по номинальному ВВП, 52-й по душевому ВВП. Превратилась ли она в Судан или Сомали? Нет, конечно. В Аргентине люди прилично себя чувствуют. Жалуются, что все плохо, но в общем и целом там вполне ничего. Нормальная страна — Аргентина.

Мы пока идем по этому, аргентинскому, сценарию. В ближайшие 100 лет, вполне возможно, мы будем иногда и диссидентов с вертолетов скидывать, иногда и либерализовывать все и американцев приглашать, потом опять национализируем банковскую систему, объявим пару дефолтов, возможно, разделимся на несколько государств. Сейчас у нас 145 млн человек — ну будет 100 млн. Сейчас у нас 2% мирового населения, будет 1%. Сейчас у нас МГУ — 150-й в рейтинге мировых вузов, ну не будет его там совсем. У Аргентины нет университетов в рейтинге. Что, Аргентина сильно страдает от этого? Тоже нет. У нас сейчас 2% мирового ВВП (по номиналу), ну будет 1%. Жаль, конечно, у Российской империи в 1913 году было 5% мирового ВВП. Жаль, но переживем.

Будут ли удачны попытки вытянуть отдельные сектора российской экономики, особенно те, в которых у нас есть заделы и к которым население относится положительно. Например, технологии магнетизируют наше общество, наши люди любят технологии, они их возбуждают. Есть

польза в попытках точечной модернизации, например, технологического сектора?

Фраза «Завтра будут технологии» вызывает встречный вопрос: «Почему их нет сегодня?» Если у вас в данных условиях может что-то появиться — оно появляется, если прошло 5 минут и оно не появилось — значит, его и не может быть. О каких технологиях мы вообще говорим? Где мотивация? Огромные риски заставляют вас придвигать горизонт ближе. Горизонт короче, значит, криминальный бизнес выгоднее, а требующий инвестиций — нет. Пилить легче, чем строить.

Много говорят о поддержке со стороны государства. Поговорите с людьми в государстве. Им сперва сообщают: «Так, делаем фонд, инвестируем в венчуры». Они идут инвестировать в венчуры, а дальше им говорят: «А где гарантии возврата?» — «Так это же венчур!» — «Ничего не знаем, раз потеряли деньги, это хищение. Вы арестованы». В Израиле есть государственные фонды, инвестирующие в венчуры. У их управляющих обратная инструкция — «теряйте деньги», потому что если ты не теряешь денег на инвестициях в венчуры, значит, это никакие не венчуры, и ты саботируешь правительственную программу. Израильтяне говорят, что даже убыточный венчур приносит стране пользу, так как люди обучаются, отрабатывают подходы, в конечном итоге деньги все равно идут в экономику.

Ну и, наконец, должна быть независимая, частная инициатива. Технологии из Кремниевой долины созданы не американским правительством. Google и Facebook создавались не по госпрограммам. Для появления технологических прорывов нужен огромный кипящий слой, среда, экосистема. В них, возможно, 99% умирает, но 1% выстреливает. Но частники в России с таким государством, которое все время меняет правила игры под себя, у которого право собственности — бумажка, а судьи ждут звонка, чтобы вынести приговор, просто не будут рисковать. А государство у нас не израильское, оно не допустит убытков, оно хочет 100% живущих и прибыльных стартапов. В итоге получается 100% мертвых, потому что, кроме жулика, у нашего государства деньги может взять только человек совсем без образования.

Но даже если случится чудо и в отсутствие школы, опыта, среды в России родится некая новая машина-изобретение и даже если на нее найдется инвестор, этой российской чудомашине будет не хватать для становления в виде «русской технологии» буквально всего: ей будет нужен класс подрядчиков, поставляющих качественные комплектующие; школа маркетинга, чтобы обеспечить продажи; нужен, наконец, внутренний потребитель, потому что, прежде чем выйти на внешний рынок, ей надо будет отработать «серийный образец». Но подрядчиков нет, маркетинга нет, внутренний рынок схлопывается.

Экономические связи в мире нарастают, а с другой стороны, нарастают противоречия, в том числе на почве экономических вопросов. С вашей точки зрения, мы идем к столкновению — или военные сообщества разных стран обманывают нас, говоря о неизбежности конфликта?

Рассуждать здесь надо с точки зрения тренда, но не только. С точки зрения тренда мы не идем ни к какому военному конфликту, потому что его ценность для крупных игроков в современном мире резко отрицательна. Есть очень много способов конфликтовать без войны. Геоэкономика позволяет вести активную игру, даже с нулевой суммой и отрицательной, но со значительно меньшей отрицательной суммой, чем военный конфликт. Это тренд.

Но все мы очень хорошо знаем, что малое отклонение от параметров в нестабильных ситуациях может привести к «разрыву второго рода». Классический пример — Первая мировая война. На уровне 1910–1912 годов общий информированный консенсус сводился к тому, что в мире потеряны предпосылки для ведения боевых действий. И это было абсолютной правдой. Это было за 2 года до самой страшной в истории человечества войны (по состоянию на то время).

Почему? Потому что маленькие нерациональные шаги очень часто формируют западню — политическая крыса заходит в ловушку собственной ошибки и уже не может бежать назад. Нерациональный шаг порождает неправильное представление о твоей целевой функции, что порождает нерациональный шаг с другой стороны — это ровно то, что случилось

перед Первой мировой войной. А Вторая мировая была совершенно логична — просто Первая была прервана, не закончившись. Первая произошла на пустом месте и разрушила игру всех участников вместе с некоторыми участниками. И поэтому сейчас никто вам не гарантирует, что глобального конфликта не будет.

Левый поворот

Несмотря на то, что сегодня, в 2018 году, власть в России, кажется, отчетливо понимает опасности левого поворота — перехода к мягкой денежной политике, построению системы субсидирования, льготированию ставки, активному таргетированию курса валюты, ограничениям свободы движения капитала и ценообразования — пугать левым поворотом надо: у общества, истощенного клептократическим и автократичным по сути режимом, всегда возникает запрос на социалистическую систему, а в России он никогда и не исчезал. КППРФ (конъюнктурная партия — придаток нынешней власти, публично пропагандирующая возврат к принципам социализма) уверенно занимает второе место в рейтинге симпатий населения после партии власти, а КППРФ вместе со стопроцентно популистской партией ЛДПР уже практически может получать больше голосов, чем чиновничья «Единая Россия». Следование принципам разумной монетарной политики и защита стабильности макроэкономики России сегодня — это результат не согласия общества, а жесткого курса, выдерживаемого благодаря бескомпромиссной политике нескольких высших чиновников. Но такая политика физически возможна, пока эти чиновники обладают достаточной властью, чтобы тратить ее «кредит» на отстаивание своих позиций. По мере ухудшения экономического положения (которое медленно, но идет), делать это будет все тяжелее, и либо они потеряют власть (а на смену им придут сочувствующие позициям КППРФ силовики или альянс КППРФ, ЛДПР и левых несистемных оппозиционеров — борцов с коррупцией), либо будут вынуждены полеветь — исправление экономики путем либерализации и восстановления отношений с миром для них будет физически невозможным. Такая перспектива пугает намного больше «аргентинской» — в частности, потому, что ведет к тотальному

краху. Об этом — в моей статье от 17 июня 2015 года для Московского центра Карнеги.

Специалисты в общественных науках давно свыклись с мыслью, что история не знает сослагательного наклонения. Тем более ценна для экономиста ситуация, когда две страны стартуют с более-менее равных позиций, развиваются в схожих внешних условиях, но в итоге из-за разных моделей экономического поведения показывают совершенно разные результаты.

В этом смысле России повезло. Вот уже несколько лет наши левые экономисты уговаривают власти начать борьбу с надвигающимся кризисом с помощью традиционных левых приемов: масштабной эмиссии, капитального контроля, регулируемого курса валюты, ограничения цен и национализации. Спор между ними и правыми монетаристами мог бы так и остаться неразрешенным, особенно если добавить в него вездесущую идею «особого пути» России, если бы не наглядный пример страны, в которой левая политика победила монетаристов, предпринимателей, а заодно экономику и народ. Эта страна — Венесуэла.

Двое из 1990-х

У России с Венесуэлой на удивление много общих черт. Как и СССР, Венесуэла до 1980-х годов была серьезной силой в мире — сильнейшей экономикой региона. В 1960-е годы — страной с ВВП, практически равным ВВП Западной Германии, одной из пяти богатейших стран мира по ВВП на душу населения, с самой высокой средней зарплатой в Латинской Америке. Как и СССР, Венесуэлой руководили левые правительства, делавшие упор на государственные программы и социальное обеспечение. Как и в СССР, нефть имела решающее значение для экономики Венесуэлы.

С середины 1980-х годов (как и в СССР) вслед за падением цен на нефть экономическая ситуация в Венесуэле стремительно ухудшается, растет инфляция, падает ВВП. В 1989 году (чуть раньше, чем в России) в Венесуэле начинаются предписанные МВФ реформы, сходные с гайдаровскими: масштабная

приватизация, драматическое падение курса боливара, балансировка бюджета. Отпущенные цены вызывают беспорядки, но реформы продолжают — правда, половинчато и неэффективно. В 1992 году (за год до России) в Венесуэле происходит неудачная попытка левого военного переворота. Переворот проваливается, а его лидеры (как и в России) через 2 года выходят на свободу и готовятся к продолжению борьбы.

Венесуэльский 1998 год наступает в 1994-м — треть банков банкротятся, инфляция разгоняется и достигает 100% в 1996 году. Именно тогда в городах появляются первые вертикальные трущобы — самозахваченные недостроенные высотки, результат позитивных ожиданий начала 1990-х. Подушевой ВВП в Венесуэле в 1998 году составляет 60% от уровня 1978 года, за чертой бедности живут 66% населения. В этот момент к власти приходит Уго Чавес, а с 2001 года растущие цены на нефть начинают стремительно увеличивать ВВП страны и доходы населения. К 2007 году количество граждан Венесуэлы, живущих за чертой бедности, уменьшается до 28%.

Направо и налево

Сходство с Россией очевидно, вплоть до неэкономических деталей — например, прихода к власти в 1999 году выходца из силовых структур, будущего бессменного лидера нации, пользующегося поддержкой большинства населения. Но с 2001 года начинается серьезное расхождение в методах экономического управления страной. В 2003 году, когда Россия последовательно отказывается от ограничений в сфере инвестиций и движения капитала, а регулирование цен даже не обсуждается, в Венесуэле устанавливают валютный контроль и ограничения на экспорт капитала.

Структура экономики России и Венесуэлы довольно схожа: обе страны получают большую часть дохода в бюджет от экспорта нефти, не диверсифицируют экономику, не развивают рыночные институты и малое предпринимательство, не формируют инновационных зон в экономике. Однако те элементы «нелиберальности», которые хоть и присутствуют

в сегодняшней экономике России, но вслух не признаются и официально считаются недопустимыми (недобросовестная конкуренция, протекционизм, слабая защита прав инвесторов, наличие экономических агентов, стоящих выше закона, и так далее), в Венесуэле приобрели характер официальной политики. Если Россия регрессировала в феодализм, но активно поддерживала рыночные отношения, то Венесуэла, напротив, устремилась в социализм со всеми его характерными элементами.

Причина такого расхождения вряд ли может быть установлена однозначно. Наиболее вероятно, что Венесуэла просто начала с более низкого старта. Там был ниже средний уровень образования, отсутствует мощный инфраструктурный и оборонный комплекс, который в России кормил большое количество избирателей даже в 1990-е годы. У венесуэльцев было меньше активов и накоплений — например, им не досталась в наследство высокая обеспеченность населения жильем. Из-за этого в стране произошел коллапс системы легального владения имуществом. *Invasores*¹, захватывающие здания, стали противозаконной, но привычной частью жизни, пока правительство и проправительственные силы поступали примерно так же с частным бизнесом.

В ожидании краха доллара

Левый курс принес с собой классические последствия. Попытки добиться социальной справедливости и повысить уровень жизни раз за разом приводили к противоположным результатам.

Ограничение свободного обращения валюты породило черный рынок и множественность курсов. Дефицит валюты для расчетов за импорт заставил иностранный бизнес резко сократить свою активность — вплоть до того, что иностранные авиакомпании прекратили полеты в Каракас.

¹ Термин, означающий по-испански тех, кто вторгается в чужие дома и поселяется в них.

Ограничение цен на товары привело к масштабной контрабанде в соседнюю Колумбию. Импортные и отечественные товары перепродавали за границей, получая до 300% прибыли. Следствием стал нарастающий дефицит всех без исключения групп товаров.

Из-за того, что правительство установило предельный уровень прибыльности компаний и фактически изымало «сверхприбыли» в бюджет, в Венесуэле катастрофически упали инвестиции в развитие и поддержание производства, прежде всего в нефтяной отрасли. Добыча нефти в Венесуэле за 10 лет упала в 2 раза из-за недоинвестирования в разведку и разработку месторождений, сокращения рабочих и инженеров, постоянного вмешательства государства в управление PDVSA¹ и смежниками. Восстановить прежний и даже удерживать нынешний уровень добычи уже невозможно без огромных инвестиций и многолетнего ожидания — ни денег, ни времени у Венесуэлы нет.

Помимо левого курса, власти Венесуэлы совершили немало разовых, но чувствительных экономических ошибок. Большинство из них напоминают предложения российских левых экономистов, которые, к счастью, пока игнорируются. Яркий пример — перевод 80% валютных резервов Венесуэлы из долларов в золото в момент наибольшей цены на золото на рынке. Идея «скорого краха доллара» привела к тому, что резервы Венесуэлы сократились на 40% из-за последующего 40%-ного падения цены золота.

Китайский разворот

Ряд действий, предпринятых властями Венесуэлы, настолько напоминает проекты и планы российской власти, что на их плачевных результатах стоит остановиться особо.

Как и Россия, Венесуэла проявляет избыточную любовь к лояльным, но бедным странам. В рамках программы

¹ Petroleos de Venezuela, Sociedad Anonima — государственная нефтегазовая компания Венесуэлы, которая обладает монопольным правом на добычу нефти и природного газа в стране. — *Прим. ред.*

Petrocarib Венесуэла уже много лет снабжает нефтью по сниженным ценам ряд стран Латинской Америки. Итог этой программы печален и для Венесуэлы, и для региона: страны, пользовавшиеся этой программой, сегодня энергетически неконкурентоспособны и не готовы к самостоятельности. Сама же Венесуэла мало того, что теряла существенные суммы на субсидиях, но еще и поставляла достаточно много нефти в долг. Сегодня, пользуясь бедственным положением страны, ее нефтяные заемщики отказываются от оплаты даже по сниженным ценам, предлагая срочный расчет — зато с существенным дисконтом. Недавно Венесуэла была вынуждена списать 55% долга Доминиканской Республике, только чтобы получить выплату. Очевидно, Ямайка будет следующим счастливым должником.

Как и Россия, Венесуэла в какой-то момент обратилась к Китаю как стратегическому партнеру, рассчитывая ослабить влияние США и стимулировать экономический рост. Китай активно включился в сотрудничество, начав кредитовать Венесуэлу под залог нефти с возможностью погашения долга нефтепродуктами. За 8 лет китайцы выдали Венесуэле около 50 млрд долларов (около 15% ее ВВП). С учетом того, что цена на нефть все же определяется рынком, эти условия были намного мягче, чем предлагается России, которая будет строить заведомо убыточные газопроводы в Китай. Но вполне возможно, что соглашения имели и непубличные дополнительные условия.

Китай умеет и любит брать на себя риски сотрудничества со странами-банкротами и странами-изгоями, но в отличие от СССР делает это очень рационально и жестко. Падение цен на нефть привело к тому, что почти половину поставляемой в Китай нефти Венесуэла отправляет в счет погашения процентов по долгу.

Китай, который долго давал деньги Венесуэле, теперь отказывается продолжать программу, «не видя надлежащих результатов», но готов предоставить еще 10 млрд долларов «на новых условиях», которые представитель PDVSA назвал в интервью CNBC «уникальными». Есть подозрение, что итогом национализации, которую провел Чавес, станет переход основных активов

Венесуэлы (включая нефтяные запасы) в собственность китайцев, которые, в отличие от американцев в свое время, отобрать эту собственность у себя уже не дадут.

Ни шага назад

Наконец, в Венесуэле, как и в России, стало принято находить причины всех проблем и неудач не внутри, а за пределами страны. Правда, в России эта практика не доведена до венесуэльского совершенства. Давно пройдя знакомые нам обвинения США, Запада и внутренних врагов во всех бедах, правительство Венесуэлы даже пробки и низкое качество коммунальных услуг в Каракасе объясняет внешними причинами, причем врагов давно умерших. По официальной версии, в проблемах Каракаса виноваты испанцы, специально строившие город не на том месте во второй половине XVI века.

Сегодня Венесуэла живет с инфляцией более 60% годовых, тотальным дефицитом товаров и продуктов питания, официальной безработицей выше 10% и падением ВВП более чем на 7% (по прогнозу МВФ на 2015 год). Формальный расчет венесуэльского ВВП представляется сегодня невозможным, но зато мы знаем, что в период 2000–2012 годов нефтяной ВВП страны стабильно сокращался на 2–3% в год.

В то время как расходы бюджета достигли астрономических 51% ВВП, в супермаркетах устанавливают сканеры отпечатков пальцев, чтобы нормировать выдачу товаров населению. Агентство Bloomberg назвало Венесуэлу страной с худшей в мире экономикой. Социальная ситуация не отстает — по данным неправительственных организаций, на фоне высокого уровня тяжких преступлений (второе место по количеству убийств на 100 000 жителей в мире, в 5 раз выше, чем в России, в 10 раз выше, чем в США) 90% убийств остаются нерасследованными; нехватка еды достигает 30%, а медикаментов — 60% спроса.

Власти убеждают общество, что проблемы — результат экономической войны, развязанной Штатами против свободной и независимой Венесуэлы с помощью правой оппозиции внутри страны. Власть не собирается отступать, а точнее, уже

не может: общество отказывается осознавать необходимость перемен, требуя от правительства сохранения и развития патерналистского характера государства. Сегодня даже на фоне упавших цен на нефть внутренние цены нефтепродуктов приходится активно субсидировать. Отказаться от субсидий невозможно — тогда вероятно повторение Каракасо, массовых волнений 1989 года, которые начались из-за того, что тогдашнее правительство отпустило цены на нефтепродукты. Правда, несмотря на заверения об увеличении субсидий, рейтинг президента Мадуро находится на рекордно низком уровне.

Левый поворот в тупик

Сегодняшняя ситуация в Венесуэле — логичное завершение левого поворота на фоне неоконченных и некачественных реформ в ресурсном государстве. Прагматики обвиняют в сложившейся ситуации правительство, изначально пошедшее на поводу у популистских настроений (собственно, оно и к власти пришло только благодаря безответственным идеям и обещаниям). Странники теории заговоров говорят о Китае, получающем контроль над страной благодаря соглашению с США. Им возражают другие — с теорией, что Китай вскоре сдаст Венесуэлу Штатам, поспособствовав смене власти.

Результат тем не менее один — неминуемый экономический крах, дефолт по долгам и смена режима с последующими длительными и трудными реформами, которые придется начинать с очень низкого старта, с фактической потерей экономической и политической независимости, в значительно худшей ситуации, чем 15–20 лет назад.

Иногда левый поворот становится осознанным, но ошибочным выбором, основанным на слепой вере в эффективность госрегулирования и возможность централизованно обеспечить социальные потребности населения. Но чаще он является неизбежным результатом ситуации, в которой власть получается или удерживается за счет привлечения на свою сторону широких масс населения, за счет пропаганды привлекательной, но губительной идеологии и раздачи реальных и мнимых подачек.

При высоких доходах от продажи минеральных ресурсов такая политика может показаться долгосрочно устойчивой. Но левый поворот быстро становится ловушкой — общество, наученное видеть во всех проблемах внешних виновных, теряет способность к рефлексии, привыкает к иждивенчеству, властно-бюрократическая вертикаль костенеет и охватывает все сферы жизни. Страна уже не готова ни менять экономическую модель, ни позволить это сделать правительству — даже когда неэффективность системы уничтожает доходы от продажи ресурса, даже когда заканчивается сам ресурс. Вплоть до коллапса всей системы ни власть, ни общество не будут предпринимать никаких шагов по изменению идеологии.

России до сих пор удавалось избежать радикального левого поворота, хотя с 2012 года мы видим признаки последовательного и все более опасного полевения экономической политики. Но настоящая опасность впереди: истощение потока нефтедолларов из-за падения цен на нефть совпало с тем, что российская экономика достигла критической точки неэффективности. Той точки, где почти двукратное падение валютной выручки не стимулировало отечественное производство, а, напротив, вогнало его в спираль ускоренного падения. И ко всему этому добавилась потеря в связи с санкциями перспективных источников инвестиций. Сохранение рейтинга политическими средствами (например, за счет патриотического подъема) работает лишь короткий период, и высока вероятность резкого полевения как последней надежды на спасение рейтинга власти. Будем надеяться, что пример Венесуэлы остановит власть в России от фактического уничтожения экономики страны.

Вперед в феодализм

Россия всегда славилась способностью своих жителей шутить по любому поводу — чем страшнее, тем смешнее. Слово «анекдот», в английском языке означающее «реальная история», в русском приобрело значение «смешная выдуманная ситуация». Мы смеемся и вместо того, чтобы горевать, и вместо того, чтобы бороться. В какой-то момент мне показалось, что пора уже посмеяться и над самым

серьезным вопросом для России — вопросом ее будущего. Ведь то, что сегодня можно встретить в анекдоте, завтра власть — как это всегда у нас бывает — реализует всерьез, и к этому стоит подготовиться. Большая статья для Московского центра Карнеги от 29 декабря 2016 года — анекдот о будущем России (в российском смысле этого слова).

Меня все чаще спрашивают, как может выглядеть программа экономических реформ. А я все чаще отказываюсь отвечать — тема слишком грустная. Я даже добавляю: не могу всерьез разговаривать на эту тему. Но, в конце концов, можно ведь порассуждать и не всерьез.

Мы все хотим экономического роста. Проблема (я пока все еще всерьез) не в наших желаниях, а в том, что общество и наше сознание совершенно не готовы к продуктивным переменам. Изобилие ресурсов столетиями позволяло сохранять архаичную экономику и политическое устройство, а страшные события XX века (хронический голод 1900-х, Первая мировая, революция и Гражданская война, красный террор, голод 1930-х, репрессии, Вторая мировая, репрессии 1940–1950-х, медленная ломка сознания застоем, экономическая катастрофа конца 1980-х и массовая эмиграция 1990-х) уничтожили не только десятки миллионов граждан, но и инициативность общества, созидательную энергию, гражданскую активность, внедрили в сознание большинства иждивенчество и примитивно-групповой комплекс.

Мы не созрели для принятия перемен, катализатором которых были бы позднекапиталистические реформы — весь этот уже избитый набор из независимости судов, выборности властей, защиты прав, примата индивидуума, стимулирующих экономических законов и общих свобод. Давно ли мы смеялись над Монголией, которая «совершала скачок из феодализма в социализм»? А сегодня большинство реформаторов-теоретиков справедливо сетуют на то, что Россия чисто феодальная страна, но вместо того, чтобы учитывать это в своих предложениях, требуют волшебного превращения ее в страну развитого гражданского общества, верховенства закона и политической демократии.

Социологи могут говорить о современной российской шизофрении: с одной стороны, мечты о капиталистической демократии, которые некому реализовывать, с другой — феодальная реальность, которую никто не хочет учитывать и подстраивать под нее экономические программы. Психотерапевты говорят о «пограничном поле» и неспособности российского общества на здоровые реакции и эффективное сотрудничество. На 20 программ, как развивать нашу экономику, если вдруг завтра мы проснемся и обнаружим Россию современной и демократической (не говоря уже о 20 программах, говорящих о том, как Россию побыстрее утопить — то в эмиссии, то в регулировании, то в новом переделе собственности, то в войне силовиков), не найдется ни одной, говорящей, что делать, если, проснувшись завтра, мы обнаружим Россию точно такой же, как и сегодня.

Возможно, правильный ответ лежит на поверхности: развивать надо то, что есть, методами, доказавшими свою эффективность в странах, похожих на сегодняшнюю Россию, — например, в Европе времен раннего Средневековья, в Золотой Орде, в Византии.

Система протекции

Начнем с главных проблем российской экономики — отсутствия доверия между экономическими агентами и высокого уровня рисков ведения экономической деятельности, совершенно неадекватного ожидаемому доходу. Из-за недоверия и страха никто не хочет ничего делать. Заработанное, украденное или полученное в беззалоговый кредит выводится из страны. Главное устремление более образованных граждан — попасть на государственную службу и оттуда одной рукой получать жалование, а другой — взятки; менее образованных — попасть в силовые органы и оттуда грабить более образованных. Но и в Средние века общая ситуация была похожей: законы были рудиментарными, судьи — бессильными, кто был вооружен лучше, тот и был прав. А страны тем не менее развивались.

Развивались они благодаря системе протекций — феодальная лестница представляла защиту экономическим агентам

от самого верха до самого низа. Конечно, Россия лишена системы сословий и феодальной иерархии, и это даже хорошо, поскольку открывает вертикальные лифты, но систему протекции у нас ввести вполне возможно.

Сегодня малый, средний и даже крупный бизнес страдает от произвола чиновников, губернаторов, силовиков и центральных властей. Система протекций могла бы искоренить произвол, заменив его строго регламентируемыми отношениями. Протекция могла бы быть лицензируемым бизнесом. Лицензии получали бы организации, обладающие своими развитыми юридическими службами, охранными подразделениями, достаточным капиталом, могущие доказать свои устойчивые связи с высшей властью и способность влиять на решения судебной системы.

Администрация президента могла бы выполнять роль протектора протекторов и давала бы протекцию самим лицензированным протекторам друг против друга. Успешными протекторами могли бы быть, например, Сбербанк, РПЦ, ВТБ, «Почта России», группа банка «Россия», РЖД, Газпром, Транснефть, Ростехнологии, Роснано, ВЭБ, РФПИ, ряд других организаций. Очень важно, чтобы протекторы действительно могли защищать клиентов, поэтому их число должно быть ограниченным, в регионах они будут действовать через свои филиалы.

С протекторами клиенты делились бы долей в бизнесе и некоторой частью прибыли. Максимальные тарифы за протекцию регулировало бы государство. У протекторов собирались бы пакеты акций клиентов, которые можно было бы объединять в фонды, а фонды, например, листинговать на бирже — это подстегнуло бы фондовый рынок. Компании без протекторов вообще можно было бы не листинговать — чего они стоят без протекции.

Были бы, конечно, некоторые условия. Например, протекторы не имели бы права участвовать в конкурентной борьбе своих клиентов. Их задачей было бы только защищать бизнес от посягательств бюрократии во всех ее видах — властной, судебной, контрольной, силовой. С другой стороны, протекторы несли бы ответственность за клиентов в части выполнения последними их обязательств и этики их бизнес-поведения,

что существенно повысило бы доверие между бизнесменами. Наконец, протекторы могли бы нести ответственность вместе с клиентом, если последний был уличен в преступлении. Это обеспечило бы пристальный контроль за клиентами со стороны протекторов.

Система протекции решила бы вопрос защиты бизнеса от посягательств бюрократии и проблему взаимного недоверия в бизнес-среде. При этом конкуренция между протекторами привела бы к рыночным отношениям с ними с прозрачным ценообразованием. Это стало бы залогом допустимого уровня стоимости протекции для развития бизнеса и, главное, предсказуемости, что так важно для бизнесменов.

Магдебургско-тверское право

Наряду с системой протекции (которая хороша для традиционных бизнесов, но не способствует развитию новых технологий, изобретательству и наукоемкому бизнесу) было бы неплохо взять на вооружение и средневековую систему локального внедрения прогрессивного права в отдельных городах — там, где могут формироваться кластеры новой экономики. Если в Европе это было Магдебургское право, то в России это может быть, например, Тверское право — специальный свод законов, созданный путем перевода в Твери основных законов, скажем, немецкого хозяйственного права на русский язык.

Города, получающие такое право, станут аналогами особых экономических зон, только суть этих зон будет не во внешних субсидиях или сниженных налогах (как я покажу чуть дальше, система позволит снизить налоги повсеместно), а в создании возможности для установления эффективных экономических отношений. Такие города должны избирать свое руководство (магистрат) из числа жителей, сами принимать законы о проживании (принимать в число граждан города по своим правилам), сами устанавливать локальные налоги и вносить изменения и дополнения в законы, регламентирующие работу коммерческих предприятий и социальную жизнь (вплоть до Уголовного кодекса) на их территории, сами избирать свой суд и руководство

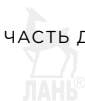
силовых органов, сами формировать социальное обеспечение своих граждан, а саморегулируемые профессиональные организации должны иметь самые широкие полномочия.

Разумно будет ограничить число таких вольных городов парой десятков, а количество жителей, скажем, 15% от числа жителей страны. Эти цифры примерно будут соответствовать уровню готовности российского общества к таким экономическим отношениям. Можно даже разумно ограничить выезд жителей подобных городов в остальные области России (но, конечно, не за границу) и приезд жителей остальной России в эти города. Есть высокая вероятность, что внутри таких городов сосредоточатся не только прикладная наука, образование, современная культура и производство, но и протестные группы населения, что позволит отчасти удовлетворить эти группы и снизить уровень протеста, а кроме того — эффективно изолировать их от остального общества.

Налоговая система и бюджет

Конечно, сама по себе система протекции и уход в вольные города современных бизнесов могут иметь негативные последствия для бюджета — протекторы эффективно защищали бы бизнес не только от поборов налоговых органов, но и от избыточной налоговой нагрузки, а вольные города платили бы меньше налогов в федеральную казну (если не считать сбор за право проживания в вольном городе, который может быть существенным). Поэтому при внедрении этих принципов необходимы балансирующие механизмы.

Более того, строительство системы протекции займет время, да и после ее появления эффект проявится не сразу. Новые инвестиции будут приходиться постепенно, потребуются годы на то, чтобы они превратились в рабочие места и товары. Решить проблему переходного периода и снижения налоговых платежей, вызванного протекцией, можно за счет одновременного кардинального изменения налоговой системы, изменения приоритетов расходования средств бюджетов и внедрения эффективно работавшей в средневековой Европе системы налоговых откупов.

Откупы

Откупы (разумеется, с использованием лицензированных откупщиков) позволят решить сразу несколько важных проблем. Во-первых, государство получит возможность стабильно планировать расходы и сумеет сформировать дополнительные резервы, так как плата за откуп будет вноситься вперед на срок от года до нескольких лет (возможны даже продажи «навечно», до 49 лет). Во-вторых, продажа откупов на тендерной основе позволит максимизировать выручку государства — откупщики будут конкурировать за мандаты. В-третьих, система откупов позволит перевести ныне являющиеся большой нагрузкой на госбюджет персонал и инфраструктуру налоговых органов в разряд структур рыночных, к тому же уплачивающих налоги с прибыли, — это существенно сократит нагрузку на государственные бюджеты, а откупщики, в стремлении больше сэкономить, значительно оптимизируют бюджеты этих организаций.

В-четвертых, откупной деятельностью займутся и протекторы, и другие структуры из числа особо приближенных к первым лицам государства (откупной бизнес очень прибыльный). Это позволит легализовать их право на сверхдоходы, и вместо того, чтобы быть обузой для бюджета и постоянно разворовывать выделяемые им на спецпроекты средства, «друзья первых лиц» будут мотивированы максимизировать доходы бюджета. Как один из вариантов условий откупа — продавать право откупа за фиксированную сумму, а потом все собранное сверх нее делить в определенной пропорции между откупщиком и бюджетом.

Откуп можно будет секьюритизировать, и на финансовом рынке России появится целый сегмент с капитализацией в десятки, если не сотни, миллиардов долларов, со своими деривативами, системами хеджирования, отдельным рынком долга, обеспеченного откупом, и так далее. Это даст огромные возможности для пенсионных фондов, банков, иностранных инвесторов, оживит финансовую систему.

Наконец, откупщики создадут разумный рыночный баланс протекторам в области корпоративных налогов (а если

будет введен институт личной протекции, то и в области налогов с частных лиц) — очевидно, что Сбербанк более разумно договорится о размере налогов со своего клиента, например, со структурой Ротенберга, чем сам клиент с налоговым инспектором.

Изменение налогов

Параллельно надо существенно изменить саму налоговую систему. Сегодня подоходный налог и налог на прибыль организаций составляют едва ли по 10% от доходов бюджетов РФ (20% всего), сбор их крайне трудоемок, уровень уклонений высок. Полезно вспомнить, что в средневековой Европе не было никаких индивидуальных подоходных налогов, а аналоги налога на прибыль были похожи либо на вмененные (договорные) налоги, либо на добровольные пожертвования. Вполне можно отменить и тот и другой налог в России.

Заменой подоходному могли бы служить легко собираемые налоги на имущество и землю. Чтобы компенсировать подоходный налог, их надо увеличить примерно в 3 раза. Это одновременно решит проблему прогрессивности, обеспечит ощущение социальной справедливости и предоставит преференции отечественным землевладельцам и строителям — в отличие от иностранцев, они не будут уплачивать налог на прибыль.

Заменой налога на прибыль мог бы стать введенный налог с конечных продаж (уплачиваемый покупателями, приобретающими товар или услугу для использования, а не для перепродажи), который одновременно заменил бы не всегда просто вычисляемый НДС. Если сохранить НДС только на импорт в том же размере, что и сейчас, а для внутренних операций ввести налог с конечных продаж, то бюджет не пострадает, администрирование и вычисление налогов станет существенно проще, экономические агенты будут мотивированы сберечь (а значит, инвестировать), создавать бизнес и реинвестировать прибыль.

В сегодняшней России распространена практика необоснованных требований налоговых выплат, из-за чего плательщики, понимая бесперспективность судебного разбирательства, часто

уплачивают начисленные налоги или договариваются с чиновниками о замене их взяткой. Эту практику частично должна победить система откупов, но мы можем предполагать, что и в рамках откупной системы, и под протекцией все равно будут встречаться попытки изъятия избыточных налогов. При этом государство уже получит к моменту такого спора причитающиеся ему деньги и будет заинтересовано исключительно в продолжении работы плательщика.

Поэтому систему стоит дополнить еще и правом сборщиков налогов (откупщиков) и плательщиков (защищаемых протекторами) договариваться о размерах уплачиваемых налогов вне связи с объемами, которые могут быть исчислены исходя из законодательства. Это даст и тем и другим бóльшую гибкость в адаптировании выплат под текущее рыночное положение, защитит компании и граждан от слишком высоких выплат в трудные времена и снимет существенную нагрузку с судов, рассматривающих налоговые споры.

Сокращение бюджета

Разумеется, следует критически подойти к вопросу размеров бюджетов, определив, что надо финансировать, что не надо, а чему стоит дать возможности для самофинансирования. Условно российский бюджет можно разделить на 7 крупных частей, у каждой из которых будет своя судьба и свои методы снижения и компенсации этого снижения. Очень схематично план реструктуризации бюджета приведен далее.

Содержание армии

Очевидно, что генералитет — опасная группа, в руках которой находятся огромные возможности — вплоть до дестабилизации обстановки в стране и смены власти, поэтому речь о сокращении совокупного финансирования этой группы идти не может. Тем не менее можно существенно изменить систему, открыв перед армией и ВПК новые, внебюджетные источники финансирования.

В частности, можно закрепить права высших офицеров принимать решения о коммерческом использовании армейских подразделений вне страны. В конце концов, частные армии существуют и получают большие доходы, и Россия могла бы и здесь пойти по пути средневековых монархий и продавать услуги своей армии — востребованность ее не вызывает сомнений. Уверен, что даже страны НАТО с удовольствием платили бы за решение российской армией своих задач. Военнослужащие могли бы не только приносить огромный доход своей стране, но и попутно решать некоторые геополитические задачи, а также постоянно испытывать и рекламировать новое вооружение.

Кроме того, армия в лице тех или иных своих институтов могла бы получить лицензию протектора и эффективно ее использовать. Преобразование армии в профессиональную необходимо проводить не путем отмены призыва, а путем превращения его в военную повинность с отказом от любых форм отсрочек и освобождений, кроме освобождений по состоянию здоровья: срок службы надо увеличивать до 4–5 лет, при этом учредить и службу для женщин (покороче, скажем, 18 месяцев или 2 года).

Важнейшим элементом такой повинности, которую мало кто хотел бы отрабатывать, будет разрешение расплатиться деньгами вместо прохождения службы. Сумма выкупа должна быть существенной, но выносимой; скорее всего, ее можно будет установить на рыночной основе, продавая с аукциона, скажем, 300 000 «щитовых единиц» в год (скорее всего, спрос будет еще выше). Для максимизации выручки можно продавать несколько уровней «щитовых»: полное освобождение; сокращение срока (продажа помесечно); возможность служить в комфортных частях, близко к дому, с возвращением на выходные домой; возможность служить в гражданском персонале с проживанием дома, и так далее. Примерный расчет показывает, что «щитовые» могут дать не менее 10–20% «бюджета обороны» (безусловно, надо будет кредитовать выплату «щитовых» и создать агентство, предоставляющее рассрочки в выплате; процентные доходы добавят выручки армии).

Увеличение срока и привлечение девушек на службу в армию не только частично решат проблему безработицы среди молодежи из малообеспеченных слоев общества, но и повысят возможности извлечения армией коммерческих доходов. В частности, можно вернуться к практике военных поселений, где жители будут заниматься сельскохозяйственной деятельностью; из призывников можно будет формировать специальные военные строительные компании, которые будут заняты и в гражданском хозяйстве; Министерство обороны должно будет иметь охранную лицензию и активно продавать услуги охраны и так далее.

Содержание ФСБ и МВД

Как и армия, силовые структуры могут быть крайне опасны с точки зрения стабильности власти. Сотрудники органов стоят за вторым по числу (после военных) количеством переворотов и являются единственной силой, способной эти перевороты предотвратить. Сокращать их финансирование было бы неразумно. Однако и здесь можно разработать целый ряд мер по прямому пополнению бюджета этих организаций.

Начать стоит с использования естественного стремления наиболее обеспеченной части населения страны к получению информации и свободе коммуникации. С учетом опасности, которую потенциально представляют для стабильности свобода слова и бесконтрольное функционирование СМИ, но и принимая во внимание, что прямая цензура является архаичным, неэффективным и противоречащим естественным вольностям институтом, можно подумать о введении платной лицензии на свободное получение информации (например, на доступ к зарубежным сайтам, на получение иностранных изданий, на чтение неподцензурных печатных и интернет-изданий, выпускаемых в России) и о платном лицензировании СМИ, блогеров и авторов, которые хотят работать без цензуры.

В России наберется не менее 10 млн человек, которые будут готовы покупать лицензию на свободную информацию (можно брать с них немного — порядка 1000 рублей в месяц, это уже

даст 12 млрд рублей). Мы не знаем, сумеют ли СМИ, которые пожелают быть «свободными», платить, например, 10 млн рублей в месяц каждое, да это и не важно; сумеют — значит, бюджет будет пополняться (а эти СМИ будут свободно привлекать рекламу, так как рекламодатели не будут бояться их закрытия), а не сумеют — некому будет покушаться на стабильность в обществе.

Более того, следуя принципу «свобода дорого стоит», и с учетом того, что любые свободы представляют для общества опасность, противодействие которой с привлечением силовых ведомств стоит денег, необходимо взимать значимые сборы за предоставление гражданам тех или иных свобод, параллельно сделав список таких свобод максимально большим.

Платными должны стать свобода перемещения по стране (годовая лицензия на свободные поездки), свобода смены работы (разовый сбор), свобода отказа от трудовой деятельности (ежемесячные выплаты), право находиться на улице ночью (годовая лицензия), право на хранение и ношение оружия (месячные платежи, типы вооружения не ограничены), право на выезд за границу (разовые сборы в размере 100% стоимости билетов), право на хранение денег и приобретение ценностей за границей (сбор 10% с суммы), право на проведение собраний и митингов (сбор в размере 100–200 долларов с участника, если собрание проходит в общественном месте, и 10–20 долларов — если на частном пространстве; собранием должны считаться встречи более 10 человек, если не все они являются родственниками), право на отключение государственного телевидения (в норме телевизор должен работать 16 часов в день на одном из государственных каналов, при нежелании надо будет платить подневный взнос) и прочие права.

Кроме того, можно создать еще и систему платных привилегий — например, за несколько тысяч долларов в год давать автомобилю плательщика преимущественный статус на дороге (для чего ввести зеленые мигалки). Система платных привилегий способна сформировать внутри общества группу новой аристократии. Платность привилегий будет делать новых аристократов крупными спонсорами бюджета, а значит, полезной для

общества стратой, что должно будет примирить общество с некоторым ущемлением его прав в пользу этой группы. Условно платную аристократию я разделил бы на следующие разряды.

Третий разряд. 10 000 долларов в год. Примерно 1 млн человек. Право на все услуги и сервисы, включая частные, вне очереди, но уступая аристократам более высокого разряда. Право неподчинения линейным сотрудникам правоохранительных органов и сотрудникам охраны, право доступа в учреждения и общественные места без досмотра и приглашения. Сильно сокращенный список оснований для задержания. Право требовать от не принадлежащих к аристократии уступать дорогу и выполнять мелкие поручения. Право словесного оскорбления, порчи малоценного имущества и нанесения побоев без телесных повреждений не принадлежащим к аристократии. Право требовать замены должностных лиц в местных органах власти (вплоть до мэра города) при совместном заявлении 100 аристократов третьего разряда.

Второй разряд. 100 000 долларов в год. Примерно 10 000 человек. То же, что и у третьего разряда, плюс неподсудность судам общей юрисдикции без санкции дворянского собрания. Неприкосновенность — правоохранители не будут иметь права задержания, кроме очень узкого перечня ситуаций. Право нанесения легких телесных повреждений и порчи ценного имущества не принадлежащим к аристократии. Право включения не принадлежащего к аристократии гражданина в черный список (с поражением во многих правах) по личному заявлению. Право требовать замены должностных лиц в местных органах власти (вплоть до мэра города) при совместном заявлении 10 аристократов второго разряда и вплоть до губернатора при совместном заявлении 100 аристократов второго разряда.

Первый разряд. 1 млн долларов в год. Примерно 1000 человек. То же, что и у второго разряда, плюс подсудность только Верховному суду и только с разрешения дворянского собрания; полная защита от преследования иностранными судами, истцами и так далее при попадании на территорию России и защита по возможности вне территории России вне зависимости от характера обвинений. Право требовать особого уважения

от неаристократов, включая поклоны при встрече. Право нанесения тяжких телесных повреждений не принадлежащим к аристократии. Право включения не принадлежащего к аристократии гражданина и аристократа третьего разряда в черный список (с поражением во многих правах) по личному заявлению. Право требовать замены должностных лиц в местных органах власти (вплоть до мэра города) при личном заявлении и вплоть до губернатора при совместном заявлении 10 аристократов первого разряда. Право присутствия на приемах и мероприятиях высшего уровня. Право коллективной аудиенции у президента во время аристократических аудиенций 4 раза в год. Право подавать прошения и запросы президенту и ожидать внеочередного рассмотрения, право подачи запроса или прошения лично не более раза в два года.

Привилегии должны распространяться и на ближайших родственников (бесплатно на жену, а на родителей и детей — за 10% стоимости).

Вырученные средства должны в большей части направляться на финансирование системы ФСБ. Средства, полученные в виде аристократических платежей (ориентировочно 15–17 млрд долларов в год), должны разумно делиться между различными статьями бюджета.

Важным источником дохода может стать изменение системы уголовной ответственности и исполнения наказаний. Необходимо внедрить самое широкое применение наказания в виде долгосрочных исправительных работ (полностью заменив им заключение по нетяжким, не связанным с насилием над личностью статьям). Исправительные работы должны проходить на предприятиях и в организациях, подающих заявки на труд осужденных, с перечислением оплаты труда в полном объеме в бюджет системы ФСБ-МВД либо даже по месту текущей работы осужденного или в другом месте, по обоюдному согласию осужденного и работодателя, если суд даст такое разрешение (суд должен при этом руководствоваться принципом максимизации отчислений).

Сама система ФСБ-МВД может внутри себя создать сеть производственных структур: строительные компании и отряды;

заводы, производящие простую продукцию, не требующую серьезной квалификации работников; логистические центры; коммунальные службы; а также предприятия, использующие квалифицированный труд по специальностям, которые имеют стабильно достаточное количество заключенных, — например, автокомбинаты или компании, осуществляющие аутсорсинг бухгалтерских услуг. В этой ситуации еще и прибыль предприятий будет в распоряжении системы. Поскольку степень личной свободы осужденных работников таких организаций будет неизмеримо выше, чем в учреждениях ГУИН, и работать они будут по своей специальности, уровень доходов их работодателей будет на порядки выше, чем сегодня у колоний от труда заключенных.

Безусловно, необходимо расширить список нарушений, караемых исправительными работами, и включить в него повторные административные нарушения. Скажем, третье за год нарушение ПДД — исправительные работы на 3 месяца, вождение в пьяном виде — на 3 года. И сами сроки таких работ сделать существенными, не меньше, а часто больше сегодняшних. Благодаря этому система получит в свое распоряжение как минимум заработную плату от 500 000–700 000 человек за вычетом их минимального содержания, то есть около 25 млрд рублей в месяц, 300 млрд рублей в год из нынешних 1,5 трлн рублей, выделяемых на систему в целом. Если еще ввести наказание исправительными работами за неспособность погасить взятые кредиты (при этом половина заработка будет отправляться кредитору, а половина — в бюджет правоохранения), то сумма может увеличиться еще на 25–30%.

Другое изменение законодательства должно касаться возможности выкупа за совершенные преступления и коммерциализации содержания под стражей. Данная система в извращенной и неудобной форме действует в развитых странах в форме освобождения под залог, но там обвиняемый, не желающий отбывать наказание, вынужден бежать, так как залог не освобождает от ответственности. В России можно ввести условия выплаты, освобождающей от ответственности. Исключением должны стать только особо опасные преступления — убийство

и нанесение тяжких телесных повреждений, сексуальные преступления против несовершеннолетних. Выплаты должны быть очень высоки, чтобы ответственность за преступления не выглядела слишком низкой. Конечно, эти выплаты не будут заменять компенсацию ущерба, так как пойдут не пострадавшим, а государству.

В России за год выявляется более 800 000 лиц, совершивших преступления малой и средней тяжести. Если только 5% из них станут прибегать к выкупу, чтобы избежать наказания (будут продавать недвижимость и автомобили, брать длинные кредиты на выкуп и так далее, а средняя цена выкупа составит 100 000 долларов), правоохранительная система будет получать еще по 280 млрд рублей в год. Нельзя также сбрасывать со счетов и сокращение количества заключенных в результате применения выкупа и исправительных работ — оно снизит расходы на пенитенциарную систему. А чтобы вообще свести расходы на содержание СИЗО, тюрем и лагерей практически к нулю, можно создать иерархию классов содержания под стражей: бесплатное по условиям не будет отличаться от нынешнего, зато за плату можно будет получить гостиничные условия разного уровня и дополнительные права (от доставки еды из любого ресторана до неограниченного доступа родственников и знакомых, дополнительного пространства для жизни). Можно также на коммерческой основе заменять предварительное заключение на домашний арест.

Отдельно следует модифицировать законодательство о возмещении ущерба. Во-первых, необходимо ввести материальную ответственность родственников по ущербу, причиненному осужденным. Это не только снизит уровень преступности (родственники будут следить друг за другом), но и существенно увеличит компенсационные выплаты, в том числе в случаях, когда причиняющее ущерб лицо, чтобы защитить свои активы, переводит их на членов семьи. Необходимо также ввести понятие морального ущерба обществу и прописать порядок определения сумм компенсации, которая пойдет в доход государству. Под причинение морального ущерба обществу будет попадать широкий спектр деяний — от преступлений, которые вызвали

негативный резонанс и тем самым повлияли на чувства общества, до публичных действий, вызывающих негативный эффект.

Желательно также ввести закон об обязательном аутсорсинге службы безопасности на предприятиях, а системе МВД–ФСБ создать централизованную сеть агентств по обеспечению безопасности (но не охраны, это прерогатива Министерства обороны, а аналога советского Первого отдела). Все юридические лица в стране могли бы быть обязаны выплачивать местному агентству-филиалу вознаграждение за обеспечение безопасности. В России сегодня 4,1 млн юридических лиц, более 60 млн работников. Даже выплата по 1000 рублей с работника в месяц даст не менее 720 млрд рублей в год; при этом, поскольку предприятия будут избавлены от необходимости иметь свою службу безопасности, их расходы практически не вырастут.

Расходы на инфраструктуру

Благодаря улучшению ситуации с рисками бизнеса за счет введения системы протекции, принципиального снижения налогов на доход и создания зон Тверского права государство сможет резко сократить расходы на инфраструктуру, в большей части предоставив бизнесу самому заниматься ее созданием и/или привлечением иностранных инвесторов. Тем не менее даже в этих условиях расходы государства на инфраструктуру останутся значительными. Сократить их можно за счет введения подорожной подати и государственной трудовой повинности (ГТП).

ГТП должна касаться всех взрослых граждан страны, не являющихся инвалидами, кроме находящихся в декретном отпуске, работающих на должностях, освобождающих от ГТП, находящихся в заключении или на исправительных работах. ГТП должна состоять в отработке 1/12 части рабочих дней (всего 20 рабочих дней в году) на инфраструктурных проектах государства либо оплате государству месячного стандартного содержания работника инфраструктурной компании (определяется ежегодно). На время ГТП работодатель будет обязан продолжать выплачивать работнику зарплату. Компенсировать

работодателю убытки можно сократить сокращением обязательного предоставляемого оплачиваемого отпуска до 14 рабочих дней в году и сокращением количества установленных государством выходных и праздничных дней со 119 до 113 в году.

Подорожная подать может взиматься со всех транспортных средств, например, через фиксированный налог на приобретение топлива конечными пользователями. Такой налог будет адекватно отражать инвестиции в развитие дорожной сети — чем больше будет дорог, тем больше топлива будут на них сжигать потребители. Там же, где прирост налога остановится, можно будет остановить и рост инвестирования в дорожную сеть.

Источники обогащения для привилегированных лиц

Существующий строй в России держится на лояльной многоуровневой иерархии чиновников, которые, почти как феодалы в Средние века, обеспечивают контроль лояльности и покорности закрепленных за ними географических, профессиональных и социальных зон, а также взаимный контроль. Безусловно, бюрократическая элита и ближний круг правителей должны иметь постоянные источники очень высокого дохода для того, чтобы сохранять лояльность и исполнять свои функции.

Количество привилегированных граждан можно очень приблизительно оценить в 20 000 человек (это соответствует примерно половине так называемых высших чиновников в России), разделенных условно на 10 уровней, с общим требуемым доходом около 2,25 трлн рублей в год (если считать, что один человек на первом уровне получает 500 млн долларов в год, а на десятом 10 000 человек получают по 500 000 долларов в год).

Эта цифра (около 15% федерального бюджета) кажется огромной, но на практике это всего лишь 2 годовые прибыли Газпрома. Самым эффективным способом формирования пула вознаграждения привилегированных лиц представляется создание системы кормления за счет крупных государственных предприятий. Если таких предприятий будет не хватать,

то можно национализировать ряд компаний, например, связанных с природными ресурсами. 50% прибыли этих предприятий можно будет направить напрямую на компенсацию для этих 20 000 чиновников. Помимо обеспечения их вознаграждения, такой механизм обеспечит прямую заинтересованность чиновников в улучшении показателей предприятий, участвующих в кормлении, что, несомненно, отразилось бы на их эффективности.

Медицинское и пенсионное обеспечение населения

Социальное обеспечение населения — существенная проблема для современного государства. Даже с учетом очень высоких ставок социальных сборов Россия не может свести бюджет социальных и пенсионных фондов не то что с прибылью, а хотя бы без масштабных вливаний напрямую из бюджета страны. В недалеком будущем в связи с сокращением трудовых ресурсов и старением населения социальной системе и вовсе грозит банкротство.

Единственным выходом из создавшейся ситуации будет коренное изменение самого подхода к социальному обеспечению. Для этого необходимо, как и в ситуации с финансовой ответственностью, ввести в юридическую практику понятия «родственник» и «семья» как совокупность родственников. Сегодня родственные отношения асимметричны — родственники имеют право на наследство, но не обязанность заботиться друг о друге (за исключением заботы о детях). Необходимо возложить заботу о пенсионерах, инвалидах и заболевших на плечи родственников, прописать в законе доли, в которых они обязаны финансировать расходы социально защищаемых граждан, и минимальные размеры такого финансирования.

Правительство может раз в год определять демографическое соотношение социально защищаемых и трудоспособных граждан, устанавливая объем выплат, которые каждый трудоспособный гражданин должен будет сделать на социальное обеспечение. Трудоспособные граждане, имеющие социально

защищаемых родственников, будут передавать средства непосредственно им и отчитываться о расходах в государственную инспекцию (а их родственники будут сдавать отчет о получении средств, соответствие отчетов будет проверяться). Те, у кого нет защищаемых родственников или объем обязательного финансирования меньше, чем норма отчисления в этом году, будут или находить себе опеку самостоятельно и подписывать с ними годичный договор социальной защиты (и так же сдавать 2 отчета), или выплачивать разницу государству, а оно уже будет использовать эти средства на социальное обеспечение одиноких социально защищаемых, которых никто не взял под опеку.

Обязательная часть такой политики — стимулирование брака и деторождения и дискриминация одиноких и бездетных трудоспособных граждан (они являются потенциальными одинокими стариками и инвалидами, о которых заботиться придется государству). Необходимо будет ввести существенный налог на бездетность, взимаемый начиная с 20–25 лет, в трехкратном размере при отсутствии детей, в двукратном размере при наличии одного и в единичном — при наличии 2 детей. Средства от этого налога будут аккумулироваться в системе социального обеспечения и впоследствии позволят государству защищать одинокого гражданина, когда он состарится, заболит или станет инвалидом.

Естественно, в такой системе нет места бесплатному медицинскому обеспечению. Все медицинское обеспечение должно будет перейти на страховую или чисто коммерческую основу. При этом для страхования одиноких неработающих или малообеспеченных граждан можно будет законодательно ограничить страховые тарифы — страховые компании учтут эти льготы через повышение тарифов для обычных граждан. Медицинское страхование также необходимо будет сделать обязательным, а субъектом страхования сделать семью в законодательном смысле этого слова, чтобы пожилые люди и дети автоматически страховались вместе с трудоспособными членами семьи. При этом вся медицинская система должна перейти на самокупаемость.

Расходы на образование, науку, культуру

Хотя в России общественная ценность образования, науки и культуры далеко не так велика, как в развитых странах, тем не менее необходимо поддерживать определенный уровень профессиональных знаний и технологических разработок, хотя бы для того, чтобы иметь возможность сохранять обороноспособность страны, работу экспортно-ориентированных отраслей и обеспечивать достойный уровень эксплуатации оборудования и недвижимости, используемых элитой. Более того, образование и культура — проводники идеологии, каналы консолидации общества и важные элементы системы построения правильного общественного сознания. Однако и в этой сфере расходы государства можно предельно сократить.

Во-первых, необходимо провести количественную ревизию системы образования. Нынешнюю бесплатную 11-летнюю программу для большинства населения можно сократить до 4 начальных классов, сделав продолжение обучения платным для всех, кроме небольшой группы самых способных учеников, отменив обязательность среднего образования. Можно сохранить бесплатное кадетское образование при условии дальнейшей службы в армии — это усилит офицерский корпус за счет притока желающих получать образование.

Высшее образование также надо сделать платным, с возможностью предоставления государственного кредита на него, с выплатой за счет работы на государственные учреждения по распределению в течение минимум 10 лет.

Кроме того, можно изменить статус всей системы образования и культуры, передав контроль над ними корпорации, которая будет рада использовать их для собственного продвижения, — Русской православной церкви (в отдельных регионах — центральному духовному управлению мусульман). РПЦ будет готова привлечь и вложить в образование немалые средства при условии получения такого влияния в обществе, которое приведет к росту количества прихожан и, соответственно, росту доходов церкви. Другие конфессии будут готовы последовать примеру РПЦ в ограниченном масштабе.

Эта идея может показаться рискованной, но стоит вспомнить, что в Средние века в Европе университеты появились и долго существовали именно благодаря церкви, точнее, необходимости подготовки большого количества образованных священников. В современных российских условиях РПЦ сможет параллельно с соответствующими изменениями в программах обучения существенно увеличить объемы финансирования научных, культурных и учебных учреждений и одновременно решить вопрос правильного воспитания учащихся.

Церкви можно также передать функции контроля и управления гражданским состоянием — ЗАГСы, архивы и так далее. Возврат к практике исключительно церковного брака, рождения и погребения позволит государству снять с себя и эту функцию.

Наконец, образование — это актив, имущество, эквивалентное по своей финансовой сути недвижимости или средствам труда. Поэтому логично будет ввести налог на образование: взимать большой налог с тех, кто имеет ученую степень, и поменьше с тех, у кого есть высшее образование.

Подобное изменение структуры финансирования разных частей бюджета сократит бюджетные расходы как минимум в 2–2,5 раза. Оставшуюся часть легко будет финансировать исключительно за счет доходов от природных ресурсов, даже при цене на них ниже, чем сегодня.

В целом эта программа решает основные задачи, которые стоят сегодня перед Россией. Во-первых, надежно защищает существующую элиту и закрепляет статус-кво. Во-вторых, открывает возможности для экономического развития и привлечения капитала в страну. В-третьих, формирует условия для развития предпринимательской инициативы и очевидный механизм мотивации — возможность попадания в аристократию будет подстегивать активность. В-четвертых, делает Россию — через механизм коммерциализации армии — другом всех богатых стран мира и частью глобальной системы управления планетой. И наконец, превращает все недостатки и язвы российского общества в достоинства и составные части прогресса.

Приключения русского ковбоя в стране сверхвозможностей

Если кому-то показалось, что я слишком пессимистичен относительно будущего России — это не так. На самом деле мы не знаем, что будет, — я говорил об этом в самом начале главы. История — женщина капризная и любит неожиданные повороты. Наше дело — стараться предупреждать об опасностях и бороться за то, чтобы общественное мнение было готово противостоять особенно деструктивным тенденциям. Вместе с тем стоит все же быть объективным — опасности (риски) часто идут рука об руку с возможностями. О возможностях — моя статья на «Снобе», написанная 20 августа 2014 года — казалась бы, в худшее время для такого разговора.

Отношение к риску у всех людей индивидуально. Одни готовы рисковать, чтобы получить больший доход, другие готовы получить меньше, но наверняка. Помимо этого есть еще так называемые любители риска — они из двух возможностей с одинаковым ожидаемым доходом выбирают ту, в которой риски больше. Поэтому во все времена и почти в любом обществе существовали первооткрыватели, пионеры, солдаты удачи и конкистадоры, и всегда было два вида эмиграции: одни ехали туда, где были новые возможности, на условный Дикий Запад (риски больше — ожидаемый доход больше), другие — туда, где было безопасно, в условную Европу (и риски, и доход — меньше). Самые предприимчивые и смелые ехали туда, где была ниже конкуренция, больше индивидуальная свобода, но и риски выше; самые осторожные — туда, где были более четкие правила игры, гарантии и традиции.

Почему Россия — Дикий Запад

В последние пару лет я слышал (и читал) от разных предпринимателей (родившихся в России или приехавших сюда) о том, что Россия — именно то место, где они хотят быть: конкуренция ниже, правил меньше, возможностей больше.

Другие (их больше), наоборот, говорили, что в России им некомфортно: риски выше, предсказуемости нет, правил нет. Можно было бы просто признать, что Россия проходит стадию Дикого Запада, и предложить этим двум группам не спорить — каждому свое.

Да, во всем, что не касается приобретения месторождений полезных ископаемых, конкуренция в России на порядок ниже, чем в развитых странах, — от предпринимательства в самых разных областях (особенно высокотехнологичных) до конкуренции за высокую должность — в бизнесе и в государстве: в то время, когда в развитом мире безработица среди менеджеров и профессионалов очень чувствительна, в России кардинально не хватает всех — от прорабов на стройке до директоров крупнейших компаний. Так что первый признак Дикого Запада налицо.

Конечно, в России и риски существенно выше, чем в Европе. И это касается не только рисков индивидуальных (риск быть убитым в России в 2,5 раза выше, чем в США, и в 10 раз выше, чем в Европе; риски ограбления, попадания в серьезное ДТП, неполучения или получения неэффективной медицинской помощи также существенно выше, чем в развитых странах), но и тех, что связаны с бизнесом. Надо только правильно понимать слово «риски»: величина их определяется не серьезностью предсказуемых последствий, а собственно возможностью последствия предсказать.

Мне как-то коллега доказывал, что в США риски финансиста больше, потому что там за нарушение правил проверки происхождения денег сажают в тюрьму, а в России никто на это не обращает внимания. Но попадания в тюрьму в США можно избежать, просто не нарушая этих правил — *compliance procedures*. В России же нет алгоритма, позволяющего избежать риска потерять деньги, бизнес и даже свободу: нет механизма эффективной защиты от клиента, который не оплачивает счет, особенно если этот клиент крупный, связан с властью или просто выходец из ФСБ; нет возможности сохранить бизнес, если ты — конкурент государственного игрока или даже частной компании, в которой есть интерес местного чиновника; не гарантирована

свобода, если кто-то (из личной неприязни или чтобы разрушить твой бизнес) решит «купить» уголовное дело против тебя. И тот факт, что многие бизнесы работают, конкурируя с государственными, многие клиенты платят и далеко не все «враги» проплачивают уголовное преследование своих недругов (в частности, ваш покорный слуга за 25 лет в бизнесе ни разу не встретился ни с атакой со стороны чиновников или государства, ни с попыткой завести на него «дело», а не желающих платить клиентов, заявляющих, что они «из ФСБ», видел всего пару), не отменяет высокого уровня таких рисков — случаи всем известны.

Риски этим не ограничиваются. Необязательность исполнения законов в бизнесе естественно превращается в необходимость их неисполнения: будешь законопослушным — проиграешь более гибким конкурентам. Когда-то в середине 2000-х я спросил владельца торговой сети, почему они большинство товаров таможат «в черную». Разве не лучше перейти к честной растаможке? Он мне ответил: «Во-первых, в этом заинтересована сама таможня, это их заработок. Откажемся — будут проблемы. Во-вторых, белая растаможка дороже. Мы тут же проиграем в цене конкурентам и разоримся». Я не берусь оценивать обоснованность данного заявления, но механизм у насильственной криминализации именно такой. Если кто-то может не платить налог, другие тоже не будут, иначе проиграют. Если кто-то даст взятку за подряд, все должны будут делать это — или не получают подрядов.

У этого есть обратная сторона: решая заняться бизнесом, человек автоматически берет на себя риск нарушения закона. Я говорил об этом с «важным человеком», который в ответ на мои слова о гонениях на бизнес, о тысячах сидящих бизнесменов сказал: «Ты что, думаешь, что они закон не нарушали? Я тебе скажу как на духу: ни одного, ну, может, почти ни одного [нет], которого посадили безвинно. Может, не в том обвинили, но всегда рыльце в пушку». Я думаю, он преувеличил и пытался обелить своих, но не был далек от истины. За небольшим количеством отраслей (в основном технологичных, интеллектоемких и не связанных с использованием нефинансовых активов)

бизнесы в России были где-то заражены, а где-то — поражены такого рода конкуренцией и вытекающими из нее рисками. Так что и второй признак Дикого Запада — риски — присутствует по полной программе.

Почему Россия — не Дикий Запад

При ближайшем рассмотрении Россия сегодня на Дикий Запад не вполне похожа. Например, с индивидуальной свободой дело обстоит несколько сложнее. С одной стороны, на микроуровне она очевидно больше, чем в развитых странах: регулирование намного слабее и намного легче обходится (в том числе за счет коррупции), административные правила вообще не считаются обязательными, морально-этические нормы бизнеса (такие как невозможность жесткого обмана клиента, недобросовестной конкуренции, участия в преступном бизнесе или использования коррумпированной власти в своих интересах) часто считаются уделом слабаков и дураков. С другой стороны, на макроуровне мы имеем два явления, напрямую противоречащих понятию свободы в версии Дикого Запада.

Во-первых, это наличие в стране контролирующей вертикали, которая контролирует не исполнение законов, а незыблемость своей власти и эффективность путей самообогащения. В результате (если только речь не идет о небольшом бизнесе, с невысокой маржой и отсутствием реальных активов, за которые можно уцепиться, чтобы бизнес отобрать или закрыть) свобода превращается в свободу служить вертикали, а широкое поле деятельности сужается до прямого взаимодействия с государственными структурами либо компаниями или работы в них. Немудрено, что за последние 5–6 лет многие яркие представители класса предпринимателей или менеджеров частного бизнеса перешли в квазигосударственные или напрямую государственные компании и даже стали чиновниками.

Во-вторых, наметилась стагнация и спроса, и предпринимательской активности — результат функционирования этой вертикали, которая создала неприемлемые для подавляющего

большинства риски, даже несмотря на фантастический по объемам поток денег, выручаемых за экспорт углеводов, которые обещают удачливым участникам огромные доходы. Российский рынок (с учетом низкой потребительской способности населения и государства и небольшого проникновения технологий) невелик и сокращается — внутри страны даже самым умным и связанным с властью бизнесменам не достичь размеров средней европейской или американской компании. Конечно, если это не компания, добывающая природные ресурсы, и/или не де-факто монополист. А при попытке выхода на внешний рынок появляется еще одна проблема: низкая конкуренция внутри страны снижает качество конечного продукта. Выход нашим компаниям на внешний рынок оказывается затруднен не только высокой стоимостью капитала (раз риски высокие, значит, и деньги стоят дорого), не только внешними игроками, которые умеют работать в условиях намного более жесткой конкуренции, но и банально несоответствием товара «для внутреннего употребления» мировым стандартам.

В итоге для классической «страны возможностей» России все-таки не хватает ни свободы деятельности, ни масштабов рынка. Соответственно, не стоит ожидать, что здесь произойдет то же, что происходило с пограничными финансовыми рисками исторически, то есть массовое появление лучших по устойчивости, инновационности и агрессивности (а значит, по темпам роста и марже) бизнесов. Напротив, на практике этот процесс сейчас идет в США, на крайне зарегулированном рынке, где уровень конкуренции зашкаливает. Оказывается, свобода действий на макроуровне и доступ к капиталу (и то и другое было на Диком Западе) важнее, чем низкая конкуренция и отсутствие регулирования.

Соответственно, потенциальным бизнесменам — любителям риска — совет: Россия — не Дикий Запад. Здесь большие риски не соответствуют большим доходам. Здесь все разделено: одним достаются в основном доходы, другим — в основном риски. Если знаете, как попасть в первую категорию, — вы не найдете страны лучше.

Путь русского ковбоя

Тем временем в России, на «Диком Западе лайт», родился новый вид ковбоя от бизнеса. Этот «ковбой» не борется с природой один на один, в схватке с редкими конкурентами: он действует наверняка, в союзе с государством — пользуясь не столько низкой конкуренцией, сколько возможностью получить монополию; не столько отваживаясь на риски, сколько минимизируя их за счет раздела бизнеса с государством или «государевым человеком». В последнее время эта стратегия, кажется, вытесняет любую другую: те из «потенциально избранных», кто еще не стал частью государственной системы распределения, активно воюют против конкурентов, требуя запретить их законодательно, и параллельно просят государство считать их бизнес «национальным провайдером».

Нет никакого противоречия в том, что один и тот же бизнесмен может любить Россию за «отсутствие правил и возможность дать взятку гаишнику» и хотеть быть «избранным государством»: сама идея «избрания» — очевидное беззаконие, а вместо правил тут действуют краткосрочные предпочтения того или иного чиновника внутри вертикали.

Россию, как всегда, не уложить в стандартные рамки. Но картина была бы не полной, если бы мы остановились на текущей ситуации. Рано или поздно, но где-то в этом столетии (и, надеюсь, еще на моем веку) ситуация может — и этого очень хотелось бы — кардинально поменяться. У России есть все, чтобы стать самым привлекательным рынком мира: ресурсы, пространства, образованное и готовое потреблять население, громадный дефицит инвестиций, отсутствие основных современных технологий, уникальные потребности в инфраструктуре, крайне низкая эффективность всего — от использования ресурсов до управления людьми. Демографическая ситуация в стране предполагает коренные изменения и в количестве, и в составе проживающих на ее территории граждан — без иммиграции десятков миллионов Россия просто не сможет существовать. А это — и взрывной рост внутреннего рынка, и появление огромных индустриальных и технологических

ниш. России с ее северными территориями будет нужен гигантский объем инновационного строительства, инженерии, весьма специфических коммуникационных и транспортных возможностей; масштабы страны (в силу транспортных издержек) будут в большинстве отраслей давать естественные преимущества местным производствам — главное, чтобы исчез удушающий эффект «феодальной» бюрократической вертикали.

А в это же время в США и Европе накапливаются условия для долгосрочного замедления. Долговую нагрузку надо распутывать — для этого инфляция должна превышать темпы роста ВВП. Социальная нагрузка на бюджеты, уже малоподъемная, по мере старения населения будет удерживать налоги на очень высоком уровне — параллельно со снижением реального эффекта социальных программ. По мере выравнивания уровня жизни в развивающихся странах и в странах развитых, в процессе образования в первых емких внутренних рынках, ноу-хау и технологии Запада станут менее востребованы, и их рыночная стоимость относительно стоимости производимых в развивающихся странах товаров снизится. Одновременно Китай скоро достигнет «уровня насыщения», скорость роста ВВП упадет, и дисбалансы роста совместно с опережающим ростом себестоимости (то, что мы уже начинаем наблюдать) снизят потенциальные доходы, заставив и предпринимателей, и капиталы искать альтернативы.

От этих процессов Россия может сильно выиграть — прежде всего предоставив ученым, менеджерам, предпринимателям и инвесторам, готовым принимать более высокие риски, комбинацию из низких налогов и реальной свободы деятельности. У страны уже была такая возможность на рубеже веков, и мы наблюдали зачатки того, что могло стать беспрецедентным притоком и финансового, и человеческого капитала. Развитие (несмотря на кажущийся рост до 2008 года, основанный на росте цены на нефть и накоплении спекулятивных денег в экономике) остановилось где-то в 2001–2004 годах. Ничто, кроме «вертикали», не мешает повторить этот процесс — и теперь в гораздо более выгодных условиях.

Россию еще ждет период, похожий на период послевоенного освоения «Дикого Запада» и великой либерализации в США, конечно, с поправкой на реалии XXI века. Россия имеет шанс стать страной супервозможностей и — в перспективе — настоящим мировым лидером, как это сделали Штаты после 90-х годов XIX века¹. Но это — уже другая история.

¹ Для полноты картины надо напомнить, что в США, которые в XIX веке были во всех смыслах отсталой страной, с 1830-х годов шла борьба Севера и Юга, и она привела к экономике протекционистских барьеров, вырождению капитала на Юге, Гражданской войне, разрушению экономики половины страны и крайне неэффективным реформам. И тем не менее США нашли возможности для взлета — именно за счет открытия страны, перестройки систем управления, либерализации и так далее. — *Прим. авт.*

Заключение

Где и как

**ТРУДНЫЕ ВЕЩИ, ИЛИ 19 МИФОВ
ОБ УСПЕХЕ**

**КТО ОСТАНЕТСЯ В РОССИИ?
ОТВЕТ МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ**

569

Как сказала одна молодая девушка в контексте разговора об экономике и политике, «ну вот, теперь со всем этим надо как-то жить». Сколько бы мы ни обсуждали общество и мир в целом, в реальности каждый из нас живет своей личной жизнью. Вопросы мифотворчества, трансформации демократий или ресурсной зависимости интересны, но куда важнее нам каждый день отвечать себе на куда более приземленные вопросы: «Как жить?», «Где жить?», «Что делать?». Завершить этот сборник мне хочется несколькими очерками на темы сугубо личные и прикладные, статьями, основанными на личном опыте — студента российского и американского университетов, ученого, бизнесмена, публичного деятеля, руководителя российских и европейских компаний, мужа, отца взрослых и не очень детей, сына своих еще не старых, но уже немолодых родителей — по поводу вышеуказанных вопросов.

Трудные вещи, или 19 мифов об успехе

Из всех премудростей, которым учат проповедники, наиболее частая и востребованная — обучение тому, «как достичь успеха». Пользуясь тем, что естественное стремление не очень умного и не очень деятельного человека — получить все дешево и быстро, эти проповедники предлагают незадорого (за цену книги, семинара или тренинга) купить у них универсальный золотой ключик к «успеху». Они скромно умалчивают, что «успех» — понятие очень личное, для каждого он свой и лишь для очень немногих — в большинстве своем травмированных натур — успех измеряется в двумерной системе координат, состоящей из общественного положения и количества денег на счету в банке. Да и этот успех вряд ли достигим на пути следования стандартным советам проповедников: почти никто из них самих, готовых за деньги учить своих легковерных апологетов, таким успехом похвастаться не может. Рецепты они черпают из популярных книг по психологии и детских воспоминаний о мудростях родителей — и адаптируют их до неузнаваемости, делая привлекательными для аудитории и выгодными для общества, которому необходимы (как ни цинично это звучит) потребители всего и вся — постоянно перерабатывающие, вечно неудовлетворенные, гонящиеся за славой и богатством путями, выгодными работодателям и политикам.

Одну такую проповедь я разобрал в статье для Slon от 22 января 2014 года.

Интернет неумолимо учит жить. От чтения «правил» — hard things to do, hints to success, советов успешных людей и прочего сводит скулы. «Успех» подразумевает достижение любой ценой навязанной извне цели, состоящей в получении материально-социального статуса. Основная логика: пересиль себя, чтобы обрести то, что ты обязан хотеть. Авторы советов сами не пробовали «преуспеть» — ни в соответствии со своими рекомендациями, ни другим способом. Потому что, если бы пробовали, наверняка знали бы: успех — не совокупность внешних достижений, а внутреннее состояние радости от себя и внешнего мира. Успеха нельзя добиться, меняя себя и мир вокруг, если это предполагает постоянный дискомфорт, компромиссы с совестью

и сегодняшними желаниями. И, напротив, успеха несложно достичь (оставим в стороне экстремальные обстоятельства), если строить свою жизнь по принципу «двигаться так, как я хочу, туда, куда я хочу».

Дэну Вальдшмидту удалось собрать в одном посте два десятка распространенных стереотипов — «сложных вещей, которые необходимо делать» (кому не лень, почитайте его сайт¹: поучительная история про проповедника, «продающего» то, чего у самого нет). Если поговорить об этих стереотипах, то можно вывести другой список 19 сложных вещей — из опыта действительно успешных людей. Не тех, которые известны, богаты, знамениты, а тех, которые здоровы, довольны жизнью, спокойны и веселы.

Нужно сделать тот звонок, который вы боитесь сделать. Секрет успеха в том, чтобы не доводить ситуацию до таких звонков. Не заводите клиентов, которые вам неприятны, — и дохода не будет, и нервы попортите. Не обещайте того, что не сделаете, — и не надо будет бояться звонить. И, конечно, не делайте неприятных вам «звонков» в самом широком смысле этого слова. Может быть, вы меньше заработаете, но точно будете чувствовать себя лучше.

Нужно вставать раньше, чем вы хотите вставать. Зачем — чтобы весь день плохо себя чувствовать? Маркс спал по 4 часа в сутки, потому что не хотел спать больше, а не потому, что заставлял себя. А Черчилль спал еще и после обеда — и это никак ему не мешало. Вставайте тогда, когда вам комфортно, вы все успеете просто за счет того, что, выспавшись, будете лучше соображать и быстрее действовать. Конечно, если вам комфортно спать по 18 часов в день, надо разбираться со здоровьем. Но уж точно не заставлять себя вставать рано!

Нужно сразу давать больше, чем вы получите в ответ. А если тому, кому вы это «даете», не надо «больше»? Единственный нормальный «обмен» — давать то, что вы хотите дать, и получать то, что контрагент **хочет** дать вам за это

¹ <https://www.danwaldschmidt.com/blog>. — Прим. авт.

(о «больше — меньше» речь вообще вести бессмысленно). Если это кого-то из вас не устраивает, меняйте контрагентов. Заставить себя «давать больше», чем хочешь давать, — значит создать себе хроническую депрессию, которая рано или поздно перейдет в агрессию. Ведь каждый дающий больше подсознательно ждет, что когда-нибудь ситуация поменяется на обратную. А она никогда не меняется!

Нужно заботиться о других больше, чем они заботятся о вас. Зачем? Чтобы дети выросли беспомощными эгоистами, жену начала раздражать ваша опека, коллеги привыкли списывать на вас ошибки и проблемы? Опять же — заботьтесь о других столько, сколько вы действительно хотите. Те, кому этого будет мало, отойдут от вас и найдут других. Те, кого это устроит, останутся с вами (если, конечно, вас устроит их отношение). Разумеется, есть вещи, которые вы должны делать: вы не можете не заботиться о своих детях и родителях, вы не можете наплевать на интересы других там, где ваши интересы пересекаются с их интересами, и так далее. Но это, опять же, не вопрос «больше — меньше», это вопрос соблюдения социальных правил. Вне таких правил вы должны быть абсолютно свободны. Результат, возможно, будет не идеален для вас, но точно адекватнее результатов всеразрушающей насильственной заботы. Древняя мудрость гласит: «Хороший отец не тот, на кого могут опираться дети, а тот, у кого дети умеют стоять твердо на своих ногах».

Нужно сражаться и тогда, когда вы уже ранены и окровавлены. Слава богу, мы с вами не берсерки, у нас есть разум. Для начала: вы должны бороться, только если цель действительно того стоит. А целей, заслуживающих борьбы, когда вы ранены и вам больно, совсем немного. Здоровье (свое и близких), свобода и безопасность (своя и близких) — вот, пожалуй, и все. Мир так устроен, что остальные цели не только не стоят кровавой борьбы — они не могут быть ею достигнуты. Более того, ресурс мирного, кооперативного достижения цели значительно больше, чем многим кажется. Но даже если договориться нельзя, а «цель оправдывает средства», великие сражения почти никогда не выигрываются в лоб. Тем более если вы

уже ранены и истекаете кровью, то есть боец из вас никакой. Остановиться, отойти, собрать силы вновь, поменять направление удара, использовать ранее не выявленные преимущества — вот что может принести победу, а совсем не борьба до последней капли крови. Войны выигрывают стратеги, а не безумцы.

Нужно сжиться с неуверенностью и тревогой, даже когда осторожная игра кажется умнее. Конечно, если хотите стать добычей тех, кто зарабатывает на ваших рисках. В реальном мире очень многие научились использовать «романтиков» в своих целях — брокеры, дающие плечо на «Форексе» и агитирующие за криптовалюты; врачи, предлагающие «уникальные методики»; политики, призывающие к революциям. Риски иногда надо брать, но только там, где это разумнее, чем их не брать, и ни в коем случае не наоборот.

Вы должны вести за собой уже тогда, когда за вами еще никто не следует. Только не надо забывать, что 99% таких лидеров так и заканчивают без единого последователя. Если вы уверены в своей правоте и, самое главное, хотите добиваться результата, совершенно не важно, сколько у вас последователей. Просто добивайтесь своей цели, объясняйте, уговаривайте, демонстрируйте людям выгоды вашего подхода или ориентира. Среди ваших визави найдется множество умных людей, если ваша идея чего-то стоит, последователи (а лучше — партнеры) обязательно появятся. Если же вам жизненно необходимо быть лидером, а ваша цель — толпы последователей, то вам надо к психотерапевту — разобраться в своих проблемах и избавиться от навязчивой идеи.

Нужно инвестировать в себя, даже если никто этого не делает. Даже если в вашем дворе, школе или офисе никто не инвестирует в себя, в большом мире это делают сотни миллионов людей, так что этот тезис бессмысленен. Инвестировать в себя надо хотя бы потому, что это интересно. И, конечно, потому, что иначе вы не сможете конкурировать с множеством людей, которые делают именно это. Но что такое «инвестировать в себя» — это существенно более важный вопрос. Прочитать на тысяче бессмысленных курсов у шарлатанов, преподающих банальности? Закупить сто костюмов, чтобы «выглядеть

прилично» при встречах? Купить «мазератти», чтобы никто не подумал, что вы — лох? Сделать пластическую операцию? Нет, конечно. Инвестиции в себя осмысленны только в двух направлениях: в здоровье и в умение мыслить. Все остальное — навязываемая рынком мишура.

Нужно не бояться выглядеть дураком, отыскивая ответы, которых у вас нет. Выглядят дураками те, кто ищет ответы в церквях, у экстрасенсов, площадных ораторов и продажных политиков. Те, кто ищет ответы всерьез, не жалея времени и усилий, не подгоняя реальность под свои желания, объединяясь с профессиональными, вдумчивыми, порядочными «соискателями», те, кто понимает, что простых ответов не существует, никогда не выглядят дураками. Если вы выглядите дураком, ища ответы, — значит, вы их не там ищете.

Нужно погружаться в детали, даже когда проще от них отмахнуться. Да, если вы конструируете космический корабль или собираете пазл. Но чаще всего детали сбивают, не дают осознать главного, размывают понятия. Вспомните, в Заповедях нет никаких деталей. «Да, но...» — очень вредный способ и мышления, и действия. Как раз умение вычленять главное и отбрасывать второстепенное позволяет быстро и эффективно действовать.

Нужно всегда давать результат, даже если можно найти повод этого не делать. И так каждый день? Всю жизнь? А зачем эти результаты, если вам очень хочется найти оправдание отказу от них? Этот принцип — прямой путь к бессмысленной тягостной работе. Я бы руководствовался другим принципом: никогда не делайте того, что можно не делать (если, конечно, вам не доставляет удовольствие сам процесс). Удивительно, насколько эффективнее становятся и люди, и компании, когда они фокусируются только на действительно важном, отбрасывая 80% «результатов» и 90% действий, успешно находя «оправдание», почему их не надо делать.

Нужно искать собственные объяснения, даже когда вам говорят, что стоит просто признать факты. Этот принцип — любимый у шарлатанов и неучей, которым лень выучить урок и проще придумать «свое объяснение». Ни Эйнштейн со своей

теорией относительности, ни Дарвин с теорией естественного отбора не занимались выдумыванием своих объяснений. Они как раз обладали способностью принять известные факты, которые противоречили существовавшим теориям, и создать теории, которые эти факты объясняли. Так что принимайте факты; не позволяйте себе их игнорировать; и помните, что в 99,9% случаев в мире уже есть объяснение этим фактам. Чтобы войти в историю не автором теории о мировом еврейском заговоре, а создателем чего-то более полезного, фокусируйтесь на том, в чем вы действительно стали профессионалом — одним из немногих. В остальных областях принимайте профессиональные объяснения.

Нужно совершать ошибки и выглядеть идиотом. Ошибки неизбежны. Делаящий ошибки не выглядит как идиот, если учится на них. Так что правильный принцип звучал бы так: не делайте идиотских ошибок, не делайте одну и ту же ошибку дважды, и вы никогда не будете выглядеть идиотом.

Нужно пытаться, терпеть поражение и пытаться снова. Это сумасшествие. Одинаковые действия приводят к одинаковым результатам. Надо пытаться. Если не получается — пытаться по-другому (или — другое). Это российская власть уже сотни лет все пытается и пытается, и все так же и так же. На успех не похоже.

Нужно бежать быстрее, даже когда вы задыхаетесь. Ну, если только за вами бежит стая волков или вам непременно надо умереть от инфаркта. В реальном мире, если так бежать, невозможно ни осознать, куда и зачем бежишь, ни получить от этого удовольствие. Наоборот, если чувствуете, что теряете дыхание, — даже если кажется, что вот-вот опоздаете и потеряете все, — остановитесь и оглянитесь. Очень может быть, что вы бежите не туда.

Нужно быть добрым к людям, которые были с вами жестоки. Быть добрым к людям — универсальное правило. Но от людей, которые были к вам жестоки, лучше все-таки дистанцироваться (конечно, ответная жестокость никогда не будет эффективной). Так что правило, скорее, должно гласить: «Будь добр не со всеми, но с теми, кто добр к тебе».

Нужно выполнять даже неразумные дедлайны и выдавать несравненные результаты. Неразумные сроки порождают некачественное исполнение. Ни одно великое дело в мире не делалось на скорость. Напротив, в СССР практика «кратчайших сроков» и «догоним и перегоним» приводила к страшным катастрофам и была одной из причин гибели прикладной науки и машиностроения. Очевидно, что потери времени вредны. Но 90% потерь вызваны тем, что вы делаете ненужные дела, а не неторопливостью в исполнении нужных. Разумный принцип: «Никогда не торопитесь, делая важное дело, никогда не тратьте время на дела ненужные».

Нужно нести ответ за свои действия, даже когда все идет не так. В современном мире, где казнят далеко не везде и только за убийства, «ответственность за свои действия» стала распространенной формой самообмана и даже прикрытием для безответственных поступков. «Можете меня уволить!» — достаточно основание считать себя крутым и ответственным даже при совершении глупостей. Но разве это может нивелировать их последствия? Правильнее сказать иначе: «Думайте, что делаете, — почти всегда вам в реальности нечем ответить за последствия своей ошибки».

Нужно двигаться вперед, туда, где вы хотите быть, и не важно, что перед вами сейчас. Это звучит странно, особенно если добавить, что движение туда, где вы хотите оказаться, — это совсем не обязательно движение вперед, а преграда, стоящая перед вами, может оказаться физически непреодолимой. Но для начала надо бы задать вопрос: как определить, где вы хотите быть? Стоит ли слушать свои капризы и фобии, с готовностью соглашаться на навязываемые медиа, обществом или собственными комплексами цели и потом убиваться, преодолевая то, «что перед вами сейчас», только чтобы или погибнуть, или разочароваться, добившись цели? Значительно важнее было бы научиться осознавать себя, формулировать свои истинные цели — то есть те, которые, будучи достигнутыми, принесут вам стабильно высокое качество жизни. Путь же к таким целям очень часто оказывается достаточно простым: как раз из-за того, что это — не избитые,

навязанные одновременно всем ориентиры, а ваши личные приоритеты.

Жаль, но, если выполнять все приведенные принципы Вальдшмидта, вряд ли когда-нибудь окажешься там, где действительно хочешь. Зато с большой вероятностью будешь вечно нестись «от цели к цели» с толпой таких же обреченных на погоню за фетишем, предложенным средой и модуляторами общественного мнения, в толпе верящих в скорое счастье, а пока глотающих прозак или водку, забывающихся в спорте, охоте, сексе и баталиях в Facebook, все меньше ценящих свою жизнь и все больше за нее цепляющихся «успешных» индивидуумов.

Кто останется в России?

Если про «как» учат слишком многие, то «где» — вопрос, ответ на который каждый должен находить сам, готовых рецептов нет. Вопрос «Надо ли ехать?» для России традиционен, документированно задается он как минимум уже 300 лет, но известно, что и до этого из Руси уезжали (и на Русь приезжали), и удивительны были истории и первых, и вторых. В какой-то момент в 2015 году Slon даже развернул дискуссию — многие известные колумнисты высказывали свои мысли на эту тему. Высказал и я. Правда, статья у меня получилась скорее не про «Надо ли ехать?», а про то, как устроена жизнь в России и как можно ее устроить себе вокруг России как страны. Статья называется «Кто останется в России?», но более точным ее названием было бы «По следам Киплинга. Кто интересуется жизнью в колонии?»

Интеллектуальная элита России втянулась в обсуждение вопроса «Стоит ли жить на Руси?». Народ, который не обременен альтернативами, традиционно безмолвствует и с печи не встает, делясь не на «стоит» или «не стоит», а на «да, может, и плохо, но так и надо» и «ой, как же плохо». Штатные и внештатные пропагандисты со всех сторон и подпевалы по убеждениям, громко повторяющие бессмертные крики насаженного на вилку Фридрихсена из «Убить дракона» «Ой, так еще лучше, ой, теперь

совсем хорошо!» или кричащие голосом крупного попугая «Все пропало!» по любому поводу, — не в счет.

Занимательно, что лидеры спора — и те, кто приводит «15 причин жить в России», и те, кто приводит столько же доводов за немедленную эмиграцию, — понимают под Россией юго-западную ось Москвы вплоть до 35-го километра Новорижского шоссе, а под «жить» — небольшой диапазон видов активной бизнес-деятельности, у «сторонников» и «противников» жизни в нашей стране не пересекающийся (диапазон «сторонников» — от активной помощи провластным олигархам в зарабатывании денег из бюджета до денежной работы на иностранные компании, диапазон «противников» — от независимого бизнеса до высокопрофессиональной деятельности). Если подходить системно, то вопрос повестки дня на собрании интеллектуалов звучит так: «При каких свойствах личности пространство Хамовники — Новая Рига больше подходит для жизни, чем (на выбор) Далич — Нью-Кенсингтон или Лез-Альер — Акасия или даже Парк-Слоуп — Трайбека». В целом есть подозрение, что сам вопрос интересует примерно 1% населения России и для подавляющего большинства этого 1% он не критичен — ну, здесь пожил, ну, там проживем.

И эта, с позволения сказать, статистика наводит на аналогию, которая при подробном рассмотрении оказывается очень точной.

Один великий писатель так описывал общество, в которое ему довелось попасть: «Все ужасно заняты. [Здесь] стареют быстро, и мне не раз доводилось видеть молодых людей с морщинами на лице и с сединой на висках. Когда сидишь за обеденным столом, мужские лица поражают решительностью и энергичностью — особенно лица молодых людей. Здесь никто не ведет светских бесед. Все здесь работают и говорят о работе. Мало кто из живущих [здесь] довольны собой, хотя работа — опять работа! — вызывает у них неизменный энтузиазм.

[Говоря об их отношении к стране] Вы ведь знаете, что ответил моряк на вопрос проповедника, любит ли он свою профессию. Моряк... сказал: “Как не любить! Приходится, черт возьми!” Простые местные жители унижительно зависимы, все

приходится контролировать, иначе будет сделано кое-как. Качеству местных товаров решительно нельзя доверять.

[Сюда] стремятся очень многие и многие из тех, кого я узнал, решительно не хотят возвращаться отсюда. И все же, если вам удастся уговорить какого-нибудь молодого человека сюда не ехать, Вы сделаете доброе дело».

Писатель этот — Редьярд Киплинг. Он описывает жизнь тонкой прослойки англичан-колонизаторов в Индии.

Пожалуй, именно «колонизаторами» можно назвать спорящих о России интеллектуалов; пожалуй, именно колонией выглядит сегодня Россия. Как еще охарактеризовать страну, основа экономики которой — вывоз природных ресурсов, зависимость от развитых стран тотальна, элита не инвестирует обратно в страну, стремится отправить из нее детей и семьи, а система управления архаична, тоталитарна и неэффективна? Единственное отличие от Индии XIX века в том, что Индия была колонизирована извне, британцами; Россия же колонизирована изнутри, и роль британцев играет вчерашняя советско-хозяйственная элита в союзе с «силовиками» и легкой примесью «новых русских» из числа старых комсомольцев и так называемых экспатов, по большей части — детей еврейских эмигрантов в США из 1980-х.

В любой колонии, если по вертикали откладывать комфорт финансовый, а по горизонтали — морально-психологический, в северо-восточном углу (полного комфорта и достатка) окажется властная элита и «олигархи», ее обслуживающие (собственно, они и являются хозяевами жизни в колонии, и их все устраивает), а также обслуживающие олигархов экспаты (им наплевать на то, что происходит в стране, главное — заработать), ну и рантье (в колониях доходность выше, налоги ниже, стоимость жизни тоже ниже, а стиль — значительно более «барский»: в метрополиях такие рантье ходят в джинсах в кино и ездят на С-классе, а в колониях они в смокингах ходят на приемы и возит их шофер на S-брасе). В северо-западном углу (богато, но противно) расположатся продажные политики и деятели искусств (им много платят, но чувствуют они себя не лучше проститутков), чиновники среднего уровня (они за возможность

воровать и отжимать платят постоянным страхом и унижительными отношениями в иерархии) и местные профессионалы вместе с независимыми предпринимателями, востребованные властными и провластными бизнесами (им тоже щедро платят, но моральный климат их, как правило, раздражает). В юго-восточном углу (бедно, но весело) окажутся мелкие чиновники, граждане с комплексом иждивенца, те, кто боится перемен (они будут довольствоваться малым и ценить его), и масса внушаемого населения (их бедность и бесправие компенсируются великими идеями, которыми снабжает их колониальная пропаганда). Наконец, в юго-западном углу (все плохо) окажутся «невнушаемые, бескомпромиссные и независимые» (таких наберется процентов 10 от общества); инвалиды, люди из маргинальных страт; «свободные художники». В середине (в нейтральной точке) окажется некий средний класс: низший менеджмент госкомпаний, иностранных компаний и так далее. В целом распределение по квадратам, насколько можно судить по смеси разных опросов социологов, выглядит примерно так: ЮВ ~ 70%; ЮЗ ~ 30%; СВ ~ 0,03%; СЗ ~ 0,07%; «Ноль» ~ 0,9%. Цифры, конечно, условные и несколько разные для разных современных «колоний», но порядок такой.

Спор можно было бы на этом и остановить: обитатели северо-восточного квадрата имеют веские основания хотеть и мочь оставаться; обитатели юго-западного имеют основания хотеть уехать, но в большинстве своем не могут. Обитатели северо-западного остаются или уезжают, но не спорят на эту тему — чего болтать-то? Обитатели юго-восточного вообще не понимают, о чем речь. 0,9% находящихся в нуле на повестке дня имеют вопрос — в какой квадрат им придется (или удастся) двигаться, вопрос об отъезде они будут (если будут) решать потом.

Но есть нюанс. Я много разговаривал с апологетами проживания «в России» (на самом деле — в Хамовниках, на Патриарших, Университете или Новой Риге). Все их аргументы заканчивались на моем вопросе: «И что, навсегда?» — «Ну... — говорили они, — как навсегда? Нет, конечно, в старости... Нет, ну дети, конечно, уезжают учиться, и наверное... ну в старости-то, конечно, Европа, США или еще куда... все же лечиться,

да и воздух, да и еда, да и... Но, конечно, не сейчас — здесь же так здорово, пространства, друзья, рестораны, работа, деньги такие большие, налоги низкие, правил нет — делай что хочешь, взятку можно дать кому угодно, прислуга дешевая, здесь мы крутые, здесь мы всем нужны...»

У англичан в Индии были британские паспорта. Многие любили Индию, но возвращались на склоне лет в старую добрую Англию — в свои домики, к яблоням в цвету, в туманы и прохладу, к законам и порядку, «цивилизации и культуре». Они ностальгировали и заводили индийскую прислугу. Все в порядке — в крупнейших центрах мира предложение русскоязычной прислуги вполне соответствует спросу. Наши колонизаторы тоже смогут ностальгировать, когда чуть постареют и все же (дети же, и климат, и воздух, и медицина) будут уезжать. Так что ответ на вопрос у всех спорящих более или менее один, и рассудит их, как обычно, время.

Вот только не поймите меня неправильно — я совсем не утверждаю, что из России уедут все, кто сможет. Конечно, нет. 99% населения с места не сдвинется, и достойных, талантливых и небезразличных останется достаточно. Просто для остающихся Москва не ограничивается элитным жильем и стильными ресторанами, а Россия — Новой Ригой и качество дела меряется не только доходом. Эти люди просто не ставят знак равенства между «лучше» и «удобнее». Для них важно быть «на родине»; говорить на своем языке; иметь возможность делать свое дело здесь и сейчас, принося пользу тем (или получая восхищение от тех), к кому привык и привязан с рождения. С точки зрения нормального интеллектуала (и моей — тоже), все такие люди — фрики, не вполне нормальные. Но на таких людей надежда России.

Потому что когда-нибудь (скорее раньше, чем позже) наша карго-империя окончательно разлезется по швам. Европа перестанет покупать газ, а цена на нефть рухнет, да и добыча упадет; оборудование обветшает, а новое не будут завозить; технологии в мире уйдут далеко вперед, а наши как были на уровне 1980 года, так и останутся. И в этот момент сами собой испарятся и злые гении из элиты (потому что больше нечего

воровать), и последние добрые умники из экспатов и местных выскочек (потому что больше не на чем зарабатывать), и власть будет лежать под ногами никому не нужная, а стране надо будет как-то жить — есть, учиться, лечиться, что-то носить, на чем-то ездить и при этом еще каким-то чудом избежать братоубийства, которое почти всегда случается в колониях, брошенных колонизаторами по факту истощения ресурсов. Может быть, тогда страну удастся спасти именно этим фрикам — тем, кто знает, что выгоднее уехать, но не ищет выгоды (хотя бы в этом смысле). А интеллектуалы-спорщики им потом помогут — важно первые несколько лет продержаться, вытащить на себе, а когда запахнет возрождением, уехавшие потянутся обратно: зарплаты станут хорошими, доходность большой, жизнь все еще будет дешевой, и стать крутыми будет так же легко, как и сейчас.

Ответ молодому ученому

А эта статья, опубликованная в Slon 31 марта 2015 года, уже совершенно конкретная, адресованная конкретному человеку, фактически ответ на вопрос «Что делать?». Можно считать ее куском моего катехизиса, и именно им я бы хотел закончить эту книгу — потому что надо же заканчивать чем-нибудь практическим и полезным, а не пустыми разговорами.

Мой старый (хотя в два раза меня младше) знакомый — талантливый молодой человек, ученый-физик, прислал в Facebook вопрос:

«Что, по вашему мнению, может в текущей ситуации сделать простой человек, который хотел бы что-то изменить? Сейчас я у многих либеральных публицистов (пардон за ярлык) читаю, что Россия идет к чему-то нехорошему, прям к катастрофе какой-то. Казалось бы, надо делать что-то здесь и сейчас, только непонятно что. В последние полгода я все больше убеждаюсь в том, что сделать ничего нельзя и что надо бежать из этой страны куда глаза глядят. Только что незавершенная диссертация и хороший научный коллектив держат».

Кажется, большинство молодых и не очень профессионалов и ученых в России (исключая, наверное, специалистов таможенного дела, государственного управления и вопросов национальной безопасности) задаются аналогичным вопросом. Может быть, мои мысли на тему помогут кому-то определиться.

Начну с того, что ответ на подобный вопрос уже сегодня занимает тысячи страниц. Формулировался он много лет, рассредоточен по трудам сотен великих философов, писателей и поэтов. Он в явном виде встречается в Библии, обсуждается философами Древней Греции, проскальзывает у Плиния Старшего. Его комментирует Раши, говорит о нем Баал-Шем-Тов, и с позиций «естественного права» изучает Борух Спиноза. Шекспир сводит его к одному монологу, а Фейхтвангер пишет о нем десяток романов. Лев Толстой предлагает на него ответ и сам его отвергает.

У этого вопроса несколько аспектов. Во-первых, аспект эгоистический. Никому, кроме спрашивающего, а часто и спрашивающему, не понятен до конца сам автор вопроса. Кто он — тот, кто решает для себя, «стоит оказать сопротивление» или «лучше жить в глухой провинции у моря»? Чего он хочет на самом деле? «Забиться и заснуть»? «Бури»? Насколько вопрос подразумевает (используя терминологию, близкую специалистам в естественных науках) **максимизацию функции полезности спрашивающего индивидуума**, настолько ответ на него может дать только сам спрашивающий, чаще всего — после серьезного самоанализа и, возможно, даже прохождения специфической психотерапии, раскрывающей реальные запросы.

Ответ по-еврейски, вопросом на вопрос, может звучать так: «А вы сами чего хотите?» Вы на самом деле хотите заниматься наукой? Тогда стоит отправляться туда, где вы видите больше возможностей для работы, больше контактов с продуктивной научной средой, больше финансирования науки, больше свободы в исследованиях, — там вы сделаете для мира больше. А может быть, вы хотите славы, хотите бороться, хотите чувствовать себя героем? В этом случае стоит оставаться в России и заняться активной общественной деятельностью — в стране, где можно эффективно делать науку, герои не нужны. Или,

может быть, для вас ценнее всего родной язык, друзья детства, которые никуда не уедут, улица, на которой вы жили? Тогда почему не работать спокойно? По крайней мере пока на улицах нет танков, а по квартирам не ходят штурмовики, отлавливая инородцев, геев и демократов? Да, вы меньше сможете сделать в науке, зато не расстанетесь с тем, что дорого.

Второй аспект вопроса: что на самом деле вас больше волнует — процесс или результат? Все вышесказанное относилось к процессу. Жизнь, вообще говоря, это тоже только процесс. Самое большое наслаждение нам доставляют процессы, даже если результаты приносят неприятности: великолепная опера, богатое вино, научное исследование, игра в футбол, секс — а во все не позднее возвращение домой, похмелье, ученая степень, потная майка или случайная беременность делают нас счастливыми. Но тем не менее результат важен, и поэтому вопрос «А что изменит моя деятельность?» тоже должен быть обсужден.

На этот вопрос и ответить легче. Экономика уже неплохо изучила исторические закономерности и с уверенностью констатирует: в истории человеческого развития существует один фактор, который многократно превышает по своему влиянию все другие. Этот фактор — наука. Если вы называете прогрессом улучшение качества и продолжительности жизни людей, то вы будете удивлены, увидев, насколько кроме науки в этом вопросе ничего не имеет значения. Мы с вами можем с грустью констатировать, что средняя продолжительность жизни в России сегодня на 13% меньше, чем в США, — и это, видимо, следствие наличия развитой демократии в Штатах. Но в 1800 году средняя продолжительность жизни в США (да и в Европе) была в 2 раза ниже, чем сегодня: 200 лет развития науки удвоили продолжительность жизни, то есть сделали для всего мира в 8 раз больше, чем 200 лет развития демократии (которая тоже стала следствием развития науки) в США — для Штатов.

Конечно, и сегодня есть Руанда или Свазиленд, где люди в среднем живут менее 40 лет, а научные достижения как будто не могут пробиться на их территорию. Наука не напрямую влияет на качество и срок жизни людей. Наука там, где ее плодами пользуются, двигает вперед экономику. Экономика изменяет

отношения в обществе, меняет идеологию и само общество. Научные достижения транслируются не только в появление смартфонов или электрочайников, но в самую суть нашей жизни. Я не буду вдаваться в подробности, описанные в классических работах по истории экономики, просто приведу примеры: изобретение водяной мельницы и удобрений остановили средневековые войны в Европе; причина того, что Китай сегодня выходит из средневековья, это изобретение электродвигателя 125 лет назад и фитнеса 60 лет назад; огромный вклад в снижение преступности в мире внесло появление латекса; изобретение паровой машины победило рабство в США, а паровоза — обеспечило Штаты функционирующей двухпартийной системой и развитой демократией.

Список можно продолжать бесконечно, и чем дальше вы будете заходить, тем яснее вам будет — не лидеры, не движения, не герои меняют жизнь народов к лучшему: это делает наука, трансформирующая экономику и общество — лидеры и герои появляются «вовремя», создавая «лицо» перемен, но не являясь ни их авторами, ни их причиной. Верно и обратное: деградация науки — и особенно деградация экономики — меняет жизнь к худшему, и никакие герои не могут этому процессу помешать.

12 лет назад рост цен на нефть на мировом рынке позволил России построить атаквистичную и примитивную ресурсную экономику. В рамках этого «строительства» шла активная деградация не только социальных, но и научных институтов. Пока нефть (даже упав в цене сегодня) обеспечивает наш торговый баланс, никакой лидер, никакой гений или герой не в силах оттащить народ от кормушки, через которую идет раздача государством объедков с нефтяного стола, и от поилки, через которую льется патриотическая «водка». Это сделают другие — или группы инженеров, опирающиеся на несколько научных достижений (аккумуляторы быстрого заряда и высокой емкости); или прорыв в эффективности сланцевой нефтедобычи; возможно — ториевый двигатель; может быть — управляемый синтез; или все это вместе. Но нефть упадет в цене так, что не будет хватать на раздачу, и страна вдруг сама собой изменится — как это произошло в 1985–1990 годах. Что 25 лет назад так повлияло

на советское общество, которое в 1968 смогло вывести только 7 человек на Красную площадь в знак протеста, а в 1990-м вывело по 3 млн на Манежную? Цена на нефть в сочетании с истощением экономики СССР гонкой вооружений, больше ничего.

Я бы не доверял рассказам политиков и общественных деятелей, которые утверждают, что ваше включение в их игры может изменить мир. Политика — это почти всегда борьба безумцев с подлецами за счет дураков. Если вы не безумец и сознательно не хотите быть подлецом — я бы советовал держаться подальше от политики и всего, что с ней связано: и потому, что это очень грязное дело, и потому, что оно в конечном итоге бесполезно — как я уже сказал выше, все решает состояние экономики, определяемое, в частности и в основном, уровнем развития науки. Я думаю, что вывод достаточно однозначен: вы наиболее эффективно изменяете мир к лучшему, занимаясь наукой (и/или всем, что связано с внедрением и распространением знаний и научных изобретений), делая это там, где вам комфортнее всего и где ваши занятия наиболее продуктивны.

Возможно, вам покажется, что ваша научная работа не имеет сегодня прямой прикладной ценности или никак не способна повлиять на жизнь людей (в мире или в России). Хочу вас заверить, что вы не можете этого знать. Герц, изобретатель радиоволн, умер с уверенностью, что совершил чисто академическое открытие, которое не имеет практического применения. Джон фон Нейман полагал, что миру нужно всего 5 компьютеров. Хегох создал графический интерфейс в качестве курьеза и установил его в музее. Коль скоро вы занялись наукой, не вам решать, важна ли ваша работа. Вы, скорее всего, никогда не узнаете, насколько масштабным станет применение ваших открытий — но вероятность того, что они будут востребованы и важность их превысит многократно потенциальную важность вашей социальной активности, — 100%.

Еще один аспект вопроса, это кому вы хотите приносить пользу своими действиями. И тут, на мой взгляд, есть ряд ловушек. Как много тех, кому вы хотите помочь? Это ваши родные? Друзья? Ваш народ? Ваша страна? Весь мир?

Я полагаю, что ваши родные и друзья хотят, чтобы вы были в безопасности и счастливы. Это возвращает нас к первому

аспекту вопроса. Сами же ваши родные и друзья ответят на тот же вопрос для себя, и сами будут отвечать за этот ответ. Кто-то уедет. Кто-то останется. Это уже не ваш вопрос.

Может быть, вы хотите принести пользу народу? Но кто это — ваш народ? Жители России? Чего они хотят — чтобы вы вступили в борьбу? За что?

Не забывайте, что все люди разные. Мы живем в пространстве своих метамемов — культурных «шорткатов», мифологем, усвоенных нами в качестве импринтов от родителей, среды — выработанных нашими фобиями, обусловленных нашей самооценкой и объективным положением в иерархии. Мы готовы умереть за одно и ненавидим другое — но на практике нет «истины», есть лишь более или менее общепринятые метамемы. Не верите? Тогда объясните, чем отличается французский поцелуй от плевка в ваш чай? Почему 100 лет назад в Лондоне забирали в полицию женщин в брюках? Знаете ли вы, что чулки придуманы для мужчин, серьги 300 лет назад в Европе были символом мужественности, а в Древней Греции (которая превосходила соседей и по рождаемости, и по продолжительности жизни, и по боеспособности) мальчик-подросток, не имеющий гомосексуальной связи с взрослым мужчиной, считался асоциальным?

Кто мы на карте метамемов? Мы ратуем за экономическое процветание, здоровье и долголетие, свободу перемещения, равенство и главенство закона. Мы поддерживаем стремление к взаимной выгоде, помогаем более слабым, ценим плюрализм мнений и возможность дискуссии, право на правду и свободу слова, порядочность и ответственность. Все это — неполный список метамемов, которые принимаются нами с вами в качестве необходимых и желаемых. Ради них мы жертвуем свободным временем, вкусом еды и ощущением эйфории, безопасностью, возможностями дополнительных «дивидендов» от дискриминации более слабых или менее хитрых; мы загоняем внутрь и блокируем свою естественную агрессию, инстинкты конкуренции, ограничиваем желания. Мы верим, что такое поведение не только приятно, но и полезно нам и обществу. Это так при одном условии: общество должно разделять нашу мораль, выраженную в вышеперечисленных метамемах.

А если социум не разделяет нашей морали? Если необходимые ему метамемы звучат совершенно по-другому? Что, если ему хочется прежде всего сознания общности и ощущения безопасности в тени силы? Что, если самые страшные для нас чувства — угрызений совести, унижения, предательства — для общества сегодня легко переживаемы, а необходимые нам открытость, личная ответственность, сострадание для основной массы наших соотечественников как раз непереносимы? Что, если без удовольствия, сопряженного с неконтролируемым поведением, без удовлетворения садо-мазохистского комплекса, без возможности выброса агрессии сегодняшнее российское общество не может существовать: так же, как мы — без собственного достоинства и личной свободы?

Вы скажете, что наш «способ жизни» ведет к процветанию и долголетию, а «их» — к разрухе и опасностям. И вы абсолютно правы. Но где в метамемах большинства россиян вы нашли стремление к процветанию и долголетию и почему оно там обязано быть? Это наши, а не их ценности. Более того: где, как не в разрухе, так явно можно удовлетворить и стремление к общности, и комплекс силы, и садо-мазохистские тенденции? А согласие променять эффективное здравоохранение и личную безопасность на торжество военных побед над соседом с точки зрения «объективного наблюдателя» ничем не глупее согласия променять возможность украсть миллионы на сохранение собственного достоинства и чистую совесть.

Вы считаете, что общество ошибается и ему надо измениться? Будете помогать ему насильно? Вы знаете много примеров такой успешной «помощи»?

Есть еще такое понятие, как «помощь стране». Но что такое страна? Не более чем территория, обозначенная сегодня так, а завтра — иначе. Вспомните — границы большинства стран мира стали похожими на современные только около 50 лет назад; возраст таких государств, как, например, Италия или Германия, — меньше 200 лет; а США и Великобритания — пожалуй, единственные крупные страны, которые за последние 100 лет не поменяли по нескольку раз формы правления, идеологию, и общепринятую мораль. Что такое Россия, которой вы

собрались помогать? Часть поверхности земного шара, в которой за 100 лет базовые понятия «хорошо» и «плохо» менялись местами 8 раз, а сегодня население окончательно спутало «родину» с «Вашим Превосходительством»? Какой стране вы будете приносить пользу? Той, которая в 2008 году верила, что США — друг, или той, которая в 2015 году верит, что США — враг? Может быть, той, которая году к 2020-му снова поверит, что НАТО — наши друзья, а к 2030-му в НАТО вступит? Или вдруг той, в которой к 2030 году будет идти гражданская война, а половина территории будет оккупирована Китаем? Страна — это иллюзия, придуманная теми, кто готов использовать вас в своих интересах, закрыв ваши глаза и заткнув уши бархатным знаменем с бахромой. Никому, кроме них, вы не поможете, «принося пользу стране», как они от вас ждут.

Я верю, что помогать эффективно можно только и исключительно конкретным людям. Если хотите, это суть теории малых дел. В самые страшные времена в гитлеровской Германии (и в сталинской России) помогали не те, кто «вел политическую борьбу». Помогали укрывавшие евреев (а в России — тех, кого должны были арестовать как врагов народа). В менее страшные времена ситуация та же. Не надо бороться за власть или с властью, не надо поддерживать власть — никому не поможете, только сами испачкаетесь. Хотите помочь детям, нуждающимся в лечении, на которое (в отличие от олимпиад и военных авантур) у России нет денег? Соберите фонд, финансируйте лечение этих детей. Готовы помогать талантливым школьникам из бедных семей? Организуйте бесплатную подготовку в вузы и пробивайте им стипендии за рубежом. Хотите помочь людям, обманутым пропагандой? Говорите с конкретными людьми, пишите посты в Facebook, доказывайте, объясняйте. Кстати, для всего этого не обязательно находиться в России.

Конечно, если ваше призвание связано с взаимодействием с конкретными людьми (вы врач или учитель, например), то вы приносите пользу там, где находитесь. Перед вами всегда будет стоять вопрос — остаться и помогать людям здесь, хотя объективно вы сможете помогать хуже и меньше, или уехать и помогать людям «там» (что никак не менее важно, а часто — более

эффективно). Я уже не говорю про выбор уехать не туда, где комфортнее и спокойнее, а туда, где еще хуже, — есть ведь и Лаос, и Средняя Африка, и множество других мест, где с медициной и образованием еще хуже, чем у нас. Этот выбор — абсолютно субъективен. Нет варианта «хуже» или «лучше», более достойного или менее достойного, правильного или неправильного. Тут надо понимать риски и свои возможности и уважать свои желания. Находятся и те, и другие, и третьи, и никто не вправе никого упрекать за их выбор.

Есть, наконец, еще один аспект — этический. Этика — это, конечно, всего лишь дериватив полезности очень высокого порядка, но, как показывает мировая история, очень точный. Именно этическое чувство должно вам подсказать, что делать. Этика — это не чувство справедливости, не наука об удовлетворении амбиций, не идеологическая конструкция. А значит, этика не может вас обмануть, оказавшись «служанкой» той или иной группы пропагандистов, плодом вашего комплекса или последствием психотравмы.

В современной философии практически принят постулат об объективности этики. Основы этой этики (о которой пишут и Иммануил Кант, и Ханна Арендт) проще всего выразить через заповеди Первозакония, иначе называемые этическим Декалогом (христианская этика и категорический императив легко выводятся из этих заповедей). Я бы сказал даже больше — то, чего нет в этих заповедях, вряд ли может быть отнесено к этике. Если вам предлагают доктрину, выходящую за рамки заповедей, скорее всего, вас хотят использовать в неэтичных целях.

Что есть в заповедях? Призыв сохранять контакт с единым Богом (в том виде, в котором каждый сам для себя его понимает) и запрет на множественное обожествление; запрет на создание кумиров (то есть поклонение объектам или субъектам, включая отказ от критического отношения, делегирование своей воли и разума, признание таких объектов или субъектов «приоритетными» по отношению к другим, нанесение вреда «во имя» объекта или субъекта); запрет на использование Бога как аргумента (ссылки) в практических, приземленных, относящихся к жизни и деятельности людей вопросах — Бог

не от мира сего; призыв к почитанию своих родителей; запрет на убийство; запрет на воровство; запрет на лжесвидетельство (вне зависимости от цели); запрет на прелюбодеяние (то есть действие против любви, будь то физическая близость без эмпатии или пренебрежение любящим человеком); наконец — запрет на зависть.

Чего нет в заповедях? Нет никаких указаний на обряды, ритуалы, условности, формы одежды, кроме — соблюдения субботы (по-моему, мы с вами соблюдаем эту заповедь, ведь суть ее в чередовании работы и отдыха, наличии времени для познания окружающего и размышлений о смыслах). Нет сексуальных правил (кроме запрета на прелюбодеяние) или запрета, скажем, на однополый секс. Нет никаких национальных дифференциаций. Нет ничего о народе, стране, партии, формах правления, структуре экономики, богатстве и бедности. Ни слова о патриотизме. Никаких других, дополнительных наборов метамемов.

Вот из этого я бы и исходил, определяя, «что делать». Можно выбирать что угодно и делать это где угодно, лишь бы это не вело к нарушению заповедей. Вы чувствуете в себе прилив патриотизма и национальной идентификации? Это прекрасно, вы много можете сделать для своего народа. Только ваш патриотизм не должен порождать кумиры (включая ваш народ, страну и ее лидеров или героев-борцов), способствовать воровству, убийствам, лжи, унижать ваших родителей, вызывать зависть (и основываться на зависти), мешать любви. Вы считаете себя гражданином мира и уверены, что нация — это выдумка вождей, которые управляют территорией в своих интересах, разъединяя людей с помощью этого понятия? Отлично, послужите миру в целом — на таких же условиях. Вам вообще наплевать на всех, вы гедонист и мизантроп? Не проблема — делайте то, что вам нравится, — с теми же ограничениями.

Так что все зависит от обстоятельств в меньшей степени и от вас — в большей. Каждый сам и только сам может принять решение, и только он сам будет отвечать, если оно окажется неправильным. Впрочем, все «жизненные» вопросы таковы. Главное — постоянно их задавать самим себе. Возможно, и ответы не так важны.

Послесловие

Если вы дочитали до этого места, значит, я не зря писал свои статьи и кому-то это интересно. Спасибо еще раз тем, кто читал предисловие, и в первый раз тем, кто начал с конца. Я буду продолжать писать по поводам, которые покажутся мне актуальными (в основном, конечно, про экономику и инвестиции, я как-никак по профессии и призванию — инвестиционный менеджер, совладелец группы компаний Movchan's, которая управляет активами наших партнеров и клиентов; задачи правильного инвестирования для меня приоритетны). Я пишу в основном в Facebook на своей странице или странице Movchans', иногда — на канале Telegram theMovchans, так что — добро пожаловать в подписчики.

Число подписчиков у меня в Facebook, кстати, достигло 59 000. Это не очень много в масштабах страны и мира, но все же — это население Гудермеса или Усть-Кута, вполне себе маленьких, но гордых городов (и в 1,5 раза больше Пафоса, где я провожу все больше и больше времени, между прочим). Мне кажется любой уважающий себя город должен иметь какие-никакие правила поведения, и я стараюсь вводить их на своей странице и вообще в мирке моих публикаций.

Мои посты предназначены для интересных идей. Это аналитика по экономике, мысли про политику и (неожиданно) эмоциональные эссе по моим личным поводам, а также пристойные фотографии, которые я сочту интересными не только мне. Они не предназначены и не будут предназначены для оскорблений кого бы то ни было, выражения ненависти, агрессии, сброса напряжения, политической борьбы и так далее. Не ждите на моей странице и от меня чернухи и хейтерства ни по какому поводу. Мою страницу видят дети и беременные женщины — на ней не должно появляться того, что их может травмировать (голые тела и легкий мат уже давно никого не травмируют, так

что не буду отказывать себе в этом удовольствии). Просьба это учитывать.

Я обожаю разные мнения по самым разным вопросам. Как сказал мой любимый Джон Сноу (он же Эйгон Таргариен, как выяснилось), «мы все на одной стороне — мы дышим». Но мертвяков я ненавижу. Огнем и драконьим стеклом в бан будут отправляться и с моей страницы и из моей жизни: 1) любители Сталина; 2) антисемиты вместе с любыми расистами; 3) воинствующие гомофобы; 4) психи, одержимые любой верой, за которую они готовы на насилие любого рода, кроме веры в гражданские права и свободу каждого жить как он хочет, не ущемляя аналогичных прав других; 5) мошенники, в корыстных целях пытающиеся обманывать читателей; 6) хамы ради хамства. Мне все равно, что у них есть мнения, — пусть высказывают их в другом месте.

Я обожаю разные мнения, но — мнения по поводу текстов, а не по поводу личностей. Я понимаю, как тяжело не переходить на личности, когда эта тварь несет такую околесицу, гад такой. Но — надо. Поэтому я буду удалять комментарии по поводу личностей авторов, включая комментарии по поводу меня самого. То есть если кто-то напишет, какой я гениальный, то я это оставлю (да, я непоследователен). Кстати, если кто-то напишет по делу про мои недостатки — тоже оставлю. Но ругань буду убирать. Особенно не пишите, на кого работает автор (или комментатор). И так всем понятно, что каждый из нас работает на ЦРУ, ФСБ, Моссад и разведку Зимбабве, находится на содержании у Путина, Ходорковского, олигархов, Госдепа, Ротшильдов и жидомасонов — зачем писать очевидное?

Ну да, я обожаю разные мнения. Но — мнения, а не выкрики, не оскорбления и не «мне так кажется, потому что так хочется». Поэтому, если будете мне писать, просьба:

1. Начинайте почаще свои мнения с «по-моему». Это как поморгать аварийкой при перестроении — вам несложно, а всем приятно, и вас же самого дисциплинирует, заставляет читать и другие мнения.

2. Если вам кажется, что в тексте «много букв», — просто не читайте. Когда вы пишете «много букв, я не осилил», это, во-первых, увеличивает количество букв, во-вторых — выставляет вас слабосильным. Я считаю, что важное не может быть примитивным, сложное — не изложить кратко без потери смысла. Многочисленные авторы фраз типа «настоящее знание можно объяснить дохлой лошади за 10 секунд» несколько переоценивают свой интеллект, по-моему.
3. Никогда не пишите в комментарии вариации на тему «унылое говно». Просто потому, что я этого не люблю. Лучшее средство от запаха изо рта — не нравится, отойди. Не стой в этом во всем. (Это Михал Михалыч еще лет 30 назад советовал.)
4. Не пишите в комментариях вариации на тему «что автор курит». Потому что я отвечу только при условии, что вы гарантируете: что бы я ни ответил, вы это попробуете.
5. Если вы не специалист в теме, не пишите «Мне кажется, что...», с изложением того, во что вам хотелось бы верить. Или хотя бы напишите для начала «Я хотел бы верить, что...» — это даст читателям понимание вашей широкой души, а специалистам — повод ответить, почему это не так.

Я, к сожалению, один, рук две, голова одна. Поэтому пожалуйста, не обижайтесь, если под моим постом 200 комментариев и из них 30 просьб обстоятельно ответить на 20 разных вопросов, а я не ответил ни на один — возможно, я занят чем-то, кроме ответов в Facebook. Да, на требования «а ну-ка быстро ответьте мне, а то я буду считать, что вы...» я просто не отвечаю. Считайте себе, что хотите, — и вам удовольствие, и мне облегчение.

У меня есть некоторые убеждения, в основном этического свойства; я не молод, меня не переделать. Поэтому если у вас они другие, то, возможно, вам просто не стоит тратить время на спор со мной — в конечном итоге этика не является

предметом спора, она у каждого своя. Я вам подскажу, какая у меня этика: я считаю, что личность важнее общности; я сторонник широких гражданских прав и равенства начальных возможностей; я сторонник меритократии и уверен, что качество жизни важнее любой идеи; я, кроме крайних случаев, не делю на своих и чужих (мертвяки не в счет) и точно не делаю этого по границам государств или национальностей; для меня люди делятся на хороших, плохих и мертвяков, и более — никак; граница между вторыми и третьими, к сожалению, размыта, но плохих я в чужие стараюсь не записывать; я считаю, что идеальная власть — это функция общества, вид работы, а не форма привилегии; я уважаю веру и не уважаю религию, вне зависимости от названия; я не готов принять нарушение договоров или ложь, даже если «по понятиям же» или «нам же выгодно»; я считаю что данное слово важнее выгоды; я в конечном итоге (опять Михал Михалыч!) люблю добрых, из добрых — умных, из умных — красивых; злых не люблю совсем; насилие ненавижу; войну считаю преступлением со всех сторон и не вижу в ней никакой романтики или великого смысла.

Я, наконец, хотел бы, чтобы моя страница содержала дискуссии, соответствующие основным правилам ведения научной дискуссии. Иначе говоря, при комментировании я бы просил всех исходить из следующих простых принципов:

- заранее принимать возможность своей неправоты;
- стремиться найти истину, а не победить оппонентов;
- при высказывании мнения приводить однозначные аргументы в его пользу, а не просто набрасывать мнение на вентилятор;
- не ссылаться на мнения третьих лиц и/или не заслуживающие доверия, непроверяемые источники информации, общее мнение;
- дискутировать строго по теме, не обсуждая *qui prodest* и личности;
- не смешивать в одну кучу разные темы и вопросы;

- не искажать позицию другого при переформулировании, не допускать силлогизмов, демагогии, схоластики.

Да, я понимаю, что это невозможно. Но могу хотя бы пометать.

А на самом деле я просто хотел сказать, что очень рад, что вы меня читаете и комментируете и общаетесь на моей странице. Клуб в 59 000 участников — это круто. Спасибо, что вы есть. Читайте. Пишите. Приводите друзей.

Мовчан Андрей

РОССИЯ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Здравый смысл против
информационного шума

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Деркач*
Корректоры *Е. Чудинова, Е. Аксёнова*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*
Дизайн обложки *Ю. Буга*

Подписано в печать 15.03.2019. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 37,5 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблишер»

123060, Москва, а/я 28

Тел. +7 (495) 980-53-54

www.alpina.ru

e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
www.tverpk.ru. E-mail: sales@tverpk.ru

Издательская группа «Альпина»

Услуги для бизнеса

Издательские услуги

- Издание корпоративных и подарочных книг
- Тиражи с интеграцией партнерского бренда
- Формирование корпоративной библиотеки
- Дистрибуция и продвижение книг на рынке

Корпоративная электронная библиотека

- Более 1200 книг и саммари в аудио- и текстовом форматах
- Разработка брендированного приложения компании
- Возможность непрерывного чтения на компьютере, планшете и смартфоне для сотрудников
- Подборки книг по матрице компетенций и системе грейдов
- Снижение стоимости обучения сотрудников

Оптовая закупка книг

- Гибкие цены при оптовой закупке

Издательские услуги:

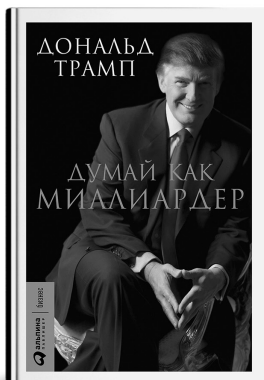
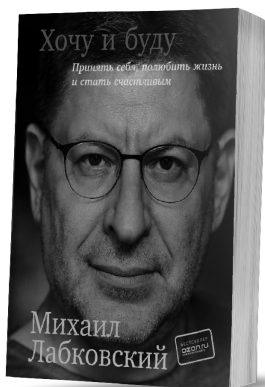
+7 (915) 282 63 27, email: creative@alpina.ru

Корпоративная электронная библиотека:

+7 (499) 685 46 32, email: lib@alpinadigital.ru

Оптовая закупка книг:

+7 (495) 980 53 54, email: zakaz@alpinabook.ru

В хорошей компании

ВЫ — АВТОР?

Издадим вашу книгу и поможем с распространением

ПРОДВИГАЕТЕ БИЗНЕС?

Напечатаем тираж бестселлера с вашим логотипом или книгу вашего спикера

ХОТИТЕ УДИВИТЬ ПАРТНЕРОВ?

Создадим книгу «с нуля» и разработаем уникальное оформление

ИЩЕТЕ ПОДАРОК?

Издадим любую книгу в дизайнерском переплете

Специальные и рекламные проекты: alpinab2b.ru | +7 (495) 980-53-54 | pr@alpina.ru